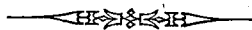

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

XII

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П. Н. Третьяков (ответственный редактор), *С. Б. Бернштейн*,
И. В. Бунина, *А. Б. Вазев*, *В. Н. Кондратьева* (ответственный
секретарь), *И. Н. Мельникова*, *И. С. Миллер*, *С. А. Никитин*,
С. В. Никольский

С. И. Прасолов

ЧЕХОСЛОВАКИЯ В ГОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1930—1933)

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Мировой экономический кризис, сковавший в 1929—1933 гг. все капиталистические страны, приобрел небывало затяжной характер и по своей разрушительной силе превзошел все кризисы перепроизводства, известные за все время существования капитализма. Такой размах кризиса объяснялся главным образом тем, что он развернулся на основе всеобщего кризиса мировой капиталистической системы, углубляемого и обостряемого действием основного экономического закона современного капитализма.

В Чехословакии кризис перепроизводства подготовлялся всем ходом экономического развития страны в период временной, относительной и частичной стабилизации капитализма, когда чехословацкие капиталисты, стремясь получить наибольшую прибыль, лихорадочно расширяли производство¹.

Но рост продукции капиталистического производства, подчиненного извлечению максимальной прибыли, не сопровождался соответствующим повышением народного потребления, а, напротив, осуществлялся за счет эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения, прежде всего рабочих и крестьян, являвшихся основными потребителями производимых товаров.

Подъем промышленной продукции был достигнут путем интенсификации труда. За годы послевоенного кризиса и относительной стабилизации капитализма в Чехословакии производительность труда значительно возросла, а число рабочих, занятых в промышленности, уменьшилось². Неизбежным результатом этого явилась постоянная безработица, которая не рассасывалась даже в момент наивысшего подъема капиталистического производства³. Важным показателем обнищания пролетариата служило, далее, падение реальной заработной платы, уровень которой был ниже уровня 1913 г.,

¹ Достигнув к 1927 г. довоенного уровня, чехословацкая промышленность через два года превысила его на 25—30% („Za bolševickou orientaci KSC“. Sborník dok. Praha, 1954, str. 258).

² С 1921 по 1929 г. производительность труда поднялась на 143%. Число промышленных рабочих за это время сократилось („Plody bojů a práce“. Praha, 1954, str. 20).

³ По данным официальной статистики, среднегодовое число безработных составляло (в тыс. человек): 1924 г. — 96,4; 1925 г. — 49,4; 1926 г. — 67,9; 1927 г. — 52,9; 1928 г. — 38,6; 1929 г. — 41,6. („Statistická ročenka Republiky Československé. Praha, 1930, str. 238).

хотя объем промышленного производства превысил довоенные размеры¹. Интенсификация труда, падение реальной заработной платы, сокращение числа рабочих, занятых в производстве, ухудшение социального страхования (по болезни, старости, безработице и т. д.), увеличение квартирной платы, рост налогов — все это существенно ухудшало материальное положение пролетариата Чехословакии.

Обнищание промышленных рабочих сочеталось с разорением широких масс трудового крестьянства. К 1930 г. почти половина чехословацких крестьян уже не имела земли, превратившись в сельскохозяйственных рабочих и батраков. Аграрная реформа не облегчила положения крестьян, а лишь взвалила на них новые тяготы и опутала новыми долгами. Показательно, что именно за десятилетие проведения аграрной реформы в Чехословакии задолженность сельского хозяйства возросла более чем втрое². В результате проведения аграрной реформы в буржуазной Чехословакии около 640 тыс. крестьянских хозяйств приобрело в среднем по одному гектару земли на хозяйство; из этих хозяйств больше половины были вынуждены продать свои наделы. Если взять чехословацкое крестьянство в целом, то оно за первые десять лет буржуазной республики потеряло земли больше, чем ее получило по аграрной реформе. Было ликвидировано крестьянских хозяйств на 50—70 тыс. больше, чем их возникло за эти годы³. Зато число помещичьих хозяйств значительно увеличилось⁴.

Последствия ограбления трудового народа господствующими классами не замедлили сказаться: низкая покупательная способность населения сократила емкость и без того узкого внутреннего рынка⁵.

Попытка ликвидировать угрозу кризиса перепроизводства путем внешнеторговой экспансии не могла увенчаться успехом. И прежде около половины валовой продукции чехословацкой промышленности (а по ряду отраслей — 65—80%) производилось для экспорта. В обстановке обострившейся борьбы крупных империалистических держав за рынки сбыта дальнейшее увеличение чехословацкого экспорта оказалось неосуществимой задачей.

1928 год был отмечен застоем как во внутренней, так и во внешней торговле Чехословакии. Сохранить торговый оборот на уровне 1928 г. капиталистам удалось лишь благодаря новому наступлению на жизненный уровень чехословацких трудящихся и завязыванию торговых отношений с более далекими странами. В 1929 г. машиностроительная и металлургическая промышленность еще работала с максимальной за послевоенное время

¹ Номинальная заработная плата рабочего в Чехии в среднем несколько поднималась: с 27,70 крон в 1923 г. до 29,45 крон в день в 1929 г. (т. е. на 6%). Тем временем розничные цены на предметы первой необходимости росли быстрее, и реальная зарплата чешского рабочего, которая уже в 1923 г. была на 8% ниже довоенного уровня, сократилась еще на 2%. Хуже было положение словацких рабочих, у которых даже номинальная зарплата в 1929 г. уменьшилась на 3% против 1923 г. Реальная зарплата рабочих Чехословакии была одной из самых низких в Западной Европе. Если принять реальную зарплату английского рабочего в 1928 г. за 100, то реальная зарплата шведского рабочего составляла 85%, голландского — 82%, немецкого — 70%, французского — 56%, бельгийского — 53%, а чехословацкого рабочего — 45% (см. Antonín Zápotocký. *Boj o jednotu odborů*. Praha, 1949, str. 90—91; „*Za bolševickou orientaci KSC*“, str. 265—266).

² За 1922—1929 гг. лишь ипотечная задолженность чехословацкой деревни увеличилась с 6,4 млрд. до 16,3 млрд. крон (V. Koča. *Ekonomický základy svazku dělnické třídy s pracujícím rolnictvem*. „*Propagandista*“, 1954, č. 8, str. 393; „*Arпарный вопрос и крестьянское движение*“, т. I. М., 1935, стр. 139).

³ „*Za chléb, práci, řádu a svobodu*“. *Sborník dok.* Praha, 1954, str. 429.

⁴ За 1921—1930 гг. увеличилось на 31,9% число крупных хозяйств (50—100 га каждое) (T. Pelikan. *Dělnický hnutí a rolnictvo*. Praha, 1952, str. 18).

⁵ „*Za bolševickou orientaci KSC*“, str. 268.

нагрузкой и местами даже ощущался недостаток квалифицированных рабочих, рос импорт машин, но уже в 1928 г. сократилась выработка сахара, а в следующем году закрылось свыше 100 текстильных предприятий. Это были первые грозные предвестники кризиса перепроизводства в Чехословакии. Начавшись в текстильной, обувной, швейной, пищевой и других отраслях промышленности, производящих товары широкого потребления¹, кризис вошел в силу с 1930 г. Он потряс до основания все народное хозяйство Чехословакии, разоряя мелких и средних производителей, обрекая миллионы тружеников на муки голода, несмотря на наличие в стране больших запасов нераспроданных товаров и продовольствия². В свете этих фактов можно говорить, разумеется, лишь об относительном перепроизводстве в буржуазной Чехословакии.

Таким образом, в экономическом строе самой капиталистической Чехословакии были скрыты силы, которые через определенные промежутки времени неизбежно вызывали периодические хозяйственные катастрофы: основанная на частной собственности на средства производства система хозяйства буржуазной Чехословакии порождала разрушительный взрыв непримиримых противоречий капитализма³.

Вместе с тем развертывание очередного циклического кризиса в Чехословакии не могло проходить и не проходило изолированно от мирового экономического кризиса перепроизводства, а, напротив, было усугублено и осложнено последним.

Особенности мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. получили свое конкретное воплощение и специфическое преломление в экономической жизни буржуазной Чехословакии.

Кризис 1930—1933 гг. в Чехословакии был частью первого мирового экономического кризиса в условиях всестороннего кризиса капитализма, в условиях распада мира на два лагеря. Отпадение СССР с его обширными рынками и ресурсами особенно болезненно воздействовало на мир капитализма в условиях кризиса.

Захватив все капиталистические страны, кризис затруднил маневрирование одних стран за счет других. В силу мирового характера кризиса резко обострилась проблема рынков сбыта вообще и внешних рынков в особенности. Это обстоятельство особенно сильно ударило по странам, в народном хозяйстве которых внешняя торговля имела большой удельный вес. К числу таких стран принадлежала и Чехословакия⁴. Это предопределило одну из главных особенностей в развертывании кризиса и его остроту в Чехословакии.

¹ „Мировое хозяйство“. Ежегодник 1938/39 г. М., 1939, стр. 286—289; „Statistický zpravodaj“. Ročn. I, č. 6, příloha tabulková, tab. 4; „Конъюнктура мирового хозяйства“. Серия Б, 1929, № 1, стр. 27; там же, 1930, № 1—2, стр. 1—2; „Коммунистический Интернационал“, 1930, № 27, стр. 61.

² В Чехословакию до этого обычно импортировались продовольствие и иная сельскохозяйственная продукция. Однако ввиду отсутствия платежеспособного спроса уже к концу 1931 г. на складах скопились большие запасы нереализованных товаров, в том числе 315 тыс. тонн ячменя, 150 тыс. тонн овса, 635 тыс. тонн сахара, 9,6 тыс. тонн хмеля и др. (Antonín Volavka. Boj za svazek dělníků a rolníků v CSR. Praha, 1954, str. 24).

³ Буржуазной пропагандой и буржуазными экономистами предпринималось немало попыток объяснить возникновение экономического кризиса в Чехословакии „неблагоприятно сложившейся внешнеторговой конъюнктурой“. Подобного рода несостоятельные утверждения использовались буржуазными политиками и правыми социалистами для „обоснования“ государственно-монополистических мероприятий, имевших целью поддержать борьбу чехословацких капиталистов за внешние рынки и оправдать усиление эксплуатации рабочих во имя „спасения экспорта“.

⁴ На долю внешней торговли приходилось около 1/3 всего национального дохода.

Все более ожесточавшаяся борьба за рынки, вытеснение Чехословакии Германией, Англией, Францией, Соединенными Штатами Америки с мирового капиталистического рынка, в первую очередь из Дунайского бассейна, Балканского полуострова, Польши и Прибалтики, — все это привело к катастрофическому снижению объема внешней торговли.

Таблица 1*

Внешняя торговля Чехословакии в 1929—1933 гг.
(в тыс. крон)

Годы	Импорт	Экспорт	Баланс
1929	19 987 858	20 498 869	+511 011
1930	15 714 503	17 473 732	+1 759 229
1931	11 800 535	13 149 393	+1 348 858
1932	8 157 914	7 391 890	— 766 024
1933	6 125 196	5 923 023	— 202 173

* „Idea československého státu“, sv. 2. Praha, 1936, str. 140.

За период с 1929 по 1933 г. чехословацкий экспорт сократился с 20,5 млрд. до 5,9 млрд. крон. Внешнеторговый баланс Чехословакии с 1932 г. стал пассивным. Падение внешнеторговых оборотов, особенно экспорта, серьезно усугубило промышленный кризис в стране.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. приобрел небывало затяжной характер. Особенностью кризиса было то обстоятельство, что промышленный кризис переплелся с аграрным и охватил все аграрные и полугосударственные страны, что осложнило и углубило промышленный кризис. Переплетение промышленного кризиса с аграрным тяжело отразилось на экономике Чехословакии, ввиду характерного для нее «сравнительно высокого специфического удельного веса сельского хозяйства»¹. Повышение таможенных пошлин на ввозимую в Чехословакию сельскохозяйственную продукцию вызвало ответные мероприятия со стороны Венгрии, Румынии, Польши и других аграрных стран, установивших в свою очередь высокие пошлины на продукцию чехословацкой промышленности. Это сузило возможности экспорта, затруднило рассасывание товарных запасов, усугубило промышленный кризис. Скрытая таможенная война между Чехословакией, с одной стороны, и аграрными государствами — с другой, создала дополнительные трудности для экспорта продукции чехословацкой промышленности. Аграрный протекционизм затруднил борьбу чешского финансового капитала с конкурентами, прежде всего с германскими, за внешние рынки, особенно за балканские и дунайские.

Резкое сужение внутреннего и внешнего рынков усилило недогрузку фабрик и заводов в Чехословакии. Для общего кризиса капитализма вообще характерны хроническая недогрузка предприятий и превращение резервных армий безработных в постоянные армии. Хроническая недогрузка предприятий была особенно велика в Чехословакии, которая унаследовала от Австро-Венгерской монархии меньше трети населения и до четырех пятых всей производственной мощности промышленности. Это обстоя-

¹ Klement Gottwald. Spisy, sv. II, str. 228.

тельство определило одну из важнейших особенностей развертывания экономического кризиса, его особую остроту в Чехословакии.

При большом удельном весе промышленного производства в чехословацкой экономике¹ развитие промышленного кризиса не могло не оказать самого пагубного воздействия на все стороны хозяйственной жизни Чехословакии.

Промышленный кризис развивался в капиталистическом мире неравномерно, поражая те или иные страны в разное время и с различной силой. В Чехословакии он развертывался вначале несколько медленнее, чем в других капиталистических государствах. Это наглядно показывают следующие данные:

Таблица 2 *

Объем промышленной продукции
(1929 г. = 100)

Годы	Чехословакия	Весь капиталистический мир
1930	89,2	86,5
1931	80,7	74,8
1932	63,5	63,8
1933	60,2	71,9
1934	66,5	77,7

* „Мировое хозяйство“. Ежегодник 1938/39 г., стр. 362.

Резкое ухудшение наступило в 1932 г., и чехословацкая промышленность одним ударом была низведена на уровень, общий для всего капиталистического мира.

Для понимания этих особенностей в развитии промышленного кризиса в Чехословакии в 1930—1932 гг. необходимо учитывать большую роль внешней торговли в экономической жизни страны, взаимосвязь между промышленностью и экспортом.

Таблица 3 *

Соотношение между объемами импорта, экспорта и промышленного производства
(1929 г. = 100)

Годы	Объем экспорта	Объем импорта	Объем промышленного производства	Отношение экспорта к импорту	Отношение экспорта к промышленному производству
1930	85,0	75,6	89,2	112	95,5
1931	65,0	59,0	80,7	112	80,5
1932	36,0	41,0	63,5	88	56,2
1933	29,0	30,5	60,2	97,0	48,3

* Подсчитано на основании „Idea československého státu“, sv. 2, str. 140; „Мировое хозяйство“. Ежегодник 1938/39 г., стр. 362.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что индекс промышленного производства всегда оставался выше индекса вывоза. Это естественно, ибо промышленность (особенно легкая) удовлетворяла не только спрос внешних рынков, но и внутреннее потребление страны. Далее, состояние промышлен-

¹ На долю промышленности приходилось четыре пятых стоимости валовой продукции всех отраслей хозяйства („Мировое хозяйство“. Ежегодник 1938/39 г. стр. 124).

ного производства во многом определяло движение импорта. Вместе с тем, чехословацкая промышленность чутко реагировала на движение экспорта: особенно резкому сокращению экспорта в 1932 г. соответствовало наиболее быстрое (за все годы кризиса) свертывание промышленного производства.

Однако если промышленность капиталистического мира в целом достигла низшей точки в июне 1932 г., после чего начался переход к депрессии особого рода, то промышленный кризис в Чехословакии продолжал обостряться и приобрел наибольшую глубину лишь в марте 1933 г. Падение промышленной продукции немногих капиталистических стран (Германии и Польши, США и Канады) превзошло сокращение промышленного производства в Чехословакии и низшая точка чехословацкого индекса (март 1933 г. — 56,1) была ниже соответствующего индекса капиталистического мира (июнь 1932 г. — 57,2)¹. В период депрессии особого рода чехословацкое хозяйство вступило только во втором квартале 1933 г.

Таким образом, промышленный кризис в Чехословакии начался позже, достиг большей глубины и окончился позднее, чем в других капиталистических странах.

Кризис развивался в Чехословакии неравномерно еще в том смысле, что он с различной силой поражал разные отрасли промышленности.

Таблица 4*

Продукция тяжелой и легкой промышленности
(1929 г. = 100)

Годы	Общий индекс	Чугун.	Сталь	Металлическая	Керамическая	Каменный уголь	Бурый уголь	Электроэнергия	Текстильная	Стекольная	Фарфоровая	Пищевая
1930	89,2	87,4	82,7	85,4	91,4			99	94,3	83,4	83,6	96,1
1931	80,7	70,8	68,8	72,0	79,6			95	85,6	75,1	64,4	95,8
1932	63,5	27,3	31,0	40,0	69,5			86	77,7	54,3	45,8	99,4
1933	60,2	30,3	33,7	41,1	53,1	63,7	66,7	87	64,0	48,6	41,4	88,4

* „Мировое хозяйство“. Ежегодник 1938/39 г., стр. 286—287; „Statistický zpravodaj“. Roční I, č. 6 příloha tabulková, tab. 4; „Za chléb, práci, půdu a svobodu“, str. 410—418.

В обстановке перепроизводства товаров, когда закрывались многие предприятия, а действующие не находили сбыта для своей продукции, обновление основного капитала почти прекратилось.

Резкое сокращение спроса на машины и металлы вызывало более сильное падение уровня производства в тяжелой индустрии. После США, Канады и Германии наибольшее сокращение объема производства тяжелой промышленности отмечено было в Чехословакии.

Единственной отраслью промышленности, не пораженной кризисом, в Чехословакии, как и в других капиталистических странах, была военная промышленность. Перевооружение прибалтийских государств, Польши, Румынии и Югославии, начавшаяся грабительская война японского империализма против Китая обеспечили большими заказами артиллерийские, патронно-снарядные, бронетанковые и авиамоторостроительные заводы Чехословакии. Чехословацкие монополии, заинтересованные в извлечении колоссальных военных прибылей, все свое влияние использовали для разжигания войны и прежде всего для подготовки империалистической интервенции против Советского Союза.

¹ „Мировое хозяйство“. Ежегодник 1938/39 г., стр. 1800.

Хотя легкая промышленность находилась в несколько лучшем положении, чем производство средств производства, но и в ней те отрасли, которые работали в значительной степени на экспорт (текстильная, стекольная и т. п.), переживали в 1930—1933 гг. тяжелый кризис.

Недоиспользование производственного аппарата к концу кризиса достигло огромных размеров. Большинство отраслей чехословацкой промышленности было загружено на 20—40%¹. В металлургии из 21 доменной печи, имевшейся перед кризисом, действовало только пять, да и те были загружены в среднем только на 64%². Из семи металлургических заводов функционировали только три. В текстильной промышленности было остановлено 312 крупных предприятий, а остальные работали три-четыре дня в неделю³. В 1933 г. в Чехословакии бездействовало свыше 1800 фабрик и заводов, не считая торговых и ремесленных предприятий⁴.

С наибольшей силой кризис обрушился на национальные окраины — Словакию, немецкие районы и Закарпатье, где больше, чем в Чехии и Моравии, закрывалось предприятий, увольнялось рабочих.

Объяснялось это тем, что чешские финансовые магнаты, используя господствующие позиции в экономике и государственном аппарате, стремились преодолеть кризис путем вытеснения и разорения словацких, немецких, украинских, венгерских капиталистов, а последние, в свою очередь, усиливали нажим на «своих» трудящихся. Это можно отчетливо видеть на примере Словакии, которую чешские монополии с самого возникновения Чехословацкой республики рассматривали как аграрно-сырьевой придаток более развитой промышленности Чехии и Моравии. За первые десять лет существования Чехословакии здесь было остановлено свыше 300 предприятий⁵, среди которых были крупные заводы металлургической и горнодобывающей промышленности⁶. В момент наивысшего подъема в чехословацкой промышленности в 1929 г. действовавшие промышленные предприятия Словакии были загружены лишь на 70%.

Попытка чешских монополистических объединений, стремившихся облегчить сбыт своей продукции путем удушения промышленности на национальных окраинах, способствовала усилению кризиса в Словакии. В результате уровень производства в словацкой промышленности за годы кризиса упал больше, чем в чешской. Особенно резкое падение наблюдалось в добывающей промышленности. По сравнению с 1929 г. добыча железной руды, например, уменьшилась на 80%, а добыча медной руды вовсе прекратилась. Немногом лучше было положение и в обрабатывающих отраслях тяжелой индустрии Словакии. Уже в 1931 г. погасла последняя доменная печь в Тисовце, и вся металлургическая промышленность Словакии замерла, а металлообрабатывающие предприятия использовали в годы

¹ „Rudé právo“, 17. I 1934.

² „Za chléb, práci, půdu a svobodu“, str. 411.

³ Там же, стр. 420.

⁴ „Rudé právo“, 25. II 1937.

⁵ Eduard Urx. Za pravdu a mír. Praha, 1954, str. 245.

⁶ Так, остановили или сильно ограничили производство крупнейшие металлургические заводы Словакии в Кромпахах, Зволене, Марианской Гуте, Грабушовицах. На этих заводах число рабочих сократилось на 15 тыс. Полностью были ликвидированы Римауранская компания, сосредоточившая 70% продукции словацкой металлургической промышленности. Единственное крупное предприятие этой отрасли промышленности „Статни железарны“ в Подбрезове уволило за 1920—1926 гг. более 1500 рабочих из 4 тыс. Производство чугуна в Словакии в 1929 г. составляло всего лишь 16,8% от уровня 1913 г. Большому разрушению подверглась текстильная промышленность Словакии, которая в 1920 г. насчитывала 68 различных предприятий; за 6 последующих лет число рабочих, занятых в ней, уменьшилось с 17 до 6 тыс. (Plodý bojů a práce, str. 19—20; „Za bolševickou orientaci KSC“, str. 277).

кризиса не более 50% своей мощности. В Словакии по сравнению с чешскими землями еще в большей степени сократился выпуск продукции в деревообрабатывающей, текстильной, стекольной, пищевой и других отраслях легкой промышленности. Показательно, что с 1928—1929 г. по 1933—1934 г. выработка сахара в чешских землях уменьшилась на 41%, а в Словакии — на 76%¹.

Экономический кризис в Чехословакии переплелся с кризисом сельскохозяйственным, охватив и земледелие, и животноводство. Это усугубило расстройство экономики, ухудшило положение трудящихся.

В результате аграрного кризиса, который, как и промышленный, был кризисом перепроизводства, резко упали цены на сельскохозяйственные продукты. Оптовые цены на зерно за годы кризиса упали на 40—60%². В эти же годы снизились цены и на технические культуры (особенно на сахарную свеклу, картофель и хмель), что неизбежно повлекло за собой сокращение посевных площадей под рядом культур (площадь посева сахарной свеклы снизилась, например, на 41% в целом по стране; на 34% — в чешских землях и на 62% — в Словакии). Кризисное состояние в области животноводства привело к падению цен на мясо. Как показывают официальные данные, цены на крупный рогатый скот снизились за период 1929—1933 гг. более чем в 2 раза³. За кризисные годы животноводство понесло огромные убытки, его доходность с 1930 по 1933 г. снизилась с 7,8 млрд. до 5 млрд. крон⁴.

Обострение аграрного кризиса и падение цен на сельскохозяйственные продукты катастрофически снизило доходность с гектара земли⁵.

Покупательная способность сельского населения под влиянием аграрного кризиса уже в 1931 г. снизилась более чем на 25%⁶. Кризис с наибольшей силой поразил мелкие и средние крестьянские хозяйства. Следствием аграрного кризиса явился упадок земледелия и животноводства, получивший проявление в переходе от машины к ручному труду⁷, отказе от употребления минеральных удобрений⁸, падении урожайности, ухудшении породы скота. Все это свидетельствовало о вопиющих противоречиях капитализма, разрушающих производительные силы в сельском хозяйстве.

Разорение крестьянских хозяйств, падение их покупательной способности вызвали сокращение потребления в чехословацкой деревне продукции промышленности, что неизбежно обострило кризис в промышленности, сделало его более затяжным.

¹ „Za chléb, práci, půdu a svobodu“, str. 487—491.

² „Аграрный вопрос и крестьянское движение“, т. I, стр. 121.

³ Упала цена и свинины (кг живого веса): с 10 крон в 1927—1929 гг. до 6,4 кроны в 1933 г. и 4,7 кроны в 1934 г. (там же, стр. 142; „Plánované hospodářství“, 1954, č. 2, str. 121).

⁴ „Аграрный вопрос и крестьянское движение“, т. I, стр. 142.

⁵ Сокращение чистого дохода наблюдалось и в чешских землях, не говоря уже о Закарпатской Украине и Закарпатье, где оно было большим. В Чехии чистый доход с 1 га земли составлял 1091 крону в 1928 г. и 181 крону в 1932 г. (в 1933 г. доход с 1 га поднялся до 317 крон, а в следующем году вновь снизился до 295 крон). Таким образом, чистый доход за 1928—1933 гг. снизился в среднем более чем на 70% (в 1932 г. — более чем на 80%) („Za chléb, práci, půdu a svobodu“, str. 426).

⁶ „Rudé právo“, 14. VI 1931.

⁷ Кризис еще не успел разыграться в полную силу, а мелкие и средние крестьяне вынуждены были уже в 1931 г. сократить свои расходы на машины и сельскохозяйственный инвентарь на 48,7% против средних расходов на эти цели в 1926—1929 гг. (Antonín Volavka. Boj za svazek dělníků a rolníků, str. 25).

⁸ За 1929—1933 гг. употребление минеральных удобрений в сельском хозяйстве Чехословакии сократилось в следующих размерах: суперфосфата на 48,2%, томаслаковой муки — на 45,3%, азотных удобрений — на 53%, калийных — на 46,6% („Za chléb, práci, půdu a svobodu“, str. 425).

Экономический крах в области промышленности, сельского хозяйства, внешней торговли, порожденный кризисом, дополнялся быстро нараставшим расстройством финансово-кредитной системы. Это сопровождалось огромным дефицитом государственного бюджета¹, ростом государственного долга², падением курсов акций банков³, промышленных и транспортных компаний⁴, резким сокращением числа операций на пражской бирже⁵ и т. д.

Экономический кризис приобрел затяжной характер, потому что в экономике Чехословакии, как и в экономике всех капиталистических стран, господствовали монополии, стремившиеся сохранить высокие цены на товары, несмотря на их перепроизводство. Это мешало рассасыванию товарных запасов, затягивало и обостряло кризис.

УСИЛЕНИЕ КОНЦЕНТРАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА И ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ КАПИТАЛА

Концентрация производства и централизация капитала в Чехословакии к началу экономического кризиса достигла наивысшей степени, особенно в промышленности Чехии. Данные переписи, проведенной в мае 1930 г., позволяют показать, как далеко зашел этот процесс. Крупных предприятий (с числом рабочих более 100) в Чехии насчитывалось 2594, что составляло больше 1% всех промышленных предприятий. Однако на них было занято свыше 46% всех промышленных рабочих. На 215 тыс. мелких предприятий (с числом рабочих до 5 каждое), составлявших 85% всех фабрик и заводов, было занято всего 21% рабочих⁶. «Но концентрация производства, — указывал В. И. Ленин, — гораздо сильнее, чем концентрация рабочих, потому что труд в крупных заведениях гораздо производительнее»⁷. Весьма показательны в этом отношении данные об энергетическом оснащении крупных предприятий. В промышленности Чехии в 1930 г. мелкие предприятия, которых было почти в 100 раз больше, чем крупных, сосредоточивали только 8,5% мощности всех двигателей, используемых промышленностью. На долю же крупных предприятий приходилось свыше двух третей всей энергетической мощности⁸.

Концентрация производства была особенно велика в металлургии и машиностроении, текстильной, химической и энергетической промышленности.

Возросшая концентрация ускорила процесс роста монополий, гигантски увеличила их воздействие на экономическую жизнь страны. Огромное значение в этом отношении принадлежало так называемым комбинированным предприятиям. Типичным примером такого объединения служит «Горно-металлургическое общество». Последнее монополизировало источники сырья и объединило несколько отраслей промышленности. Весь производственный процесс — от добычи угля и железной руды до выпуска готовых металлических изделий — происходил на предприятиях общества. Ему принадлежали угольные шахты и коксовые заводы, железные и марганцевые

¹ „Finance a úvěr“, Ročn. IV, str. 73—74.

² Государственный долг Чехословацкой республики за 1929—1933 гг. возрос с 28,9 млрд. до 37,3 млрд. крон (там же, стр. 77).

³ Курс акций чехословацких банков за 1929—1933 гг. упал на 25—30% („Československá statistika“, sv. 142, Praha, 1941, str. 128).

⁴ Курс акций промышленных и торговых предприятий в 1933 г. сократился более чем вдвое по сравнению с 1929 г. (там же).

⁵ Обороты на пражской бирже сократились с 15,5 млрд. крон в 1929 г. до 1,9 млрд. крон в 1933 г. („Rudé právo“, 24. IV 1936).

⁶ Подсчитано на основании: „Statistický obzor“. Ročn. XXIX, č. 4, str. 400.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 184.

⁸ „Statistický obzor“. Ročn. XXIX, č. 4, str. 408.

рудники, разработки известняка и предприятия по его обжигу, металлургические предприятия, на которых производилась выплавка чугуна и стали, прокат и литье, металлообрабатывающие и иные заводы. «Горно-металлургическое общество» добывало 25% всего угля в Чехословакии, производило 40% кокса, 30% чугуна, 25% стали¹.

Такие комбинированные предприятия, господствовавшие над массой мелких и средних промышленных предприятий, как правило, принадлежали акционерным компаниям.

Акционерные общества являются преобладающей формой капиталистической монополии, и поэтому рост их числа и увеличение контролируемого ими капитала отражает усиление процесса централизации и монополизации, происходивших ускоренными темпами после образования Чехословацкой буржуазной республики. В 1919 г. в стране насчитывалось 605 акционерных обществ в промышленности и торговле; через десять лет, в 1929 г. — уже 1306, а акционерный капитал тем временем возрос с 2533 до 7862 млн. крон². Эти данные показывают, что рост акционерного капитала происходил значительно быстрее роста числа акционерных обществ. Господами положения и в промышленности, и в торговле было несколько десятков крупнейших монополий. В 1927 г. львиная доля акционерного капитала (6 млрд. крон из 6,81) принадлежала 80 компаниям.

Процесс концентрации в промышленности дополнялся и ускорился концентрацией банковского капитала. Как и в промышленности, здесь выделялась узкая группка монополистов, захвативших в свои руки основную массу акционерных капиталов банков и главную часть прибылей. Еще до кризиса семь крупнейших банков (Живностенский, Чешский, Учетный, Унион, Ландер-банк и др.) владели $\frac{4}{5}$ всех банковских капиталов и чистой прибыли имели в 6 раз больше, чем все остальные банки вместе взятые.

К 30-м годам сращивание банков и промышленности приобрело в Чехословакии столь широкий характер, что нельзя назвать ни одной отрасли промышленности, свободной от контроля банков. Личная уния банков и промышленности проявилась здесь с поразительной ясностью. Высший управляющий и вице-президент крупнейшего чехословацкого банка — Живностенского — Я. Прейсс был одновременно и президентом Центрального союза чехословацких промышленников. Сам Прейсс, кроме того, входил в состав свыше 40 административных советов различных промышленных и торговых компаний.

Личные доходы Прейсса превышали 60 млн. крон в год, что равнялось прожиточному минимуму более 16 тыс. горняков и членов их семей.

Финансовый капитал безраздельно господствовал во всех отраслях чехословацкой экономики. В промышленности главенствовал Живностенский банк, щупальцы которого охватывали горное дело, металлургию, машиностроение, текстильную и химическую промышленность, проникали в сельское хозяйство. Живностенский банк контролировал предприятия по производству сахара, вина, пива, имел свои земельные владения. Концерну Живностенского банка принадлежало свыше 60 крупных предприятий, которые, в свою очередь, насчитывали несколько фабрик и заводов. Через дочерний банк (Богемский учетный банк и кредитное учреждение) Живностенский банк контролировал более полусотни крупных предприятий в немецких районах Чехословакии.

¹ J. Urych. Základy marxistické ekonomie. „Statistický obzor“, Ročn. XXIX, č. 4, str. 148.

² Zprávy statního úřadu statistického Republiky Československé. Ročn. XIII, č. 137—143, str. 1155.

Другим крупнейшим монополистическим объединением был концерн Аграрного банка. Его влияние распространялось прежде всего на отрасли промышленности, занятые переработкой сельскохозяйственного сырья (сахарные, винокуренные, молочные заводы, предприятия по выработке крахмала и т. д.), а также — на тяжелую промышленность. Аграрный банк опирался на сельскохозяйственные кооперативы, объединенные в организацию «Центрокооператив».

Аграрный капитал, тесно переплетаясь с промышленным и банковским капиталом, превратился в орудие финансового капитала в деле ограбления и разорения основной массы деревенского населения Чехословакии.

Промышленные монополии, стремясь обеспечить себе дешевое сырье, создали крупные имения по выращиванию сахарной свеклы, ячменя, картофеля и других технических культур. В свою очередь, помещики стали чаще появляться в списках членов административных советов различных промышленных компаний и банков. Финансовый капитал облагал грабительской данью крестьянское население, вводя высокий процент за кредит, поднимая цену на землю и арендную плату, снижая в то же время покупные цены на продукты земледелия и животноводства и взвинчивая цены на машины, искусственные удобрения, строительные материалы и другие промышленные изделия. Положение крестьянства отягощалось еще тем, что финансовый капитал всеми мерами стремился сохранить и поддержать пережитки феодализма в деревне (натуральная оплата труда сельскохозяйственных рабочих, натуральная рента и т. п.). Полуфеодальные пережитки имели особенно широкое распространение в Словакии и на Закарпатской Украине.

Формы эксплуатации наемного рабочего в городе и трудового крестьянства в деревне были различными, но эксплуататор, по сути, оставался одним и тем же — это был монополистический капитал, всюду и везде стремившийся к извлечению максимальной прибыли.

Усиливая эксплуатацию трудящихся в городе и деревне, чехословацкие монополисты двинули вперед рационализацию производства. Вместе с тем в годы экономического кризиса происходил дальнейший рост концентрации производства и централизации капитала.

В. И. Ленин писал, что «кризисы — всякого рода, экономические чаще всего... в громадных размерах усиливают тенденцию к концентрации и к монополии»¹. В Чехословакии, как и в других капиталистических странах, крупный монополистический капитал стремился выйти из кризиса также путем концентрации, путем поглощения мелких и средних предприятий и банков. Происходило прежде всего укрупнение самих банков. В 1930 г. слились три пражских банка: Англо-чехословацкий, Пражский кредитный и Чешский торговый, каждый из которых был банком средней величины. В результате их объединения возник новый банк, получивший наименование «Англо-чехословацкий и пражский кредитный банк». Он обладал акционерным капиталом в 235 млн. крон и имел 87 филиалов (27 из них вскоре были ликвидированы), в том числе и вне Чехословакии (в Лондоне, Белграде, Софии). К трем крупнейшим банкам Чехословакии — Живностенскому, Кредитному и Унион-банку, поглотившему незадолго до этого Всеобщий чешский кредитный банк, прибавился теперь новый крупный банк.

Создание этого банка явилось результатом борьбы между Живностенским банком и французским концерном Шнейдер-Крезе, развернувшейся с первых лет существования Чехословацкой республики. Одной из целей этой борьбы было господство в военно-промышленном концерне «Шкодов-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 197.

ские заводы». Вначале французский концерн, опиравшийся на английский и американский капитал, одержал серьезную победу над своим конкурентом, принудив Живностенский банк уступить ему до половины акций Шкодовских заводов. В последующие годы Живностенский банк усилил натиск на позиции французской компании. Однако во время кризиса он потерпел поражение, в результате которого Прейссу пришлось оставить пост вице-президента акционерного общества «бывшие Шкодовские заводы». Французский миллиардер Шнейдер блокировался с чехословацкими конкурентами Живностенского банка — с аграриями и поддержал «реорганизацию» упомянутых трех пражских банков.

Империалистические хищники при этом использовали государственный аппарат в качестве орудия для осуществления своекорыстных планов. Министром финансов в ту пору был К. Эглиш, который пришел в правительство из административных советов Англо-чехословацкого банка и Шкодовских заводов. Он являлся одним из крупных держателей акций Англо-чехословацкого банка. Возглавляемое Бенешем министерство иностранных дел Чехословакии было тесно связано с фабрикантами оружия, особенно с концерном Шнейдер-Крезо. Эти два министерства чехословацкого правительства выступили в качестве прямой креатуры чехословацкого и иностранного капитала. Государство даровало новому банку 300 млн. крон (в виде займа сроком на 10 лет) и, кроме того, обязалось приобрести 40% его акций на сумму около 80 млн. крон¹. Таким образом, на государственные средства (в конечном итоге — за счет налогоплательщиков — рабочих, крестьян и других трудящихся) аграрии и французские монополисты создали орудие борьбы против своих конкурентов внутри страны (против концерна Живностенского банка) и на рынках Восточной и Юго-Восточной Европы.

Ускоренными темпами шла концентрация банков на национальных окраинах, которая содействовала усилению влияния чешского финансового капитала. В Словакии произошло объединение Михаловского учетного банка с Земплинским народным банком (новый банк получил название Земплинский учетный и народный банк), а также многих других банков в Братиславе, в Хусте и Мукачеве, в Трнаве и Новом Мосте, в Лученце, Рожнаве и Торнаве. При поддержке министра финансов Эглиша, стремившегося усилить позиции противников Живностенского банка, несколько банков в Словакии и на Закарпатской Украине (Всеобщий кредитный банк в Братиславе, местный банк в Златом Меравце, Кредитный банк в Жилине) были поглощены Легиобанком.

К концу кризиса в Чехословакии сократилось число банков, возросло богатство небольшой кучки банковских воротил, окрепли позиции чешского финансового капитала внутри страны, шаг за шагом вытеснявшего немецкий, венгерский и словацкий капитал из всех сфер хозяйства. Это не могло не привести к обострению противоречий между буржуазией и помещиками различных наций страны, к обострению национальных противоречий, что было одним из важнейших последствий экономического кризиса.

Централизация банковского капитала оказала сильнейшее влияние на промышленность, ускоряя ее концентрацию. «Если во время промышленного подъема необъятно велики прибыли финансового капитала, то во время упадка гибнут мелкие и непрочные предприятия, а крупные банки «участвуют» в скупке их задешево или в прибыльных «оздоровлениях» и «реорганизациях»². В Чехословакии перед банками в годы кризиса открылось

¹ „Rudé právo“, 15. IV 1931.

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 222.

необъятное поле подобной деятельности. Количество банкротств, в первую очередь мелких и средних предприятий, возрастало с каждым годом¹. За 1931—1933 гг. в стране разорилось и потерпело банкротство 216 тыс. промышленных и торговых фирм. С 1929 по 1933 г. число банкротств в стране возросло в 2,5 раза².

Особенно быстро шел процесс разорения неорганизованных предпринимателей на восточных окраинах республики — в Словакии и на Закарпатской Украине. Об этом говорят следующие цифры: к концу кризиса число банкротств увеличилось по сравнению с 1929 г. в Чехии и Моравии в 2,4 раза, в Словакии — в 5,3 раза, а на Закарпатской Украине — в 13 раз.

Банкротство мелких и средних предприятий, поглощенных монополиями, усилило господство крупного капитала.

Что касается акционерных обществ, то их количество почти не изменилось, но контролируемый ими капитал возрос даже за годы кризиса с 7682 млн. в 1929 г. до 8865 млн. крон в 1933 г.³.

О степени концентрации производства, достигнутой в Чехословакии в годы кризиса, можно судить хотя бы на примере металлообрабатывающей промышленности, большая часть которой была поставлена под контроль двух монополий — концерна Шкоды и Чешско-моравского комбината Кольбен-Данек, каждый из которых поглотил ряд крупных предприятий. Достаточно было этим двум гигантам в 1931 г. договориться с фирмой Татра, объединившейся до этого с заводами Рингофера, чтобы создать картельную организацию, регулиующую производство и определяющую цены и условия продажи для всей автомобильной промышленности Чехословакии.

Экономический кризис дал толчок развитию картелей. В 1931 г. в стране насчитывалось, по данным официальной статистики, 104 картеля⁴. В начале 1933 г. их было уже 130 и по числу картелей Чехословакия занимала третье место среди капиталистических государств⁵. После издания в июле 1933 г. закона о картелях, принятого в угоду монополистическим монополиям, число зарегистрированных картельных соглашений увеличилось до 538⁶. Картели орудовали в важнейших отраслях хозяйственной жизни страны, поставив под свой контроль уже в начале 1933 г. по меньшей мере 70% промышленного производства⁷.

Используя свое положение монополистов, картели устанавливали на внутреннем рынке высокие цены, служившие одним из важных источников максимальных прибылей. За счет этого чехословацкие монополии осуществляли экспорт товаров по бросовым ценам. Например, Стекольный картель продавал свою продукцию на зарубежных рынках вдвое дешевле, чем в Чехословакии, картель хлопчатобумажных пряделен поддерживал цены на пряжу внутри страны выше мировых цен на 16% и более. Демпинг являлся излюбленным средством монополистов для сокрушения конкурентов и завоевания внешних рынков.

За счет ограбления трудящихся картели обеспечивали себе и в годы кризиса высокие прибыли — до 40% и более от вложенного капитала⁸.

¹ „Zprávy statního úřadu statistického“. Ročn. XIII, č. 156—157, str. 1260.

² „Мировое хозяйство“. Ежегодник 1938/39 г., стр. 289.

³ „Zprávy statního úřadu statistického“. Ročn. XIII, č. 137—143, str. 1155; Statistická ročenka 1938, str. 107.

⁴ „Za chléb, práci, půdu a svobodu“, str. 440.

⁵ „Новые материалы к работе В. И. Ленина „Империализм, как высшая стадия капитализма“. М., 1934, стр. 6.

⁶ „Za chléb, práci, půdu a svobodu“, str. 441.

⁷ Там же, стр. 440.

⁸ „Program záchrany zemědělského lidu“. Praha (1935), str. 17.

Картели ревниво охраняли свои привилегии и вели жестокую борьбу с некартелированными предприятиями. Опираясь, как правило, на какой-либо банк или группу банков, картель использовал его могущество для подрыва и разорения своих конкурентов. Обычным приемом в этой борьбе был отказ в предоставлении кредитов некартелированным предприятиям как раз в тот момент, когда они в них наиболее остро нуждались. Примером может служить упоминавшийся выше картель хлопчатобумажных прядилен, финансирувавшийся Живностенским банком. Картель объединял 57 прядильных фабрик, вне его осталось около 20 предприятий этой отрасли промышленности. Договорившись с девятью крупнейшими банками страны, Живнобанк организовал блокаду «диких» предпринимателей, лишив их кредита. Попытки найти управу на некоронованных текстильных и стекольных королей, угольных и сахарных баронов, магнатов тяжелой индустрии и иных монополистов, призвать их к ответу даже за прямые уголовные преступления всегда кончались бесплодно, если только они не предпринимались более могущественным монополистическим объединением. Это объяснялось тем, что в распоряжении монополий находился весь государственный аппарат.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА НА СЛУЖБЕ МОНОПОЛИЙ

Подчинение государственного аппарата капиталистическим монополиям рельефно проявилось в том, что руководящие посты в парламенте и правительстве заняли представители финансового капитала.

Теснейшие связи с финансовой олигархией, в особенности с наиболее крупным ее представителем — Прейссом, поддерживал президент республики Т. Г. Масарик, который был верным исполнителем воли крупного монополистического капитала.

По букве и духу законодательства буржуазной республики¹ членам парламента запрещалось входить в правления частных предприятий, дабы быть свободными и независимыми в служении интересам нации. Каждый депутат и сенатор давал в этом торжественную присягу. Однако преобладающая часть депутатов и сенаторов Национального собрания Чехословакии была тесно связана с монополистическими объединениями и неукоснительно отстаивала их интересы в высшем законодательном органе буржуазной республики. Представители буржуазных партий, являвшиеся членами Национального собрания, в большинстве своем были членами правлений монополий. В распоряжении исследователя имеются далеко не полные данные. Они касаются 230 из 270 буржуазных депутатов Национального собрания III созыва (1929—1935 гг.). По этим данным², 230 буржуазных депу-

¹ На этот счет существовал специальный закон (zákon o inkompatibilitě), который был принят в 1924 г. („Sbirka zákonů a nařízení Československé republiky“, 1924, č. 144).

² Данные на этот счет, относящиеся к рассматриваемому периоду, были опубликованы коммунистической печатью в годы кризиса и неоднократно приводились в марксистской литературе (См. Antonín Volavka. Kdo rabuje kapsy rolníků. Praha, 1932. „Za chléb, práci, půdu a svobodu“. Praha, 1954. Bedřich Pattinger. Nástin ústavního vývoje předmnichovské republiky. Praha, 1954). Новейшая разработка подобного рода данных, произведенная на основе архивных материалов Национального собрания, сделана Алисой Тейховой. Публикация А. Тейховой (O výdělečné činnosti členů poslanecké sněmovny ve volebním období 1929—1935; O výdělečné činnosti sociálně demokratických poslanců a jejich spolupráci s buržoasií), помещенная в „Чехословацком историческом журнале“ („Československý časopis historický“, 1955, č. 1), содержит наиболее развернутые сведения по рассматриваемому вопросу.

татов были членами правлений 345 крупнейших банков и кредитно-финансовых учреждений, промышленных, аграрных, торговых и других монополистических объединений. 31 депутат аграрной партии был членом правления 111 предприятий, а один представитель живностенской партии — 1 правления, 8 национальных демократов входило в 43 правления, 6 глинковцев — в 25 правлений, 19 депутатов от чешской народной партии заседали в 75 правлениях, 10 представителей от различных немецких и венгерских партий — в 15 правлениях разных монополий. Не отставали от буржуазных политиков и социал-соглашатели. 17 членов парламента от чешской национально-социалистической партии представляли 32 монополии. Из 43 социал-демократических депутатов 22 были членами правления 44 банков, промышленных, транспортных и других компаний¹.

Представители монополий, имевшие решающее влияние в парламенте, определили и состав правительства, созданного после парламентских выборов 1929 г. Новое правительство, во главе которого стоял попрежнему аграрий Удржал, просуществовало с декабря 1929 по октябрь 1932 г. Оно называлось «кабинетом чехословацко-немецкой концентрации». В правительственной коалиции, на которую опиралось новое правительство, произошли некоторые изменения. Наряду с чешскими и немецкими аграриями, живностенской, чешской «народной» и национально-демократической партиями в состав коалиции вошли социал-демократическая и чешская национально-социалистическая партии; вышла из коалиции словацкая «народная» партия (впервые после марта 1926 г.). Представители соглашательских партий получили в правительстве портфели министров юстиции, народного просвещения, почт и телеграфа, снабжения и социального обеспечения (кроме того, за национальным социалистом Бенешем по традиции сохранялся пост министра иностранных дел). Буржуазия призвала социал-соглашателей в правительство для борьбы с трудящимися в обстановке обострения классовых антагонизмов, неизбежность которых было нетрудно предвидеть в связи с развернувшимся в капиталистическом мире новым экономическим кризисом.

Важнейшие посты в правительстве Удржала занимали люди, являвшиеся прямыми представителями монополий. Премьер-министр был крупным помещиком, владельцем большого пакета акций и членом административного совета военно-промышленного концерна «Шкодовские заводы». Министр иностранных дел Э. Бенеш и министр обороны аграрий К. Вишковский также были тесно связаны с фабрикантами оружия. Министром внутренних дел был аграрий Ю. Славик — член административных советов концерна «Шкодовские заводы», компании «Баньска а гутна сполечность», Дунайского и Кредитного банков, Татранской дороги, Транспортного общества и пр. Министр финансов К. Энглиш занимал пост президента Моравского банка и был членом административных советов концерна «Шкодовские заводы» и Англобанка. Его сменил в апреле 1931 г. К. Трапль, член административных советов Моравского и Англо-пражского банков. Аграрий Б. Брадач, возглавлявший министерство земледелия (в 1932—1935 гг. — министерство обороны), входил в правление акционерного общества сахарных заводов и мельниц, являлся президентом земской сберкассы «Прага» и т. п. Министр снабжения (впоследствии — министр железных дорог) социал-демократ Р. Бехине состоял членом Высшего совета Государственного банка и владел помещичьим имением в Бродах.

¹ A. Teichová. O výdělečné činnosti členů poslanecké sněmovny ve volebním období 1929—1935. „Československý časopis historický“, 1955, č. 1, str. 114.

А. Волавка и Б. Раттингер, оперируя аналогичными данными, производят несколько иную группировку сведений по различным буржуазным партиям.

С началом кризиса возродился распавшийся было неконституционный орган диктатуры буржуазии, закулисный кабинет, который состоял из представителей буржуазных партий, входивших в правительственную коалицию. В годы экономического кризиса этот тайный кабинет состоял из восьми членов и назывался, в отличие от «петки», существовавшей в 20-х годах, «осмичкой» («восьмеркой»). Она вершила судьбами буржуазной республики в соответствии с волей крупного монополистического капитала и, в частности, определяла политику конституционного правительства. «Осмичку» возглавил аграрий Б. Брадач.

Буржуазное государство при поддержке социал-оппортунистов проводило политику преодоления кризиса за счет трудящихся масс.

Господствующие позиции в государственном аппарате буржуазной республики занимала аграрная партия. Руководство партий было сосредоточено в руках заправил акционерных обществ, сахарозаводчиков, спиртозаводчиков, крупных помещиков, банкиров и фабрикантов искусственных удобрений и сельскохозяйственных машин. Аграрии направляли экономическую и финансовую политику государства таким образом, чтобы оградить помещиков и кулаков от ударов кризиса. В серии законов и правительственных распоряжений, направленных к этой цели, особое место занимают вступившие в действие летом 1930 г. законы о повышении таможенных пошлин на зерно, муку и животноводческие продукты. Это привело к сокращению импорта хлеба. Импорт зерна и муки в январе 1931 г. составил только пятую часть импорта в январе 1930 г. В последующие кризисные годы импорт зерна сократился еще больше (с 417,5 тыс. тонн в 1931 г. до 2,2 тыс. тонн в 1934 г.)¹.

Создавая преграду ввозу зерна и муки, мяса и жиров, законы о надбавках к таможенным пошлинам гарантировали чехословацким помещикам и кулакам, что цены на сельскохозяйственные продукты не опустятся ниже определенного уровня.

В сентябре 1930 г. аграрии добились издания закона о принудительном смешении муки. Закон устанавливал следующую обязательную пропорцию при употреблении импортного зерна и муки: для пшеничной муки — 75% местной и 25% ввозной, для ржаной муки — 95% местной и 5% ввозной. Этот закон вызвал вздорожание муки, дал ежегодную прибыль в полмиллиарда крон владельцам нескольких десятков крупных мельниц и разорил собственников 300 средних и 5700 мелких мельниц².

Интересами владельцев спиртоводочных заводов, объединенных в спиртовую монополию, был продиктован закон об обязательном смешении импортного бензина с отечественным спиртом, товарные запасы которого резко возросли в годы кризиса.

Под охраной подобных законов в Чехословакии расцвели мошеннические махинации высокопоставленных спекулянтов из правительственной аграрной партии, Аграрного и Моравского банков и подвластного им Центрокооператива.

К существовавшим в Чехословакии монополистическим объединениям в 1932 г. присоединился новое — Зерновой синдикат, созданный правительственным распоряжением в обход парламента и возглавленный аграриями и социал-демократами. Синдикат получил монопольное право на выдачу разрешений на ввоз из-за границы зерна, муки и других мукомольных продуктов с тем, чтобы обеспечить сохранение установленных правительством максимальных цен на эти продукты.

¹ „Rudé právo“, 20. II 1932; „Za chléb, práci, pídu a svobodu“, str. 430.

² „Rudé právo“, 7. XI 1930.

В 1933 г. Зерновой синдикат провел спекулятивную аферу, разорившую мелких крестьян и обогатившую помещиков и кулаков. В июне—августе, т. е. именно в то время, когда домкаржи и мелкие крестьяне спешили продать свой урожай, Зерновой синдикат ввез из Канады 20 тыс. вагонов пшеницы. Цены на зерно резко упали, снизившись до 60—70 крон за центнер. На деньги, полученные от правительства, аграрии и правые социал-демократы создали так называемый интервенционный фонд в несколько сот миллионов крон. Из средств этого фонда по дешевым ценам у крестьян было закуплено 60 тыс. вагонов хлеба. Более 30 тыс. вагонов этого зерна, приобретенного на деньги правительства, было перепродано государству, но уже по цене 92 кроны за центнер. Затем несколько тысяч тонн зерна было преднамеренно испорчено (смешано с угольной пылью) и, как негодное для изготовления муки, продано на корм для скота. Оставшееся зерно, тысячами тонн сваленное на складах, начало гнить. Гнилое зерно смешали с хорошим и тоже пустили на корм для скота.

Коммунистическая фракция внесла в парламент законопроект, запрещающий правительству дальнейшую порчу зерна и предлагавший здоровое зерно передать безработным, а подпорченное — мелким крестьянским хозяйствам, годовой доход которых не превышает 12 тыс. крон. Разумеется, аграрии, капиталисты и реформисты решительно отклонили требование коммунистов. Оставшиеся запасы зерна были за бесценнок отданы крупным мельницам.

Помещики и кулаки были ограждены от убытков, которые принесло крестьянству искусственно вызванное резкое падение цен. Государство выделило Центрокооперативу 300 млн. крон для выдачи ссуд под урожай будущего года тем землевладельцам, которые продадут более 25 центнеров зерна одного сорта. Естественно, что сделать это в состоянии были только помещичьи и кулацкие хозяйства. Благодаря государственной субсидии помещики и кулаки могли придержать остальное зерно до весны, когда цены поднялись на 60—80 %.

Промышленные монополии потребовали возмещения за те дополнительные затруднения, которые были созданы для чехословацкого экспорта аграрным протекционизмом, и они его получили из государственной казны. В 1931 г. реакционное большинство парламента при содействии правых социалистов приняло закон об экспортном кредите. Этот закон санкционировал предоставление более полумиллиарда крон государственных средств для финансирования чехословацкого демпинга.

Годом позже, в 1932 г., когда обанкротились крупнейшие банки в Германии, Австрии, Польше, Норвегии и т. д., когда назревали банкротства банков в Чехословакии, ее буржуазный парламент, вопреки протестам коммунистов, принял банковский закон. В распоряжение касты финансовых магнатов вновь были предоставлены государственные финансы, подобно тому, как в 1930 г. было выдано из казны свыше 300 млн. крон Англо-банку, 100 млн. крон — Моравскому банку и сотни миллионов крон другим капиталистическим предприятиям. Дело, однако, не ограничилось тем, что капиталисты и помещики получали миллиардные субсидии от правительства в виде вывозных премий, огромных вкладов государства на «оздоровление» банков и капиталистических концернов, для закупок сельскохозяйственных продуктов и последующего их уничтожения с целью поддержания высоких цен на рынке.

Интересами помещиков и капиталистов и прежде всего монополий определялась финансовая политика капиталистического государства. Налогообложение предпринимателей из года в год сокращалось и, напротив, росло налоговое бремя, взваленное на плечи рабочих, крестьян и ремесленни-

ков. Посредством налогов, которых в Чехословакии было более трех десятков, господствующие классы выкачивали огромные средства. Быстрее всего росли косвенные налоги, которые оплачивали главным образом народные массы. Это ясно показывают следующие цифры: в 1933 г. объем прямых налогов сократился уже на 676 млн. против 1928 г., а косвенные налоги увеличились на 800 млн. крон. В 1933 г. косвенные налоги давали уже свыше 91% всех налоговых сборов (против 30% в 1919 г.)¹.

Проводя классовую налоговую политику, капиталистическое государство особенно не притесняло предпринимателей и помещиков, не уплативших и сниженную сумму налогов. Только за годы кризиса в Чехословакии были списаны банкирам и промышленникам недоимки общим размером около 10 млрд. крон.

Будучи империалистическим государством, Чехословацкая буржуазная республика проводила внешнюю политику, угодную клике финансовых магнатов.

Мировой экономический кризис обострил отношения между капиталистическими странами. Он усилил борьбу за рынки, вызвал крайний национализм в экономической политике капиталистических государств, проявившийся в таможенной, валютной и торговой войне между ними. Все это сделало неизбежной мировую войну, которая в системе империализма является средством нового передела мира и сфер влияния в пользу более агрессивных государств. Реакционные силы капиталистического мира, запутавшегося в непреодолимых противоречиях, открыто призывали разрешить порожденные кризисом трудности за счет Советского Союза. В силу этого резко усилилась опасность нападения империалистов на Страну Советов. Империалисты вели подготовку к войне против СССР и намечали сроки сначала на 1930 г., затем на 1931 г. Подготовку антисоветской интервенции осуществлял французский генеральный штаб. Немаловажное место в планах французского генштаба отводилось Чехословакии. Предавая национальные интересы, господствующие классы Чехословакии шли в фарватере реакционных сил мирового империализма. Буржуазные правящие круги Чехословацкой республики с самого ее возникновения проводили антисоветскую внешнюю политику.

Занимая ведущее место в Малой Антанте, Чехословакия была важным орудием французской дипломатии, опорой французского империализма в Центральной Европе, Дунайском бассейне и на Балканах. В антисоветском блоке государств Малой Антанты Чехословакия, в отличие от аграрных Югославии и Румынии, была индустриальной страной с развитой военной промышленностью. Чехословацкие заводы вооружения и боеприпасов поставляли оружие не только Югославии и Румынии, но и всем остальным странам, которые выдвигались империалистами в качестве плацдармов антисоветского военного похода.

При посредстве Румынии, связанной с Польшей военным договором, предусматривавшим совместные действия в войне против СССР, правящие круги Чехословакии сблизилась с пилсудчиками. Это временное и непрочное сближение между империалистами Чехословакии и Польши происходило на почве ненависти к советскому строю. Оно было закреплено тайными военными соглашениями, заключенными Чехословакией как с Румынией, так и с Польшей. В марте 1932 г. военное сотрудничество государств Малой Антанты (Чехословакии, Румынии и Югославии) и Польши стало более тесным в результате конференции генеральных штабов этих стран,

¹ „Nová mysl“, 1953, č. 1, str. 95.

происходившей в Праге под руководством представителя французского генштаба.

Помимо выполнения военных заказов для Польши, Румынии, Югославии и прибалтийских государств, чешские концерны, прежде всего Живнотенский и Шкодовский, в годы кризиса стали интенсивнее строить новые и расширять старые предприятия военной промышленности во всех этих странах. В Румынии чешский капитал участвовал в строительстве артиллерийских заводов, заводов взрывчатых веществ, бронированных автомобилей, фабрики противогазов, а также — в переоборудовании старых военных заводов. Задачам подготовки антисоветской интервенции было подчинено и производство на оружейных, автомобильных и авиационных заводах в Польше, полностью или частично принадлежавших чехословацким фирмам. В тех же целях использовалось влияние магнатов чехословацкой военной промышленности, которое распространялось также на Югославию, Болгарию, Литву.

Чехословакия стала военно-промышленной базой интервенции против Советского Союза, подготовлявшейся империалистами.

Усиленные военные приготовления совершались и в самой Чехословакии: расширялось военное производство, увеличивались ассигнования на армию, строились шоссейные и железные дороги стратегического значения, в восточных районах страны расширялась сеть аэродромов. В 1930—1931 гг. участились инспекционные поездки в Чехословакию французских генералов, особенно пристально проверявших ход военных приготовлений на Закарпатской Украине и в Восточной Словакии, которые рассматривались как ближайший тыл антисоветской войны.

Чехословакия, как одна из участниц готовящейся антисоветской войны, привлекала в годы кризиса внимание американского империализма. Американская финансовая группа предлагала чехословацкому правительству свои услуги для создания акционерного общества по строительству дороги, имевшей исключительно военно-стратегическое значение. Еще более знаменательна в этом отношении поездка по восточноевропейским государствам начальника генерального штаба армии США генерала Дугласа Макартура, предпринятая осенью 1932 г. Макартур сначала направился в Польшу для участия в маневрах на советско-польской границе и на обратном пути собирался остановиться в Чехословакии. В день приезда Макартура в Прагу газета «Абендцейтунг» писала, что интерес американского генерала к Польше «обусловлен тем, что именно этот эвентуальный театр предстоящей войны в военно-географическом отношении недостаточно изучен». «Посещение Макартуром Праги, — продолжала газета, — преследует ту же цель, что и поездка в Польшу». Чехословацкая печать открыто писала, что визит начальника американского генштаба предпринят для ознакомления с военно-стратегическими плацдармами антисоветской войны.

Чехословацкая буржуазия и ее правосоциалистическая агентура в рабочем движении поддерживали всякие антисоветские провокации, которые организовывались и направлялись явно по единому плану.

Буржуазно-помещичьи правители капиталистической Чехословакии, чем более явственным становилось банкротство их политики, тем охотнее стремились свалить на Советский Союз вину за экономический кризис и обвинение народных масс, а нарастание революционного движения трудящихся объяснить «русской пропагандой».

Антисоветски настроенными кругами чехословацкой буржуазии с особым усердием распространялись вздорные клеветнические вымыслы насчет «советского демпинга», рассчитанные на подрыв советского экспорта, на экономическую блокаду СССР. Провокационный характер этой кампа-

нии давно разоблачен неопровержимыми фактами. Что касается советско-чехословацкой торговли того времени, то ее баланс всегда был активен в пользу Чехословакии. Осуществляя грандиозное социалистическое строительство, Советский Союз выступал заказчиком машин и станков, т. е. именно той продукции, перепроизводство которой в Чехословакии было особенно велико, а вывозил в Чехословацкую республику преимущественно сырье и продукты сельского хозяйства, в которых нуждалась чехословацкая экономика. Советские заказы обеспечивали работу десяткам тысяч чехословацких рабочих, причем товарооборот между СССР и Чехословакией мог значительно увеличиться, если бы не препятствия, чинимые властями. Представители деловых кругов Чехословакии не раз признавали большое значение советских заказов для различных отраслей промышленности. При этом особое внимание обращалось на то, что Советский Союз представляет обширный рынок сбыта, а сырье стоит на 30—40% дешевле, чем в других странах. В этом нужно было видеть причину стремления части деловых кругов Чехословакии к нормализации отношений с СССР. На этой основе в 1930—1931 гг. произошло оживление внешней торговли между СССР и Чехословакией, отвечавшее интересам народов обеих стран.

Однако огромные успехи социалистического строительства в СССР приводили в трепет чешских финансистов. Вот почему стремлению части промышленников к расширению торговли и продолжению мирных отношений с СССР противостояла тенденция к авантюристическим наскокам на СССР и к интервенции.

Последняя тенденция возобладала, и к 1934 г. объем чехословацкого экспорта в СССР снизился до 12% от уровня 1929 г.¹ Чехословацкая дипломатия, отказываясь признавать де-юре Страну Советов, активно поддерживала все антисоветские происки империализма. Полностью поддержала чехословацкая дипломатия и проект «Пан-Европы», выдвинутый в мае 1930 г. министром иностранных дел Франции Брианом. Космополит Бенеш, как руководитель министерства иностранных дел, официально, от имени чехословацкого правительства, одобрил и рьяно отстаивал этот проект, предусматривавший создание под гегемонией французского империализма «федерального союза» европейских государств, которые должны были поступиться своим национальным суверенитетом. По замыслу франко-чехословацкой дипломатии, объединенная в единый антисоветский фронт Европа должна была иметь свой исполнительный орган и «европейский комитет федерального союза» в качестве штаба подготовки нападения на СССР. План «Пан-Европы» предусматривал ряд уступок Германии с целью вовлечения ее в антисоветскую коалицию под гегемонией Франции.

Разоблачая происки империалистов, прикрываемые космополитическим лозунгом «Пан-Европы», коммунисты помогали чехословацкому народу увидеть подлинное существо политики, проводимой Бенешем по указанию французского и чешского финансового капитала, помогали понять, что эта политика противоречит коренным интересам трудящихся.

Старания французской дипломатии и ее ярого пособника Бенеша так и остались, впрочем, безрезультатными ввиду быстрого подъема экономической мощи и обороноспособности Советского Союза, успехов неуклонно проводимой Советским правительством политики мира, широкого движения трудящихся в капиталистических странах в защиту СССР. Немалое значение в провале планов, которые пытались осуществить французский империализм и его союзники (среди них и Чехословакия), имело также сопротивле-

¹ „Za chléb, práci, půdu a svobodu, str. 438.

ние Англии, Италии, Германии и США, видевших во Франции своего империалистического соперника и не желавших ее усиления.

Ослепленные классовой ненавистью к Советскому Союзу, буржуазные правители Чехословакии, ее дипломаты во главе с Бенешем, содействовали осуществлению всех империалистических планов, рассчитанных на возрождение германского милитаризма, надеясь вместе с империалистами других стран использовать силы агрессии для разгрома рабочего и демократического движения в капиталистических странах, для уничтожения первого в мире социалистического государства.

С величайшим самодовольством Бенеш превозносил свою активную деятельность на Гагской конференции (январь 1930 г.), утвердившей план Юнга. Как известно, план Юнга, разработанный представителями монополистических объединений США, усилил ограбление германского народа иностранным капиталом и ускорил возрождение военно-промышленного потенциала Германии. Выражая отношение правящих кругов Чехословацкой республики к этой политике, несовместимой с миром, независимостью и свободой европейских народов, Бенеш заявлял в парламенте: «В Гааге мы делали эту политику сознательно, и Чехословакия будет безусловно проводить ее со своими друзьями последовательно и впредь»¹.

Внешняя политика, проводимая под руководством Бенеша, была политикой предательства национальных интересов. Единственной партией Чехословакии, которая сразу же заявила протест против этого пагубного курса, была коммунистическая партия. Выступая 28 апреля 1931 г. в чехословацком парламенте, генеральный секретарь КПЧ Клемент Готвальд разоблачил национальную измену правящих кругов страны. Пособничество милитаристским силам Германии ради вовлечения их в антисоветский фронт ставило под удар суверенитет и независимость Чехословацкой республики, ибо, как предостерегал в своей речи руководитель компартии Чехословакии, «теоретически можно представить себе ситуацию, когда в интересах теснейшего включения Германии в этот фронт будут сделаны уступки, которые создадут угрозу чешскому народу. Таким образом, эта политика, проводимая господином Бенешем особенно при согласии социал-демократии, политика, которая в своей основе исходит из французской гегемонии и проводится в целях единого фронта всех капиталистов против Советского Союза, может в конце концов создать угрозу самостоятельности чешского народа. Поэтому такая политика никак не обеспечивает национальную самостоятельность чешского народа, а, напротив, она является политикой, которая в своих последствиях ведет к новой Белой Горе»².

История подтвердила, что внешнеполитическая ориентация на Запад, которой упорно придерживались стоявшие у власти буржуазные политики во главе с Масариком и Бенешем, их политика враждебности к Советскому Союзу, с которым Чехословакию объединяла общность коренных интересов, действительно привела к национальной катастрофе, к новой Белой Горе, к иноземному порабощению чехословацкого народа.

Возросшая активность германского империализма давала себя знать все сильнее. В марте 1931 г. было подписано соглашение о таможенном союзе между Германией и Австрией. Германские милитаристы, стремившиеся к реваншу, рассматривали этот союз как прямой шаг к присоединению Австрии к Германии, за которым должны были последовать захваты Чехословакии, Польши и других государств Европы.

Одновременно с заключением германо-австрийского соглашения немецкая

¹ E. Beneš. Boj o mír a bezpečnost státu. str. 488—489.

² Klement Gottwald. Spisy, sv. III, str. 20.

дипломатия прилагала настойчивые усилия к ослаблению связей между государствами Малой Антанты. Рассчитывая добиться изоляции Чехословакии (и тем ослабить позиции Франции), Германия искусно использовала экономические противоречия между государствами Малой Антанты, обострившиеся в результате кризиса: Германия завязала переговоры с Румынией о заключении торгового договора, предусматривавшего предпочтительные льготы для обеих сторон. Переговоры о подобном же соглашении велись и с Югославией. Усилия немецкой дипломатии не остались бесплодными. Ни югославский, ни румынский послы в Вене не присоединились к выступлениям Бриана и Бенеша против таможенного союза между Германией и Австрией. Более того, Румыния продолжала переговоры о заключении торгового договора с Германией, а Югославия внезапно отказалась подписать уже согласованный текст торгового договора с Чехословакией.

Под нажимом Франции, которую на этот раз поддержала Англия, немецкой дипломатии пришлось отступить и объявить о расторжении германо-австрийского таможенного союза. Потерпев поражение, германский империализм с тем большей яростью сопротивлялся планам создания под французской гегемонией блока государств (в виде «Дунайской конфедерации» или плана Тардье), активно поддерживаемых Чехословакией. Чешский империализм рассчитывал, в случае осуществления этих планов, укрепить свои позиции в Дунайском бассейне. Однако Германии удалось свести на нет все эти контрпроекты, используя противоречия между Англией и Францией.

Монополистические объединения Чехословакии, которые искали выхода из кризиса на путях участия в военных авантюрах крупных империалистических держав, приветствовали нападение японских милитаристов на Китай, совершенное в сентябре 1931 г. Фабриканты оружия давно уже обогащались на крови и разорении китайского народа. При известии о вторжении японского империализма в Маньчжурию на пражской бирже поднялись курсы Шкодовки, Брненской Збройовки и других военно-промышленных концернов. Японские милитаристы разместили в Чехословакии миллионные военные заказы на винтовки, пулеметы, орудия, самолеты, бомбы, снаряды. Экспорт оружия в Японию финансировался чехословацким правительством, которое в дополнение к своим ресурсам получило для этой цели французский заем.

Чехословацкая дипломатия и ее руководитель Э. Бенеш открыто оправдывали и восхваляли нападение японского империализма на китайский народ. Империалистическая буржуазия Чехословакии была заинтересована в расширении военного пожара на Дальнем Востоке. Работник Чехословацкой миссии в Москве Карел Ванек с согласия французских дипломатов и не без ведома японского посольства вел подготовку к провокационному покушению на посла Японии в СССР¹. После разоблачения К. Ванека чехословацкие власти, в том числе президент республики, вели неоднократные переговоры с руководителями контрреволюционной белогвардейской эмиграции, подготовлявшей совместно с японской военщиной нападение на дальневосточные рубежи Советского Союза. Антисоветские действия чехословацких правящих кругов встретили протест народных масс Чехословакии.

Военное нападение империалистов на СССР, в подготовке которого охотно участвовала чехословацкая буржуазия, было сорвано прежде всего ростом экономического и военного могущества великой социалистической державы, ее внешней политикой, последовательно отстаивавшей дело мира во всем мире.

¹ „Известия“, 25. XII 1931; „Правда“, 2. I 1932.

КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ ОБНИЩАНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС

Экономический кризис обнажил всю гнилость капиталистической системы, всю ее несостоятельность, углубив и обострив до крайних пределов все противоречия, присущие отжившему свой век капиталистическому строю. Процесс монополизации всех сторон экономической жизни приобрел во время кризиса небывалый в Чехословакии размах и обострил основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Общественный характер производства в эти годы усилился, а узкая горстка магнатов присваивающая львиную долю продукта общественного труда, неизмеримо уменьшилась. Чешский финансовый капитал, стремясь вырваться из тисков кризиса и избавиться от перепроизводства, довел разорение народных масс до чудовищных размеров.

Тяготы кризиса в первую очередь обрушились на пролетариат. В условиях капиталистического производства «рабочие, — писал Маркс, — лишь до тех пор находят себе занятие, пока они могут быть использованы с прибылью для класса капиталистов»¹. Как только на рынке почувствовался избыток товаров, капиталисты начали свертывать производство и выбрасывать рабочих на улицу. Теряя работу, рабочий лишался единственного источника существования. Рост безработицы ввергал чехословацкий пролетариат все глубже и глубже в трясину нищеты и голода. Армия безработных росла, с каждым месяцем ее пополняли новые отряды пролетариев.

Наибольшего размера безработица в Чехословакии достигла в феврале 1933 г. По данным официальной статистики, к концу этого месяца было зарегистрировано 920 тыс. безработных, что означало увеличение их числа в 27 раз по сравнению с июлем 1929 г.² Надо, однако, иметь в виду, что данные о безработице всячески фальсифицировались буржуазной статистикой для преуменьшения размеров бедствия, постигшего рабочий класс.

В основе официальной статистики о безработице в Чехословакии лежали сведения, которые доставляли биржи труда. В эти сведения включались лишь те безработные, которые были зарегистрированы на той или иной бирже труда. Но ведь на биржах не все регистрировались и не всех регистрировали. На учет не принимались довольно значительные слои рабочих, потерявших место (рабочие, имеющие небольшой надел земли, ищущие работу с помощью частных агентств по трудоустройству, сезонные рабочие и т. д.). Многие безработные, теряя надежду, что им поможет биржа труда, искали работу самостоятельно и не обращались к услугам последней (а следовательно, и не регистрировались). Сплошь и рядом безработному было трудно, а подчас практически невозможно или бесполезно регистрироваться на бирже труда, особенно в том случае, если она находилась слишком далеко от места жительства. Последнее относилось прежде всего к национальным окраинам, ибо биржи труда распределялись по территории буржуазной республики весьма неравномерно.

Так, например, на одну биржу труда приходилось в Моравии и Силезии в 2 раза больше жителей и в 2,7 раза больше территории, чем в Чехии. Еще хуже обстояло дело в Словакии и на Закарпатской Украине. По сравнению с Чехией одна биржа труда должна была обслужить в Словакии почти в 4,5 раза большее население и в 9 раз большую территорию, а на Закарпатской Украине — почти в 6 раз большее население и в 14 раз большую территорию. Поэтому в Словакии и на Закарпатской Украине регистрация безработных практически велась лишь в шестой части округов³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. II, стр. 23—24.

² „Statistická ročenka“, 1938, str. 216.

³ „Rudé právo“, 12. I 1932.

Было бы странным, если при такой, умышленно небрежной, постановке регистрации безработных данные буржуазной статистики были бы верны. Действительная безработица — выше официальных данных. На это всегда указывали революционные организации рабочего класса и их печать, с этим принуждены были соглашаться не только социал-реформистские лидеры, но и министры буржуазного правительства¹.

Фальсификация официальных данных о безработице на большом документальном материале подтверждена переписью населения, проводившейся 1 декабря 1930 г. Что же показала перепись населения и каково соотношение ее данных с данными бирж труда? В следующей таблице приведены те и другие данные, относящиеся почти к одному и тому же дню (бирж труда — к 30 ноября, переписи — к 1 декабря 1930 г.).

Таблица 5 *

Безработица в Чехословакии

Край	Число безработных	
	по данным бирж труда	по данным переписи населения
Чехия	114 831	186 844
Моравия и Силезия	30 756	61 776
Словакия	8 260	39 245
Закарпатская Украина	652	6 622
Чехословакия в целом	154 499	294 487

* „Za chléb, práci, půdu a svobodu“, str. 472.

Данные переписи населения оказываются более точными (хотя об абсолютной точности и этих данных, подготовленных органами буржуазного же государства, говорить не приходится). Сравнительный анализ цифр, сообщенных биржами труда и явившихся результатом переписи населения, позволяет сделать некоторые выводы и заключения.

Во-первых, данные бирж труда преуменьшают действительные размеры безработицы примерно в 2 раза.

Во-вторых, данные бирж труда неверны как в отношении всей страны в целом, так и в отношении отдельных ее краев.

В-третьих, фальсификация данных о безработице не одинакова по различным краям Чехословакии. На биржах труда Чехии регистрировались два из трех безработных, Моравии и Силезии — один из двух, Словакии — один из пяти, а на биржах труда Закарпатской Украины — лишь один из десяти безработных. В зависимости от этого были искажены и официальные данные о безработице.

Возвращаясь к сведениям буржуазной статистики о безработице в годы кризиса, можно не только с полным основанием говорить об их несостоятельности, но и дать примерную оценку числа безработных. По официальным данным, в 1933 г. на всех биржах труда Чехословакии было зарегистрировано свыше 738 тыс. безработных. Нет сомнения в том, что действительная армия полностью безработных в 1933 г. значительно превысила 1 млн. человек и цифра в 1300 тыс. безработных, которая приведена в сборнике документов, изданных Институтом истории КПЧ в г. Праге², отнюдь не преувеличивает наивысших размеров безработицы в Чехослова-

¹ Правительственная статистика насчитывала в январе 1931 г. 313 тыс. безработных, а министр социального обеспечения правый социал-демократ Чех неосторожно признался, что в действительности их было в 2 раза больше („Rudé právo“, 21. V 1931).

² „Za chléb, práci, půdu a svobodu“, str. 471.

нии в годы экономического кризиса. В момент наибольшей глубины кризиса в промышленности полностью лишилась работы почти половина пролетариев, а в таких отраслях, как текстильная, строительная и стекольная, безработица охватила 70—80% рабочих.

Кроме того, в стране имелась частичная безработица. Среди частично безработных имелось много занятых в производстве только два-три дня в неделю. К концу кризиса полная и частичная безработица практически охватила весь рабочий класс Чехословакии, кроме тонкого слоя рабочей аристократии.

Всеобщие государственные пособия по безработице, которые чехословацкие рабочие завоевали в годы революционного подъема после образования Чехословацкой республики, с 1 апреля 1925 г. были заменены пресловутой гентской системой.

Государственное пособие (размером от 8 до 18 крон в неделю) полагалось в течение 18 месяцев каждому безработному, независимо от членства в профсоюзе. Согласно же закону о гентской системе пособие выплачивалось в течение трех месяцев в меньшем размере (от 1,5 до 12 крон в неделю) членам лишь тех профсоюзов, которым государство предоставляло для этой цели определенную дотацию. Если прежде государство несло все расходы, то по гентской системе большую часть средств, расходовемых на пособия по безработице, должны были выделить из своих фондов сами профсоюзы. Большие расходы на пособия по безработице привели к тому, что профсоюзы оказались вынужденными сокращать фонды, предназначенные на поддержку бастующих рабочих, что подрывало боеспособность профсоюзных организаций. Кроме того, буржуазное правительство широко использовало закон о гентской системе для финансового давления на революционные профсоюзы, под разными предлогами отказывая им в выплате государственной дотации для страхования по безработице. Гентская система «стала в руках буржуазии и социал-фашистов орудием подчинения профсоюзных организаций капиталу и орудием преследования революционных организаций»¹. Гентская система превратилась в средство раскола боевых рядов пролетариата и противопоставления рабочих, организованных в профсоюзы, массе неорганизованных пролетариев. Права на получение пособия по гентской системе лишалось немало и членов профсоюза. В результате этими пособиями пользовалось меньшинство чехословацких рабочих, о чем достаточно выразительно говорят данные даже буржуазной статистики.

Таблица 6*

Количество безработных, получавших пособия по гентской системе

Год	Число официально зарегистрированных безработных	Безработные, получавшие пособие	
		число	в % к числу зарегистрированных
1929	41 600	23 800	57
1930	105 400	51 500	49
1931	291 300	102 200	35
1932	554 100	184 600	33
1933	738 300	247 600	34

* „Za chléb, práci, půdu a svobodu, str. 474.

¹ Antonín Zápotocký. Op. cit., str. 120.

Итак, по сведениям буржуазной статистики, гентская система к концу кризиса охватывала примерно третью часть безработных. В действительности «блага» буржуазной демократии были доступны меньшему числу рабочих. Сличение данных бирж труда и данных переписи 1930 г. убедительно показало, что подлинные размеры безработицы в буржуазной Чехословакии были почти вдвое выше официальных цифр. Ввиду этого следует считать, что пособия по гентской системе получало уже в 1930 г. примерно около 20% безработных, а вовсе не 57%, как это вытекает из данных официальной статистики.

«Неорганизованные» да и не малое число членов профсоюзов не могли рассчитывать и на то незначительное преимущество, которое предоставляла гентская система. После потери места на производстве они направлялись в местный муниципалитет, чтобы там вымалывать мизерную подачку. В результате бурных выступлений безработных, мобилизованных коммунистами, с августа 1930 г. буржуазному государству пришлось пойти на выделение регулярных пособий по безработице для «неорганизованных». Это были нищенские пособия — так называемые желтые жебраченки¹ пана Чеха или пана Зенкла — маленькие желтые листки, позволявшие получить продуктов на 10 крон. Бессемейному полагалась одна жебраченка, семейному — две жебраченки в неделю.

Однако подобно любой из буржуазно-демократических свобод право на получение «жебраченки» обставлялось многочисленными исключениями (так, этого права были лишены сезонные рабочие, все лица, пользовавшиеся какими-либо иными пособиями, и т. п.), открывавшими местным властям широкие возможности для произвола. В конце концов получалось так, что на каждого из 80 тыс. безработных, имевшихся в 1932 г. на Закарпатской Украине, вместо 10—20 крон еженедельного пособия (в виде «жебраченок») приходилось в среднем меньше чем по 2 кроны в месяц².

Наличие огромной армии безработных предприниматели использовали для давления на рабочих, занятых в производстве. Стремясь сохранить возможно более высокую прибыль, предприниматели усиливали эксплуатацию пролетариата путем капиталистической рационализации производства, которая вела к предельной интенсивности труда, а также путем удлинения рабочего дня и снижения зарплаты.

Помощь капиталистам в усилении эксплуатации рабочих оказывали социал-демократы и национальные социалисты. Они призывали пролетариат пойти на жертвы ради «спасения чехословацкого экспорта». Ломая с помощью социал-предателей сопротивление рабочих, предприниматели ввели в текстильной промышленности новую потогонную систему, увеличившую за счет интенсификации труда дневную выработку в течение 1929—1933 гг. на 30%³. Добыча угля в Остравском бассейне за годы кризиса поднялась с 12 до 17,5 центнера за смену на одного горняка⁴. Волна капиталистической рационализации прокатилась по чехословацкой промышленности, создавая условия для более бешеной эксплуатации рабочих. Достижения науки и техники, рост производительности труда были использованы капиталистами исключительно в собственных интересах, для извлечения прибыли. Дальнейшее обнищание пролетариата и накопление новых богатств в руках горстки промышленных воротил — таков результат капиталисти-

¹ От слова „жебрак“ (чешск.) — нищий.

² J. Jabůrková. Za štěstí lidu. Praha, 1953, str. 158.

³ „Мировое хозяйство и мировая политика“, 1938, № 2, стр. 172.

⁴ „Мировое хозяйство и мировая политика“, 1938, № 3, стр. 175.

ческой рационализации, проведенной в Чехословакии за годы экономического кризиса.

С самого начала кризиса капиталисты развернули наступление на зарплату. Что представляла собой заработная плата чехословацкого рабочего в ту пору? Она складывалась, во-первых, из основной ставки, закрепляемой коллективными договорами, но не составлявшей главной части зарплаты, и, во-вторых, из разнообразных доплат и прибавок (прибавка по дороговизне, аккордная прибавка, премия за выполнение выработки и т. п.), которые, будучи завоеванными в период подъема, каждый год вновь возобновлялись или срезались в зависимости от исхода борьбы между рабочими и предпринимателем. Сначала были снижены именно эти прибавки, причем с целью раскола пролетариата снижение производилось постепенно по отдельным цехам, по заводам, по отдельным категориям рабочих.

Затем, когда армия безработных насчитывала сотни тысяч человек, капиталисты нанесли удар по основной зарплате, самочинно расторгая коллективные договоры и снижая с помощью социал-предателей тарифные ставки.

Уже в 1932 г. большинство занятых на производстве рабочих получало зарплату, не обеспечивавшую прожиточного уровня, а падение всех форм заработка неуклонно продолжалось. За время кризиса годовая номинальная зарплата чехословацкого рабочего снизилась на 15% и составляла в 1934 г. в среднем 5086 крон против 5962 крон в 1929 г.¹ Но это — отвлеченная цифра, которая лишь показывает, сколько в среднем мог зарабатывать рабочий, если бы он был занят полную неделю и круглый год. В действительности же на большинстве промышленных предприятий Чехословакии рабочие были заняты не полную неделю, что существенно сокращало годовой заработок.

В результате падения номинальной зарплаты, роста частичной и полной безработицы общая сумма заработков работников наемного труда, кроме муниципальных служащих, сократилась с 36 млрд. крон в 1928—1929 гг. до 18,5 млрд. крон в 1933 г., т. е. почти на 50%². По данным, сохранившимся в архиве бывшего министерства труда и социального обеспечения, чехословацкие рабочие за время кризиса потеряли на понижении зарплаты 12,5 млрд. крон, а на безработице — 17,4 млрд. крон, т. е. в целом около 30 млрд. крон³. Это означало, что потери рабочих и служащих Чехословакии за годы экономического кризиса составили 35—40 млрд. крон, если не больше.

Стремительное падение заработной платы намного опережало снижение цен, неизбежное в условиях накопления огромных запасов нераспроданных товаров. Капиталистические монополии стремились поддержать высокие цены, несмотря на перепроизводство. В течение 1929—1933 гг. оптовые цены в Чехословакии, ввиду трудностей сбыта, упали на 28%. Тем временем цены на товары, производимые и продаваемые картелями, снизились на 14—17% (каменный уголь и кокс), нередко — всего на 2—4% (листовое стекло и каолин) или вовсе не изменились (сахар)⁴. Даже в том случае, если в оптовой торговле происходило вынужденное снижение цен, в розничной продаже это зачастую не ощущалось. Более

¹ „Rudé právo“, 27. IV 1950.

² „Rudé právo“, 9. III 1935.

³ См. J. Šíma, V. Vergeiner. *Revoluční dělnické hnutí v Československu v boji za práci a životní úroveň pracujících*. Praha, 1953, str. 57. В эти данные не включены сведения о горняках.

⁴ „Za chléb, práci, půdu a svobodu“, str. 446.

того, засилье капиталистических монополий приводило к повышению прожиточного минимума. При поддержке буржуазного государства монополии нередко не только приостанавливали падение цен на предметы потребления, но и вызывали их рост. Парламент по диктату крупного капитала принял законы о повышении таможенных пошлин на зерно, мясо и жиры, об обязательном смещении дорогой и худшего качества местной муки с импортной и т. д. Вслед за мукой подорожали мясо, жиры и другие продукты. Так, только за вторую половину 1932 г. в розничной торговле средняя цена говядины повысилась на 6,5%, лярда — на 15%, яиц — на 40%¹. Рабочим семьям пришлось резко снизить потребление этих продуктов, и, тем не менее, общие расходы поднялись.

В Чехословакии со всей резкостью проявился разрыв между движением оптовых цен и цен розничных, особенно на предметы первой необходимости. Если за годы кризиса индекс оптовых цен упал на 28%, то индекс розничных цен сократился лишь на 20%, а индекс стоимости пищевых продуктов — всего на 6—7%², при общем уменьшении фонда зарплаты рабочих и служащих по меньшей мере в 2 раза. Неоспоримым фактом было падение реальной заработной платы. Стремление капиталистических объединений поддержать возможно более высокие монопольные цены мешало рассасыванию товарных запасов, вело к затяжке кризиса, делало его особенно разорительным и мучительным для трудового народа.

Абсолютное обнищание пролетариата за годы кризиса проявилось в том, что даже занятый на производстве рабочий, не говоря уже об огромной армии безработных, жил с каждым месяцем хуже, вынужден был сокращать потребление. Согласно данным официальной статистики, общее потребление в рабочих семьях за период с 1929 по 1934 г. сократилось в среднем на 25,5%³. Рабочие, кроме того, вынуждены были заменять говядину кониной, сахар сахарином, сливочное масло маргарином, ходить в отрепьях, ютиться по подвалам и в жалких лачугах, отказывать себе в удовлетворении самых скромных культурных потребностей.

За годы кризиса резко углубилось относительное обнищание рабочих масс. Сравнительная доля рабочих и служащих в национальном доходе Чехословакии уменьшилась с 40% в 1929 г. до 34% в 1933 г.⁴

Экономический кризис, углубив обнищание рабочих и служащих в городе, одновременно ускорил разорение трудящихся масс в деревне, придав этому процессу невиданный доселе размах.

Огромная безработица, порожденная промышленным кризисом, увеличила избыток рабочих рук и в деревне. Сразу же резко ухудшилось положение сельскохозяйственных рабочих. Их зарплата за годы существования буржуазной республики сократилась более чем вдвое и составляла едва половину зарплаты промышленных рабочих. Рабочий день батраков, продолжительность которого была ограничена законом 12 часами, в действительности длился до 16 часов.

В годы экономического кризиса зарплата сельскохозяйственных рабочих, составлявших почти половину всех сельских жителей, неуклонно

¹ „Rudé právo“, 8. I 1933.

² „Конъюнктурный бюллетень“ журнала „Мировое хозяйство и мировая политика“, 1937, № 1, стр. 99; „Tvorba“, ročn. IX, str. 448; „Za chléb, práci, půdu a svobodu“, str. 480.

³ Protokol VII sjezdu Komunistické strany Československa, str. 268; „Rudé právo“, 17. XI 1935.

⁴ Подсчитано на основании данных „Rudé právo“, 9. III 1935; „Statistický zpravodaj“, ročn. I, str. 373.

падала. Помещики и кулаки каждый год стремились сократить мизерную зарплату батраков на 10—30%.

Безработица в промышленности, ухудшение положения сельскохозяйственных рабочих снизили жизненный уровень широчайших масс трудового крестьянства — и не только бедноты, но и среднего крестьянства. Далеко зашедший процесс расслоения крестьянства привел к тому, что отхожий промысел стал главным источником дохода в сотнях тысяч крестьянских хозяйств. Ясно, с какой жестокой силой ударил кризис по этим хозяйствам, тем более что собственники их, теряя работу на промышленных предприятиях, лишались даже нищенского пособия по безработице (как владельцы земельного надела они не включались в число безработных). В результате бегства сотен тысяч таких пролетариев в деревню аграрное перенаселение в Чехословакии резко возросло.

Одним из важных факторов дальнейшего обнищания крестьянства в годы кризиса было господство капиталистических промышленных монополий, стремившихся удержать на высоком уровне цены на свои товары и снизить цены на сырье и изделия, принадлежавшие не картелированным производителям. Именно поэтому «ножницы» между ценами на промышленные товары и ценами на сельскохозяйственную продукцию, всегда служившие источником обогащения крупного монополистического капитала, особенно увеличились во время экономического кризиса — с 14% в 1929 г. до 63% в 1933 г. Для полуколониального режима эксплуатации, установленного чешским финансовым капиталом в Словакии и Закарпатской Украине, было типично, что здесь цены на сельскохозяйственные продукты были ниже, а цены на промышленные товары значительно выше, чем в Чехии и Моравии.

Падение цен на сельскохозяйственные продукты, разорившее мелких крестьян, было использовано помещиками и чешским финансовым капиталом для обогащения за счет трудящихся масс города и деревни.

Грабительская деятельность аграрных монополистов, падение покупательной способности обнищавшего и голодающего населения привели к тому, что импорт зерна, мяса и жиров к концу кризиса почти прекратился и страна стала довольствоваться собственным, внутренним производством этих продуктов. Более того, создались большие товарные запасы многих продуктов, в частности зерна, вызвавшие новое падение цен и усилившие разорение мелких крестьян. Еще хуже было положение производителей тех сельскохозяйственных продуктов (сахарной свеклы, хмеля, картофеля и т. п.), которые выращивались в Чехословакии в размерах, превышающих внутреннее потребление, и в значительном количестве вывозились за границу. Сокращение экспорта технических культур, свертывание производства на сахарных, пивоваренных и винокуренных заводах, происшедшее за годы кризиса, вызвало уменьшение спроса на сырье, что катастрофически ухудшило положение многих крестьян. Мелкие производители сахарной свеклы, хмеля, картофеля оказались в особенно тяжелом положении ввиду диктата сахарного картеля, хмелеводческого синдиката и спиртового картеля.

Для грабительской политики капиталистических монополий, влияние которых распространялось на все отрасли сельского хозяйства, типичны действия сахарного картеля. Скупая подавляющую часть выращиваемой в стране сахарной свеклы, картель властно диктовал свекловодам свои условия. Цены на свеклу к концу кризиса упали настолько, что крестьянин мог продолжать производство лишь в прямой убыток. Картель систематически оказывал давление на крестьян, принуждая их из года в год уменьшать посевы. Мелким и средним хозяйствам, на долю которых приходилось

около трети всех посевов свекловицы в стране, был нанесен жесточайший удар. При этом крупные помещики не пострадали. Будучи одновременно и сахарозаводчиками, они наверстывали на продаже сахара то, что теряли при продаже свеклы. Положение монополиста позволило картелю поднять цены на сахар на внутреннем рынке до 6,3—6,4 кроны на килограмм при себестоимости килограмма сахара в 2 кроны. Картель применял все доступные ему средства для того, чтобы сокрушить «диких» некартелированных сахарозаводчиков. Не довольствуясь мерами экономического давления, картель в 1932 г. провел через парламент закон, запретивший строительство новых сахарных заводов. Свое монопольное положение на внутреннем рынке, обеспечивавшее огромные прибыли (до 700 млн. крон в год), монополисты использовали для торговли сахаром на внешних рынках по демпинговым ценам, которые были вдвое, а позже — втрое ниже себестоимости и в восемь-девять раз меньше, чем на внутреннем рынке.

Для поддержания высоких продажных цен на внутреннем рынке чехословацкие монополии не останавливались перед уничтожением зерна, сахара и других продуктов: сжигали их, топили в реках, смешивали с угольной пылью и сивушными маслами, гноили на складах, скармливали скоту.

Гнет промышленных монополий и аграрного капитала со страшной силой давил на трудовое крестьянство. Годы кризиса были периодом огромного роста крестьянской задолженности. При этом только ипотечная задолженность в чехословацкой деревне возросла за период 1929—1932 гг. с 16,3 млрд. почти до 27 млрд. крон¹. Общая же задолженность земледельцев Чехословакии к этому времени, даже по сведениям аграриев, превысила 32 млрд. крон, а в 1933—1934 гг. достигла уже 40 млрд. крон², что составляло по меньшей мере половину стоимости всего имущества крестьянских хозяйств³. Нередко задолженность намного превышала стоимость всего крестьянского имущества. Например, в валашской деревне Еганово 93 двора имели долгов на 975 тыс. крон, тогда как вся земля и скот этих хозяйств оценивались в 392 тыс.⁴. Лишь одни проценты по полученным кредитам, выплачиваемые ежегодно чехословацкой деревней, составляли 2,5—3 млрд. крон. 80% этой суммы платили мелкие и средние крестьяне⁵.

Рост задолженности всех видов происходил крайне неравномерно по различным социальным группам сельского населения. Если задолженность крупных помещиков увеличилась только на 10%, то задолженность мелкого и среднего крестьянства — не менее чем на 60%. Неудивительно, что в 800 тыс. крестьянских хозяйствах размером до 5 гектаров, на каждый гектар приходилось от 3880 до 4500 крон долгов, тогда как в помещичьем имении (размером свыше 100 га) задолженность, которая по своему характеру и происхождению существенно отличалась от задолженности крестьян, в расчете на 1 гектар составляла всего 2300 крон⁶.

Еще более тяжелой была задолженность трудового крестьянства в Словакии и на Закарпатской Украине: здесь и земельный голод был сильнее и государственные налоги выше, беспощаднее гнет чешского финансового ка-

¹ Аграрный вопрос и крестьянское движение, т. I, стр. 139.

² „Rudé právo“, 13. I 1935.

³ Antonín Volavka. Boj za svazek dělníků a rolníků..., стр. 25.

⁴ „Rudé právo“, 13. I 1933.

⁵ Antonín Volavka. Boj za svazek dělníků a rolníků..., стр. 26.

⁶ „Za chléb, práci, půdu a svobodu“, стр. 428.

питала и хищничество ростовщиков. Показательно, что, например, процент по займам был в Словакии в 2—3 раза выше, чем в чешских областях¹. К этому прибавлялись более значительные пережитки феодализма в Словакии и Закарпатской Украине.

Обремененность долгами была настолько повсеместным явлением, что уже в 1931 г. по всей Чехословацкой республике из 100 сельских хозяйств находились в долговой кабале у банков 72 двора, а в Словакии и на Закарпатской Украине — 81 двор².

Ярким показателем углублявшегося обнищания и разорения крестьянских масс служит рост реквизиции имущества за долги. С 1929 по 1934 г. число экспроприаций крестьянского недвижимого имущества возросло в 2—3 раза. По всей стране в 1932 г. в крестьянских хозяйствах было проведено 1734 тыс. реквизиций крестьянского имущества за долги³. Результатом экономического кризиса была пролетаризация нескольких сот крестьянских хозяйств⁴. Только в одном 1933 г. разорилась десятая часть всех крестьянских хозяйств; их имущество по требованию банков и ростовщиков было продано с молотка за неплату долгов.

Совершенно иную политику проводило буржуазное правительство в отношении помещиков, которым списывались сотни тысяч государственных долгов и выдавались из казны огромные субсидии.

В охваченной экономическим кризисом капиталистической Чехословакии широчайшие народные массы страдали от голода. Уже весной 1932 г., когда разрушительное действие кризиса еще не проявилось с полной силой, в стране голодало уже свыше 5 млн. человек. Голод охватил огромные края Чехословакии — Закарпатскую Украину, Словакию, Рудогорье, т. е. прежде всего национальные окраины, где гнет местных капиталистов и помещиков усугублялся национальным угнетением со стороны чешской буржуазии. В 1933 г. размеры народного бедствия неимоверно усилились. Только в городах Чехословакии было обречено на голодную смерть свыше 3 млн. человек, если считать лишь полностью безработных и членов их семейств. В деревне без средств к существованию оказались миллионы батраков и разоренных крестьян, их жен и детей. Неудивительно, что Чехословакия была первым государством в Европе по относительному числу самоубийств. За годы кризиса в стране возросли заболеваемость и смертность, уменьшилась рождаемость, что привело к сокращению естественного прироста населения почти на 40%.

НАРАСТАНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ТРУДЯЩИХСЯ. КОМПАРТИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ В БОРЬБЕ ЗА РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЫХОД ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Кризис увеличил нужду и обнищание рабочих и трудящихся крестьян, сделал бедствия народных масс нестерпимыми. С каждым шагом в развитии кризиса непримиримость интересов трудящихся и эксплуататоров все более обнажалась, классовая борьба между ними приобретала все больший

¹ „Rudé právo“, 2. XII 1932.

² „Аграрный вопрос и крестьянское движение“, т. I, стр. 139.

³ „Za chléb, práci, řádu a svobodu“, str. 428—429.

⁴ Процесс пролетаризации трудового крестьянства усиливался по мере углубления экономического кризиса. По данным буржуазной статистики, которая явно пыталась приукрасить положение крестьян, в Чехословакии за долги было распродано в 1930 г. — 37 719, в 1931 г. — 49 628, в 1932 г. — 69 858, в 1933 г. — 163 093 хозяйства (см. „Rudé právo“, 13. II 1935, 16. IX 1952).

3 Ученые записки, т. XII

размах и более острый характер. Нарастание революционного движения масс — самая характерная черта внутривосточного положения Чехословакии в годы экономического кризиса.

1930 год начался стачками на стекольных заводах в Дольнем Рыхнове и Олови (район Фалькнова). На этих предприятиях в январе было объявлено об увольнении 1200 рабочих. Рабочие обоих заводов ответили стачкой протеста. Под руководством красных профсоюзов движение быстро разрослось, охватив более 2500 человек¹. Примерно в то же время начали стачку текстильщики Римаржова и Пршерова, потребовав отмены подготовлявшегося снижения зарплаты.

Стачная борьба рабочих стекольных заводов в районе Фалькнова, длившаяся несколько недель, протекала в обстановке непрерывных столкновений с вооруженными силами государства. Дело доходило до сражений между бастующими и жандармерией. В Дольнем Рыхнове и Олови было объявлено чрезвычайное положение и произведены аресты рабочих. В знак протеста против кровавого террора буржуазии чехословацким пролетариатом были проведены забастовки.

Одновременно прокатились демонстрации солидарности с фалькновскими стекольщиками. Их стойкость, перед которой оказались бессильными и объединения всех владельцев стекольных заводов Чехословакии, и карательный аппарат буржуазного государства, была сломлена изменой реформистских профсоюзных бюрократов. Оппортунисты раскололи ряды рабочего класса и воспрепятствовали распространению забастовки на заводы в Теплице, которые вместе с предприятиями в Олови и Рыхнове давали 90% всего листового стекла, вырабатываемого в Чехословакии. Естественно, что вспыхнувшая стачка и на теплицких стекольных заводах, капиталисты должны были отступить и отказаться от своих посягательств. Но именно здесь, в Теплицах, где решался исход борьбы, заводчики смогли опереться на социал-соглашателей. Реформистский союз стекольных рабочих в своих циркулярах прямо требовал, чтобы борьба стекольных рабочих в Олови и Рыхнове всячески саботировалась. Стачка на стекольных заводах в районе Фалькнова была изолирована и через несколько недель потерпела поражение.

Первые же бои рабочего класса в условиях кризиса в полной мере показали, что социал-демократия и чешские национальные социалисты раскалывают пролетариат. Все свои усилия соглашатели направляли на то, чтобы помочь эксплуататорскому меньшинству удержать в узде поднимающихся на борьбу трудящихся; задержать нарастание стихийного недовольства и революционного возмущения широких масс. Стараясь всеми средствами сохранить идеологическое влияние буржуазии на широкие массы, они неизменно выступали с проповедью примирения классовых противоречий между эксплуатируемыми и эксплуататорами.

Социал-соглашатели выдвинули лозунг «экономического мира во время экономического кризиса». Помогая капиталистам проводить массовые увольнения рабочих и снижать зарплату, руководители социал-демократической и национально-социалистической партий пытались доказать массам, что всякое сопротивление заводчикам и фабрикантам обречено на неудачу. «Во время экономического кризиса бастовать нельзя, ибо капиталисты все равно не нуждаются в рабочей силе», — заявили реформисты. «Мы должны отвергнуть стачку, как тактически бесплодное средство», — писала газета «Социал-демократ». Соглашателям вторили изгнанные из коммунистической партии ликвидаторы типа Илека, Болена, Гайса. Они маскировали свою

¹ „Rudé právo“ 19. I, 26. I 1930.

капитуляцию перед буржуазией и социал-демократизмом утверждениями, что борьбу нельзя вести без согласия и участия лидеров правительственных социалистических партий и реформистских профсоюзов.

Распространение капитулянтских взглядов, рассчитанных на подрыв революционной активности пролетариата, серьезно препятствовало развитию рабочего движения. Чтобы развязать активность пролетариата, нужно было разоблачить социал-соглашателей, развенчать капитулянтские взгляды, доказать их несостоятельность, их враждебность трудящимся, убедить массы на собственном опыте, что стачка остается и в годы экономического кризиса грозным оружием рабочего класса, вдохнуть в миллионные массы веру в свои силы и убежденность в победе, указать трудовому народу правильные пути выхода из кризиса, организовать его политические и экономические бои. Эти задачи была призвана выполнить Коммунистическая партия Чехословакии, ибо в стране не было иной партии, действительно борющейся за интересы рабочего класса, всего трудового народа.

Вся обстановка в стране, в особенности нарастание революционных настроений среди трудящихся, готовность все более широких масс к решительным боевым действиям — все это предъявляло возросшие требования к коммунистической партии. Историческую роль вождя и организатора народных масс в их борьбе за свержение власти эксплуататорских классов могла выполнить лишь партия нового типа.

Образец такой революционной пролетарской партии международное рабочее движение всегда видело в великой Коммунистической партии Советского Союза, богатейший исторический опыт которой служит вдохновляющим примером для пролетарских революционеров всего мира, чехословацких коммунистов в том числе. «Коммунистическая партия Чехословакии, — подчеркивает Антонин Запотоцкий, — всегда училась и учится на богатом опыте КПСС, борясь за создание идейно, организационно и политически сплоченной и боевой партии, способной вести рабочий класс и широкие массы трудящихся в наступление против капитализма, за свержение власти буржуазии и к построению социалистического общества»¹.

Избранный на V съезде КПЧ (февраль 1929 г.) новый Центральный комитет во главе с К. Готвальдом, опираясь на решения VI конгресса Коммунистического Интернационала и его Исполнительного комитета, решительно и неуклонно проводил перестройку партии на основе идейных и организационных принципов большевизма. Разгромив оппортунистическую идеологию и политику Илека, Болена и иных явных агентов буржуазии, изгнав их из партии, V съезд сломил препятствия, стоявшие на пути большевизации партии. «Однако этим была выполнена лишь первая часть задачи, — подчеркивал К. Готвальд в 1930 г. — Ныне перед нами стоит дальнейшая часть задачи, более обширная, более трудная и великая: перестроить всю партию на большевистских принципах»². Состоявшиеся в январе и мае 1930 г. пленумы Центрального комитета КПЧ резко поставили вопрос о необходимости ускорения темпов большевизации партии. Центральный комитет Коммунистической партии Чехословакии подчеркивал, что борьба за большевистские формы организации, железную партийную дисциплину и развертывание критики и самокритики является наряду с постоянной идеологической работой важнейшей предпосылкой разгрома

¹ Антонин Запотоцкий. Боевой авангард. „За прочный мир, за народную демократию!“ 31. VII 1953.

² Klement Gottwald. Spisy, sv. II, str. 37.

оппортунистов всех мастей и развертывания широкого революционного движения масс¹.

В целях укрепления связей с массами и своей дееспособности КПЧ проводила перестройку партийных организаций по территориально-производственному признаку. Именно в годы экономического кризиса широко развернулась большевистская перестройка организационной структуры КПЧ. Партия переносила центр партийной и профсоюзной работы на предприятия и настойчиво добивалась того, чтобы основной организацией стала не партгруппа, объединяющая членов партии по месту их жительства, а партийная ячейка на фабриках и заводах.

Руководство КПЧ, неуклонно осуществляя большевизацию, вело непримиримую принципиальную борьбу против всех разновидностей оппортунизма в рабочем движении, против социал-демократических пережитков, против правых оппортунистов, пытавшихся маскироваться заявлениями о верности генеральной линии партии, против ликвидаторов типа Гайса, против Фрида и его сторонников, создавших фракционную левосектантскую группу. Громя агентуру классового врага и очищаясь от нее, коммунистическая партия укрепляла связи с массами, готовила пролетариат и трудящихся к решительным битвам с буржуазией.

Усилив теоретическую борьбу против буржуазной идеологии, партия разоблачала классовое существо антинаучных, идеалистических, космополитических взглядов Масарика, распространявшихся буржуазной пропагандой и буржуазными учеными в целях развращения сознания трудящихся, увековечивания господства эксплуататоров, сохранения частнокапиталистической собственности и покоящейся на ней системы эксплуатации и наемного рабства.

Партия настойчиво вооружала кадры своих работников и всех членов партии знанием марксистско-ленинской теории и предприняла широкое издание произведений классиков марксизма-ленинизма. В этот период впервые были переведены на чешский и словацкий языки и изданы в Чехословакии многие произведения основоположников марксизма-ленинизма, в том числе труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, Коммунистическая партия Чехословакии указала пролетариату и всему трудовому народу ясный революционный выход из кризиса путем свержения власти капиталистов и помещиков и установления диктатуры пролетариата. «Главная политическая задача партии, — указывал ЦК КПЧ в одном из своих решений, — состоит в том, чтобы в острой борьбе против фашизма и социал-фашизма организовать и вести защиту пролетариата против всех атак буржуазии, поднимать повседневную борьбу на высшую политическую ступень, настойчиво вести дело к переходу от частичных повседневных стачек к всеобщему контраступлению пролетариата, постоянно пропагандировать призыв массовой политической стачки и указывать трудовому народу, что единственным выходом из нищеты и голода является низвержение капитализма и установление социализма»².

Живым доказательством тому, великим вдохновляющим примером для рабочих и крестьян Чехословакии служил Советский Союз — первая на земном шаре страна, не знающая ни кризисов, ни безработицы, ни нищеты, ни разорения тружеников города и деревни, страна, где все достижения материального производства, науки и культуры стали достоянием людей

¹ См. „Rudé právo“, 9. I, 28. V 1930.

² Klement Gottwald. Spisy, sv. II, str. 136.

труда. Широкие народные массы Чехословакии питали к Советскому Союзу глубокую и горячую любовь. С пристальным вниманием и живейшим сочувствием они следили за успехами социалистического строительства в СССР, досрочно выполнявшего свой первый пятилетний план. «Каждая правдивая весть о Советском Союзе, — отмечал Юлиус Фучик, — оказывает революционизирующее влияние»¹.

Коммунисты несли в широкие массы народа правду о Советском Союзе. В печати, на собраниях и митингах трудящихся они рассказывали о жизни и борьбе советского народа, который успешно осуществлял выработанный Коммунистической партией Советского Союза план социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Организованный в начале 1930 г. «Союз друзей СССР» проводил большую разъяснительную работу, неся в массы трудящихся правду о революционном преобразовании общества в СССР на социалистических началах, о новой жизни, свободной от эксплуатации человека человеком.

По инициативе коммунистов направлялись в СССР делегации чехословацких рабочих, крестьян, деятелей науки и культуры. Участников делегаций, как правило, избирали сами трудящиеся на заводских собраниях, митингах, конференциях трудового народа. Правители буржуазной республики, выполняя волю крупного монополистического капитала, прилагали отчаянные усилия, чтобы скрыть от трудящихся истину. Делегациям в Советский Союз власти чинили всевозможные препятствия: Их участники подвергались полицейским преследованиям, увольнялись с работы, им не выдавали заграничных паспортов. Нередко, как это было с делегацией, с которой Ю. Фучик весной 1930 г. направился в страну социализма, посланцам чехословацких трудящихся приходилось выбираться из Чехословакии тайком от полиции и нелегально переходить границу.

Рассказы очевидцев, побывавших в Советском Союзе и увидевших страну, где, по выражению Ю. Фучика, «наше завтра уже стало вчерашним днем», оказывали огромное воздействие на чехословацких рабочих и крестьян, зажигая в их сердцах страстное желание добиться того, что уже добыто советскими людьми. В заявлении от имени делегации чехословацких рабочих, посетивших СССР в 1931 г., говорилось: «На каждом шагу делегация вновь и вновь убеждалась, как отличаются результаты сотрудничества с буржуазией от результатов тактики революционной борьбы и свержения капитализма путем социальной революции. Результатом политики социалистических партий² являются кризис, голод и безработица, террор и кровавое преследование рабочего класса. Результатом революционной тактики Коммунистической партии Советского Союза является огромный рост (планового) производства и рост благосостояния трудящихся масс города и деревни, ... превращение царской России, бывшей тюрьмы народов, в социалистический союз свободных народов»³.

Великая, вдохновляющая правда о Советском Союзе, о героической борьбе и труде советских людей — создателей социалистического общества пробивала себе дорогу через все цензурные рогатки, доходила к трудящимся, несмотря на то, что митинги и собрания разгонялись, книги конфисковывались, а глашатаев правды избивали и бросали в тюрьмы. Неустанным преследованиям чехословацкие власти подвергали «Союз друзей СССР». На протяжении трех лет он дважды запрещался: в ноябре

¹ Ю. Фучик. Избранные очерки и статьи. М., 1950, стр. 32.

² Имеются в виду реформистские партии.

³ „Rudé právo“, 22. XI 1931.

1930 г. и в октябре 1932 г.¹ Каждый раз бурные протесты против произвола властей превращались в могучие демонстрации любви чехословацких рабочих и крестьян к первому пролетарскому государству, и напор широких масс в конце концов сметал полицейские запрещения. На большом митинге в Праге, состоявшемся 3 декабря 1930 г. в знак протеста против роспуска «Союза друзей СССР», тысячи трудящихся встретили громом оваций слова Клемента Готвальда, прозвучавшие как клятва вечной любви и беззаветной преданности: «Мы заявляем, что Советский Союз — наш, и что до последней капли крови будем защищать его от военного нападения империалистов»².

Коммунистическая партия Чехословакии высоко держала знамя пролетарского интернационализма, открыто и беззаветно поддерживала первую в мире пролетарскую диктатуру.

Призывая к укреплению дружбы с Советским Союзом, компартия поднимала трудящихся на революционную борьбу против своей буржуазии и ее антинациональной политики.

Полное и бесповоротное решение всех национальных и интернациональных задач в интересах трудового народа обеспечивалось только свержением власти эксплуататорских классов и установлением диктатуры рабочего класса, социалистической национализацией решающих средств производства. Руководствуясь революционной теорией, Коммунистическая партия Чехословакии возглавила трудящиеся массы, мобилизуя и организуя их для отпора наступления капитала, которое приобретало все больший размах по мере углубления кризиса.

Тактическую ориентировку международному коммунистическому движению в новых условиях борьбы дал Коммунистический Интернационал в постановлении «Назревающий мировой экономический кризис, массовая безработица и стачечная борьба», принятом Президиумом ИККИ в феврале 1930 г. Как указал Президиум ИККИ, главные задачи всех коммунистических партий капиталистического мира в обстановке развертывавшегося экономического кризиса, дальнейшего обострения классовой борьбы и нарастания революционного подъема состояли в завоевании основных масс пролетариата, в мобилизации и сплочении вокруг рабочего класса и под его гегемонией широких народных масс, прежде всего крестьянства и трудящихся угнетенных национальностей. Коммунистические партии должны были обеспечить руководство стачками, движением безработных, демонстрациями и иными массовыми выступлениями трудящихся с тем, чтобы направить их в русло политической борьбы, подвести рабочий класс к задачам революционной борьбы за власть, за диктатуру пролетариата.

Руководство КПЧ взяло твердый курс на самостоятельное руководство экономическими и политическими боями пролетариата, на организацию совместной борьбы рабочих, входящих в различные политические партии.

Перенесение центра тяжести в работе компартии на самостоятельное проведение экономических боев имело огромное значение для дальнейших судеб рабочего движения в Чехословакии, ибо только на этой основе возможно было сплотить под знаменем коммунизма большинство рабочего класса, создать единый пролетарский фронт.

Коммунисты успешно применили эту тактику во время конфликта (апрель 1930 г.) между рабочими-металлистами и предпринимателями Кар-

¹ „Rudé právo“, 26. XI 1930, 13. X 1932.

² „Rudé právo“, 5. XII 1930.

ловой Гути в Моравской Остраве. Вновь, как и в Олови и Рыхнове, инициатива принадлежала капиталистам, которые решили нанести удар по предприятию, где сильное влияние имели красные профсоюзы, чтобы вслед за этим развернуть широкое наступление против пролетариата в металлообрабатывающей промышленности. Предприниматели объявили об увольнении 1700 рабочих и остановке многих цехов¹. Рабочие ответили единой стачкой, в которой участвовали все цехи завода. Бастующие заручились поддержкой завода в г. Ротаве, принадлежавшего тому же концерну. Коммунисты организовали широкое движение пролетарской солидарности на предприятиях Остравы. По всему району прокатились стачки и многочисленные демонстрации. Попытки реформистов внести раскол в ряды рабочих потерпели полный крах, и предпринимателям пришлось отступить².

Успешная стачка сплотила рабочих и, когда они 11 июня вышли на демонстрацию протеста против ареста пролетарских борцов и террора правительства, в общей колонне шли уже вместе рабочие-коммунисты и социал-демократы. Карлова Гуть была наводнена жандармами. Вновь всколыхнулась вся Острава, ответившая на насилие жандармерии демонстрациями и стачками. Рабочие одержали еще одну победу, принудив освободить арестованных и прекратить увольнения. Борьба металлистов Карловой Гути имела большое значение для всего пролетариата. Как указывал К. Готвальд, непосредственно руководивший этой стачкой, «остравский метод» массовой мобилизации был обобщен партией и широко использован в руководстве классовой борьбой пролетариата³.

Забастовочное движение усилилось во второй половине 1930 г. Вслед за Карловой Гутью добились победы в стачке против снижения зарплат текстильщики городов Фридек и Мистек. С самого начала стачка, которой руководили коммунисты и красные профсоюзы, охватила весь текстильный район. Рабочие проявили необычайную сплоченность и единодушие. Во Фридковском округе уже на второй день забастовки остановились все фабрики. Социал-демократы, блокировавшиеся с христианскими социалистами, были изолированы. Стачка сочеталась с проходившими под знаменем единого фронта демонстрациями и митингами, в которых участвовали десятки тысяч пролетариев⁴.

За металлистами Карловой Гути, текстильщиками Фридка и Мистка последовали горняки, строители, машиностроители. Были проведены десятки успешных забастовок в самых различных отраслях чехословацкой промышленности. Правда, это были в большинстве небольшие стачки, требования забастовщиков сводились по преимуществу к протесту против увольнений, снижения зарплаты, урезывания прибавок и льгот и т. п. Но эти стачки вселяли в рабочих уверенность в своих силах, в способность отразить натиск капитала. Из месяца в месяц стачки приобретали все более острый характер. В силу того, что правосоциалистические лидеры были тесно связаны с государственным аппаратом и монополиями, рабочим приходилось вести борьбу с триединым врагом — с буржуазным государством, финансовым капиталом и социал-реформизмом.

Большое значение для борьбы пролетариата имела организация революционных выступлений безработных. Оппортунистические вожди социал-демократов и национальных социалистов стремились разобщить безработных.

¹ „Rudé právo“, 10. IV 1930.

² Jan. Šverma. Za socialistickou vlast. Praha, 1949, str. 38.

³ Klement Gottwald. Spisy, sv. II, str. 250.

⁴ „Rudé právo“, 11—12. VII 1930.

Они всячески пытались противопоставить безработных, состоявших членами профсоюзов и получавших пособие по гентской системе, «неорганизованным», т. е. не членам профсоюзов, вызвать раздор между ними и тем ослабить их боеспособность. Коммунистическая партия выступила организатором единой борьбы всех безработных, ставя задачей включить эту могучую силу в общий революционный поток борющегося пролетариата. По инициативе коммунистов стали создаваться комитеты действия безработных. 22 февраля 1930 г. в чехословацкой столице собрались представители от комитетов действия безработных крупнейших промышленных центров страны: Праги, Брно, Моравской Остравы, Либерец, Усти над Лабой, Хомутовы, Дома, Ческой Пршебовы и Берегова. Это была первая общегосударственная конференция безработных всей Чехословакии. Конференция создала Общегосударственный комитет действия безработных. Решения конференции были направлены на развертывание широкого движения за хлеб и работу. С особой силой была подчеркнута необходимость совместных действий всех пролетариев, как занятых еще на производстве, так и выброшенных уже на улицу, членов профсоюзов и неорганизованных. Призвав к повсеместному созданию комитетов действия безработных, конференция постановила, чтобы в состав этих комитетов вводились и занятые на производстве¹. Конференция наметила конкретные мероприятия по подготовке Международного дня борьбы против безработицы, намеченного в 1930 г. на 6 марта.

Международный день прошел в Чехословакии под лозунгом сплочения всех сил рабочего класса в единый боевой лагерь. Заводы и фабрики решительно поддерживали своих безработных товарищей. 6 марта 1930 г. на улицы нескольких десятков городов страны вышло более 100 тыс. демонстрантов². В промышленные центры были стянуты полиция, жандармерия, регулярные войска. Во многих местах полицейские и жандармы пустили в ход холодное и огнестрельное оружие.

Несмотря на репрессии, движение безработных росло. Руководство им всецело принадлежало коммунистической партии. Коммунисты неустанно расширяли организационную базу этого движения, повсюду создавая комитеты действия, устанавливая и упрочивая их связи с предприятиями.

Правительство, задавшись целью запугать безработных и сломить их, применило крутые карательные меры. По приказу министра внутренних дел жандармерия встречала выстрелами массовые походы безработных. Кровавую расправу над безработными каратели учинили в северочешском городке Духцове. Здесь 4 февраля 1931 г. должна была состояться демонстрация безработных. Из окружающих селений с утра стали стягиваться колонны демонстрантов. Одна из этих колонн шла по шоссе из Ледвиц. Ее сопровождал по пятам отряд жандармов. В середине дня колонна подошла к Духцову. В том месте, где шоссе, зажатое крутой железнодорожной насыпью и высоким забором, под прямым углом поворачивает в туннель под железной дорогой, демонстрантов остановил другой отряд жандармов. Когда около 500 безработных сгрудились плотной массой, обе жандармские шеренги открыли частую стрельбу разрывными пулями. Озверевшие убийцы не разрешали прийти на помощь павшим, грозя расстрелять каждого, кто к ним приблизится. Медицинская помощь была оказана с большим опозданием. По дороге в больницу и на больничных койках

¹ „Rudé právo“, 25. II 1930.

² „Коммунистический Интернационал“, 1930, № 11, стр. 41.

к вечеру умерло четыре рабочих. Оставшихся в живых вскоре выбросили из больницы с незажившими ранами.

Кровавые события в Духцове вызвали гнев и возмущение пролетариата всей республики. Для мобилизации трудящихся и разъяснения политического смысла событий в Духцове коммунисты широко использовали парламентскую трибуну. Произнесенные в парламенте и затем опубликованные в печати речи коммунистических депутатов были широко распространены в стране. С пламенным обличением капиталистической системы выступил руководитель КПЧ К. Готвальд.

«...В конечном счете, — подчеркнул К. Готвальд, — из духцовских событий для всех рабочих вытекает урок, что режим, который вместо хлеба дает им свинец, вместо работы тюрьму, обанкротился, и что если рабочие хотят вырвать больший кусок хлеба, если хотят защитить свою жизнь, они должны вести борьбу против всего этого режима. Вытекает урок, что если рабочие хотят жить, то этот преступный режим должен быть уничтожен»¹.

На жандармские залпы, раздававшиеся у духцовского виадука, трудовая Чехословакия ответила гневными митингами протеста, многотрудными демонстрациями, политическими стачками². Возмущение рабочих усилилось, когда они узнали о наглом заявлении премьер-министра Удржала в парламенте, выступившего с угрозой, что власти и впредь будут поступать так же, как в Духцове.

Пролетариат еще теснее сплотился вокруг компартии и горячо поддерживал ее призыв прекратить на четверть часа работу в день погребения жертв духцовского кровопролития. В самом Духцове и его округе проводить своих товарищей в последний путь вышло свыше 25 тыс. рабочих. Похороны превратились в мощную политическую демонстрацию³.

Приближалось 25 февраля — Международный день борьбы против безработицы. Атмосфера накалялась с каждым днем. Правительство готовило новые репрессии. Буржуазная печать требовала поставить вне закона коммунистическую партию, разогнать ее организации, изгнать из парламента коммунистических депутатов и сенаторов. 21 февраля прекратился легальный выход центрального органа компартии газеты «Руде право», издание которой было запрещено властями на один месяц. Вслед за этим была запрещена почти вся коммунистическая печать. Компартия сразу же организовала нелегальный выпуск и распространение своих печатных изданий, и «Руде право» рабочие получали попрежнему каждый день.

Власти открыто и громогласно угрожали, что 25 февраля «демонстрации будут подавлены всеми средствами». И, действительно, «все средства» были приведены в движение, чтобы не допустить выступления безработных. Но вопреки усилившимся репрессиям, демонстрации 25 февраля состоялись по всей стране, и в них участвовало около 200 тыс. человек, т. е. вдвое больше, чем год назад. «... не будет преувеличением сказать, — отмечал в 1931 г. т. Мануильский, — что в Чехословакии в нынешнем году Международный день безработицы по своей подготовке и боевому характеру был проведен лучше всех других стран»⁴. Это была бесспорная победа Коммунистической партии Чехословакии, свидетельство роста ее влияния в массах.

Рост влияния компартии был закономерным результатом ее стойкой и последовательной защиты насущных интересов рабочего класса, всего трудо-

¹ Klement Gottwald, Spisy, sv. II, str. 198.

² „Rudé právo“, 6—7. II 1931.

³ „Rudé právo“, 8. II 1931.

⁴ „Коммунистический Интернационал“, 1931, № 12, стр. 29.

вого народа, результатом повседневной борьбы против реформистской проповеди классового мира и соглашательской политики заправил социал-демократии и чешских национальных социалистов.

За годы экономического кризиса усилилось подчинение социал-соглашательских партий и реформистских профсоюзов финансовому капиталу.

Оппортунистические вожаки социал-демократической и национально-социалистической партий Чехословакии переродились в прямую агентуру империализма. Они раболепствовали перед денежными тузами в парламенте и буржуазном правительстве в расчете на получение крупных подношений и доходных местечек в управлении акционерных компаний.

Финансовые магнаты не скупились в расходах на подкуп предателей рабочего класса. Так, председатель социал-демократической партии Антонин Гампл, являвшийся депутатом парламента и председателем реформистского профсоюза металлистов, в то же время был вице-президентом акционерного общества «Центральные электрические предприятия» и председателем Центрального страхового банка в Праге.

Франтишек Соукуп, представлявший чешских социал-демократов в Исполкоме II Интернационала, владел недвижимой собственностью, оценивавшейся в несколько миллионов крон, и управлял акционерным страховым обществом «Чехославия» в Праге. Для характеристики лидеров «левого» крыла чехословацкой социал-демократии достаточно указать на Людека Пика и Яна Прокеша. Первый был управляющим административным советом пльзенской городской сберегательной кассы, сначала членом, а затем управляющим административным советом пльзенской Шкодовки; второй — управляющим Моравским ипотечным и земским банком в Брно, президентом городской сберкасс в Моравской Остраве и председателем моравско-остравского акционерного общества.

Насколько распространенным явлением была коррупция верхушки социал-демократической партии, свидетельствует уже то, что половина социал-демократических депутатов и сенаторов входила, как уже выше отмечено, в состав правлений монополистических объединений.

Теснейшими узами связанные с монополиями и буржуазным государством, социал-реформистские лидеры не могли проводить иной политики, кроме политики спасения империализма. Это в полной мере, хотя и в несколько замаскированной форме, отражала программа социал-демократической партии, так же как и программа национально-социалистической партии.

Социал-демократия новую партийную программу приняла на своем XVI съезде, состоявшемся в сентябре 1930 г. Социал-демократическая программа признавала, что государственное устройство Чехословацкой республики основано на господстве класса капиталистов над численно преобладающим большинством трудящихся. Однако за этим следовало утверждение, что пролетариат не созрел для управления государством и еще недостаточно силен, чтобы взять власть в собственные руки. Поэтому, говорилось в программе, рабочий класс должен оставить какие-либо помыслы об освобождении от капиталистического рабства и довольствоваться возможностью участия представителей социал-демократии в буржуазном коалиционном правительстве.

Чехословацкая буржуазия публично высказала свое одобрение результатом социал-демократического съезда. «Нынешний съезд, — писала тесно связанная с Живнобанком газета «Народни листы», — стремился дать партии такие определенные крепкие принципы и директивы в смысле мирной позитивной политики, которые покончили со старой идеологией о некой конечной цели и революционном мышлении рабочих масс»¹. Говоря о лидерах

социал-демократии, орган аграриев «Венков» отзывался о них, как о людях, которые «стоят на почве нынешнего (т. е. буржуазного. — С. П.) государства и до конца признают его честно и без лукавства»².

«Честно и без лукавства» преданные крупному монополистическому капиталу правые социалисты видели свою задачу, как цинично заявил об этом министр социал-демократ Винтер, в том, чтобы охранять интересы не промышленного пролетариата, а капиталистической промышленности. Ввиду отсутствия в Чехословакии влиятельной политической партии предпринимателей и тяжелой индустрии, откровенничал Винтер, социал-демократы должны «выполнять роль, которая в других странах принадлежит партиям промышленной буржуазии»³.

Подобно социал-демократии и национально-социалистическая партия переработала программу. Выбросив из новой программы какие-либо упоминания о классовой борьбе, национально-социалистическая партия в своей деятельности исходила из оппортунистического принципа классового сотрудничества и постепенной эволюции капитализма, перехода к социализму путем реформ, без революции. Псевдосоциалистическая фразеология, к которой национальные социалисты прибегали, чтобы прикрыть свою давнишнюю измену социализму, употреблялась исключительно для обмана пролетариата. О действительной борьбе за социалистическое общество чешские национальные социалисты, конечно, не помышляли. Они открыто выступили против учения о диктатуре пролетариата. В программе действия, которая была подготовлена к XII съезду чешской национально-социалистической партии, происходившему в апреле 1931 г., говорилось на этот счет: «От коммунизма ее (национально-социалистическую партию. — С. П.) отличает тот факт, что она не признает Маркса, не соглашается с диктатурой пролетариата...»⁴. Говорить о социализме и одновременно выступать против диктатуры пролетариата, без которой социалистическое общество невозможно построить, могли только лакеи буржуазии, сознательно стремящиеся одурачить рабочий класс, отвлечь его от революционной классовой борьбы за свержение капитализма. Такими злейшими врагами пролетариата и были В. Клофач, Э. Бенеш и им подобные заправилы чешской национально-социалистической партии. В довершение всего новая партийная программа была пронизана буржуазным национализмом и идеалистической философией.

Решения и программы, принятые съездами социал-демократической и чешской национально-социалистической партий, их повседневные действия показывали революционным рабочим, как далеко зашли реформисты в своей измене делу освобождения пролетариата от империалистического гнета и эксплуатации.

Все более широкие слои пролетариата начинали понимать это и обращали свои взоры к коммунистической партии, справедливо видя в ней единственную партию, способную выполнить роль политического вождя рабочего класса и всех трудящихся в борьбе за освобождение от капитализма. Коммунистическая партия оказалась достойной того доверия, которое питали к ней массы рабочих и крестьян Чехословакии. Она возглавила борьбу трудящихся и указала им пути революционного выхода из экономического кризиса.

¹ См. „Rudé právo“, 4. X 1930.

² Там же.

³ См. „Rudé právo“, 21. VII 1931.

⁴ См. „Rudé právo“, 8. IV 1932.

ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ КРИЗИСА

Большим событием в истории чехословацкого революционного движения явился VI съезд коммунистической партии, состоявшийся 7—11 марта 1931 г. в Праге. За работой съезда коммунистической партии с огромным вниманием и горячей симпатией следили широчайшие слои трудового народа Чехословакии.

От имени революционного пролетариата VI съезд КПЧ приветствовали делегации заводов, безработных и пролетарских организаций; в президиум съезда поступили приветственные телеграммы и письма со всех концов республики.

В докладе ЦК КПЧ «Между V и VI съездом Коммунистической партии Чехословакии», с которым выступил К. Готвальд, были показаны причины и размах мирового экономического кризиса, его особенности в Чехословакии. Противопоставив разложению капиталистической экономики успехи социалистического хозяйства в СССР, съезд отметил, что «окончательно доказана жизненность новой, социалистической системы и раскрыты огромные творческие способности пролетариата, освободившегося от оков капитализма; порабожденным массам капиталистического мира и колоний указывается единственный путь из кризиса, хаоса и нищеты; нужды и голода: путь насильственного свержения господства буржуазии, установления диктатуры пролетариата»¹.

Такой выход из кризиса в полной мере обеспечивал интересы трудящихся, ибо не только давал избавление от бедствий данного кризиса, но и исключал возможность его повторения в будущем.

Дав перспективу революционного выхода из кризиса, VI съезд указал, что обстановка со всей остротой ставит перед партией задачу изолировать социал-реформистов от масс, завоевать большинство рабочего класса и обеспечить гегемонию пролетариата в движении остальных угнетенных капитализмом классов, особенно крестьянских масс.

Ввиду этого главной тактической задачей партии являлась всесторонняя защита повседневных экономических интересов трудящихся города и деревни от наступления буржуазии. Съезд подчеркнул, что, решая эту задачу, партия всегда должна связывать борьбу за повседневные интересы масс с борьбой за конечную цель — за свержение господства буржуазии и утверждение политического господства пролетариата. Съезд потребовал, чтобы партийные организации и все коммунисты вели неустанную борьбу на два фронта: как против ультралевого сектантства, ограничивавшегося лишь разговорами о конечных целях движения и пренебрегавшего защитой повседневных интересов трудящихся, так и против правого оппортунизма, приносящего конечные цели движения в жертву частичным, временным успехам, низводящего партию на положение реформистской партии II Интернационала. Используя все формы борьбы за работу, хлеб и другие экономические требования трудящихся, компартия должна помочь массам осознать необходимость политической борьбы против всей капиталистической системы, убедить их на собственном опыте в том, что коренное улучшение положения трудящихся, избавление их от безработицы, разорения, нищеты и голода может быть достигнуто в результате ликвидации капитализма и установления диктатуры пролетариата.

Съезд одобрил политическую линию партии и подчеркнул, что ЦК в своей деятельности проводил правильную политику.

¹ „Protokol VI řádného sjezdu KSČ“. Nákladem sen Josefa Hakena. Praha — Žižkov, 1931, str. 256.

Сосредоточивая внимание на нерешенных задачах, съезд указал, что самым слабым местом в работе партии остается руководство борьбой за экономические требования рабочего класса. В своих решениях съезд показал, какое огромное, принципиальное значение для укрепления связей между партией и массами имеет повседневная защита насущных нужд пролетариата. «Самостоятельное руководство экономическими боями, — указал съезд, — развертывание крупных массовых стачек против наступления капитализма, за жизненные интересы трудящихся масс является поэтому сегодня самым главным путем к завоеванию большинства рабочего класса...»¹. Перед коммунистами была поставлена задача мобилизовать пролетариат на активное боевое сопротивление натиску капиталистов под лозунгом: «Ни одного человека с завода, ни одного галера из зарплаты».

Ввиду особой важности экономической борьбы в условиях кризиса партия острее, чем когда-либо прежде, поставила вопрос о красных профсоюзах. Съезд обсудил вопрос об экономической борьбе и задачах партии в профсоюзной работе, выдвинув перед красными профсоюзами как главную задачу — организацию самостоятельных экономических боев и создание на этой основе единого революционного фронта пролетариата. Вся партия должна посвятить себя профсоюзной работе, подчеркнул съезд в своих решениях.

VI съезд коммунистической партии отметил, что предстоящая революция в Чехословакии примет в общем социалистический характер. Однако на пути к социализму революция в Чехословакии в силу значительных пережитков феодализма в земледелии неизбежно пройдет переходный этап, цель которого будет состоять в том, чтобы довести до конца буржуазно-демократическую революцию в деревне, решить земельный вопрос путем конфискации всей помещичьей и церковной земли и передачи ее мелким и средним крестьянам².

Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в революции, имел весьма важное значение для рабочего движения в буржуазной Чехословакии.

Проанализировав классовое расслоение в деревне, съезд признал, что разоряемое и экспроприруемое капитализмом крестьянство — естественный союзник пролетариата в борьбе против эксплуататоров, ибо интересы трудящихся крестьян совпадают с коренными интересами рабочего класса. Поэтому есть все основания для создания могучего рабоче-крестьянского союза — решающей силы общественного развития. Намечая пути укрепления союза рабочих и крестьян, VI съезд КПЧ отметил, что классовой базой пролетариата в деревне являются бедняцкие массы. Без организации сельскохозяйственных рабочих, без борьбы за их повседневные интересы пролетариат не сможет завоевать гегемонию в крестьянском движении.

Съезд четко определил позицию по отношению к среднему крестьянству и указал, что партия в своей политике должна руководствоваться ленинским лозунгом о нейтрализации середняка. «Постоянные колебания этого слоя неизбежны, — говорилось в решениях съезда. — Революционный пролетариат должен поставить себе целью этот слой по меньшей мере нейтрализовать в ближайшем будущем и в начале периода диктатуры пролетариата»³.

¹ „Protokol VI řádného sjezdu KSČ“, str. 284.

² Там же, стр. 310—311. Уже тогда КПЧ предвидела, что в дальнейшем, после победы пролетарской революции, процесс добровольного объединения трудящихся крестьян Чехословакии в коллективные хозяйства будет ускорен и облегчен, благодаря использованию опыта Советского Союза.

³ „Protokol IV řádného sjezdu KSČ“, str. 311.

Решения съезда были направлены на то, чтобы рабочий класс Чехословакии при опоре на деревенскую бедноту поднял трудовое крестьянство на борьбу за его повседневные требования и в ходе этой борьбы изолировал аграриев и реформистов, сплотил вокруг компартии широчайшие крестьянские массы, убедил их на собственном опыте в необходимости свержения капиталистического строя. Центральным пунктом агитации компартии в деревне стало требование конфискации крупной земельной собственности, породившее массовое крестьянское движение под лозунгом: «Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает».

VI съезд КПЧ большое внимание уделил национальному вопросу, имевшему огромное значение для такого многонационального государства, как Чехословацкая республика. В принятых съездом тезисах по национальному вопросу, содержавших ленинский лозунг о праве наций на самоопределение, выражение «чехословацкий империализм», которое имело прежде хождение в партийной пропаганде, было заменено правильным выражением «чешский империализм», что точно определяло главного носителя национального угнетения в Чехословакии — чешскую империалистическую буржуазию.

Компартия подняла знамя равноправия всех наций, населявших Чехословацкую республику, и развернула революционную борьбу против политики угнетения не чешских национальностей, проводимой правящими кругами. Партия решительно и непримиримо отстаивала интернационалистскую позицию и подчеркивала, что только уважение жизненных интересов и прав немецкого народа в состоянии противодействовать проискам германского империализма в среде немецкого населения, живущего в пограничных районах чехословацкого государства. КПЧ вела неуклонную борьбу против угнетения словацкого и остальных народов республики, за признание и осуществление их национальных прав. Коммунисты решительно выступили против великодержавной «теории», отрицавшей национальную самобытность словацкого народа и использовавшейся чешской буржуазией для идеологического «обоснования» национального угнетения словаков. Компартия рассматривала население Закарпатской Украины как часть украинского народа, имеющую неоспоримое право на воссоединение со своей родиной — Советской Украиной.

Выполнение решений VI съезда Коммунистической партии Чехословакии обеспечивало дальнейшее укрепление партии на базе идеологических и организационных принципов большевизма. Съезд закрепил поворот партии к массовой политике, совершенный в ее работе незадолго до этого, и вооружил революционный авангард пролетариата боевой программой, сыгравшей огромную роль в организации пролетарских масс, в развертывании движения трудового крестьянства и угнетенных национальностей Чехословацкой буржуазной республики.

Коммунистическая партия уделила большое внимание подготовке очередного съезда красных профсоюзов. Превратить красные профсоюзы в действительно массовые организации, объединяющие широкие беспартийные массы, — такова была задача дня. «Всеми товарищами должно быть понято, — писал в газете «Руде право» К. Готвальд, — что от выполнения этой задачи зависит дальнейшее развитие влияния и дееспособности партии. Сегодня вопрос стоит так: если хотим быстрее идти по пути к завоеванию большинства рабочего класса, мы должны добиться перелома на профсоюзном и организационном фронте»¹.

Красные профсоюзы к IV съезду, который был назначен на 24 мая 1931 г., сплотили свои ряды, очистившись от реформистов типа Гайса. Со-

¹ Klement Gottwald. Spisy, sv. III, str. 35.

крашение числа членов в красных профсоюзах вскоре приостановилось, а затем начался, правда, на первых порах медленный, но неуклонный рост рядов профсоюзных организаций. При помощи компартии красные профсоюзы исправили ошибки ультралевого характера, допущенные весной 1930 г. и состоявшие в бойкоте гентской системы. Коммунистические депутаты внесли в парламент законопроекты, предусматривавшие обеспечение пособием всех безработных, а не только членов профсоюзов, и притом всецело за счет государства и предпринимателей. Эти законопроекты были отвергнуты голосами буржуазно-помещичьих и «социалистических» депутатов. Но рабочие массы увидели, что только коммунисты последовательно и непримиримо отстаивают их насущные интересы. Предложения компартии горячо поддержал Общегосударственный съезд безработных, состоявшийся в марте 1931 г., и эти предложения стали требованиями всех безработных страны.

Ликвидаторы из компании Гайса окончательно разоблачили себя как реформисты и вскоре открыто слились с социал-демократами и национальными социалистами. Обманутые рабочие с возмущением порывали с ликвидаторами, покидали их организации и стали группами, организациями вступать в профессиональные союзы, руководимые коммунистами.

Еще более укрепили авторитет красных профсоюзов самостоятельно проведенные ими стачки, давшие материальные результаты бастовавшим рабочим. Экономические бои, организованные революционными профсоюзами вопреки сопротивлению реформистов, доказали массам, что единый фронт пролетариата в силах отразить натиск капиталистов, государства и социал-соглашателей на жизненный уровень и демократические права трудящихся.

Коммунистическая партия отмечала эти бесспорные успехи революционного профсоюзного движения, но она не скрывала и того, что красные профсоюзы еще не стали организациями широких рабочих масс, что еще не подорваны главные позиции социал-реформизма на фабриках и заводах. Партия придавала большое значение предстоящему IV съезду красных профсоюзов и тщательно его готовила.

Готовилось действовать и буржуазное правительство. Едва 24 мая открылся съезд красных профсоюзов, в зале заседаний появился полицейский комиссар, объявивший о запрещении и роспуске съезда. Делегаты вынуждены были очистить зал, но они собрались в другом месте, и в дальнейшем все заседания съезда и его секций проводились нелегально¹.

IV съезд нацелил красные профсоюзы на организацию контрнатупления против капиталистического натиска, на объединение выступлений отдельных предприятий, развертывание этих выступлений в массовые стачки, охватывающие рабочий класс целых районов, на превращение каждой стачки в широкое народное движение.

В 1931 г. в Чехословакии наблюдался подъем стачечной борьбы рабочих, оказавшей сильнейшее воздействие на все слои трудящихся, особенно на крестьянство Закарпатской Украины и Словакии.

В 1931 г. преобладали частичные стачки, ставившие конкретные экономические требования. Волна таких стачек поднималась из месяца в месяц, захватывая все новые отрасли промышленности. Летом по стране прокатились бурные стачки строительных рабочих², бастовали рабочие стекольной и текстильной промышленности. Во второй половине года забастовки охватили металлургическую и горнодобывающую промышленность, хотя здесь позиции социал-демократии были особенно сильны. На борьбу за выплату

¹ „Rudé právo“, 27. V 1931.

² „Rudé právo“, 30. I 1932, XII пленум ИККИ, т. 1, стр. 50.

пособий поднялась почти половина горняков Северо-чешского угольного бассейна, демонстративные стачки которых проходили под знаменем единого фронта. В Кладненском бассейне забастовали рабочие крупнейших шахт, требуя пособия по дороговизне. Наступал перелом и в металлопромышленности, где реформистам в течение ряда лет удавалось удерживать от борьбы большинство рабочих. В движение вовлекались такие крупные предприятия, как комбинат Кальбен-Данек, Полдина Гуть, заводы Шкода в Праге, Пльзене, в Болеславе, Брно, заводы в Трнаве и Сандрике¹.

В местных боях, которые проводились под руководством коммунистов, плачивались ряды рабочего класса. Проведением многочисленных местных стачек, повседневной защитой частичных требований рабочих компартия упрочивала связи с массами, подводила их к своим лозунгам и тем подготавливала массовые выступления пролетариата, которые, начинаясь как экономические забастовки, превращались в широкое политическое движение целых районов.

Частичные экономические стачки, проходившие по всей стране, сочетались с бурными демонстрациями, нередко сопровождавшимися столкновениями с полицией и жандармерией, как это и было, например, в Фривальдове в ноябре 1931 г. Начавшаяся здесь экономическая забастовка рабочих каменоломни превратилась в событие большого политического значения, получившее мощный отклик во всей Чехословакии. Местные власти, решив во что бы то ни стало сломить забастовку, по приказу правительственных органов 25 ноября расстреляли демонстрацию рабочих и безработных Фривальдовского округа. Жандармы убили восемь и ранили несколько десятков рабочих и работниц. Компартия призвала трудящихся Чехословакии к протесту против нового кровавого злодеяния буржуазного правительства. По всей стране прокатилась буря негодования. В Фривальдове была объявлена всеобщая политическая стачка, охватившая 50 фабрик и заводов. Она продолжалась до дня похорон жертв политического террора. В течение двух недель по всей республике происходили политические демонстрации пролетариата. В этих выступлениях, руководимых компартией, участвовало больше 200 тыс. рабочих.

Боевые политические выступления и стачки промышленного пролетариата привели в движение и крестьянство. Весной 1931 г. поднялись на борьбу сельскохозяйственные рабочие Словакии. 18 мая батраки в Горных и Дольных Салибах прекратили работу, требуя повышения зарплаты на 30%. Стачка быстро распространялась, и через три дня бастовало уже более 2 тыс. рабочих в девяти имениях Галантского округа. 23 мая управляющие имениями, связанными с концерном Живностенского банка², вынуждены были полностью удовлетворить требования стачечников. Опасаясь, что победа сельскохозяйственных рабочих Галантского округа вдохновит на борьбу батраков всей Словакии, власти прибегли к открытому террору, послав карательный отряд в деревню Кошуты, где 25 мая собрались крестьяне для того, чтобы обсудить сообщение об успешном окончании стачки. Жандармы, открыв стрельбу, разогнали собрание, убив при этом двух и тяжело ранив 14 человек. В деревне, оцепленной жандармскими патрулями, были произведены аресты, весь округ был переведен на осадное положение³.

Однако капиталистическим концернам и помещикам не помогли ни расстрелы, ни угрозы министра внутренних дел, который под аплодисменты социал-демократических и национально-социалистических депутатов заявил

¹ „Rudé právo“, 25. IV, 17. V и 26. VII 1931, 30. I 1932.

² „Rudé právo“, 24. V 1931.

³ „Rudé právo“, 27. V 1931.

в парламенте, что с рабочими в Чехословакии следует поступать так, как это сделали жандармы в Кошутах. Словацкие батраки были поддержаны бурной кампанией протеста, проведенной промышленным пролетариатом под руководством компартии. Сельскохозяйственные рабочие Словакии не прекратили борьбы. Под руководством красного профсоюза в ряде словацких округов (Шалья над Вагом, Нови Замки, Левице) были проведены новые успешные стачки батраков, добившихся повышения зарплаты на 30—35%¹. В 1931 г. в Чехословакии было отмечено 33 стачки сельскохозяйственных рабочих, в которых участвовало 10 тыс. батраков.

Начались массовые выступления и в чешской деревне. В свекловичном районе Подлипке мелкие крестьяне и беднота потребовали отмены ограничения посевов свекловицы и прекращения снижения цен на нее сахарным картелем. Вместе с тем было выдвинуто требование выдачи пособия безработным и в деревне.

В июне 1931 г. в г. Пршерове состоялся съезд трудящихся крестьян долины Ганы. Съезд был созван Общегосударственным комитетом трудящихся крестьян² и проходил под руководством коммунистов. Среди делегатов, представлявших Пршеровский, Оломоуцкий, Кромержизский, Простеевский и другие округа, были бедняки, мелкие и средние крестьяне, как беспартийные, так и члены различных крестьянских организаций, в том числе представители национальных социалистов и аграриев.³ Съезд прошел в атмосфере сплочения трудового крестьянства и пролетариата.

Генеральный секретарь КПЧ К. Готвальд приветствовал съезд от имени ЦК коммунистической партии. В своей речи К. Готвальд показал крестьянам, что источником их нищеты и разорения является капиталистический строй. Готвальд подчеркнул, что трудовое крестьянство добьется осуществления своих требований лишь в союзе с промышленным пролетариатом, как это показывает пример Советского Союза³.

Участники съезда с большим интересом отнеслись к выступлению крестьянина Догнала, который побывал с делегацией чехословацких трудящихся в СССР и рассказал на съезде о жизни советских крестьян. «И мы должны добиться такой же жизни», — так закончил он свою речь⁴.

Съезд продемонстрировал горячую любовь чехословацкого крестьянства к Советскому Союзу. Было принято специальное постановление о посылке делегата в СССР.

Лозунг «Рабочие и трудящиеся крестьяне, объединяйтесь!» ясно отражал атмосферу, господствовавшую на крестьянском съезде. На имя съезда поступили многочисленные приветствия от рабочих. Свою солидарность с революционным пролетариатом крестьяне выразили сбором денег для базирующихся металлистов Карловой Гути.

Трудящиеся крестьяне долины Ганы разработали программу борьбы, изложив ее в манифесте ко всему трудовому крестьянству Чехословакии. Главными требованиями этой программы были: снижение налогообложения трудящихся крестьян, прекращение распродажи крестьянского имущества за долги и списание недоимок с мелких крестьян, государственная помощь трудовому крестьянству, прекращение субсидий помещикам, бесплатное страхование для тружеников деревни за счет прогрессивного обложения всех крупных собственников⁵.

¹ „Rudé právo“, 31. V — 10. VI 1931.

² Комитет был избран в ноябре 1930 г. на созванных по инициативе коммунистов конференциях трудящихся крестьян Чехии, Моравии и Силезии в Праге и мелких крестьян Словакии и Закарпатской Украины в Жилине („Rudé právo“, 4. XI 1930).

³ Klement Gottwald. Spisy, sv. III, str. 70.

⁴ „Rudé právo“, 19. VI 1931.

⁵ „Rudé právo“, 9. VI 1931.

4 Ученые записки, т. XII

Пршеровский съезд трудового крестьянства сыграл большую роль в развитии классовой борьбы в деревне и способствовал созданию союза пролетариата и крестьянства, усилил влияние компартии в крестьянских массах.

Подводя итоги 1931 г., газета «*Rudé právo*» писала: «... Жестокие удары экономического кризиса начинают срывать идеологические путы, которыми социал-фашистские вожди стремятся сковать социалистических рабочих... Над Чехословакией начинает веять новый ветер...»¹.

Революционная борьба трудящихся неуклонно нарастала: по всей стране прокатывались волны массовых стачек; движение безработных к весне 1932 г. достигло наибольшего размаха; ширились выступления трудового крестьянства; усиливалась борьба угнетенных народов национальных окраин.

В марте 1932 г. в Чехословакии началась забастовка горняков. К этому времени капиталисты развернули широкое наступление на жизненный уровень пролетариата, расторгая коллективные договоры в областях, тысячами и десятками тысяч выбрасывая рабочих с предприятий, срезая не только разного рода пособия и надбавки, но и посягая уже на основную зарплату.

Такое же положение сложилось и в горнодобывающей промышленности. Путем изощренной интенсификации труда угольные бароны добились за десятилетие, предшествующее 1932 г., значительного роста производительности труда шахтера (на 100% в каменноугольных и на 70% в бурогольных копях). С работы были уволены десятки тысяч горняков. Лишь в течение 1931 г. с каменноугольных и бурогоугольных шахт была выброшена почти четвертая часть всех рабочих.

Но и остававшиеся на производстве шахтеры очень часто могли работать всего две-три смены в течение недели. В результате заработок рабочих существенно уменьшился. Он составлял у шахтера Северо-чешского и Остравского угольных бассейнов в среднем 40 крон в неделю, в других районах — не превышал 37 крон. Эти средние цифры скрывали действительное положение горняков. 37—40 крон в неделю зарабатывало меньше половины всех шахтеров, а большая их часть не зарабатывала и этого.

В 1930 г. общая сумма заработной платы горняков Северо-чешского района снизилась на 40 млн. крон, а Остравского района на 64 млн. При этом, по явно преуменьшенным данным официальной статистики, чистая прибыль угольных баронов в Северной Чехии превысила 235 млн. крон, а угольных баронов Остравы — 409 млн. крон.

В начале марта 1932 г. шахтовладельцы Остравского бассейна объявили о новом увольнении в ближайшие недели 15 тыс. шахтеров, о предстоящем снижении зарплаты на 30% и ухудшении ряда других условий договора. 5 марта в Моравской Остраве собралась конференция шахткомов бассейна. Конференция постановила: «Не отступать ни на шаг! Ни одного человека с предприятия, ни одного галера из зарплаты!»². После конференции на 22 самых крупных шахтах Остравы прошли рабочие собрания, в которых участвовала 21 тыс. шахтеров. Повсюду единодушно принимались решения о подготовке стачки, в ряде мест были избраны комитеты единого фронта³.

В это время в другом крае страны, в Северо-чешском бассейне, произошла катастрофа на шахте Кохинор. 15 марта перед полуднем на шахте начался пожар. День был не рабочий, в забоях находилось восемь шахтеров из ремонтной бригады. Управляющий, получив сообщение о начавшемся

¹ «*Rudé právo*», 1. I 1932.

² «*Rudé právo*», 16. III 1932.

³ «*Rudé právo*», 19. III 1932.

пожаре, отдал приказ замуровать вход в шахту, чтобы прекратить доступ воздуха¹. Восемь рабочих были заживо сожжены в охваченной пожаром шахте, обгоревшие их трупы были извлечены лишь летом следующего года.

В знак протеста против преступления капиталистов на принадлежащих тому же Ломскому обществу шахтах «Колумбус» и «Геркулес» вспыхнули забастовки, распространившиеся затем по всей Северной Чехии. Стачки против увольнений начались на копях Мостецкого угольного общества «Нельсон», «Бигль» и «Александр»².

Движение перекинулось на шахту «Гумбольд» (в районе Моста), где забастовка началась 21 марта, как только стало известно о намерении предпринимателей закрыть шахту и уволить всех рабочих.

Забастовавшие горняки «Гумбольда» и безработные вместе с женами и детьми отправились на соседние шахты и остановили их. Вскоре возникла своеобразная «шахтерская кавалерия» — крупные отряды велосипедистов, которые, передвигаясь на десятки километров, поднимали на забастовку шахту за шахтой³.

Шахтерская стачка стала распространяться на другие угольные районы страны. 29 марта началась стачка на шахтах в Остраве, где через два дня бастовало уже около 10 тыс. рабочих. К движению присоединились и рабочие крупнейших шахт угольного района Кладно (7 тыс. рабочих), все горняки Гандловского бассейна в Словакии (тысяча рабочих), около 1500 горняков Фалькнова. Всего в стачечную борьбу вступило до 50 тыс. шахтеров⁴.

Центром борьбы являлся Мост. Руководство забастовкой с самого начала и до конца находилось в руках коммунистов. При первом известии о катастрофе на шахте «Кохинор» в Северо-чешский бассейн выехал генеральный секретарь красного профсоюза горняков В. Носек. Непосредственное руководство бастующими осуществляли генеральный секретарь коммунистической партии К. Готвальд и руководитель красных профсоюзов А. Запотоцкий.

Вся забастовка проходила на базе единого фронта рабочих. Лозунг коммунистов «Единство — стачка — победа!» стал лозунгом масс. На предприятиях избирались органы единого фронта — стачечные комитеты, в состав которых наряду с коммунистами входили и реформистские рабочие.

27 марта по инициативе рабочего комитета шахты «Гумбольд» в Мосте состоялась конференция единого фронта всего округа. На конференции были приглашены также и руководители реформистских профсоюзов. Сделано это было для того, чтобы рабочие, состоявшие в этих организациях и доверявшие еще своим руководителям, воочию убедились в их измене делу пролетариата. После этой конференции реформистские рабочие уже не требовали ведения переговоров с их вождями и не приглашали их на другие конференции. Так, в процессе борьбы, шаг за шагом, убеждаясь на собственном опыте в предательстве правосоциалистических руководителей, массы освобождались от реформистских иллюзий, отходили от социал-демократов и поворачивали в сторону коммунистов.

Первая конференция единого фронта в Мосте по предложению коммунистов приняла программу борьбы горняков. В этой программе выдвигались

¹ „Rudé právo“, 18. III 1932.

² „Rudé právo“, 19. III 1932.

³ Эти отряды, организованные коммунистами, сыграли важную роль в ходе стачки: несли службу связи, передавали указания стачкома, следили за маневрами полиции, жандармерии и войск, быстро и на большие расстояния перебрасывали участников демонстраций и т. п. (А. Zápatocký, J. Šverma. Hornická stávka. Praha, 1932. str. 24—25).

⁴ „Protokol VII sjezdu Komunistické strany Československa“, str. 277.

требования: отмена произведенных увольнений, никаких увольнений и отмена снижения зарплаты по крайней мере в течение года, оплата рабочим всего времени стачки за счет угольных баронов, улучшение страхования, создание выборной инспекции по охране труда, оплачиваемой государством и шахтовладельцами, и т. д. Наряду с этим в программу были включены настоящие требования безработных (замена гентской системы государственных субсидиями всем оставшимся без работы, предоставление работы горнякам, демобилизованным из армии). Наконец, конференция потребовала немедленного удаления жандармерии и солдат из района стачки¹.

Конференция приняла решение добиться распространения забастовки на весь округ. Для ведения борьбы был избран Центральный стачечный комитет, в состав которого вошли представители всех рабочих организаций и различных политических партий. Руководство этим комитетом осуществляли коммунисты.

В течение двух-трех дней после конференции работа была прекращена на всех шахтах Мостовского округа. Забастовало свыше 25 тыс. горняков, более 100 шахт².

Центральный стачком установил контроль над выдачей добытого угля. Без разрешения стачкома со складов не выдавалось ни одного килограмма топлива. Для рассмотрения заявок при комитете была создана специальная угольная комиссия. В комиссию вынуждены были обращаться все, у кого появилась потребность в топливе, в том числе окружные власти, гарнизон и сама горнорудная компания. Топливо отпускалось лишь для школ, больниц и других общественно-коммунальных учреждений. Государственным органам и предпринимателям стачком заявлял, что они угля не получают, пока не будут удовлетворены требования забастовщиков³.

Центральный стачком стал, по существу, органом пролетарской власти, распоряжения которого выполнялись не только рабочими и безработными, но и мелкими торговцами, ремесленниками, крестьянами. Когда стачком обратился к торговцам и ремесленникам с призывом собрать деньги для забастовщиков, в течение нескольких дней были собраны десятки тысяч крон, несмотря на прямое запрещение властей проводить такие сборы. Авторитет стачкома в массах был исключительно велик. Несмотря на то, что жандармерия, наводнившая весь район забастовки, старательно оберегала штрейкбрехеров, предприниматели не могли вербовать их из местных жителей. Для сплоченности пролетариата было характерно активное участие в пикетировании штрейкбрехеров.

Шахтовладельцы и правительство предпринимали изощренные попытки сломить стачку горняков. Угольные компании, по совету министерства общественных работ и заправил реформистских профсоюзов, заявили 31 марта о том, что увольнение на шахте «Гумбольд» отменяется и рабочим будут оплачены все дни забастовки. В то же время властями Мостовского района было объявлено о запрещении деятельности Центрального стачкома, как «незаконной корпорации», и о его роспуске. Для исполнения этого приказа было послано крупное подразделение жандармерии.

Пока жандармы устраивали погром Центрального стачечного комитета, прибывшие в Мост заправилы социал-демократии и национально-социалистической партии вкуче с фашистами старались оправдать перед рабочими разгон стачкома. Стремясь опорочить боевой орган бастующих горняков, социал-демократы усердно распространяли провокационные вымыслы о том,

¹ A. Zápotocký, J. Šverma. Hornická stávka, str. 17.

² F. Srb, H. Pešková. Velká stávka mosteckých horníků roku 1932, Praha, 1952, str. 76.

³ „Tvorba“, ročn. VII, str. 341.

что Центральный стачком якобы «подрывал авторитет профсоюзных организаций»¹. Выступавшие с первого дня против стачки социал-демократы, национальные социалисты и фашисты созвали 1 апреля конференцию своих организаций и развернули агитацию за возобновление 4 апреля работы на всех шахтах.

В Оставском бассейне им это удалось. Немало способствовали тому правооportunистические ошибки некоторых руководителей местной коммунистической организации, которые, нарушив прямые указания Центрального комитета КПЧ, блокировались с социал-реформистами и в конце концов пошли у них на поводу.

В Мостовском районе производственный профсоюз горняков, возглавляемый коммунистами, сразу же после роспуска Центрального стачкома взял на себя руководство забастовкой. Рабочим пикетам, охранявшим угольные склады, было дано указание — как и прежде не отпускать топлива без разрешения Центрального стачкома. Для распределения угля власти организовали специальную комиссию при окружном управлении, но рабочие отказались признать ее и не выполняли издаваемые ею распоряжения.

3 апреля в Мосте состоялась вторая конференция единого фронта. В ее работе приняло участие 774 делегата, среди них 185 неорганизованных и около 150 рабочих из реформистских и фашистских организаций. Конференция ярко продемонстрировала решимость горняков вести борьбу до победы. Вновь был избран в прежнем составе Центральный стачечный комитет и облечен полномочиями быть единственным представителем десятков тысяч бастующих рабочих. Конференция издала постановление, аннулирующее все выданные ранее разрешения на отпуск угля общественным учреждениям, и заявила, что отпуск топлива со складов не будет производиться до признания стачкома². Властям пришлось признать ими же два дня назад распущенную «незаконную корпорацию» и, более того, — вернуть стачкому все скопившиеся заявки на уголь³.

Восстановление легального стачкома было крупной победой бастующих, убедившихся, что государственный аппарат со всеми его карательными отрядами бессилен перед сплоченным пролетариатом, единым в своих действиях.

Упорная борьба рабочих, их стойкость и мужество оказали огромное влияние на трудящихся крестьян и ремесленников. В северо-западной Чехии коммунисты создали сотни комитетов солидарности, опиравшихся на широкие слои крестьянства, ремесленников и интеллигентов, и успешно провели сбор средств в помощь бастующим шахтерам. Крестьяне собрали много продуктов и передали их стачкому. Более того, сборы в помощь бастующим проводились в армии и в ряде случаев — среди жандармов и полицейских. Под влиянием стачки пришли в движение не только крестьяне, но и городская мелкая буржуазия, которая также выступила со своими требованиями и протестами против преследования бастующих. Стачка горняков стала очагом широкого народного движения.

13 апреля, по решению Центрального стачкома, горячо поддержанному конференциями единого фронта в Хомутове, Духцове, Мосте, Теплице и Ауссиге⁴, в Северо-чешском бассейне прошла всеобщая политическая стачка в знак протеста против произвола жандармерии. Всеобщая стачка охватила несколько округов; в ней участвовали вместе с шахтерами рабочие

¹ J. Šverma. Za socialistickou vlast, str. 100—101.

² A. Zápotocký, J. Šverma. Op. cit., str. 32—34.

³ "Tvorba", ročn. VII, str. 341.

⁴ F. Srb, H. Pešková. Op. cit., str. 105.

почти всех предприятий и, кроме того, — ремесленники и крестьяне, а также мелкие торговцы, закрывшие в день забастовки свои лавочки и магазины. Многочисленные демонстрации и митинги сопровождались повсюду столкновениями с жандармерией и отрядами конных драгун. В Мосте жандармы стреляли в демонстрантов и убили нескольких рабочих. Рабочие отбивались камнями, на пути конных драгун сооружались баррикады¹.

Расстрел вызвал волну протеста по всей стране. Демонстрации и стачки состоялись в Чехии и Моравии, в Словакии и на Закарпатской Украине². В самом Мосте и его округе негодование трудящихся было столь велико, что окружное управление «в интересах общественного спокойствия и порядка» передало Центральному стачечному комитету власть в городе в день похорон жертв полицейского террора³. Власти не посмели нарушить грандиозную похоронную процессию, в которой участвовало 50 тыс. человек⁴. Авторитет Центрального стачкома, опиравшегося на широчайшие массы трудящихся, стал непререкаем.

20 апреля стачка закончилась победой рабочих⁵. В отличие от Остравского бассейна, где было уволено 12 тыс. человек и зарплата снижена на 20%, в Мостовском районе горняки добились отмены приказов об увольнении и снижении зарплаты по меньшей мере до конца 1932 г. «Главной причиной успешного развертывания стачки, — отмечало Политбюро ЦК КПЧ в специальной резолюции, — была тактика единого фронта, применявшаяся в этой борьбе партией и красными профсоюзами»⁶. В ходе стачки как никогда сплотились ряды пролетариата, что особенно проявилось во время всеобщей политической забастовки. С первых дней вместе с бастующими горняками выступали безработные. Оказались несостоятельными расчеты предпринимателей, уповавших на то, что им без труда удастся навербовать из безработных достаточное количество штрейкбрехеров и с их помощью сломить горняков. Единство и сплоченность рабочего класса цемментировались правильной тактикой коммунистов, мужественных и беспрдельно преданных борцов за коренные интересы трудящихся. Влияние компартии возросло. Коммунисты и представители красных профсоюзов составляли меньшинство и в Центральном стачечном комитете⁷, и в местных стачкомах, и на конференциях единого фронта, но к их мнению все прислушивались, их предложения единодушно принимались и исполнялись. Нельзя назвать ни одного сколько-нибудь серьезного решения органов единого фронта, ни одного действия стачечников, которое было бы предпринято без коммунистов.

Единый и сплоченный, руководимый компартией пролетариат в период забастовки выступил гегемоном широкого народного движения, в котором с самого начала участвовали массы ремесленников, мелких и средних крестьян, выдвинувших свои собственные требования и решительно поддерживавших борющихся горняков.

По своему значению горняцкая стачка вышла далеко за пределы Чехословакии. В своем докладе на XII пленуме ИККИ «Об уроках экономических стачек и борьбы безработных» Эрнст Тельман указывал, что заба-

¹ „Rudé právo“, 15. IV 1932.

² „Rudé právo“, 16, 17, 20. IV 1932.

³ J. Fučík. Reportáže z buržoazní republiky z let 1929—1934. Praha, 1954, str. 156.

⁴ „Rudé právo“, 17. IV 1932.

⁵ „Rudé právo“, 21. IV 1932.

⁶ „Rudé právo“, 15. V 1932.

⁷ В состав Центрального стачечного комитета горняки избрали 53 члена. Из них 19 человек состояли в производственном (красном) профсоюзе горняков (см. A. Zápotocký, J. Sverma. Op. cit., str. 104).

ставка шахтеров в Мосте «одна из самых значительных европейских стачек за последние годы и что она многому должна научить нас по части применения единого фронта снизу и вовлечения трудящихся народных масс в борьбу»¹.

Правильная тактика Коммунистической партии Чехословакии, обеспечившая превращение небольшого экономического выступления горняков одной шахты в массовые экономические и политические стачки, явилась примером для коммунистических партий и революционного профсоюзного движения других капиталистических стран. Опыт массовой революционной работы, накопленный Коммунистической партией Чехословакии за годы революционного кризиса, представлял значительный интерес для международного коммунистического движения. Ввиду этого пленум ИККИ заслушал специальный доклад К. Готвальда «О забастовочном движении и борьбе безработных в Чехословакии».

Стачка горняков, как отмечал К. Готвальд, знаменовала собой поворот во внутривластную жизнь Чехословакии. Это был поворот к массовым боям, к массовым стачкам, к единому фронту трудящихся².

Под влиянием стачки горняков усилилось забастовочное движение: произошли крупные стачки текстильщиков в Брно и во многих городах Северной Чехии, развернулись стачки строительных рабочих, охватившие свыше 500 строек в стране, причем в Брно и Праге работу прекратило большинство строителей³.

Снова разгорелись ожесточенные бои сельскохозяйственных рабочих в Словакии. Здесь по почину красных профсоюзов 24 апреля были проведены в 14 округах конференции сельскохозяйственных рабочих⁴. 11 мая, в тех местах, где год назад жандармерия расстреляла крестьян, началась забастовка⁵. Бастовало около 4 тыс. батраков, к ним присоединилась деревенская беднота. По сравнению с прошлым годом значительно возросла организованность движения: были созданы окружной стачком и стачечные комитеты в имениях. Под руководством коммунистов бастующие добились повышения на 30% заработной платы и удовлетворения ряда других требований⁶. Победа галантских батраков воодушевляла батраков других словацких округов. Стачка перебросилась в Шальо над Вагом, Дунайскую Стреду, Нови Замки, затем — в трнавский, пиештянский, железовский округа. Сезонные рабочие и деревенская беднота во многих местах принудили помещиков увеличить зарплату и добились иных уступок⁷. Развернулась успешная борьба сельскохозяйственных рабочих в Пражском крае, в районе Кладно, в Моравии.

Все первое полугодие 1932 г. прошло под знаком мощного подъема стачечной борьбы. Даже официальные данные свидетельствуют о резком увеличении как числа экономических стачек, так и числа их участников. За первые шесть месяцев 1932 г. в стране бастовало 1511 предприятий против 424 предприятий в первом полугодии минувшего года. При этом в движение вовлекались значительно более широкие массы рабочих. При росте количества стачек в 3 раза число стачечников увеличивается больше чем в 4 раза (с 44 тыс. до 185 тыс.). И что особенно характерно для периода подъема массового движения — *успешность* стачечной борьбы. Рабочие до-

¹ XII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1933, т. I, стр. 50.

² Klement Gottwald. Spisy, sv. III, str. 233.

³ „Rudé právo“, 7, 8, 16, 18. VI 1932.

⁴ „Rudé právo“, 1. V 1932.

⁵ „Rudé právo“, 13. V 1932.

⁶ „Rudé právo“, 10. V 1932.

⁷ „Rudé právo“, 18. V 1932.

бились многочисленных побед, выиграв из каждой четырех забастовок не менее трех.

Подавляющее большинство стачек в стране (до 70 %) проходило под руководством компартии.

Осенью и зимой 1932—1933 гг. кризис в Чехословакии достиг наибольшей глубины, финансовый капитал стремился взвалить тяжесть последствий кризиса на плечи трудящихся масс. «Нужно экономить и не бояться увольнения», — заявил еще в конце 1931 г. финансовый магнат Прейсс¹. Эта программа была одобрена президентом республики Т. Г. Масариком, и поддержанное правыми социалистами наступление капитала на жизненный уровень и демократические права трудящихся приняло невиданный в Чехословакии размах. Массовые увольнения и огромные снижения зарплаты стали повсеместными. В металлургической промышленности вслед за увольнением 18 тыс. рабочих Шкодовских заводов было объявлено о расчетах рабочих и снижении зарплаты на ряде пражских предприятий. В начале августа администрация концерна ЧКД объявила об увольнении 3 тыс. рабочих. 9 августа на комбинате состоялась стачка протеста. Рабочие ЧКД на митинге заявили о решимости следовать примеру горняков Моста. В принятом по предложению коммунистов решении было выдвинуто требование о созыве не позже чем через две недели митинга всех металлистов Праги для выработки совместной программы борьбы и избрания комитета защиты, как органа единого фронта².

Правые социал-демократы и чешские национальные социалисты, не сумев воспрепятствовать принятию этого решения, приложили бешеные усилия, чтобы сорвать его выполнение, помешать единству действий металлистов, начавших стачки на многих предприятиях. Лишь в результате борьбы, длившейся девять недель, рабочие под руководством красных профсоюзов сломили сопротивление реформистов. 20 октября в Праге забастовали все металлисты. Из пролетарских предместий чехословацкой столицы — Смихова, Высочан, Жижкова, Инониц, Гостиварж, Радлиц, Коширж — к центру города двинулись десятитысячные колонны демонстрантов под боевыми лозунгами: «Да здравствует всеобщая стачка!», «Долой полицию!», «Долой увольнения!», «Да здравствует единый фронт трудящихся!». Металлистами Праги была единодушно принята программа борьбы, внесенная на обсуждение митинга от имени красного профсоюза³. Во второй половине 1932 г. и в начале 1933 г. разгорелись пролетарские бои в угольной промышленности, захватившие Северо-чешский, Кладненский, Становицкий, Гандловский, Росицкий и другие бассейны Чехословакии. Особенно упорной была борьба горняков Росицкого бассейна, стачка которых длилась 16 недель — с ноября 1932 г. по февраль 1933 г.

Характерной чертой забастовочного движения 1932 г. в Чехословакии был не только огромный размах экономических стачек, но и подъем политической борьбы рабочего класса. В течение 1932 г. в стране отмечено почти 200 забастовок исключительно политического характера, направленных против мероприятий правительства, террора государственного аппарата и т. п.⁴.

Наивысшего развития за время кризиса достигло в 1932 г. движение безработных, безраздельное руководство которым всегда оставалось за компартией. Это движение получило прочную организационную основу в виде

¹ „Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика“. М. 1954 стр. 274.

² „Rudé právo“, 11. VIII 1932.

³ „Rudé právo“, 21. X 1932; 22. X 1932.

⁴ Želmira Richtová. Bolševické zocelení Komunistické strany Československa v boji za zájmy pracujícího lidu v době hospodářské krise, Praha, 1953, стр. 20.

комитетов действия безработных. Число таких комитетов увеличилось с 1000 в 1931 г. до 1500 в 1932 г.¹ Местные и окружные комитеты действия, избранные самими безработными на собраниях и окружных конференциях, возглавлялись Центральным комитетом действия, который был избран Общегосударственным съездом безработных. Несмотря на то, что руководство социал-демократической и национально-социалистической партий запрещало своим членам участвовать в организации комитетов действия безработных, рядовые социал-демократы и национальные социалисты, как и рабочие, состоявшие в других политических партиях, активно работали в этих массовых органах единого фронта вместе с коммунистами, признавая их руководящую роль. Комитеты действия провели мощные демонстрации в день борьбы против безработицы, в которых участвовало в 1932 г. почти 400 тыс. человек². Опираясь на комитеты действия безработных, компартия организовала массовую кампанию под лозунгом «У богатого взять, бедному дать». Застрельщиками этой кампании выступали депутаты-коммунисты, которые на заседаниях муниципалитетов оглашали списки местных фабрикантов, крупных торговцев, помещиков и т. п., требуя обложения каждого из них чрезвычайным налогом в пользу безработных. Под давлением масс местные власти были принуждены изыскивать тем или иным путем средства для выдачи пособий безработным (денег, а чаще — продовольствия или бесплатной пищи). В конце 1932 г. и в первых месяцах 1933 г. в стране были проведены многочисленные голодные походы, окружные конференции и съезды безработных. Под руководством коммунистической партии движение безработных носило ясно выраженный политический характер, сочетая требование «Хлеба и работы!» с требованиями, направленными против капиталистического режима в целом. Коммунисты вносили в движение дух пролетарской солидарности, добившись того, что фабрики и заводы стачками поддерживали выступления безработных, а последние во время забастовок боролись против штрейкбрехеров и активно участвовали в пикетировании.

Массовые стачки и выступления безработных, в которых все чаще принимали участие трудящиеся крестьяне, способствовали усилению классовой борьбы в деревне, особенно на Закарпатской Украине и в Словакии. Здесь борьба крестьянства против бедствий аграрного кризиса была неразрывно связана с борьбой против национального гнета. И здесь коммунисты, опираясь на сельскохозяйственных рабочих, вносили организованность, сплачивали трудовое крестьянство, мобилизовывали его на революционную борьбу. Большую роль в этом деле сыграли демократические органы единого фронта — крестьянские комитеты, избираемые самими тружениками. В Чехословакии имелось свыше 1000 таких комитетов³. Коммунисты не составляли большинства в крестьянских комитетах, но и здесь, так же как в стачках и комитетах действия безработных, они стали общепризнанными руководителями и пользовались доверием широких масс.

Крестьянские комитеты организовали массовые выступления трудовых слоев чехословацкой деревни против политики правящей клики монополистов и помещиков. Трудящиеся крестьяне Закарпатья, а затем и Словакии в ряде районов освободились от уплаты налогов, долгов и процентов, аренды за землю, изгнали судебных исполнителей, явочным порядком запретили распродажу с молотка крестьянских хозяйств, установили свободное пользование помещичьими и казенными лесами и пастбищами. Попытки

¹ „Protokol VII sjezdu KSČ“, стр. 275.

² Там же.

³ „Аграрный вопрос и крестьянское движение“, т. I, стр. 153.

властей силой оружия подавить крестьянское движение вызвали грозный протест всей трудовой Чехословакии. На расстрелы крестьян и рабочих в закарпатских селах и словацких деревнях чешский пролетариат отвечал политическими стачками и демонстрациями. Коммунистическая фракция Национального собрания, каждый раз требуя принятия суровых мер наказания в отношении виновников палаческих расправ с трудящимися, настаивала на неотложных мерах помощи голодающему населению Закарпатской Украины и Словакии. Вместе с тем компартия показывала крестьянству, что решительной победы над своими врагами оно сможет добиться лишь в союзе с рабочим классом, в результате революционного свержения власти буржуазии.

Вдохновляя трудящихся на героическую борьбу, пролетарские революционеры знали, что торжество дела коммунизма неизбежно. «Власть пока в ваших руках. Вы можете нас расстрелять, но после нас придут тысячи других, за ними встанут новые тысячи, за ними — опять сотни тысяч и миллионы», — говорил К. Готвальд 25 ноября 1932 г. в парламенте, обращаясь к политическим представителям финансового капитала. «Но придет время, поднимутся миллионы и рассчитаются за каждую каплю пролитой крови, за всю нынешнюю нищету и голод, за все эти муки и страдания народа... И помните — от расплаты вам не скрыться»¹.

Осенью 1932 г. компартия организовала и провела крестьянские съезды в Закарпатье и Словакии. Съезд трудового крестьянства Закарпатской Украины, открывшийся 11 сентября в г. Мукачеве, принял решение о создании объединения трудового крестьянства, которое заменило «Союз трудового крестьянства», распущенный властями в феврале 1932 г.² Решения съезда мобилизовали тружеников Закарпатья на революционную борьбу за землю, хлеб и национальное освобождение, за упрочение рабоче-крестьянского союза³. 23 октября в г. Гронце (Словакия) состоялся съезд трудового народа Горегронья, который призвал крестьян крепить союз с рабочим классом и решительно бороться против колонизаторской политики господствующих классов. «Но мы, — говорилось в манифесте съезда словацкого крестьянства, — боремся против господства чешских панов в Словакии, а отнюдь не против чешского трудового народа. Напротив: мы сознаем, что можем победить лишь в братском союзе с чешским трудовым народом и трудовым народом всех остальных наций»⁴.

Зимой решительнее начало выступать в отдельных районах и чешское крестьянство. В округах Роудницы, Либоховицы, Сланы, Вельвары и, несколько позже, на Гане свекловоды вступили в борьбу против сахарного картеля, удержавшего деньги за сданную осенью свеклу. В другом районе были отмечены массовые выступления валашских мелких крестьян и ремесленников против экзекуций, поддержанное политической стачкой рабочих г. Всетина⁵.

НАЗРЕВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

На основе длительного экономического кризиса перепроизводства в Чехословакии назревал политический кризис.

Доведенные до отчаяния трудящиеся страны были уже не в силах и не хотели больше мириться с лишениями, безработицей, разорением, голодом,

¹ Klement Gottwald. Spisy, sv. IV, str. 130.

² „Карпатьска правда“, 6. III 1932.

³ „Карпатьска правда“, 18. IX 1932.

⁴ „Rudé právo“, 1. XI 1932.

⁵ „Protokol VII sjezdu KSC“, str. 279.

ставшими нестерпимыми. Стихийное недовольство народных масс города и деревни существующим положением перерастало в революционное брожение и революционную борьбу против бесчеловечного капиталистического строя. Трудовой народ, искавший выхода из невыносимого положения, обращал свои взоры к Советскому Союзу, рабочий класс и колхозное крестьянство которого успешным строительством социалистического общества оказывали величайшее революционное воздействие на весь мир. Чехословацкие трудящиеся все больше убеждались, что из всех политических партий страны только коммунистическая партия выражает коренные интересы народа и является единственной силой, способной повести массы по революционному пути. Влияние коммунистической партии в массах неуклонно росло. Это ярко отразили происходившие в 1932 г. выборы в общинные самоуправления. Особенно больших успехов коммунисты добились в северо-западной Чехии, Острове, Словакии и на Закарпатской Украине, т. е. в тех районах, где в годы кризиса под водительством КПЧ разворачивались крупные экономические и политические бои трудящихся масс. Прирост голосов, поданных за компартию на муниципальных выборах, составил (по сравнению с 1929 г.): по всей стране — 34 %, на Закарпатской Украине — 46 %, в Словакии — 56 %¹. Показателен также рост примыкающих к компартии красных профсоюзов, численный состав которых за период 1929—1932 гг. увеличился в 2 раза².

Рост красных профсоюзов и коммунистической партии, подъем стачечной борьбы, все чаще перераставшие под руководством коммунистов в политические протесты, избирательные успехи компартии в муниципальной кампании, победы красных профсоюзов на выборах фабзавкомов — все свидетельствовало о повороте масс от социал-реформизма к коммунизму.

Понятно, что это не могло не вызвать тревоги в лагере буржуазии³. Она не могла равнодушно наблюдать за тем, как угнетенные классы отходят от социал-демократии и чешских национальных социалистов, как ослабевает эта идейная опора капитализма. В Чехословакии усилились репрессии против коммунистической партии и всех остальных революционных организаций пролетариата, участились расправы с поднимающимися на борьбу рабочими, крестьянами, угнетенными национальностями. Были запрещены комсомол, «Союз друзей СССР», «Союз пролетарских безбожников», распущено руководство красных профсоюзов, усилились гонения на коммунистическую печать, организовывались полицейские провокации, целью которых было подготовить почву для репрессий в отношении организаций компартии, ее руководящих работников, в отношении всего пролетарского движения.

Одна из наиболее подлых провокаций подготавливалась летом 1932 г. в Усти на Лабе. При непосредственном участии и по приказу полицейского начальника Дивиша группа наймитов, которым было приказано выдавать себя за членов компартии, должна была инсценировать подготовку взрыва нескольких судов на Лабе, груженных боеприпасами и вооружением⁴.

Коммунистические депутаты в Национальном собрании разоблачали грязные методы полицейских провокаций и подлогов, показав, что Усти на Лабе — отнюдь не исключение. Подобного рода провокации, затеваемые для обоснования карательных мер против компартии, были обычными для чехословацкой полиции. Таким же путем, как в Усти на Лабе, полиция стря-

¹ Klement Gottwald. Spisy, sv. IV, str. 73.

² V. Sojak. Vypočet odborového hnutí v Československu. Praha, 1950, str. 61.

³ „На социал-демократию нельзя полагаться“, — заявил после горняцкой стачки центральный орган аграрной партии, газета „Венков“.

⁴ „Rudé právo“, 25. II 1933.

пала многочисленные процессы по клеветническому обвинению коммунистов в государственной измене (в Пльзне, Праге, Братиславе, Хомутове, Либерце и других городах)¹. В Остраве припертое к стене неопровержимыми обвинениями коммунистов полицейское управление вынуждено было признать свою причастность к фальшивке, известной под названием «Письма русского ГПУ остравским руководителям компартии». Осенью 1932 г. клеветнические обвинения в государственной измене были предъявлены К. Готвальду, А. Запотоцкому и другим коммунистическим депутатам Национального собрания².

Чехословацкая действительность того времени давала яркое фактическое подтверждение ленинскому выводу о том, что эпоха империализма, эпоха гигантских капиталистических монополий характеризуется «усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах»³.

Чехословацкая буржуазная республика была одним из наиболее демократических государств капиталистической Европы. Однако и здесь, как всюду при капитализме, буржуазная демократия оставалась урезанной и лицемерной. И в буржуазной демократической республике господствует капитал, «и даже чем она демократичнее, тем грубее, циничнее это господство капитализма»⁴, — подчеркивал В. И. Ленин.

Именно так действовала буржуазия в Чехословакии. В июле 1932 г. в чехословацкой печати появился текст меморандума, с которым генеральный управляющий Живнотенским банком Прейсс обратился к президенту республики Масарику и премьеру Удржалу. В своем меморандуме крупнейший финансовый магнат Чехословакии потребовал принятия мер для разрешения финансовых трудностей, вызванных кризисом, путем снижения зарплаты государственным служащим, сокращения пособий безработным и тому подобных мероприятий. Это был прямой ультиматум от имени ряда крупнейших банков, угрожавших, в случае неповиновения правительства, наступлением на министерство финансов⁵.

В письме от 15 июля 1932 г. президент республики Масарик заявил Прейссу: «Я благодарю за меморандум о состоянии наших финансов; согласен со многими пунктами и поэтому использовал Ваш документ и сообщил его содержание тем, кого это касается в первую очередь. Экономия и коррективы будут произведены». Президент заверил финансового магната в том, что он «своевременно осведомит, когда и какие изменения в правительстве будут необходимы». Масарик договорился с Прейссом об одной из тех встреч, которые систематически происходили между ними на протяжении всех лет существования буржуазной республики. На очередной встрече Масарик, как он писал Прейссу, намеревался поговорить «о всей ситуации», а также «возвратиться к вашим политическим планам, над которыми я уже работал... О них я не забыл и о деле думаю постоянно»⁶.

О своих политических планах, направленных на дальнейшее подчинение государственного аппарата монополиям, Прейсс осведомил Масарика еще в марте 1932 г. Во время беседы с президентом он настаивал на том, чтобы было создано новое правительство во главе с правым социал-демократом

¹ „Rudé právo“, 7. II 1933.

² „Rudé právo“, 1. I 1932.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 382.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 449.

⁵ „Rudé právo“, 26. VII 1932.

⁶ „Dokumenty o protilidové a protinárodní politice T. G. Masaryka“. Praha, 1953, dok. 83/II, str. 243.

Гамплом для твердого проведения политики, угодной крупному капиталу. План Прейсса предусматривал усиление позиций империалистической реакции в правительстве путем назначения правых аграриев Малипетра, Берана, а также ряда представителей концерна Живностенского банка. Масарик поддержал этот план и, в частности, назначение Прейсса министром финансов¹.

Попытки Масарика осуществить весь план встретили противодействие финансовых групп, которые конкурировали с Живностенским банком. Бесплодными оказались все усилия Масарика убедить противников Прейсса в том, что «можно было бы принять меры, чтобы на время его (Прейсса. — С. П.) пребывания на посту министра политические партии не опасались, что он превратит государство в подручного Живностенского банка». Агрии достаточно хорошо знали повадки своих конкурентов и не допустили в правительство ни Гампла, ни Прейсса, ни Годача.

Но и в самой аграрной партии к лету 1932 г. обострилась внутренняя борьба. Она закончилась победой крайне правых элементов, возглавляемых фашиствующим Станеком. Это привело к усилению позиций таких реакционнейших политиков, как Станек и Годжа, которых агрии стали настойчиво выдвигать на пост премьер-министра. Однако назначение Станека или Годжи вызвало бы такое возмущение общественности, прежде всего трудящихся, что президент принужден был отклонить эти предложения, как преждевременные.

В натиске на правительство Удржала, организованном финансовой олигархией, участвовали также лидеры социал-демократии и национальных социалистов. Национальные социалисты во главе с Клофачем и Земиновой, вместе с Мейснером и другими правыми социал-демократами выступили с лозунгами «второй республики» и «правительства сильной руки», которые подхватили реакционнейшие силы страны.

В октябре 1932 г. кабинет Удржала пал. На смену ему пришло правительство правого агрария Малипетра. Удржал, Славик и Вишковский, которые, по разумению крупного монополистического капитала, недостаточно жестоко и круто подавляли и грабили угнетенные классы, были заменены представителями правых аграриев Малипетром и Годжей. На пост министра внутренних дел был назначен отъявленный реакционер Черный, который был введен в состав правительства в качестве признанного специалиста по части «сгибания в бараний рог» и «держания в ежовых рукавицах».

Коммунистическая партия боролась против того, чтобы финансовые затруднения, обостренные кризисом, разрешались за счет трудящихся. Коммунисты внесли в парламент законопроект, обеспечивавший ликвидацию дефицита в государственном бюджете. В основу этого законопроекта был положен принцип: «Пусть платят богатые!» В предложениях коммунистической фракции предусматривалось снижение огромных окладов генералитету, духовенству, высшей бюрократии, введение прогрессивного налогообложения и т. д.

Поскольку этот законопроект приобрел очень скоро огромную популярность, социал-демократам пришлось также выступить с заявлениями о том, что кризис государственных финансов «не может быть решен в ущерб самым слабым». Но это было лицемерное заявление. Как только господствующие круги чешской буржуазии сговорились о составе и программе нового правительства, срочно был созван Исполком социал-

¹ „Dokumenty o protilidové a protinárodní politice T. G. Masaryka“, dok. 82, str. 239—241.

демократической партии, который уполномочил «своих» министров на выполнение мероприятий по ограблению трудящихся.

За два первых месяца своей деятельности правительство Малипетра издало свыше полутора десятков декретов и распоряжений, ухудшавших положение трудящихся и обогащавших помещиков и капиталистов. Была снижена зарплата государственным и муниципальным служащим, введены новые пошлины и увеличены косвенные налоги на многие предметы питания, повышена плата за проезд на железнодорожном и автомобильном транспорте, срезаны ассигнования на школы в Словакии и т. д. Одновременно с этим правительство Малипетра, несмотря на острую нехватку средств в казне, даровало Чешско-моравскому концерну 20 млн. крон и возобновило закон о налоговых льготах при слиянии предприятий — закон, способствовавший росту монополий и сохранивший крупным капиталистам десятки миллионов крон.

При проведении правительством подобной политики особо отличилась, наряду с социал-демократией, чешская национально-социалистическая партия. Еще в ту пору благосклонным вниманием реакционнейших элементов был отмечен национальный социалист Зенкл, впоследствии руководитель контрреволюционного заговора реставраторов капитализма, которые в феврале 1948 г. пытались ликвидировать строй народной демократии в Чехословакии. В начале 1931 г. Зенкл был мало заметным референтом по социальным вопросам в пражском муниципалитете. Этот человек, в обязанности которого, казалось, входило оказывать помощь потерявшим работу, стяжал очень скоро ненависть безработных. В начале 1931 г. Зенкл выступил с требованием отмены каких бы то ни было пособий по безработице. Сразу реализовать этот план не представлялось возможным, и Зенкл начал его осуществление с введения в действие крючкотворской системы, согласно которой для получения бесплатной похлебки, не говоря уже о другом, безработному нужно было представить не меньше трех справок. В результате многие безработные в Праге лишились последних жалких подачек¹.

Но это было только начало. В полной мере Зенкл развернулся после прихода к власти Малипетра. Давно взлелеянный Зенклом проект организации «трудовых колонн» был горячо одобрен аграриями и безоговорочно поддержан чешскими фашистами. В ноябре—декабре 1931 г. этот проект был претворен в жизнь в Праге, а через полгода и по всей стране. В трудовых колоннах рабочие использовались независимо от квалификации в качестве чернорабочих, получая за труд меньше, чем предусматривалось даже гентской системой по безработице. Это были лагеря принудительного труда, в которых пролетариев лишили права на стачку и посылки deputаций, жестоко наказывая за нарушение установленных порядков. Не удивительно, что «трудовые колонны» вызвали гневное возмущение всех безработных, бурные выступления чехословацкого пролетариата, протест которого кратко выразился в требовании: «Долой план Зенкла!»²

Сдвиг вправо в политической жизни страны, закрепленный приходом к власти правительства Малипетра, явился проявлением политического кризиса, развивавшегося на основе и в результате длительного экономического кризиса перепроизводства.

В стране неотвратимо назревал революционный кризис, который не в силах были предотвратить ни измена правосоциалистических вождей, ни демагогия аграриев и иных буржуазных политиканов, ни полицейские репрессии, ни расстрелы рабочих и крестьян в Родотине, Духцове, Кошу-

¹ „Rudé právo“, 8. II 1931.

² „Rudé právo“, 5. XI 1932.

тах, Хусте, Фривальдове, Туре-Пасеке, Паркане, Мосте, Верхней Сухе, Телгарте, Нижней Апше, Поломке.

Применив все средства, имевшиеся в арсенале буржуазной демократии для подавления трудящихся, и не добившись желательных результатов, господствующие классы Чехословакии стали приходить к выводам, что они уже не в состоянии управлять старыми методами парламентаризма. Наиболее реакционные круги монополистической буржуазии сочли, что буржуазно-демократические методы не являются более надежными, и во внутренней политике стали еще решительнее, чем прежде, проводить курс на фашистскую диктатуру.

Однако полицейские репрессии и провокации не захватили врасплох коммунистическую партию. Еще VI съезд компартии указал на опасность фашистской диктатуры в Чехословакии, записав в своих решениях: «Вместе с экономическим кризисом, в связи с хозяйственными, социальными и политическими трудностями и осложнениями, вызванными банкротством буржуазно-демократической формы правления, увеличиваются стремления финансового капитала Чехословакии к замене буржуазно-демократической формы господства методами непосредственной фашистской диктатуры»¹. V пленум ЦК КПЧ (9—10 июля 1932 г.), отметив усиление фашизации страны, подчеркнул: «...Взгляд, что фашизм неизбежен... не имеет ничего общего с марксизмом. Напротив, отсюда вытекает, как уже сказал Маркс, что каждая высшая форма реакции господствующего класса неизбежно вызывает еще более высокую форму действия класса угнетенного»². Центральный комитет призвал добиться усиления антифашистской борьбы за политические права трудящихся, за легальность революционного движения, обеспечить укрепление связей партии с массами, союза между рабочим классом и крестьянством, дружбы между национальностями республики. Центральный комитет специально остановился на задачах борьбы против опасности империалистической войны, которая вскоре резко усилилась после прихода к власти в Германии гитлеровцев — самой шовинистической и наиболее империалистической партии немецкого милитаризма и крупного монополистического капитала. «Массы делают чудеса, если убеждены в необходимости действий, — указал ЦК КПЧ. — А необходимость антивоенной борьбы поистине велика и настоятельна. Она определяется реальностью повседневной угрозы войны. Наша задача состоит в том, чтобы эту объективную угрозу довести до субъективного сознания самых широких масс. Маркс говорил, что идея становится материальной силой, если она овладеет массами. Так может и должно стать с идеей борьбы против империалистической войны и с идеей защиты Советского Союза»³.

Кризис привел к резкому обострению противоречий в самом лагере господствующих эксплуататорских классов. Это выразилось в обострении конкурентной борьбы буржуазии угнетенных наций против чешской буржуазии, ожесточении столкновений между буржуазными и помещичьими группировками одной и той же нации, внутри каждой из этих группировок и внутри буржуазных партий. Глубокие сдвиги в расстановке классовых сил, происшедшие под влиянием кризиса, подорвали основы той концентрации сил крупной буржуазии всех национальностей, которая к концу периода частичной и временной стабилизации капитализма внешне выглядела прочной, а в действительности

¹ „Protokol VII řádného sjezdu KSČ“, str. 262.

² Klement Gottwald. Spisy, sv. III, str. 271.

³ Там же, стр. 276.

раздиралась непримиримыми противоречиями. Единый политический фронт буржуазии всех национальностей, казалось почти сколоченный к концу двадцатых годов, не выдержал сколько-нибудь серьезного испытания и развалился под ударами экономического кризиса.

Банкротство внутренней политики буржуазии дополнялось полным ее провалом в области внешнеполитической. Ввиду роста могущества Советского Союза и обострения германо-французских противоречий союзница Чехословакии Франция в 1932 г. вынуждена была пойти на заключение с СССР пакта о ненападении. Эти обстоятельства сделали необходимыми существенные изменения и во внешней политике Чехословакии.

Правящие круги Чехословакии, видя, что советская политика мира решительно поддерживается миллионами чехословацких трудящихся, уже не осмеливались открыто возражать против признания СССР де-юре. Но правители капиталистической Чехословакии всячески лавировали и для обоснования проволочки ссылались на необходимость «специального» и «дополнительного» изучения вопроса. Такая позиция наносила серьезный ущерб национальным интересам народов Чехословакии, ибо, как отмечал В. М. Молотов, «на отсутствии дипломатических отношений теряли и теряют в первую очередь те, которые занимаются пустыми, никому не нужными разговорами об особом «изучении» СССР при отсутствии дипломатических отношений с Советским Союзом»¹.

Коммунисты разъясняли величайшую роль Советского государства в исторических судьбах чехословацкого народа. «Только победой большевиков были созданы международные условия для чехословацкой самостоятельности, поэтому можно сказать, что если бы не было Октябрьской революции, не было бы Чехословакии», — говорил Зденек Неядлы в своей речи на организованном КПЧ митинге пражских трудящихся в честь 15-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции². «Советский Союз не хочет войны и договорами о ненападении подтверждает это. Он не хочет войны, чтобы иметь возможность успешно довести до конца дело строительства социализма. Тем самым он наилучшим образом способствует делу международного пролетариата, ибо сам пример успешного строительства социализма является огромной поддержкой пролетариата капиталистических стран в его борьбе против собственной буржуазии», — подчеркивал К. Готвальд³.

Клеймя антинациональную и антинародную политику чехословацкой буржуазии, компартия требовала установления дипломатических отношений с СССР и поддержки его миролюбивой внешней политики, отвечающей интересам всех народов мира.

Призывы коммунистической партии горячо поддерживали широчайшие народные массы Чехословакии, поднимавшиеся на борьбу за хлеб и труд, за свое социальное и национальное освобождение, за мир, за дружбу с Советским Союзом.

¹ В. Молотов. В борьбе за социализм. М., 1935, стр. 411—412.

² „Rudé právo“, 8. XI 1932.

³ Klement Gottwald. Spisy, sv. IV, str. 137—138.

Ю. А. Писарев

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В МОНАСТЫРСКИНЕ И КОСОВОМ ПОЛЕ В 1905—1909 гг.

Первая русская революция 1905—1907 гг. имела огромное международное значение. На Балканах она открыла собой эпоху буржуазно-демократических революций и национально-освободительных движений. Русская революция способствовала пробуждению национального самосознания угнетенных народов, усилила их борьбу за независимость и свободу, за демократизацию общественной и политической жизни. Вслед за революцией в России и под непосредственным ее воздействием в 1908 г. вспыхнула революция в Турции и развернулась борьба поработенных Турецкой империей народов за национальное, социальное и политическое освобождение.

Особенно широкий размах это движение приобрело в Македонии. Оно приняло здесь и наиболее острые формы — вооруженной борьбы повстанческих партизанских отрядов против турецкой жандармерии и военщины. В Македонии было сильное аграрное движение, которое тесно переплеталось с национально-освободительной борьбой основной массы македонского населения — крестьянства — против турецких феодалов.

Одним из районов Македонии, где в 1905—1909 гг. и в последующие годы происходило национально-освободительное движение, была северо-западная область, которая по административному делению Турецкой империи входила в состав Монастырского и Косовского вилайетов (губерний).

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые вопросы из истории революционного движения македонского народа в этих районах. Проблема же национально-освободительного движения в Македонии в целом — одна из самых сложных и неизученных проблем — требует специального исторического исследования. Она не может быть освещена в рамках одной статьи.

Специальным вопросом, несомненно, является и проблема развития капиталистических отношений в Македонии, со всеми ее аспектами (дифференциация крестьянства и т. д.).

Центральной задачей статьи на — основе новых архивных документов осветить борьбу народных масс против гнета Османской империи в 1905—1909 гг.; на примере двух вилайетов Европейской Турции.

Статья является первой частью подготовленной автором публикации по этой проблеме. Во второй части будут освещены некоторые другие вопросы из истории национально-освободительного движения в Македонии — о деятельности Внутренней македонской революционной организации и других партий, клубов и союзов, об откликах на македонское революционное движение прогрессивной общественности Европы, о формировании проле-

тариата и распространении социалистических идей в рабочем классе Македонии. В связи с этим все отмеченные вопросы затронуты в настоящей статье лишь частично, и основное внимание уделено раскрытию причин национально-освободительного движения славянских народов против социального, национального и политического гнета Оттоманской империи.

Эта проблема живо интересует историков Болгарской Народной Республики и Федеральной Народной Республики Югославии, в которых ведется большая исследовательская работа по изучению истории Македонии, в частности истории национально-освободительного и рабочего движения.

В 1950—1951 гг. в Югославии вышли в свет сборники документов по рабочему движению: «Историјски архив Комунистичке партије Југославије» («Исторический архив Коммунистической партии Югославии») в 7 томах¹.

В шестом томе этой обширной публикации содержатся ценнейшие документальные материалы по истории социалистического движения в Македонии.

Широкую известность имеют работы болгарского историка Димитра Кносева о революционной борьбе народных масс Македонии. Издан в Болгарии и Югославии и ряд других книг, посвященных этой важной проблеме.

Однако во всех этих работах не использованы архивные документальные материалы, хранящиеся в архивах СССР — Архиве внешней политики России, Центральном Государственном Военно-историческом архиве, Центральном Государственном Историческом архиве в Ленинграде и других архивах. Между тем эти документальные материалы представляют большую ценность для исследователя, занимающегося историей Македонии. В европейских губерниях Турции в начале XX в. имелось значительное количество дипломатических, военных и торговых представителей России и других великих держав, которые были очевидцами происходивших в ту пору событий и делали об этих событиях подробные донесения в Петербург, Лондон, Париж и другие столицы мира. Конечно, ко всем этим донесениям и информации следует относиться критически, так как делались они под определенным углом зрения. Но все же это — важный источник, который, после тщательной проверки и сопоставления с другими данными, может быть использован в исследовании. Особенно большую ценность представляют донесения русских консулов Каля, Тухолки, Орлова, Петряева и и. о. вице-консула В. Джурашковица, которые, проживая в районных центрах Македонии и повседневно сталкиваясь с жизнью населения, делали подробные сообщения о внутривластной обстановке, экономике и общественных движениях в этих районах. Донесения рядовых чиновников, несомненно, более подробны и с большей достоверностью освещают ход событий в Македонии, чем дипломатические реляции высших чинов МИД, которые составлялись с учетом задач высокой политики.

В статье использованы главным образом источники первого рода.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОСОВСКОМ И МОНАСТЫРСКОМ ВИЛАЙЕТАХ

До балканских войн 1912—1913 гг. северо-западная Македония входила в состав Турецкой империи, которая жестоко угнетала проживавших здесь македонцев, албанцев, греков, румын и других неполноправных народов. Оттоманская Порта, опираясь на все реакционное и отживающее, стреми-

¹ Историјски архив Комунистичке партије Југославије, Београд, 1950—1951, т. I—VII.

лась сохранить здесь пережитки феодализма в деревне в виде так называемых чифтчийских отношений¹.

В. И. Ленин в статье «Социальное значение сербско-болгарских побед» писал: «Македония, как и все балканские страны, сильно отстала экономически. Там еще уцелели сильнейшие остатки крепостного права, средневековой зависимости крестьян от помещиков-феодалов. К таким остаткам принадлежит крестьянский оброк помещику (денежный или продуктами), затем испольщина (обычно крестьянин в Македонии отдает помещику, при испольщине, треть урожая...) и т. п.»².

Чифтчество было очень распространено в Монастырском и Косовском вилайетах, как и во всей Македонии. Владельцами чифтляков являлись турецкие помещики (беи), от которых в феодальной зависимости находились крестьяне — чифтчий, являвшиеся главным образом славянами.

«В Новопазарском округе, — сообщал в своем письме из Митровицы русский консул Тухолка 22 декабря 1907 г., — почти все земли принадлежат турецким землевладельцам, а сербы являются их чифтчиями (только 6 сербов имеют свою землю)»³.

«Такое ненормальное положение, при коем сотни сербских семейств вполне зависят от произвола нескольких турок (феодалов. — Ю. П.), существует также в Сеницком и Плевальском округах», — говорится в том же донесении⁴.

Чифтчий за право пользования помещичьей землей должен был платить землевладельцу (чифтлик-сахибу) оброк в виде части урожая, которая, как правило, составляла $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ урожая⁵. Во многих районах Македонии чифтчий был обязан, кроме этого, отбывать барщину и выполнять другие повинности⁶. До уплаты долга чифтчий не имел права переехать в другое место, т. е. фактически был прикреплен к помещику⁷.

Помещик же всегда мог согнать неугодного ему чифтчия с земли. Правда, во многих районах существовал особый закон — так называемый «босна низамнаме», изданный еще до войны 1877 г. и формально ограждавший интересы чифтчиев. По этому закону бей имел право удалить чифтчия по постановлению местного меджлиса — идарэ только в двух случаях: если чифтчий оставлял предоставленную ему землю без обработки и если он не уплачивал за нее бею $\frac{1}{4}$ части урожая. При этом за возведенные постройки чифтчий должен был получить соответствующую компенсацию⁸.

Однако, по существу, этот закон не соблюдался турецкими помещиками. Идарэ не разбирали этих вопросов, к тому же он был послушным орудием в руках турецких феодалов, которые могли провести через него любое решение. С чифтчиев землевладельцы брали, как правило, больше чем $\frac{1}{4}$ часть урожая и сгоняли их с земли по собственному усмотрению.

Значительно худшими, чем это предусматривалось законом «босна низамнаме», были другие условия. Так, в Малой Преспе, Першинском районе, Мегленской долине, Гулишане, Островском районе и ряде других мест

¹ От турецкого слова „чифт“ (пара), что означает пространство земли, которое может обработать одна крестьянская семья парой волов. В среднем величина этого пространства колебалась от 60 до 150 джюньмов (джюньм = 0,1 га) в зависимости от качества земли, местонахождения участка и т. д.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 368.

³ Архив внешней политики России (в дальнейшем — АВПР), Политархив, д. 1067, л. 44.

⁴ Там же, л. 44 об.

⁵ М. Недељковић. Историја баштинске својине у Новој Србији од краја 18 века до 1931. Београд, 1936, стр. 246—260.

⁶ См. J. Matl. Die Agrarreform in Jugoslawija. Berlin, 1927, S. 85.

⁷ Hollmann. Agrarverfassung und Landwirtschaft Jugoslawiens. Berlin, 1931, S. 52.*

⁸ АВПР. Политархив, д. 1067, л. 45.

Македонии чифтчий не только отдавал помещику вместо $\frac{1}{4}$ половину урожая, но и обрабатывал своим инвентарем его участок¹. В Новопазарском округе чифтчий платили ему $\frac{1}{3}$ часть урожая². В Костурском районе, где ощущалась нужда в рабочей силе и где помещики были заинтересованы в ее привлечении, для чифтчий были созданы более благоприятные условия: землевладельцы строили для него дом, давали на первый год семена и сельскохозяйственный инвентарь, даже предоставляли кредит. Однако и здесь они беспощадно эксплуатировали чифтчиев, заставляя их платить не менее $\frac{1}{3}$ части урожая³.

Разновидностью чифтчийства были так называемые кесимджийские отношения, при которых крестьянин за пользование помещичьей землей уплачивал ему не часть урожая, а определенное, заранее установленное количество зерна и других сельскохозяйственных продуктов независимо от урожая. Зерно в последнее время все чаще стало заменяться денежной платой⁴.

Развитие капитализма в Македонии приводило к расширению товарно-денежных отношений, к разложению чифтлика, замене чифтчиев наемными сельскохозяйственными рабочими, батраками, закупками и т. д.

Закупничество больше всего было распространено в районах, расположенных вблизи городов, торговых центров, железных дорог и судоходных рек. Закуп работал, как правило, один сельскохозяйственный сезон и получал в пользование участок земли, закладывая свое имущество в качестве гарантии выполнения взятых на себя обязательств⁵.

В ряде районов Македонии помещики прибегали к найму сельскохозяйственных рабочих и сдаче земли в аренду. В наем шли македонские, албанские и румынские разорившиеся крестьяне, выполнявшие всякую работу как на помещичьем поле, так и в имении. Плата за труд наемных сельскохозяйственных рабочих и батраков была очень низкой. Так, в Вучитрнском уезде (срезе) поденщик-мужчина получал за пахоту 2 динара, женщина за ту же работу — 0,5—0,6 динара. В Тетовском округе поденщики, главным образом албанцы, получали еще меньше, в среднем 10 грошей⁶.

Аренда чаще применялась на монастырских землях (вакуфы). Монастыри сдавали землю в аренду на продолжительные сроки, за что крестьяне ежегодно отдавали монастырям определенную часть урожая и выполняли ряд обязанностей (охрана монастыря, участие в строительных работах, производство текущего ремонта и т. д.).

Значительная часть крестьян была формально свободна от всяких обязательств феодалам и имела свои участки или участки, принадлежавшие сельской общине. Большинство «свободных крестьян» проживало в горных районах или районах с неплодородной почвой и занималось скотоводством⁷.

Однако эти «свободные» крестьяне были повсеместно закабалены кулаками, сельскими ростовщиками, торговцами и откупщиками налогов.

В Македонии было очень распространено так называемое зеленичарство — продажа или залог посевов на корню и продуктов животноводства⁸.

¹ М. Недељковић. Указ. соч., стр. 245—260.

² АВПР. Политархив, л. 1067, л. 45.

³ М. Недељковић. Указ. соч., стр. 245—260.

⁴ Командинић. Аграрно-правни односи у Новој Србије. Београд, 1914, стр. 92.

⁵ Душан Алимпић. Полицијски речник, Београд, 1925, књ 2, стр. 76.

⁶ Командинић. Указ. соч., стр. 92.

⁷ См. „Българско културно дело в Македония в цифрах“. Българска збирка, кн. V, 1911.

⁸ См. Ю. А. Писарев. Положение крестьянства в Сербо-хорватско-словенском государстве. „Ученые записки Института славяноведения АН СССР“, т. IV, 1951, стр. 145.

Существовала специальная категория торговцев-посредников, которые скупали за бесценок у крестьян-скотоводов шерсть и молочные продукты, а потом перепродавали их втридорога на базарах в Митровице, Призрене, Монастыре, Солуни и других городах. Они также изготавливали из шерсти ткани для той же продажи. Нередко «договоры» между торговцами-скупщиками и крестьянами заключались вперед на лето или зиму.

Турецкие власти всемерно поощряли систему откупа налогов. Они предоставляли богатым купцам-откупщикам право на сбор налогов, предоставляя им возможность не только вернуть с лихвой внесенную вперед в казну сумму, но и обогатиться за счет налогоплательщиков.

На время сбора налогов купец-откупщик превращался в фактического хозяина в податном районе. В случае неуплаты крестьянином причитающейся с него суммы, откупщик имел право захватить его землю, скот, имущество. Власти сквозь пальцы смотрели на произвол откупщиков. «Хукмета (турецкий чиновничий аппарат. — Ю. П.) не касается, сколько именно откупщик взял с селяков», — писал в своем донесении от 12 ноября 1907 г. консул Тухолка¹. Откупщики собирали основной налог — десятину, превращавшуюся в дальнейшем в осьмину или ашар². Причем крестьяне, как правило, вместо $\frac{1}{8}$ части урожая отдавали откупщику $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{3}$ часть урожая³.

В налоговом вопросе власти проводили дискриминационную политику по отношению к угнетенному македонскому, албанскому, румынскому и греческому населению. Ашар с македонского двора в 1903 г. составлял в Митровицкой волости (казе) 239 пиастров, а с турецкого двора — только 119 пиастров. В 1907 г. ашар для турецких крестьян был уменьшен до 95 пиастров (на один двор), а для крестьян-славян остался почти тем же (230 пиастров)⁴.

В некоторых македонских селах произошло даже увеличение ашара. Так, в селе Житковац десятинная подать возросла с 69 турецких лир, взимаемых с одного двора в 1903 г., до 85 турецких лир в 1907 г., в селе Бугариче — соответственно с 38 лир до 50 лир, Брянке — с 63 до 87, Грабовце — с 46 до 49, Валаче — с 34 до 38⁵.

Помимо десятинной подати македонские крестьяне были задавлены другими многочисленными налогами и поборами. Они платили поземельный налог, налог на крупный и мелкий скот (агнам), военный налог (беделаскарйе); затем следовали сборы на общественные работы, на школы, на развитие путей сообщения, а также торговые сборы и т. д.⁶ В ряде районов население платило еще особый налог с дома и построек — так называемый верги (сбор с недвижимости).⁷

Повсеместно собирались «джебби-хумаюн-харашлыг» или «мелочь для кармана падишаха», которая шла на нужды султанского двора⁸.

В пограничных районах с крестьян власти брали дополнительные поборы на постройку караколов — военных укреплений⁹, а городское население

¹ АВПР. Политархив, д. 1067, л. 30.

² Там же, л. 29 об.

³ Там же, л. 31.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, д. 1065, л. 21—21 об.

⁷ Газета „Слово“, 13. II 1905.

⁸ АВПР. Азиатский Департамент. Пресса. 1904—1905 гг., д. 276, л. 13.

⁹ АВПР. Политархив, д. 567, л. 3. Налог этот нередко бывал очень высок. Так, в одной только Монастырской казе крестьяне должны были уплатить около 6 тыс. турецких лир на постройку караколов в 1906 г.

уплачивало многочисленные налоги и подати, назначаемые местной турецкой администрацией.

Так, население города Монастырь платило в 1905—1907 гг. следующие налоги и подати: а) салхажи-иджрети — на скотобойню; б) контар-ресми — за взвешивание товаров; в) ихтисаб-параси — с каждого проданного животного; г) серзи-параси — за место на улице и базаре; д) фенер-параси — за освещение улиц; е) гюбре-параси — за очистку города; ж) чалгиджи-рухсати — за театры, музыку и зрелища; з) телял-рухсати — за аукционную продажу; и) таймири-параси — за постройку и исправление домов¹.

В марте 1907 г. в Монастыре был введен новый налог — духули-ресми — на ввоз в город продуктов питания и предметов широкого потребления.

В своем донесении от 31 марта 1907 г. из г. Монастыря русский консул Каль писал, что новый налог «не только ложится лишним бременем на городское население, но и тягостен для самих селян, прибывающих обыкновенно в город без денег и принужденных либо возвращаться с непроданным товаром домой, либо бросив по дороге повозки и лошадей, идти в город занимать деньги, чтобы уплатить ввозную плату, либо оставлять в залог часы, ножи и пр., которых они при возвращении часто не получают обратно»².

Налог на ввоз предметов и продуктов местного производства распространялся на 23 вида основных товаров и был очень обременителен для крестьян, привозивших в город для продажи сельскохозяйственные продукты, и ремесленников, которые сбывали на рынке изготовленные ими предметы народного потребления. Размер налога был довольно высок. Об этом говорит следующая таблица, составленная по шести видам товаров³.

Наименование продуктов и предметов производства, облагаемых налогом	Размер налога			
	с каждого осла	с каждой лошади	с каждой повозки (грабы)	
			одноконной	двуконной
в парах				
Сено, фрукты, молоко, рыба, бобы, рис, мед	10	20	40	80
Сыр и маслины	20	40	50	100
Шерсть	20	40	60	100
Солома, овощи	5	10	20	40
Масло животное и оливковое	—	80	—	—
Все продукты и предметы местного производства, доставленные в город по железной дороге	—	—	40	80

Введение нового налога привело к резкому повышению в городе цен на продукты питания и предметы широкого потребления. «Цены на мясо, — писал в том же донесении Каль, — утроились, а на дрова и уголь увеличились в 5—6 раз против обыкновенных и стали совсем не по средствам бедному классу населения»⁴.

Особенно страдало от налогов славянское население, которое должно было платить дополнительный военный налог (бедели-аскерийе)⁵. Он был

¹ АВПР. Политархив, д. 568, л. 35.

² Там же, л. 34 об., 35.

³ Там же, л. 36.

⁴ Там же, л. 34 об.

⁵ До 1908 г. не мусульмане не допускались в турецкую армию и платили особый военный налог. Подданные Турецкой империи, придерживавшиеся мусульманского вероисповедания, поставляли рекрутов.

введен еще в 1856 г. взамен подати с христианского населения (хараджа). С 1 марта 1905 г. военный налог был увеличен с 37 пиастров 8 пара в год до 53 пиастров¹.

В своем донесении из Митровицы от 20 марта 1907 г. русский консул Тухолка, касаясь военного налога, писал: «Тяжесть его заключается в том, что он взывается и с детей и со стариков, и с калек, с возложением их части на родных или на общину. Поэтому теперь христиане (особенно селяки) всеми силами утаивают рождение детей мужского пола, а может быть они дойдут до того, что их и убивать будут...»².

Для многодетных семей и семейных общин (задруг) военный налог был настоящим разорением. Так, задруга в селе Дренице Ипекского округа должна была заплатить в 1905 г. 30 турецких лир золотом одной только этой подати, так как она насчитывала 60 мужских душ, хотя взрослых было только 15 человек³.

Формально турецкие чиновники при сборе налога бедели-аскерийе должны были придерживаться особой инструкции, согласно которой распределение налогоплательщиков по классам (разрядам) должно было осуществляться представителями самих сельских общин. Но эта инструкция либо не соблюдалась вовсе, либо проводилась в жизнь таким образом, что от «крестьянского представительства» оставалась одна лишь фикция.

При существовавшем в ту пору режиме выборы в органы местного самоуправления, в том числе и в сельские общинные советы, представляли собой пародию на выборы. Списки кандидатов в члены административного совета санджака составлялись, как правило, каймакамом — главой турецкой гражданской администрации санджака. Ему же предоставлялось право отбора двух из четырех избранных кандидатов⁴.

Созданный таким недемократическим путем административный (общинный) совет выделял своих представителей в комиссию по рассмотрению податных списков. Естественно, что такими представителями могли быть только сельские старосты (кметы) и зажиточные крестьяне. Они-то и должны были определять размер налогов на каждый крестьянский двор. Общая сумма налогов, взимаемых с деревни в целом, устанавливалась турецкими властями. Последние определяли эти суммы весьма произвольно.

На созванном в марте 1909 г. монастырском провинциальном совете выявилось, что во всех четырех санджаках Монастырского вилайета при сборе налогов господствовал полный произвол местных властей.

В своем донесении из Монастыря от 20 марта 1909 г. консул Каль писал: «На совете обнаружилось, что росписи поземельной собственности не имеется, межевых планов нет, количество взимаемых налогов определено лишь приблизительно, разделение лесов на государственные, общинные и частные — спорное, статистических таблиц не было»⁵.

О том, как происходил сбор налогов, дает представление история с «крестьянской представительной комиссией» в Вучитринской казе. Здесь в мае 1906 г. была создана комиссия для осуществления инструкции о налогах; в ее состав были включены представители общинных советов от 21 села. Комиссии передали податные списки, составленные на турецком языке, которого не знал ни один из членов комиссии. Крестьянским представителям вучитринские власти предложили одобрить эти списки и указать, кто из крестьян их сел должен быть обложен в 6 раз больше, чем другие

¹ АВПР. Политархив, д. 1065, лл. 53 об. — 54.

² Там же, д. 1067, л. 6.

³ Там же, д. 1065, л. 54.

⁴ Там же, д. 1066, л. 38—38 об.

⁵ Там же, д. 570, л. 28—28 об.

крестьяне, и кто должен быть отнесен к той или иной податной категории. Кметы и члены сельских общинных советов отказались выполнить это требование. Тогда местные власти прибегла к репрессиям. 24 крестьянина из сел Бабин-Мост, Бойбула, Новосело и Копанник были обвинены в подстрекательстве населения к неповиновению распоряжениям властей и 28 апреля 1906 г. на заседании Вучитрнского суда приговорены к трехмесячному тюремному заключению и уплате по 170 пиастров судебных издержек¹.

Остальные кметы после суда над их товарищами капитулировали перед властями и выполнили все, что те от них потребовали: утвердили податные списки, произвольно распределили по крестьянским дворам налоги и даже согласились на взыскание недоимок за несколько предыдущих лет.

Так действовала султанская администрация и в других местах. Положение задавленного многочисленными поборами и налогами населения становилось все более тяжелым.

Описывая бедственное состояние македонского крестьянства, русский консул Тухолка в своем донесении послу в Константинополь от 20 марта 1909 г. сообщал: «Увеличение налогов не соответствует платежным силам населения, тем более, что правительство ничего не делает для поднятия благосостояния этого края и для увеличения заработка населения. Наоборот, селяки здесь все беднеют, а налоги все увеличиваются... Половина христиан имеют за собой большие недоимки. Так как продавать у них (кроме последнего скота и земледельческих орудий) нечего, то власти сажают их в тюрьму...»².

О том же писал в своем донесении и консул в г. Монастыре Каль от 6 января 1906 г. Он отмечал, что местные власти в Монастырской казе не допускают никакой отсрочки с доставкой налогов «и с большой жестокостью отбирают у селян скот, домашние вещи, а неимущих сажают в тюрьму»³.

Каль рассказывает о своей беседе с монастырским генерал-губернатором (вали), который «сознался, что получил строжайшее приказание собрать немедленно до последнего пиастра как новый, так и все остальные налоги и при этом не скрыл, что все тюрьмы вилайета переполнены»⁴.

Разорившиеся крестьяне, не имея возможности найти спрос на свой труд в Македонии, где феодальный строй препятствовал развитию промышленности, целыми семьями уходили на отхожие промыслы в нефтеносные районы Румынии, на сельскохозяйственные работы в Южную Венгрию и Воеводину, на погрузочно-разгрузочные работы в Константинополь, Салоники и другие порты. Значительная часть крестьян и вовсе покидала Македонию. Согласно статистическим данным, из Монастырского вилайета эмигрировало: в 1904 г. 3 тыс. человек, в 1905 г. — 7 тыс. человек, в 1906 г. — 15 тыс. человек⁵.

В 1907 г. вилайет покидали ежедневно 200—300 человек. Во Флоринской казе были села, из которых выселилось почти все мужское население⁶.

Заинтересованные в привлечении дешевой рабочей силы эмигрантов, американские и иные предприниматели, используя безвыходное положение переселенцев, заключали с ними кабальные договоры. Так, владелец золо-

¹ АВПР. Политархив, д. 1066, лл. 40—41.

² Там же, д. 1067, л. 5 об.

³ Там же, д. 567, л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 568, л. 150.

⁶ Там же, л. 27.

тых приисков в Южной Америке Рислер, выдавая переселенцам ссуду в 400 франков на человека, заставлял возвращать ему через шесть месяцев по приезде в Южную Америку по 600 франков¹. Другие предприниматели обязывали эмигрантов за доставку их морским путем в США работать на предприятиях и рудниках за самую нищенскую плату. Эксплуатация дарового труда эмигрантов оказалась для американских бизнесменов таким выгодным делом, что они организовали даже специальные компании по доставке переселенцев из Македонии, Сербии и Болгарии. В Македонии имелись агенты следующих пароходных обществ, доставлявших эмигрантов в Америку: «Norddeutscher Lloyd», «Compagnie Transatlantique» и «Hofmann, Cunard a. White star line», причем первое из названных обществ имело даже две линии — северную через Гамбург и южную через Геную².

Прибыв в Америку, эмигранты из Македонии попадали в очень тяжелые условия. Подавляющее большинство из них не имело никакой производственной квалификации и использовалось предпринимателями на самых низкооплачиваемых работах. Эмигранты подвергались жестокой эксплуатации. Многие из них, разочаровавшись в жизни в Новом Свете, возвращались назад, в Македонию.

Так возникло два переселенческих потока: эмигрантов и реэмигрантов³. Оба они были следствием исключительно тяжелого положения трудящихся македонцев, албанцев и других у себя на родине и на чужбине, оба они являлись одной из форм социального протеста народных масс против эксплуатации, голода и нищеты. Но не одни только экономические причины лежали в основе эмиграции.

«Главным поводом к эмиграции, — писал очевидец происходивших в Македонии событий русский консул Каль, — являются не причины экономического характера, а невыносимая жизнь селянина-македонца при существующих условиях»⁴.

Остановимся подробнее на внутриполитическом положении в Монастырском и Косовском вилайетах Турции, на условиях политической жизни славянского населения.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ВИЛАЙЕТАХ ДО МЛАДОТУРЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1908 г.

Македонцы⁵, а также другие угнетенные народы — албанцы, греки, румыны — составляли подавляющее большинство населения этих вилайетов. По наиболее достоверным данным⁶, составленным в 1897 г. А. А. Ростовским и впоследствии дописанным Калем и другими исследователями стати-

¹ АВПР. Политархив, д. 1478а, лл. 35 об.—36.

² Там же, л. 35 об.

³ В 1904—1907 гг. из Монастырского вилайета выехало в Америку около 30 тыс. человек, из них около 10 тыс. вернулось обратно (АВПР. Политархив, д. 1478а, л. 34 об).

⁴ Там же, д. 568, л. 150.

⁵ В изучаемый период происходило складывание македонской национальности. Многие македонцы называли себя сербами или болгарами.

⁶ Официальные турецкие данные не могут считаться достаточно достоверными. Предполагая, что материалы переписи населения в 1905 г. будут иметь политическое значение и великие державы, заключившие Мюрцштегское соглашение, будут руководствоваться ее итогами, турецкие власти настолько фальсифицировали данные переписи, что были вынуждены, в связи с массовыми протестами, отменить перепись 1905 г. После провозглашения конституции, в 1908 г. была проведена новая перепись населения, но и она была неудовлетворительной.

стических таблиц населения Македонии, в Монастырском вилайете в 1905—1907 гг. проживало: славян — 321 900, албанцев — 292 800, греков — 117 400, турок — 87 тыс., румын (влахов) — 59 тыс., евреев — 6 тыс. Все население вилайта составляло 885 тыс. человек¹.

В Косовском вилайете славянское и албанское население еще более преобладало над турецким. Здесь турки проживали лишь в г. Скопле и некоторых других крупных городах и административных центрах вилайета; в деревне турок почти не было, если не считать турецких помещиков, владельцев чифтликов, а также сборщиков налогов и прочую турецкую администрацию. Целые отдельные казы Косовского вилайета были сплошь славянскими и албанскими². Несмотря на это, славянское и албанское население было совершенно бесправным.

Вся власть на местах принадлежала турецкой администрации — военной и гражданской. Административные советы в казах состояли почти исключительно из турок; лишь в редких случаях в них допускались славяне или албанцы, да и то из числа богатых торговцев или откупщиков. Турецкими властями назначались как генерал-губернатор вилайета, так и все наместники и чиновники (мутессарифы, каймакамы и мюдиры). Единственно, что разрешали власти, — это выбор в селах кметов и в городах уполномоченных (нотабли). Но и кметы и нотабли утверждались турецкой администрацией, и в их состав, естественно, могли попасть лишь представители буржуазии, т. е. лица, поддерживавшие турецкое правительство. Иногда в состав нотаблей и кметов попадали и оппозиционно настроенные к султанскому режиму люди, но это было довольно редким явлением.

Господствующие классы — турецкие помещики и буржуазия — имели в своих руках мощный и широко разветвленный аппарат насилия: суд, тюрьмы, жандармерию, армию.

Большая часть территории Монастырского и Косовского вилайетов находилась фактически под постоянной оккупацией турецких войск, которые исполняли роль душителей революционного движения. Турецкие крепости и укрепленные военные посты (караколы) были разбросаны по всей Македонии, и турецкая армия постоянно несла полицейскую службу. Кроме того, во многих местах были сосредоточены особые полицейские посты, а турецкие жандармы имелись в каждом населенном пункте. Наряду с турецкой жандармерией после Мюрцштегского соглашения 1903 г. и до 1908 г. в вилайетах имелась австрийская жандармская инспекция, которая, согласно букве этого договора, должна была наблюдать за деятельностью турецкой жандармерии и ограничивать ее произвол, но на самом деле лишь помогала властям расправляться с революционным движением.

Отмечая отрицательную роль «реформаторской деятельности» великих держав в Турции, В. И. Ленин писал в статье «Балканские народы и европейская дипломатия»: «И враждебное и якобы-дружелюбное вмешательство «держав» Европы означает для балканских крестьян и рабочих только прибавление всяческих пут и помех свободному развитию к общим условиям капиталистической эксплуатации»³.

¹ АВПР. Политархив, д. 571, л. 33 об.

² Составивший подробное административное описание Косовского вилайета русский консул в Скопле А. Орлов по этнографическому принципу славянское население вилайета делит следующим образом: а) Босния — Плевальский санджак; б) Старая Сербия — Сеницкий, Ипекский (кроме каз Дьякова и Гусинье), Призренский (кроме каз Люма, Кальканделен и Гостивар), Приштинский санджаки и каза Охране Скопальского санджака; в) Македония — Скопальский санджак и казы Гостивар и Кальканделен (Тетово) Призренского санджака (АВПР. Политархив, д. 1479, лл. 81—84).

³ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 320.

Произвол военщины и жандармерии по отношению к угнетенным народам дополнялся произволом в судопроизводстве.

В подавляющем большинстве районов сколько-нибудь нормально функционирующих судебных органов вообще не было¹, и суд и расправу над местным населением чинили по своему собственному усмотрению представители местной власти. Жаловаться на произвол властей было некуда, к тому же жалобы принимались, как правило, в письменном виде и на турецком языке, а турецкие чиновники — кятибы (писцы) постоянно отказывались писать такие жалобы или брали за них огромные взятки. При устных жалобах македонцы также зависели от недобросовестных турецких переводчиков². Но даже если жалоба доходила до высших властей, она в лучшем для жалобщика случае оставалась без последствий.

Высшей судебной инстанцией в Монастырском вилайете был Чрезвычайный уголовный суд, в состав которого не входил ни один македонец и албанец.

О продажности суда говорит тот факт, что из семи его членов четверо были выведены из состава суда за взяточничество³. Председатель Чрезвычайного суда и два его заместителя были крупными турецкими землевладельцами, игравшими в нем решающую роль. Остальные члены суда послушно подписывались под любым решением, продиктованным председателем.

Рассказывая об этом, консул Каль пишет в донесении от 7 марта 1906 г. следующее: «Председатель Чрезвычайного уголовного суда Мехмед Кямил бей — человек необразованный, крайне фанатичный, жестокий и несправедливый. Заведуя всеми делами, идущими на рассмотрение суда, он откладывает по целым месяцам те из них, которые должны окончиться оправданием подсудимых... Он заранее, еще до разбора дела, произносит свой приговор и определяет размеры наказания, производя этим давление на турок — членов суда, которые боятся его послушаться и почти всегда с ним соглашаются... Судебный инспектор не вмешивается в дела Чрезвычайного суда и один раз за все время его существования посетил его»⁴.

Чрезвычайный суд, как и другие судебные инстанции, постоянно прибегал к показаниям лжесвидетелей.

«Меня лично, — пишет Каль, — больше всего поразило индифферентное отношение судей к лжесвидетелям, остающимся как клятвopреступники безнаказанными... Лжесвидетели на суде — явление обыденное, нормальное, и редкий процесс на политической подкладке обходится без них»⁵.

В качестве примера подобного судебного разбирательства можно привести процесс македонцев из казы Охрида, привлеченных к суду за участие в революционном движении. Дело слушалось 8 февраля 1908 г. в Чрезвычайном суде в Монастыре. При предварительном следствии и во время про-

¹ В большинстве горных районов Албании и Македонии судебных органов как таковых не было. Они отсутствовали и в селах. Низшей инстанцией был суд в казах, который назывался судом первой инстанции и разбирал главным образом мелкие дела уголовного характера. Решение суда могло быть обжаловано в апелляционный суд вилайета, что на практике было очень трудным делом, так как иск рассматривался преимущественно на турецком языке, которого не знали славяне и албанцы; к тому же апелляционный суд чрезвычайно задерживал рассмотрение дел из-за господствовавшей в нем, как, впрочем, и в других органах султанской власти, атмосферы бюрократизма. Апелляционный суд взымал крупные судебные издержки с истцов, что было не под силу трудящимся крестьянам и бедным слоям городского населения.

² АВПР. Политархив, д. 567, л. 46.

³ Там же, л. 42—42 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 568, л. 120.

цесса господствовали полный произвол и беззаконие. Единственным человеком, понимающим по-македонски, был Фахри-эфенди — полицейский агент и шпион, человек, настроенный враждебно к македонцам.

«Начался суд, — пишет присутствовавший на нем консул Каль, — всё, что Фахри признавал правым, было признано судом правым, все, которых он обвинял, были судом осуждены»¹.

Судом были заслушаны лжесвидетели, показания которых были настолько противоречивыми и лживыми, что защита полностью могла доказать их несостоятельность. Однако суд не дал возможности вмешаться защите, отказал в ее ходатайствах и справедливых требованиях. В результате 11 македонцев были осуждены на пожизненную каторгу². «Процесс этот, — пишет Каль, — произвел в городе тяжелое впечатление и не только среди болгар. Все поражены тем, что судебные власти... допустили... столь явную несправедливость и целый ряд правонарушений»³.

Судебные «порядки» в Македонии вызывали возмущение всей мировой прогрессивной общественности. Передовые газеты и журналы европейских стран — России, Австрии, Англии, Франции, Германии, Швейцарии, Италии — и других стран печатали в 1905—1907 гг. многочисленные корреспонденции из Турции и призывали положить конец судебному произволу в Македонии.

Под давлением общественного мнения великие державы обратились к Абдул-Хамиду с требованием провести в Македонии судебную реформу. При этом правительства Австро-Венгрии, России, Франции и Англии, обратившиеся к турецкому правительству с этим предложением, учитывали, что после русской революции 1905—1907 гг., оказавшей колоссальное влияние на народы всего мира, уже нельзя править прежними методами и надо осуществить хотя бы видимость некоторых демократических реформ, чтобы отвлечь народные массы от революционной борьбы.

Это предложение великих держав, по существу, преследовало своей целью укрепить гниющий абсолютистский режим Абдул-Хамида.

«Ничего, кроме поддержки гнилья и застоя, кроме бюрократических помех свободе не несет Балканам даже самая «либеральная» буржуазная Европа», — писал В. И. Ленин в 1912 г. по поводу этой и других попыток европейской буржуазии вмешаться в турецкие дела⁴.

Осенью 1907 г. проект преобразований судебных установлений был внесен турецким правительством в меджлис и принят им. Согласно новому порядку, в Косовский и Монастырский вилайеты назначались судебные инспекторы (по два на вилайет) для контроля деятельности судов. В ряде районов учреждались так называемые мировые суды, в состав которых должны были быть избраны и представители от населения. Было объявлено, что мировой суд, ввиду неграмотности подавляющей части населения, может принимать не только письменные, но и устные жалобы. Решение меджлиса о новом судеустройстве было широко разрекламировано в турецкой печати.

На деле же эти решения почти не выполнялись.

Судебные инспекторы назначались лишь для отвода глаз. Управляющий русским консульством в Скопле М. Попов в своем донесении от 23 января 1908 г. писал: «Имея в Ускубе (Скопле. — Ю. П.) общую канцелярию, в со-

¹ АВПР. Политархив, д. 569, л. 16 об.

² Там же.

³ Там же; л. 17 об.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 320.

ставе 3-х секретарей, они занимаются исключительно выполнением мелких канцелярских формальностей и ведением статистики процессов»¹.

Сплошной фикцией оказалась и выборность мировых судов. Согласно положению, в состав мировых судов входили: председатель, который одновременно являлся административным начальником (мюдиром) данной местности (нахии), секретарь и члены суда, выбираемые из числа совета старшин нахии. Однако члены суда должны были проживать в центральном месте нахии, т. е. там, где находилось управление нахии, которое, как правило, располагалось в турецком селе. Организация мирового суда и утверждение его состава были возложены на местную администрацию (каймакамов и мюдиров), а также — на прокуроров каз².

Компетенция мировых судов была чрезвычайно ограниченной. Им были подведомственны лишь гражданские иски и процессы по самым мелким делам, за которые назначались штрафы не свыше 25 пиастров. Мировой суд разбирал также спорные вопросы тяжущихся сторон по финансовым и иным делам, причем общая сумма разбираемой финансовой операции не должна была превышать 150 пиастров³.

В мировых судах процветало взяточничество. Турецкие власти самой системой оплаты судебных работников фактически поощряли его. Председатель суда получал такое небольшое жалованье, что не мог на него существовать, члены же суда жалованья не получали вовсе и жили за счет взяток. Мировой суд был, по существу, совершенно бесконтролен.

Естественно, что такой суд не мог пользоваться доверием населения.

«Сельское население, — писал в том же донесении М. Попов, — весьма неохотно обращается к содействию мировых судов, так как не питает к ним доверия»⁴.

Таким образом, и после «реформы» положение дел в судопроизводстве не изменилось. Угнетенные народности — македонцы, албанцы, греки, румыны и др. — при таких судебных порядках не могли рассчитывать на сколько-нибудь объективный разбор дела. Целям жестокого подавления поработенных народов служили и тюрьмы султанской Турции. Они были грозным орудием в руках господствующих классов. В тюрьму, на каторгу, в ссылку отправляли за малейшее неповиновение властям десятки и сотни людей.

Государственный аппарат империи Абдул-Хамида держался только при помощи силы.

Правительство султана Абдул-Хамида ввело в Македонии кровавый террористический режим, жестоко подавляло угнетенные национальности, преследовало национальную культуру, язык, свободу вероисповеданий.

Национальная школа подвергалась гонениям. Македонцам, албанцам и другим неравноправным народам в организации школ чинились всевозможные препятствия, во многих местах вообще не разрешалось открывать школ на родном языке.

«В Гиляне, — пишет в своем донесении консул Тухолка от 28 ноября 1907 г., — власти запретили сербским учителям преподавание в школе, ввиду их отказа представить властям свои дипломы, так что школа оказалась закрытой»⁵.

В македонском селе Митрова-река Дежевской окоliny местные власти разрушили в 1907 г. новое здание школы, построенное на средства крестьян

¹ АВПР. Политархив, д. 1479, л. 5 об.

² Там же, д. 1478а, л. 176 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 1067, л. 64 об.

сел Митрова-река, Суцко-село, Алулович, Полозм, Врановина, Ковачево и других, и передали землю турецкому помещику Ахмеду-аге Сойтаровичу¹. В Суцком-селе и соседних деревнях, насчитывавших свыше 400 славянских дворов, турецкие власти запретили постройку здания школы и разрешили заниматься детям только в хлеве¹.

Тщетно просили в течение ряда лет об открытии македонских школ крестьяне сел Радоине, Рутоша, Вранета, Амича и Кратово Нововарошской казы и славянское население городов Плевалье, Нови Пазар и многих других районов². Все их просьбы неизменно отклонялись турецкими властями.

В 1908 г. гонения на славянские школы усилились.

«С начала текущего года, — сообщает в своем донесении от 21 апреля 1908 г. русский консул в Скопле А. Орлов, — начались усиленные преследования учителей сербских основных школ на севере Косовского вилайета... В школах и помещениях, занимаемых учителями, производятся обыски... Местные суды 1 инстанции неизменно приговаривают обвиняемых к более или менее тяжким наказаниям и воспреещению дальнейшего преподавания в Турецкой империи, а Ускюбский (Скоплевский. — Ю. П.) апелляционный суд подтверждает эти приговоры»³.

Чтобы возбудить против славянских учителей судебное преследование, власти на местах специально фабриковали дела. Так, на состоявшемся 5 апреля 1908 г. в г. Скопле процессе по делу «о подрывной деятельности сербских учителей» в качестве одного из документов обвинения фигурировало письмо мутессарифа в г. Сенице товарищу прокурора, в котором он выдвигал совершенно вздорные обвинения. Безграмотный турецкий чиновник объявлял, например, всех славянских учителей государственными преступниками на том только основании, что в азбуке сербского букваря против буквы «Т» было помещено изображение пушки. Мутессариф писал, что учителя-славяне подстрекают население к восстанию против Турции. Изображение пушки против буквы «Т» было помещено в букваре, конечно, только для лучшего запоминания учениками этой буквы (по-сербски пушка — «топ»). Мутессариф указал товарищу прокурора на «крамольное место» и в учебнике по географии, где говорилось о необходимости познания «родины и окружающих ее земель»; ознакомление с соседними странами — Сербией и Болгарией — мутессариф считал опасным и крамольным⁴.

Несмотря на всю явную вздорность этих безграмотных обвинений, сеницкий суд принял решение об отстранении учителей-славян от преподавания в школе. В связи с этим были закрыты школы, а македонским ученикам было предложено перейти в турецкие школы.

В своем стремлении к насильственной ассимиляции славян султанская администрация преследовала христианскую славянскую церковь.

Противоречия на национальной почве осложнялись религиозными распрями. В силу же того, что турки были помещиками, а славяне — зависимыми от них крестьянами, религиозные и национальные противоречия были одновременно и социальными.

¹ АВПР. Политархив, д. 1067, л. 43 об.

² „... Сербы в Новопазаре жалуются, — писал в донесении от 22 октября 1907 г. Тухолка, — что уже три с половиной года они напрасно хлопочут о разрешении построить на церковном дворе в Новопазаре здание для школы, ибо теперь дети учатся в маленьком церковном домишке и в частном доме, нанимаемом для школы“ (АВПР. Политархив, д. 1067, лл. 43—44).

³ Там же, д. 1065, л. 113—113 об.

⁴ Там же, л. 1479, л. 53

⁵ Там же, лл. 63—64.

Эту сложность взаимоотношений в македонской деревне отмечал еще в 1912 г. В. И. Ленин, который в статье «Социальное значение сербско-болгарских побед» писал: «Помещики в Македонии (так называемые *спаги*) — турки и магометане, крестьяне же — славяне и христиане. Классовое противоречие обостряется поэтому религиозным и национальным»¹.

Отоманская Порта пыталась разрешить эти противоречия путем преследования вероисповедания угнетенных народов — славян, греков, румын².

В декабре 1907 г. местными властями в Кырчеве и греческим митрополитом была закрыта славянская церковь. «Начались протесты, жалобы, демонстрации со стороны сербов... Митрополит наложил аргос на сербского священника, закрыл единственную в Кырчеве церковь и уехал оттуда, захватив ее ключи. Теперь, находясь уже в Велесе, он приказал закрыть и Кырчевскую Митрополию, принадлежавшую местной общине, так что славяне — патриархисты не могут ни крестить своих детей, ни хоронить своих умерших»³.

В Новопазаре власти не разрешили устроить на церковном дворе небольшой навес для защиты крестьян-богомольцев от дождя и тем срывали отправление церковной службы в ненастное время года⁴.

В Сапочанах крестьянам было запрещено покрыть крышей старинный монастырь, являвшийся одним из древних памятников славянской культуры⁵. В другом древнем монастыре — в Джурджеви Стубови — турецкие войска устроили конюшню, хотя этот монастырь и чтился всеми славянами, как национальная святыня⁶.

Еще большим гонениям подвергалась славянская печать. Цензура запрещала издание газет и журналов на славянских языках, турецкая полиция и жандармерия преследовали создание кружков и союзов македонской интеллигенции, военно-феодалное государство султана Абдул-Хамида старалось при помощи репрессий и террора искоренить в зародыше малейшее проявление национального самосознания и национально-освободительной борьбы. Особенно кровавым было подавление в 1903 г. Илинденского восстания, когда турецкие карательные отряды бросили в тюрьмы и расстреляли сотни и тысячи македонцев, албанцев, артиллерийским огнем сметая с лица земли целые деревни. При помощи террора правительство надеялось запугать трудящиеся массы, подавить всякие попытки к неповиновению.

Но эти расчеты полностью провалились: прошло всего лишь два года, и в 1905 г. национально-освободительное движение в Македонии развернулось с еще большей силой.

Оно возникло под воздействием первой русской революции и вызванной ею волны революционных выступлений трудящихся в странах Юго-Восточной и Восточной Европы.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 368.

² Описывая методы, к которым прибегали при этом власти в Македонии, «Санкт-Петербургские ведомости» от 6 января 1906 г. сообщали:

„В г. Монастырь в ночь под рождество около 100 румын — мужчин и женщин — отправились с двумя священниками в новую валахскую церковь для того, чтобы отслужить там в первый раз обедню. Когда служба уже началась, в церковь явилась полиция и потребовала, чтобы молящиеся оставили церковь. Требование это не было исполнено. Тогда солдаты и жандармы силой заставили очистить церковь“ (АВПР. Азиатский Департамент. Пресса. 1904—1905 гг., д. 147, л. 12).

³ АВПР. Политархив, д. 568, л. 130—130 об.

⁴ Там же, д. 1067, л. 43 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВИЛАЙЕТАХ В 1905—1908 гг. МЛАДОТУРЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1908 г. И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ТУРЕЦКОЙ ИМПЕРИИ

Основным классом, участвовавшим в национально-освободительном движении, было крестьянство, которое составляло свыше 95% населения Македонии и выступало против турецких помещиков и Османского военно-феодалного государства. Оно боролось за отмену феодальных повинностей и непосильных государственных налогов, за захват и раздел помещичьих, дворцовых и монастырских земель, лугов и лесов, за ликвидацию гнета чужеземных порабителителей.

Национально-освободительная борьба славянского крестьянства, таким образом, была одновременно и борьбой социальной, борьбой за экономическое освобождение от гнета турецких помещиков и политическое освобождение от султанской империи.

«Только доведенное до конца экономическое и политическое освобождение крестьян всех балканских народностей может уничтожить всякую возможность какого бы то ни было национального угнетения», — писал В. И. Ленин в статье «Социальное значение сербско-болгарских побед»¹.

Другим классом, участвовавшим в национально-освободительном движении, был нарождающийся пролетариат.

Начало рабочего движения в Македонии приходится на конец XIX — первые годы XX в. В 900-е годы создаются первые рабочие общества и группы в Скопле, Монастыре, Крушеве, Струмице, Девджели, Тетове и других местах. Эти группы и организации вначале были еще очень немногочисленными и представляли собой кружки по распространению среди рабочего класса социалистической пропаганды.

В 1900 г. в Крушеве была созвана первая в Македонии социалистическая конференция, на которой были представлены местные социалистические группы. Конференция высказалась за усиление пропагандистско-агитационной деятельности и за активное участие македонских социалистов в национально-освободительном движении.

Под влиянием распространения социалистических идей рабочие Македонии стали вовлекаться в борьбу за свои социальные требования. В 1900 г. на железной дороге Велес—Демир Капия вспыхнула первая в Македонии забастовка, в результате которой на два дня было прекращено железнодорожное сообщение между городами Солунь и Скопье².

В 1904 г. были организованы забастовки рабочих обувных предприятий в Монастыре и Солуни, стачка текстильщиков в Серезе и рудокопов в окрестностях Скопья³.

Под влиянием русской революции 1905—1907 гг. рабочее движение в Македонии усилилось. Рабочий класс от стихийных и разрозненных выступлений постепенно начал переходить к организованной борьбе, от чисто экономических требований — к требованиям политическим.

В борьбе против турецкого абсолютистского режима, за введение демократических свобод и конституции принимала участие прогрессивная интеллигенция Македонии, которая имела уже свои кружки и объединения. На отдельных этапах она возглавляла общедемократическое революционное движение, в частности прогрессивная славянская интеллигенция поддерживала младотурецкую революцию и повела за собой мелкую буржуазию и средние слои города во время революционного кризиса в июле 1908 г.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 370.

² Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. VI, стр. 223—225.

³ Там же.

Крупная греческая, македонская, румынская и албанская буржуазия боялась широкого размаха национально-освободительного движения. Она выступала лишь за получение привилегий от турецкого государства и не была заинтересована в его ликвидации.

Господствующие классы Османской империи в своей колонизаторской политике в Македонии опирались на крупную славянскую буржуазию, экономически связанную с Константинополем, и албанских феодалов. Они использовали также национальную и религиозную рознь между отдельными народами, которую всемерно разжигали.

* * *

Первые признаки назревавшего революционного подъема в Косовском и Монастырском вилайетах появились уже в начале 1905 г., когда крестьяне оказывали сопротивление турецким властям при сборе налогов.

Вначале движение носило чисто экономический характер: крестьяне ряда районов отказались уплатить дополнительную подать «на народное образование» с главных хлебов и какую бы то ни было подать с сена, садовых и огородных культур¹. Крестьяне — албанцы и македонцы — округа Дреницы составили в феврале 1905 г. на имя султана коллективное письмо, в котором указывали на несправедливое обложение жителей округа дополнительными налогами². Письмо было написано в довольно умеренных выражениях и представляло собой скорее просьбу, чем требование.

Однако, когда письмо было зачитано на крестьянских сходках, в него были внесены новые пункты, в том числе и политические требования: о возвращении сосланных турецкими властями земляков-крестьян, об освобождении арестованных, об удалении наиболее непопулярных среди населения турецких чиновников³.

Движение стало быстро разрастаться. В своем донесении из Митровицы от 4 марта 1905 г. русский консул А. Орлов писал: «С начала 20-х чисел февраля и до настоящего времени каждый день вооруженные толпы, численностью иногда до трех тысяч человек, собираются в город Ипек из окрестных селений и производят демонстрации...»⁴.

23 февраля восставшие крестьяне ворвались в городскую тюрьму Ипека и освободили арестованных⁵. Затем тот же отряд окружил помещение городского совета и потребовал, чтобы глава турецкой администрации (мутессариф) немедленно удалился из города⁶.

Аналогичные события произошли 6 апреля в Трговиште (Рожае), где восставшими крестьянами был изгнан сборщик налогов, а также каймакам, который отличался исключительной жестокостью. «Каймакам... избивал неисправных плательщиков (налогов: — Ю. П.) до того, что их приходилось отливать водой, усиленно сажал в тюрьму... Подобными мерами он довел население до такого озлобления, что 1 и 2 апреля был в виде протеста закрыт базар, а 3-го собралась перед канаканом вооруженная толпа до двух тысяч мусульман и христиан, потребовавшая, чтобы каймакам и его помощник — жандармский офицер покинули город. На следующее же утро, под охраной роты солдат каймакам и жандармский офицер выехали из города»⁷.

¹ АВПР. Политархив, д. 1065, л. 12.

² Там же, л. 21—21 об.

³ Там же, л. 20 об.

⁴ Там же, л. 20.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 32—32 об. Донесение консула А. Ордова от 6 апреля 1905 г.

В Вучитрне каймакаму спастись не удалось: он был убит восставшими крестьянами, отомстившими за его жестокость¹.

Нападения на сборщиков налогов, жандармов и турецких солдат происходили в 1905 г. и в других районах Монастырского вилайета: в селах Виннице и Беране Митровицкой казы — в июне², в селе Старом Колашине — в июле³, в Плевальском санджаке — в ноябре⁴.

В Косовском вилайете, в частности в Ипекском и Приштинском санджаках, наблюдались волнения крестьян при переписи скота и даже вооруженные столкновения с турецкими войсками⁵.

В Плевальском санджаке Косовского вилайета движение крестьян зашло еще дальше: чифтчи выступили против турецких феодалов, организуя нападения на помещичьи имения и захватывая помещичью землю. В Плевальском санджаке имели место и выступления македонских крестьян-батраков против кулаков-мусульман⁶.

В 1905 г. в Монастырском и Косовском вилайетах, как и во всей Македонии, развернулось партизанское движение против турецких войск⁷. В некоторых районах были созданы повстанческие отряды (четы), которые начали борьбу за освобождение Македонии⁸.

19—20 марта шел бой между македонской четой и турецкими войсками в деревне Тубановче Кумановского округа⁹.

24 марта крестьяне села Радовиште оказали вооруженное сопротивление турецким войскам, которые производили обыски и грабили крестьян. По приказу офицеров турецкие войска сожгли восемь крестьянских домов «за непокорность жителей»¹⁰.

2 и 14 апреля произошло столкновение македонских чет с турецкими отрядами в селах Ратовице Кратовского округа и Драмче Малешкого округа¹¹, а 17 апреля — между македонскими четами и турецкими войсками близ монастыря Матейцы и сел Никуляне и Челопек Кумановского округа¹².

30 апреля произошло новое столкновение между турецкими войсками и македонскими четами близ монастыря Старче Прешевского округа¹³, 31 мая—1 июня — в селе Петралица Паланкского округа¹⁴, 2 июня — у села Великая Хоча Призренского санджака, 3 июня — у села Беляковице Кумановского округа¹⁵.

Македонские четы действовали также в Велесской казе, в Поречье Кичевской казы и других районах Монастырского вилайета¹⁶.

К весне 1905 г. в Македонии Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО) готовила всеобщее восстание. Оно должно было вспыхнуть одновременно в Скопле, Салониках, Адрианополе, Монастыре, Сересе, Иштибе и других местах¹⁷. Однако турецкому правительству уда-

¹ АВПР. Политархив, д. 1065, лл. 36—40.

² Там же, лл. 55—56 об.

³ Там же, л. 65.

⁴ Там же, лл. 94—96.

⁵ Там же, лл. 32—33.

⁶ Там же, лл. 95—96.

⁷ Там же, д. 508, лл. 1, 2, 4.

⁸ Там же, лл. 16—17.

⁹ Там же, д. 1477, л. 57.

¹⁰ Там же, л. 60.

¹¹ Там же, л. 64.

¹² Там же, л. 64 об.

¹³ Там же, л. 99.

¹⁴ Там же, л. 98.

¹⁵ Там же, л. 99.

¹⁶ Там же, л. 65.

¹⁷ Там же, д. 110, л. 14.

лось узнать о планах восстания и сорвать его. Во многих районах Македонии было объявлено военное положение. Снова, как и в 1903 г., стал функционировать Чрезвычайный политический суд¹.

В 1906 г. национально-освободительное движение в Косовском и Монастырском вилайетах продолжалось. Несмотря на концентрацию в Македонии турецких войск, болгарские и сербские четы продолжали свою деятельность.

8 января 1906 г. произошло столкновение македонской четы с турецкими войсками в деревне Кыркле Паланкского округа, 25 января — в деревне Бегиште Прешевского округа и селе Никуляне Кумановского округа².

9 февраля имело место столкновение турецких войск с македонской четой близ деревни Русиново Малешкого округа, 28 марта — у деревни Геземил Тетовского округа, 4 апреля — у деревни Инова Радовиштского округа³. 18 апреля произошел бой между крупной македонской четой, насчитывавшей 60 человек, и турецким отрядом; сражение велось у стен македонского монастыря св. Ивана в Тетовском округе и продолжалось целый день. Только благодаря подкреплению турецким войскам удалось отеснить македонскую чету⁴.

В марте и апреле наблюдались также волнения крестьян-албанцев в Приштинском санджаке, отказавшихся платить налог за домашний скот⁵.

Но особенно сильным крестьянское движение в 1906 г. было в районе Дольнего Колашина. Здесь дважды в течение года — в мае и ноябре — вспыхивали крестьянские восстания. Восставшим крестьянам пришлось сражаться с регулярными турецкими войсками.

Область Дольнего Колашина расположена по обоим берегам реки Ибара, вблизи черногорской границы, и населена исключительно славянами. Земля же в Колашине принадлежала богатым турецким помещикам, жестоко эксплуатировавшим славянское население⁶.

В Колашине произвол турецких властей был особенно сильным: пользуясь полной бесконтрольностью в этом отдаленном горном районе, они взимали дополнительные пошлины и налоги. Так, налог на мелкий скот (агнам) колашинцы выплачивали в размере шести пиастров с каждой овцы, а не трех, как в соседней Митровице и других районах⁷. Десятинную подать (ашар) они уплачивали в размере $\frac{1}{8}$ и даже $\frac{1}{7}$ урожая⁸. Оскорбляя национальные чувства и традиции славян, местные власти запретили населению Колашина носить черногорские шапочки, что вызвало всеобщее возмущение⁹. Когда же турецкие сборщики налогов стали взимать с крестьян недоимки по военному налогу (бедели-аскерийе) за несколько прошедших лет, крестьяне Дольнего Колашина в середине мая 1906 г. подняли вооруженное восстание¹⁰.

Власти вилайета отправили против восставших дивизию под командованием известного своими зверскими расправами с крестьянами Шемси-паши¹¹.

В своем донесении из Митровицы от 7 июня 1906 г. очевидец событий консул А. Орлов писал:

¹ АВПР. Политархив, д. 567, л. 42—42 об.

² Там же, д. 1478 а, л. 18—18 об.

³ Там же, л. 67—67 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 38.

⁶ Там же, д. 1066, лл. 112—116.

⁷ Там же.

⁸ Там же, лл. 68—69.

⁹ Там же, д. 1067, л. 20 об.

¹⁰ Там же, л. 49.

¹¹ Там же, л. 47.

«Шемси-паша, не будучи в состоянии захватить истинных вожakov движения, скрывающихся в горах, захватывает и бросает в тюрьмы первых попавшихся мирных жителей, он окружил 28 мая войсками несколько домов в местности Премчане, в которых проживали крестьяне, не принимавшие никакого участия в движении, и приступил к их аресту...»¹.

При попытке крестьян спастись бегством от ареста, четверо были застрелены, а 20 человек отправлены в тюрьму в Ташлидже².

Войска Шемси-паши, захватив село Дольний Колашин и окрестные деревни, учинили жестокую расправу над повстанцами. Спасаясь от зверств и истязаний, жители оккупированных сел бежали в горы и леса, в соседние деревни, а также в Сербию и Черногорию³. Много беженцев скопилось и в албанских селах Корита и Караула, жители которых гостеприимно их принимали.

Горячую поддержку беженцы встретили и у населения пограничных с Черногорией и Сербией районов. Многие черногорцы перешли турецкую границу и оказали вооруженную помощь своим соплеменникам. Дело едва не окончилось войной между Турцией и Черногорским княжеством — столь серьезными оказались столкновения между пограничными черногорскими и турецкими войсками в мае—июне 1906 г.⁴

Между тем повстанческое движение расширялось. Оно стало охватывать все новые и новые македонские и албанские деревни. Из Дольнего Колашина оно перебросилось в Беранскую казу и южную часть Плевальской казы⁵, затем — в Белопольскую и Вранешскую казы⁶. О размахе восстания говорят следующие данные: с 20 по 31 мая 1906 г. вооруженные столкновения между турецкими войсками и крестьянскими отрядами происходили почти на всей территории от села Бобово Плевальской казы до каракола (турецкого пограничного укрепления) Ходжа-Джебель на сербской границе и до села Леповичи в Нововарошской казе, т. е. восстанием была охвачена почти одна треть Косовского вилайета⁷. Восставшие крестьяне организовывали вооруженные отряды, которые нападали на коммуникации турецких войск и даже вступали в отдельные сражения с ними. Большинство этих отрядов представляли собой мелкие подвижные группы, состоявшие из 20—50 человек. Они, конечно, не могли вступать в бой с крупными турецкими подразделениями, имевшими к тому же горную артиллерию. Однако эти отряды причиняли чрезвычайно большое беспокойство войскам — нападали на их обозы, почту, разъезды, держали их в состоянии постоянного напряжения. Турецкие войска часто не решались покинуть свои укрепленные лагеря и были совершенно беспомощны в горах, где хорошо знающие местность и легко передвигающиеся повстанческие отряды были хозяевами положения. Создавались и крупные крестьянские отряды в 300—600 человек. Один из таких отрядов под руководством Петра из села Азана насчитывал в своих рядах даже свыше 600 человек, и для борьбы с ним командование вынуждено было направить несколько рот⁸.

В конце мая турецкое командование перебросило в район восстания новые воинские соединения и отозвало старые в связи с тем, что среди солдат, присланных сюда из Скопле, начались волнения. Один из турецких батальо-

1 АВПР. Политархив, д. 1067, л. 58—58 об.

2 Там же, л. 58 об.

3 Там же, л. 54.

4 Там же, л. 54 об.

5 Там же, л. 49.

6 Так же, л. 54.

7 Там же.

8 Там же, д. 1066, л. 54.

нов вовсе отказался сражаться против повстанцев¹. Он был расформирован и отправлен назад, в Белополье. Но и вновь присланные турецкие войска оказались неблагонадежными.

Тогда власти вилайета пошли на временные уступки. Крестьянам было обещано удовлетворение их требований, в частности, снятие с них недоимок за прошлые годы². Бежавшим в Черногорию и Сербию крестьянским семьям обещалась амнистия³. Восстание было прекращено.

Но едва крестьяне сложили оружие, как власти снова грубо нарушили свои обещания и опять начали взysкивать подати, применяя силу. В июле крестьянские волнения вспыхнули вновь. 26 июля представители албанских и македонских сел в районе Дреницы собрались в селе Марине для выработки плана действий, а затем в количестве 150 человек отправились к вучитрнскому каймакаму с заявлением, что сельское население отказывается платить какие-либо дополнительные налоги⁴.

Дреницких крестьян поддержали крестьяне ряда деревень Ипекского и Приштинского санджаков. Совместным выступлением крестьяне добились от властей отмены дополнительного налога — «тадж-хижати-аскарийе»⁵.

В сентябре 1906 г. произошли крупные волнения крестьян в Сенице и Приштине. В них принимали участие как албанцы, так и македонцы. «В Сенице, — писал в своем донесении от 29 сентября 1906 г. консул А. Орлов, — вооруженная толпа... до 2000 человек, из южных деревень санджака, главным образом из Пештера, двинулась в город, но была остановлена выехавшим ей навстречу и вступившим в объяснение с нею мутессарифом. Демонстранты заявили, что не желают иметь дело с пятью чиновниками администрации и суда и с городским головой, против которого особенно озлоблены христиане, как со взяточниками, разоряющими народ увеличением по собственному произволу налогов и решающими дела в суде в пользу тех, кто дороже заплатит, и требуют удаления этих чиновников из города, угрожая, в случае неисполнения этого требования, разгромить все казные учреждения и расправиться с чиновниками»⁶.

Некоторые из обвиненных чиновников испугались расправы народа и двое из них — правитель канцелярии мутессарифа и судебный пристав — бежали из Сеницы⁷.

В ноябре 1906 г. произошли новые восстания македонских крестьян в Дольнем Колашине⁸, в декабре — выступления албанских крестьян в районе Дибры⁹.

В конце 1906 г. снова наблюдалась усиленная деятельность македонских чет. 11 декабря произошло столкновение македонских чет с турецкими войсками в селах Русиново и Османе Малашской казы, а также близ г. Иштиба¹⁰.

* * *

1907—1908 годы в Монастырском и Косовском вилайетах прошли под знаком дальнейшего усиления борьбы угнетенного славянского и албанского народов против турецкого военно-феодалного государства.

¹ АВПР. Политархив, д. 1066, л. 50 об.

² Там же, л. 85—85 об.

³ Там же, лл. 68—69.

⁴ Там же, л. 86.

⁵ Там же, л. 85.

⁶ Там же, л. 107—107 об.

⁷ Там же, л. 107 об.

⁸ Там же, лл. 112—116.

⁹ Там же, д. 567, лл. 158—168.

¹⁰ Там же, д. 1478 а, лл. 16—22.

Наряду с крестьянским движением широкий размах приняло общедемократическое движение за получение политических свобод и ограничение самодержавной власти султана, за введение конституции и всеобщее избирательное право. В него начали вовлекаться все более широкие слои населения — рабочий класс, мелкая и средняя буржуазия, интеллигенция, на которые большое влияние оказала русская революция, заставившая царя издать 17 октября 1905 г. манифест, а также успешная борьба народных масс Австро-Венгрии, добившихся проведения в Австрии избирательной реформы.

Ограничение самодержавия в двух абсолютных монархиях — России и Австро-Венгрии — и введение в 1905 г. конституции в соседнем Черногорском княжестве оказали значительное воздействие на прогрессивную общественность Косовского и Монастырского вилайетов, которые превратились в один из центров революционного движения в Европейской Турции¹.

В 1907 г. разрастается повстанческое движение во всей Македонии. Согласно официальным данным, с марта 1906 г. по конец июня 1907 г. в Македонии произошло 263 столкновения турецких войск с повстанческими отрядами, в том числе с македонскими четами — 87, с греческими четами — 46².

Правительство Абдул-Хамида попыталось было прибегнуть к своему излюбленному способу — запугиванию населения репрессиями и террором. Оно фактически ввело в Монастырском и Косовском вилайетах военное положение, прислав сюда многочисленные карательные войска. Озверевшая жандармерия и отряды войск организовывали повальные обыски в селах, истязали и пытали население. В донесении из Митровицы консул Орлов писал: «Военные отделения переходят из одного села в другое, притом обысков в домах не делают, зная, что селяне не хранят оружия дома, а зарывают его в землю. Солдаты отделяют наиболее влиятельных селян и бьют их до тех пор, пока те не выдают оружия. При этом происходят самые жестокие и зверские истязания. В селе Вишени Касторийской казны один селянин умер от истязаний; в Пресбе и Ресне многие искалечены побоями. Население многих сел покинуло свои дома и бежало, зная, что и за ними придет очередь»³.

В селах Чаирли, Лопатница и Хасаново, населенных македонцами, карательные отряды перепороли всех крестьян, в том числе стариков и женщин.

В селе Песочница, расположенном в двух верстах от станции Флорина, жандармерия и войска, не застав четников, подожгли их дома и разграбили все село. Затем были уведены шесть заложников, которых жестоко мучили, чтобы выпытать, где хранится в селе оружие⁴.

Во Флорину, для расправы с непокорными жителями, были направлены пять батальонов турецких карательных войск (1500 солдат)⁵.

Десятки и сотни македонцев были приговорены турецким судом к смертной казни, тысячи — брошены в тюрьмы и сосланы на каторжные работы.

Заключенных было столько, что для них не хватило тюремных помещений. В небольшом городе Монастыре было пять тюрем. В тюрьму даже

¹ В Македонии был создан ряд подпольных революционных организаций, ставивших своей задачей освобождение страны от турецкого ига и проведение в ней широких демократических преобразований. В конце февраля 1907 г. в Митровице было созвано тайное совещание представителей ВМРО и других организаций. Совещание приняло решение о создании в городах Призрене, Вучитрне, Митровице, Люме, Ипеке, Дьякове и других патриотических комитетов для развертывания борьбы за освобождение Македонии от турецкого ига (АВПР. Политархив, д. 1067, л. 4).

² Там же, д. 513, л. 167, а также д. 1478 а, лл. 16—22, 166, 185.

³ Там же, д. 569, л. 35—35 об.

⁴ Там же, д. 568, л. 25 об.

⁵ Там же, л. 125.

было превращено здание городского муниципалитета (конак) и начато строительство еще двух больших тюрем на 400 человек¹. Всего в тюрьмах г. Монастыря в 1907 г. находилось 1228 заключенных, из них около тысячи не мусульман (македонцев, греков и др.).

При помощи жандармерии, полиции и других карательных органов военно-феодалная Турецкая империя хотела задушить национально-освободительное движение, предотвратить назревание в Турции революционного кризиса.

Эти попытки потерпели крах.

Борьба народных масс не только не прекратилась, но еще более усилилась.

В 1907 г. и в первой половине 1908 г. произошли серьезные крестьянские волнения в Ипекском округе, в Дренице, в Гилянской и Рожайской казах, в горах Пештера, в районах Новопазара, Сеницы, Вучитрна, Прешева и многих других местах².

В городах Митровица, Монастырь, Приштина, Новопазар и других наблюдалось возросшее недовольство населения кровавым режимом султана Абдул-Хамида. Организовывались демонстрации, собрания, сходки, на которых выдвигались требования обеспечения политических свобод и проведения демократических реформ³.

На борьбу с военно-феодалной деспотией поднимались все более широкие массы империи. В конце 1907 г. и в начале 1908 г. в Синопе, Трапезунде, Измире, Битлисе, Диярбекире произошли выступления городской бедноты⁴. В Солуни и других портовых городах был проведен ряд стачек докеров и грузчиков⁵. К лету 1908 г. революционное движение охватило всю Македонию.

Выходила из повиновения правительству Абдул-Хамида армия.

Первые признаки серьезного революционного брожения в армии появились еще весной 1907 г. 7 мая 1907 г. произошли волнения в гарнизоне г. Скопле. Находившиеся давно на службе солдаты призыва 1317 (1901) и 1318 (1902) годов⁶ потребовали демобилизовать их из армии. Командование отказалось выполнить это требование. Тогда солдаты подняли восстание, арестовали всех офицеров и заняли самую большую в городе мечеть, а также телеграфную станцию и почту, изгнав оттуда всех чиновников, кроме одного, которому поручили передать по телеграфу в Константинополь коллективное требование о демобилизации. Движение приняло очень грозный характер: солдаты не шли ни на какие компромиссные предложения городских властей. Последние были вынуждены полностью удовлетворить требования восставших — отпустить их по домам и оставить их действия безнаказанными⁷.

В апреле 1908 г. примеру солдат города Скопле последовали войска Монастырского гарнизона⁸.

¹ АВПР. Политархив, д. 568, л. 142.

² Там же, д. 1067, л. 72—72 об.

³ Там же, лл. 2—2 об., 72 об., 74—74 об.

⁴ Н. М. Лавров. Турция и Иран в 1870—1914 гг. М., 1950, стр. 13.

⁵ Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. VI, стр. 224.

⁶ По турецкому летоисчислению.

⁷ АВПР. Политархив, д. 1478 а, лл. 63 и 74.

⁸ „... С апреля месяца, — писал в донесении от 11 июня 1908 г. консул Каль, — началось здесь брожение среди солдат. Сперва потребовали увольнения нижние чины низама в г. Монастыре, призыва 1319 г. Когда они были распущены, редифы, призванные в прошлом году... предъявили то же требование, которое тоже было удовлетворено... Отказались нести службу редифы округов Флорины, Соровля, Пресбы и Прилепа и все части эти были уволены. Ныне требуют увольнения нижние чины Монастырского гарнизона всех родов оружия — пехоты, кавалерии и артиллерии призыва 1320 (1904) года“ (АВПР. Политархив, д. 569, л. 67 а—67 а об.).

Младотурки, выражавшие интересы радикальных и либеральных кругов турецкой буржуазии и помещиков, стремились предотвратить народную революцию и при помощи восстановления конституции 1876 г., фактически отмененной Абдул-Хамидом, удовлетворить народные массы.

Они указывали султану на шаткость положения его правительства и предупреждали его о готовящемся всеобщем восстании. Абдул-Хамид пошел на уступки: 25 июля 1908 г. он подписал ферман о восстановлении конституции. Однако сам он остался у власти и стал править вместе с младотурецким комитетом¹.

Оценивая это событие, В. И. Ленин писал: «... Эта победа — полупобеда или даже меньшая часть победы, ибо турецкий Николай Второй отделался пока обещанием восстановить знаменитую турецкую конституцию»².

Революция, таким образом, оказалась незавершенной. Она носила половинчатый и нерешительный характер и закончилась компромиссом между младотурками и султаном. В. И. Ленин следующим образом характеризовал младотурецкую революцию:

«Если взять для примера революции XX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают»³.

Однако принятие конституции имело большое значение. Хотя она и носила ограниченный характер, все же, в случае ее действительного проведения в жизнь, конституция гарантировала известные демократические права, вводила выборный парламент, разрешала существование политических партий и организаций и ограничивала абсолютистскую власть султана.

Население приветствовало конституцию с большим энтузиазмом. Оно надеялось, что обещанные свободы — не пустая декларация и что с принятием конституции начинается чуть ли не новая эра в развитии Македонии.

В Скопле и других городах день провозглашения конституции превратился в настоящий всенародный праздник. Тысячи людей 25 июля вышли в г. Скопле на улицу. Они отправились к вокзалу встречать экстренный поезд с делегатами, прибывающими в город из провинции на торжества. «Поезд, — пишет очевидец этих событий, русский консул А. Орлов, — был встречен в Ускубе (Скопье. — Ю. П.) чуть не всем населением города, которое расположилось на версту от станции по направлению к Митровице, заняло площадь перед станцией и прилегающие к ней улицы. Делегаты были встречены звуками военного оркестра и громом аплодисментов»⁴.

Праздник продолжался целых три дня.

«3 дня, — говорится в том же донесении, — все торговые заведения были закрыты, большинство домов украшены флагами и вечерами иллюминированы. С утра до глубокой ночи по городу шли и ехали процессии с флагами... В кафе и на улицах держались речи, в которых выяснялись недостатки прежнего режима, возлагались большие надежды на будущее и указывалось на то обстоятельство, что конституции не даются, а берутся с бою» (курсив наш. — Ю. П.)⁵.

Угнетенные народы почувствовали себя равными. «Во всех речах под-

¹ До апреля 1909 г.

² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 160.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 388.

⁴ АВПР. Политархив, д. 1479, л. 98 об.

⁵ Там же, л. 102 об.

черкивалось отсутствие различия веры и расы»¹. Учителя-славяне выступали с речами на родном языке. «Публика отвечала криками: Да здравствует свобода!...»².

В нескольких местах трудящиеся массы восприняли конституцию, как право изгонять ненавистных жандармов, чиновников и сборщиков налогов. В Феризовиче славянским и албанским населением были отстранены от власти мутессариф и начальник военного гарнизона. Оба они под крики толпы были посажены на железнодорожную дрезину и отправлены из Феризович сначала в Скопле, а потом в Салоники³.

«В Копрюлю с опальными администраторами и генералом было поступлено, еще хуже, — писал А. Орлов, — станционные носильщики, солдаты и крестьяне выстроились в затылок, проходили мимо открытого купе, где сидели мутессариф и начальник гарнизона, и со словами: «предатели!» поочередно плевали на них»⁴.

В албанских и славянских селах крестьяне прекратили уплату налогов. Среди албанцев усилилось движение за создание автономной Албании. 25 июля, в день провозглашения конституции, четырехтысячный вооруженный отряд албанцев остановил идущий из Митровицы в Скопле экстренный поезд с делегатами и потребовал от них, чтобы они во время торжеств по случаю принятия конституции заявили о желании албанского народа создать автономную Албанию⁵.

Все сильнее пробуждались революционные настроения и среди славянского населения.

Турецкая буржуазия в лице младотурок и международный империализм прилагали поэтому все усилия к удушению народной борьбы в Турции, к предотвращению дальнейшего развития революционных событий.

В. И. Ленин подчеркивал, что империалисты боялись «успеха турецкой революции, ибо этот успех означал бы неминуемо, с одной стороны, развитие стремлений к автономии и действительной демократии во всех балканских народах, с другой стороны, победу персидской революции, новый толчок к демократическому движению в Азии, усилению борьбы за самостоятельность в Индии, создание свободных порядков на громадном протяжении русской границы, следовательно, создание новых условий, затрудняющих политику черносотенного царизма и облегчающих подъем революции в России...»⁶.

Стараясь помешать дальнейшему распространению революции, Англия, Франция, Австро-Венгрия, Германия, царская Россия заняли враждебную позицию по отношению к революционной Турции. Империя Габсбургов с санкции кайзеровской Германии выступила в качестве жандарма на Балканах, используя слабость Турции и растерянность младотурок, она аннексировала в октябре 1908 г. Боснию и Герцеговину и готовилась к посылке войск в Новопазарский санджак.

В своем рапорте от 24 июля 1908 г. русский военный агент в Вене полковник Марченко сообщал: «После провозглашения турецкой конституции положение австрийцев, занявших уже северную часть Новопазарского санджака, сделалось весьма тягостным, так как управляющие здесь турецкие власти приступят в скором времени к производству выборов в турецкий парламент на рубеже Боснии и Герцеговины... У барона Эренталя (ми-

¹ АВПР. Политархив, д. 1479, л. 102 об.

² Там же, л. 103.

³ Там же, л. 98 об.

⁴ Там же, л. 104 об.

⁵ Там же, д. 98.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 199.

нистра иностранных дел. — Ю. П.) состоялось три совещания по этому вопросу с начальником генерального штаба Конрадом фон Хетцендорфом. На этих совещаниях решено произвести оккупацию Новопазарского санджака под предлогом обеспечения постройки Митровицкой железной дороги»¹.

У границ Новопазарского санджака были сконцентрированы австрийские войска, которые ждали лишь приказа для вторжения в Турцию. Правящие круги Англии, Италии, Франции, Германии и России спешно сколачивали коалицию для удушения революции в Турции.

Разоблачая контрреволюционную политику империалистических государств по отношению к народам Балканских стран и Ближнего Востока, В. И. Ленин в октябре 1908 г. писал в статье «События на Балканах и в Персии»: «Суть того, что происходит теперь на Балканах, в Турции, в Персии, сводится к контрреволюционной коалиции европейских держав против растущего демократизма в Азии. Все усилия наших правительств, вся проповедь «больших» европейских газет сводятся к тому, чтобы замазать этот факт, чтобы сбить с толку общественное мнение, чтобы прикрыть лицемерными речами и дипломатическими фокус-покусами контрреволюционную коалицию так называемых цивилизованных наций Европы против наименее цивилизованных и наиболее рвущихся к демократизму наций Азии»².

Младотурки пошли навстречу требованиям европейских держав: они санкционировали аннексию Австрией Боснии и Герцеговины и стали, как и при Абдул-Хамиде, проводить антинациональную политику подчинения Турции иностранному империализму.

В своей внутренней политике младотурки опирались на реакцию: они сохранили в неизменном виде феодальные отношения в деревне, оставив землю у помещиков, с которыми заключили союз. Ашар и другие феодальные налоги и повинности не были отменены. Аграрный вопрос остался неразрешенным: многомиллионное крестьянство ничего не получило от буржуазной революции. Попрежнему пять процентов помещиков владели 65% обрабатываемой площади, остальные 35% земли приходилось на 95% крестьянских хозяйств, 8% крестьян совсем не имели земли³.

Не был разрешен и национальный вопрос. Младотурки обманули надежды угнетенных народов многонациональной Османской империи на получение освобождения от турецкого ига. Национальный гнет турецкой буржуазии при младотурках не только не уменьшился, но даже усилился. В своем стремлении закрепить господство турецкой буржуазии и помещиков над не турецкими народами младотурки выдвинули великодержавную теорию османизма, утверждая, что в Османской империи будто бы нет различных национальностей, а имеется лишь один народ — османы. Младотурки усилили гонения на национальную культуру, язык, школу, религию неравноправных народов.

Даровав конституцию и широко разрекламировав введение демократических свобод в целях обмана мирового общественного мнения, младотурки для подавления национально-освободительного движения прибегали к тем же методам абдул-хамидовского террора.

Буржуазная революция 1908 г. в Турции, таким образом, не разрешила стоявших перед ней задач. Революционное движение угнетенных народов и всех трудящихся, в силу этого, продолжалось. Трудящиеся массы на соб-

¹ Центральный Государственный Военно-Исторический архив (ЦГВИА), ф. 2000, оп. 1, д. 670, л. 14.

² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 199.

³ А. Ф. Миллер. Очерки новейшей истории Турции. М.—Л., 1948, стр. 18.

ственном опыте все более убеждались в антинародном характере младотурецкого режима, в фиктивности провозглашенных конституцией свобод.

«Опьянение, энтузиазм и всеобщая радость первых дней свободы сменилась глухим недовольством и разочарованием», — писал в своем донесении из г. Монастыря консул Каль 18 октября 1908 г., всего лишь через два с небольшим месяца после младотурецкой революции¹. В 1908—1909 гг. национально-освободительное движение в Монастырском и Косовском вилайетах развернулось с новой силой.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В МОНАСТЫРСКОМ И КОСОВСКОМ ВИЛАЙЕТАХ ПОСЛЕ МЛАДОТУРЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ В 1908—1909 гг.

После провозглашения конституции младотурки считали революцию законченной и предпринимали все меры к предотвращению дальнейшего развития революционных событий.

Народные же массы лишь приступали к борьбе. Рабочий класс требовал коренного улучшения своего материального положения — повышения заработной платы, уменьшения рабочего дня, ограничения эксплуатации. Его не устраивали пустые декларативные обещания младотурок: он начал выступать за завоевание действительных социальных и политических свобод. В 1908 г. состоялось несколько стачек рабочих. Наиболее крупными из них были забастовки докеров в Солуне², грузчиков в Измире и железнодорожников в Эскишехире.

Крестьяне требовали земли. Они выступали против феодальных повинностей и непосильных поборов, отказывались платить государственные налоги, не признавали турецкой администрации.

В своем донесении в Петербург русский посол в Константинополе И. А. Зиновьев писал: «Получаемые из вилайетов, в особенности из малоазиатских, сведения, точность коих подтверждается отзывами наших консулов, дают повод думать, что положение дел в провинциях представляется еще более тревожным... Простой народ понял свободу в смысле прав не платить налоги и относиться с полным пренебрежением к существующим властям»³.

Почти повсеместно в Монастырском и Косовском вилайетах крестьяне-мусульмане прекратили уплату военного налога, а албанцы заявили о своем отказе поставлять рекрутов в турецкую армию.

В донесении из Монастыря от 13 января 1909 г. консул Каль сообщал: «В округе Дибра вспыхнуло... довольно сильное брожение среди албанцев. Началось оно уже осенью по случаю призыва запасных, отказавшихся явиться в свои части и объявивших властям, что они последуют призыву лишь в случае объявления войны»⁴.

В марте 1909 г. о своем отказе выставить рекрутов заявили многие албанские села Ипекской казы, а славянские села Барня, Сухогрло, Сушица и Томанца прекратили выплату налогов⁵.

В мае 1909 г. движение против уплаты налогов охватило Дольний Колашин, а затем — и соседние районы. Крестьяне-славяне отказались платить военный налог, утверждая, что по конституции этот налог отменен

¹ АВПР. Политархив, д. 569, л. 148 об.

² Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. VI, стр. 225.

³ Н. М. Лавров. Указ. соч., стр. 15.

⁴ АВПР. Политархив, д. 570, л. 3.

⁵ Там же, д. 1068, л. 159. Донесение и. о. консула В. Джурашковица из Митровицы от 24 марта 1909 г.

и вместо него для христиан введена военная служба в турецкой армии¹.

В июле 1909 г. поднялись албанские крестьяне Вучитрнской казы.

В своем донесении из Митровицы от 8 августа 1909 г. консул Тухолка писал: «В конце июля албанцы Вучитрнской казы заявили, что они не желают платить десятинный налог (ашар) в виде осьмины урожая. Для их устрашения отсюда в Вучитри были отправлены орудия и пулеметы...»².

Но угрозы и репрессии не помогли: крестьяне Вучитрского округа своей стойкой борьбой сорвали попытки турецких сборщиков налогов удерживать с них $\frac{1}{8}$ часть урожая. Сопротивление вучитрских крестьян было таким сильным, а угроза их вооруженного восстания против турецких властей такой реальной, что последние в ряде мест Вучитрского округа не смогли получить не только $\frac{1}{8}$, но и даже $\frac{1}{10}$ части урожая³.

В августе 1909 г. выступление албанских крестьян против сбора налогов произошло в районе Феризовича, в Ругове, Люме, Гилянской казе. В Ругове и Люме дело дошло до вооруженного столкновения крестьян с карательными отрядами Джавид-паши⁴.

Однако крестьянское движение, как и в предыдущие годы, носило стихийный характер. Крестьянство еще не имело своих партий и организаций. Младотурки всячески препятствовали борьбе крестьянства против феодального гнета. Они даже объединялись с помещиками для совместной расправы с крестьянским движением.

Для обеспечения своего господства в многонациональной империи Османов правящие классы намеренно разжигали национальную рознь и раздували противоречия на религиозной почве между славянами и албанцами, сербами и болгарами, болгарами и греками, сербами и греками, греками и албанцами и т. д.

Чтобы усилить национальную рознь, турецкие власти продавали славянам на откуп сбор налогов в районах, населенных албанцами, в славянских районах — албанцам, в районах со смешанным населением — грекам и т. д. Младотурки широко привлекали переселенцев — мусульман из Боснии (так называемых мухаджаров) и расселяли их среди греков, македонцев или той части албанцев, которые придерживались католического и православного вероисповедания.

В частности, турецкие власти расселяли мухаджаров в районе славянских сел Очевина и Плиешевина, близ Плевле, где славяне живут сплошной массой⁵.

Такие переселения приводили, как правило, к острым конфликтам и религиозным распрям между славянским (христианским) и мусульманским населением, так как пришлые семьи селились не на свободных землях, которых не было, а на землях, принадлежащих сельской общине или земле помещика (чифтлик-сахиба), который прогонял с чифтлика славянина-чифтчия и передавал этот чифтлик переселенцу-мухаджару.

Возмущение славянского населения вызывало также назначение турецкими властями полевых сторожей (бекчи) из мусульман даже в чисто славянские села, где не проживало ни одного мусульманина⁶.

¹ АВПР. Политархив, д. 1068, л. 106.

² Там же, л. 213.

³ „В Вучитрском округе, — писал в донесении от 8 августа 1909 г. Тухолка, — ввиду трудности вообще взимания с албанцев даже десятины, ашар обычно откупается по крайне низким ценам, сравнительно с настоящей стоимостью; например, село, стоящее 60—100 лир, идет за 15—20 лир“ (АВПР. Политархив, д. 1068, л. 213—213 об.).

⁴ Там же, д. 1068, лл. 210, 255 об., 256.

⁵ Там же, д. 1067, лл. 20 об., 21.

⁶ Там же, д. 570, л. 230 об.

Полевые сторожа имели оружие и часто использовались местными властями как жандармы. Недаром их назначением ведали специальные комиссии, создаваемые в каждой казе из представителей полиции, жандармерии и земледельческих банков; председателями комиссий были каймаканы — начальники турецкой администрации в казах¹. Помещики рекомендовали в состав полевых сторожей своих доверенных лиц, так как эти сторожа преимущественно охраняли помещичью землю, а не общинные угодья².

Рассчитывая разбить освободительное движение на отдельные национальные ручейки и помешать объединению всех угнетенных народов в общий фронт борьбы за национальную свободу, младотурки разрешили создание национальных клубов и обществ, которые строились на основе принадлежности их членов к той или иной религии и церкви. Вместо единого македонского клуба в 1908—1909 гг. в крупных городах Монастырского и Косовского вилайетов — Монастыре, Митровице, Новопазаре и других — были созданы клубы сербов, болгар, албанцев и греков.

В городах и селах усилили свою деятельность церковно-школьные общины или общинные советы.

Сербские общинные советы избирались на основе устава, выработанного так называемой Сербской лигой в Турции³ — официально признанной турецким правительством организации сербов, подданных Османской империи. Устав был одобрен министерством внутренних дел Турции. Согласно уставу, сербские общинные советы имели весьма ограниченные функции: они ведали хозяйственной и просветительской деятельностью церковно-школьной общины и не имели права контролировать турецкую администрацию. Помимо заведования хозяйственной частью церквей и монастырей и организации церковно-школьного обучения, они могли рассматривать жалобы сербов друг на друга, разбирать ссоры и столкновения между ними и обеспечивать призрение бедных⁴. Каждый общинный совет состоял из 6—12 членов, избираемых пропорционально количеству сербского населения в данной местности. Председателем общинного совета являлся городской или сельский священник, заместителем председателя — школьный учитель⁵. Новым в уставе было то, что митрополит терял право по собственному усмотрению кассировать выборы в церковно-школьную общину; он мог отменить результаты выборов только в случае нарушения самого порядка выборов⁶.

Однако митрополит попрежнему мог контролировать деятельность общины, так как он сохранял всю полноту власти над священниками, являвшимися председателями общин⁷.

Сельские церковно-школьные общины подчинялись волостным, волостные — окружным, окружные — губернским. Верховным органом в вилайетах была «Выборная скупщина оттоманских сербов», собиравшаяся в Скопле раз в два-три года и состоявшая из 12 членов — по три члена от каждой епархии (Салоникской, Монастырской, Скоплевской и Призрен-

¹ АВПР. Политархив, д. 571, л. 6.

² „... Влиятельные беи, — пишет в своем донесении от 9 января 1910 г. консул в Монастыре Г. Петряев, — потребовали от христианских сел подачи письменных отношений уездным начальникам о назначении к ним сельских стражников из указанных ими лиц“ (там же).

³ Там же, д. 1068, л. 187.

⁴ Там же, л. 233.

⁵ Там же, лл. 187—187 об. и 233.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 135 об.

ской). Выборная скупщина состояла при сербском митрополите и являлась последней инстанцией, разбиравшей дела местных общин в случае, если они не были решены ими самими. Она руководила также назначением учителей и ведала постановкой обучения в общинных школах¹.

Несмотря на то, что общинные советы имели очень ограниченные функции и их деятельность не выходила за рамки турецкой конституции, младотурки стремились поставить их под свой контроль.

В донесении от 24 сентября 1909 г. из Митровицы консул Тухолка по этому поводу писал: «Недавно Нововарошский каймакам объявил тамошним сербам, что перед каждым заседанием общины сербы должны представлять ему письменное извещение о времени и месте заседания, а также его программу, и что на заседании будет присутствовать посылаемый им чиновник»².

Плевальский мутессариф Февзи-паша и Приштинский мутессариф Альуддин-бей совсем запретили организацию общин в селлах Плевальской и Приштинской каз³. Беранский каймакам пошел еще дальше и закрыл в г. Беране македонское певческое общество, а также славянские ремесленные цехи (эсанфи)⁴.

Турецкие власти обрушились и на национальные клубы, которые становились центрами притяжения прогрессивных элементов угнетенных народов. В них организовались просветительские кружки, устраивались вечера, лекции, беседы, в помещениях клубов организовывались читальни. Клубы сыграли значительную роль в проведении избирательной кампании по выборам в первый после принятия конституции турецкий парламент в октябре 1908 г.

Руководство в национальных клубах принадлежало радикальной буржуазии и интеллигенции южнославянских народов. О том, какие требования выдвигали эти круги, дает представление программа, разработанная членами Болгарского конституционного национального клуба и принятая окружным конгрессом клубов, который состоялся 27 и 28 августа 1908 г. в г. Монастыре.

На конгрессе присутствовали 35 делегатов от 9 околий (из 11). Конгресс принял избирательную программу, содержащую политические и экономические требования.

Основные политические требования сводились к следующему: сохранение конституции и дальнейшая ее демократизация; введение всеобщего избирательного права при тайном голосовании и прямых (одностепенных) выборах; обеспечение свободы совести, слова, печати, союзов и свободы личности; создание областной автономии в четырех македонских вилайетах — Салоникском, Монастырском, Скоплеском и Адрианопольском — и передача в ведение автономных органов самоуправления народного просвещения, юстиции, внутренней администрации, полиции, путей сообщения, торговли и промышленности, земледелия и местного бюджета. Министерства военное, морское, финансов и иностранных дел должны были, согласно программе, оставаться общими для всей империи, которая сохранялась в прежних границах. В программе выдвигались также требования решительной демократизации сената, повышения роли парламента и предоставления ему права заслушивать отчеты министров и всего правительства, которое должно быть ответственным перед парламентом.

¹ АВПР. Политархив, д. 1068, л. 135 об.

² Там же, л. 233 об.

³ Там же, л. 187 об.

⁴ Там же, л. 233 об.

Составители программы высказывались против единой государственной религии — мусульманства — и предлагали предоставить самим народам право определять свою религию. В программе выдвигалось предложение построить административное деление империи с учетом национального характера тех или иных районов¹.

Политические требования «Окружного болгарского конгресса», таким образом, были довольно радикальными, хотя они и не ставили вопрос о ликвидации Османской империи.

Экономические требования были более умеренными и более отчетливо выражали позицию македонской буржуазии, которая и представляла собой создававшуюся вокруг клубов радикальную партию.

В числе экономических требований были такие чисто буржуазные требования, как обеспечение неприкосновенности частной собственности и создание благоприятных условий для развития торговли и промышленности².

В целях обуздания турецкого ростовщического капитала, опутавшего своими сетями население Македонии, и роста отечественного капитала в программе содержалось требование об уничтожении ростовщичества и предоставлении населению срочных кредитов на льготных условиях³.

Поскольку копи и природные богатства страны, а также железные дороги и другие пути сообщения принадлежали турецкой буржуазии или иностранному капиталу, программа высказывалась за их передачу в общенародную собственность⁴.

Программа выступала за организацию кооперативов и различных союзов и товариществ — земледельческих, торговых, ремесленных, промысловых, рабочих⁵.

В программе обходился вопрос о ликвидации помещичьего землевладения и говорилось лишь «о справедливом распределении земель между крестьянами путем продажи»⁶. Аграрная программа не являлась, следовательно, отражением чаяний македонского крестьянства, боровшегося за землю и ликвидацию чифтчийских отношений.

В программе содержались некоторые другие пункты, в частности в интересах македонской буржуазии выдвигалось пожелание о создании македонского банка на территории Македонии, для расширения македонской промышленности и торговли.

Такой банк стал создаваться в 1909 г. в качестве противовеса турецким и греческим банкам «Banque de Metelin», «Banque d'Athènes» и «Banque d'Orient». В июне 1909 г. на организацию болгаро-македонского банка буржуазией было собрано 600 тыс. франков⁷.

Аналогичная кредитная организация была создана и той частью македонской буржуазии, которая ориентировалась на Сербию. Еще в 1906 г. македонцами в Плевле был создан фонд взаимного кредита, который стал оказывать помощь сербским торговцам и промышленникам. Чтобы не возбудить подозрения турецких властей, этот фонд официально считался принадлежащим монастырю св. Троицы. В 1906 г. он располагал капиталом в 500 турецких лир⁸. Пайщиками этого фонда были члены «Сербского национального клуба» в Монастыре, который, так же как и «Болгарский кон-

¹ АВПР. Политархив, д. 569, лл. 121—122.

² Там же, лл. 122—123.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, д. 570, лл. 86—87.

⁸ Там же, д. 1067, лл. 11 об.—12.

ституционный клуб», выступал со своей программой на парламентских выборах в октябре 1908 г.

Эти выборы были первыми после принятия конституции. Младотурки хотели использовать выборы для обмана общественного мнения, в особенности прогрессивных кругов Европы, которые ожидали от младотурок демократических преобразований. Демагогически рекламируя «парламентарные свободы», младотурки одновременно стремились приостановить дальнейшее назревание народной революции в империи, отвлечь трудящиеся массы от революционной борьбы. Младотурки вместе с тем хотели использовать парламентские выборы для упрочения своего господства, завоевания в междоусобице прочного большинства. Но для этого необходимо было провести такие мероприятия, которые, не нарушая видимости законности и конституционности, фактически лишали бы угнетенные народы возможности использовать конституционные свободы для выборов в парламент своих представителей. Младотурками были пущены в ход всевозможные ухищрения и махинации, вплоть до фальсификации избирательных списков и итогов голосования.

«Болгарский конституционный клуб» в г. Монастыре в официальном протесте турецкому правительству писал по поводу этих выборов: «Разделение на избирательные участки (секции) было неправильным, не был осуществлен принцип группировки близких друг к другу сел. Македонским избирателям приходилось идти голосовать в соседние села, расположенные в 3—6 часах пути»¹. Избирательные участки были организованы только в турецких селах, и многие македонские крестьяне не шли туда голосовать. Избирательные списки составлялись повсюду на турецком языке, даже там, где не было ни одного человека, говорившего по-турецки².

В Плевле, согласно сообщению консула Тухолки от 30 октября 1908 г., «турки отказывались принимать во внимание списки сербов, составленные учителями и священниками, а руководились при определении избирательных нахий (районов. — Ю. П.) списками нуфуса, где сербов записано меньше, чем их есть на самом деле»³.

Избирательные нахии были распределены таким образом, что турецкое население выбирало выборщиков от меньшего количества жителей, чем славянское. В Монастырском санджаке, где славянское население составляло абсолютное большинство, эта разница была очень велика: турецкому населению была предоставлена возможность избирать одного выборщика от 250—300 человек, а славянскому — от 650—700 человек⁴.

Благодаря такому распределению избирательных нахий младотурки получили большинство выборщиков даже в районах, где турецкое население находилось в меньшинстве. Так, в Новопазарской казе было избрано 13 турок и 8 славян, в Сеницкой — 10 турок и 4 македонца, в Аковской — 10 турок и один македонец⁵.

В ряде районов турецкими властями были совершены прямые нарушения избирательного закона. В Сеницком санджаке администрация прибегала к запугиванию и принуждению населения⁶. В Вучитрнской казе, ввиду отказа албанцев участвовать в голосовании, власти вместе со старейшими сел решали, за кого данное село голосует⁷.

¹ АВПР. Политархив, д. 569, л. 144.

² Там же, л. 144 об.

³ Там же, д. 1068, л. 122.

⁴ Там же, д. 569, л. 144 об.

⁵ Там же, д. 1068, л. 122 об.

⁶ Там же, л. 122.

⁷ Там же, л. 122 об.

В Кырчевской казе турецкие власти отстранили от выборов славянское село Долно Бела-Церква, а в селе Царедвор положили в избирательные урны записки своих приверженцев, даже не явившихся на выборы. В результате в нахии Ресная 5189 славян получили двух выборщиков, а 1925 турок — четырех; в Кырчевской казе 20 тыс. славян (около 70 сел) дали трех выборщиков, а 13 тыс. турок — девять выборщиков¹.

Младотурки оказывали давление на выборщиков, осуществляли подкуп, прибегали к угрозам, организовывали закулисные сделки. При выборах депутатов от Приштинского санджака младотурецкий вилайетский комитет вступил в сделку с комитетом «Сербской лиги» в Скопле, после чего голосование прошло по заранее составленному списку².

От всего Приштинского санджака, населенного в большинстве славянами, в меджлис был избран только один депутат, да и то крупный торговец-оптовик (Савва Стоянович). Единственный депутат от славянского населения был избран и в Монастырском вилайете, хотя славяне составляли здесь подавляющее большинство³.

Обеспечив себе таким образом «победу» на выборах, младотурки создали послушный парламент и взяли всю власть в свои руки. В апреле 1909 г., после неудачной попытки совершить контрреволюционный переворот, Абдул-Хамид II был низложен младотурками и на султанский престол возведен Мехмед V.

После подавления движения Абдул-Хамида и после турецко-австрийского соглашения о Боснии и Герцеговине, по которому Турция за денежную компенсацию признала аннексию Австрией этих провинций, младотурки перешли в наступление на македонцев.

Правда, они продолжали еще играть в конституционализм и в 1909 г. даже созвали Монастырский провинциальный (генеральный) совет, состоявший из 20 делегатов (по четыре от каждого санджака), но это была лишь одна видимость. Совет отнюдь не являлся представительным органом македонского народа. Его компетенция была весьма ограничена. Совету разрешалось лишь обсуждать отдельные вопросы, касавшиеся внутренней жизни Монастырского вилайета. Решающую роль в провинциальном совете играл турецкий губернатор, являвшийся его председателем⁴.

Весьма примечательно, что уже на первой сессии Монастырского провинциального совета было принято решение о создании особого суда, в случае восстания в крае; этот суд должен был заседать под председательством генерал-губернатора и решать дела по законам военного времени⁵. Для придания этому мероприятию видимости конституционализма, в состав суда должны были быть включены два представителя от христианского населения, которые, однако, не имели права решающего голоса. Создаваемый таким образом новый особый суд фактически ничем не отличался от функционировавшего при абдул-хамидовском режиме «Чрезвычайного уголовного суда по политическим преступлениям».

Флагом конституционализма младотурки прикрывались и при проведении других антинародных мероприятий.

В донесении из Митровицы от 17 сентября 1909 г. консул Тухолка писал: «Под флагом конституции турки продолжают в этих краях гонения на сербов... Провозглашение конституции дало туркам возможность занять более выгодную позицию для преследования национально-культурной жизни

¹ АВПР. Политархив, д. 569, л. 159.

² Там же, д. 1068, л. 123.

³ Там же, д. 569, л. 159.

⁴ Там же, д. 570, л. 29.

⁵ Там же.

сербов, которые доселе охранялись обособленной организацией их общин, церквей и школ. После же конституции под предлогом равенства всех народностей Оттоманской империи, турки на самом деле... намереваются всех их туркизировать...»¹.

Выступив с реакционной теорией единой османской народности в Турецкой империи, младотурки усилили гонения на национальные организации, общества и школы, начали преследовать национальную культуру.

Повсеместно были созданы так называемые комиссии «примирения кровей». Официально они были организованы якобы для прекращения межнациональной розни. На самом же деле эти комиссии превратились в орудия для проведения великодержавной политики отуречивания всех народностей. В Ипеке, Приштине, Вучитрне, Рожае, Новопазаре и других местах эти комиссии преобразовались в так называемые комиссии «исляхата» (упорядочения), незаконно расширив при этом свои права². Поскольку македонцы почти не были представлены в комиссиях, все дела в них решались, как правило, не в их пользу³.

Наиболее фанатичные турецкие националисты прибегали к насильственным методам ассимиляции. В Прешевской казе, как сообщал в своем письме русскому послу консул в Скопле А. Львов, младотурки «пригласили в Биляч священников, кметов и наиболее богатых селяков, заставили их приложить печати к чистому листу бумаги, взвскали с каждого... по 6 пиастров и заявили, что отныне все они должны называться «райя» («стадо». — Ю. П.), те же из них, которые пожелают быть болгарами или сербами, должны удалиться в Болгарию или Сербию; если же таковые лица будут продолжать именовать себя сербами или болгарами в Турции, то все имущество их будет сожжено»⁴.

С целью запугивания славянского населения турецкие помещики, при попустительстве властей, создавали террористические организации, наводившие страх и ужас на жителей городов и сел.

Описывая разбой и террор в Гилянской казе, консул Тухолка в донесениях от 24 сентября—17 октября 1909 г. сообщал: «Положение сербов в селах Гилянской казы... действительно невозможное. Особенно страдают они в селах Горней Моравча, т. е. по верхнему течению Биначкой Морави (села Клокот, Витина, Врбовец, Бинча, Могила, Подгорец и пр.)»⁵. «Многие... сербские священники и учителя закрыли по селам церкви и школы и бежали в Гилян, причем священники боятся идти в села даже для совершения треб»⁶.

Еще больший произвол наблюдался в 1909 г. в Плевльском округе. «За последнее время, — писал в своем донесении от 25 июня 1909 г. Тухолка, — турецкие солдаты в Плевльском округе совершенно распустились и причиняют сербам-селякам всевозможные насилия, а власти не обращают на жалобы сербов никакого внимания. В начале июня в Приепольской казе солдаты с Бабинского поста у Ябуки растлили 4 девочек из дома Матовича и подвергли насилию мальчика из дома Гацовича и одну вдову из дома Матовича в с. Звезда. При этом солдаты избивали селяков Филимона Матовича, Иована Бударака и Релью Даниловича, которые хотели было защищать детей и женщин от насилия»⁷.

¹ АВПР. Политархив, д. 1068, л. 230.

² Там же, л. 118—118 об.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 1479, л. 113 об. Донесение от 17 июля 1908 г.

⁵ Там же, д. 1068, л. 232.

⁶ Там же, д. 1068, л. 237 об. Донесение от 17 октября 1909 г.

⁷ Там же, л. 184.

Крестьяне, говорится в донесении, пожаловались властям. Разбор жалобы был поручен одному поручику, который вызвал жалобщиков и приказал их избить, после чего отпустил их, угрожая им смертью в случае повторной жалобы¹.

Тогда крестьяне отправились в Приеполье жаловаться каймакаму, но последний отказался рассматривать их жалобу².

Младотурки усилили гонения на школы южных славян, стали преследовать отправленные славянами и албанцами своих традиционных праздников (славянский праздник «славы» и др.), притеснять учителей, священников, общественных деятелей.

Донесения очевидцев этих событий наполнены сообщениями о репрессивных мерах младотурок против усиливающегося стремления албанцев, македонцев, греков открыть школы на своем родном языке, выпускать свои газеты, журналы, иметь свою литературу.

Под предлогом отказа учителей-славян отдать свои дипломы на утверждение турецкого правительства (эта мера была задумана младотурками для лишения всех «неблагонадежных» учителей дипломов) местная администрация начала закрывать славянские школы. В конце 1908 г. были закрыты многие славянские школы в Приштинском и Сеницком санджаках³, в январе 1909 г. — в Вучитрне⁴, в мае 1909 г. — в Новопазаре⁵.

В Сеницком округе в славянских школах и церквях, а также в селах жандармерией производились многочисленные обыски. Многие учителя были осуждены и брошены в тюрьму за «вредные книги»⁶.

В селе Радойня Нововарошской казы до 40 македонцев во главе с учителем были арестованы за «антитурецкие разговоры»⁷.

В сентябре 1909 г. в Беране было арестовано 20 видных славян — учителей, сельских старост, сельских священников⁸.

В октябре—ноябре 1909 г. были закрыты болгарский, сербский, албанский и греческий национально-конституционные клубы в Монастыре и других городах.

«Полиция явилась во двор Болгарской митрополии, где находится здание клуба, — рассказывает об этом консул Каль в донесении от 17 ноября 1909 г., — и сняла с него вывеску. Хотя при этом никакого отпора со стороны болгар не было, все 12 человек, составлявшие бюро клуба, привлекаются ныне к ответственности, якобы за противодействие властям»⁹.

Но репрессиями и террором, так же как и обманными разговорами о конституционных свободах, младотурки не приостановили развития национально-освободительного движения задавленных турецкой империей народов. Это движение в 1909 г. и последующие годы усиливается.

Наряду с прежними разрозненными и стихийными выступлениями крестьянства против налогов и феодальных повинностей, а также постоянными, но неорганизованными проявлениями недовольства младотурецким режимом городского населения, появляются и более сознательные и организованные формы борьбы — массовые демонстрации, политические митинги и конгрессы. Все более активно в движение вовлекается рабочий класс.

После революции 1908 г. в Солуне, Скопле, Велесе и других местах были

¹ АВПР. Политархив, д. 1068, л. 184 об.

² Там же.

³ Там же, лл. 138 об., 139.

⁴ Там же, л. 148.

⁵ Там же, л. 173.

⁶ Там же, л. 139.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 227—227 об.

⁹ Там же, д. 570, л. 219.

созданы первые рабочие профсоюзные организации и общества, многие члены которых впоследствии вошли в социал-демократические организации¹. 7 января 1909 г. в Скопле была основана местная социал-демократическая организация.

В принятой на учредительном собрании скопльской социал-демократической организации резолюции говорилось, что организация «будет бороться за ликвидацию нынешнего буржуазного общественного строя, основанного на частной собственности на средства производства, и за установление социалистического порядка, который будет основываться на общественной собственности на средства производства. Эта цель может быть достигнута путем непримиримой борьбы пролетариата»². В целом программа скопльской социал-демократической организации базировалась на Эрфуртской программе германской социал-демократической партии.

Такая же организация была создана в Велесе. Кроме того, в Велесе было образовано рабочее просветительское общество «Классовое единство». Среди социалистических просветительских рабочих обществ выделялись общества в Тетове, Куманове и особенно общество «Классовое сознание» в Монастыре, которое было одним из самых активных рабочих обществ в Македонии.

Под руководством Василя Главинова — старейшего деятеля македонского рабочего движения³ — в Монастыре, а затем в Солуни начала издаваться социал-демократическая газета «Рабочая искра», вокруг которой стали группироваться рабочие-социалисты.

1 мая 1909 г. в Скопле социалистами была проведена первая в Македонии первомайская рабочая демонстрация. В ней приняли участие рабочие всех национальностей. Демонстранты несли красные знамена с надписями на турецком, болгарском и сербском языках: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Всеобщее избирательное право!», «Социальная революция!»⁴.

«Обойдя весь город, — писал наблюдавший демонстрацию консул А. Орлов, — манифестанты двинулись в общественный сад, находящийся в верстах в 2-х за городом, и провели там целый день»⁵.

Вечером манифестация повторилась, причем на этот раз к ней присоединилось несколько славянских учительниц и учениц славянской женской гимназии⁶.

¹ Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. VI, Београд, 1951, стр. 223—225.

² Там же, стр. 239.

³ Василь Главинов — один из организаторов первых социалистических рабочих групп в Македонии. По происхождению Главинов рабочий-столяр из Велеса. В 1893 г. он сформировал в Софии первую македонскую рабочую группу, которая имела своей целью пропаганду социализма в Македонии. На следующий год он основал в Велесе первую рабочую просветительскую читальню, которая была одновременно и первым рабочим социалистическим обществом в Македонии. В 1895 г. группа Главинова стала издавать в Софии газету «Революция», в первом номере которой была изложена программа группы; она не ограничивала деятельность группы одной лишь работой по распространению социализма, но ставила вопрос об объединении всех революционных элементов македонского народа для борьбы за свободу и независимость Македонии. Группа Главинова вела одновременно решительную борьбу против попыток князя Фердинанда и других использовать национально-освободительное движение македонского народа в своих националистических целях. В 1898 г. эта группа стала издавать газету «Политическая свобода», в которой была опубликована «Программа македонских революционеров-социалистов». В период Илинденского восстания 1903 г. группа Главинова, наряду с изданием «Политической свободы», выпустила ряд брошюр и вела большую пропагандистскую работу. (Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. VI, стр. 223—224).

⁴ АВРР. Политархив, д. 1480. л. 83.

⁵ Там же, л. 83 об.

⁶ Там же.

Проходя мимо русского консульства, демонстранты провозгласили приветствия русскому рабочему классу, что вызвало бурные аплодисменты сопровождавшего демонстрацию народа¹. Участники демонстрации приветствовали и пролетариат других стран².

Простой народ, как писал А. Орлов, «смотрел на манифестантов с любопытством и обсуждал затем цели социалистов с симпатией, так что можно предположить, что прилив членов в местный социал-демократический клуб усилился»³.

В декабре 1909 г. был созван I съезд социал-демократической партии в Солуни⁴. В Скопле начала выходить газета «Социалистичка зора». В г. Митровице были организованы марксистские кружки среди рабочих⁵. Передовая часть рабочего класса Македонии начала выдвигать интернационалистические лозунги.

В политическое движение стала все сильнее вовлекаться прогрессивная славянская и албанская интеллигенция. После младотурецкой революции в Македонии и Албании были созданы многочисленные просветительские общества, открыты газеты, политические клубы, которые пропагандировали идеи национальной независимости и свободы.

Македонцы основали в Солуни и Скопле газету «Вардар» и газету-журнал «La Macédoine» («Македония»), албанцы основали 11 газет — «Свобода» и «Знание» — в Солуни, «Народный Союз» и «Гусли Малисии» — в Монастыре, «Корча» и «Союз православных» — в г. Корче, «Пробуждение Албании» — в Янине, «Албанцы» — в Константинополе, «Союз», «Время» и «Вестник сердца» — в г. Скутари⁶. Албанскими демократами-просветителями за период с 1908 по 1910 г. было напечатано на албанском языке до 42 тыс. экземпляров разных патриотических и научно-популярных изданий⁷.

В албанских районах Македонии были основаны культурно-просветительские общества⁸, которые распространяли среди албанского населения передовую литературу, организовывали читальни, библиотеки, помогали открывать школы на албанском языке; таких школ в 1909—1910 гг. было открыто 20⁹.

Турецкие власти, напуганные размахом этого движения, попробовали было прибегнуть к репрессиям, но вызвали лишь обратную реакцию — тяга албанцев к созданию независимого национального государства лишь усилилась.

Среди македонского народа эта тяга была также очень сильна. Но консолидации национальных сил македонцев мешала междоусобная борьба, разжигаемая буржуазными националистическими кругами Сербии и Болгарии и всячески поддерживаемая господствующими классами Турецкой империи. В Македонии, наряду с революционными повстанческими отрядами, действовавшими против турецких войск и жандармерии, орудовали и националистические банды, занимавшиеся разбоями и грабежами мирного населения.

¹ АВПР. Политархив, д. 1480, л. 83 об.

² Там же.

³ Там же, л. 84.

⁴ Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. VI, стр. 225.

⁵ АВПР. Политархив, д. 1069, ч. II, л. 134 об.

⁶ Там же, д. 571, л. 25 об.

⁷ Там же, л. 270.

⁸ В Корче — «Перпарим» («Прогресс»), «Дитурия» («Просвещение»), «Вълзени» («Братство») и «Лизие Ортодокс» («Союз православных»); в г. Эльбасане — «Дрита» («Свет») и «Афердите» («Утренняя звезда»). Там же.

⁹ Там же, л. 269.

Национальная проблема в Македонии была исключительно острой. Было два пути освобождения македонского народа от турецкого ига — путь буржуазно-демократической революции, в итоге которой произошло бы освобождение от помещиков и абсолютизма, и путь войн балканских государств против Османской империи.

«Если бы освобождение Македонии, — писал В. И. Ленин, — совершилось путем революции, то есть посредством борьбы и сербских и болгарских и турецких крестьян против помещиков *всех* национальностей (и против помещичьих балканских правительств), то освобождение стоило бы балканским народам, наверное, во сто раз меньше человеческих жизней, чем теперешняя война. Освобождение было бы достигнуто неизмеримо более легкой ценой и было бы неизмеримо полнее»¹.

Но освобождение, в силу ряда причин, пошло по второму пути. Этими причинами были: слабость и малочисленность рабочего класса, не имевшего своей боевой, подлинно революционной партии, которая могла бы повести за собой трудящиеся массы на борьбу за национальное и социальное освобождение; неразвитость естественного союзника пролетариата — крестьянства, которое вело стихийную, неорганизованную борьбу, действовало разрозненно и недостаточно решительно.

Освобождение македонского крестьянства от гнета турецких помещиков в результате поражения Турции в первой балканской войне имело большое социальное значение, ибо оно способствовало общественно-экономическому развитию Македонии, которое сковывалось турецким абсолютизмом и феодальными отношениями.

Но это освобождение было неполным. Македонский народ не обрел национальной независимости и свободы. Месте Турецкой империи заняли балканские монархии. Проблема революционного преобразования общества не была снята для македонского народа с повестки дня.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 369.

С. М. Фалькович

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В ПОЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Реформа 1864 г. сыграла значительную роль в экономической жизни Королевства Польского. Она открыла дорогу для более быстрого развития капитализма в польской промышленности и сельском хозяйстве края.

О развитии производительных сил в сельском хозяйстве свидетельствовало расширение общей полезной земельной площади, освоение новых земельных пространств. Мелиорация почвы, применение новой, более мощной и совершенной земледельческой техники сыграли большую роль в ускорении темпов развития производительных сил в деревне.

Росту производительных сил в сельском хозяйстве Польши сопутствовали изменения в социально-экономических отношениях внутри польской деревни. Об этом говорило в первую очередь состояние землевладения в Королевстве Польском.

По формальному признаку вся земля в Королевстве Польском делилась на крестьянскую, помещичью, майоратную, городскую, посадскую, мелкошляхетскую и казенную. Но такое разделение в начале XX в. являлось, в сущности, условным. Реформа 1864 г. уничтожила различие сословных прав в отношении землевладения, положила в основу единый принцип буржуазной частной собственности на землю. «Владельцем, в смысле указов 1864 года, — гласила одна из статей закона 1864 г., — должен считаться каждый житель Царства, приобретший землю в полную собственность, к какому бы состоянию он ни принадлежал»¹. Вместе с землей владелец приобретал право на строения и инвентарь, право на земельные недра², право на сервитуты³. Собственник мог продать, обменять, подарить, отдать в наем и заложить свою землю⁴. По указу 1864 г. крестьяне сделались собственниками земельных участков, которые они обрабатывали для себя при крепостном праве.

¹ М. Д. Скрыбин. Систематический сборник узаконений и распоряжений правительства по поземельному устройству крестьян Царства Польского на землях, подшедших под действие указов 19 февраля 1864 г. и приобретенных при помощи Крестьянского банка. Радом, 1896, стр. 156.

² Там же, стр. 342—343.

³ Там же, стр. 336.

⁴ Там же, стр. 345.

Начался быстрый и активный процесс перераспределения земельной собственности, в результате которого в начале XX в. прежняя сословно-правовая классификация собственности уже не соответствовала действительному положению вещей. К этому времени ясно определились крупная капиталистическая земельная собственность и мелкокрестьянское землевладение.

К крупной земельной собственности в первую очередь нужно отнести панские фольварки, точнее, те из них, хозяйство которых было перестроено на капиталистический лад.

В 1906 г.¹ этих так называемых дворских земель было около 4 млн. дес., что составляло 35,1% всех земель². Они распределялись между 7417 именьями, так что на каждое из них в среднем приходилось около 500 дес.³. Однако некоторые помещики были владельцами гораздо больших имений. Известно, например, что граф Замоиский владел в Люблинской губернии ординацией в 103 тыс. дес.⁴.

Другой группой крупных земельных собственников являлись майоратовладельцы. Майоратные именья были созданы царским правительством для усиления русского влияния в крае. Земли майоратов выделялись из казенных и давались в качестве награды за службу крупным царским сановникам. Общая площадь майоратных владений в 10 губерниях Королевства Польского в 1906 г. равнялась 346 896 дес., что составляло 8,1% общей земельной площади⁵. Наибольшее количество земли принадлежало майоратам в Сувальской губ., наименьшее — в Плоцкой губ.⁶.

Майораты искусственно ограждались царизмом от дробления. Майоратовладельцы не имели права продать хотя бы часть своих земель без специального разрешения правительства. Такие же ограничения существовали и по отношению к землям, которыми владело духовенство. Разрешения на продажу этих имений очень редко появлялись в газетах⁷.

Эта крупная земельная собственность, сохраняемая русским самодержавием, и крупная собственность польских помещиков создались на основе старого феодального помещичьего землевладения. Как та, так и другая явились результатом «прусского» пути развития капитализма, который был предопределен реформой 1864 г., не уничтожившей крупного помещичьего землевладения. Под влиянием развития капитализма фольварки перестраивались на капиталистический лад, постепенно создавалось крупное капиталистическое сельскохозяйственное производство.

Но наряду с помещичьей собственностью, существовала уже крупная собственность, возникшая на чисто капиталистической основе. Это очень ярко показывает анонимный автор «Писем из деревенской усадьбы», который пишет: «Действительно, если мы рассмотрим богатую галерею деревенских типов, то в категории крупных собственников найдем рядом с аристократом — крупного промышленника или купца, рядом с коренным шляхтичем — потомка разбогатевшего эконома, по соседству со шляхетским

¹ Для характеристики экономической жизни польской деревни здесь и в дальнейшем приводятся данные не только предреволюционных лет, но и более позднего времени в пределах первого десятилетия XX в., так как экономика этого периода представляет единое целое.

² „Труды Варшавского Статистического Комитета“, вып. 27. Варшава, 1907, стр. 53.

³ „Труды...“, вып. 30, 1907, стр. 14.

⁴ Z. Daszyńska-Galińska. Rozwój i samodzielność gospodarcza ziem polskich. Warszawa—Kraków, 1915, str. 67.

⁵ „Труды...“, вып. 27, 1907, стр. 53.

⁶ „Zagon“, 1. XII 1906.

⁷ „Gazeta polska“, 20. II 1906.

фольварком — растущее владение крестьянина-спекулянта, наконец, собственников, происходящих из мелкобуржуазных сфер»¹. Это свидетельство является особенно важным, так как подчеркивает выделение в крестьянской среде зажиточной верхушки, владеющей крупными земельными участками. В таких хозяйствах владельцы работали сами и использовали наемную рабочую силу. Эти хозяйства, по словам Мархлевского, приобретают уже капиталистический характер². К ним он причисляет все крестьянские участки более 10 дес.³. Приняв эту классификацию и используя данные Варшавского Статистического Комитета, можно вычислить общую земельную площадь, находившуюся в руках кулаков в 1904 г. Она достигала приблизительно 2 109 992 дес., что составляло около 18,7% всех земель.

Таким образом, вся крупная земельная собственность в Королевстве Польском складывалась в основном из 3 961 584 дес. помещичьих, 346 896 дес. майоратных и 2 109 992 дес. кулацких земель; в общей сложности — 6 418 472 дес. Другими словами, на долю крупных собственников приходилось около 57% всей земли, а на долю средних и мелких собственников — около 33%⁴.

Мелкие и средние земельные участки охватывали площадь в 3 761 736 дес., из них 752 467 дес. (7%) приходилось на средние хозяйства. В таких хозяйствах надел равнялся 7,5—10 дес.⁵, владельцы их обходились без побочных заработков, но и не нуждались в дополнительной наемной силе. Мелкие крестьянские участки, менее 7,5 дес., занимали в общей сложности 3 009 269 дес. (26,6%), число малоземельных крестьян составляло 72,9% от общего числа крестьян Королевства Польского⁶. Польские буржуазные экономисты, вроде Езеранского⁷, стремились доказать преимущества и выгодность мелкого крестьянского землевладения, расхваливали бережливость, старательность мелкого крестьянина, превозносили производительность его труда. Однако в действительности мелкокрестьянские хозяйства находились в чрезвычайно трудном и неустойчивом положении и, как правило, не могли обходиться без посторонних приработков. Даже так называемый нормальный надел, определявшийся буржуазными экономистами в 4,5—7,5 дес., по словам Грабского, нельзя было «признать за такой, который обеспечивает крестьянину достаточное содержание»⁸. Да и вся земельная площадь, занятая «нормальными» хозяйствами, составляла меньше половины всей земли, находившейся в мелком крестьянском владении. Большая же половина распределялась между хозяйствами, которые даже с позиций историков, выражавших официальную точку зрения, признавались неспособными к длительному самостоятельному существованию. «Крестьянин обладает ... только такой поземельной собственностью, — писал в 1905 г. сторонник русского царизма Корнилов, — которая далеко не обеспечивает всех его нужд и потребностей»⁹. Такой крестьянин жил в «постоянной нужде и недостатке»¹⁰.

¹ Rusticus. Listy z dworu wiejskiego. Warszawa, 1911, str. 24.

² J. Marchlewski. Pisma wybrane. T. I. Warszawa, 1952, str. 552.

³ Там же.

⁴ Остальные 10% — казенные, общинные и прочие земли.

⁵ J. Marchlewski. Pisma..., str. 552.

⁶ Там же, стр. 620.

⁷ J. Jeziorański. Sprawa agrarna w Królestwie Polskiem. Warszawa, 1906.

⁸ W. Grabski. Materiały w sprawie włościańskiej. T. I. Warszawa, 1907, str. 27.

⁹ А. А. Корнилов. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905, стр. 431.

¹⁰ „Życie gromadzkie“, 21. VI 1906.

Чтобы как-нибудь прожить, прокормить семью и хоть скромно одеть ее, он должен был «обрабатывать свою землю, отрабатывать за пастбище и подводы и наниматься на различные работы, чтобы заработать какой-нибудь грош для своих нужд, на удовлетворение которых не хватало дохода с его земли»¹. Однако и внутри этой группы малоземельных бедняцких хозяйств можно было выделить хозяйства, еще более бедные. Это были карликовые парцеллы в 0,25—0,75 дес. «На клочке, меньшем, чем полморга², и даже имеющем полтора морга, — пишет Мархлевский, — не может быть и речи о хозяйстве»³. «Обладатели таких хозяйств не могут... ни в коем случае прокормиться со своего хозяйства, они не только принуждены искать посторонних заработков, но заработки эти ... являются главной основой их жизни»⁴. Такие карликовые парцеллы занимали площадь в 72 373 дес., что составляло 0,6% всей земли. Особенно много их было на юге, на границе с Галицией. Владение таким наделом, по существу, превращало крестьянина в батрака, в то же время удерживая его от ухода в город. Анонимный приверженец царского правительства писал в своем проекте в начале XX в.: «Земельные участки... настолько малы, что суммы, выручаемой за их аренду, а тем более при продаже участка, не хватает для жизни и на короткое время; поэтому крестьянин, силою вещей, безусловно, крепок земле»⁵. Это обстоятельство обусловило наличие в польской деревне огромной армии сельскохозяйственных батраков с наделом (приблизительно в два с половиной миллиона человек)⁶.

Однако, наряду с этой армией, существовала и другая армия крестьян, вовсе лишенных земли. Эта армия увеличивалась из года в год. В 1904 г., по данным Варшавского Статистического Комитета, в селах проживало 1 220 333 человека, не имеющих земли, а в посадах — 211 746 человек⁷. Для 1907 г. Скаржинский называет цифру уже в 4 млн. человек⁸. По отдельным губерниям и уездам процент безземельных крестьян был еще более высоким. В 1902—1903 гг. больше всего безземельных (около 19%) было в Калишской и Плоцкой губерниях⁹. В Нешавском уезде Варшавской губернии число безземельных крестьян составляло 31% всех крестьян¹⁰. В Сувальской губернии в 1905 г. 40% крестьян не имели земли¹¹.

Эти крестьяне, лишенные собственных средств производства, принуждены были работать в помещичьих и кулацких хозяйствах за крайне низкую плату и в чрезвычайно тяжелых условиях в качестве столовников, ординариев, коморников, выробников и поденщиков. Так выглядело на деле то, «более или менее удовлетворительное и относительно равномерное распределение поземельной собственности среди крестьянского населения в Привислинском крае», о котором так настойчиво писали члены Варшавского Статистического Комитета¹².

Эта картина польского землевладения не оставалась неизменной. Аренда, парцелляция и продажа имений создавали известное движение

¹ „Gazeta rolnicza“, 22. VI 1907.

² 1 морг ≈ 0,5 десятины.

³ J. Marchlewski. Pisma..., str. 555.

⁴ Там же, стр. 550.

⁵ „Основания, должествующие служить руководством для управления бывшим Ц. П. в настоящее время“. СПб., 1904, стр. 24—25.

⁶ SDKPiL. Co ma czynić lud wiejski. Warszawa, 1906, str. 3—4.

⁷ „Труды...“, вып. 25, 1906, стр. 34.

⁸ St. Skarżyński. W sprawie parcelacji. Warszawa, 1907, str. 11.

⁹ „Труды...“, вып. 19, 1902—1903, стр. 25.

¹⁰ Там же, стр. 29.

¹¹ „Kraj“, 1905, № 23, str. 21.

¹² „Труды...“, вып. 25, 1906, стр. 43.

земельных участков, но в целом они не могли изменить общей тенденции к быстрой поляризации земельной собственности.

Малоземельные и безземельные крестьяне не могли арендовать крупных участков из-за чрезвычайно высокой арендной платы (в среднем — 14 руб. с одной десятины¹, в то время как в России платили 5—7 руб. с одной десятины²). Поэтому в 1906 г. из 259 054 дес., находившихся в аренде, крестьяне арендовали лишь 40 011 дес.³, причем главная роль, несомненно, принадлежала зажиточной верхушке. Особенно недоступна была аренда для безземельных: в 1887 г. на долю безземельных приходилось 5% всей арендуемой земли⁴.

Парцелляция фольварков, явившаяся результатом развития капитализма, также не принесла крестьянам большой выгоды. Фольварки, не приспособившиеся к новым условиям, разорялись и их распродавали отдельными участками. Процесс этот начался еще в 60-х годах XIX в. С 1890 г. посредником в покупке земель крестьянами стал Крестьянский банк. Он имел право давать ссуду крестьянским обществам и отдельным хозяевам на покупку земли, а с 1895 г. получил также право на выдачу дополнительных ссуд на землю, уже заложенную в банке, и первоначальных ссуд на земли, купленные крестьянами самостоятельно. Кроме того, банку разрешалось приобретать земли для парцелляции. Создание Крестьянского банка было вызвано развитием капитализма, усилением процесса перераспределения собственности. В свою очередь, сам Крестьянский банк своей деятельностью способствовал дальнейшему проникновению капитала в деревню, способствовал ускорению дифференциации крестьянства. Цифры, сообщаемые буржуазными историками, говорят о переходе в руки крестьян за 1864—1904 гг. значительной земельной площади. Однако эти историки не указывают, сколько хозяйств купили землю, какие из них покупали ее в первую очередь и, что самое главное, сколько хозяйств, купив землю, сумело укрепиться на ней. Между тем сопоставление всех косвенных данных дает возможность говорить о невыгодности, а в некоторых случаях — о разорительности для крестьян покупки парцеллированных земельных участков.

Прежде всего бросается в глаза, что цены на эти участки были явно завышены. Так, газета «Весь польска» в 1907 г. рассказывала о продаже земли в Любартовском уезде Люблинской губ. по 140 руб. за морг (т. е. приблизительно 280 руб. за десятину)⁵, в то время как официальная средняя стоимость десятины составляла 114 руб.⁶ Даже царские власти вынуждены были обратить на это внимание, и в феврале 1906 г. министр имущества предложил губернаторам оказывать влияние на помещиков в том направлении, чтобы цены парцеллируемых участков не были чересчур высокими⁷. Еще большие трудности возникали в связи с тем, что фольварки дробились для продажи большей частью на крупные участки. По свидетельству Мархлевского, 30% всей парцеллированной земли продавалось крупными участками — больше 10 дес. Естественно, что при таких

¹ „Труды...“, вып. 30, 1907, стр. 54.

² У. Шустер. Революция 1905—1907 гг. в Польше. „Исторические записки“, 1947, № 22, стр. 256.

³ „Труды...“, вып. 30, 1907, стр. 54.

⁴ У. Шустер. Указ. ст., стр. 256.

⁵ „Wies polska“, 28. XI 1907.

⁶ W. Grabski. Działalność państwowa wobec potrzeb rolniczych Królestwa Polskiego. Warszawa, 1909, str. 4—5.

⁷ „Kurier Warszawski“, 21. II 1906.

условиях активно покупали землю в основном зажиточные крестьяне для себя или для младших сыновей. Покупатели из среды малоземельных и безземельных крестьян, по словам Дашинской-Галинской, были весьма редким явлением¹. «Безземельные больше теряют на парцелляции, чем приобретают»², — писал Грабский. Но даже если безземельному или малоземельному крестьянину удавалось прикупить земли, в редком случае ему выпадало счастье укрепить свое хозяйство, выплатить долг Крестьянскому банку и выбиться из нищеты. В 99 случаях из 100 такой крестьянин очень скоро попадал в еще более тяжелое положение и разорялся окончательно. Таким образом, парцелляция, так же как и аренда, не уничтожала малоземелья, как это утверждали буржуазные экономисты. Увеличение земельной площади на 11% за 1873—1904 гг. выглядело слишком незначительным на фоне роста общего числа крестьянских дворов за то же время на 30%³. Средний надел с 7,2 дес. в 1877 г. уменьшился до 5,9 дес. в 1904 г.⁴. Это говорило о господствующей тенденции к росту крестьянского малоземелья и нищеты, об отрыве производителя от средств производства.

Об этом же наглядно свидетельствовало и распределение скота в польской деревне. В то время как в руках помещиков был сосредоточен большой процент лошадей, коров и особенно овец, в то время как тягловая мощность кулацких хозяйств возрастала, мелкие крестьянские хозяйства были лишены необходимой тягловой силы. В 1899 г. 29,9% крестьянских дворов было безлошадными, а 90 552 хозяйства не имело коров⁵. В Нешавском уезде Варшавской губ. в 1902—1903 гг. безлошадными были 44% всех крестьянских усадеб⁶. По словам В. И. Ленина, хозяйство без лошади не может существовать как самостоятельное, перестает быть хозяйством. Таким образом, данные о распределении скота в Королевстве Польском в начале XX в., как и данные о состоянии землевладения, свидетельствовали о разорении и обнищании, о «раскрестьянивании» огромной массы крестьянства, что явилось следствием глубокого проникновения капитализма в польскую деревню. «Капитализм повышает технику земледелия и ведет его вперед, но он не может делать этого иначе, как разоряя, принижая и давя массу мелких производителей»⁷, — писал Ленин.

Несмотря на значительное развитие капитализма, в польской деревне оставалось еще немало пережитков старых феодально-крепостнических отношений, которые тормозили дальнейшее развитие производительных сил и усугубляли гнет капиталистической эксплуатации в деревне. К ним следует отнести крестьянское малоземелье и крупное помещичье землевладение. В наследство от старого крепостного строя осталось и такое, тесно связанное с малоземельем, явление, как чересполосица.

В конце XIX в. около 2,7 млн. дес. крестьянской земли находилось в чересполосном владении⁸. В 1906 г. чересполосица существовала на землях 1180 имений, что составляло 15,9% земель⁹. Как свидетельствуют рассказы самих крестьян, некоторые участки в результате чересполосицы были

¹ Z. Daszyńska-Galińska. Op. cit., str. 69.

² W. Grabski. Materiały..., str. 59.

³ У. Шустер. Указ. ст., стр. 255.

⁴ Там же, стр. 256.

⁵ Там же.

⁶ „Труды...“, вып. 19, 1902—1903, стр. 29.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 409.

⁸ J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski. t. II. Poznań, 1950, str. 263.

⁹ W. Załęski. Z statystyki porównawczej Królestwa Polskiego. Warszawa, 1908, str. 147.

так малы, что «поперек трудно улежся высокому парню, потому что ноги и голова его вылезут на чужую землю»¹.

Особенно остро стоял вопрос о чересполосице крестьянских и помещичьих земель. Паны нередко использовали чересполосицу в целях закабаления крестьян, в целях приобретения дарового труда. Пользуясь безвыходным положением крестьянина, помещик давал ему в пользование клин земли, соседний с его участком, с условием отрабатывать за эту землю даром. Подобные кабальные формы являлись возрождением барщины в новых условиях.

Другим фактором, тормозившим развитие производительных сил в сельском хозяйстве, было существование сервитутов. Юридически сервитутным правом называлось право одного лица пользоваться собственностью другого. Институт сервитутного права вел свое происхождение от старинного права крестьян на общинные земли, впоследствии захваченные шляхтой. Реформа 1864 г. дала крестьянам право пользоваться этими сервитутами, преимущественно лесными и пастбищными угодьями, принадлежавшими помещикам. В начале XX в. сервитутные отношения были широко распространены в польской деревне.

В 1906 г. 1912 помещичьих имений было обязано сервитутами в пользу крестьян². Эти сервитуты делились на лесные и пастбищные. Лесными сервитутами в 1902—1903 гг. пользовалось 92 161 крестьянское хозяйство³. Они имели право получать из леса топливо и строительный материал, собирать ветки, листья и мох. Пастбищный сервитут, которым в 1902 г. пользовались 108 948 хозяйств, давал право на выпас скота на сервитутных пастбищах⁴.

Сервитуты сильно тяготили помещиков, в определенной мере связывали их инициативу, замедляли переход шляхетских хозяйств на капиталистические рельсы, тормозили развитие капитализма в сельском хозяйстве. В то же время сервитуты играли огромную роль в крестьянском хозяйстве, «обеспечивая ему пастбище, отопление и пользование материалом на ремонт построек»⁵. Без пастбищ крестьянское животноводство обрекалось на гибель, так как покупать корма для скота было не по карману бедному крестьянину. Точно так же слишком дорого обходилась и покупка дерева на стороне. Только для того чтобы иметь возможность бесплатно собирать ветви, крестьяне брались за бесценок рубить деревья в помещичьих лесах, как об этом рассказывает житель деревни Березы Радзинского уезда Седлецкой губ. А. Тарасюк. Да и получить эту работу можно было лишь за взятку лесничему⁶. Поэтому крестьяне чрезвычайно ценили свои сервитутные права и крепко за них держались. Владельцы же фольварков, обремененных сервитутами, всеми способами старались избавиться от выполнения своих обязательств. В имении Гусыне гмины Турки Хелмского уезда Люблинской губ. помещик попросту отказался признавать пастбищный сервитут, которым владели крестьяне, лишив их, таким образом, выгона для скота⁷. А владелец имения Жулин князь Чарторыйский 2 раза последова-

¹ „Zagon“, 26. I 1907.

² „Труды...“, вып. 30, 1907, стр. 14.

³ „Труды...“, вып. 24, 1906, стр. 41.

⁴ И. И. Милобендзкий. О сервитутах в Царстве Польском. СПб., 1911, стр. 3—4.

⁵ И. Лопатин и П. Лопатин. Очерки истории крестьянского землевладения в Царстве Польском. Варшава, 1906, стр. 24.

⁶ „Zagon“, 23. III 1907.

⁷ Центральный Государственный исторический архив МВД СССР в Москве. Фонд ДО, 1906 г., дело № 700, ч. 51, лл. 21—22, 27. VI 1906 г. (в дальнейшем — ЦГИА).

тельно понижал норму выдачи дерева, полагавшегося крестьянам деревни Воля Жулинска гмины Павлов Хелмского уезда Люблинской губ. на основании сервитутного права¹. Неудивительно, что на основе сервитутных споров постоянно происходили столкновения между помещиками и крестьянами. Крестьянин из деревни Журавя Люблинской губ. писал, что из-за сервитутов и их нарушений со стороны ординации ЗамоЙского крестьяне постоянно ведут тяжбу по различным судебным инстанциям².

Фольварки, желая освободиться от сервитутов, стремились произвести их замену на земельные участки. Делать это можно было лишь при обоюдном согласии сторон. Только майораты пользовались льготным правом производить принудительную замену даже без согласия крестьян³. Экономисты и историки помещичьего лагеря старались доказать, что регуляция сервитутов была выгодным делом для самих крестьян, так как они получали якобы дополнительно большие земельные наделы. Так, буржуазные экономисты Лопатины утверждали, что в ряде случаев паны выкупали сервитуты за одну треть и даже за половину имения⁴. Действительно, страдая от земельного голода, крестьянство часто увлекалось перспективой увеличения своей земельной площади. По данным Рутковского, до 1912 г. крестьяне получили в обмен на сервитуты около 600 тыс. дес.⁵. Но ликвидация сервитутов ставила крестьян в безвыходное положение, оставляя их скот без пастбища, а их самих — без топлива и строительного материала. Лишенные самых необходимых в хозяйстве вещей, крестьяне принуждены были обращаться к тому же помещику за помощью, шли к нему в кабалу. Таким образом, ликвидация сервитутов ускоряла разорение крестьянства и целиком отдавала крестьянина во власть крупного землевладельца. Точно так же помещики использовали в интересах закабаления крестьян малоземелье и чересполосицу.

Эксплуатация крестьянства панами была освящена санкцией католической церкви. Духовенство не только защищало и оправдывало помещиков, но и само активно участвовало в этой эксплуатации. «Каждый хочет нажиться на крестьянине и высосать из него, сколько удастся, — писал в 1907 г. деревенский корреспондент «Загона». — Священник присылает за житом и нужно дать, органист за житом, потом за картошкой, потом за новогодним подарком — нужно дать... за все велят себе хорошо платить...»⁶. Ксендзы не стеснялись тянуть с бедняков последний грош. Некоторые из них грубо обращались со своими прихожанами. В газете «Загон» сообщалось, например, о случаях, когда священники били женщин на исповеди⁷, драли за уши стариков⁸.

Наряду с помещиками и духовенством в роли эксплуататора деревенской бедноты выступало и кулачество — молодая сельская буржуазия, возникшая в результате дифференциации польского крестьянства.

Официальная пресса и статистика стремились замазать факт расслоения крестьянства, выделения кулачества. Так губернаторы четырех губерний Королевства Польского заявляли в 1906 г., что «среди польских крестьян нет перекупщиков и обладателей значительных поместий, как это имеет

¹ ЦГИА ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 51, лл. 43—46, 29. X 1906 г.

² „Siewba“, I. VI 1907.

³ М. Д. Скрябин. Указ. соч., стр. 442.

⁴ И. Лопатин и П. Лопатин. Указ. соч., стр. 28.

⁵ J. Rutkowski. Op. cit., str. 298.

⁶ „Zagon“, 19. I 1907.

⁷ „Zagon“, 4. V 1907.

⁸ „Zagon“, 11. V 1907.

место в России...», что «раздел земли идет равномерно, и крестьян-помещиков, как в Империи, Царство Польское не имеет...»¹

Однако внимательное изучение как статистических, так и других данных убеждает в обратном: выделившаяся небольшая прослойка кулачества везде противостояла огромной массе безземельного и малоземельного крестьянства. Так, в гмине Пинчов Келецкой губ. на маленькую кучку зажиточных крестьян, имевших сбережения в гминной кассе (21 человек), приходилось 280 бедняков, состоявших должниками этой кассы².

Разница в имущественном положении определяла взаимоотношения двух групп крестьянства, кулак не считал бедного соседа равным себе. Крестьянин из-под Говорова писал в газете «Севба» в 1907 г.: «Какое же может быть единство, когда один имеет 15 моргов, а другой — владетель 2-х моргов или выробник? Один наденет сивый кафтанишко и сапоги, а другой напялит черное пальто и на сапоги калоши. Если захочет первый поговорить со вторым о чем-нибудь, что, мол, давай делать так и так, так тот и слушать не хочет, потому что он вроде умнее. Но почему? Не по образованию, а потому что в калошах и черном пальто»³. Такой крестьянин-кулак вёл компанию с панами и духовенством, пользовался поддержкой и покровительством властей. «Их и ксендз знает, и помещик из усадьбы говорит с ними», — писал крестьянин Ловицкого уезда Варшавской губ. Теофил Курчак в 1907 г.⁴. Пользуясь своим богатством, кулаки пролезали на административные должности в гмине, обогащались за счет казны, брали взятки, делили в свою пользу общинные земли, перехватывали выгодные сделки. «Богатые бедных поедают досмерти, — писал тот же Курчак, — до сих пор десять человек их управляло всей деревней... Золото и собственное набитое пузо — вот их бог!»⁵. Кулаки не стеснялись прибегать к обману и насилию по отношению к своим односельчанам, «разыгрывая нередко больших господ, чем сама шляхта»⁶. Газета «Зожа» рассказывала о крестьянине деревни Трояновице Люблинского уезда Люблинской губ. Франтишке Вроне, которого согнал с земли и разорил деревенский богатей Марчак, воспользовавшийся тем, что на землю не было письменного контракта аренды⁷. Часто такой богач нарочно препятствовал уничтожению чересполосицы, чтобы выгодно скупить отдельные участки у бедняков или, наоборот, заставить их арендовать у него землю⁸. Еще больше эксплуатировали кулаки тех крестьян, которые работали за плату на их полях, здесь они также не уступали своим «благородным» коллегам. «Такой влоковый крестьянин, — писал Мархлевский, — является самым безжалостным, самым жестоким эксплуататором чужого труда»⁹. Таким образом, молодую деревенскую буржуазию Королевства Польского объединяли в один лагерь с помещиками интересы наживы, интересы эксплуатации трудящегося деревенского населения.

Гнет помещиков, кулаков и духовенства, тяготевший над крестьянством, усугублялся гнетом царского самодержавия.

¹ „Kurier Warszawski“, 3. VII 1906.

² С. А. Шпилев. Условия экономического быта крестьян гмины Пинчов. Кельцы, 1902, стр. VII.

³ Цит. по книге: H. Syska. Od „Kmiotka“ do „Zarania“. Z historii prasy ludowej. Warszawa, 1949, стр. 208.

⁴ Там же, стр. 200—201.

⁵ Там же, стр. 199—201.

⁶ „Zagon“, 8. VI 1907.

⁷ „Zogza“, 1904, № 2, стр. 40.

⁸ „Przewodnik kółek i spółek rolniczych w Królestwie Polskiem“, 1907, № 3, стр. 35.

⁹ J. Marchlewski. Pisma..., стр. 616; 1 влока = 30 морг. ≈ 15 дес.

Царизм стремился выжать из польского крестьянства как можно больше, облагая его бесчисленными налогами и повинностями. Крестьяне ежегодно платили 2,5 млн. руб. поземельного и 1,7 млн. руб. подымного налога, являвшегося как бы заменой старой подушной подати¹. «Часто на налоги идут деньги с того, в чем отказывают желудку», — писала газета «Заране»². Для сборов налогов власти прибегали к жестоким репрессиям, нередко производилась принудительная распродажа крестьянского имущества при помощи войск³. Не менее тягостны для крестьян были обязанности по починке дорог и мостов (так называемые шарварки), подводная повинность. Но особенно ненавидело польское крестьянство рекрутскую повинность, которая отрывала от хозяйства молодых и здоровых членов семей для службы чуждым интересам. Царизм оскорблял национальные чувства крестьян, грубо регламентировал их жизнь. По отношению к польским крестьянам существовал ряд ограничений в области имущественных прав: для них затруднен был кредит под залог земли и движимости, ограничена свобода завещания, запрещена покупка земель в ряде местностей Королевства Польского⁴. Эндековский посол Стецкий, выступая 6 июня 1906 г. в Государственной думе, отмечал «зависимость крестьян от административного произвола, гораздо более тяжелую и гнетущую, чем зависимость всего остального населения, невозможность для них свободной взаимной помощи»⁵, т. е. запрещение организации кредитных обществ и кооперативов. По существу все эти ограничения являлись пережитками старого сословного права, искусственно сохраняемыми царизмом для упрочения своего господства над Польшей. Они приходили в противоречие со всем экономическим укладом. Мархлевский писал по этому поводу: «Создается удивительное положение, при котором крестьянин является производителем в капиталистических условиях, но лишен права пользоваться экономическими формами, возникшими в капиталистическом хозяйстве»⁶.

Это ненормальное положение мешало дальнейшему развитию капитализма в Королевстве Польском, пагубно отражалось на крестьянском хозяйстве и вызывало у крестьян глубокое недовольство. Сознавая это, царская администрация пыталась поставить крестьянство под свой непосредственный контроль. Одним из средств для достижения этой цели служила система гминного самоуправления.

Гмина представляла собой низшую административную единицу в польской деревне. Она была всесословным учреждением, объединяя всех землевладельцев по территориальному признаку. Гмине принадлежали права охоты, рыбной ловли, пропинации⁷, распоряжения общественными и выморочными имуществами⁸. Она должна была организовывать раскладку и сбор налогов, распределять повинности, утверждать бюджет на внутренние нужды. Для решения всех вопросов регулярно созывался гминный сход. В остальное время дела вершила выборная гминная администрация — войт и писарь. Однако все это было лишь видимостью демократии. «Сход представляет собою простую формальность, — писал буржуазный исследователь Склад в 1902 г., — и истинным хозяином гмины

¹ J. Marchlewski. Pisma..., str. 603.

² „Zaranie“, 12. XII 1907.

³ „Czerwony sztandar“, 1903, № 5, Цит. по книге: B. Szmidt. SDKPiL, 1934, str. 415.

⁴ „Kurier Warszawski“, 16. I 1905.

⁵ „Gazeta polska“, 9. VI 1906.

⁶ J. Marchlewski. Pisma..., str. 606.

⁷ Право пропинации, т. е. право производства пива, принадлежавшее гмине, было „временно“ передано правительству.

⁸ М. Д. Скрыбин. Указ. соч., стр. 349—350.

является гминная администрация или вернее гминный писарь»¹. Войт и писарь стремились всемерно использовать свое служебное положение. В гмине Гошерадов Яновского уезда Люблинской губ. крестьяне на сходе требовали смещения писаря, который отличался «взяточничеством, вымогательством, спесью и наглостью»². «Писарь старается только о том, чтобы за время своей службы извлечь для себя из гмины как можно больше выгоды»³, — писал тот же Скляр. Средства, собиравшиеся крестьянами на внутренние нужды гмины, почти целиком использовались в интересах гминной администрации. Так, в гминах Томашевского уезда Люблинской губ. 11,9% всего бюджета тратилось на развозных лошадей для войта и писаря, в то время как на пожарную часть расходовалось 0,2%, а на медицинские нужды — 1,5%⁴. Царские власти знали о злоупотреблениях гминной администрации и покрывали их. Они использовали выборное начальство в качестве марионеток в своих руках. Войт большей частью являлся ставленником местной полиции, да и сами выборы происходили под давлением полицейских стражников, хотя их присутствие запрещалось законом. На гминных сходах царской администрации удавалось протаскивать угодные для нее решения.

Экономическое угнетение, административный произвол, национальный гнет, религиозные стеснения — все это усиливало эксплуатацию крестьянства и ухудшало его положение.

Жизнь мелкого производителя проходила в тяжелом труде и беспросветной бедности. «Среди наших мелких землевладельцев нигде нет достатка, — писала газета «Заране», — всюду, в общем, господствует нужда»⁵. «Крестьянин должен теперь, главным образом, искать у кого-нибудь заработка (зимой даже в городе), ибо земля его часто не может прокормить, и чем дальше, тем больше этот побочный заработок становится все более важной частью его бюджета»⁶. Но и эти побочные заработки не всегда были доступны крестьянину: корреспондент газеты «Загон» писал о нужде, которая воцарилась во многих крестьянских избах, «потому что дохода с земли не хватает на содержание, а заработков нет, а если и есть, то такие, что Господи помилуй»⁷.

Тяжелый труд был уделом крестьянина с самого раннего возраста. Уже трехлетние дети пасли гусей и коров, нянчили маленьких братьев и сестер, а с шести лет на крестьянскую девочку падали обязанности хозяйки дома, она должна была доить коров, стирать, прясть, готовить и убирать⁸. Но все усилия бедняков ценою нечеловеческого напряжения вырваться из тисков нищеты ни к чему не приводили. Крестьянин Кобус из деревни Жечкув под Радомом горько жаловался на это в газете «Загон»: «Тяжело для нас, крестьян, идет жизнь в деревне. Небольшое удовольствие хозяйствовать на нескольких моргах, кормиться с них, одеваться, платить налоги... Мы мучаемся, мечемся во все стороны, работаем с утра до ночи, а все это нисколько не помогает»⁹. Крестьянские хозяйства из года в год

¹ А. Скляр. Очередные вопросы в губерниях Царства Польского. „Русская мысль“, 1902, стр. 131.

² „Gazeta polska“, 1. III 1907.

³ А. Скляр. Указ. ст., стр. 131.

⁴ Э. Пильц и В. Спасович. Очередные вопросы в Царстве Польском, СПб., 1902, стр. 36.

⁵ „Zaranie“, 12. XII 1907.

⁶ F. Dzierżyński. Pisma wybrane. Warszawa, 1951, str. 19; „Z listów do siostry Aldony“. Noliński, 5. X 1898.

⁷ „Zagon“, 26. I 1907.

⁸ Pamiętniki chłopów. Warszawa, 1935, № 1—51, str. 29.

⁹ „Zagon“, 1. XII 1906.

нишали все больше и больше, все быстрее росли суммы крестьянских недоимок по государственным налогам и податям. Если на 1 января 1906 г. эти суммы составляли 173 067 руб. 91 коп.¹, то за 1907 г. они увеличились до 1 млн. руб.²

Постоянный недостаток и нужда свидетельствовали о чрезвычайно низком жизненном уровне польского крестьянина. Еще братья Лопатины в 1906 г. отмечали, что «экспорт хлеба при сельском населении в 48 чел. на 1 кв. километр — явление аномальное и характеризует сильно пониженную потребность, обычное недоедание...»³. Другой буржуазный исследователь, Храневич, также подчеркивал крайне скромный образ жизни крестьянина: «Вообще редко, очень редко польский крестьянин позволяет себе роскошь в виде куска мяса, обновки в одежде и т. п. Круглый год он питается картофелем, позволяя себе роскошь в пище только во время летних работ, но даже и тогда пища его состоит из того же картофеля, сдобренного лишь молочными продуктами или свиным жиром. Исключение в этом отношении делается для больших годовых праздников и семейных торжеств, когда на столе польского крестьянина появляется мясо. Во все остальное время даже ржаной хлеб считается лакомством»⁴. Газета «Заране» так характеризовала обычное для крестьян питание: «Люди живут только со дня на день, довольные, если у них есть самая грубая и простая пища, не столько насыщающая и прибавляющая сил, сколько забивающая желудок, и то часто только, чтобы как-нибудь перетерпеть, заглушить голод... Картофель и капуста, не всегда даже галушки — вот единственная пища наших крестьян... Крестьянин наш в среднем съедает в год по 10 фунтов мяса и солонины, тогда как английский крестьянин — 125 фунтов»⁵. Самым тяжелым временем для крестьянина была ранняя весна, когда кончались все запасы, сделанные из прежнего урожая. «Газета Радомска» сообщала, что крестьяне в Опочненском уезде Радомской губ. сажают картофель очень рано, так как боятся, что иначе съедят весь семенной картофель до урожая⁶. Но если в обычное время характерным для крестьянина было полуголодное существование, то в неурожайные годы он был обречен на голод в полном смысле слова. По признанию царской администрации, дожди и наводнения в 1903 г. и жестокая засуха в 1904 г. сильно «подорвали благосостояние сельского люда»⁷. Особенно тяжело отразился на деревне неурожай картофеля. Как сообщала в 1905 г. газета «Зоржа», около Хенчина Келецкой губ. «есть хаты, где картофель появляется лишь в праздники, а хлеба купить не на что...»⁸, в окрестностях Петрокова целые деревни «не имеют чем засеять и засадить поля»⁹, «люди едят один раз в день»¹⁰. Чтобы спастись от голодной смерти, крестьяне принуждены были употреблять в пищу почти несъедобные продукты, вроде хлеба, наполовину состоящего из древесной коры¹¹.

Однако голод был не единственной бедой крестьян. Не меньше страдали они от холода, тесноты, болезней. Причиной этого были невыноси-

¹ „Gazeta polska“, 5. III 1906.

² „Rolnik polski“, 12. XII 1907.

³ И. Лопатин и П. Лопатин. Указ. соч., стр. 3.

⁴ В. И. Храневич. Очерки экономического быта крестьянства в Царстве Польском. СПб., 1906, стр. 45, 116.

⁵ „Zaranie“, 12. XII 1907.

⁶ „Gazeta Radomska“, 26. III 1905.

⁷ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. I, ч. 44, л. А, лл. 1—3, 4. III 1905 г.

⁸ „Zorza“, 1905, № 6, стр. 141.

⁹ „Zorza“, 1905, № 13, стр. 346.

¹⁰ „Zorza“, 1905, № 16, стр. 421—422.

¹¹ „Echa Płockie i Włocławskie“, 9. II и 21. V 1905.

мые антисанитарные условия, в которых жили крестьяне. Журнал «Хлоп польски» так описывал обычную крестьянскую избу: «Помещение небольшое, низкое, нередко сырое, зимой холодное, с глиняным полом, вместо деревянного, полом, скользким во время слякоти и чрезвычайно холодным в морозную погоду. По углам — картофель, в бочке — капуста, на насесте — куры, на печи спят дети, за печкой на разном тряпье и овчине лежит старик, а кроме того, в избе ночует еще несколько человек взрослых — 2—3 супружеские пары. Иногда в небольшом помещении постоянно находится 9—12 человек»¹. Неудивительно, что, живя в таких условиях, крестьянин опускался «до уровня скота, терял человеческое достоинство, забывал о лучших человеческих чувствах. «Даже когда люди соединяются в брачном союзе, — писал «Загон», — редко присутствует чувство. Это продажа дочери и сына, — кто даст больше?»². О том же свидетельствовали дикие ссоры и драки в деревне, зверские расправы с ворами и конокрадами и страшное пьянство крестьян. По подсчетам «Рольника польского», народ ежегодно пропивал 32 млн. рублей³, чем приносил большой доход царскому правительству.

Крайняя темнота и невежество были обычным явлением в крестьянской среде. Лишь отдельные крестьяне, вроде авторов приводимых выше писем, умели связно, логично и грамотно излагать свои мысли, обладали более широким кругом понятий, выражений. Остальная крестьянская масса была, как правило, малограмотной и отсталой. Единственный путь, способный открыть бедняку дорогу к образованию, журнал «Рольник польски» видел в добровольных пожертвованиях, к которым он призывал своих читателей⁴.

Все это являлось следствием развития капиталистических отношений в деревне, следствием экономического разорения и обнищания трудящихся масс крестьянства, следствием жестокой эксплуатации его со стороны польской буржуазно-помещичьей верхушки и русского царизма. Нищета и разорение в деревне породили такие явления, как эмиграция и отходничество.

Массовая эмиграция из Королевства Польского началась еще в конце XIX в. Сотни тысяч людей уезжали в Америку, Австралию, Данию и другие страны. В начале XX в. главным местом переселения стала Германия. Эмигранты надеялись получить там постоянную работу, лучше оплачиваемую. В 1900 г. туда выехало 100 тыс. человек⁵. Кроме того, не прекращалось переселение в Данию, Америку, внутренние районы России. В 1903 г. общее число эмигрантов составило 150 265 человек, в 1904 г. — 149 081⁶, а в 1905—г. — 200 тыс. человек⁷. «Рольник польски» писал в 1907 г.: «каждый день в конторы прибывают сотни людей из провинций Царства Польского, которые эмигрируют в Америку, а многие из них — также в Австралию и Африку»⁸. Большинство переселенцев уезжало из деревень, так что сельская эмиграция превосходила городскую более чем в 4 раза⁹. По данным угодовского журнала «Край», в 1905 г. из каждой деревни уходило по несколько человек¹⁰. Данные Варшавского Статистического Комитета показывают, что большую часть эмигрантов составляли

¹ „Chłop polski“, 1907, № 6, str. 55.

² „Zagon“, 11. V 1907.

³ „Rolnik polski“, 6. XI 1907.

⁴ „Rolnik polski“, 2. VII 1907.

⁵ J. Rutkowski. Op. cit., str. 238.

⁶ В. И. Храневич. Указ. соч., стр. 83.

⁷ J. Rutkowski. Op. cit., str. 238.

⁸ „Rolnik polski“, 8. VI 1907.

⁹ „Труды...“, вып. 22, 1906. Приложение, стр. 43.

¹⁰ „Kraj“, 1905, № 6, str. 16.

безземельные крестьяне (52% всех переселенцев в 1908 г.)¹. Помимо эмиграции, сильно распространен был временный выход на работу за границу. В 1903 г. таких отходников было 138 915 человек, в 1904 г. — 141 163², а в 1908 г. — уже 268 446 человек³.

Эмиграция и отходничество наносили удар помещичьим хозяйствам, так как лишали их рабочих рук. Шляхта обвиняла крестьян в лени, в «желании улучшить свое положение без труда»⁴. В ряде местностей паны принимали крутые меры: так, в Гощерадовском уезде Люблинской губ. местные помещики пригрозили, что не станут продавать зимой хлеб тем крестьянам, которые не работали у них летом, а ушли в Германию⁵. Правительство также было обеспокоено большим размахом выезда из Королевства Польского. В 1905 г. министерство внутренних дел обратило на это внимание местных властей и предложило им предостерегать крестьян против эмиграции⁶. С целью задержать выход крестьян власти в Варшавской и Ломжинской губерниях решили искусственно насаждать и поддерживать мелкий деревенский промысел⁷. Однако, как признавал Варшавский Статистический Комитет, главными причинами эмиграции являлись «чрезмерная густота или плотность населения и меньшая доступность поземельной собственности для крестьян, вследствие значительного сосредоточения ее в руках поместного сословия»⁸. Эти причины царское правительство не могло уничтожить. Поэтому те жалкие меры, которые оно принимало, не могли сыграть для крестьянства никакой положительной роли. Крестьяне продолжали эмигрировать, целые семьи снимались с места, распродав все свое имущество. Нередко это приводило к печальным последствиям: крестьянин возвращался окончательно разоренным и становился батраком. Так эмиграция и отходничество, в которых искало выход польское крестьянство, сами превращались в фактор дальнейшего «раскрестьянивания» сельской бедноты.

Не менее плачевные результаты имели и все другие попытки крестьян выбиться из нужды. Одной из таких попыток было стремление использовать кредит. Крестьянин очень часто испытывал нужду в денежных средствах: деньги нужны были для покупки земли, скота, леса, кормов, необходимых промышленных продуктов, деньги нужны были для уплаты налогов и податей, для откупа наследства у родственников, для подарка попу, для взятки администрации. Но достать деньги в деревне было очень трудно. Для этого приходилось идти к помещику или кулаку в вечную кабалу. Деревенские ростовщики были самыми жестокими хищниками этой породы, журнал «Край» так писал о них: «Ростовщичество в деревне носит особый характер... Оно гораздо страшнее городского ростовщичество... В деревне ростовщические проценты часто уплачиваются плодами земли...»⁹. Именно эта необходимость в наличных деньгах и стремление избежать кабальных долгов толкали крестьян к использованию тех возможностей, которые предоставляли появившиеся в конце XIX в. кредитные учреждения. Эти учреждения являлись одной из форм проникновения капитала в деревню.

¹ «Труды...», вып. 39. «Эмиграция и выселение». 1910, стр. 8.

² «Труды...», вып. 22, 1906, Приложение, стр. 9.

³ «Rocznik statystyczny Królestwa Polskiego z uwzględnieniem innych ziem polskich. (Rok 1915)», Warszawa, 1916, str. 50.

⁴ L. Górski. Wybór pism. Warszawa, 1908, str. 761—762.

⁵ «Gazeta polska», 1. V 1907.

⁶ «Kraj», 1905, № 18, str. 24.

⁷ «Kraj», 1905, № 38, str. 22.

⁸ «Труды...», вып. 19, 1902—1903, стр. 1.

⁹ «Kraj», 1905, № 36, str. 6.

К таким учреждениям прежде всего следует отнести кредитные товарищества; созданные в конце XIX—начале XX в., они имели целью обеспечить средства для механизации сельского хозяйства, мелиорации почвы. В 1903 г. таких обществ было 13 с капиталом в 0,07 млн. руб.¹ Однако эти товарищества в первую очередь преследовали интересы крупных собственников: они давали ссуды хозяйствам размером не менее 45 дес. или же кулацким хозяйствам, купленным и сведенным в один отруб². Мелкие собственники, особенно малоземельные и безземельные крестьяне ни в какой мере не могли рассчитывать на их помощь.

Более широкий охват был характерен для деятельности Крестьянского банка. Посредничеством банка воспользовалось большое число крестьян. В 1900 г. ссуды получило 8699 хозяйств³, а в 1904 г. — 8828 хозяйств на общую сумму 6 280 650 руб.⁴ Особенно много ссуд было выдано безземельным, которым банк одалживал 90% суммы покупной стоимости. В 1900 г. из 8699 хозяйств, получивших ссуды, безземельных было 4040 (47%), а безлошадных — 2380 (27%)⁵. Однако эти сделки были скорее выгодны не безземельной бедноте, а помещикам, распродававшим свои имения. Так, в 1907 г. в Радомской губ. банк купил около 72 дес. за 19 960 руб. для 19 безземельных хозяйств, т. е. приблизительно уплатил по 277 руб. за 1 дес., что являлось бешеной ценой для того времени. Если предположить, что каждый из 19 бедняков получал по 3,8 дес., то понятно, что стоимость его участка достигала 10 488 руб. Естественно, что нищий крестьянин не мог выплатить такую сумму, и банк вносил за него большую часть (9950 рублей)⁶. Но в дальнейшем жизнь такого покупателя превращалась в сплошное мучение: обремененный нуждами, связанными с обустройством хозяйства, он не мог погасить в срок задолженность Крестьянскому банку и, растеряв последние силы и средства, продав избу и скотину⁷, в конце концов лишался земли. Общий процент задолженности крестьян банку в Королевстве Польском был наиболее высоким во всей империи и достигал в 1905 г. 31,6⁸.

О горькой участи крестьян-должников рассказывала газета «Заране» в 1907 г.: «Самая большая нужда господствует среди тех несчастных, которые бросились покупать землю при помощи Крестьянского банка. С течением времени из-за нужды они становятся похожи на зверей; от нужды дичают и они, и их дети. Не новость, что такой должник зимой ютится с детьми в овине и для тепла зарывается в солому! О человеческой жизни такой должник не знает... Все они в целом задолжали по взносам в банк на 5 млн. рублей, и деньги эти банк должен взыскать принудительным образом... В некоторых товариществах покупатели не платили взносов по 6 и более лет. И где же такому выплатить вдруг все разом? Намучился такой бедняга вместе с семьей за несколько лет, думал, что отработает, а все больше увязал в болоте и сегодня видит перед глазами нищенскую суму или бегство на край света, в Америку, в Германию...»⁹. Таким образом, пользование кредитом Крестьянского банка не дало бедным крестьянам ничего, кроме горя, нищеты и окончательного разорения.

¹ J. Rutkowski. Op. cit., str. 349—350, 360.

² В. И. Храневич. Указ. соч., стр. 60—61.

³ J. Jeziorański. Op. cit., str. X.

⁴ „Rolnik polski“, 21. IX 1907.

⁵ J. Jeziorański. Op. cit., str. X.

⁶ „Głos ludu“, 10. I 1907.

⁷ „Zaranie“, 12. XII 1907.

⁸ „Gazeta rolnicza“, 28. V 1905.

⁹ „Zaranie“, 12. XII 1907.

Не больше пользы принесло им и кооперативное движение. В начале XX в. это движение было еще очень слабым, организация различных сельскохозяйственных кружков, обществ, объединений сталкивалась с сопротивлением царского правительства. Тем не менее, такие кооперативы создавались, они занимались вопросами сельскохозяйственной культуры, устройства кредита, парцелляции, сбыта продукции, закупок товаров и т. п. Резкий толчок к усилению движения дал закон 4 марта 1906 г., разрешивший создание кооперативов. Если в 1902 г. в Королевстве Польском было всего 44 кооператива, то в 1906 г. их было уже 670¹. Наиболее активны в этом отношении были Петроковская, Варшавская и Люблинская губернии².

Кооперативное движение, так же как и создание кредитных учреждений, было явлением, вызванным развитием капитализма. Оно отражало, с одной стороны, стремление крупных капиталистических хозяев извлечь максимум прибыли, используя кооперацию, с другой — стремление мелких производителей защитить себя сообщая от конкуренции крупного капиталистического производства. В соответствии с этим кооперативное движение было разнородным и сами формы кооперации различались между собой.

Определенную группу составляли торгово-земледельческие союзы (синдикаты). В них входили только крупные землевладельцы, ведущие хозяйство на широкой капиталистической основе, заинтересованные в выгодной покупке новейших сельскохозяйственных машин и орудий и выгодном сбыте хлеба и других продуктов сельского хозяйства. Эти синдикаты были крупными капиталистическими предприятиями, рассчитанными на получение прибыли. В 1908 г. их было 17, в них входило 3 тыс. членов; годовой оборот составлял 5,5 млн. руб.³

Другой крупной группой были молочные производственные кооперативы, или союзы молочников. Они стали создаваться с 1901 г., а в 1903 г. для руководства ими была выделена «Комиссия сотрудничества»⁴. В 1904 г. возникло Варшавское молочное товарищество, которое сделалось с 1906 г. крупнейшим экспортером сметаны и масла в Германию⁵. Эти молочные кооперативы также объединяли крупных хозяев и преследовали цели капиталистической наживы. Только с 1909 г. союзы молочников стали создаваться и более мелкими хозяевами.

Сельскохозяйственные кооперативы, относящиеся к третьему типу, представляли собой более массовые организации. Они создавались средними и мелкими крестьянами, которые стремились сократить издержки по закупке и сбыту. Формой таких кредитных кооперативов были ссудо-сберегательные кассы, дававшие в долг из 4—6% годовых⁶. Формой торгово-земледельческих кооперативов явились земледельческие кружки и общества. Целью их в основном была пропаганда технических и агротехнических знаний, а также помощь в покупке орудий, семян и т. п. Первое земледельческое общество «Зорька» было создано в 1903 г. в Меховском уезде⁷, а в дальнейшем движение стало быстро расти, начали создаваться окружные земледельческие общества. Число земледельческих кружков, которых в 1906 г. было 300⁸, возросло в 1907 г. до 600⁹. В этом году 38 окруж-

¹ Z. Daszyńska-Galińska. Op. cit., str. 175.

² Там же, стр. 176.

³ J. Rutkowski. Op. cit., str. 329.

⁴ Там же, стр. 407.

⁵ Z. Daszyńska-Galińska. Op. cit., str. 96.

⁶ W. Grabski. Społeczne gospodarstwo agrarne. Warszawa, 1951, str. 416.

⁷ Там же, стр. 420.

⁸ „Zagon“, 15. XII 1906.

⁹ St. Lubicz. Sprawa włościańska w Polsce porozbiorowej. Kraków, 1909, str. 324.

ных земледельческих обществ и часть земледельческих кружков объединились в Центральное Земледельческое Товарищество¹.

Помещики, кулаки и более зажиточные крестьяне, захватившие руководство в кооперативах, всеми средствами старались не допустить в земледельческие общества безземельных и малоземельных. Граф Мошинский, требуя приема в общество только таких членов, которые имеют возможность платить ежегодный взнос в 5 руб., писал: «Малоземельные и безземельные, у которых не хватает на пятерку в год, настолько же редко бывают способными к серьезной, положительной умственной работе, насколько они упорны в отрицании, а прежде всего они очень чувствительны в отношении всяких напештываний, угрожающих их врожденному чувству алчности или желанию легкой жизни. . . Земледельческое большинство, должно быть прежде всего объединением наиболее имущих, а не всех членов земледельческой профессии. Только таким путем, т. е. путем допущения к участию в обществе исключительно крупной и средней собственности, независимо от того шляхетская она или крестьянская, только при помощи наиболее подходящих элементов можно, в известной мере, достичь возможности представлять во вне земледелие всего края. Безземельные должны быть исключены уже по тому соображению, что они не имеют необходимой независимости голоса, малоземельные же обладают преимущественно только фикцией самостоятельности. . . »². Это откровенное заявление лишний раз подтверждало, что в условиях капитализма кооперация превращалась в средство наживы для крупных собственников, мелких же производителей она только обманывала радужными перспективами, закрывая от них подлинный путь к улучшению их жизни. Настоящий выход мог быть найден лишь путем радикального аграрного переворота, путем ликвидации крупного помещичьего землевладения и передачи земли в руки деревенской бедноты.

Наиболее активным и решительным элементом в польской деревне был сельскохозяйственный пролетариат. К сельскохозяйственному пролетариату принадлежали все крестьяне, вынужденные продавать свой труд. Наличие клочка земли у таких крестьян не имело существенного значения, так как они не могли прокормиться со своего хозяйства без продажи своей рабочей силы. Число таких пролетариев в 1905 г. составляло 1 млн.³, а в 1906 г. — уже 2 млн. человек⁴.

Сельскохозяйственные рабочие делились на постоянных и непостоянных. К постоянным рабочим принадлежали так называемые столовники, ординарии и коморники, к непостоянным — поденщики и сезонные рабочие. В начале XX в. на 100 постоянных рабочих приходилось 28 непостоянных, а из 100 постоянных было 9 столовников, 53 ординария, 33 «посылки» и 5 коморников⁵.

Столовники за работу у помещика или кулака получали определенную годовую плату, питание и помещение. По данным Мархлевского, годовая плата такого столовника-парня колебалась между 28 и 43 рублями, причем самая высокая плата была в Ломжинской губ., самая низкая — в Келецкой губ. Девушке-столовнице платили 21—35,5 руб., больше всего — в Варшавской губ., меньше всего — в Келецкой губ.⁶ Подросток обычно получал

¹ J. Rutkowski. Op. cit., str. 278.

² „Gazeta Radomska“, 17. VIII 1905.

³ А. В. Шестаков. Борьба сельских рабочих в революции 1905 г. М.—Л., 1930, стр. 59.

⁴ Терешкович. Польша и поляки, М., 1906, стр. 52.

⁵ J. Rutkowski. Op. cit., str. 296.

⁶ J. Marchlewski. Pisma . . . , str. 631.

15—28 руб. в год¹. В качестве питания столовнику полагалось в неделю 8—15 фунт. хлеба, 6—10 фунт. муки и каши, 4—15 кварт. молока, 0,5—1 фунт. приправы, 0,75—1 фунт. мяса и 3—8 гарнцев картофеля².

Самую крупную группу батраков составляли ординарии. На примере этой группы особенно ясно видно, что, несмотря на более четко выраженную в Королевстве Польском капиталистическую форму применения наемного труда, в польских имениях практиковались и формы полуфеодальной эксплуатации. Кроме жилья и топлива, кроме годовой платы деньгами (от 16 руб. в Келецкой губ. до 27 руб. в Плоцкой губ.) и натурой (10—13 корцев пшеницы, жита, ячменя и гороха)³, ординарий получал клочок земли под огород в 0,4—0,8 морга⁴ и право содержать от 1 до 4 коров на панском корме⁵. Таким путем хозяева фольварков пытались привязать рабочего к земле, обеспечить себе возможность постоянной его эксплуатации. А эксплуатация эта была налицо: по подсчетам Мархлевского, все расходы на содержание ординария обходились помещику в 151,59 руб. в год, т. е. 48,9 коп. в день⁶. Между тем, за эту жалкую плату ординарий должен был выполнять любую порученную ему работу и являться с семьей по первому вызову хозяина. Особенно тяжела была обязанность содержать «посылку», т. е. выставлять еще дополнительно одного или двух работников. Обычно в качестве «посылки» фигурировали дети ординария, поэтому большей частью на ординарии сидели семейные люди. Но, если у крестьянина из своих домохозяев некого было послать работать, он принужден был из собственных средств нанимать «посылку». Содержание такого работника обходилось ему очень дорого, так как плата, которую он получал от хозяина за «посылку», была чрезвычайно низкой. Так, за юношу полагалось зимой 10—18 коп. в день, летом — 15—25 коп., осенью — 30—35 коп.; за девушку платили зимой 10—15 коп., летом — 15—20 коп., осенью — 20—30 коп.; за подростка зимой — 7,5—10 коп., летом — 10—15 коп., осенью — 10—20 коп.⁷ В то же время наемные рабочие со стороны получали гораздо больше. «Разве это не самая настоящая барщина?» — с возмущением писала в 1906 г. социал-демократическая брошюра «Что должен делать сельский люд?»⁸. Действительно, «посылка» была формой, при помощи которой хозяевам удавалось за жалкие подачки обеспечивать себе почти даровую рабочую силу. Естественно, что они крепко держались за эту форму эксплуатации. Журнал «Экономиста» отмечал невыгодность для владельца имения ординария без «посылки» и считал, что «отсутствие «посылки» должно являться исключением в пользу тех служащих, которые не в состоянии давать «посылку» и заслуживают особой привилегии»⁹. Стараясь сохранить за собой использование дарового работника, помещики давали небольшие льготы ординариям с «посылкой». Так, ординарии с бесплатной «посылкой» получали 13—17 корцев зерна, ординарии с платной «посылкой» — 10—13 корцев, а ординарии без «посылки» — всего 8—10 корцев зерна¹⁰. Несмотря на все это, уничтожение института «посылок» как проявления барщины было единодушным желанием и требованием ординариев.

¹ J. Rutkowski. Op. cit., str. 289.

² Там же.

³ J. Marchlewski. Pisma..., str. 638.

⁴ Там же, стр. 639.

⁵ J. Rutkowski. Op. cit., str. 290.

⁶ J. Marchlewski. Pisma..., str. 641.

⁷ Там же, стр. 633—635.

⁸ SDKPiL. Co ma czynić..., str. 5.

⁹ W. Grabski. Reformy w stosunkach służboworobotniczych, „Ekonomista“, 1906, z. I, str. 114.

¹⁰ J. Rutkowski. Op. cit., str. 290.

Коморники получали жилье, огород и пашню и за это должны были работать даром определенное число дней в году. Остальные рабочие дни оплачивались им по низкой цене — от 35 коп. (Седлецкая, Келецкая губ.) до 40 коп. (Плоцкая, Калишская губ.). Общая сумма их годового заработка деньгами и натурой колебалась от 100 руб. (в Радомской губ.) до 117 руб. (в Калишской губ.)¹. Коморники составляли менее многочисленную группу, чем ординарии, но также чрезвычайно страдали от полуфеодальных методов эксплуатации.

Непостоянные сельскохозяйственные рабочие — поденщики и сезонные рабочие — оплачивались поденно. Поденщики, нанимавшиеся на своих харчах, получали в среднем в день: мужчина — 34 коп., женщина — 24 коп.²; сезонные рабочие получали в день: мужчина — 30—35 коп., женщина — 20—30 коп. или же сажались на недельную ординарию, состоявшую из 4—7 гарнцев картофеля, 6—13 фунт. каши и муки, 0,75—1 кварт молока, 7—15 фунт. хлеба, 0,25—1 фунт приправы и 0,5—1 фунт мяса³.

Кроме всех этих форм наемного труда, в польской деревне существовала еще и особая форма в виде «отработков». Мархлевский так писал о ней: «Отработки! Вот чудодейственное средство, которое понижает заработную плату. Крестьянин берет за «отработок» не только дворовое пастбище; нужно дерева или торфа на топливо, нужно хлеба накануне нового урожая, нужно зерно для сева — все это берет крестьянин в усадьбе за «отработок», так как у него нет другого выхода. Он является вечным должником двора, а долг выплачивает своей рабочей силой, за которую получает меньше, чем независимый работник»⁴. Средняя дневная плата за такие «отработки» составляла в копейках⁵:

	В жатву	В период полевых работ	Зимой
Мужчины	37—50	27,5—31	21,1—23
Женщины	28,5—32	21,3—22	15—16

Наличие «отработков» в польской деревне также указывало на то, что, несмотря на сильное развитие капитализма в сельском хозяйстве, старые крепостнические формы и методы эксплуатации не были совершенно уничтожены. Это переплетение капиталистического гнета с гнетом феодальных пережитков особенно ухудшало положение сельскохозяйственного пролетариата в Королевстве Польском.

«Горька доля наемного работника», — писала газета «Загон» в 1907 г.⁶, и это не было пустой фразой. Батрак работал по 14 час. в сутки⁷, а то и «от ночи до ночи»⁸, работал «столько, сколько пан прикажет, ... как скот»⁹, а получал за свою работу гроши. Заработная плата польского сельскохозяйственного рабочего была в 3 раза меньше, чем во Франции, в 2 раза меньше, чем в Германии, и даже в 1,5 раза меньше, чем в России¹⁰. Сельскохозяйственный батрак получал мизерную плату даже по сравнению с польским фабричным рабочим¹¹. Его дневное содержание

¹ J. Marchlewski. Pisma..., str. 646.

² „Труды...“, вып. 20, 1904, стр. 68—69.

³ J. Rutkowski. Op. cit., str. 293.

⁴ J. Marchlewski. Pisma..., str. 647.

⁵ Там же.

⁶ „Zagon“, 16. II 1907.

⁷ „Zagon“, 26. I 1907.

⁸ „Zagon“, 23. III 1907.

⁹ SDKPiL. Co ma czynić..., str. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 4—5.

стоило меньше, чем содержание лошади¹. Но даже и эту нищенскую плату сельскохозяйственные рабочие получали нерегулярно, как это было в фольварках Томашевского и Грубешовского уездов Люблинской губ.² Поэтому, несмотря на тяжелый труд, они влачили полуголодное существование. Как отмечал «Червоны штандар», в результате постоянного недоедания «деревенские рабочие становятся жертвой эпидемических заболеваний»³. Этому способствовали и те ужасные жилищные условия, в которых находился сельскохозяйственный пролетариат.

Бесплатная медицинская помощь была несбыточной мечтой батрака. «В случае болезни... — писала социал-демократическая брошюра, — больной может умереть, как собака»⁴. Образование было недоступно батраку, бесплатных школ было очень мало. Перед сельскохозяйственным пролетариатом стояла страшная неизвестность, вызывающая вечную тревогу и неуверенность в завтрашнем дне. «Под старость или в случае несчастья сельскому работнику не остается ничего другого, как идти на паперть с нищенской сумой»⁵, — с горечью писала та же брошюра.

Тяжелое положение сельскохозяйственных рабочих, «голод и нужда, поистине собачья жизнь»⁶ обращали на себя общественное внимание. Даже царские власти в своих официальных донесениях должны были признать, что «положение рабочих у многих помещиков очень плохо»⁷ и что «труд их, действительно, плохо оплачивается»⁸. Однако на хозяев фольварков это не производило ни малейшего впечатления. Буржуазный журнал «Экономиста» был вынужден заявить, что «равнодушие помещиков в вопросе об улучшении жизни сельских рабочих, является... фактом, не поддающимся опровержению»⁹.

Понятно, что при таких условиях среди сельскохозяйственного пролетариата росло недовольство и стремление избавиться от эксплуатации. Именно в связи с этим в начале XX в. в Королевстве Польском наблюдалось движение сельскохозяйственных рабочих из деревни в город, особенно из районов, расположенных вблизи от крупных промышленных центров. Так, в январе 1905 г. газета «Курьер польски» сообщала, что сельскохозяйственные рабочие Блонского уезда Варшавской губ. массами покидали деревню и уходили в Варшаву¹⁰. Это было чрезвычайно невыгодно помещикам, которые оставались без рабочих рук или должны были доставлять работников из отдаленных деревень¹¹. Они кричали о неблагодарности и глупости батраков, которые отказывались якобы от «легкой» и «приятной» работы, уходили от «готового» куска хлеба¹². Стараясь заручиться дешевой рабочей силой, шляхта использовала ширму благотворительных обществ для вербовки армии сельскохозяйственного пролетариата. Специальные отделы Варшавского благотворительного общества в январе—феврале 1905 г. неоднократно обращались в печати ко всем безработным, знакомым с сельским хозяйством, призывая их выехать в деревню для работы на фольварках помещиков¹³. Обществу удалось сколотить несколько партий

¹ J. Marchlewski. Pisma..., str. 632.

² „Tydzień Piotrkowski“, 29. VII 1906.

³ „Czerwony sztandar“, 15. III 1906.

⁴ SDKPiL. Co ma czynić..., str. 6—7.

⁵ Там же.

⁶ „Robotnik“, 29. X 1901.

⁷ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г. д. 700, ч. 36, л. 9.

⁸ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г. д. I, ч. 45, л. Б, лл. 5—7а, 7. III 1905 г.

⁹ „Ekonomista“, 1901, z. 1, str. 181.

¹⁰ „Kurier polski“, 11. I 1905.

¹¹ Там же.

¹² J. Ryx. Przyczynek do kwestii stosunków robotniczych. Warszawa, 1900, str. 13.

¹³ „Kurier Warszawski“, 26. I 1905 г., Dodatek poranny.

рабочих для отправки и заключить с ними контракты¹. Однако в целом эта политика «благотворительности», являвшаяся, в сущности, благотворительной по отношению к помещикам, потерпела провал: большинство рабочих попрежнему уходило из деревни. Чтобы заменить недостающие рабочие руки, многие помещики в Минско-Мазовецком и Радзимином уездах Варшавской губ. вводили сельскохозяйственные машины, что способствовало ускорению дальнейшего развития капитализма в сельском хозяйстве².

Размежевание классовых сил и классовые противоречия в польской деревне в достаточной мере проявлялись уже в начале XX в. «Социальный вопрос в деревне в настоящее время еще не так заострен, как в городе, — писала «Газета польская» в 1906 г., — но и в деревне он уже стоит перед нами. Нужно взглянуть ему в глаза»³. Начало классовой борьбы в деревне, ее объективную необходимость подчеркивал крестьянин Теофил Курчак в газете «Загон»: «Борьба уже идет, и никто не начинал ее, но жизнь, нужда и необходимость принудили к этому беднейших»⁴.

Таким образом, развитие капитализма в сельском хозяйстве Королевства Польского привело в начале XX в. к обострению классовой борьбы в польской деревне, к резкому выделению двух противоположных лагерей.

Капиталистический характер социально-экономических отношений в польской деревне был более четко выражен по сравнению с Россией. Это объяснялось более глубоким укоренением во всей жизни польской деревни буржуазного принципа частной собственности, отсутствием в польской экономике многих из тех феодальных пережитков, которые сохранились в аграрном строе России⁵.

Однако и в Польше такие пережитки оставались.

Чересполосица и малоземелье, сервитуты, сохранение помещичьих латифундий, наличие огромной армии батраков с наделом, попытки помещиков привязать работника к земле путем выделения ему клочка земли, использование «посылки», применение «отработков» и кабальных форм аренды — все это ухудшало и без того тяжелое положение крестьянства и убедительно говорило о необходимости проведения радикальных аграрных преобразований. Это создавало базу для выступлений крестьянства против помещиков, против феодальных пережитков. Особенно остро стоял вопрос об урегулировании сервитутных отношений помещиков с крестьянами. Эти отношения определяли специфику аграрного вопроса в Королевстве Польском и составляли наиболее яркую его сторону. Именно это своеобразие имел в виду В. И. Ленин, когда говорил, о том, что в Польше нет «аграрного вопроса в русском смысле»⁶.

Характерным для польской деревни было также то, что, помимо эксплуатации со стороны имущих классов, польское крестьянство испытывало тяжелый гнет царизма. В ликвидации налогового гнета, административного произвола, правовых стеснений, национальных ограничений и религиозных преследований было заинтересовано все польское крестьянство в целом. Объективно польское крестьянство таило в себе большие революционные возможности и могло явиться движущей силой в буржуазно-демократической революции, преследовавшей цели уничтожения самодержавия и крупного помещичьего землевладения.

¹ „Kurier polski“, 23. II 1905.

² „Gazeta rolnicza“, 28. XII 1907.

³ „Gazeta polska“, 16. I 1906.

⁴ Цит. по книге: Н. Syska. Od „Kmiotka“ do „Zarania“... , str. 200—201.

⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 46.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 177 (курсив наш. — С. Ф.).

Наряду с этим, в связи с большой остротой капиталистических противоречий в польской деревне, классовая борьба сельскохозяйственного пролетариата должна была занять важное место в общем революционном потоке.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯНСТВА И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА (1905)

Канун первой русской революции был отмечен ростом недовольства среди широких народных масс. Тяжелые последствия экономического кризиса 1901—1903 гг., тяготы и расходы, связанные с русско-японской войной, военные неудачи царизма на фронтах — все это толкало массы на активную борьбу против самодержавия, вселяло уверенность в возможности его гибели.

Возбуждение, охватившее всю Россию, проникло и в польскую деревню, в самые отдаленные ее уголки. По воспоминаниям очевидца, «деревня жила отзвуками дальневосточной бури, откуда как раз начали возвращаться солдаты-крестьяне, жила рассказами участников, письмами с поля битвы, глухими надеждами, связанными с разгромом России»¹. Крестьяне связывали создавшуюся обстановку со своими чаяниями и нуждами, в деревнях распространялись самые разнообразные слухи о подготовке указа о передаче крестьянам помещичьих земель², о возвращении земель, переданных крестьянам в 1864 г. «Беспокойство по этому поводу так велико, — писал журнал «Край», — что люди вместо того, чтобы работать, собираются толпами и совещаются, что делать в связи с этим»³.

Особенно напряженная обстановка создавалась в конце 1904 — начале 1905 г. в результате тяжелых военных поражений царизма и революционных выступлений трудящихся по всей стране. Польский пролетариат активно участвовал в той волне протестов и стачек, которую вызвали кровавые события 9 января 1905 г. Из городов революционный подъем быстро распространялся на деревню, деревня вооружалась. «Все, окрестное население почти поголовно вооружено и имеет револьверы и кинжалы»⁴, — сообщал начальник Люблинского ГЖУ (губернского жандармского управления) в своем донесении от 12 мая 1905 г. В такой накаленной атмосфере достаточно было искры для того, чтобы вспыхнули крестьянские волнения.

Наиболее тесно связанными с революционными событиями в стране явились в польской деревне выступления сельскохозяйственных рабочих, начавшиеся непосредственно вслед за событиями «Кровавого воскресенья». Сама форма этих выступлений (стачки) отражала прямое влияние революционной борьбы промышленного пролетариата Польши и России.

Уже в 20-х числах февраля возникли первые забастовки батраков в Варшавской и Люблинской губерниях. В марте—апреле 1905 г. стачечное движение перекинулось в соседние Седлецкую, Калишскую, Келецкую, Плоцкую и Радомскую губернии. Летом забастовки распространились на Сувальскую и Ломжинскую губернии.

В забастовочном движении приняли участие самые широкие массы батраков. Большей частью это были поденщики и фольварочная служба, нередко бастовали и коморники (имение Бялобжеги Плоцкой губ.)⁵. Тре-

¹ M. Sokolnicki. Czternaście lat. Warszawa, 1936, str. 171.

² „Kraj“, 1905, № 15, str. 14.

³ „Kraj“, 1905, № 10, str. 23.

⁴ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., л. 9, ч. 20, лл. 20—21.

⁵ „Kraj“, 1905, № 26, str. 18.

бования, выдвигавшиеся бастующими, были большей частью экономическими. Рабочие прежде всего требовали повышения заработной платы. Так, в Пулавском уезде Люблинской губ. ординарии, получавшие 14—20 руб. и 13 корцев зерна в год, ставили условием выплату им 30 руб. и 16 корцев¹. А в некоторых имениях Люблинского уезда Люблинской губ. в марте 1905 г. стачечники заявляли о своем желании получать 60 руб. деньгами и 20 корцев натурой². Коморники требовали повышения платы от 15 до 20 коп. в день. Именно такое условие поставили коморники в немецкой колонии Бялобжеги Плоцкой губ. во время июньской стачки 1905 г.³

Кроме повышения денежной и натуральной оплаты, ординарии и коморники требовали увеличения площади, предоставляемой им под огород. Так, те же коморники в Бялобжегах настаивали на увеличении участков на 0,25 морга⁴. Как правило, фольварочная служба старалась добиться от хозяев права держать двух коров на хозяйском содержании⁵, требовала лучшего корма для них⁶. Часто ставился вопрос о разрешении собирать ветки в господских заповедниках⁷.

Особенно большое значение имел протест батраков против такого пережитка барщины, как «посылка». Уничтожение «посылки» или ее облегчение было единодушным желанием и требованием почти всех забастовщиков. Иногда рабочие требовали повышения платы за «посылку», как это было в Пулавском уезде Люблинской губ.⁸

Несмотря на то, что экономические пункты были основными в требованиях бастующих, тем не менее они не исчерпывали условий, предъявляемых батраками. Сельскохозяйственные рабочие выступали против грубостей, побоев и издевательств со стороны администрации, против произвольного штрафования их хозяевами. В Седлецкой губ., например, бастующие потребовали возвращения удержанных денег⁹.

Сама форма стачки в польской деревне была необычной.

Предъявляя администрации определенные требования, рабочие одновременно прекращали работу. «Люди целыми толпами покидают поля», — писали в апреле 1905 г. «Эха Плоцке и Влоцлавске»¹⁰. Но этим не исчерпывались действия бастующих: они шли в соседние фольварки и имения, поднимая на стачку местных рабочих. Создавались огромные толпы, переходившие из гмины в гмину, из уезда в уезд. Так, по сообщению помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части, в марте 1905 г. по Луковскому, Радзинскому и Гарволинскому уездам Седлецкой губ. ходили группы в 150—200 человек¹¹, а иногда — и в 500—600 человек¹². В большинстве случаев бастующих встречал радушный прием со стороны местной фольварочной службы. «Ни в одном имении рабочие не противились прекращению работы, но тотчас же присоединялись к бастующим», — сообщала газета «З поля вальки» о стачках в Люблинской губ.¹³ В продолжение всего времени стачки рабочие заставляли пана кормить

¹ „Z pola walki“, 29. III 1905.

² ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 3, лл. 33—34, 16. III 1905 г.

³ „Echa Płockie i Włocławskie“, 22. VI 1905.

⁴ Там же.

⁵ „Z pola walki“, 29. III 1905.

⁶ SDKPiL. Co ma czynić... str. 7—8.

⁷ „Kraj“, 1905, № 10, str. 14.

⁸ „Z pola walki“, 29. III 1905.

⁹ „Gazeta rolnicza“, 11. III 1905.

¹⁰ „Echa Płockie i Włocławskie“, 27. IV. 1905.

¹¹ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 3, л. 35, 17. III 1905 г.

¹² „Kraj“, 1905, № 12, str. 19.

¹³ „Z pola walki“, 29. III 1905.

забастовщиков или выдавать на содержание каждого по 10—30 коп.¹ Нередко бастующие брали с хозяина деньги и за разрешение нескольким батракам ухаживать за скотом². По утверждению журнала «Край», некоторые помещики выплатили стачечникам сотни рублей³.

Во время стачек рабочие проявляли сдержанность и организованность⁴. Однако это не исключало возможности активных действий со стороны бастующих. Так, весной 1905 г. батраки Люблинского уезда силой выпрягали лошадей, запирали ворота имений⁵, в ряде мест бастующие насильно уводили с собой помещиков и фольварочную администрацию⁶. Почти повсеместно батраки являлись на фольварк с палками, ружьями, револьверами⁷. 9 марта 1905 г. власти арестовали сельскохозяйственных рабочих, «делавших насилия над помещиками с оружием в руках», как писал в своем донесении начальник Калишского ГЖУ (губернского жандармского управления)⁸. Рабочие не скупились на угрозы и насмешки. «Японцам на войну деньги посылать могли, только для нас у вас нет!»⁹ — возмущались бастующие в Люблинской губ. В Липновском уезде Плоцкой губ. носились слухи о намерении батраков поджигать фольварки¹⁰. Помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части 4 марта 1905 г. сообщал, что бастующие грозят панам смертью¹¹. В имении Ветшеховице Варшавской губ. батраки избили помещика Беммера, не пускавшего стачечников на фольварк¹². Побоями грозили рабочие и пану Хацевичу — владельцу имения Залесье Седлецкой губ.¹³ Бастующие нередко избивали господских служащих¹⁴, иногда убивали особенно ненавистных из них¹⁵. Убийства помещиков также были большей частью актом мести и ненависти отдельных рабочих или толпы. Известен случай, когда в порыве гнева Франтишек Раковский из деревни Мантыки Рыпинского уезда Плоцкой губ. убил пана Подгурского вилами¹⁶.

Все эти факты говорили о ярком проявлении классового антагонизма между сельскохозяйственным пролетариатом и крупными собственниками. Это было ясно и самим господствующим классам. Эндековский орган «Пшегленд вшепольски» писал весной 1905 г.: «Экономические лозунги, которые сопутствуют этим волнениям, не имеют ничего общего с конституцией и направлены не против правительства, а против имущих классов»¹⁷.

Вместе с батраками иногда выступали фабричные рабочие. Это вносило в борьбу элемент большей сознательности и решительности. Так, в имении Крыневского Ключковице Люблинской губ. к бастовавшим сельскохозяйственным рабочим присоединились рабочие пивоварни и сахароварни, принадлежавших тому же владельцу¹⁸.

¹ „Gazeta Kielecka“, 23. III 1905; „Kraj“, 1905, № 12, str. 19.

² „Goniec Łódzki“, 2. IV 1905.

³ „Kraj“, 1905, № 12, str. 19.

⁴ SDKPiL. Co ma czynić..., str. 8.

⁵ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 3, лл. 10—11, 5. III 1905 г.

⁶ „Goniec Łódzki“, 2. IV 1905.

⁷ „Goniec Łódzki“, 29. III 1905.

⁸ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 3, л. 5, 13. III 1905.

⁹ „Kraj“, 1905, № 11, str. 19—20.

¹⁰ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 66, л. 1, 22. II 1905 г.

¹¹ Там же, д. 1. ч. 45, л. Б, л. 1.

¹² Там же, д. 2550, ч. 3, л. 34, 16. III 1905 г.

¹³ Там же, лл. 38—39, 29. III 1905 г.

¹⁴ „Goniec Łódzki“, 8. VI 1905.

¹⁵ „Kraj“, 1905, № 11, str. 19—20.

¹⁶ „Kurier polski“, 8. IV 1905.

¹⁷ „Przegląd wszechpolski“, 1905, № 3—4, str. 213.

¹⁸ „Z pola walki“, 29. III 1905.

Движение было мало организованным¹, но отличалось широким размахом и активным характером: большие группы батраков проходили через местечки, и власти не смели остановить их. «Полиция стояла на дорогах беспомощная, бездеятельная, совершенно ни во что не вмешиваясь», — писала газета «З поля вальки»².

Начавшееся мощное движение сельскохозяйственных рабочих вызвало огромную тревогу и растерянность в помещичьих кругах. «Такое положение вещей вызывает в деревне и даже в городах чрезвычайно подавленное состояние»³, — отмечал «Гонец Лодзки» в марте 1905 г. Даже временное прекращение стачек не могло уничтожить «тревогу и опасения» шляхты: «Кончится ли на этом? Вопрос этот не сходит с уст, вопрос этот беспокоит всех, — писала «Газета рольнича», — нет никакой уверенности, что стачки не повторятся»⁴. «Деревня польская неспокойна... в деревнях становится страшно», — так резюмировал свои впечатления корреспондент журнала «Край»⁵.

При таких обстоятельствах помещики боялись оставаться в деревне. «При малейшем слухе о забастовке они удирали в город, ожидая страшного суда над собою»⁶. Некоторые спешили выехать за границу⁷. Летом 1905 г. пустовали все дачи в окрестностях Варшавы, варшавская буржуазия предпочитала пожертвовать задатками, лишь бы не пострадать от «мужицких беспорядков»⁸.

Помещики, оставшиеся в деревне, фольварочная администрация и панские прихвостни при приближении бастующих прятались. Так, в Курове (Люблинской губ.) эконо́м был обнаружен в яслях, кассира из Гарбова нашли в курятнике, а лакея в Броннице вытащили из постели, куда он забился⁹. Часть помещиков стремилась задобрить бастующих¹⁰. Другие за одновременно улучшали положение своих работников¹¹.

В результате весенней стачки батракам удалось добиться известных уступок от хозяев. Так, например, в Варшавской губ. все помещики пошли на соглашение с рабочими¹². «Из-за страха и по принуждению господа дворяне оказали благодеяния рабочим»¹³, — отмечалось в брошюре СДКПиЛ. Только то обстоятельство, что «у панов был нож на горле», заставило их «делаться мягкими, как воск на огне»¹⁴.

Опыт весенних и летних выступлений сельских пролетариев в 1905 г. имел большое значение для пробуждения их активности, для роста их классового сознания, для их политического воспитания. Социал-демократический орган «З поля вальки», анализируя результаты стачечной борьбы батраков в Пулавском уезде Люблинской губ., писал: «Стачки в наших местах не прошли бесследно... Они оказали сильное влияние на крестьянскую массу в отношении воспитания ее и ориентирования на борьбу, они сплотили массу, научили ее дисциплине, будя в ней сознание возможности и необходимости борьбы за лучшие условия жизни. В самых захолустных деревнях

¹ „Z pola walki“, 29. III 1905.

² Там же.

³ „Goniec Łódzki“, 23. III 1905.

⁴ „Gazeta rolnicza“, 11. III 1905.

⁵ „Kraj“, 1905, № 22, str. 14; 1905, № 11, str. 19—20.

⁶ А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 67.

⁷ „Kraj“, 1905, № 37, str. 10.

⁸ „Kurier Warszawski“, 11. IV 1905.

⁹ „Z pola walki“, 29. III 1905.

¹⁰ „Kraj“, 1905, № 12, str. 19.

¹¹ „Z pola walki“, 29. III 1905.

¹² „Gazeta Radomska“, 23. III 1905.

¹³ SDKPiL. Co ma czynić..., str. 10.

¹⁴ Там же, стр. 9.

началось заметное брожение. Стачка, имевшая чисто экономический характер, выдвинула политические вопросы»¹.

Стачечное движение батраков оказало огромное влияние на крестьян, усилило активность их выступлений.

Борьба крестьян против помещиков, возникшая в польской деревне одновременно с забастовочной борьбой сельскохозяйственного пролетариата, разгоралась все сильнее. Страстное стремление обладать землей, вырвать ее у помещика и кулака все шире распространялось среди безземельных и малоземельных. В Люблинской губ. крестьяне заявляли, что «у помещиков слишком много земли и поэтому они должны отдать ее крестьянам»². В донесении от 2 апреля 1905 г. сувальский губернатор с тревогой писал о невозможности гарантировать спокойствие, так как «среди крестьян ходят разные темные слухи»³. Если в предреволюционные годы подобные настроения крестьян проявлялись в форме отдельных вспышек, то теперь крестьяне стремились использовать общий революционный подъем в стране для того, чтобы вырвать победу у помещиков и правительства.

Поводом для революционных выступлений крестьянства в первую очередь являлись сервитутные споры. В ряде мест крестьяне требовали передачи им спорных земель, запахивали такие спорные участки, препятствовали помещику пользоваться ими. Так, в деревне Вырыки Влодавского уезда Седлецкой губ. весной 1905 г. крестьяне самовольно захватили участок луга графа Замоиского в 76 моргов, уничтожили граничные знаки, утверждая, что этот луг принадлежит им, и отказались восстановить границы⁴. В июле 1905 г. жители имения Вилга Гарволинского уезда Седлецкой губ. не позволили пану межевать спорный участок, из-за которого судились с ним⁵. Характерно, что крестьяне, как правило, ссылались на своевременность постановки вопроса о спорных землях: например, жители деревни Вырыки заявляли, что «если они теперь упустят время, когда повсеместно открытым возмущением общества добиваются своих прав, то им никогда уже не владеть спорным участком»⁶. А крестьяне деревень Бохотница, Витошин и Ромблев гмины Целеев Ново-Александрийского уезда Люблинской губ., явившись к пану требовать передачи им сервитутной земли, утверждали, что «пришло то время, когда все их желания будут удовлетворены»⁷. Нередко крестьяне действовали очень решительно. Так, 150 крестьян деревень Бохотница, Витошин и Ромблев требовали выдачи им сервитутной земли, они заявляли, что «не станут ожидать ни комиссара, ни кого другого, а требуют немедленной постановки копцов» и что «если пан не уступит, они разобьют его дом и убьют его»⁸. Иногда захват помещичьей земли сопровождался разрушением господских хозяйственных построек. Так было в деревне Живочин Петроковского уезда, где 400 крестьян разобрали все строения фольварка Луцники, на который они еще раньше претендовали⁹.

Часто крестьяне предъявляли претензии на помещичьи леса и луга¹⁰. Люблинский губернатор доносил 8 апреля 1905 г.: «Среди населения на-

¹ „Z pola walki“, 7. V 1905.

² Цит. по статье: S. Kalabiński. Udział burżuazji polskiej w ofensywie kontrrewolucji. „Przegląd historyczny“, t. 44, z. 4, str. 553.

³ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 63, л. 1.

⁴ Там же, ч. 7, л. 17, 30. IV 1905 г.

⁵ Там же, л. 26, 10. VIII 1905 г.

⁶ Там же, л. 17, 30. IV 1905 г.

⁷ Там же, д. 2550, ч. 3, л. 1—2, 27. II 1905 г.

⁸ Там же.

⁹ „Gazeta Kielecka“, 20. III 1905.

¹⁰ „Z pola walki“, 29. III 1905.

чали курсировать слухи о последовавшем Высочайшем повелении о наделе крестьян землей из владельческих имений. Слухи эти вызвали в некоторых местах аграрное движение. В Белгорайском уезде Люблинской губ. крестьяне пытались приостановить рубку леса в имениях Замойской ординации»¹.

Но большей частью борьба крестьян против крупного землевладения выражалась в самовольных порубках леса и потравах пастбищ. В ряде мест это движение началось еще с 1904 г., когда в одной лишь Радомской губ. было зафиксировано 7529 случаев порубки леса и 1257 случаев самовольного выпаса скота². Весной и летом 1905 г. порубки и потравы помещичьих и государственных лесов и пастбищ приобрели большую остроту. Крестьяне «скопом»³ отправлялись в помещичьи и государственные леса, рубили дерево и увозили домой. Иногда такие группы крестьян достигали 600 человек⁴. Часто они открыто предъявляли лесничему требования о выдаче дров, стилки и корма⁵. Крестьяне выгоняли скот на луга и лесные пастбища, принадлежавшие казне и помещикам, иногда уничтожали господские заповедники⁶. Они по-своему понимали разрешение властей отводить им отдельные участки для выпаса скота и считали себя вправе использовать все казенные выгоны⁷.

Почти повсеместно происходили стычки нарушителей с лесной стражей и полицией. Крестьяне оказывали вооруженное сопротивление⁸, держались чрезвычайно решительно. По сообщению начальника Келецкого губернского жандармского управления, жители деревни Псар и Вильков Келецкого уезда с палками и кольями выступили против лесной стражи и в ответ на уговоры смело отвечали, что «им теперь все разрешено и что они будут не только пасти скот в лесу, где им нравится, но и собирать ветви и стилку»⁹. Так же решительно и упорно были настроены крестьяне гмины Бодзентин во время разбора дела о незаконном выпасе скота в казенном лесничестве: они отказались давать какие-либо показания, силой удалили всех свидетелей, затем вызвали к себе начальника земской стражи и заявили ему «о крайне нищенском своем положении, о том, что им не на что жить, нечем кормить свой скот», а также жаловались на злоупотребления чинов лесного ведомства и лесной стражи. Крестьяне «категорически объявили, что они все-таки будут продолжать пасти свой скот там, где им удобно, так как на отведенных им пастбищах нет достаточного корма»¹⁰.

Действия крестьян нередко обращались непосредственно против помещиков и их имущества. Так, в деревне Олексин Венгровского уезда Седлецкой губ. 250 крестьян ночью напали на дом пана Зильберберга, мстя за захват управляющим крестьянского скота¹¹. Среди помещиков началась паника, бегство. «С большой поспешностью» выехал из деревни вместе со своим управляющим один из крупнейших польских землевладельцев, граф Замойский, «бросив таким образом имение на произвол судьбы»¹².

Стаечное движение сельскохозяйственных рабочих и крестьянское дви-

¹ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 3, лл. 42—43.

² „Gazeta Radomska“, 13. IV 1905.

³ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 24, л. 6, 27. X 1905 г.

⁴ Там же, ч. 16, лл. 2—3, 7. VI 1905 г.

⁵ Там же, ч. 24, лл. 3—4, 21. VI 1905 г.

⁶ „Kraj“, 1905, № 26, str. 18.

⁷ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 16, лл. 2—3, 7. VI 1905 г.; д. 2550, ч. 24, лл. 3—4, 21. VI 1905 г.

⁸ „Kraj“, 1905, № 17, str. 17.

⁹ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 16, лл. 2—3, 7. VI 1905 г.

¹⁰ Там же, ч. 63, лл. 8—9, 18. VI 1905 г.

¹¹ Там же, ч. 7, лл. 1—2, 27. II 1905 г.

¹² Там же, ч. 3, лл. 5—6, 3. III 1905 г.

жение за землю переплелись с национально-освободительной борьбой крестьянства против царского самодержавия. Борьба эта началась еще в 1904 г. в форме движения за гминное самоуправление и колонизацию школы и гмины в польской деревне. Инициаторами выступили крестьяне гмин Строженин и Выходже в Плоцком уезде Варшавской губ. в марте 1904 г.¹ Революция 1905 г. дала толчок для быстрого роста и обострения движения. Уже к февралю 1905 г. в борьбу включилось 200 гмин в 36 уездах Королевства Польского². В марте—апреле число таких гмин возросло до 300³, а в июле достигло 600⁴.

По деревням распространялась так называемая «Инструкция гминным собраниям». Она предлагала гминным сходам выносить постановления о ведении всех протоколов, книг, счетов, внутренней и внешней переписки только на польском языке, об употреблении в гмине польской печати. Гмина должна была предъявить правительству требование о введении польского языка в гминных судах, в корреспонденции, протоколах, свидетельских показаниях и в судебных приговорах, а также о введении обучения в школах на польском языке, «ибо на русском оно не приносит детям пользы». Инструкция призвала смещать войтов и писарей, оказывающих сопротивление решению гминного схода⁵. В январе 1905 г. эта инструкция была обнаружена в посаде Блендово Гроецкого уезда Варшавской губ.⁶, в феврале — в гминах Люблинской губ.⁷ В большинстве случаев крестьяне действовали так, как говорилось в инструкции: в Лелеве Влоцковского уезда Келецкой губ. жители решили обратиться в совет министров с вопросом о гминном самоуправлении⁸, в Радзейове Нешавского уезда Варшавской губ. и во многих других местах было постановлено вести книги на польском языке⁹.

Борьба за колонизацию гмины тесно переплеталась со школьным движением, начавшимся в Ломжинской губ.¹⁰ и быстро распространившимся по всему Королевству Польскому. Требование обучения на родном языке, выдвигавшееся польским и литовским населением, влекло за собой отказ отдавать детей в русские школы, приводило к закрытию школ и изгнанию учителей. Агитации за польский язык в школе помогали воззвания, распространявшиеся по деревням, такие, как «Родители поляки!», «Отец и мать»¹¹ и др.

Крестьяне выдвигали и экономические требования. По свидетельству ломжинского губернатора, некоторые гмины Ломжинской губ. «к требованиям своим в том или ином объеме присоединяли отказ гмины от некоторых обязательных натуральных повинностей, несение каковых сход признавал для себя излишним и обременительным»¹². К числу таких повинностей относилась починка дорог, обязанность давать подводы¹³, содержать гминную канцелярию и фельдшера, оплачивать солому для лошадей, принадлежащих чинам общей и жандармской полиции¹⁴. Иногда крестьяне

¹ St. Lubicz. Op. cit., str. 315.

² „Przegląd wszechpolski“, 1905, № 1, str. 70—71; 1905, № 2, str. 122.

³ Там же, № 3—4, str. 238.

⁴ А. А. Погосин. Главные течения польской политической мысли, СПб., 1907, стр. 497.

⁵ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 5, ч. 35, т. I, л. 25.

⁶ Там же, л. 24, 28. IX 1905 г.

⁷ Там же, ч. 40, т. I, лл. 78—79, 90; 23. II и 1. III 1905 г.

⁸ „Kraj“, 1905, № 18, str. 24.

⁹ „Kraj“, 1905, № 8, str. 22.

¹⁰ „Przegląd wszechpolski“, 1905, № 2, str. 140.

¹¹ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 5, ч. 40, т. I, л. 129, 23. III 1905 г.

¹² Там же, д. 2550, ч. 14, лл. 2—4, 5. IV 1905 г.

¹³ Там же, ч. 63, л. 14, 3. XII 1905 г.

¹⁴ Там же, ч. 14, лл. 2—4, 5. IV 1905 г.

отказывались принимать кредитные билеты без скидки¹, но чаще всего их сопротивление выражалось в отказе от уплаты податей и налогов. В Конском уезде Радомской губ. крестьяне заявили, что не будут платить казне за пастьбу скота².

Активный протест крестьянства вызывала военная мобилизация на японский фронт. По словам Малиновского, в деревнях велась усиленная агитация за отказ от явки на призывные пункты³. Нередко целые гмины принимали решения о бойкоте мобилизации (Гарволинский уезд)⁴. В гмине Павловице Илзецкого уезда Радомской губ. новобранцы были возвращены домой крестьянами⁵.

Крестьянство оказывало активное сопротивление всем мероприятиям царского правительства. Так, жители деревни Векоженка Цехановского уезда Плоцкой губ. не пустили землемера обмерять их пастбища⁶. Повсеместно крестьяне в одиночку и группами нападали на земских стражников, разоряли их⁷. «Вообще без преувеличения можно сказать, — писал начальник Келецкого губернского жандармского управления, — что почти все население губернии находилось в пассивном восстании; пассивном потому, что у него не доставало только оружия»⁸.

Несмотря на правительственное распоряжение, предупреждавшее, что «виновные в подстрекательстве сельских или местечковых сходов к явному нарушению изданных законов о крестьянском самоуправлении, а также других правительственных распоряжений, будут в административном порядке приговорены к штрафу до 50 руб. или к аресту до 3-х месяцев»⁹, движение не прекращалось, а разгоралось все сильнее. Оно выражало протест польского крестьянства против экономического угнетения, национальных и религиозных преследований со стороны царского самодержавия и носило демократический, революционный характер.

Однако польское крестьянство в 1905 г. не сумело еще выработать ни четкой программы действий, ни ясной программы требований. Крестьяне требовали отмены поземельного налога, уменьшения податей¹⁰, снижения страховых платежей, улучшения организации продажи крестьянам леса, уничтожения гербовых пошлин при парцелляции, ликвидации системы коллективной ответственности перед Крестьянским банком, охраны от конкуренции низких тарифов на русскую муку¹¹, создания долгосрочного кредита в 25% от стоимости земли с погашением в 2,5 года, передачи дел о границах в ведение окружных судов, предоставления права уничтожения чересполосицы 2/3 голосов схода, расширения прав гмины и введения обучения на родном языке¹², сокращения срока военной службы и прекращения войны¹³. Но все эти требования не были обобщены, они высказывались в разных местах, в разное время, различными людьми и большей частью составляли содержание многочисленных петиций на имя Витте и комитета министров. Эта разрозненность крестьянских требований, недостаточная четкость в их постановке наряду с самой петиционной формой их выраже-

¹ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 1350, ч. 66, лл. 93—94, 26. XII 1905 г.

² Там же, д. 2550, ч. 24, л. 1, 15. VI 1905 г.

³ M. Malinowski. Z krwawych dni. Lublin. 1919, str. 7.

⁴ У. Шустер. Указ. ст., стр. 308.

⁵ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 9, ч. 38, л. 40, 18. XII 1905 г.

⁶ „Kraj“, 1905, № 26, str. 18.

⁷ Там же.

⁸ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 16, л. 6, 21. VI 1905 г.

⁹ „Przegląd wszechpolski“, 1905, № 2, str. 123.

¹⁰ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 63.

¹¹ Там же, д. 5, ч. 40, т. I, лл. 257—258, 25. VII 1905 г.

¹² „Gazeta Kielecka“, 8. V 1905.

¹³ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 63.

ния свидетельствовали о политической незрелости польского крестьянства. В отдельных случаях крестьяне проявляли даже царистские иллюзии, как это было в селе Рыки Гарволинского уезда Седлецкой губ., где ходили упорные слухи насчет существования царского закона об улучшении жизни крестьян, закона, якобы скрытого подкупленными министрами¹.

Однако революционные события 1905 г. дали толчок к более быстрому росту крестьянского сознания, заставили крестьянина задуматься над тем, кто его друг и кто враг. Об этом говорили случаи солидарности крестьян с выступлениями городских рабочих. По сообщению начальника Люблинского губернского жандармского управления от 18 февраля 1905 г., крестьяне деревни Загожджек Козеницкого уезда Радомской губ., узнав о радомских беспорядках, отнеслись к ним с одобрением. «Это мои братья ремесленники кровь свою проливают», — заявил при этом один из крестьян².

В ряде мест в крестьянской среде родилось сознание общности интересов всех трудящихся и эксплуатируемых, сознание необходимости совместной борьбы пролетариата и крестьянства. Это выразилось в праздновании крестьянами 1 мая — дня международной пролетарской солидарности. 18 апреля 1905 г. (1 мая по новому стилю) прекратили работу в поле крестьяне деревень Заржечь³, Будиска, Собиска, Воля Гуловска Луковского уезда Седлецкой губ.⁴ и многих других уездов и губерний Королевства Польского. Крестьяне не только прекращали работу, но и устраивали демонстрации, вывешивали красные флаги с революционными лозунгами⁵.

Рост крестьянского сознания и разветвлявшееся крестьянское движение не могли не привлечь к себе внимания польских политических партий. Отношение их к крестьянскому вопросу и крестьянскому движению определялось интересами тех классов, которые они представляли.

Одной из значительнейших буржуазно-помещичьих партий Королевства Польского была так называемая партия реальной политики, выражавшая интересы крупнейшей промышленной и финансовой буржуазии и земельных магнатов, связавших свою судьбу с судьбой русского самодержавия. Лозунгом партии было соглашение, сотрудничество с царизмом (*ugoda*). Корни «угоды» таились в тесной связи экономических интересов польских капиталистов и помещиков с интересами русской буржуазной верхушки. Это и определяло ее политическую позицию, в частности позицию, занятую ею по крестьянскому вопросу.

Характеризуя отношение «угоды» к идее аграрных преобразований, Мазовецкий писал в 1906 г.: «Угодовцы противятся всяким широким аграрным реформам, которые стремились бы к уменьшению крупной земельной собственности и увеличению мелкой»⁶. Сами «угодовцы» выражали эту мысль более завуалированно, прибегая к обычной демагогии, но тем не менее достаточно определено. «Содействовать осуществлению всех мероприятий, имеющих целью социальную реформу в интересах рабочих классов, но не нарушая принципа частной собственности (земли) и не допуская анархии в общественных отношениях», — так было записано в программе «партии реальной политики»⁷. Это означало, что партия в корне отвергала путь революции и не собиралась ни в какой мере отказаться от своих прав

¹ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 3, лл. 38—39, 29. III 1905 г.

² Там же, д. 9, ч. 20, лл. 6—7.

³ Там же, д. 5, ч. 40, т. I, л. 212, 22. IV 1905 г.

⁴ Там же, д. 1350, ч. 46, лл. 4—5, 4. V 1905 г.

⁵ Там же.

⁶ Л. Кульчицкий. Политические партии в Польше. Ростов-на-Дону, 1906, стр. 26—27 (Л. Кульчицкий — псевдоним Мазовецкого).

⁷ Э. Пильц. Русская политика в Польше. Варшава, 1909, стр. 99.

на землю, а практически предлагала паллиативные меры, которые не разрешали аграрного вопроса, хотя в какой-то мере, несомненно, способствовали бы развитию капитализма в Королевстве Польском. Такими мерами руководители партии Пильц и Спасович считали реформу наследственного крестьянского права, создание кредитов для мелкой земельной собственности, уничтожение чересполосицы и, в первую очередь, отмену сервитутов¹. Основной акцент, как обычно, делался на культурном развитии и просвещении польского крестьянства. «Путь для развития сельского хозяйства и прокормления неимущего населения определен ясно, — писали Пильц и Спасович, — это интенсивная культура земли и улучшение сельскохозяйственных приемов»².

«Угодовцы» решительно отвергали стачки, как средство борьбы за улучшение положения батраков. «Не на сельскохозяйственных стачках, а на поднятии культуры земледелия может быть основано благосостояние», — писал орган «угодовцев» журнал «Край»³. Партия старалась доказать, что стачечное движение сельскохозяйственных рабочих не имеет под собой экономической основы и вызвано искусственно.

Однако агитация этой партии, состоявшей почти исключительно из крупнейших капиталистов и помещиков Королевства Польского, с ее программой, явно защищавшей интересы земельных магнатов, естественно не могла иметь большого успеха среди крестьянства.

Другие буржуазно-помещичьи партии действовали более искусно. В этом отношении характерна позиция, которую занимала в крестьянском вопросе одна из крупнейших в этот период польских политических партий — национал-демократическая.

Эта партия объединяла в своих рядах значительную часть средней и мелкой буржуазии города и деревни, недовольную сильной конкуренцией русского капитала, националистически настроенных помещиков и интеллигенцию. Национал-демократическая партия была, по выражению Ленина, партией «открыто буржуазной, правее кадетов стоящей»⁴. Она ратовала за сохранение панской земельной собственности и главной задачей считала «творческую работу и подъем общественных стремлений народа путем соответственного просвещения его и разъяснения ему его настоящего положения, толкая народ к организованным формам деятельности и к коллективной экономической самопомощи»⁵. Поэтому эндеки усиленно поощряли и развивали кооперативное движение, возникшее в среде крестьян, и стремились направить по этому руслу все разрешение аграрного вопроса. Они стояли на позиции отдельных улучшений в положении крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата, но считали, что эти улучшения должны быть результатом «добровольных уступок» помещиков, и включали в свою программу агитацию среди шляхты на предмет таких уступок⁶.

Однако центральное место в агитации эндековской партии занимала проповедь национализма. Привлечению крестьян на свою сторону национал-демократы придавали большое значение и еще накануне 1905 г. развили в крестьянской среде активную деятельность. Уже в 1903 г. существовало отдельное управление для работы в деревне, специальный орган, специальная касса, создавались тайные крестьянские союзы и общества, созывались

¹ Э. Пильц и В. Спасович. Указ. соч., стр. 122, 181.

² Там же, стр. 184.

³ „Kraj“, 1905, № 23, str. 13.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 45.

⁵ Цит. по книге: L. Wasilewski. Narodowa demokracja a ruch rewolucyjny w zaborze rosyjskim. Warszawa, 1907, str. 25—26.

⁶ Там же.

тайные съезды и сеймики с участием крестьян, организовывались даже тайные деревенские почты¹.

В 1905 г. с началом революционных выступлений крестьян и батраков в Королевстве Польском агитация эндеков в деревне усилилась. «В эту именно сторону — сторону польского крестьянства, в деревню направили главным образом националисты свои усилия, пропагандируя всячески свои идеи, — отмечал в декабре 1905 г. варшавский генерал губернатор. — В этих целях представители интеллигенции и местные землевладельцы, преимущественно из мелких, ранее совершенно не интересовавшиеся делами гмины, теперь не только не пропускают ни одного гминного схода, но самовольно их созывают для внушения народу сознания необходимости автономии Польши»². Эндеки устраивали в деревне всякого рода общества, такие, как «сельскохозяйственные», «гигиенические», «гребные», «пожарные», «лютные», «освята» и пр.³ Иногда такие общества носили непосредственно антирусский характер, как, например, «кружки сельских хозяев общества народной обороны»⁴ и «товарищества взаимной самопомощи и круга просвещения»⁵, которые имели целью наблюдать за всеми русскими чиновниками и противодействовать им, а также были направлены против русского языка. По деревням ходили эндековские брошюры и прокламации: «Крестьяне-поляки!»⁶, «Братья поляки!»⁷, «Польский язык в гминах»⁸. В них, а также на гминных собраниях, в костеле эндеки «проповедовали проведение польского языка в гминных управлениях и школах, доказывали несостоятельность правительства, как хозяина собираемых им с крестьян денег, проводили необходимость сокращения существовавших раскладок денежных повинностей, отсрочки взноса податей до времени улучшения экономического состояния крестьян»⁹. Эндеки призывали не повиноваться правительству, не давать новобранцев¹⁰, не принимать бумажных денег¹¹ и не покупать водки в казенных монополиях¹².

Однако националистическая агитация эндеков была очень далека от призыва к подлинно революционной борьбе против царского самодержавия. В начале 1905 г. «Поляк» предостерегал крестьян «от всяких разгромов и нападений на кого-либо, от всякой вооруженной борьбы, хотя бы к ней призывали... во имя Польши». «Теперь не время ни для какой вооруженной борьбы, — говорилось в воззвании, — время лишь для спокойного упоминания о своих правах»¹³. В период активного революционного подъема во всех частях России, в период, когда растерявшийся царизм получал удары со всех сторон, такое заявление было прямым предательством польского национального дела.

Причины такой предательской политики крылись в том, что польская буржуазия и помещики боялись, что революционная борьба крестьян с царизмом может перерасти в борьбу против всех эксплуататорских классов. Стремясь помешать этому, они пытались безраздельно контролировать

¹ А. з. Всепольская революционная партия. Львов, 1903, стр. 8.

² ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 1350, ч. 10, лл. 158—165, 24. XII 1905 г.

³ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 7, ч. 20, лл. 1—7, 26. IX 1906 г.

⁴ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 14, л. 15.

⁵ Там же, д. 5, ч. 40, т. I, л. 206, 22. IV 1905 г.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 130, 23. III 1905 г.

⁸ Там же, д. 5, ч. 40, т. II, л. 129, 20. IX 1905 г.

⁹ Там же, д. 1800, ч. 60, лл. 16—18, 13. IV 1905 г.

¹⁰ Там же, д. 2550, ч. 3, л. 48, 24. XI 1905 г.

¹¹ Там же, д. 5, ч. 40, т. I, л. 276, 15. XII 1905 г.

¹² Там же, лл. 208—209, 23. IV 1905 г.

¹³ „Przegląd wszechpolski“, 1905, № 2, str. 148.

крестьянское движение. С этой целью эндеки старались иметь в гминах своих представителей. Так, Валент Ольчак в своем воззвании к крестьянам предлагал избрать писарем «кого-нибудь из порядочных помещиков»¹. Всякая крестьянская инициатива, всякий выход движения за очерченные эндеками границы приводили их в ужас. В одной из эндековских прокламаций крестьянам предписывалось прогонять «подстрекателей к смутам или к нападениям на помещичьи усадьбы и ксендзов»².

В связи с этим эндеки придавали особенно большое значение воспитанию в крестьянстве чувства национальной общности со всеми другими классами польского общества, воспитанию крестьян в духе классового мира и гармонии. «С нашей точки зрения, — писали они, — борьба за общественные и экономические интересы народа не может быть борьбой одного класса с другим»³. Эндеки выдвигали на первый план национальный интерес, как наиболее общий и объединяющий все социальные слои. «Национальное сознание есть более высокое понятие, чем сознание классовое», — писал «Пшеглонд вшехпольски»⁴. Они выступали против выдвижения классовых интересов на первый план. «Пшеглонд вшехпольски» утверждал, что классовую ненависть, вознившую на базе общественных антагонизмов, «нужно скорее смягчать, нежели заострять»⁵. Стремясь прекратить стачечное движение в деревне, они доказывали, что вопрос о взаимоотношениях помещика и работника является вопросом «о детях одного края, которые, как часто бывает в семье, ссорятся между собой, но в конце концов должны поладить, так как все-таки их кормила грудью одна мать-земля»⁶. Вопли о патриотизме были самым сильным идеологическим оружием национал-демократической партии в борьбе с забастовщиками. «Горе дому, обитатели которого завязали ссору и борьбу между собой», — драматически восклицала газета «Гонец Лодзкий»⁷. Эндеки упорно доказывали, что для стачечного движения нет серьезных внутренних причин. Даже признавая наличие в ряде мест тяжелых условий труда и быта сельского пролетариата, национал-демократическая партия пыталась свалить всю вину на недостаток просвещения и русские тарифы, якобы не позволяющие панам повысить плату рабочим⁸. Эндекам ненавистен был сам факт политического пробуждения сельских батраков, осознания ими своего положения и своей силы. Поэтому национал-демократическая партия повела решительную и ожесточенную борьбу против забастовок сельскохозяйственных рабочих.

В деятельности эндеков ярко проявились основные черты, которые характеризовали позицию всех буржуазно-помещичьих партий в крестьянском вопросе. Боязнь за свою собственность, упорное нежелание поступиться хотя бы частью своих благ, страх и ненависть по отношению к трудящимся массам деревни, стремление одурманить их и перевести разрешение аграрного вопроса на путь мирной эволюции, культурных преобразований и просветительства, использование социальной демагогии, клеветы и других подобных средств — вот что было характерно для всех этих партий, независимо от их частных разногласий.

Чрезвычайно показательной была позиция в крестьянском вопросе, которую заняла Польская социалистическая партия. ППС стала обращать

¹ А. Л. Погодин. Указ. соч., стр. 494.

² ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 5, ч. 35, т. I, л. 62.

³ Цит. по книге: L. Wasilewski. N. D. a ruch..., str. 26—27.

⁴ Цит. по книге: Kł. Hrabuk. Ideologia „Przeglądu wszechpolskiego”. Poznań,

1937, str. 138.

⁵ Там же, стр. 180.

⁶ „Goniec Łódzki”, 6. III 1905.

⁷ Там же.

⁸ „Przegląd wszechpolski”, 1905, № 2, str. 95.

внимание на деревню еще в самом начале XX в. Уже в 1901 г. съезд ППС поставил вопрос о необходимости энергичнее заняться агитацией на селе, считая, что это является делом «перворазрядного значения»¹. При этом заявлялось, что городской пролетариат нуждается в поддержке сельских трудящихся и потому «необходимо приложить старания, чтобы деревенский люд осознал свою горькую долю, чтобы он понял, где и как найти из нее выход»².

Шестой съезд ППС в 1902 г. еще более определенно заявил, что «признает одним из важнейших партийных дел развертывание широкой агитации среди крестьянского населения края». Съезд обратил особенное внимание на журнал для крестьян и поручил «установить и поддерживать связи с крестьянством»³. В годы, предшествовавшие революционному периоду, ППС вела активную деятельность в деревне, соперничая с эндеками в расширении влияния среди крестьян. Наибольших успехов ей удалось добиться в Радомской губ. и отчасти в Люблинской, значительные связи были у ППС и в Варшавской губ.⁴

С начала XX в. в партии стали выделяться два направления: левое и правое. Борьба между ними во многом определяла неустойчивость, неопределенность позиции ППС по крестьянскому вопросу. «Тактика ее в деревне не лишена колебаний и не отличается ни выдержанностью, ни ясностью целей»⁵, — писал Мазовецкий. Правые недооценивали степень дифференциации деревни, не хотели видеть серьезных противоречий внутри крестьянства. Орган ППС газета «Пшесдзит» писала: «Дифференциация сельских элементов существует и будет идти все глубже, однако, еще в течение весьма продолжительного времени эта экономическая дифференциация будет менее сильна, нежели противопоставление деревни городу»⁶. Эти слова отражали, по существу, желание правого крыла ППС затушевать противоречия между крестьянином и помещиком, между бедняком и кулаком, они свидетельствовали о стремлении противопоставить крестьянство городскому пролетариату. Считая возможным объединение всего крестьянства в целом под своими знаменами, правые усматривали свою главную опору не в сельскохозяйственном пролетариате и беднейшем крестьянстве, а в среднезажиточном крестьянстве, как якобы более просвещенном и восприимчивом к социалистической пропаганде⁷. Ориентация на зажиточное крестьянство определялась мелкобуржуазной сущностью ППС. Партия стояла не на позициях защиты интересов рабочего класса, а на позициях оппортунизма, соглашательства, на позициях предательства пролетарских интересов.

Наиболее ярко это проявилось в проекте аграрной программы, который был выдвинут правым руководством ППС летом 1905 г. в связи с широким размахом крестьянского движения. Проект состоял из двух частей. Первая часть содержала минимальные требования: упразднение остатков натуральных повинностей и правительственных ограничений при покупке наделных земель, национализирование всех государственных, удельных, духовных и безнаследных помещичьих земель, помощь кооперативному, страховому и культурно-просветительному движению и пр. Программа-максимум (2-я часть) заключала требование передачи национализированной крупной земельной собственности в аренду безземельным и малоземельным кре-

¹ „Robotnik“, 26. VI 1901.

² Там же.

³ „Robotnik“, 5. VIII 1902.

⁴ Л. Кульчицкий. Указ. соч., стр. 71.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по брошюре: ППС. Что такое ППС? Краков, 1905, стр. 6.

⁷ Там же, стр. 5.

стьянам. Этот проект был отмечен печатью национализма и мелкобуржуазной ограниченности. Решительность и смелость были проявлены лишь в вопросе о конфискации русских земель, а крупное польское землевладение оставалось неприкосновенным. Это, конечно, не могло найти широкого отклика в крестьянской среде, не поднимало крестьянство на борьбу, точно так же, как и остальные пункты, проникнутые духом буржуазного культурничества, буржуазного реформаторства. Программа-максимум также предполагала решение аграрного вопроса не в духе социализма, а в духе мелкобуржуазной уравнительности. «В общем и целом, — писал В. И. Ленин, — их программа есть нечто абсолютно безжизненное, внутренне-противоречивое...»¹. В постановке ближайших целей программа ППС не революционна. В своих конечных целях она не социалистична»².

Не меньшую ограниченность проявляло правое крыло ППС и в вопросе о стачечном движении сельскохозяйственных рабочих, оно боялось широкого и мощного революционного движения в деревне, боялось его остроты. Поэтому оно вело ожесточенную борьбу с СДКПиЛ, являвшейся подлинно революционной партией. В письмах Дзержинского, датированных февралем 1905 г., есть сведения об активной кампании, которую развернула ППС в Пулавском уезде Люблинской губ. с целью вытеснить СДКПиЛ; правые в ППС оговаривали социал-демократических агитаторов, старались удалить их с крестьянских собраний и т. п.³

Правые выступали против революционных настроений и внутри самой социалистической партии, ведя борьбу с ее левым крылом. Левые в ППС совершенно иначе оценивали положение в деревне и имели другой взгляд на крестьянство. Придавая большое значение расслоению деревни, они проводили между беднотой и остальным крестьянством резкую грань, зачисляя значительную группу средних крестьян в один лагерь с кулачеством. «Богатое крестьянство является сознательным и решительным врагом всякой революции. Поэтому не остается ничего, кроме городского рабочего класса и малоземельного и безземельного сельского пролетариата»⁴, — говорилось в одной из брошюр левых. Левые отрицали необходимость специальной аграрной программы, находя общую программу партии вполне достаточной и подходящей⁵. Главным объектом своей агитации в деревне левые считали сельскохозяйственный пролетариат и вели работу преимущественно в его среде. В специальном крестьянском органе «Газета Людова» и в других партийных газетах помещались статьи, посвященные жизни сельскохозяйственного пролетариата и призывавшие к забастовке⁶. Примером такой агитации может служить стихотворение «К сельским рабочим», напечатанное в газете «Роботник». В нем описывалась тяжелая доля сельских батраков, и в конце содержался призыв к ожесточенной борьбе против угнетателей⁷.

Встань, земледец! Проснись для борьбы!
Хватит кровавый лить пот от натуги!
Время нам в руки взять нити судьбы!
Время в мечи перековывать плуги!
Время свободно и радостно жить,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 287.

² В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 283.

³ F. Dzierżyński. Op. cit., str. 83; „Listy do Komitetu Zagranicznego SDKPiL“, 23. II 1905.

⁴ PPS. „W sprawie naszej taktyki“. Warszawa, 1906, str. 12.

⁵ „Robotnik“, 26. VI 1901 г.; ППС. Что такое ППС?, стр. 6.

⁶ А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 65.

⁷ „Robotnik“, 17. IX 1901. Dodatek.

Вырвав в борьбе себе лучшую долю!
 Поле борьбы перед нами лежит,
 Вместе там бьются за счастье и волю
 Парень фабричный и сельский батрак,
 Польща рабочая вышла на сцену!
 Гибнут нужда, угнетенье и мрак!
 Новая жизнь им приходит на смену!

Левые распространяли в деревне брошюры и прокламации, разъяснявшие цели стачек и формы их проведения. Среди таких листовок большой популярностью пользовалось воззвание «К кучерам, пастухам, работникам, к различной челяди и службе в имениях! Ко всем работникам и работницам на полях всей польской земли!»¹. Эта прокламация начиналась со вступления, в котором сельским рабочим указывалось на их положение и на необходимость борьбы. «Мы польские городские рабочие, работающие на фабриках и в мастерских, — говорилось в ней, — обращаемся к вам, братьям нашим, служащим в имениях и богатых усадьбах, приветствуем вас братским поздравлением и желаем вам счастливого успеха и победы в забастовке, которую теперь начинаете... ибо все рабочие — братья, которые для богатых трудятся на фабриках, либо на фольварках. А эксплуатируют нас всех рабочих богатые люди, которые живут благодаря нашему труду: это фабриканты и владельцы имений. А угнетает нас сильно подлое и чуждое московское правительство... Приближается революция... и вам, братья, нужно к этому подготовиться. Не слушайте никакого стражника, никакого начальника, никакого комиссара, ни чиновника»². Следующая часть прокламации называлась «Чего нам домогаться от дворов» и содержала перечень требований, которые рекомендовалось предъявить хозяевам. Здесь было требование «вежливого и человеческого отношения» к работникам; в случае избиения батрака кем-либо из администрации, рабочие должны были бастовать до тех пор, пока пан не удалит виновного и не извинится. Далее шли требования к хозяевам о необходимости предупредить об увольнении за три месяца или выплачивать жалование за квартал вперед, оплачивать врача и лекарство, в случае болезни работника, оплачивать обучение детей батраков, не задерживать паспортов рабочих. Воззвание призывало ординариев требовать в год 30 руб. деньгами, 7 корцев ржи, 4 корца ячменя, 2 корца гороху, 1 корец пшеницы, 1 корец гречи, 2 корца овса, 1 корец сметки для птицы, 100 фунтов соли; 180 прентов земли под картофель, 20 прентов под огород; 2 сажени дров; содержания двух коров, одного кабана, 20 штук птицы; отмены «посылки»; предоставления отдельного помещения с полом, окном, кухней и кладовой; отдельной оплаты доения коров (3 руб. в месяц). Столовникам предлагалось требовать 40 руб. для мужчины и 25 руб. для женщины, отопления и освещения, предоставления кроватей и постелей, трехразового питания, выдачи 22 фунтов хлеба на неделю, мяса по воскресеньям, кварты молока в день в течение всей весны и лета. Условием поденщиков должно было быть сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы до 55 коп. мужчине и 40 коп. женщине — летом и 30 коп. мужчине и 25 коп. женщине — зимой. Прокламация давала советы и относительно того, как лучше проводить забастовку: рабочие должны были заявить пану свои требования и предупредить его, чтобы он не вздумал звать войска на помощь. Левые призывали батраков бастовать спокойно. Штрейкбрехеров разрешалось бить, но не до смерти. Разрешалось идти толпой на соседний фольварк,

¹ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 5, ч. 35, т. I, лл. 195—198.

² Там же.

чтобы помочь соседним рабочим выиграть стачку. Рекомендовалось скреплять соглашения честным словом пана; в случае нарушения хозяином условий, рабочие должны были снова бастовать¹. Это воззвание, подробно разъяснявшее пользу стачек, их цель и требования, являлось основой агитации левых среди сельскохозяйственных рабочих.

Кроме агитации за стачки, левые в ППС с весны 1905 г. развернули в деревне пропаганду социализма, главным образом делая упор на первомайской агитации. В селах вывешивались красные флаги с социалистическими лозунгами², разбрасывались листовки и прокламации с призывами праздновать 1 мая³. В прокламации «Товарищи рабочие!» партия обращалась ко всем сельским пролетариям, убеждая их, что в день 1 мая «должна прекратиться всякая работа на полях»⁴.

Левые вели агитацию против царского правительства. В своих воззваниях «К запасным» они призывали уклоняться от мобилизации, не являться на призывные пункты⁵. В многочисленных листовках, распространявшихся по деревням, на сходках ППС агитировала за неуплату податей, за сопротивление властям⁶: «Не платите податей царскому правительству! — говорилось в одной из прокламаций. — На ваши гроши, на деньги, заработанные вашим кровавым потом, правительство нанимает против вас войско, полицию и чиновников! На ваши гроши, на деньги, добытые вашим потом и кровью, правительство гнетет вас, давит и мучит. Крестьяне! Товарищи! Не вейте веревки на ваши собственные шеи! Не платите налогов! Все, как один человек, поклянитесь, что ни одна гмина, ни один уезд, что вся крестьянская Польша не даст правительству ни гроша! Вас миллионы — и правительство вас не осилит. Польские крестьяне! Товарищи! Не платите податей царскому правительству!»⁷. Подобные призывы содержались и в воззвании «Ко всем польским крестьянам!»⁸.

Левые были наиболее смелым и решительным элементом в ППС. Их позиция во многом была близка позиции социал-демократов. Смелость, решительность их действий привлекала к ним крестьян. Но они вели работу преимущественно среди сельскохозяйственных рабочих. Под влиянием нарастания революционного движения борьба внутри партии разгоралась все сильнее и в дальнейшем привела к открытому конфликту. Однако в целом ППС устранилась от руководства революционным крестьянским движением, не возглавила выступлений крестьянства.

СДКПиЛ была единственной партией, революционной не только на словах, но и на деле. Она призывала к революционной борьбе и действительно боролась против гнета царского самодержавия и эксплуатации польских помещиков и буржуазии. Поэтому ее позиция в крестьянском вопросе имела огромное, решающее значение.

СДКПиЛ с большим сочувствием относилась к деревенскому люду, писала о его тяжелом положении: «Вы корпите над тяжелым трудом с утра до ночи, с малых лет до самой смерти, трудитесь так, что аж руки у вас чернеют, спины сгибаются в дугу, а всегда зарабатываете лишь столько, чтобы было что положить в рот. Земля, которую вы обливаете своим потом и кровью, принадлежит не вам, потому что царское правительство, когда

¹ ЦГИА, ф. 40, 1905 г., д. 5, ч. 35, т. I, лл. 195—198.

² Там же, ч. 40, т. I, л. 212, 22. IV 1905 г.

³ Там же, ч. 35, т. I, л. 165.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 5, ч. 35, т. I; д. 5, ч. 40, т. I, т. II.

⁶ Там же, д. 2550, ч. 63, л. 8—9, 24. XI 1905 г.

⁷ Там же, ч. 14, л. 126.

⁸ Там же, д. 1800, ч. 62, л. 13.

40 лет назад, якобы, уничтожало барщину, так сделало, чтобы самая плодородная пашня, леса и пастбища достались панам шляхте... Сегодня барщины как будто нет, а крестьянина постоянно грызет нужда, как и прежде. За паном же и экономом стоит царский жандарм, который сторожит, чтобы крестьянин был покорен и без сопротивления дал драть с себя шкуру»¹. Уже с самого начала революционного подъема партия объявила себя борцом «не только за дело рабочих, но и за дело солдат и крестьян»².

Однако СДКПиЛ не имела специальной аграрной программы и не считала, что такая программа нужна. Статья Р. Люксембург «Чего мы хотим?», являвшаяся по существу общей программой партии, ни словом не упоминала о крестьянстве и заключала в себе пункты, касающиеся только улучшения положения сельскохозяйственных рабочих³. Понятно, что отсутствие четкой аграрной программы сильно мешало работе СДКПиЛ в деревне. Ряд партийных деятелей-революционеров хорошо понимал всю необходимость работы в деревне и выработки ясных лозунгов для крестьянства. Особенно настойчиво и упорно отстаивали идею союза рабочего класса с крестьянством Мархлевский и Дзержинский. Еще в феврале 1905 г. Дзержинский неоднократно писал в адрес заграничного комитета СДКПиЛ, требуя создания «популярного и доступного»⁴ манифеста к крестьянам. «Манифест к крестьянам здесь очень нужен, — писал он имея в виду Люблинскую и Радомскую губернии. — Приложите все старания, чтобы выслать нам хотя бы рукописи манифеста. Это было бы делом, которое привлекло бы к нам целые тысячи. Это первая, самая важная наша нужда, более важная, чем «Штандар», «Пшеглонд», брошюры...»⁵

Однако руководство партии в большинстве своем стояло на ошибочных позициях, считая, что рабочий класс может рассчитывать только на силы сельского пролетариата, что основная масса крестьянства враждебна пролетарской революции и является резервом буржуазии, в лучшем случае из среды крестьянства выделялись малоземельные, как близкие по своему положению к пролетариям. Такой взгляд означал непонимание роли союза рабочего класса с крестьянством, он приводил фактически к отказу от работы среди широких масс деревни, к отказу от руководства революционным крестьянским движением, облегчая распространение среди крестьянства реакционной пропаганды национал-демократической партии и мелкобуржуазной агитации ППС.

Отсутствие аграрной программы приводило к тому, что социал-демократы в своей агитации не ставили вопросов, касающихся непосредственно крестьянских интересов. Основной акцент делался на социалистической пропаганде и распространении призыва к борьбе против самодержавия.

Социал-демократы внушали батраку и крестьянину сознание враждебности их интересов интересам царизма. «Каждый сельский рабочий должен понять, что это царское правительство является нашим врагом и живет за счет причиненной нам несправедливости, так же, как и паны»⁶, — писала социал-демократическая брошюра «Что должен делать сельский люд?». Рассказывая «с нескрываемым злорадством», как говорилось в официальных донесениях царских властей, «о систематических неудачах царизма на

¹ „Materiały do dziejów ruchu socjalistycznego w Polsce“, t. II. М., 1927, стр. 152—153. „Słowo do braci włościan“.

² Там же, стр. 151. „Do wszystkich żołnierzy w Polsce i na Litwie“.

³ Р. Люксембург. Чего мы хотим? СПб., 1906, стр. 59, 67—68.

⁴ F. Dzierżyński. Op. cit., str. 77; „Listy do Komitetu Zagranicznego SDKPiL“, Warszawa, 13. II 1905 г.

⁵ F. Dzierżyński. Op. cit., str. 83, 23. II 1905 г.

⁶ SDKPiL. Co ma czynić..., str. 13.

театрах военных действий»¹, социал-демократы доказывали, что «именно теперь самое удобное время для улучшения участи своей, так как правительство занято войной и не может уделить войск на усмирение взбунтовавшихся крестьян».

Революционная пропаганда против царизма велась путем выступлений агитаторов на собраниях и сходках крестьян, путем распространения социал-демократической печати. Главное Правление СДКПиЛ выпустило ряд прокламаций «Слово к братьям крестьянам!»², «Ко всем солдатам в Польше и на Литве!»³, «Воззвание к рекрутам»⁴, «Рабочие! Резервисты!»⁵, «А цвет его красный...»⁶, «Да сгинет последнее деспотическое правительство! Да здравствует политическая свобода»⁷ и др. Все они призывали к сопротивлению царизму, к отказу от уплаты податей и несения повинностей, к отказу от явки на призывные пункты. Воззвания выпускали и местные социал-демократические организации: так в ряде мест распространялись прокламации Южного Комитета СДКПиЛ⁸, прокламации, подписанные группой военно-революционной организации социал-демократической партии⁹. То тут, то там в деревнях появлялись красные флаги с антиправительственными лозунгами и призывами к революции.

Широко развернулась первомайская агитация польской социал-демократии. В листовке «В день 1 мая!» партия обращалась к сельскохозяйственному пролетариату и всем крестьянам, продающим свою рабочую силу, с призывом оставить работу в день 1 мая. «И вас, братья, работающие на полях, мы зовем ныне на наш майский праздник, — говорилось в воззвании. — Время и вам приступить к борьбе за освобождение угнетаемого трудящегося люда. Покажите вашим панам, что вы люди, а не рабочий скот! Покажите деспотичному правительству, что и вам уже надоело господство кнута, жандармов и штыков. В знак наших требований 1 мая должна остановиться вся работа в городах и селах»¹⁰.

Социал-демократическая агитация против царского самодержавия, против войны и эксплуатации пользовалась успехом в деревне. «Крестьяне просто вырывали друг у друга из рук прокламации, около наклеенных собирались многочисленными группами»¹¹, — писала газета «3 поля вальки» относительно деревень Пулавского уезда Люблинской губ. Правда, кое-где агитаторы наталкивались на враждебное отношение со стороны кулачества. Так, в уездах, населенных литовцами, пропаганда социал-демократов не находила сочувствия среди зажиточных крестьян¹².

В своей работе в деревне СДКПиЛ опиралась главным образом на батрачество, так как считала его подлинно революционной силой в деревне, СДКПиЛ обращалась к батракам с энергичными призывами начать стачечную борьбу в деревне вслед за городскими рабочими¹³. В периодической печати, в прокламациях социал-демократы разъясняли связь между экономической и политической борьбой, формулировали требования сель-

¹ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 3, л. 42—43, 8. IV 1905 г.

² „Materiały do dziejów...“, t. II.

³ Там же.

⁴ B. Szmidt. SDKPiL. Materiały i dokumenty. M., 1934.

⁵ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 5, ч. 40, т. I, л. 139, 29. III 1905 г.

⁶ Там же, л. 157, 4. IV 1905 г.

⁷ Там же, лл. 65—67, 17. II 1905 г.

⁸ Там же.

⁹ Там же, л. 113, 14. III 1905 г.

¹⁰ Там же, д. 5, ч. 35, т. I, л. 168.

¹¹ „Z pola walki“, 7. V 1905.

¹² ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 1800, ч. 62, лл. 38—39, 2. X 1905 г.

¹³ „Przegląd socjaldemokratyczny“, 1904, № 4—5, str. 146.

ских рабочих к хозяевам. Такие прокламации были выпущены в Пулавском уезде Люблинской губ. весной 1905 г.¹ В тех районах, где партия вела активную работу, социал-демократия пользовалась большим авторитетом у сельских пролетариев. Батраки гмины Тшебень Козеницкого уезда Радомской губ. даже обратились в марте 1905 г. к СДКПиЛ с просьбой помочь им организовать стачку. Они писали: «Просим партию варшавских рабочих дать указания и советы фольварочной службе в Магнушевских имениях. Нас зверски эксплуатируют, и мы хотим организовать забастовку, но не знаем, как это сделать. В забастовке желают участвовать 4 фольварка графа Яна Замойского... Просим воззваний к народу и ультиматум к графу, в котором нужно потребовать сокращения рабочего времени — потому что летом мы работаем от восхода до заката солнца — и чтобы мы, батраки, не были обязаны держать работников»².

Эти факты свидетельствовали об успехе работы ряда местных социал-демократических организаций среди сельскохозяйственных рабочих. Втягивание в борьбу огромной массы сельских рабочих Р. Люксембург справедливо считала чрезвычайно значительным явлением в жизни Царства Польского³. Однако и здесь партия недооценивала одной важной стороны дела: Р. Люксембург отмечала, как положительное следствие забастовочного движения в деревне, выделение и обособление сельскохозяйственного пролетариата от остальной крестьянской стихии, но она целиком обходила вопрос о значении сельскохозяйственных стачек для пробуждения и воспитания именно этой отсталой крестьянской массы. Крестьянство игнорировалось как революционный фактор, партия проглядела те большие революционные возможности, которые таились в нем. Это привело к тому, что СДКПиЛ пренебрегла работой среди крестьянства и отказалась от возможности использовать его революционную энергию.

Таким образом, возникшее в польской деревне революционное движение крестьянства и батрачества оказалось с самого начала лишенным руководства и предоставленным самому себе. Это давало удобный случай польской буржуазии и помещикам постараться забрать движение в свои руки и использовать его в собственных интересах.

ПОДЪЕМ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ (КОНЕЦ 1905—1906 г.)

Осенью 1905 г. революционная волна в России поднялась на еще большую высоту. Мощные летние стачки пролетариата, вооруженные бои в ряде городов, вспышки недовольства в армии и флоте пробудили к борьбе новые силы. Все шире рос размах революционных выступлений, борьба становилась все более массовой.

С конца 1905 г. крестьянское движение вступило в новую фазу. Словно пожаром охватило оно Россию и ее национальные окраины. В польской деревне этот подъем выразился в росте аграрного движения, обострении национально-освободительной борьбы крестьянства и усилении стачечного движения сельскохозяйственных рабочих. В крестьянской среде все глубже зрело убеждение, что «земля должна принадлежать крестьянам, независимо от того, каким образом это произойдет»⁴. Один из наиболее радикальных проектов, выдвинутых крестьянами, предлагал конфисковать все земли владельцев фольварков, превышающие 15 влок⁵. «Газета Польска» писала

¹ „Z pola walki“, 7. V 1905.

² „Z pola walki“, 29. III 1905.

³ „Materiały do dziejów...“, t. II, str. 81; R. Luksemburg. Co dalej?

⁴ „Kraj“, 1906, № 47, str. 11.

⁵ J. Jeziorański. Op. cit., str. 18.

в январе 1906 г.: «Земельный голод среди наших крестьян, хотя приобретает и иные формы, чем в Империи, является наверняка лишь в небольшой степени менее чувствительным и обоснованным...»¹ «Землевладельцы... должны так же опасаться аграрных беспорядков, как и в глубине России», — предупреждал журнал «Край», указывая, что польский крестьянин «жаден на землю»².

Эта «жадность» крестьян на землю все более ярко проявлялась в захватах ими помещичьих участков, лесов и пастбищ. Так, крестьяне деревни Здзиловицы Яновского уезда Люблинской губ. в ноябре 1905 г. захватили лес, принадлежавший графу Замойскому, прогнали сторожей и стали сами его охранять³. Попрежнему происходили столкновения с помещиками из-за сервитутов.

Особенно широкие размеры приняли порубки и потравы помещичьих и государственных лесов и пастбищ. Нередко большая партия крестьян вывозила за один раз по 50—60 подвод вырубленного дерева⁴. Так, например, в конце декабря 1905 г. жители имения Гелгудышки Владиславского уезда Сувальской губ. вырубili в лесу помещика графа Комара более 10 тыс. штук строевого леса⁵. Обыски в деревнях обычно показывали наличие вырубленного дерева почти у всех крестьян⁶. Повсеместно крестьяне пасли свой скот в государственных и помещичьих лесах, иногда травили даже засеянные панские поля⁷.

В селах изготовлялось «домашним способом разного рода холодное оружие: косы, шилеты, вилы и т. п.»⁸ Крестьяне оказывали вооруженное сопротивление лесной страже. Нередким явлением были убийства лесников и лесничих⁹, поджоги их домов¹⁰. Лесной департамент Главного управления землеустройства и земледелия в своем отношении от 6 апреля 1906 г. так характеризовал положение в польской деревне: «Вся стража обезоружена и терроризирована, многие из чинов стражи хотят уходить со службы, лесничий ежедневно получает письма с угрозами убить его. При таком положении вещей, лесничие не только не могут проживать на казенных усадьбах, но и ездить в лес без опасности для жизни, лесная же стража, совершенно лишена возможности исполнять свои обязанности»¹¹.

В это время участились и случаи нападения крестьян на помещиков. Помещики в ужасе спешили покинуть деревню. Из Радомской губ. телеграфировали: «Помещичьи усадьбы горят. Помещики бегут в города, оставляя свои хозяйства на произвол судьбы»¹². Так, в момент начавшихся аграрных беспорядков граф Комар, владелец имения Гелгудышки Владиславского уезда Сувальской губ. срочно выехал в город вместе со своим управляющим¹³.

Все это говорило о том, что в польской деревне разгоралась серьезная борьба крестьянства против помещиков и царизма. Однако по размаху и остроте это движение уступало революционной борьбе рус-

¹ „Gazeta polska“, 3. I 1906.

² „Kraj“, 1906, № 21, str. 10.

³ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 3, л. 42—43, 29. XI 1905 г.

⁴ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 40, л. 1—2, 21. I 1906 г.

⁵ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 63, л. 5, 21. XII 1905 г.

⁶ Там же.

⁷ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 51, лл. 21—22, 27. VI 1906 г.

⁸ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 40, л. 11, 12. XI 1905 г.

⁹ „Gazeta polska“, 20. II 1906 г.

¹⁰ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 40, л. 3, 20. IV 1906 г.

¹¹ Там же, ч. 36, лл. 3—4.

¹² Цит. по книге: П. П. Маслов. Крестьянское движение в России в эпоху первой революции. М., 1924, стр. 207.

¹³ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 63, л. 18, 21. XII 1905 г.

ского крестьянства. В силу специфики аграрных отношений в польской деревне, большего, по сравнению с Россией, развития капитализма, существования института сервитутного права, — основной линией в движении была борьба за пастбищные и лесные сервитуты и в гораздо меньшей степени борьба за непосредственную передачу крестьянам владельческих земель. Кроме того, то обстоятельство, что крупным собственником земель, лесов и пастбищ в Королевстве Польском являлась казна, придавало аграрному движению оттенок национальной борьбы. Все это накладывало особый отпечаток на аграрное движение польских крестьян и отличало его от крестьянского движения в других частях царской России.

Одновременно с борьбой за разрешение аграрного вопроса польское крестьянство активно выступало против национального гнета, против произвола царской администрации. Повсеместно созывались гминные сходы вопреки желанию властей¹, на них крестьяне увольняли ставленников царской администрации, заменяя их своими кандидатами². Часто крестьяне срывали гминные сходы, отказывались от подписания приговоров³. С новой силой разгорелось школьное движение. В ноябре 1905 г. радомский губернатор телеграфировал в Петербург, донося, что «почти во всех сельских училищах учение... прекратилось»⁴. В ряде мест крестьяне подавали прошения о создании польских католических учебных заведений⁵. «Мы не хотим таких школ, над которыми не было бы духовного руководства», — писали крестьяне из деревни Гутанов⁶.

Особенно широко развернулась борьба крестьян против сбора налогов и податей, против выполнения разного рода повинностей. Крестьяне отказывались платить за прививку оспы и на благотворительные цели⁷, требовали закрытия казенных монополий⁸. 22 ноября 1905 г. в гмине Лилице Плоцкого уезда Плоцкой губ. сход постановил «ввиду трудного положения и полного неустройства в крае подати не платить до будущего 1906 года»⁹. Жители гмины Жмудь Хелмского уезда Люблинской губ. решили понизить в 8 раз оплату страхового сбора за рогатый скот¹⁰. Повсеместно в деревне распространялись воззвания «Союза бойкота податей»¹¹. Под влиянием этих воззваний даже там, где солтысы успевали собрать налоги, крестьяне добивались их возвращения¹². Нередко при этом дело доходило до избияния и даже убийства представителей гминной администрации¹³. Особенную трудность для властей представлял сбор недоимок¹⁴. Большей частью царской администрации приходилось прибегать к помощи войск и принудительной распродаже крестьянского имущества¹⁵.

Однако наибольшей остротой было отмечено движение крестьян за разгром казенных монополий и лавок, гминных управлений и школ, лесничеств и почтовых отделений. Крестьяне уничтожали всю официальную документацию в гмине и школе, книги, вывески. «Во многих местах совершенно

¹ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 1350, ч. 66, лл. 87—88, 2. XII 1905 г.

² Там же, лл. 93—94, 26. XII 1905 г.

³ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 51, л. 13, 27. I 1906 г.

⁴ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 1350, ч. 66, л. 71—73, 6. XI 1905 г.

⁵ „Chłop polski“, 1907, № 14, str. 170.

⁶ „Chłop polski“, 1907, № 21, str. 251.

⁷ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 51, л. 11, 23. I 1906 г.

⁸ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 1350, ч. 66, лл. 67—68, 4. XI 1905 г.

⁹ Там же, л. 1, 3. XII 1905 г.

¹⁰ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 51, л. 6, 7. I 1906 г.

¹¹ Там же, д. 2550, ч. 14, л. 22, 2. I 1906 г.

¹² ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 1350, ч. 66, лл. 71—73, 6. XI 1905 г.

¹³ Там же, д. 9, ч. 38, лл. 35—36, 6. XII 1905 г.

¹⁴ „Dziennik Częstochowski“, 16. III 1906.

¹⁵ „Czerwony sztandar“, 18. I 1906.

уничтожены указательные столбы с русскими надписями, а также царские портреты, находящиеся в гминных управлениях и школах»¹, — писал помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части в своем донесении от 7 декабря 1905 г.

Часты были случаи избияния чинов полиции и администрации. Так, крестьяне колонии Боровин Радомского уезда сопротивлялись ревизии стражника, лесничего и лесника, бросали в них палки и камни². Нередко поводом служило столкновение из-за конфискации оружия у населения³ или из-за сбора налогов⁴. Литовские крестьяне в уездах Сувалкской губ. открыто заявляли, что не нуждаются в полиции и жандармерии, и на сельских сходах принимали решение «при всяком появлении их устраивать засады и убивать»⁵. «Чины полиции преследуются... страшным образом...», — с тревогой писал помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части в декабре 1905 г.⁶

Размах движения и острота его были так велики, что в отдельных местах дело доходило до вооруженных стычек с войсками. Так, около деревни Гейсториньки Сувалкской губ. 40 местных жителей, вооруженных ружьями, сражались с отрядом стражников⁷. Крестьяне действовали очень решительно. Когда в июне 1906 г. в одну из деревень Люблинской губ. явились солдаты для производства принудительной продажи за долги крестьянского имущества, большая толпа крестьян принудила их отступить, причем в ответ на приказ разойтись под угрозой расстрела толпа заявила, что угрозы она не боится и на стрельбу ответит стрельбой⁸. Очень часто такие толпы крестьян отбивали арестованных товарищей, как это было в гмине Бодзентин Келецкой губ.⁹

Особенно широкий размах движение приняло после появления царского манифеста 17 октября 1905 г. По деревням прокатилась волна патриотических манифестаций. Однако при этом национально-освободительное движение польского крестьянства нередко скатывалось на путь национализма, на путь ненависти к русофобству¹⁰. Националистические настроения разжигались помещиками и духовенством, обычно возглавлявшими такие манифестации¹¹. Они стремились захватить в свои руки руководство всем движением и направить его в своих собственных политических интересах. В большинстве случаев им удавалось объединить крестьянство вокруг таких лозунгов, которые имели действительно большое значение: таким лозунгом было, например, требование автономии Польши. Заодно с этим эндеки протаскивали и чисто националистические требования, вроде создания отдельного польского сейма¹².

Однако это не всегда им удавалось. В большинстве случаев крестьяне выступали под революционными лозунгами борьбы против самодержавия. Во время манифестации в Илжецком уезде Радомской губ. демонстранты несли красные флаги, пели «Червоны штандар» и другие революционные

¹ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 1350, ч. 60, лл. 41—45.

² „Kurier Warszawski“, 8. II 1906.

³ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 40, лл. 1—2, 21. I 1906 г.

⁴ „Gazeta polska“, 31. III 1906.

⁵ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 1350, ч. 60, лл. 41—45, 7. XII 1905 г.

⁶ Там же.

⁷ Там же, д. 2550, ч. 63, лл. 6—7, 25. XI 1905 г.

⁸ „Czerwony sztandar“, 27. VI 1906.

⁹ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 16, л. 6, 21. VI 1905 г.

¹⁰ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 1350, ч. 13, ч. 46, ч. 66.

¹¹ Там же, ч. 46, лл. 39—40, 15. XI 1905 г.

¹² „Materiały do dziejów...“, t. II, str. 149.

песни. Среди них раздавались возгласы «Да здравствует революция!»¹ Ораторы призывали к свержению царизма², так, крестьянин Август Потас из села Бартики Сувалской губ. сказал в своей речи: «Нам царь не нужен, правительства и министров тоже не нужно... Я за это сидел под стражей и меня мучили, а все же держусь своего»³. Эти факты показывают, что под влиянием нараставшего революционного подъема, под влиянием решительных выступлений русского и польского пролетариата росло сознание крестьянских масс, которые начали понимать, что царизм является душителем не только их национальных свобод, но и душителем всякой свободы.

Власти спешили принять меры, чтобы уничтожить движение. С этой целью они прибегали к испытанному приему: с одной стороны, заигрывали с крестьянством, с другой — жестоко подавляли крестьянские выступления. Желая «увещевать» польских крестьян, генерал-губернатор Седлецкой губ. Сыкалов 27 декабря 1905 г. обратился к ним с демагогическим воззванием, в котором всячески расписывал «благодетельства царизма»⁴.

Правительство широко применяло также и репрессивные меры. Во многих гминах, участвовавших в движении, правления были опечатаны⁵. Военские команды разгоняли гминные собрания, производили принудительный сбор налогов⁶. За отказ от уплаты налогов на гмину накладывался штраф в 3 тыс. руб.⁷ Штраф полагался и за убийство стражника⁸.

Для того чтобы воспрепятствовать нападениям крестьян на казенные лавки и монополии, седлецкий губернатор ввел крестьянскую сторожевую службу, уклонение от которой каралось трехмесячным арестом или штрафом в 3 тыс. руб.⁹, а начальник Радомского уезда приказал в каждой гмине постоянно держать наготове две повозки для оказания помощи полиции¹⁰. Однако все эти меры не могли задушить движения, оно ширилось и становилось все ожесточеннее.

Активизация выступлений крестьян за разрешение аграрного вопроса, против гнета царизма сопровождалась ростом стачечной борьбы сельскохозяйственного пролетариата.

Новая волна стачек возникла с началом весенних полевых работ в марте 1906 г. Она уступала мартовскому движению 1905 г., но тем не менее в ней принимали участие батраки 265 фольварков¹¹. Однако высшей точкой сельскохозяйственного забастовочного движения 1906 г. была июльская стачка, в которой принимало участие 50 тыс. батраков¹². Всего сельскохозяйственными стачками в 1906 г. был охвачен 61 уезд из 84 уездов Королевства Польского, тогда как в 1905 г. движением было охвачено 47 уездов¹³. Борьба разгоралась, как «пожар, которому ничто не может противостоять»¹⁴. Наиболее активно действовали батраки в Люблинской

¹ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 1350, ч. 66, лл. 33—35, 25. VIII 1905 г.; лл. 78—82, 17. XI 1905 г.

² Там же, лл. 78—82, 17. XI 1905 г.

³ Там же, л. 39, 17. XI 1905 г.

⁴ „Gazeta Kielecka“, 14. I 1906.

⁵ „Goniec Lubelski“, 5. I 1906.

⁶ „Kraj“, 1906, № 9, стр. 9.

⁷ „Gazeta polska“, 22. II 1906.

⁸ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 40, лл. 12—13, 25. I 1906 г.

⁹ „Kraj“, 1906, № 16, стр. 10.

¹⁰ „Gazeta polska“, 19. III 1907.

¹¹ „Robotnik“, 5. V 1906.

¹² „Czerwony sztandar“, 27. VII 1906.

¹³ Цифры составлены на основе архивных и газетных данных, а также на основе данных, приводимых в статье St. Kalabiński, F. Tych. Walki mas chłopskich w Królestwie Polskim w rewolucji 1905—1907. „Kwartalnik historyczny“, № 4—5.

¹⁴ „Życie gromadzkie“, 28. VII 1906.

и Варшавской губерниях, а также в Ленчицком уезде Калишской губ., в Липновском уезде Плоцкой губ. и ряде уездов Сувалкской губ.

Стачки 1906 г. были более массовыми, в них принимали участие иногда даже фольварочные ремесленники¹. В ряде случаев число батраков, бастовавших одновременно на фольварке или в ряде фольварков одного имения, достигало нескольких сот. Так, в июле 1906 г. в Люблинском уезде на фольварке Кияны в стачке участвовало 150 человек, в Завеншицах — 200, в Чеханках — 180, в Ланцухове — 110, в Милиеве — 200 человек². В имении пана Валевского около Лещмежа Ленчицкого уезда Калишской губ. летом 1906 г. бастовало 240 человек³.

Бастующие попрежнему выдвигали в первую очередь экономические требования. Поденщики были заинтересованы в повышении дневной платы. Во время жатвы они требовали обычно 75 коп. в день для мужчины и 50 коп. для женщины, вместо 35 коп., которые, как правило, платили помещики⁴. Требованием поденщиков-косарей было увеличение платы с 40 коп. до 1 руб., а в иных случаях — и до 2 руб. в день⁵. Нередким требованием также было установление дополнительной оплаты женам батраков, ухаживавшим за скотиной⁶. Ординарии и коморники, как и раньше, требовали повышения денежной и натуральной оплаты, увеличения земельных участков. Так, в имениях Соколовского уезда Седлецкой губ. стачечники потребовали дать им в 2 раза больше земли под картофель⁷.

С начала 1906 г. разгорелась борьба батраков за улучшение условий труда и быта. Рабочие фольварка Любомирского в Сохачевском уезде Варшавской губ. выдвинули требование уменьшения рабочего дня⁸. По словам социал-демократической брошюры «Что должен делать сельский люд?» обычным требованием бастующих был 11-часовой рабочий день⁹. В ряде случаев батраки выступали против тех ужасных жилищных условий, в которых они находились. «Мы хотели бы, — писали фольварочные рабочие в журнале «Хлоп польски», — чтобы в жилище двери и окна были годны для зимы, чтобы помещик белил нам помещения за свой счет два раза в год..., чтобы крыши на избах были целые и не лило бы нам на голову во время дождя, как это происходит во многих местах, чтобы у каждого работника был хлев... Каждый работник должен иметь погреб для картофеля... Недалеко от избы должен быть порядочный колодец»¹⁰. Общим требованием было также требование охраны труда за счет помещика, бесплатной врачебной помощи и лечения, бесплатного обучения детей сельскохозяйственных рабочих¹¹.

Батраки решительно выступали и за отмену «посылки» (Люблинская¹² и Сувалкская губернии¹³). Часто выдвигалось условие ликвидации «посылки» при сохранении платы за ее содержание¹⁴.

Чрезвычайно распространенным было требование бастующих о признании 1 апреля началом срока найма. Во время стачки в деревне Миланув

¹ „Wiadomości Częstochowskie“, 29. VI 1906.

² „Czerwony sztandar“, 27. VII 1906.

³ „Wiadomości Częstochowskie“, 29. VI 1906.

⁴ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 51, лл. 20—24, 14. VI 1906 г.

⁵ „Wiadomości Częstochowskie“, 29. VII 1906.

⁶ „Życie gromadzkie“, 28. VII 1906.

⁷ Там же.

⁸ „Czerwony sztandar“, 27. VII 1906.

⁹ SDKPiL. Co ma czynić..., str. 11—12.

¹⁰ „Chłop polski“, 1907, № 34, str. 402.

¹¹ SDKPiL. Co ma czynić..., str. 11—12.

¹² ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 51, л. 25, 6. VII 1906 г.

¹³ Там же, д. 700, ч. 36, л. 6, 3. VII 1906 г.

¹⁴ Там же, л. 8, 5. VII 1906 г.

Радзинского уезда Седлецкой губ. в июле 1906 г. батраки пытались добиться замены осеннего срока найма на весенний. Осенний срок найма был выгоден хозяевам, так как в это время полевые работы были закончены и можно было выкинуть на улицу ненужных рабочих. В то же время и цены на рабочие руки в этот период резко падали, так что рабочему приходилось наниматься на нищенских условиях, чтобы не умереть зимой с голоду. Борьба за замену осеннего срока найма на весенний отражала протест сельскохозяйственного пролетариата против хищнической капиталистической эксплуатации наемного труда со стороны помещиков и кулаков.

Во время стачек 1906 г. сельские рабочие энергично отстаивали свои человеческие права и достоинство. Так, батраки фольварка Паликие Пулавского уезда Люблинской губ. добивались удаления писаря и эконома, проявивших себя жестокими и корыстными самодурами, и при помощи стачки сумели заставить пана уступить¹. На фольварке Барткунишки Кальварийского уезда Сувальской губ. стачка началась в ответ на избиение одного из рабочих управляющим². В ряде случаев бастующие требовали равенства в труде, отмены старшинства³, требовали от хозяев предупреждать заранее об увольнении и не увольнять рабочего без согласия всех других⁴. Нередко бастующие выдвигали требование заключения договора о найме и подписания письменного соглашения, как это было во время стачки фольварочной службы в Блонском уезде Варшавской губ.⁵

Там, где среди батраков вела работу СДКПиЛ, классовое и политическое сознание сельскохозяйственных пролетариев было более высоким. Примером этого могут служить уезды Люблинской и Седлецкой губерний, где действовали агитаторы СДКПиЛ. Так, в деревне Миланув Радзинского уезда Седлецкой губ. бастующие выдвинули требование признать право празднования 1 мая — дня солидарности всего пролетариата⁶.

Это показывало, что, хотя непосредственной основой для стачек было стихийное стремление сельскохозяйственного пролетариата улучшить свое материальное положение, тем не менее большую роль в движении сыграл факт осознания рабочими своей силы, своей профессиональной и классовой общности, с одной стороны, и своей противоположности классу хозяев — с другой.

Стачки 1906 г., особенно июльские, отличались упорным характером, они длились иногда по 12—17 дней⁷. В отстаивании своих требований бастующие проявляли большую настойчивость и решительность. В 1906 г. рабочие нескольких имений гмины Мирче Грубешовского уезда Люблинской губ. неоднократно прогоняли с полей штрейкбрехеров, завербованных помещиками в соседнем уезде⁸. Таким же образом действовали и батраки в имении Жерники Томашевского уезда Люблинской губ.⁹. В ряде случаев, когда помещик не соглашался удовлетворить требования бастующих, объявлялась так называемая острая стачка: батраки не позволяли работать фольварочным ремесленникам и домашним служащим, не позволяли ухаживать за скотом, не позволяли вывозить молоко и другие продукты¹⁰. Такая стачка проходила в Лещмежских имениях Ленчицкого уезда Калишской губ. летом 1906 г.

¹ „Czerwony sztandar“, 30. VIII 1906.

² ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 36, л. 10, 10. VII 1906 г.

³ Там же, л. 8, 5. VII 1906 г.

⁴ Там же, ч. 51, л. 25, 6. VII 1906 г.

⁵ „Kurier Warszawski“, 24. IV 1906.

⁶ „Czerwony sztandar“, 27. VII 1906.

⁷ Там же.

⁸ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 51, лл. 20—24, 14 и 30. VI 1906 г.

⁹ „Gazeta polska“, 25. VI 1906.

¹⁰ „Kurier Warszawski“, 21. IV 1906.

Рабочие грозили даже, что не дадут снять урожай с помещичьих полей¹. «Фольварочная служба не хочет ничего делать и никому не разрешает»², — сообщала в июле 1906 г. газета «Гłos людю» относительно забастовки под Отвоцком. Иногда уход за скотом разрешался самому помещику и его семье³. В других случаях батраки, жалея скотину, доили коров, но молоко выливали в навоз, как это было в Рентфинах Рыпинского уезда Плоцкой губ.⁴

Батраки выдвигали свои требования «в дерзкой форме»⁵, выкрикивали угрозы по адресу помещика и лиц администрации⁶. В ряде случаев бастующие вывозили в тачках фольварочную администрацию⁷, иногда задерживали помещиков на фольварке⁸. В имении Скшенице Люблинского уезда батраки сломали сельскохозяйственные машины, принадлежавшие владельцу фольварка⁹. В Любартовском уезде Люблинской губ. был убит администратор имения Козлуки — Раковский, отличавшийся жестокостью и неуступчивостью¹⁰. 16 июня 1906 г. на фольварке Слешинек Кутновского уезда Калишской губ. батраки разгромили дом и убили управляющего Буковского и гимназиста Брудницкого, стрелявших в бастующих и ранивших трех человек¹¹. В имении под Петроковым вся служба осадила помещичий дом, где укрылся пан, убивший одного из рабочих, и несомненно, батраки растерзали бы убийцу, не подоспей полиция на его защиту¹².

Стачки сельскохозяйственных рабочих являлись демонстрацией сплоченности и солидарности бастующих. Активно поддерживали батраков в Добжелине Кутновского уезда Варшавской губ. рабочие фабрик Валентинова и Добжелина¹³. Фольварочной службе имения Паликие Пулавского уезда Люблинской губ. удалось добиться успеха только благодаря помощи сельскохозяйственных рабочих соседнего фольварка Войцехова, отказавшихся занять место бастовавших. На страницах газеты «Червоны штандар» стачечники, выражая благодарность батракам Войцехова за поддержку, писали: «Единственным оружием в борьбе против гнета администрации, дворов и фольварков является солидарность сельского пролетариата»¹⁴.

Это оружие было грозным для помещиков. Стачки наносили серьезный материальный ущерб панскому хозяйству. В результате летней стачки 1906 г. в Люблинской губ. важная техническая культура сурепка не была собрана и осыпалась на корню¹⁵. Точно так же погибал урожай и других культур. «Положение владельцев фольварков поистине достойно сожаления, — отмечала в июне 1906 г. газета «Гłos людю», — хлеба поспели, рожь скоро начнет осыпаться на ниве, а целые поля стоят нетронутыми, потому что никто не хочет выйти на поле ни с косой, ни с серпом»¹⁶.

Стачки не только наносили материальный ущерб помещикам, но и вызывали у них серьезные опасения за свою судьбу. Уже в марте 1906 г. «Га-

¹ „Głos ludu“, 15. VII 1906.

² „Głos ludu“, 26. VII 1906.

³ Там же.

⁴ „Kurier Warszawski“, 5. V 1906.

⁵ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 1, ч. 54, л. А, лл. 1—18, 28. II 1906 г.

⁶ Там же, д. 700, ч. 51, лл. 23—24 30. VI 1906 г.

⁷ „Kurier Warszawski“, 23. III 1906.

⁸ „Głos ludu“, 15. VII 1906.

⁹ „Dziennik Lubelski“, 21. I 1906.

¹⁰ „Rolnik polski“, 12. X 1907.

¹¹ „Gazeta Kaliska“, 20. VI 1906.

¹² „Wiadomości Częstochowskie“, 28. VI 1906.

¹³ „Tydzień Piotrkowski“, 24. VI 1906.

¹⁴ „Czerwony sztandar“, 30. VIII 1906.

¹⁵ „Głos ludu“, 26. VII 1906.

¹⁶ „Głos ludu“, 15. VII 1906.

зета польска» вынуждена была признать, что «большинство помещиков смотрит на современные социальные отношения в деревне с большим беспокойством» и что ситуация в области аграрных отношений в ближайшем будущем может выглядеть угрожающе¹. В марте 1906 г. газеты почти ежедневно сообщали о прибытии в Варшаву помещиков, срочно выехавших из своих имений². Некоторые землевладельцы вызывали войска. Граф Тагановский, администратор имения Красне, даже заранее оплатил все военные расходы³, а один помещик в Люблинской губ. брался за свой счет держать шесть земских стражников и просил на это санкции губернатора⁴. Особенно напугала помещиков июльская стачка 1906 г. В Кутновском, Скерневицком и ряде других уездов Варшавской губ. отдельные владельцы фольварков, опасаясь стачек, откладывали жатву⁵. Некоторые добровольно повышали плату работникам, не ожидая требований с их стороны⁶. По данным Шестакова, $\frac{1}{3}$ всех стачек 1906 г. закончилась победой рабочих⁷. «Землевладельцы, одни под влиянием страха, другие — из общеэкономических побуждений, наконец, третьи — из добровольного чувства, что при изменении общественно-экономических условий должна быть изменена и судьба широких слоев фольварочной службы, поспешили с определенными облегчениями и улучшениями», — писала газета «Эха Плоцке и Влоцлавске». В Варшавской губ. все паны согласились на уступки, так же как и во время весенней стачки 1905 г.⁸ Чаще всего администрация сдавалась уже на 4—5 день забастовки⁹, но иногда рабочие одерживали победу в 24 часа с начала стачки, как это было в деревне Пландза Радзинского уезда Седлецкой губ.¹⁰

Результатом стачек 1906 г. было увеличение денежного и натурального вознаграждения ординариям и коморникам, повышение поденной платы, изменение срока найма. Например, батраки в Лещмеже после упорной борьбы добились получения 30 руб., 14 корцев зерна, 2 сажень дерева и 10 корцев угля в год на ординарию, добились права содержать двух коров на хозяйских кормах. Наемным рабочим дневная плата была увеличена на 5 коп. и стала равна 20—40 коп.¹¹ В Любартовском уезде Люблинской губ., где стачки отличались широким размахом и организованностью, стачечники также получили повышение платы до 30 руб. и 15 корцев, получили 200 прентов¹² земли, право содержания двух коров на тех же кормах, что и помещичий скот, добились права на получение нужного им количества дров¹³. Кое-где рабочим стали выдавать 3 кварты молока во время летних работ¹⁴. В других местах были облегчены или вовсе отменены «посылки»¹⁵. В ряде случаев помещики обязывались держать доктора, платить за лекарства и за обучение детей батраков¹⁶.

Все эти уступки были вырваны у помещиков благодаря стачкам. Насколько большую роль сыграли стачки 1905—1907 гг. в улучшении мате-

¹ „Gazeta polska“, 2. III 1906.

² „Kurier Warszawski“, 23. III 1906.

³ „Czerwony sztandar“, 13. IV 1906.

⁴ „Gazeta polska“, 29. I 1906.

⁵ „Gazeta Kielecka“, 11. VII 1906.

⁶ „Kurier Warszawski“, 28. IV 1906.

⁷ А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 65—66.

⁸ „Kraj“, 1906, № 17, стр. 9.

⁹ „Czerwony sztandar“, 27. VII 1906.

¹⁰ Там же.

¹¹ „Wiadomości Częstochowskie“, 29. VII 1906.

¹² 1 прент ≈ 17 м².

¹³ „Czerwony sztandar“, 27. VII 1906.

¹⁴ „Kurier Warszawski“, 22. IV 1906.

¹⁵ Там же.

¹⁶ „Życie gromadzkie“, 4. VIII 1906.

риального положения сельскохозяйственного пролетариата, показывает такое сопоставление: если более чем за 40 лет с 1861 по 1903 г. денежная плата ординария в Королевстве Польском поднялась на 40%, то за революционные годы она выросла на 53%¹.

Наиболее важным при этом были даже не сами льготы, которых добились рабочие в 1905—1906 гг., так как впоследствии панам удалось почти свести на нет материальные завоевания стачечной борьбы. Важен был сам опыт этой борьбы, многому научившей батраков. «Рабочий воочию убедился, — отмечал Мархлевский, — что завоевание лучших условий возможно, а это способствовало тому, что в нем родился новый дух сопротивления и ощущение своей силы»². Движение батраков имело значение грозного предупреждения лагерю реакции, оно продемонстрировало силу и решительность сельских пролетариев, заставило дрожать помещиков и деревенскую буржуазию.

Борьба крестьянства за землю и национальные права сопровождалась дальнейшим ростом его сознательности: польское крестьянство впервые в своей истории создало самостоятельную политическую организацию.

Такой организацией явился возникший в конце 1904 г. и окончательно оформившийся весной 1905 г. Польский Крестьянский Союз. Инициатива создания этого Союза принадлежала группе крестьян и сельских интеллигентов. Активную роль в Союзе играли крестьяне Кочара, Дептула (Пултусский уезд), Курчак (Ловицкий уезд), Василевский (Скерневицкий уезд), Бурский, Бжезинский (Ленчицкий уезд) и многие другие³.

Организация имела нелегальный печатный орган «Глос громадзки»⁴ и ряд последовательно сменявшихся легальных органов: «Сноп», «Весь польска», «Жыче громадзке», «Загон», «Севба», «Заране»⁵. Популярность Союза среди крестьянства была очень значительной. Об этом говорил факт наличия нескольких тысяч подписчиков на газету «Жыче громадзке»⁶.

С начала 1906 г. деятельность Союза стала особенно активной.

Польский Крестьянский Союз вел за собой широкие массы малоземельного и среднего крестьянства. Поэтому в его программе и действиях не могли не найти известного отражения надежды и стремления угнетенного польского крестьянина. Это особенно наглядно проявлялось в выступлениях крестьян на страницах печати Союза. Подвергаясь эксплуатации со стороны имущих классов, крестьянин в Королевстве Польском начинал осознавать, что «нужда и нищета происходят от порочного социального устройства во всем крае»⁷. «Об изменении этого строя мы и думаем и мы добьемся его», — писала газета «Жыче громадзке»⁸. Требования крестьянства определялись тремя лозунгами: «земля, свобода и просвещение»⁹. Под этим понималось уничтожение малоземелья и наделение крестьян землей из казенных и помещичьих латифундий, действительное использование крестьянами всех гражданских прав и демократических свобод, предоставление им возможности получить образование. «Мы требуем благосостояния для всего народа, требуем школ и уничтожения темноты»¹⁰, — писала газета «Загон». — Ликвидация общественной несправедливости, стремление к гражданскому равен-

¹ J. Rutkowski. Op. cit., str. 295.

² J. Marchlewski. Pisma..., str. 650.

³ T. Reck. Ruch ludowy w Polsce, T I, Łódź, 1946, str. 40.

⁴ H. Syska. Od „Kmiotka” do „Zarania”..., str. 191.

⁵ T. Reck. Op. cit., str. 40.

⁶ Там же, стр. 41.

⁷ „Życie gromadzkie”, 18. VIII 1906.

⁸ Там же.

⁹ „Życie gromadzkie”, 21. VI 1906.

¹⁰ „Zagon”, 26. I 1907.

ству, предоставление возможности образования всем, независимо от происхождения и пола, а не болтовня о единстве, является подлинной работой»¹.

Эти лозунги отражали интересы крестьянских масс, однако демократическое течение в Союзе, выдвигавшее их, было слабым и неоформленным. Руководство организацией находилось в руках зажиточных крестьян, и это обстоятельство во многом способствовало тому, что Крестьянский Союз не сумел выработать четкой и ясной программы, которая отвечала бы коренным интересам крестьянства.

По главному для крестьян аграрному вопросу выдвигались различные проекты. Съезд крестьян восьми губерний Королевства Польского, созванный Союзом в Варшаве 29 июня 1906 г., отверг национализацию земли и постановил принудительно отобрать все земли крупных собственников (помещичьи, майоратные, государственные, кулацкие и пр.), причем за все земли, кроме государственных, полагался выкуп. Отобранные земли предполагалось раздать безземельным и малоземельным. Национализации должны были подвергнуться все леса, воды, неудобные земли, шахты и дороги. Кроме того, съезд решил произвести принудительное уничтожение череспослосицы, ввести прогрессивный налог и налоги на предметы роскоши и уничтожить косвенные налоги на предметы потребления². Проект 299 крестьян Ловицкого уезда предусматривал раздачу конфискованной земли крестьянам в 5-летнюю аренду участками в 12 моргов и меньше. По прошествии пяти лет арендуемый участок должен был переходить в собственность, до того арендную плату предполагалось исчислять исходя из $\frac{1}{10}$ части урожая³. Этот проект отражал интересы малоземельного и безземельного крестьянства. Польский Крестьянский Союз ставил вопрос о широком кооперировании крестьянства вплоть до организации производственных кооперативов. Однако на практике кооперативное движение проводилось по линиям обеспечения взаимной помощи, кредита и обмена агротехническими знаниями⁴.

Все эти предложения экономического характера отражали, с одной стороны, особенность социально-экономических отношений в польской деревне, а с другой — свидетельствовали о борьбе течений внутри самого Союза, а следовательно, — и о борьбе внутри крестьянства. Национализация земли казалась польскому крестьянину нелепой, причина этого лежала в большой привязанности его к частной собственности. 40 лет, истекшие со времени реформы 1864 г., приучили его чувствовать себя настоящим собственником и способствовали укоренению в его сознании всех частнособственнических инстинктов и предрассудков. «В нашем крае на собственность смотрят как на вещь святую и неприкосновенную. Наш крестьянин никогда и ни за что не согласится на огосударствление земли», — говорил в Государственной думе польский посол Наконечный⁵. «Только на собственной земле может быть действительный прогресс земледелия»⁶, — так думало еще большинство польского крестьянства. Поэтому крестьяне очень горячо реагировали на обсуждение в Думе вопроса о национализации земли. В ответ на письмо посла Мантеруса, обратившегося к своим избирателям по этому вопросу, крестьяне со всех сторон слали в столицу наказания, в которых выражали желание, «чтобы земля, боже сохрани, не была ни огосударствлена, ни национализирована, но чтобы единственно переходила в качестве собствен-

¹ „Zagon“, 13. IV 1907.

² „Zycie gromadzkie“, 11. VIII 1906.

³ „Zagon“, 30. III 1907.

⁴ „Zycie gromadzkie“, 21. VII 1906.

⁵ „Przyjaciół ludu“, 29. VI 1906.

⁶ „Tydzień Piotrkowski“, 24. VI 1906.

ности в руки польских парцелляционных банков...»¹. Как отмечала газета «Жыче громадзке», в принятии таких наказов большую роль сыграли помещики и ксендзы, которые распространяли слухи, будто после национализации землю отберут у крестьян и отдадут русским². Такую же агитацию вели кулаки и зажиточные крестьяне. Именно их влиянием объясняется тот факт, что Польский Крестьянский Союз не выдвинул требования принудительной безвозмездной конфискации помещичьих и кулацких земель, хотя стремление отобрать землю у помещиков существовало среди широких масс малоземельного и безземельного крестьянства. Таким образом, результаты агитации буржуазно-помещичьего лагеря, и прежде всего наиболее активной его части в лице партии эндеков, были налицо. Это отмечал Ленин еще в 1907 г., он писал: «Буржуазия, искусно играя в Польше на национальном угнетении всех поляков, на религиозном угнетении всех католиков, — буржуазия ищет и находит известную опору в массах. О крестьянстве польском нечего и говорить»³. Эндековская часть буржуазии и помещиков пользовалась националистической агитацией, чтобы, с одной стороны, замазать классовые антагонизмы баснями о всеобщем национальном единении, а с другой — отвлечь крестьян от серьезной, революционной, радикальной борьбы за землю и демократические свободы. Именно под руководством эндеков проходил 17 декабря 1905 г. в Варшаве крестьянский съезд, на котором было принято решение требовать автономии Польши, учреждения отдельного сейма в Варшаве, введения польского языка в школе и гмине, провозглашалось национальное единство Польши, рекомендовалось заключение полюбовных соглашений между рабочими и помещиками и ни слова не говорилось о земле⁴. Влияние эндеков в известной мере отразилось и на деятельности Польского Крестьянского Союза, способствуя ограничению его демократических стремлений.

Однако руководству Союза не удалось совершенно задуть свежую демократическую струю, отражавшую настроения широких крестьянских масс, объединявшихся вокруг Союза. Эта струя нередко прорывалась на поверхность и указывала новое направление деятельности организации. Наиболее ярко это проявилось в самоотверженных выступлениях Союза против царизма, обличавших зверства и ужасы самодержавного гнета, показывавших, на какие муки и лишения обрекает царизм весь польский народ и особенно крестьянство.

3 мая 1905 г. вышел манифест Союза «К братьям крестьянам!», в котором с горькой иронией выражалась благодарность царскому правительству, своими притеснениями разбудившему народ к борьбе⁵. Нелегальный орган Союза «Глос громадзки» подчеркивал, что наступающий момент является решающим и роковым для судьбы самодержавия, что революционная волна поставила под вопрос само существование царизма. Обращаясь к царю, он писал: «Царь гробов, царь виселиц, царь трупов, пришло время, сеятель голода! Убийца, отравитель! Каин человечества, палач невинных народов! Пробил час великой расплаты. Эта расплата продлится долго, ибо ты еще силен, но самая большая сила должна рухнуть, если вырастет на несправедливости, убийстве и грабеже! Все трупы встанут с полей битв и начнут стучать в двери твоего дворца! Вся пролитая кровь потечет алой волной и

¹ „Życie gromadzkie“, 21. VII 1906.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 45.

⁴ „Gazeta Radomska“, 20. XII 1905.

⁵ Цит. по книге: Н. Syska. Przez walkę do zwycięstwa. Szkice publicystyczne z przeszłości ruchu ludowego. Warszawa, 1949, str. 44.

зальет тебя!»¹. Но Польский Крестьянский Союз не только констатировал наличие революционного подъема в стране. Он призывал польский народ принять в революционной борьбе активное участие, он понимал, что только в борьбе можно завоевать светлое будущее. «Свобода и лучшая доля не упадут нам с неба, — говорил Манифест Союза. — Много нам нужно бороться за нее, не прекращая борьбы ни на минуту, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Будем бороться на каждом шагу с произволом царских урядников, не позволим обирать, третировать, оскорблять себя! Всегда и во всем мы должны вредить правительству, во всем чинить ему препятствия, ни в чем не доверять, всему сопротивляться... На борьбу все разом и смело!»².

В своей практической деятельности Союз вел активную работу, готовясь к вооруженной борьбе с царизмом. Создавались боевые дружины, практиковался террор по отношению к царской администрации. По словам Сыски, в ноябре 1906 г. под Наленчевом происходила пробная мобилизация крестьян, на которую прибыло до 300 человек, вооруженных револьверами³.

Демократическая часть Союза сознавала, что нужно не только победить царизм, вырвать свободу, но и суметь использовать эту свободу в своих интересах⁴. Понимание свободы, как подлинной демократии, предоставляющей народу действительные гарантированные права, свидетельствовало о росте политического сознания крестьянства. Это видно из отношения крестьян к манифесту 17 октября 1905 г. Так, в посаде Лятовичи крестьяне на своем собрании признали конституцию 17 октября недостаточной и не предоставляющей никаких гарантий⁵.

О сдвигах, происшедших в крестьянском сознании, особенно убедительно говорят факты, рисующие отношения крестьянства к помещикам, духовенству, кулакам. Недоверие к панам, чувство враждебности к ним было так сильно, что любое обстоятельство вызывало подозрения у крестьян. Так, по сообщению помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части, 30 октября 1905 г. в посаде Колбель Ново-Минского уезда Варшавской губ. во время чтения и разъяснения октябрьского манифеста местным помещиком жители из окрестных деревень «высказывали недовольным тоном: «Помещики опять, видно, хотят нас взять под свой кнут»»⁶. Это недоверие к «фальшивым друзьям»⁷, к тем, кто «всегда трудится для народа и над народом, но никогда с народом»⁸, кроме многолетнего горького опыта, основывалось на постепенном осознании крестьянством классовой противоположности своих интересов интересам помещиков. Газета «Загон», являвшаяся органом Польского Крестьянского Союза, писала в январе 1907 г.: «Нужно помнить, что каждый класс имеет свои интересы и будет стремиться их защищать... Разве должно трогать крупных помещиков существование у нас чересполосицы, когда им и так хорошо?.. Или, может, их задевает то, что нам негде купить дерева? Больше всего заботит панов, чтобы фольварки не были лишены земли»⁹. Эти слова показывают умение четко определить, в чем заключались классовые интересы крупной собствен-

¹ Цит. по книге: H. Syska. Przez walkę..., str. 54.

² Там же, стр. 46—48.

³ Там же, стр. 61—62.

⁴ Там же, стр. 48.

⁵ П. П. Маслов. Указ. соч., стр. 87—88.

⁶ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 1350, ч. 10, л. 141, 5. XI 1905 г.

⁷ „Życie gromadzkie“, 18. VIII 1906.

⁸ „Echa Piotrkowskie“, 28. IV 1907.

⁹ „Zagon“, 26. I 1907.

ности. Исходя из этого, передовые крестьяне критиковали и разоблачали басни эндеков о национальном единстве и классовом мире. «Пока нет равенства между всеми, пока существуют эксплуататоры и эксплуатируемые, пока одни наживаются на притеснении других — о единстве не может быть и речи, — писал в том же «Загоне» крестьянин Петр Кочара. — Утверждение, что ваши и наши интересы общи для всех, есть не что иное, как только замазывание глаз глупым людям... Вы маскируетесь, для вас речь идет, главным образом, о своей шкуре, вы хотели бы и дальше оставаться тем, чем являетесь сейчас, а крестьянин? Крестьянин, чтобы опять был крестьянином. Но это не желание крестьянства»¹. Передовой крестьянин не верил, что автономия всецело разрешит крестьянский вопрос², он видел в национальной борьбе лишь этап на пути к лучшей доле. Именно с этой точки зрения он рассматривал совместные выступления крестьянства со шляхтой. «Сегодня паны хотят, чтобы у нас был польский язык в школах и учреждениях, хотят удалить русскую бюрократию, и мы хотим того же. Поэтому мы работаем вместе, — писал в газете «Загон» крестьянин из-под Радома. — Но там, где паны хотят чего-либо иного, чем мы, — там мы не можем объединяться»³. О том, насколько чужда и враждебна польскому крестьянству была польская шляхта, какую большую разницу видели крестьяне в положении своем и помещиков, очень убедительно свидетельствуют красочные и гневные стихи крестьянских поэтов, которые печатались на страницах «Загона», «Севбы» и других газет. Вот одно из таких стихотворений, написанное крестьянином из-под Мехова:

Шумно, людно в доме пана,
Поздно ночью, утром рано,
Крики, стекол звон,
А поодаль, в хатах грязных,
Закопченных, безобразных,
Слышен тяжкий стон.
Стонут те, что всех питают,
Спину весь свой век сгибают,
Рыцари труда,
Те, что пахут, жнут и сеют
До седин... но не имеют
Хлеба никогда.
Те, чьи руки тверды, черны,
Чье чело в труде упорном
Орошает пот.
А за труд и за терпенье
Плата — голод и презренье,
Вот обильный плод.
Стонет то народ несчастный,
День и ночь он шлет напрасно
К небесам свой крик.
Каждый зло на нем срывает,
Жизнь и силы выпивает,
Это ведь мужик!
Ой, крестьянин! Брат мой милый!
Мрак в избе твоей унылой,
Хата, точно гроб.

¹ „Zagon“, 13. IV 1907.

² „Siewba“, 1. VI 1907.

³ Цит. по книге: H. Syska. Przez walkę..., str. 53.

Там убранство дорогое,
 Серебром блестят покои,
 Ты ж трудись, холоп!
 Слышишь? Звон идет хрустальный...
 Ты же музыке кандалной
 Лишь внимать привык.
 Встань! Разбей свои оковы!
 Песня вольности суровой
 Пусть заменит крик¹.

Здесь слышны не только горькое отчаяние бедняка, не только страшная ненависть к помещикам-эксплуататорам, но и твердая уверенность в своих силах, призыв к борьбе против угнетения. Этот призыв крестьянская газета бросала в массы. Поэтому так злобно выступали паны против крестьянской печати, против всей деятельности Польского Крестьянского Союза.

В этом им активно помогали все реакционные силы польского общества и в первую очередь католическая церковь. Духовенство в своих проповедях, на исповеди старалось внушать крестьянам покорность, терпение, осуждало борьбу как «грех». Епископ Келецкий предписывал священникам разъяснять своим прихожанам, что «те из них, которые, несмотря на епископский запрет, читают или поддерживают газету «Заране» и заранярское движение, грешат»². Один из читателей «Загона» жаловался, что в воскресенье с амвона, вместо «божьего слова», человек слышит от ксендза лишь различные ругательства, оскорбления, а иногда и проклятия³. Но эта «агитация» духовенства приводила к прозрению крестьянина, он все больше убеждался в том, что ксендзы действуют на руку помещикам⁴, что они стремятся «завязать глаза» народу, ибо «дело идет об их собственном интересе»⁵. Все это приводило его к мысли о необходимости самому позаботиться о своих нуждах, не надеясь ни на кого другого. «До сих пор крестьянин был совершенно лишен возможности хоть в какой-то мере решать свою судьбу, — писала газета «Жыче громадзке». — Он привык получать приказания сверху и, хотя чувствовал недовольство в связи с этим, видел несправедливость, тем не менее не мог поднять голос и напомнить о ней»⁶. Но теперь крестьяне уже не хотели оставаться в прежнем положении. «Почему же, скажите, пожалуйста, мы должны работать своими руками, а думать — вашей головой, вашим умом?», — писала та же газета «Жыче громадзке», обращаясь к эндекам⁷.

Это настроение крестьян прежде всего проявилось в вопросе о выборах в Государственную думу. На страницах «Загона» развернулась активная кампания за избрание в Думу настоящих крестьянских депутатов. Житель деревни Самводж Культыс писал 26 января 1907 г.: «Мы должны постараться о собственных послах и не обращать внимания на то, что мужик не сумеет кланяться и цветисто говорить. Речь не должна идти ни о каких поклонах, ибо народ посылает нас не гнуть спины, а для того, чтобы мы могли поведать о своих самых больших страданиях; для того, чтобы показать, что нужно для их успокоения... Так будем же искать таких послов,

¹ „Siewba“, 17. V 1907.

² Цит. по статье: M. Maniakówna. Ruch ludowy błdził po bezdrożach — a droga jest prosta, „Chłopi i państwo“, 1949, № 39, str. 4.

³ „Zagon“, 11. V 1907.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по книге: H. Syska. Przez walkę..., str. 51.

⁶ „Życie gromadzkie“, 21. VI 1906.

⁷ „Życie gromadzkie“, 18. VIII 1906.

которые бы сумели защищать наши интересы»¹. При этом крестьяне желали, чтобы избранные ими крестьянские послы были крестьянскими не только по происхождению, так как они получили наглядный урок, наблюдая деятельность ряда таких «народных депутатов» в Думе. «Вот в прошлую Думу выбрали какого-то Наконечного, но этот крестьянин по-господски судил о крестьянских делах, — писала «Загон», — так что не велика была польза от таких послых, которые больше заботились об интересах помещика, чем крестьян»².

Подобные разоблачения сыграли большую роль: экономическая эксплуатация крестьян кулачеством в сочетании с предательством крестьянских интересов кулацкими послами в Думе помогали раскрыть глаза широким массам трудящихся деревни. Именно в это время, наряду с ненавистью и недоверием к панам, в крестьянской среде зарождалось сознание враждебности к кулачеству. Польские крестьяне начинали понимать, что кулак лишь прикрывается маской крестьянина, что интересы его далеки от крестьянских, что он находится в одном лагере с эксплуататорами, врагами крестьянства и сам является его врагом и эксплуататором. В газете «Червоны штандар» были напечатаны сатирические стихи, которые жестоко хлестали Наконечного, Мантеруса и других «господ крестьян»:

Буржуи вы, а не крестьяне,
Вас наша доля не гнетет.
У вас земля и звон в кармане,
Отсюда разнища идет.
Не говорят вам: «Хамы, хлопцы!»
Помещик вашу кровь не пьет,
Чужды вам наша боль и ропот,
Ведь по земле раздел идет.
У шляхты лижете вы ноги,
Хоть шляхта — вечный враг крестьян.
Вам чужды горе и тревоги:
У вас не будет пуст карман.
Забыли, видно, ваши души,
Как сладки панские бичи.
Заботы наши вас не сушат,
На вас не крикнут: «Скот, молчи!»
Играйте ж роль прохвостов панских
И в Думе корчите господ!
Чужда вам боль сердец крестьянских,
Не в вас стреляют, а в народ³.

Зарождение недоверия и ненависти к кулачеству способствовало развязыванию классовой борьбы в деревне. Известен случай в селе Сендек Плоцкого уезда Плоцкой губ., когда толпа в 400 человек, состоявшая из крестьян окрестных деревень, разгромила мельничную усадьбу кулака Калиновского и избила его вместе с женой за то, что он не хотел молоть зерно по доступной цене⁴.

Борьба крестьянства происходила в тесной связи с развитием революции. Революционный подъем, охвативший всю Россию и Польшу, героическая борьба польского пролетариата в городах, стачечная волна, прокатившаяся по деревне, — все это не могло не оказать влияния на крестьянство.

¹ „Zagon“, 26. I 1907.

² „Zagon“, 12. I 1907.

³ „Czerwony sztandar“, 19. VI 1906.

⁴ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 30, л. 11, 16. IX 1906 г.

Крестьяне с волнением и сочувствием следили за борьбой городских пролетариев, помогали им чем могли. Особенно активно откликнулась деревня на Лодзинские события 1906 г. В газете «Загон» было помещено воззвание о помощи жертвам Лодзинского локаута¹. В январе 1907 г. некая Зоська призывала крестьян взять на прокормление голодающих рабочих Лодзи и их детей². Лодзинский пролетариат регулярно получал из деревни картофель и другие продукты³. Такую же активную материальную помощь бастующим рабочим крестьяне оказывали и в других местах⁴. Это сочувствие и поддержка в большой степени проявились и в отношении к движению сельскохозяйственного пролетариата. Крестьяне и батраки нередко предъявляли помещикам совместные требования⁵. Крестьяне вставали на защиту забастовщиков и партийных агитаторов⁶.

В 1906 г. в польской деревне широко отмечался день 1 мая. Его праздновали в Пулавском и Любартовском уездах Люблинской губ.⁷, в Гроецком и Варшавском уездах Варшавской губ., в Гарволинском уезде Седлецкой губ.⁸, в Плоцкой и Радомской губерниях⁹. В ряде мест устраивались демонстрации¹⁰.

Эти факты свидетельствовали о росте политического уровня польского крестьянства, но в целом польская деревня переживала лишь начальный этап своего политического развития. На крестьянское сознание большое влияние оказывала агитация различных политических партий в деревне. Деятельность национал-демократической партии способствовала отравлению и затуманиванию этого сознания. Вся работа эндеков попрежнему была направлена главным образом на то, чтобы отвлечь крестьянство с пути революционной борьбы на путь национализма. Еще 1 августа 1905 г. партия обратилась к крестьянам с воззванием, где осуждала всякие проявления классовой ненависти¹¹ и объявляла борьбу со стачками, с «анархией» национальным делом¹². Да и сам их призыв к национальным выступлениям против царизма носил ограниченный, робкий характер. Эндекки фрондировали, а не боролись. «Партия эта... решила вести борьбу мирным путем, — писал начальник Ломжинского губернского жандармского управления. — Партия не прибегает пока к насильственным действиям, так как считает, что возмущение крестьян и аграрные беспорядки вредят всепольскому делу»¹³.

«Ксендзы, помещики, арендаторы и вообще вся образованная часть польского населения... в отношении к крестьянскому населению действовали крайне осторожно, дабы его не возбудить против помещиков и тем не вызвать аграрных беспорядков», — говорилось в донесении начальника Келецкого губернского жандармского управления от 14 февраля 1906 г.¹⁴. Вся деятельность и агитация эндеков носили своекорыстный характер. По выражению газеты «Червоны штандар», они были направлены лишь на «приобретение крестьянских кулаков»¹⁵, на использование крестьянского

¹ „Zagon“, 12. I 1907.

² „Zagon“, 26. I 1907.

³ S. Kalabiński. Op. cit., „Przegląd historyczny“, t. 44, z. 4, str. 569.

⁴ PPS. W sprawie naszej taktyki, str. 21.

⁵ S. Kalabiński. Op. cit., „Przegląd historyczny“, t. 44, z. 4, str. 559.

⁶ А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 66.

⁷ „Czerwony sztandar“, 11. V 1906.

⁸ „Robotnik“, 9. V 1906.

⁹ „Czerwony sztandar“, 11. V 1906.

¹⁰ Там же.

¹¹ „Polak“, 1905, №№ 10—11, str. 144.

¹² „Przegląd wszechpolski“, 1905, № 8—10, str. 735.

¹³ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 7, ч. 20, лл. 1—7, 26. IX 1906 г.

¹⁴ Там же, д. 1, ч. 26, л. А, лл. 1—4.

¹⁵ „Czerwony sztandar“, 29. III 1906.

движения в целях нажима на правительство и требования у него уступок, удовлетворяющих их интересам.

Боясь потерять влияние на крестьян, лишиться руководства в национальном крестьянском движении, эндеки вели активную борьбу со всеми другими партиями, работавшими в деревне. Особенную ненависть вызывала у эндеков социалистическая пропаганда, и они заботливо «оберегали крестьян от проповедей социалистических партий различных оттенков»¹. С этой целью распространялись антисоциалистические прокламации, вроде «Как социалисты хотят объединить сельский люд»², делались попытки терроризовать социалистов.

Однако националистическая агитация и антисоциалистическая пропаганда были не единственным оружием национал-демократической партии. В борьбе против сельскохозяйственного стачечного и аграрного крестьянского движения она применяла оружие и в прямом смысле этого слова. Готовясь противодействовать весенней стачке 1906 г., партия издала инструкцию, в которой рекомендовала срочно созвать уездные съезды помещиков и кулаков для оценки положения. 3-й параграф этой инструкции прямо поручал местным национал-демократическим организациям «употреблять все средства, чтобы не допустить стачки и создания банд, а в случае, если вспыхнет забастовка, разогнать стачечников при помощи местных крестьян»³. Повсеместно эндеки собирали пожертвования шляхты на борьбу с движением, создавали летучие отряды «стачколомов», рекрутируя их из кулацких элементов, а также из обманутых крестьян-середняков⁴. Такие отряды совершали налеты на имения, где рабочие бастовали, силой возвращали их к работе или сами выполняли эту работу, они избивали бастующих, калечили их. В налетах особенно отличалась молодежная национал-демократическая организация «соколов». Так, газета «Червоны штандар» рассказывала о случае, происшедшем на фольварке Марианка-Гарбовска имения Гарбув. В августе 1906 г. там вспыхнула стачка. Тогда из Люблина в деревню приехала группа «соколов» под руководством «крестьянского» посла в Думе Наконечного, они грозили забастовщикам револьверами, били некоторых, силой заставили накормить панский скот. Уезжая, они произвели несколько выстрелов и ранили двоих крестьян⁵. Особенно ожесточенным преследованиям подвергались агитаторы, проводившие стачки. Например, в Чемерниках Люблинской губ. «соколы» убили четырех социал-демократов, натравив на них фанатичную толпу⁶. «Национал-демократические бандиты, находящиеся на службе у помещиков, берут в руки старый панский кнут и заохочивают наемный сельский люд к современной барщине. Формой этой новейшей барщины должно быть запрещение забастовок»⁷; — так оценивала «Червоны штандар» эти действия эндеков.

Эта политика эндеков не могла остаться совершенно неразгаданной самим польским крестьянством. Недоверие известной части крестьян к национал-демократической партии проявилось в вопросе о выборах в Государственную думу. Газета «Загон» писала в 1907 г.: «Мы никогда не должны голосовать за национал-демократов, потому что они хотят от нас только голосов, а после этого им ничего не нужно... Ведь в первой

¹ ЦГИА, ф. 40, 1906 г., д. 7, ч. 20, лл. 1—7, 26. IX 1906 г.

² ЦГИА, ф. 40, 1905 г., д. 5, ч. 40, т. II, л. 129, 20. IX 1905 г.

³ „Robotnik“, 5. III 1906.

⁴ „Robotnik“, 1. IV 1906.

⁵ „Czerwony sztandar“, 18. VIII 1906.

⁶ „Czerwony sztandar“, 20. VIII 1906.

⁷ „Czerwony sztandar“, 30. VIII 1906.

Думе наши послы совсем не вспоминали об аграрном движении, о наде-лении земель безземельных и малоземельных...»¹. В результате таких настроений наиболее сознательная часть крестьян, действительно, бойкотировала национал-демократических кандидатов, но большинство отдало им свои голоса на выборах в I и во II Думу. Это произошло потому, что эндеки, пользуясь ловкой демагогией, сумели приобрести большое влияние в темной и отсталой крестьянской среде.

В период подъема крестьянского и батрацкого движения особенно ярко проявилась мелкобуржуазная ограниченность, нереволуционность Польской социалистической партии.

Испуганные широким размахом сельскохозяйственного стачечного движения, правые в ППС встали на путь его ограничения и даже полной ликвидации. Они охотно шли на компромисс с помещиками, пытались уговорами и убеждениями понудить панов повысить плату рабочим. Такие случаи были нередки накануне весенней забастовки 1906 г.² Правые всеми силами старались, чтобы организованное ими стачечное движение не вышло из рамок борьбы за кусок хлеба, не пробудило широкие массы деревни к выступлениям за землю, к «аграрной буре». «Мы заблаговременно взвесили все возможные последствия стачечного движения в деревне, опасаясь, как бы наши лозунги, дурно понятые и превратно истолкованные, не вызвали бы аграрной бури, хаотичной и разрушительной, — писала 1 апреля 1906 г. газета «Роботник». — Сейчас мы не питаем никаких опасений насчет возможности возникновения у нас аграрной бури и уверены, что стачечное движение пойдет дорогой правильной экономической борьбы и выльется в возможно более спокойную форму... Мы сделали и делаем все, чтобы наше великое движение не вышло за очерченные ему границы»³. Правые в ППС боялись подлинно революционной борьбы крестьянства за землю, так как вообще боялись и не хотели вооруженной борьбы. Та же газета «Роботник» писала, что «всякое столкновение с вооруженной силой контрреволюции явилось бы чрезвычайно грустным и нежелательным явлением»⁴.

Ведя широкую националистическую агитацию, ППС сталкивалась на этом поле деятельности с национал-демократической партией, соперничая с нею в завоевании влияния на массы. В связи с этим правые не скупились на разоблачения эндеков в своей печати. Однако правое руководство ППС не боролось с эндеками по-настоящему, оно ограничивалось лишь обычной партийной грызнью, а на деле использовало то же оружие, что и национал-демократия: национализм, проявившийся в проекте аграрной программы, наложил яркий отпечаток на всю его деятельность. Этот национализм и реформизм правых сближали их с эндеками и делали бессмысленными всякие разговоры о борьбе с национал-демократической партией.

В это время внутри ППС обострились противоречия между правыми и левыми элементами. Под влиянием роста революционной борьбы сельскохозяйственного пролетариата левые усилили свою работу в деревне. Агитируя за стачки, они распространили в декабре 1905 г. 15 тыс. экземпляров анкеты о положении фольварочных рабочих⁵. Перед началом жатвенных работ в польской деревне летом 1906 г. орган ППС «Роботник» обратился к батракам с особым воззванием⁶, а в декабре 1906 г. левые выпустили

¹ „Zagon“, 26. I 1907.

² А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 65.

³ „Robotnik“, 1. IV 1906.

⁴ Там же.

⁵ „Robotnik“, 26. VI 1901. ППС. „Что такое ППС?“, стр. 6.

⁶ А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 67.

прокламацию, призывавшую бороться с помещичьими локаутами путем «острой» стачки¹. Партийные агитаторы выступали с речами перед батраками и крестьянами; так, в Ломжинской губ. они пытались помешать проведению сева, подстрекая к стачке². В ряде мест сельскохозяйственный пролетариат шел за этой агитацией левых, и много стачек проходило под их руководством. Левые чрезвычайно гордились успехами стачечного движения и считали, что «все сделанное является заслугой целеустремленной деятельности»³ их партии.

Не прекращалась агитация левых и против царского самодержавия. Газета «Роботник» писала в январе 1906 г.: «Отказы от всяких оплат, услуг и временных повинностей следует распространять как можно шире и считать это чрезвычайно важным пунктом агитации. Далее, разоружение земской стражи и изгнание ее из деревни должно проводиться на широкой основе»⁴.

Борьба правого и левого течений в ППС привела в результате к расколу партии в 1906 г. Это явилось выражением полного банкротства прежней оппортунистической политики ППС в крестьянском вопросе.

Подъем революционной борьбы в России и Королевстве Польском, рост движения в деревне оказали большое влияние на позицию СДКПиЛ. С конца 1905 г. социал-демократия особенно усилила свою работу среди сельскохозяйственного пролетариата. С этой целью она использовала печать, устную агитацию и пропаганду.

В брошюре «Что должен делать сельский люд?» социал-демократы разъясняли батракам, как тяжела их судьба, как сильно их эксплуатируют, и намечали пути выхода из этого положения. «От панов по добру мы ничего не дождемся, — писала брошюра. — Если мы не возьмем силой то, что нам принадлежит, нас еще десятки лет будут держать в такой нужде. Поэтому для того, чтобы получить что-либо от панов, нужно будет сломить сопротивление помещиков, принудить их к уступкам... Нам нужно добиться действительного улучшения своей жизни! А добьемся мы этого только сами, только благодаря самим себе. И добьемся только путем борьбы!»⁵. Для этого партия советовала объединиться, ибо «единение — сила для рабочих»⁶. «Рабочие должны сходиться между собой, чтобы обсуждать общие дела и действовать сообща, должны объединяться в товарищества или организовываться. В каждой деревне нужно договариваться с рабочими ближайшего города, и те, которые уже более опытни в борьбе, должны помогать деревенским братьям»⁷, — разъясняла социал-демократическая брошюра. Социал-демократия видела цель стачечной борьбы не в одном лишь улучшении материального положения сельскохозяйственного пролетариата, но в его политическом просвещении, в пробуждении его классового сознания. «Мы идем, чтобы сказать нашим братьям, что повышение платы на рубль или на два в год и на корец ординарии это еще не решение вопроса», — писала в марте 1906 г. газета «Червоны штандар»⁸. Это в корне отличало социал-демократов от пепесовцев, которые стремились ограничить стачечное движение лишь экономической борьбой за ближайшие нужды.

¹ А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 70.

² ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 7, ч. 20, лл. 1—7 26. IX 1906 г.

³ „Robotnik“, 5. VI 1906.

⁴ „Robotnik“, 10. I 1906.

⁵ SДKPiЛ. Co ma czynić... str. 11.

⁶ Там же, стр. 15—16.

⁷ Там же.

⁸ „Czerwony sztandar“, 15. III 1906.

11 Ученые записки, т. XII

Одной из своих главных задач партия считала внедрение «в сельский люд той коренной истины, что только борьба с царизмом и борьба с буржуазией, с политическим, церковным и экономическим гнетом приведет к лучшему будущему»¹. Она призывала сельских пролетариев выступить против правительства и требовать свободы, республики для всего государства².

Ряд местных социал-демократических организаций осуществлял активное руководство стачечным движением в деревне. В Люблинской губ. социал-демократы руководили стачками в большинстве уездов, причем обычно такие стачки носили упорный характер и кончались успешно для рабочих, как это было на фольварках Паликине³, Рокитно⁴ и других. Хорошо шла работа и в некоторых уездах Варшавской⁵ и Седлецкой⁶ губерний, успешная социал-демократическая агитация развернулась среди батраков Ломжинской губ.⁷ Успеху способствовало влияние социал-демократов среди батраков ряда уездов. В имении Кияны Любартовского уезда Люблинской губ. сельскохозяйственные рабочие обратились за помощью к социал-демократам, и когда ППС попробовала прислать им своего агитатора, они заявили, что «у них есть своя партия — социал-демократическая, которая будет проводить стачку»⁸. Все это говорило о значительном авторитете социал-демократии, завоеванном в результате большой и упорной работы, говорило о правильном понимании социал-демократами всей важности организации стачечного движения в деревне.

Однако по отношению к крестьянству в целом СДКПиЛ попрежнему занимала ошибочную позицию. Попрежнему партия не имела аграрной программы. Правда, в отдельных изданиях социал-демократической печати ставился и вопрос о земле; так, предвыборная брошюра СДКПиЛ в феврале 1907 г. писала, что целью социал-демократии является передача земли крестьянам⁹, но в целом аграрная программа социал-демократии не была сформулирована, и это предоставляло возможность отдельным партийным агитаторам действовать в этом деле на свой страх и риск. Например, в одной и той же Люблинской губернии один агитатор призывал крестьян отнять у помещиков всю землю и разделить между собой¹⁰, а другой разъяснял крестьянам, что партия требует ликвидации всех феодальных пережитков в деревне и поддерживает конфискацию государственных и майоратных земель и муниципализацию земли¹¹.

Тем не менее нарастание революционного подъема в конце 1905 г. заставило партию подумать о втягивании в революционную борьбу новых сил, толкнуло на активизацию работы в крестьянской среде. 25 декабря 1905 г. газета «Червонь штандар» писала о «переходе от первой атаки, каковой является всеобщая забастовка, ко второй, которой будет соединение пролетарской революции с крестьянским движением и с революцией, прорвавшейся в ряды армии»¹². В специальной статье «В деревню, товарищи!» обособывалась необходимость «перебрасывания революционного движения

¹ „Czerwony sztandar“, 27. II 1906.

² SDKPiL. Co ma czynić..., str. 14.

³ „Czerwony sztandar“, 30. VIII 1906.

⁴ „Głos ludu“, 29. VII 1906.

⁵ „Czerwony sztandar“, 15. IX 1906.

⁶ „Czerwony sztandar“, 27. VII 1906.

⁷ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., л. 7, ч. 20, лл. 1—7, 26. IX 1906 г.

⁸ „Czerwony sztandar“, 27. VII 1906.

⁹ ЦГИА, ф. ДО, 1907 г., л. 5, ч. 5, л. 4.

¹⁰ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., л. 2550, ч. 3, лл. 44—45, 14. VII 1905 г.

¹¹ „Czerwony sztandar“, 30. VII 1906.

¹² Цит. по книге: З. Ледер. 1905 г. в бывшей царской Польше. Л., 1926, стр. 19.

в деревню, которая до тех пор активно не участвовала в борьбе и не играла такой революционной роли, как в России»¹. На конференции СДКПиЛ, проходившей в ноябре 1905 г., по аграрному вопросу была принята следующая резолюция: «При создавшейся ситуации партия должна приложить все усилия, чтобы втянуть в вихрь пролетарской революции демократические элементы деревни и становиться везде, где это будет возможно, во главе стихийных крестьянских движений, которые, насколько можно предвидеть, все чаще будут вспыхивать в ходе революции. Обращаясь в своей агитации к тем слоям сельского населения, которые, в силу своего экономического и классового положения, могут присоединиться в своей борьбе к сознательному городскому пролетариату, т. е. обращаясь к пролетариям и малоземельным крестьянам, проводя агитацию в деревне за свою программу в целом, партия должна одновременно стараться организовать революционные выступления деревенского населения»². Для проведения этих задач в жизнь конференция рекомендовала создавать в деревне революционные центры для социал-демократической агитации и руководства классовой борьбой, организовывать боевые дружины. В случае победы революции предполагалась замена всех властей на селе выборной властью, конфискация правительственных касс, государственных земель и земель всех врагов революции, отмена всех податей, установление подоходного обложения, а также, в случае необходимости, реквизиция продуктов на фольварках на нужды крестьян³. Это говорило о том, что сама жизнь, сам ход революционных событий заставили СДКПиЛ набросать хотя бы подобие аграрной программы, заставили серьезно подумать о роли в революции не только сельскохозяйственного пролетариата, но и широких крестьянских масс. Ноябрьская конференция отражала крупный и важный сдвиг в сознании передового отряда польского пролетариата под влиянием опыта революционных боев 1905 г.

После ноябрьской конференции 1905 г. СДКПиЛ развернула среди крестьянства широкую агитацию за борьбу с царизмом и польской реакцией. В воззвании «К деревенскому люду!», вышедшем в ноябре 1905 г., говорилось: «Нужно, чтобы и вы, крестьяне, зашевелились и начали настаивать на свободе. Вместе с нами, с городскими рабочими, ибо дело наше — дело свободы — общее, общей должна быть и борьба. Так на борьбу с царским правительством, братья! Не платите царю налогов! Не исполняйте никаких повинностей! Не давайте ему новобранцев! Выгоняйте вон царских урядников или тех, кого вам навязали чиновники! Выбирайте на их место своих собственных, кто действительно будет заботиться о вашем благе!»⁴.

СДКПиЛ призывала бороться против царизма в одном строю вместе с русским пролетариатом и крестьянством⁵. В этом заключалась сильная, подлинно интернациональная сторона революционной программы польских социал-демократов. СДКПиЛ разъясняла крестьянству, что националистическая агитация эндеков направлена лишь на обман масс, что национал-демократические помещики и духовенство выступают заодно с царским правительством, когда того требуют их классовые интересы. Она срывала маски с фальшивых «друзей народа». «Колбаса, водка на выборах, демагогия и политическое шарлатанство, помощь ксендза — вот помещичьи средства для сохранения темноты в деревне», — писала газета «Червоны штандар»⁶.

¹ „Materiały do dziejów...“, t. II, str. 148, J. Marchlewski. Na wieś, towarzysze!

² Там же, стр. 150—151.

³ Там же.

⁴ „Materiały do dziejów...“, t. II, str. 156. „Do ludu wiejskiego!“

⁵ Там же, стр. 153—154. „Słowo do braci włościan!“

⁶ „Czerwony sztandar“, 4. I 1906.

«Римская энциклика предписывала всему польскому народу послушание по отношению к разбойничьему царизму, львовский архиепископ разъяснял, что это относится главным образом к сельскому люду... На колени, польский крестьянин, перед казацким кнутом и перед господином помещиком! Так велит тебе церковь, от которой ты ожидаешь слова избавления и надежды в своей тяжелой доле»¹. Социал-демократы помогали крестьянам понять, что интересы русского царизма и польских помещиков тесно связаны, что «царские штыки» предназначены для увековечения эксплуатации крестьянства польской шляхтой и буржуазией².

Местные социал-демократические организации и отделы проявляли в ряде районов большую активность, особенно успешно шла работа в Люблинской губ. Работая на местах, социал-демократы яснее видели, какие большие революционные возможности таятся в крестьянстве, какими лозунгами можно поднять его на революционную борьбу. Большинство рядовых социал-демократов стояло на правильных позициях и считало необходимым вести энергичную работу среди крестьянства. Проходившая в Варшаве с 19 по 30 января 1906 г. конференция для обмена опытом между отдельными парторганизациями постановила по вопросу агитации среди крестьян: «1) необходимо выяснять аграрный вопрос в журнале или в брошюрах и листовках, 2) необходимо организовать работу в деревне. С этой целью создать агитационную комиссию для работы в деревне и специальную школу для выработки агитаторов»³. Во многих уездах Варшавской и Люблинской губерний социал-демократам удалось завязать прочные связи. Так, в Сохачевском уезде работой было охвачено 35 деревень⁴, в Козеницком — 37⁵, в Хелмском уезде парторганизация имела связи в пяти гминах⁶. Из Люблинской губ. писали: «Работа наша идет вперед и ширится. Налажены связи уже в нескольких деревнях, рассылаем литературу; кроме литературы крестьяне требуют массовых собраний»⁷. Такие собрания и массовки проводились во многих селах и посадах Люблинской и других губерний. Иногда они собирали до 600 крестьян и батраков, как в деревне Бустшица Люблинского уезда⁸. Нередко крестьяне участвовали и в социал-демократических митингах и демонстрациях. На таких собраниях и митингах агитаторы выступали с социалистической и демократической пропагандой, часто иллюстрируя ее местным материалом⁹. Кое-где социал-демократам удавалось создавать крестьянские организации: иногда это были объединения сочувствующих вроде «Союза крестьян» в Хелмском уезде Люблинской губ.¹⁰, иногда — настоящие крестьянские партийные организации¹¹. Например, в Козеницком уезде Радомской губ. возникли партийные организации с чисто крестьянским составом¹². Из Пулавского уезда сообщали, что «в деревнях можно встретить десятки социал-демократов и не так называемых «сочувствующих», но настоящих товарищей, прекрасно представляющих себе программу, тактику и текущие лозунги партии...»¹³ Работа шла с таким успехом, что местные со-

¹ „Czerwony sztandar“, 11. I 1906.

² „Czerwony sztandar“, 14. III 1906.

³ „Czerwony sztandar“, 2. III 1906.

⁴ „Czerwony sztandar“, 11. V 1906.

⁵ У. Шустер. Указ. ст., стр. 288.

⁶ „Czerwony sztandar“, 13. IV 1906.

⁷ „Czerwony sztandar“, 27. VI 1906.

⁸ „Czerwony sztandar“, 3. IX 1906.

⁹ „Czerwony sztandar“, 10. XI 1906.

¹⁰ „Czerwony sztandar“, 13. IV 1906.

¹¹ „Czerwony sztandar“, 30. VIII 1906.

¹² У. Шустер. Указ. ст., стр. 288.

¹³ „Czerwony sztandar“, 5. IX 1906.

циал-демократические деятели ощущали сильный недостаток в кадрах, в литературе: «агитаторов от окружной организации трудно допросить...»¹, — жаловался на страницах «Червоного штандара» корреспондент из Люблинской губ. Между тем крестьяне требовали присылки агитаторов на постоянную работу, грозя даже в противном случае не платить партийных взносов². Собрания, митинги, чтения социал-демократических брошюр и листовок производили на них большое впечатление. Речи социал-демократов «слушали со вниманием, просили, чтобы побольше устраивать у них таких собраний и доставлять им литературу»³. Большим успехом пользовались доклады, на которые крестьяне обещали «ходить всей деревней»⁴. Социал-демократических агитаторов принимали очень сочувственно⁵, нередко отдавая им предпочтение перед пепезовцами⁶. «Крестьянская масса в околицах Куровы настроена достаточно революционно»⁷, — писала газета «Червоны штандар». «Революция своим мощным дыханием быстро разбудила и вызвала к жизни усыпленный дух жителей тихого закутка»⁸.

Успех социал-демократии в деревне был настолько страшен для помещиков, что они прилагали все усилия, чтобы помешать росту влияния партии, сорвать работу среди крестьянства. В ряде мест паны пугали крестьян войсками, одна помещица пригрозила уволить своих работников, если они не перестанут ходить на социал-демократические собрания⁹. Однако это лишь увеличивало интерес и доверие крестьян к партийным агитаторам. Самым видимым результатом работы социал-демократов в деревне и самым ярким свидетельством их авторитета явился успех социал-демократической агитации за бойкот выборов в I Государственную думу. В период предвыборной кампании партия выпустила прокламацию «Дума из-под палки», обращенную к рабочим и крестьянам, где разоблачала комедию выборов и призывала их бойкотировать¹⁰. В тех районах, где у социал-демократии были прочные связи, крестьяне живо отозвались на этот призыв: из 21 гмины Варшавского уезда 9 гмин целиком бойкотировали выборы, в ряде гмин от участия в выборах отказалась половина населения¹¹, в гмине Пружков крестьян удалось собрать лишь под угрозой штрафа¹². Особенно активно и сознательно участвовали в бойкоте крестьяне Пулавского уезда Люблинской губ. В семи гминах из 18 голосование вообще не состоялось, так как избиратели не явились¹³. В гмине Рембув из тысячи человек на выборы явились всего 24¹⁴.

Это был результат широкой агитации и большого влияния, которое сумели приобрести социал-демократы в Люблинской губ. и в ряде других местностей. Но активная деятельность на местах не могла целиком возместить отсутствие руководства со стороны центральных органов партии, не могла возместить отсутствие ясной программы по аграрному вопросу. Крестьяне не находили в агитации социал-демократии ответа на свой самый насущный вопрос — вопрос о земле. Это уменьшало влияние партии в деревне и снижало успехи отдельных организаций.

¹ „Czerwony sztandar“, 27. VI 1906.

² „Czerwony sztandar“, 5. IX 1906.

³ Цит. по книге: B. Szmidt. SDKPiL, str. 589.

⁴ „Czerwony sztandar“, 10. VIII 1906.

⁵ „Czerwony sztandar“, 11. IV 1906.

⁶ „Czerwony sztandar“, 18. I 1906.

⁷ „Czerwony sztandar“, 27. VI 1906.

⁸ „Czerwony sztandar“, 13. IV 1906.

⁹ „Czerwony sztandar“, 5. X 1906.

¹⁰ F. Dzierżyński. Op. cit., str. 165.

¹¹ „Czerwony sztandar“, 29. III 1906.

¹² „Czerwony sztandar“, 17. V 1906.

¹³ „Czerwony sztandar“, 29. III 1906.

¹⁴ „Czerwony sztandar“, 13. IV 1906.

Возникшее в Королевстве Польском революционное крестьянское движение развернулось бы еще шире, если бы СДКПиЛ возглавила его. Но ошибочно определив революцию 1905—1907 гг. как пролетарскую по своему характеру, партия сосредоточила свои силы на подъеме движения сельскохозяйственного пролетариата и на объединении этого движения с революционной борьбой рабочего класса городов, крестьянство же в целом осталось вне сферы ее деятельности. Не выставив лозунгов, сильнее всего затрагивавших крестьянские интересы, СДКПиЛ не сумела повести его за собой. В результате ей не удалось использовать в полной мере революционную ситуацию.

ПОДАВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО И БАТРАЦКОГО ДВИЖЕНИЯ

Аграрные волнения и сельскохозяйственное стачечное движение вызвали серьезную тревогу польской шляхты. Особенно чувствительным для панов являлось движение сельского пролетариата, так как оно имело наиболее широкие размеры и поэтому сильно задевало экономические интересы помещиков. Уже после первой стачечной волны в кругах землевладельцев возникло стремление принять немедленные меры для предотвращения стачек в будущем. «Газета Радомска» указывала на рост популярности в обществе всевозможных брошюр и книг с рецептами от стачечного движения¹. Вопросом о положении сельскохозяйственных рабочих детально занялись многие земледельческие общества². В ряде уездов шляхта съехалась, чтобы обсудить обстановку. Такие съезды были в Велюнском³ и Ленчицком уездах Калишской губ.⁴, в Пултусском⁵ и Радзиминомском⁶ уездах Варшавской губ., в Плоцком уезде Плоцкой губ.⁷, в Константиновском уезде Седлецкой губ.⁸. Почти всеобщим было мнение, что проблема сельскохозяйственных рабочих должна быть разрешена немедленно, так как «если помещики не разрешат вопроса со службой в духе требований времени, то это сделает кто-то другой, помимо шляхты»⁹. Для ликвидации и предупреждения стачечного движения (ибо именно это подразумевала шляхта под разрешением вопроса) помещики были готовы использовать все средства, начиная от политики мелких уступок и демагогической агитации и кончая политической экономическою и вооруженного террора против бастующих. Обмануть батраков, дав им некоторые облегчения, казалось панам наиболее надежным средством. Поэтому, как заявляла «Газета польская», «большинство помещиков было склонно вступить на путь реформ»¹⁰.

Эти реформы, предлагавшиеся панами, были очень умеренными, они заключались в некотором увеличении вознаграждения рабочего и улучшении условий его быта. На последнее журнал «Экономиста» предлагал обратить основное внимание, так как находил такой выход более дешевым и надежным¹¹. «Газета рольнича», с одной стороны, предлагала такие средства, как установление сдельной платы, введение соревнования и материального поощрения лучших работников, с другой — советовала хозяевам всячески завоевывать доверие рабочих, укреплять среди них свою духовную

¹ „Gazeta Radomska“, 1. VI 1905.

² „Kraj“ 1905, № 10, str. 23.

³ „Gazeta Kaliska“, 6. III 1906.

⁴ „Gazeta Kaliska“, 27. IV 1905.

⁵ „Gazeta Kielecka“, 18. III 1906.

⁶ „Siewba“, 11. VIII 1907.

⁷ „Echa Płockie i Włocławskie“, 28. III 1906.

⁸ „Kurier Warszawski“, 25. III 1906.

⁹ „Gazeta Kielecka“, 18. III 1906.

¹⁰ „Gazeta polska“, 2. III 1906.

¹¹ „Ekonomista“, 1905, z. II, str. 316.

власть и влияние¹. «Это продиктовано... пониманием нашего собственного классового интереса», — откровенно писала эта газета². Преследуя тот же классовый интерес, шляхта предлагала вести агитацию, разъясняя рабочим губительные экономические последствия стачек. Помещики стремились доказать, что выступать против стачек их заставляет не забота о собственных интересах, но забота об общем благе, в частности, о благе простого народа. «Главным источником производства хлебной продукции для городов и рабочего класса являются фольварочные хозяйства, — писала буржуазная газета «Курьер Варшавский». — Поэтому подбивание фольварочных рабочих к стачкам и крестьян, чтобы не ходили работать в имения, есть прямое разрушение этих наиболее продуктивных отечественных производств хлеба для городского и фабричного населения, не имеющего собственных полей, и является тяжкой несправедливостью, содеянной по отношению безземельного населения этого края»³. Та же газета объявила стачки в высшей степени антипатриотичными поступками⁴.

Для предупреждения стачек паны предлагали создавать своеобразные сельскохозяйственные профсоюзы, которые доказывали бы, что «интересы всех земледельческих классов в значительной мере солидарны»⁵. Эти общества должны были состоять из сельскохозяйственных рабочих, коморников и крестьян и под руководством ксендза и пана разрешать все вопросы об отношении усадьбы и служащих⁶. Идея таких организаций была осуществлена шляхтой на практике в ряде уездов Люблинской губ. и в других местах⁷.

Если подобные средства были рассчитаны на обман и одурачение сельского пролетариата, на умиротворение его отдельными незначительными уступками, то другие меры помещиков носили более решительный характер. Паны стремились серьезно подготовиться к сопротивлению стачечникам. Они хотели противопоставить силе коллективного натиска пролетариата — силу коллективного отпора. С этой целью создавались помещичьи антистаечные союзы, ставившие задачей слом забастовочного движения. Одной из форм такой организации были общества взаимного обеспечения крупных хозяев на случай сельскохозяйственной стачки, его члены создавали денежный фонд и, опираясь на него, вели борьбу против стачки⁸. В других случаях помещики обязывались ни за что не уступать требованиям бастующих и не заключать с ними никаких соглашений без ведома Союза. Такие общества существовали в Петроковской и Варшавской губерниях⁹. Дело велось на широкой основе: каждый член платил взнос в 25 коп. с 1 влоки, все гмины посылали по одному делегату на уездный съезд, на съезде выбирались уездные комитеты и уездный совет, который заседал регулярно один раз в месяц¹⁰. Обычно для того чтобы сорвать стачку, паны сговаривались не идти ни на какие уступки и в крайнем случае распустить рабочих, продать инвентарь и свернуть хозяйство. Так поступила шляхта в Варшавском, Блонском¹¹ и других уездах, и таким путем ей удалось сломить бастующих. Там, где стачка побеждала, помещики тоже находили средства вернуть свое: они всячески

¹ „Gazeta rolnicza“, 23. IV 1905.

² „Gazeta rolnicza“, 1. X 1905.

³ „Kurier Warszawski“, 16. III 1906.

⁴ Там же.

⁵ „Kraj“, 1906, № 33, str. 11.

⁶ „Gazeta rolnicza“, 18. III 1906.

⁷ „Gazeta Radomska“, 31. VII 1907.

⁸ „Gazeta rolnicza“, 4. VIII 1906.

⁹ „Wiadomości Częstochowskie“, 29. IV 1906.

¹⁰ А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 65.

¹¹ „Kurier Warszawski“, 28. IV и 6. V 1906.

экономили на всех нуждах хозяйства, свертывали такие дорогостоящие отрасли, как молочное животноводство, разведение племенных овец¹, сокращали число рабочих, заменяли ручной труд машинным. «Одним из следствий стачек сельских рабочих в Польше в 1905—1906 гг., — писал Шестаков, — было усиленное введение в помещичье сельское хозяйство машин, дальнейшая его капитализация»². Нередко владельцы фольварков, выждав удобный момент, нарушали свои обязательства, данные под угрозой прекращения работы. Так, паны Сохачевского уезда Варшавской губ.³ и ряда уездов Люблинской губ.⁴ осенью 1906 г. решили свести на нет все уступки, вырванные у них апрельской стачкой, и объявили о расчете рабочих с 1 января и введении новых условий платы. Иногда хозяева в короткий срок выгоняли на улицу бастовавших рабочих вместе с их семьями, как это сделал граф Рембелинский в имении Крошневицы Кутновского уезда Варшавской губ.⁵. Помещики сговаривались не принимать на работу батраков, участвовавших в стачке, и добивались того же от зажиточных крестьян-хозяев. Они предлагали высылать стачечников по месту жительства, как людей без определенных занятий⁶. Петроковские паны составляли даже настоящие проскрипции с именами рабочих, которых они считали наиболее опасными⁷.

Не гнушаясь никакими средствами, шляхта использовала против сельских батраков непосредственную вооруженную силу. С октября 1906 г. помещики стали создавать фольварочную стражу из своей прислуги и администрации. Активно действовала и помещичья милиция⁸. Эти вооруженные банды силой заставляли рабочих прекращать стачку, нередко избивали их и ранили. К своей борьбе против сельскохозяйственного пролетариата паны широко привлекали все реакционные слои деревни. Духовенство активно помогало им своей агитацией, в ряде мест стачки были сломлены исключительно благодаря вмешательству ксендзов⁹. Шляхта стремилась использовать и кулачество, из его среды формировались участники бандитских налетов на бастующих. Большую агитацию вели паны и среди среднего крестьянства. «Газета Келецка» сообщала о воззвании, в котором крестьяне обращались к батракам с упреками и угрозами¹⁰. В ряде мест крестьяне-хозяева заняли враждебную позицию по отношению к стачечникам, как, например, в Замойском и Ново-Александровском уездах Люблинской губ.¹¹ Но в целом эта политика раскола крестьянства, политика натравливания одной части крестьян на другую потерпела полное фиаско.

Однако самые большие надежды, как писала газета «Червоны штандар», шляхта возлагала «на своего приятеля Скалона, веря в святую троицу кавалерии, инфантерии и артиллерии»¹². У русского правительства, у русского царизма искали польские паны защиты и поддержки. На имя министра внутренних дел то и дело приходили телеграммы с сообщениями о начавшихся стачках и с просьбами о принятии срочных мер. Владельцы фольварков в Грубешовском уезде Люблинской губ. телеграфировали министру земледелия 8 марта 1905 г.: «Ввиду вспыхнувших в Люблинской губернии за-

¹ „Gazeta Kielecka“, 28. I 1906.

² А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 70.

³ „Czerwony sztandar“, 18. X 1906.

⁴ „Czerwony sztandar“, 14. XII 1906.

⁵ „Czerwony sztandar“, 22. IX 1906.

⁶ „Gazeta polska“, 6. IV 1906.

⁷ А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 68.

⁸ S. Kalabiński. Op. cit., „Przegląd historyczny“, t. 44, z. 4, str. 557.

⁹ „Kurier Warszawski“, 30. IV 1906.

¹⁰ „Gazeta Kielecka“, 19. VIII 1906.

¹¹ „Gazeta Kielecka“, 23 III 1905. „Kraj“, 1905, № 11, str. 20.

¹² „Czerwony sztandar“, 16. VII 1906.

бастовок сельскохозяйственных рабочих, вызвавших уже насилия и грабежи и угрожающих разорением сельского хозяйства и благосостояния местного населения, покорнейше честь имеем просить Ваше Высокопревосходительство принять меры к обеспечению нормального хода сельского хозяйства. Забастовки приняли широкие размеры в некоторых уездах, в других еще не начались, что принуждает нас прибегнуть к покровительству Вашего Высокопревосходительства»¹. Телеграммы аналогичного содержания отправили и помещики Красноставского и Замойского уездов Люблинской губ.²

Царские власти не остались равнодушны к этим призывам. Их тоже чрезвычайно беспокоило движение, возникшее в деревне, и они старались использовать все средства для успокоения батраков. Так, в Мариампольском уезде Сувальской губ. сам губернатор объезжал имения, чтобы расследовать причины стачек и повлиять на бастующих³. Ломжинский губернатор, призвав к себе членов Ломжинского земледельческого общества, советовал им пойти на уступки, чтобы предотвратить стачки⁴. Но одновременно с этим царизм готовил силы, чтобы подавить движение вооруженной рукой. В Калишской губ. состоялось специальное совещание с представителем военных властей. Командующий Варшавским военным округом генерал Максимович приберегал войска для выступления против стачечников⁵. 9 июля 1906 г. вышло постановление об усилении земской стражи в польских губерниях в количестве около 2,5 тыс. человек. На это был отпущен кредит в 1 млн. руб.⁶ Губернаторы Королевства Польского получили предписание принять все меры, чтобы не допустить стачек⁷, обо всех случаях забастовок они должны были немедленно сообщать по телеграфу в Варшаву⁸. Такая же обязанность лежала и на крестьянских комиссарах, помимо того, им было приказано вести среди сельского населения анти-стаечную агитацию⁹. Поэтому, когда помещики запросили правительство, можно ли ожидать помощи властей в случае волнения во время сельскохозяйственных стачек, административные органы Королевства Польского имели все основания ответить, что «губернаторами предприняты средства, чтобы не допустить стачек, сопровождаемых насилиями и возмущением»¹⁰. От помещиков требовалось лишь оповестить власти о начале полевых работ на фольварке¹¹. Приказ радомского генерал-губернатора от 18 апреля 1906 г. требовал от батраков прекращения стачек в 24 часа под угрозой немедленного выселения. Он предупреждал о том, что стачки «будут подавлены войском без всякого сожаления при помощи огнестрельного и холодного оружия». Губернатор выражал надежду, что это в «известной мере окажет помощь помещикам...»¹². Пань в любое время имели доступ к варшавскому губернатору¹³. Их просьбы о посылке войск удовлетворялись немедленно¹⁴. «Но, впрочем, войска приходили в деревню и без всякого вызова, — писала газета «Роботник», — и это было чаще»¹⁵.

¹ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., л. 2550, ч. 3, л. 20.

² Там же, лл. 7, 17. 5 III и 8. III 1905 г.

³ „Głos ludu“, 2. VIII 1906.

⁴ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., л. 2550, ч. 14, лл. 2—4, 5. IV 1905 г.

⁵ У. Шустер. Указ. ст., стр. 286.

⁶ А. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 68.

⁷ „Gazeta polska“, 18. II 1906.

⁸ „Gazeta polska“ 21. IV 1906.

⁹ „Gazeta polska“, 7. V 1907.

¹⁰ „Gazeta Kielecka“, 25. II 1906.

¹¹ „Gazeta polska“, 11. IV 1906.

¹² Цит. по статье S. Kalabiński. Op. cit., „Przegląd historyczny“, t. 44, z. 4, str. 554.

¹³ „Goniec Łódzki“, 2. IV 1905.

¹⁴ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., л. 700, ч. 36, л. 9, 9. VII 1906 г.

¹⁵ „Robotnik“, 5. V 1906.

За спокойствием и безопасностью польских помещиков заботливо следило все царское правительство. 13 июля 1906 г. из Петербурга в Варшаву была отправлена телеграмма директора департамента полиции, в которой говорилось: «По имеющимся сведениям, в Марнампольском уезде в 20 фольварках, принадлежащих 9 владельцам, происходит забастовка рабочих, ставящая владельцев в безвыходное положение. Местная администрация бездействует. Благоволите указать на необходимость передачи виновных в забастовке в распоряжение судебной власти для принятия должных мер в водворении порядка»¹. В 1907 г. в Сувалкской губ. властями была сорвана намечавшаяся на весну стачка сельскохозяйственных рабочих². Обычно на место стачки высылались отряды полиции или казаков, которые устраивали облавы, производили аресты³. Арестовывали большей частью руководителей и инициаторов стачки⁴, но иногда аресты бывали массовыми⁵. В ряде случаев арестованных отпускали через несколько дней, боясь озлобления остальных рабочих⁶. Однако в некоторых местах задержанные были преданы военному суду, оштрафованы и подвергнуты тюремному заключению⁷. Повсеместно репрессии сопровождались насилиями над рабочими. Так, в имении Решке Радомского уезда драгуны нагайками разгоняли забастовщиков⁸. В Курове Пулавского уезда Люблинской губ. прибывшие войска били бастующих дубинками, нагайками, оружием, топтали их лошадьми⁹. В ряде мест дело дошло до расстрела бастующих. 8 марта 1905 г. около деревни Ланентки Кутновского уезда Варшавской губ. отряд под командованием капитана Гриба стрелял в бастующих рабочих, в результате чего 50 человек были ранены и убиты¹⁰. Так, не пренебрегая никакими средствами, русское правительство рука об руку с польской шляхтой ожесточенно боролось против движения сельскохозяйственного пролетариата.

Аналогичные меры предпринимались и по отношению к выступлениям крестьян. Польская шляхта не желала поступиться ни крупницей своей собственности. Напротив, она считала всякие разговоры о возможности конфискации земли и экспроприации крупных владельцев опасными и способными подорвать само понятие частной собственности и уважение к ней¹¹. Состоявшийся в Варшаве в конце ноября 1906 г. съезд крупных землевладельцев категорически отверг идею принудительного отчуждения помещичьих земель, постановив, что оно «не может иметь места»¹². Большая часть помещиков выступала с энергичным протестом даже против parcelляции.

Однако этот классовый эгоизм шляхты стремилась прикрыть демагогическими заявлениями и уверениями. Журнал эндековского направления «Рольник польски», предназначенный для крестьянского чтения, писал, например, о необходимости достичь «всеобщего благосостояния, гармонии, ... мира и спокойствия в польской деревне, деревне трудолюбивой, деревне

¹ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 36, л. 11.

² ЦГИА, ф. ДО, 1907 г., д. 180, ч. 23, л. 1, 1. IV 1907 г.

³ «Kraj», 1905, № 11, str. 19.

⁴ «Gazeta polska», 24. I 1906.

⁵ «Z pola walki», 29. III 1905.

⁶ Там же.

⁷ «Kraj», 1906, № 11 str. 19—20.

⁸ «Tydzień Piotrkowski», 29. VII 1906.

⁹ «Czerwony sztandar», 14. XII 1906.

¹⁰ ЦГИА, ф. ДО, 1905 г., д. 2550, ч. 40, л. 2, 9. III 1905 г.

¹¹ «Głos ludu», 12. VII 1906.

¹² «Siewba», 16. XII 1906.

мирной, деревне веселой»¹. Буржуазная пресса всячески превозносила крупное землевладение и крупное капиталистическое хозяйство, стремясь убедить крестьян удовлетвориться ничтожными подачками.

Царизм также пытался отделаться мелкими уступками. Чтобы прекратить порубки казенных лесов, Варшавское Управление земледелия и землеустройства предписало всем лесничим продавать крестьянам лес без всяких формальностей на любую сумму выше 15 коп.² Снижена была такса на подстилку и на мох, разрешен свободный сбор грибов и ягод³. В июне 1907 г. был определен следующий порядок продажи крестьянам леса: ежегодно выделялся определенный участок для порубки того количества дерева, какое было нужно для крестьян, продажа производилась штуками и участками⁴. Но все эти незначительные облегчения не могли иметь серьезного значения и не приостановили движения. Поэтому правительство возложило все надежды на репрессивные меры. В целях подготовки к подавлению крестьянских волнений в Калишской губ. были выработаны соответствующие инструкции для военных и гражданских властей, вся губерния была разделена на семь округов, в каждом из которых размещался крупный военный отряд⁵. На основании распоряжения министра юстиции, дела об аграрных беспорядках передавались в ведение окружных судов, так как считалось, что сломить эти беспорядки «можно только быстрыми репрессивными мерами»⁶. Уже в начале 1905 г. варшавский генерал-губернатор сообщил, что для пресечения «преступных покушений на чужую собственность местные власти предпримут самые суровые меры», вплоть до предания военному суду для осуждения по законам военного времени. Под такими «преступными» действиями подразумевались нападения на помещичьи усадьбы, захват и запахивание господских земель, поджоги и разгромы фольварков, угрозы и насилия по отношению к панам, сопротивление войскам и полиции⁷. Такие же приказы отдали в своих губерниях петровский⁸, люблинский⁹, калишский¹⁰ губернаторы. Особенно строго карались нападения на государственные леса и пастбища и нанесение ущерба казенным служащим. Правительство постановило, что виновные в порубке государственных лесов или их укрыватели должны быть подвергнуты штрафу в 3 тыс. руб. или трехмесячному аресту¹¹. Участники аграрных волнений, кроме того, были обязаны возместить владельцам все убытки, причиненные беспорядками¹². Все эти распоряжения о военном подавлении крестьянского движения широко осуществлялись на практике. Повсюду войска и полиция производили обыски в деревнях¹³, реквизировали найденный лес¹⁴. На целые гмины накладывались штрафы, взыскание которых происходило опять-таки при помощи войск¹⁵. Больше число крестьян было арестовано.

Все эти факты показывают, что в борьбе против крестьянского движения царизм и господствующие классы Польши действовали заодно. Все

¹ „Rolnik polski“, 24. VI 1907.

² „Gazeta polska“, 18. II 1906.

³ „Gazeta Kielecka“, 12. X 1905.

⁴ „Gazeta polska“, 15. VI 1907.

⁵ „Gazeta Radomska“, 2. IV 1905.

⁶ „Kurier Warszawski“, 3. II 1906.

⁷ „Kurier Warszawski“, 4. IV 1905.

⁸ Там же.

⁹ „Goniec Łódzki“, 27. III 1905.

¹⁰ „Goniec Łódzki“, 30. III 1905.

¹¹ „Zagon“, 13. IV 1907.

¹² „Gazeta rolnicza“, 19. V 1906.

¹³ ЦГИА, ф. ДО, 1906 г., д. 700, ч. 36, лл. 3—5, 6. IV 1906.

¹⁴ Там же, д. 700, ч. 4, л. 1, 8. I 1906.

¹⁵ „Głos ludu“, 15. XI 1906.

противоречия интересов польской шляхты и русского самодержавия отходили на задний план, как только на сцену выступали грозные фигуры революционного сельского пролетария и крестьянина. Каковы бы ни были разногласия царизма и польских помещиков, их объединяла принадлежность к одному и тому же имуществу меньшинству, а общий страх за свою собственность делал это единство еще более тесным. Именно это единство действий царизма и польского буржуазно-помещичьего лагеря сыграло крупную роль в деле подавления крестьянского и сельскохозяйственного стачечного движения.

В 1907 г. революционная борьба польского крестьянства и батрачества заметно шла на убыль. Мощное стачечное движение 1905—1906 гг. сменилось отдельными разрозненными забастовками. О прежнем размахе борьбы напоминали лишь июльские стачки в лещмежских фольварках Ленчицкого уезда Калишской губ. и забастовка батраков в деревне Бартодзее гмины Едлинско Радомского уезда¹. Очень часто при помощи репрессий стачки пресекались в самом зародыше. Так, правительство заблаговременно приняло меры против готовившейся весной 1907 г. в нескольких уездах Сувальской губ. стачки, направленной на изменение срока найма². Помещики повсюду перешли в наступление, отняв большинство тех уступок, к которым их вынудили стачки 1905—1906 гг.

Движение крестьян за землю, за ликвидацию феодальных пережитков затихало более медленно. В течение 1907 г. в разных местах Королевства Польского имели место отдельные выступления крестьян, столкновения их с помещиками и казной. Так, в мае в деревне Самводж Козеницкого уезда Радомской губ. произошел своеобразный «бабий бунт». Во время отсутствия мужчин толпа крестьянок воспрепятствовала работникам имения запахать пастбища, избива управляющего³. В июне 1907 г. между крестьянами деревни Старогруд гмины Луков под Минском-Мазовецким и помещиком имел место конфликт, в результате которого пану не удалось засеять земельный участок⁴. Кое-где продолжались порубки помещичьих и казенных лесов (гмина Тересполь Замойского уезда Люблинской губ.)⁵, крестьяне оказывали сопротивление лесной страже⁶. В ряде мест возникали пожары на фольварках, во время которых сгорели господский хлеб, содома, сельскохозяйственные орудия и машины⁷. Однако это были отдельные, разобщенные выступления.

Национально-освободительная борьба польского крестьянства в основном также была подавлена. Правда, в ряде мест крестьяне попрежнему отказывались от несения повинностей⁸, подавали прошения о введении польского языка в школе⁹, но в целом движение утратило свой размах и остроту. Русский царизм и польская буржуазно-помещичья верхушка торжествовали победу. Революция потерпела поражение, наступало время реакции.

* * *

В начале XX в. в Королевстве Польском капитализм глубоко проник в сельское хозяйство. Свидетельством этого явился интенсивный процесс разорения и обезземеливания крестьянства, расслоение деревенского насе-

¹ „Gazeta polska“, 19. VII 1907.

² ЦГИА, ф. 40, 1907 г., д. 180, ч. 23, л. 1, 1. IV 1907 г.

³ „Zagon“, 18. V 1907.

⁴ „Kurier Warszawski“, 4. VI 1907.

⁵ „Gazeta polska“, 28. VII 1907.

⁶ Там же.

⁷ „Echa Płockie i Włocławskie“, 17. XI 1907.

⁸ „Zaranie“, 12. XII 1907.

⁹ „Chłop polski“, 1907, № 14, str. 170.

ления и создание в польской деревне класса сельскохозяйственных пролетариев и класса кулачества. Вместе с тем в аграрных отношениях Королевства Польского было немало остатков феодализма, усугублявших тяжесть капиталистической эксплуатации крестьянства и сельского пролетариата. Это обуславливало остроту аграрного вопроса в Королевстве Польском. Стремление крестьянства получить землю и избавиться от гнета крепостнических пережитков, наряду с классовым антагонизмом между сельскими рабочими и помещиками и кулаками, составляли сущность крестьянского вопроса. Наряду с этим национальное, религиозное и экономическое угнетение крестьянства царским самодержавием создавало в польской деревне базу для национально-освободительной борьбы против царизма.

Революционный подъем 1905—1907 гг. дал толчок попыткам революционного разрешения крестьянского вопроса снизу. Такими попытками являлись движение крестьян против помещиков за землю и сервитуты и стачечная борьба сельскохозяйственных рабочих. Однако аграрное движение в Королевстве Польском не получило такого широкого размаха, как в России, так как более глубокое проникновение капитализма в польскую деревню обусловило существование более острых противоречий среди крестьянства, а также развило в польском крестьянине сильную привязанность к частной собственности. Значительная часть крестьян еще шла за буржуазно-помещичьими партиями, обманывавшими массы при помощи демагогии. Ненависть польского крестьянства к царскому самодержавию и его выступления против правительства явились удобной почвой для националистической агитации этих партий, рассчитанной на то, чтобы отвлечь крестьян от подлинно революционной борьбы. С другой стороны, польская буржуазия и помещики вместе с русским царизмом обрушили на революционное крестьянство и сельскохозяйственный пролетариат волну репрессий, жестоко подавив аграрное и стачечное движения в польской деревне.

Революционная борьба крестьянства была лишена руководства со стороны пролетариата. Связь деревни с революционным городом была еще очень слаба. В революции 1905—1907 гг. в Королевстве Польском не было прочного союза рабочего класса с крестьянством. ППС в силу своей мелкобуржуазной сущности не могла и не хотела возглавить борьбу крестьянства. Единственная действительно революционная партия Королевства Польского СДКПиЛ недооценивала революционные возможности крестьянства, делала главный упор на работе среди сельскохозяйственного пролетариата. Это способствовало успеху происков реакции в деревне. Отказ СДКПиЛ от использования революционной энергии крестьянства намного ослабил силу революционной волны в Королевстве Польском.

Однако борьба польского крестьянства и батрачества объективно содействовала углублению революционной ситуации.

Эта революционная борьба имела огромное значение для пробуждения польского крестьянства, для его дальнейшего политического развития и воспитания.

К. А. Копержинский

ЖУРНАЛЬНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮБЕНА КАРАВЕЛОВА В РОССИИ¹

В истории болгарского общественного движения Любен Каравелов увековечил свое имя прежде всего как буржуазный революционер-просветитель. Его революционная деятельность относится к 1869—1874 гг. В эти годы он выдвинулся как один из вдохновителей и идеологов правого крыла революционного движения болгар. К этим именно годам относятся почти все его лучшие публицистические, литературно-критические, беллетристические и поэтические произведения.

Биографы, критики и историки уже давно указывали, что в формировании мировоззрения Каравелова важную роль сыграло его девятилетнее пребывание в России. Значительное воздействие на Каравелова оказал пример русских революционных демократов-шестидесятников. К сожалению, сведения о пребывании его в России крайне незначительны. Одни биографы, касаясь этого периода, без достаточных оснований утверждают, что он сразу же стал увлекаться Белинским, Герценом, Добролюбовым, Чернышевским и Писаревым². Другие говорят о первоначальных славянофильских влияниях на Каравелова³.

Эти совершенно невыясненные вопросы нельзя решить без исследования журнально-публицистической деятельности Каравелова в России и более тщательного изучения того окружения, в котором ему здесь приходилось работать. Надо проследить за последовательным ростом Каравелова — публициста и литератора, не ограничиваясь, как это имело место до сих пор, самым общим обзором его беллетристических и поэтических произведений. Располагая указаниями самого Каравелова⁴ о его выступлениях

¹ Ввиду имеющихся среди исследователей разногласий в оценке общественно-политических взглядов Л. Каравелова редколлегия „Ученых записок Института славяноведения“ предполагает опубликовать на эту тему ряд статей, отражающих различные точки зрения.

Покойный проф. К. А. Копержинский не успел окончательно приготовить статью к печати. Подготовка статьи к публикации в „Ученых записках Института славяноведения“ была осуществлена С. А. Никитиным.

² Г. Константинов. Любен Каравелов. См. сборник „Български писатели. Живот-творчество-идеи“. Под редакцията на проф. М. Арнаудов, т. III. София, 1929. стр. 13, 18; З. Стоянов. Чърти от живота и списателската деятелност на Любен С. Каравелов, 1885, стр. 32 и сл.

³ Б. Пенев. Любен Каравелов. София, 1936, стр. 91.

⁴ Письмо Любена Каравелова к Е. П. Ковалевскому от 7 октября 1863 г. Гос. Публ. Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, бумаги Лит. фонда, т. 12, лл. 337—338.

в русской печати до 1863 г. и некоторыми другими данными, мы ставим себе задачу по возможности полно охарактеризовать журнально-публицистическую деятельность Каравелова в России и тем самым восполнить пробел, имеющийся в научной литературе.

Пребывание Каравелова в России нельзя рассматривать лишь в плане учебы и подготовки болгарского деятеля для будущей большой работы на родине. Книга «Памятники народного быта болгар» (1861) не является ученическим опытом. Она вышла из печати одновременно со сборником братьев Миладиновых¹, когда появился ряд аналогичных русских и украинских фольклорно-этнографических сборников, и сохраняет научное значение до настоящего времени.

Публицистическая деятельность Каравелова конца 50-х и 60-х годов, конечно, тоже выходит за рамки простого ученичества. Статьи молодого болгарского литератора печатались рядом со статьями видных русских журналистов и играли в свое время значительно большую роль, чем это кажется с первого взгляда.

Десятилетняя общественная и литературная работа Каравелова в России дала значительные результаты. Русский университет, русская наука, русская передовая общественность и революционная среда многому научили болгарского патриота. Но и сам он оказался нужным и полезным человеком в России.

ЛЮБЕН КАРАВЕЛОВ В ГОДЫ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО С РУССКИМ ЯЗЫКОМ И ЛИТЕРАТУРОЙ (1845—1857 гг.)

Тематика научных работ и беллетристических произведений Каравелова, написанных в России, — южнославянская и преимущественно болгарская. В них он использовал свои детские и юношеские впечатления и свои болгарские фольклорно-этнографические наблюдения и записи. В школьные годы он получил уже значительные знания по русскому языку и познакомился с некоторыми произведениями русской литературы. В родной Копривштице и в Пловдиве формировалось его юношеское мировоззрение. Его взгляды на жизнь и людей, конечно, менялись, но некоторые черты мировоззрения уже сформировались и получили дальнейшее развитие в годы самостоятельной жизни и деятельности. В 1845 г. родители определили четырнадцатилетнего мальчика в Копривштинскую школу². Биографы отмечают, что условия обучения и воспитания были здесь более благоприятны, чем во многих других местах Болгарии. Габровский учитель первой национальной школы, основанной в 1835 г. в Габрове, Неофит Рилский перенес организацию и учебный план этой школы в Копривштицу. Неофит Рилский, первый учитель, преподававший по методу взаимного обучения, как известно, сыграл крупную роль в истории болгарского национального просвещения. В 1845 г., когда Каравелов поступил в Копривштенское училище, здесь были еще сильны традиции греческой школы, но в 1846 г. положение радикально изменилось. В Копривштицу приехал воспитанник Ришельевского лицея Найдено Геров, а вслед за ним — Яким Груев. Груев был сначала помощником Герова, а после его отъезда, с 1849 г., возглавил училище. Возникла болгарская национальная школа в полном смысле слова. Преподавание велось на болгарском языке по новым методам, усвоенным

¹ Български народни песни, събрани от братя Миладиновци Димитър и Константин в Загреб, 1861.

² Недавно обнаруженные документы свидетельствуют, что Любен Каравелов родился в 1831 г. (а не в 1837 или в 1834—1835 гг.). См. Димитър Осинин. Какво намерие в съветските архиви. „Литературен фронт“, 9. III 1950.

учителями в России. Геров и Груев, буржуазные просветители, воспитывали учащихся в духе любви к родине и уважения к России и ее культуре¹.

Школа быстро завоевала авторитет и популярность, распространившись далеко за пределы Копривштицы. Вспоминая об этом впоследствии, Каравелов писал: «Повсюду разносилась молва, что из Москвы приехал учитель, и вокруг Герова собралось достаточное количество учеников не только из одной Копривштицы, где он жил, но и из дальних сторон, как, например, Врани (Врана находится в Северной Македонии, недалеко от Албании. — К. К.), Адрианополя, Плевны, Калофера и др. Ученики в Найдене Герове нашли то, что желали, ибо Геров вполне удовлетворял тогдашним требованиям»².

К Копривштенскому периоду жизни биографы относят первое знакомство Каравелова с русским языком. Ученики старших классов, наряду с болгарским, изучали и русский язык. Предполагают, что Каравелов пользовался некоторыми имевшимися у Герова и Груева русскими книгами. Сам он в «Записках» утверждает, что стал серьезно изучать русский язык лишь позднее, в Пловдиве, куда переехал около 1848 г. В Пловдиве тогда существовало болгарское училище, где с 1848 г. преподавал Найден Геров. Однако Каравелов поступил не в это училище, а в греческую гимназию. Дело в том, что отец Каравелова, торговец крупным скотом, считал образование в болгарском училище бесполезным. Он хотел приучить сына к торговому делу. Для этой цели более необходимым было хорошее знание греческого языка. В Пловдиве происходила в это время острая национальная борьба между греками и болгарам. Враждовали даже ученики обеих школ. Каравелов принял сторону противников греческих «фанариотов», но не мог нарушить воли отца и учился в греческой школе. Это не мешало ему пользоваться библиотекой болгарской школы, где были русские книги. По его свидетельству, первой книгой, по которой он серьезно начал знакомиться с русским языком, был роман Жанлис «Рыцари Лебеда», в трех томах, переведенный с французского языка Кошанским в 1807 г. «Я зазубрих их наизусть во время беснижья», — писал Каравелов в своих «Записках». Из других, случайно попадавшихся ему русских книг Каравелов назвал: «Жизнь Наполеона Бонапарта», «Овидиевы превращения» и «Разговоры русско-греко-французские» (одесское издание). Кроме того, из России болгарская школа получала журнал «Русский вестник»³.

В автобиографических «Записках» Каравелов несколько иронически характеризует свой умственный кругозор этого периода. Вся та литература, которой он увлекался в начале 50-х годов, была тогда уже устаревшей. Иногда, вероятно, ему попадались и более новые, более современные русские издания. Передовые идеи, передовая русская литература, классики получили широкое распространение в Болгарии и Сербии только в конце 60-х годов. Именно в эти годы знакомство болгарского и сербского общества с Россией, ее жизнью, передовой литературой и критикой приобрело систематический характер. До 60-х годов в Болгарию попадали случайные русские книги, по большей части учебники. Из русских авторов болгарским учителям больше всего были известны Карамзин и Державин, стихотворения которого охотно декламировались в школах, а также Дмитрий Ростовский и митрополит Платон, произведения которых считались образ-

¹ Биографические данные см. в книге: Б. Пенев. Любен Каравелов, стр. 5—12; его же. История на новата българска литература, т. IV, ч. II. София, 1936, стр. 1143 и сл.; Г. Константинов. Любен Каравелов. София, 1940, стр. 11—12.

² Л. Каравелов. Болгарская журналистика. «Московские ведомости», 13. VII 1862.

³ «Из записок болгара». См. Любен Каравелов. Страницы из книги страданий болгарского племени. Повести и рассказы. М., 1868, стр. 255. Этот очерк впервые напечатан в «Русском вестнике», 1867, март, апрель.

цами хорошего русского языка. Имя Пушкина было известно многим, но язык пушкинской эпохи нередко воспринимался как сомнительное новшество. Из переводной русской литературы были в ходу такие книги, как «Театр» Коцебу, «Похождение Жилбласа де Сантилланы», «Дон Кишот Ламанский», «Странствования Телемака» и «Влюбленный дух» — на довольно устаревшем русском языке.

Из новой литературы больше, чем Пушкин, Гоголь и Лермонтов, был известен Вельтман, благодаря переводу его «Райны княгини», напечатанному в 1852 г., и такие писатели, как Квитка, «Дворянские выборы» которого еще в 1843 г. напечатаны были в Кишиневе в болгарском переводе¹.

В 1856 г. Каравелов оставил Пловдив² и, сопровождая отца в торговых предприятиях, объехал почти всю Болгарию, часть Македонии и Сербию. Путешествуя, он с энтузиазмом изучал быт народа и собрал произведения народного творчества. Быть может, и прав Б. Пенев, предполагая, что на собрание фольклорно-этнографического материала Каравелова натолкнул Найден Геров, сам занимавшийся собиранием фольклорно-этнографических материалов по поручению русских фольклористов. Но при этом надо иметь в виду, что тогда в Болгарии при изучении быта и народного творчества руководствовались прежде всего национально-патриотической идеей. И Герова и Каравелова увлекала перспектива раскрыть перед соотечественниками и всем миром такую же, как у сербов, сокровищницу народного быта и поэзии. В то время это был один из сильнейших аргументов в пользу прав угнетенного болгарского народа.

Портрет молодого болгарского патриота дополним еще двумя чертами. Будучи свидетелем бесчинств турецких властей и их тогдашних помощников — греческих пастырей и архипастырей, он их глубоко возненавидел. Социальные взгляды его еще не определились, но возможно, что у него уже зарождалось недоверие к болгарским чорбаджиям, по крайней мере к тем, которые проявили себя как помощники турецких поработителей. В 1856 г. неудачно закончилась Крымская война, но балканские славяне не утратили веры в помощь России в деле их освобождения от турецкого ига. Болгарская молодежь, патриотически настроенная и верившая в освободительную миссию русского народа, стремилась в Россию.

Одним из представителей этой патриотической молодежи был и Каравелов. Готовясь к борьбе за освобождение, многие болгарские патриоты мечтали получить в России военное образование, а также и высшее образование по различным специальностям. Они мечтали, по возвращении на родину, все свои силы и способности отдать творческой работе по созданию передовой национальной болгарской культуры. Вероятно, в июле 1857 г. Каравелов и Тодоров отправились в Одессу, где был тогда прославленный Ришельевский лицей. Но молодые патриоты скоро поняли, что Одесса не даст им того, что может дать Москва, а Москва и Петербург были тогда своего рода Меккой и Мединой всего славянского мира. Уже в августе 1857 г. Любен Каравелов был в Москве. Его товарищ Тодоров стал здесь готовиться к экзамену в военное училище и был принят. Каравелов же отказался от военной карьеры. Едва ли, а так думают Б. Пенев и другие биографы, его остановили трудности, связанные со сдачей экзамена по

¹ См. статью Ив. Д. Шишманова. Наченки отъ руско влияние в българската книжнина. „Български преглед“, година V, кн. IX, X. София, 1899, стр. 113—177.

² Сведения о том, сколько лет Каравелов учился в греческой пловдивской гимназии (около двух лет), — предположительны. По Пеневу, Каравелов прибыл в Пловдив в 1854 г. и прожил здесь до 1856 г. Мы исправили дату прибытия Каравелова в Пловдив, руководствуясь новыми данными о годе его рождения и указанием самого Каравелова, что тогда ему было шестнадцать лет. До 1856 г. Каравелов жил с перерывами в Пловдиве.

математике. Двадцатилетний юноша чувствовал призвание литератора, писателя, ученого и решил поступить на историко-филологический факультет Московского университета. Не желая тратить времени на подготовку к вступительным экзаменам, Каравелов осенью 1857 г. поступил на историко-филологический факультет в качестве вольнослушателя.

Нет оснований предполагать, что еще до прибытия в Россию Каравелов начал увлекаться идеями русских революционных демократов. Сведения об этом не достоверны. До прибытия в Россию Каравелов был обыкновенным болгарским буржуазным просветителем, а не революционером. По своему мировоззрению он был близок к таким деятелям, как Найденов Герв¹.

ПЕРВЫЙ НАУЧНЫЙ ТРУД И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ (1857—1861 гг.)

В пору двухлетнего пребывания Каравелова в Московском университете в нем работали такие крупные ученые, как Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонов, К. Н. Бестужев-Рюмин, О. М. Бодянский. Но обстановка не была благоприятна для спокойной академической работы. Это было предреформенное время, период активной деятельности русских разночинцев-демократов, возглавляемых Чернышевским и Добролюбовым. Передовое студенчество жаждало свободы, дышало идеями «Современника» и «Колокола», активно выступало против полицейских порядков². А. Каравелов не мог не знать о шумевшей «Варнековской истории» 1858 г.³ Он был свидетелем волнений, возникших в связи с введением в 1859 г. жестких «Правил для студентов Московского университета». Видимо, в связи с введением этих «Правил», обязывавших вольнослушателей вносить за право учения по 50 руб. ежегодно⁴, Каравелов и был вынужден в конце 1859 г. оставить университет.

Два года пребывания в Московском университете не остались бесследными для Каравелова. Расширился его кругозор, пополнились знания. Написанное им позднее стихотворение, обращенное к «брату Я. К--о--р--ву», свидетельствует о том, что в университете он увлекался республиканскими идеями⁵. В Московском университете Каравелов приобрел такого близкого друга, как И. Г. Прыжов, вместе с которым он еще в студенческие годы начал работать над книгой «Памятники народного быта болгар», вышедшей в 1861 г. в Москве⁶.

¹ Ссылаясь на свидетельство Арборе Ралли, биографы утверждают, что в Константинополе в 1856 г. Каравелов сблизился с русскими эмигрантами, распространявшими сочинения Герцена. Если это свидетельство достоверно, то все же нет основания говорить о влиянии идей Герцена на Каравелова в это время. Совершенно невероятно свидетельство Арборе Ралли о том, что Каравелов ездил в Лондон, чтобы повидаться с Герценом. См. об этом в названной книге Г. Константинова, стр. 22—23. Методологически неверно некритически использовать позднейшие высказывания Каравелова для характеристики его взглядов до прибытия в Россию. К такому приему прибегали и Б. Пенев, и Г. Константинов.

² А. Э. Попельницкий, И. М. Соловьев. Из общественных настроений московского студенчества в 1858 году. «Голос минувшего», 1915, № 9, стр. 266—268.

³ И. В. Лебединский. Из жизни московского университета. Варнековская история. С предисловием А. Ф. Пантелеева. «Голос минувшего», 1915, № 9, стр. 210—218.

⁴ Московский университет в 1861 году (из записок С. В. Ешевского). «Русская старина», 1898, июнь, стр. 577—609.

⁵ В этом стихотворении Каравелов обрушился на одного из профессоров, обливавшего грязью Брута, Кассия и Катона. Любен Каравелов. Сочинения, т. I. Под редакцией на Э. Стоянов, 1886, стр. 105.

⁶ Содержание: Предисловие. Пословицы и поговорки. Примечания к пословицам. Народный дневник. Народные болгарские имена. Легенды. Словарь. «Первая книга составлена под редакцией нашей и г. Прыжова», — писал Каравелов в «Предисловии», стр. IV. О Прыжове см. статью М. С. Альтмана «Иван Гаврилович Прыжов и его литературное наследие» в книге: И. Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма. М.—Л., 1934.

Приехав в Москву, Каравелов сразу же попал в среду своих земляков, составлявших довольно замкнутый круг людей. Это была «болгарская колония», виднейшими представителями которой были Райко Жинзифов, К. Миладинов, Нешо Бончев, Теохаров, Тодоров, В. Попович. Все они вели, конечно, переписку с родными и знакомыми на родине. Активную переписку вел и Каравелов. Болгарская молодежь, с трудом добравшаяся до Москвы, испытывала здесь большие материальные затруднения. Студенты-болгары учились в России с мыслью о будущей работе на пользу родины и мечтали об освобождении ее от турецкого ига.

Болгарская интеллигенция того времени возлагала большие надежды на русское правительство в деле освобождения угнетенной Болгарии. А. И. Герцен в «Колоколе» предостерегал славян от «смешения России с ее правительством». «Недостаточно продолжать ненавидеть турок и не терпеть Австрии, а... надобно окончательно не надеяться на русское правительство...», — писал Герцен. «Зимний дворец — не вся Россия... Другая Россия, вне дворца, вне табели о рангах — растет; она слаба, но и Зимний дворец не так крепок, он без гроша... Другая Россия приветствует вас своими братьями, протягивает вам руку; не смешивайте же ее с руками всех этих квартальных пропагандистов, агитаторов с Анной на шее...»¹

Каравелов и его друзья-болгары могли не читать этих строк, но в те годы революционная Россия очень явственно подняла свой голос по славянскому вопросу. В 1861 г. Н. Г. Чернышевский в спорах со славянофилами отстаивал идею революционного свержения турецкого и австрийского ига силами самих же турецких и австрийских болгар и сербов. Это была идея не только Чернышевского, но и самих борющихся угнетенных славян. Каравелов, друг Прыжова, не мог не знать о взглядах Чернышевского и его последователей.

Большинство болгарских студентов, учившихся в Москве, было тесно связано с русскими славянофилами и «Славянским благотворительным комитетом», оказывавшим им материальную поддержку. Ближайшие же приятели Каравелова (Прыжов и другие)² — не славянофилы. Вместе с Прыжовым Каравелов разделял тогда взгляд, что Россия должна помочь славянам освободиться от иноземного ига, в то время как Аксаков и другие славянофилы поддерживали в славянах надежду на русское правительство; в выступлениях Каравелова тех лет мы не находим никаких похвал русскому правительству, царской власти. Надо полагать, что он больше надежд возлагал на русский народ и передовую интеллигенцию. Ему, несомненно, чужды были славянофильские идеи об «освобождении», в результате которого русский царь получил бы политическую власть над народами, которые раньше были под турецким или австрийским игом.

И. С. Аксаков и славянофилы старались оказывать поддержку славянам, обучавшимся в России, и установили тесную связь с писателями и учеными всего славянского мира. Каравелов и Прыжов получили от Аксакова 170 руб., недостававших для издания «Памятников народного быта болгар» (издание стоило 475 руб.)³.

¹ Искандер. Сербь и черногорцы. „Колокол“, 1. XI 1860; А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под редакцией М. К. Лемке, т. X, стр. 434—438.

² Через Прыжова Каравелов, вероятно, познакомился с фурьеристом А. А. Козловым и его гражданской женой М. А. Челинцевой. В 1862 г. Козлов был арестован по делу о сношениях с „лондонскими пропагандистами“.

³ В предисловии к „Памятникам“ они писали: „Считаем долгом принести глубокую благодарность И. С. Аксакову, который дал нам средства на изданные книги, также и болгарам, доставлявшим нам материалы“. Сведения о стоимости издания см. в книге: Г. Константинов. Любен Каравелов, стр. 4. На научное издание был слабый спрос. „Мы успели выпустить первую книгу, и затем издание лопнуло за недостатком

Аксаков горячо ратовал за идею славянской взаимности. В самой общей форме эта идея была приемлема и для Каравелова. Каравелов разделял и некоторые идеи славянофильства о славянской взаимности в прошлом: теорию родового быта, мнения об общности форм быта у славян и т. п. Славянские параллели в «Памятниках» служат обоснованием исторической общности славянства.

Предисловие к «Памятникам» свидетельствует о том, что Каравелов руководствовался в своей работе, наряду с научными, и патриотическими национально-освободительными идеями, и задачей создания болгарской национальной культуры. Он с большой теплотой говорит о значении Венелина «для нравственного возрождения болгарского народа». Вторая задача его труда — «сблизить или познакомить русских с родными или братьями, забытыми за Дунаем, но от которых когда-то русская земля получала и священные книги и просвещение. Открывая ныне издание «Памятников народного быта болгар», мы готовы, по мере сил наших служить славянскому делу». Смысл слов «послужить славянскому делу» не раскрыт в предисловии. Надо полагать, что Каравелов вкладывал в эти слова следующее содержание. Его книга должна способствовать сближению славянских народов путем показа общности, родства их, особенностей быта, верований, древних обрядов, преданий, пословиц и т. п.

Восхищаясь всем этим славянским культурным достоянием, чешский просветитель Ян Коллар¹ считал, что славянские народы превосходят другие народы проявляющимися в их быту разумом, чувством, моральными качествами. Нынешние бедствия славянских народов объясняются их несогласиями, разобщенностью. Культурное единство, основанное на исконно добрых, мирных, прекрасных началах, обогащенных новыми гуманными идеями, приведет славян к свободе. Выдвигая идею славянской культурной взаимности, Коллар в основном сводил к ней проблему народности. Каравелов, повидимому, разделял идеи чешского «будителя» Яна Коллара. Каравелов приобщился уже к бурной политической жизни Московского университета. Это облегчило ему понимание революционной поэмы Г. Раковского «Лесной путник», напечатанной в 1857 г. Уже в 1860 г. в своей повести «Атаман болгарских разбойников» Каравелов вслед за Раковским пропагандирует идею хайдутской борьбы. Ясно, что достижение идеала «свободы» Каравелов мыслит себе и мирным путем (по Коллару), и путем борьбы. Если так, то проблему народности Каравелов не мог уже отождествлять с проблемой «культурной взаимности». Более широкое, чем у Коллара, понимание проблемы народности и путей освобождения славянских народов, собственно говоря, не нашло своего отражения в книге Каравелова, хотя и Каравелову, и Прыжову были, вероятно, известны статьи Добролюбова, его труд «О степени участия народности в развитии русской литературы» («Современник», 1858, № 2). Следуя академической традиции, Каравелов считал необходимым сосредоточить в первом томе своей книги преимущественно архаический народно-этнографический материал, не отражающий народной борьбы (такой материал имеется во втором томе).

В предисловии 1861 г., как видим, есть черты славянофильства и славянофильская фразеология, но есть и отличия от взглядов славянофилов. К рассуждениям о культурной взаимности русские славянофилы, конечно, прибавили бы рассуждения о православной вере, свою политическую трак-

читателей», — писал М. М. Стасюлевичу Прыжов в 1867 г. («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II, СПб., 1912, стр. 456).

¹ О Колларе см. «Literatura česká devatenáctého století», díl II, 1917, str. 308, 366—367.

товку славянского вопроса, быть может, теорию болгарской литературы для «домашнего обихода». Каравелов в предисловии говорит о «великорусском», украинском, сербском литературных языках как самостоятельных. Он дает свои соображения об устарелости болгарского правописания и характеризует основные особенности болгарского языка. Он, видимо, по Коллару мыслит себе каждый славянский народ. Каждый славянский народ должен оставаться самим собой по языку, по культуре, по литературе, но вместе с тем поляк должен осознавать себя славянином, так же как русский, болгарин и т. п.

В предисловии и во всей книге Каравелова нет ничего такого, что бы противоречило добролюбовскому пониманию фольклора. Добролюбов был убежден в том, что в древности в поэзии славянских народов «действительно выражались народные интересы», что в ней отражалась внутренняя, душевная жизнь народа, народное мирозерцание, истинная поэтичность, богатство чувств, высокие идеалы¹. Но в книге Каравелова слабо отражено активное отношение к фольклору, характерное для Добролюбова, искавшего в народном творчестве отражения жизни, истории народа и выражения отношения народа к тем или иным жизненным явлениям. В 1860—1861 гг. Каравелов лишь подходил к этой проблеме. Любопытно, что мифологические воззрения Буслаева не оказали влияния на Прыжова и в особенности на Каравелова.

Мы не согласны с теми биографами, которые умаляют значение Московского университета для Каравелова. Московский университет много дал Каравелову и для расширения его общественного кругозора в общении со студенческой массой, и для научной подготовки. «Памятники народного быта болгар» были результатом довольно кропотливой научно-литературной работы. Составители в общем следовали традиции, установившейся в трудах Сахарова («Сказания русского народа», 1849), А. Терещенко («Быт русского народа», СПб., 1848). Из рукописных материалов, хранящихся в Софии, видно, что Каравелову были известны такие сборники, как «Записки о Южной Руси» П. А. Кулиша (1856—1857), «Малороссийский сборник» Маркевича (1860)².

Вместе с тем, несомненно, что основные южнославянские (см. Предисловие), русские и украинские издания фольклорно-этнографического материала были Каравеловым изучены, что им была обнаружена осторожность в научной работе и комментировании материала и были даны параллели из русского, украинского, белорусского и польского быта.

В отличие от Г. Раковского, фольклорно-этнографические опыты которого служили для Каравелова одним из современных образцов³, он не увлекся фантастическими мифологическими толкованиями и был более внимателен к проверке аутентичности публикуемого материала.

Уже характер научной обработки народного материала свидетельствует о том, что взгляды Каравелова на народный быт и фольклор приняли более реальные очертания, чем у Коллара или же Бодянского. Самостоятельно мыслящий молодой ученый избрал наиболее правильный путь работы. В его лице болгарская этнография и фольклор сделали крупный шаг вперед.

¹ О взглядах Добролюбова см. Н. А. Глаголев. Проблема народа и народности литературы в критике Добролюбова. „Ученые записки Московского университета“, вып. 110, 1946.

² Д. Шелудько. Впливи Шевченко на Любена Каравелова. „Записки історично-філологічного відділу УАН“, кн. XVIII, 1928, стр. 129—148.

³ О работах по фольклору Г. Раковского см. М. Арнаудов. Раковски като фолклорист. „Сборник в чест на професор Л. Милетич“. София, 1912, стр. 27—63.

Труд Каравелова очень заинтересовал русских ученых. Имя Каравелова стало широко известным в научных кругах России. А. Н. Пыпин советовал ему заняться исключительно народным творчеством южных славян¹. На Каравелова смотрели как на крупного знатока болгарского быта и народного творчества. Материалы Каравелова учтены Пыпиным в болгарской части труда «История славянских литератур», использованы в «Поэтических воззрениях славян на природу» А. Афанасьева и многих других работах. Ученые обращались к нему за разъяснениями и дополнительными материалами. У Афанасьева можно найти ссылки: «Сообщено г. Каравеловым»². Труд Каравелова оказался очень полезным для развития русской фольклористики и этнографии. Много позднее академик П. А. Лавров даже считал необходимым издать второй том материалов Каравелова³. Совершенно очевидно, что труд Каравелова занимает довольно видное место в ряду фольклорно-этнографических работ подобного типа.

Как уже было указано, Каравелов расходился со славянофилами по ряду очень важных вопросов. Это видно из его произведений, помещенных в болгарском издании «Братски труд», выходящем в Москве в 1860—1862 гг.⁴ Здесь были напечатаны на болгарском языке первые его стихотворения: «Загорец», «Пастирь», «Желание» (ср. «Заповіт» Шевченко). Кроме того, помещена статья Каравелова «Славяне в Нѣмско».

«Братски труд» был выдающимся в то время опытом создания национальной болгарской литературы. И. С. Аксаков такого рода произведения расценивал как литературу «для домашнего обихода». Он считал, что все славяне должны принять русский язык в качестве литературного, болгарская же молодежь понимала свои задачи по-иному. Она опиралась на традиции болгарской национальной культуры и зорко следила за тем, что делают земляки на Балканах, выписывала «Дунавски лебед» Раковского и другие издания⁵.

Вчитаемся в содержание первого, еще мало самостоятельного литературного опыта А. Каравелова статьи «Славяне в Нѣмско»⁶.

В качестве эпиграфа Каравелов взял двустилие Раковского «Башино огнище не оставай, стари обычаи не презирай». Г. Раковский издавал тогда в Белграде свою газету «Дунавски лебед». Роль Раковского как революционера в то время еще не была осознана царским правительством. На него смотрели просто как на вдохновителя борьбы с турецким гнетом. Поэтому цензуру не беспокоило увлечение болгарских студентов его «Дунавским лебедом», «Лесным путником» и другими произведениями.

Во вступительной части статьи Каравелов сетует, что мы, славяне, изучая иностранные языки, не обращаем внимания на славянские, особенно русский, чешский и польский языки. Из чужих языков мы извлекаем правила для своего языка, а эти правила не только не полезны, но даже вредны. Если знать один славянский язык, то можно обойти все славянские земли и понять каждое славянское племя. «В средние века основой

¹ Г. Константинов. Указ. ст., стр. 20.

² См. А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. III, М., 1869, стр. 765, 769, 105 и др.

³ Болгарские народные песни, собранные Любеном Каравеловым, изданные под наблюдением П. А. Лаврова. М., 1905. Третий том „Памятников“ Каравелова не напечатан до сих пор.

⁴ Редактор первого выпуска Васил Попович, четырех следующих — Жинзифов.

⁵ С другой стороны, сотрудники „Братски труд“ пристально следили за общественно-литературным движением всего славянства. Так, товарищ Каравелова Жинзифов помещал в „Братском труде“ переводы из „Кобзаря“ Шевченко.

⁶ „Братски труд“, 1860, кн. 3, стр. 59—70.

сближения была вера, в новое — политическая связь, а в наше — народность».

Рассуждение начинающего литератора напоминает мысли Коллара. Вспомним, что Коллар советовал каждому образованному славянину изучить четыре языка. В перечне Каравелова не указан только иллирский язык — все остальные названы¹. Любопытно и то, что вразрез с русским славянофильством Каравелов отказывается навязывать славянам единство вероисповедания и государственное единство. В то время как славянофилы мыслили себе будущее славянство под скипетром русского царя, под сенью православия, Каравелов развивал не официально-правительственную и не славянофильскую точку зрения. Его определение основы сближения, общности славянских народов напоминает формулировку Яна Коллара, который уже заглавием своего трактата («О литературной взаимности...») отвергает религиозную и политическую основу славянской взаимности. С другой стороны, любопытно, что Каравелов, говоря о необходимости сближения, прямо указывает на «народность» и употребляет этот термин. У поляков впервые этот термин употребил Бродзинский, в России им пользовался В. Г. Белинский и широко развил проблему народности в литературе. Н. А. Добролюбов пошел по пути Белинского и дал дальнейшее обоснование и развитие проблеме народности. От народного поэта Добролюбов требовал живого сочувствия народным страданиям, органической связи с народом, правдивого отражения психологии, действительных чувств народа. В то время как славянофилы, идеализируя допетровскую Русь, оценивали народ как пассивную массу, Добролюбов признавал за народными массами решающую роль в историческом процессе. Нет оснований предполагать, что Каравелов уже в 1860 г. поднялся до добролюбовского понимания проблемы народности, но он уже начинал подходить к пониманию этой проблемы. Важно употребление самого термина — без придания ему славянофильских религиозных и монархических смысловых оттенков. Точка зрения Добролюбова и русских демократов оказывала влияние на Каравелова.

Далее в статье следует глава «Сръбе» («Сербы»), якобы по сочинению Г. Н. Славенича. Славенич — венгерский серб. Венгерская Сербия, так называемая Воеводина, в 1849 г. за помощь Австрии в подавлении венгерской революции была выделена в независимую от Венгрии самостоятельную область. Но в 1860 г. реакционная Австрия предала венгерских сербов, отдав Воеводину Венгрии. Это политическое событие Каравелов и обсуждает в главе «Сръбе». Здесь есть цензурные пропуски, но все же Каравелову удалось напечатать покаянные слова, вложенные в уста одного серба:

«Если бы мы знали, что Австрия так наградит нас за нашу верность, то никогда не подняли бы оружие против Венгрии» (т. е. против венгерской революции). Затем описывается тяжелое положение сербов: целые стада голодных и кровожадных чиновников-немцев разместились в сербских округах. Образованный серб не в состоянии найти себе службу. Тысячи сербов проливали кровь, но они не могут дослужиться до чина полковника. Можно дослужиться лишь в том случае, если жениться на немке и изменить своему вероисповеданию. Таким образом, Каравелов дал отрицательную оценку политике патриарха И. Раяичича, действиям Елаичича и сербских воевод, которые повели свои отряды на подавление венгерской революции. Народное образование, народная сербская школа, в частности гимназия в Карловце, находятся в безотрадном состоянии.

¹ Знание „иллирского“ языка, видимо, подразумевается, так как дальше следует глава якобы по сочинению венгерского серба Славенича.

Статья касается вопросов религии, которая в создавшихся условиях должна была бы служить оплотом национальности. Но епископы не особенно поддерживают освободительное движение. Нет хороших епископов, которые заботились бы о народе и народном образовании: «Не знаю, что милее епископам: деньги и правительство или счастье их стада?» Там, где автор начал говорить о «неговом апостолском величестве» и о начальнике города, имеется цензурный пропуск.

В том же выпуске «Братского труда» помещено стихотворение Каравелова «Пастырь». Его внимание к церковному вопросу вполне понятно. В то время был поставлен вопрос о самостоятельном болгарском патриархате в Константинополе. Происходила ожесточенная борьба между греческим и болгарским духовенством. В борьбу вовлечены были широкие массы обществённости. За независимость болгарской церкви выступил Г. Раковский в «Дунавском лебеде». Одним из поводов для этого выступления послужила статья, помещенная в «Русских ведомостях» за 1859 г. Анонимный богослов оправдывал фанариотское духовенство и обвинял болгар¹.

Что собою представляют греческие фанариоты, Каравелов прекрасно знал. Он их возненавидел еще на родине. Ему была известна точка зрения славянофилов и анонимного богослова, что Византия — источник восточного христианства. Ко времени составления статьи, быть может, уже получены были в Москве январские номера «Дунавского лебедя», но Каравелов пока еще ограничился обычными нападками на греческое духовенство в духе, например, поэмы Раковского «Лесной путник»².

ПРОПАГАНДА КАРАВЕЛОВЫМ ИДЕЙ РАКОВСКОГО В РУССКОЙ ПЕЧАТИ (1861—1863 гг.)

В период работы над «Памятниками» Л. Каравелов еще резко не выступал против славянофилов. После издания «Памятников» он совершенно разошелся с ними. До 1861 г. Каравелов был довольно тесно связан с болгарской колонией и принимал активное участие в «Братском труде». В 1861—1863 гг. он разошелся с теми своими земляками-болгарами, которые были на поводу у славянофилов, и выступил в печати против Жинзифова. Соотечественники Каравелова в случае крайней нужды обычно обращались за помощью в «Славянский комитет». Каравелов в эти годы жил очень бедно. Отец разорился и не в состоянии был ему помогать. Журнальная работа давала недостаточные средства, но он не обратился к Аксакову, а предпочел воспользоваться денежной поддержкой известного миллионера-миллионера В. А. Кокорева³. В сентябре 1862 г. этот источник иссяк, так как

¹ См. Г. С. Раковски. Автобиография и мемуары. Библиотека „Българска книжнина“. София, 1925, № 6, стр. 57—70, а также статьи Раковского в „Дунавском лебеде“, 1860, № 1—2, 1861, № 7—8.

² В уста „Мудрого Момчила“ Раковский вкладывает краткую историю враждебных отношений между болгарами и греками, начиная с древних времен. Фанариоты, монахи характеризуются как корыстолюбивые, злобные предатели и клеветники, как ненасытные змеи, пьющие христианскую кровь. См. „Записки от живота на Георги Раковски. Наредени от Ив. П. Адженев. Издава Николай Балкански“. Русе, 1894, стр. 106—109.

³ Звучащее в данном месте противопоставление И. С. Аксакова В. А. Кокореву ошибочно. И тот и другой принадлежали к одному кругу, оба были членами Московского Славянского комитета. Но первый не располагал достаточными личными средствами для оказания помощи нуждающимся, а Славянский комитет обладал ими также в незначительных размерах и обращался к частной благотворительности для удовлетворения нужд просителей. Невозможность для Каравелова обращения к Аксакову объяснялась столкновением между Аксаковым и Каравеловым в связи с изданием „Памятников народного быта славян“. Славянский комитет дал часть средств на издание

Кокорев разорился. Тогда Каравелов, думая уехать на родину, обратился за материальной поддержкой к «нейтральному» «Обществу для пособия нуждающимся литераторам и ученым», возглавлявшемуся Е. П. Ковалевским, а не к «Славянскому комитету».

У нас нет достаточных данных, чтобы судить, с кем в 1861—1863 гг. Каравелов больше всего общался. Кроме Прыжова, его неизменного друга, среди знакомых Каравелова были А. Афанасьев, А. А. Ковалевский и М. П. Погодин¹, возможно А. Н. Пыпин, имя которого упомянуто в письме к Е. П. Ковалевскому. Самый факт обращения Каравелова в «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» и сотрудничество его в «Русском вестнике», «Московских ведомостях», «Нашем времени», «Русской речи», «С.-Петербургских ведомостях» и «Библиографических записках» дают косвенные указания на тот круг литераторов, в среде которых у него было много знакомых.

Такие газеты, как «С.-Петербургские ведомости», «Русская речь», были в значительной мере либерально-академическими. На страницах этих газет выступали многие русские ученые. В «С.-Петербургских ведомостях», например, печатали статьи Костомаров, Бестужев-Рюмин, Срезневский, критик Анненков, Драгоманов. Предметом внимания газеты были новинки художественной литературы, вопросы истории литературы, в частности истории славянских литератур. Из украинских поэтов и писателей «С.-Петербургские ведомости» высоко ставили Шевченко и Марко Вовчка, «Парижские письма» которой здесь печатались². Довольно много писалось в «С.-Петербургских ведомостях» о польской³ и о чешской литературе. Например, И. И. Срезневский в 1861 г. поместил некролог Ганки⁴. Много внимания уделялось жизни и государственному строю сравнительно недавно образовавшейся Сербии⁵, литературе южных славян⁶. Помещена была даже заметка о лужичанах⁷, Бестужев-Рюмин напечатал статью «Русская история в связи с историей других славян»⁸.

этой книги и хотел, чтобы издание вышло от имени Комитета, на что не согласился Каравелов (прим. ред.).

¹ Связи Каравелова с М. П. Погодиным характеризуются его письмами последнему. См. И. В. Козьменко. Письма Любена Каравелова. Записки отдела рукописей. Гос. Библиотека им. Ленина, вып. 12. М., 1951, стр. 187—189.

² Рецензия А. Чужбинского на «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских повтов, под ред. Н. В. Гербея», «С.-Петербургские ведомости», 22. XII 1860. См. о Шевченко «С.-Петербургские ведомости», 18. II 1860; 1. VII, № 143; 18. IX 1863 (статья М. Лазаревского) и др.

О Марко Вовчке — положительный отзыв см. «С.-Петербургские ведомости», 1864, № 48, 54. 1860, № 8. Отрывки из «Писем из Парижа» Марко Вовчка см. «С.-Петербургские ведомости», 1864, № 140, 182, «Пустяки» см. «С.-Петербургские ведомости», 1863, № 17, 48, 49.

³ Например, Н. Берг. Новости переводной литературы (рецензия на переводы «Гражины» и «Конрада Валленрода»). «С.-Петербургские ведомости», 1863, № 10. О. Веселовский. Очерки современной польской литературы. «С.-Петербургские ведомости», 1863, №№ 116, 118.

⁴ «О славянском концерте в память Ганки» см. «С.-Петербургские ведомости», 1. I 1861; заметку И. И. Срезневского о Ганке см. «С.-Петербургские ведомости», 21. III 1861; «Обзор чешской литературы за 1859 г.» см. «С.-Петербургские ведомости», 1860, № 111, 112; «Библиотека П. И. Шафарика» см. «С.-Петербургские ведомости», 7. V 1863.

⁵ «Князь Милош Обренович» см. «С.-Петербургские ведомости», 27. IX 1860, корреспонденции из Сербии см. «Московские ведомости», 1864, № 189, 261.

⁶ «Взгляд на судьбу литературы славян южных и западных» см. «С.-Петербургские ведомости», 1863, № 79, 81.

⁷ П. А. Славянские земли (у лужичан Саксонии). «С.-Петербургские ведомости», 1860, № 229; «О национальном торжестве», «С.-Петербургские ведомости», 1863, № 134.

⁸ «С.-Петербургские ведомости», 15. VII 1861.

Таким образом, Каравелов-журналист вступил в среду по большей части либерально-академическую¹. Здесь он и Прыжов² могли быть приняты, так как издание первого тома «Памятников» сделало их имена широко известными в среде ученых.

С другой стороны, из статьи Каравелова в «Русской речи» видно, что в трактовке славянского вопроса он во многом был солидарен с украинской «Основой», издававшейся в Петербурге в 1861—1862 гг. В этой статье имеется украинская цитата из «Еретик або Иван Гус» Т. Г. Шевченко. «Основу» Каравелов, несомненно, внимательно читал. Обследование стихотворений Каравелова обнаруживает, что некоторые его переводы и подражания Шевченко сделаны были не по изданию «Кобзаря» 1860 г., а по текстам, впервые появившимся в «Основе»³. Позиция «Основы» — буржуазная националистически-украинская, враждебная русскому славянофильству. Продолжая линию Н. Костомарова, еще в «Молодике» 1843 г. заявившего о правах украинского языка и особой украинской литературы⁴, П. Житецкий в 1862 г. в «Основе» выступил против «Дня» Аксакова по тому же вопросу⁵.

Л. Каравелов и раньше был сторонником развития самостоятельных славянских литератур. В этом отношении его точка зрения совпадала со взглядами Коллара, Караджича, Раковского и русских прогрессивных деятелей. В статьях Каравелова 1861—1863 гг. видное место занимает вопрос о развитии национально-болгарского просвещения и национальной болгарской литературы. Как и раньше, следуя революционеру Раковскому, он большое внимание уделяет борьбе за самостоятельность болгарской церкви. В связи с этим Каравелов, как и Раковский, выступает в своих произведениях против греческого духовенства и против турецких угнетателей. Он пишет о бесправном, угнетенном положении болгар в Турции, о бунтах и протестах турецких славян. Используя сказовую манеру украинской писательницы демократического направления Марко Вовчок, Каравелов пишет рассказы, иллюстрирующие бесправное положение болгар под турецким и греческим игом и, как просветитель, ратует в них против суеверия, бескультурья («Бедное семейство», 1862 г., «Слава», «Бошко», 1866 г., первоначальная редакция, возможно, в 1862 г.)⁶.

¹ К. А. Копержинский рисует здесь неточную картину, легко исправляемую на основании письма Каравелова к Ковалевскому. Каравелов в эти годы сотрудничал не только в петербургской либеральной печати, но и в катковских «Русских ведомостях», и в «Московских ведомостях», и в «Русской речи» Евгения Тур, и в «Нашем времени» И. Ф. Павлова. Все эти издания неоднородны. Если «Русская речь» может быть охарактеризована как либеральная газета, то для катковских изданий этой поры уже характерно присутствие панславистских тенденций (прим. ред.).

² Рецензию И. Г. Прыжова на «Филологические записки» см. «С.-Петербургские ведомости», 1862, № 241; «Записки історично-філологічного відділу УАН», кн. XVIII, 1928, I. Воронеж, 1862.

³ См. Д. Шелудько. Указ. ст. в «Записках історично-філологічного відділу УАН», кн. XVIII, 1928.

⁴ Иер. Галка. Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке: «Молодик на 1844 г.» Украинский литературный сборник, издаваемый Иг. Бедем, 1843, стр. 157.

⁵ П. Житецкий. Русский патриотизм (Ответ «Дню»), «Основа», 1862, март, стр. 33 и сл. Статья написана в ответ Соколенко, выступившему в «Дне» (№ 21) против самостоятельной украинской литературы. Житецкий возражал Ламанскому, считавшему нелепостью существование самостоятельной украинской литературы. Аксаков в примечании добавил, что допустимо существование украинской литературы «для домашнего обихода».

⁶ Беллетристические произведения Каравелова, написанные в России, рассмотрены в другой нашей работе. (См. «Известия Академии наук СССР. Отд. литературы и языка» 1948, т. VII, вып. 4, стр. 173—178).

Остановимся прежде всего на замечательной своим публицистическим духом статье Каравелова «По поводу славянского отдела газеты «День»»¹. И. С. Аксаков в «Дне» проводил строго православную точку зрения по вопросу о болгарской церкви и проповедовал единение болгар с греками. В то время как Г. Раковский ратовал за восстание против турецкого ига, И. С. Аксаков советовал болгарам, прекратив сопротивление туркам, переселиться на окраины России. Когда Раковский резко выступил против подобного предложения и обрушился на славянофильский «День», Аксаков открыл страницы своей газеты для инспирированных им писем болгарина Жинзифова².

Против Аксакова и Жинзифова выступил Каравелов. В начале статьи Каравелов в хорошо им усвоенном академическом стиле развивал мысль о том, что было бы полезно основать в Москве журнал, посвященный изучению славян. Такой журнал нужен славянам для развития политического самосознания, для развития науки. В настоящее время нет человека, подобного Шафарику. Поэтому «во главе журнала могли бы стать направление, дух, — направление как последнее слово современной науки, — дух как нелицемерная, без задних мыслей, любовь к народу». Смысл слов «направление как последнее слово науки» раскрывается цитатой из посвящения Шафарику в поэме Шевченко «Еретик». Ясно, что речь идет о будущей жизни славян на началах свободы³.

Пока Каравелов считает очень желательным открытие в русских журналах славянских отделов. Таких отделов еще нет. Правда, газета «День» объявила, что откроет славянский отдел. «Но и это, как было надеждой, так и осталось». То, что печатает о славянах «День», совершенно не удовлетворяет Каравелова.

Например, «День» говорит о переменчивости болгар, которые то стоят за унию, то каются и называют Пия IX антихристом. В действительности они стремятся только к одному — как бы сохранить свое православие и освободиться как от греков, так и от турок. Клевета о перемене болгар во взглядах пущена в ход продажным «Цариградским вестником». Вместе с тем странно, что «День» и славянофилы радуются единению болгар с греками. «День» со своими притязаниями идет наперекор истории и современным понятиям. Проповедуя соединение болгар с греками, «День» в то же время высказывается против всякого единения сербов, черногорцев и болгар, тогда как история только и добивается этого единения».

Попутно высмеяв Жинзифова, Каравелов подробно останавливается на примечаниях редакции «Дня» к его письму. По мнению редакции, «... причина грабежа и насилия греков — это турецкое иго, и, не будь этого ига, греки и болгары жили бы братьями. О, г. Гильфердинг, что вы не издаете своей истории болгарского народа, столь давно ожидаемой? Зачем оставляете вы даже ваших друзей, славянофилов, в неведении того, что вражда между болгарями и греками начинается с самого основания болгарского государства, что этой враждой наполнена была вся болгарская история, и что в настоящее время это — борьба рассвета с тьмой, борьба жизни и смерти»⁴.

Незнание истории заставило г. Аксакова, красноречивого защитника народных интересов, стать на стороне смерти и тьмы. Но оставим в стороне столь достойных и столь любезных славянофильскому делу фанатиков, пастырей, которые усердно стригли и доили свое стадо, решительно не

¹ „Русская речь“, 4. I 1862.

² См. статьи И. А. Аксакова в „Собрании сочинений“, т. I. М., 1886, стр. 3—77.

³ Какое содержание вкладывал Каравелов в это понятие, автор не раскрыл (прим. ред.).

⁴ Такое же освещение истории давал Г. Раковский.

заботясь об его нравственности, и обратимся к туркам. Турки, с своей природной тупостью, апатиею и недалекостью, не что иное, как орудие фанариотов. Разве это турки виноваты, что греки закрывают болгарские школы? Разве они виноваты, что в болгарских церквях запрещено читать по-славянски? Разве турки виноваты, что болгарские дети остаются некрещенными до десятилетнего возраста, или, что болгары умирают без исповеди, без причащения, венчаются без церковных обрядов и т. п.?»

Далее Каравелов защищает Г. Раковского. Он возмущается Жинзифовым¹, напечатавшим в восьмом номере «Дня» статью против «Дунавского лебеда», где Раковский резко выступил против предложения угнетенным болгарам переселиться в Россию.

«Раковский, — пишет Каравелов, — это один из передовых болгар, и, может быть, единственный в настоящее время человек, гласно и публично защищающий болгарские интересы. Для него все в счастье народа, в счастье болгарской земли, — а потому можете себе представить, до какой степени могло его оскорбить известие о приглашении болгар к переселению. У болгарского народа болит душа по родной земле, они думают о том, как бы ее спасти, а славянский отдел «Дня» вместо этого нежно предлагает болгарам даровую квартиру у Никитских ворот... Не говорим уже о том, согласно ли это с какими-нибудь народными тенденциями, но просто, есть ли тут хоть капля смысла? Жили у нас татары в Крыму, говорят славянофилы, да ушли. Так не хотите ли оставить свою родину, свое небо, могилы своих отцов, оставить братьев своих на жертву грекам и туркам и перейти к нам в Крым и сделаться пограничными сторожами нашей земли?»² Чем же мог ответить на это всякий честный болгарин, чем он мог бы ответить на это известие, как не взрывом негодования на тех, которые зовут, и тех, которые идут. Раковский так и сделал».

С негодованием Каравелов отчитывает Жинзифова, заявившего, что Раковский якобы оклеветал Аксакова.

В заключение Каравелов пишет: «В России в настоящее время существует два журнала, преимущественно поднявшие народное знамя: «Основа» и «День», но разница между ними великая. С «Основой» вы можете не сходиться в некоторых мнениях и спорить, но нельзя не уважать ее направления. Напротив, в журнале «День» можно встретить много хороших мыслей, а сочувствовать его направлению, его духу нет никакой возможности. «Основа», со времени своего появления и до сих пор, вызывала везде и во всем одно искреннее к себе сочувствие, к которому и мы считаем святым долгом присоединить слабый голос; «День», напротив, вызвал только насмешки, и есть люди, которые уже оставляют его листы неразрезанными. «День» стоит, однако, гордо глядя с своей высоты на то, что совершается вокруг, и боится, чтобы он не упал, а упасть он может скоро и легко, его погубит самое легкое дуновение народного журнала».

«И неужели вы так низко думаете о турецких славянах, что они для своего освобождения от турок нуждаются в чьей-нибудь посторонней помощи?.. — писал Чернышевский. — Ведь турок в Европе только два миллиона, а славян семь или восемь миллионов. Неужели не могли бы они справиться с турками? Спросите, кого хотите, болгарина или турецкого серба, нужна ли его соотечественникам чужая помощь для освобождения от турок, он оскорбляется таким вопросом. Им нужна только уверенность, что другие

¹ В статье Л. Каравелова вместо Жинзифов — Жинзнеров.

² В 1860 г. русское правительство заключило договор с Портой об обмене татарского населения на болгарское.

³ См. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. VII. М., 1950, стр. 828—842.

державы не станут мешать их освобождению, — остальное все сделают они для себя сами»³.

Н. Г. Чернышевский, несомненно, знал из газет, хотя бы из статей Каравелова в «Нашем времени» или «Библиографических записках», что в Болгарии началась активная борьба за освобождение от турецкого гнета, возглавляемая Раковским. Чернышевский выдвинул свою точку зрения, опираясь на реальные факты революционной борьбы южных славян.

В следующем, 1862 г. Чернышевский снова выступил в «Современнике» против оскорбительных для южных славян славянофильских поучений. На этот раз в его статье речь шла о брошюре «К сербам», вышедшей за подписью А. Хомякова, М. Погодина, И. Аксакова и др. Уже заглавие статьи Чернышевского «Самозванные старейшины» характеризует славянофилов как мнимых представителей русского народа.

Как видим, строгий академизм начальных строк статьи Каравелова уступил место боевому гневному стилю возмущенного и оскорбленного болгарского патриота. Не только Каравелов выступал тогда против славянского отдела «Дня». На год раньше Н. Г. Чернышевский в «Современнике» осудил и высмеял работников этого отдела, отметив высокомерное самохвальство и покровительственный по отношению к южным славянам тон И. С. Аксакова. Чернышевский вскрыл ложные установки русского славянофильства и отметил, что для турецких славян оскорбительна сама мысль, что для своего освобождения они нуждаются в чьей-либо помощи.

Как видим, в своем понимании славянского вопроса, Каравелов оказался единомышленником не только Раковского, но и отчасти Чернышевского и идейным противником славянофилов¹. При этом его выступления в русской прессе, во многом солидарные с выступлениями Чернышевского, имели в свое время общественное значение как голос представителя прогрессивной болгарской интеллигенции. В глазах Каравелова славянофилы — мнимые защитники интересов славянства. Такова же и основная мысль статьи Чернышевского в «Современнике».

Но в 1861—1863 гг. Каравелов еще не понимал роли Чернышевского в журнале «Современник». «Основа» представлялась Каравелову единственным журналом, который с честью держит знамя народности. В 1861—1863 гг. он, в сущности, либерал по идеологии. Но было в его статьях много неприемлемого для русских либералов: достаточно указать на то, что в спорах со славянофилами Каравелов отстаивает революционную тактику Г. Раковского². Недаром же редакция «Русской речи» снабдила статью Каравелова примечанием, отмечающим ее несогласие с автором³.

Выступления Каравелова в защиту Раковского не свидетельствуют о полной солидарности обоих деятелей. Л. Каравелов пропагандировал только некоторые идеи Раковского.

¹ Автор не учитывает здесь принципиального различия позиций Каравелова и Чернышевского (прим. ред.).

² К. А. Копержинский смешивает здесь форму изложения, относительно которой сделала примечание редакция «Русской речи», с сущностью вопроса. Что касается вооруженной борьбы народов Балканского полуострова, то катковские издания подчеркивали ее необходимость для осуществления европейского вмешательства и создания автономных государств, по отношению к которым «власть Турции будет иметь и значение отвлеченное». («Московские ведомости», 1864, № 240). Поэтому общее суждение автора о либеральной печати ошибочно (прим. ред.).

³ «Просим читателей не забывать, что мнение, выраженное здесь чересчур резко, принадлежит автору, который говорил под влиянием оскорбленного патриотического чувства. Мы также не во всем поклонники газеты „День“, но наше несогласие с ней исходит из другого источника» (редактором газеты был Е. М. Феоктистов).

Раковский после неудачного опыта своей «болгарской легии» (1862) в Белграде окончательно разочаровался в иностранной помощи болгарам. Он пропагандировал идею освобождения Болгарии собственными силами и верил, что выступления организованных хайдутских отрядов поднимут болгарский народ на восстание. А. Каравелов, русофил, тоже пропагандировал хайдутские методы борьбы, но считал, что болгары победят только в случае выступления России против Турции. В своих рассказах «Страницы из книги страданий болгарского племени» Каравелов ставил себе задачу оказать влияние на русскую интеллигенцию. Руководствуясь «гуманными чувствами», «культурной взаимностью», общество заставит правительство объявить войну туркам, русский народ освободит болгар от турецкого ига.

Совершенно очевидно, что точка зрения Каравелова на освобождение Болгарии не была революционно-демократической. Н. Г. Чернышевский, как мы видели, совершенно отвергал мысль о посторонней помощи «турецким славянам». Он был идеологом «народной», крестьянской революции. Революционно-демократическую точку зрения на освобождение Болгарии первым выдвинул В. Левский. Он отказался от методов этнической борьбы и в 1868—1869 гг. приступил к организации внутренних революционных комитетов. Эти комитеты и постепенно созданный Болгарский Центральный революционный комитет (в Бухаресте) вели планомерную подготовку восстания в народе. Левским была поставлена задача освобождения Болгарии не только от национального, но и от социального ига. В отличие от Левского Каравелов был буржуазным либералом — болгарским патриотом буржуазного толка.

В 1857—1860 гг. вопросы науки и культуры занимали преобладающее место в сфере интеллектуальных интересов Каравелова; в 1861—1863 гг. он стал несравненно больше внимания уделять вопросам политики. Обратимся к статьям по болгарскому церковному вопросу, который был одной из форм буржуазного национального движения.

Подобно Раковскому, писавшему о церковном вопросе в «Дунавском лебеде», Каравелов приветствовал движение в среде болгарского духовенства и мирян за создание самостоятельного болгарского патриархата. В 1861 г. в газете «Наше время» была помещена информационная статья Каравелова «Болгарская уния»¹. Каравелов сообщал в ней, что 18 декабря 1860 г. Константинопольское болгарское общество и представители народа подали армянско-католическому патриарху и французскому католическому архиепископу акт, в котором они изъявляют желание возобновить свою народную иерархию, просят папу Пия IX быть главой болгарской церкви и требуют права на избрание болгарского патриарха. Стремление к унии, поясняет Каравелов, вызвано антиболгарской политикой греческого духовенства, преследовавшего болгарскую народность и подавлявшего славянский дух.

В следующем номере газеты Каравелов поместил небольшую статью, написанную в форме корреспонденции из Константинополя от 1 января. Здесь он снова разъясняет, почему болгары, так ненавидящие «римского отца», все же решаются на унию. Дело в том, утверждает Каравелов, что они больше не в состоянии терпеть насилия со стороны греческого духовенства. Несправедливые славянофильские обвинения болгар в «переменчивости взглядов» Каравелов решительно отвергает.

Вопросу о борьбе болгарского народа против греческого духовенства посвящена и статья Каравелова «Болгарские церковные дела», помещенная

¹ Помещена за подписью К. в газете «Наше время», 1861, № 3.

в том же «Нашем времени»¹. Ссылаясь на журнал «Български книжици», Каравелов подробно рассказывает о беззакониях греческих фанариотов, о народных волнениях, о том, как во время пасхальной заутрени народ прервал диакона, провозгласившего многолетие патриарху Кириллу, и о вызванном этим фактом беспокойстве в константинопольской патриархии. В статьях Каравелова 1861—1863 гг. находит отражение вооруженная борьба южных славян против турецкого ига. В № 5 «Нашего времени» за 1861 г. Каравелов поместил краткую заметку о появлении среди болгар людей, восстанавливающих народ против турок и побуждающих требовать от Порты некоторых прав. Приведя слова из продажного «Цариградского вестника»: «эти разбойники желают смущать народ, поощряемый с какой-то стороны», Каравелов пишет: «Видно на Гарибальди намекает редактор Вестника, потому что носят слухи, будто Гарибальди весной высадит войско на берегах Албании и освободит христиан от турецкой власти. Вслед за Македонией начинает волноваться Болгария и Фракия. Из Сливен (Слимны) в Фракию пишут, что четырнадцать человек болгар напали на дом одного богатого турка и, отобрав все его имущество, тяжело ранили. Вот первое нападение на турецкий дом болгарам; таких примеров до сих пор не было. Увидим, что будет дальше».

В письме к Е. П. Ковалевскому Каравелов указывает, что в 1862 г. он печатал «Славянские известия» в «Московских ведомостях», а в 1863 г. — в «С.-Петербургских ведомостях». Поэтому ему, надо полагать, принадлежат статьи «Московских ведомостей» с антитурецкой направленностью.

В № 152 «Московских ведомостей» за 1862 г. напечатана статья «Сербия и европейское равновесие». Здесь говорится о невежестве турок и банкротстве Турции, о том, что Турция не может играть никакой роли в европейском равновесии, о том, что турки притесняют болгар и сербов и должны оставить занимаемые ими крепости. В другой статье («Турция и славяне») приводится письмо из Болгарии о тяжелом положении болгар, о том, что патриарх не делает уступок, и поэтому распространяется слух о том, что болгары боятся обратиться к России, чтобы не навлечь на себя новой беды со стороны турок. «Мы горячо надеемся на помощь своих соплеменников сербов, черногорцев, босняков и герцеговинцев, с которыми связаны кровными интересами», — говорится в статье.

Можно предполагать, что названные статьи «Сербия и европейское равновесие» и «Турция и славяне» принадлежат Каравелову. Можно предполагать, что он же является и автором заметок о восстании черногорцев², о восстании Луки Вукаловича в Герцеговине³ и статьи «Турция» по материалу «Patrie». В этой последней рассказано о том, как мужественно сражались болгарские храбрецы во время бомбардировки Белграда под предводительством Раковского, «самого ревностного патриота и мужественного защитника болгарской национальности», о том, что теперь Раковский занимается устройством своего легиона, который будет состоять из 500 храбрецов. Военные упражнения этого легиона тревожат турок⁵.

¹ К[аравелов]. Болгарские церковные дела. „Наше время“, 1861, № 5, 7—10. В нашем распоряжении были не все страницы № 7 и 8—9.

² Черногория. „Московские ведомости“, 28. II 1862. (Заметка составлена на основании письма в „Народных листах“).

³ Положение дел в Герцеговине. „Московские ведомости“, I. II 1862.

⁴ „Московские ведомости“, 27. VI 1862.

⁵ Вопрос о том, какие именно заметки принадлежат перу А. Каравелова, потребует дальнейшего исследования (прим. ред.).

Некоторые заметки подобного же содержания помещены и в «С.-Петербургских ведомостях» за 1863 г.¹

Остановимся теперь на статьях Каравелова, посвященных вопросам болгарской культуры.

В журнале «Библиографические записки»² Каравелов поместил статью «Библиография современной болгарской литературы», содержащую отзывы о нескольких болгарских изданиях. Наиболее высокая оценка дана здесь «Дунавскому лебедю» Раковского, издававшемуся в 1860 г. в Белграде, и его фольклорно-этнографическому сборнику «Показалец», изданному в Одессе в 1859 г. «Направление «Лебедя», — писал Каравелов, — если только редактор исполнит свою программу, очень полезно для болгарского народа, потому что газета является защитником православия против иезуитизма и прав болгарской независимой иерархии».

Газету «България» Д. Цанкова Каравелов в своем обзоре осуждает за то, что она в последнее время сделалась органом иезуитов, и за то, что она перестала защищать болгарский народ. Далее Каравелов дает положительную оценку детской «Читанки» Павла Колянджи (Одесса, 1861) за ее национальное направление, за печатание болгарских народных песен, басен Крылова «Осел и Соловей», украинских и сербских песен и т. п. Осуждение Каравелова заслужил Д. Добревич, издавший перевод французской книги «Благонаравие» (1858) — руководства для приобретения светского лоска.

Те же мысли выражены Каравеловым в большой статье «Болгарская журналистика», помещенной в «Московских ведомостях» за 1862 г.³ По мнению Каравелова, ясно здесь высказанному, литература должна быть народной по языку и служить интересам народа. «Литературная деятельность в Болгарии, — писал он, — начинается только с тридцатых годов настоящего столетия. Говоря так, мы не думаем о той литературе, которая живет вместе с народом и родилась тогда, когда народ начал жить и чувствовать; не говорим о болгарских народных певцах и сказочниках, в соданиях которых сохранилась вся история болгарского народа. Под словом литературная деятельность мы разумеем деятельность меньшинства, которому обстоятельства помогли выдвинуться на первый план и сделаться руководителем своего народа».

Возникновение новой болгарской литературы Любен Каравелов тесно связывает с развитием науки и просвещения, с деятельностью пионеров болгарского просвещения, обратившихся к изучению истории своего народа и к народному языку. Настоящее болгарское возрождение началось в 40-х годах, когда дело просвещения взяли в свои руки люди, получившие современное образование в России и начавшие воспитывать детей в национальном духе. Тогда именно и было положено начало болгарской литературе.

Далее Каравелов дает обзор болгарской журналистики. Он называет прежде всего «Цариградски вестник», бывший с 1847 по 1857 г. единственной болгарской газетой, «Български книжци», «България», «Дунавски лебед». В скором времени, сообщает Каравелов, в Белграде под редакцией В. Поповича, студента Московского университета, будут издаваться журналы «Просвещение» и «Съюз». Даже турки намерены издавать болгарскую газету: дело в том, что католики обратились к Раковскому и

¹ Возможно, что Каравелову принадлежит, например, информационная заметка «Славянские земли» («С.-Петербургские ведомости». 29. V 1863). Здесь приведены политические новости о Черногории и восстании трезинских турок. Из заграничной газеты «Розог» извлечено известие, что задрские представители на Далматинском соборе Кланч и Данило лишены австрийцами своих должностей «за вольнодумство».

² «Библиографические записки», 1861, стр. 277—280, 467—491.

³ См. «Московские ведомости», 13. VII, 14. VI. 1862.

Бурмову за помощью в организации католического органа, но получили отказ. Тогда католики обратились к туркам.

Из современных ему болгарских газет и журналов Каравелов выше всего оценивает «Дунавски лебед». «Этот орган, — писал он, — приобрел сочувствие с самого своего появления: газета явилась защитником интересов и прав народа». Раковский с горячим патриотизмом, доходившим иногда до фанатизма, восстал на католиков, на турок, на греков, словом, на всех тех, которые действовали во вред болгарам и православию, и «Дунавски лебед» стал расходиться в очень большом количестве, тем более что его политические статьи печатались на двух языках, на болгарском и французском.

Возлагая большие надежды на болгарскую периодическую прессу, Каравелов заканчивает свою статью следующими словами: «Сербия, Герцеговина, Босния и Черногория начинают иную жизнь и увлекают за собой Болгарию. И очень важно было бы, если бы в эту минуту во главе болгарской журналистики стал человек, не столько истинно-просвещенный, сколько истинный сын своего народа». Иными словами, Каравелов намекает, что Болгарии нужен сейчас вождь освободительной борьбы против турецкого владычества. Он — за вооруженное свержение турецкого ига, за восстание в Болгарии по примеру Сербии, Герцеговины и Боснии. По вопросам политики он вообще разделяет точку зрения Г. Раковского.

В термин «литература» Каравелов вкладывает очень широкое содержание. В понятие литературы входят, по его мнению, и научные сочинения, и газеты, и журналы, и беллетристика, и поэзия. Мерой оценки результатов деятельности образованного меньшинства народа служит то, в какой мере литература народна по языку, в какой мере она служит поднятию культуры народа, верна его традиции, идеям патриотизма, в какой мере она борется за современные интересы и права народа. Актуальной задачей является организация борьбы против турецкого ига и греческого насилия. Литература и обязана служить этим целям. Деятели литературы должны быть проводниками современных идей науки и просвещения в доступной народу форме.

Мысли Каравелова о литературе сходны с точкой зрения классиков русской критики, которые, начиная с Белинского, выдвигали вопрос об общественном значении и идейности литературы и журналистики, требовали от литературы служения народным интересам и выражения прогрессивных идей. Знакомый с сочинениями Белинского и Добролюбова, Каравелов разрабатывает проблему народности в литературе, в народной песне и сказке. Он указывает на связь с жизнью народа, с его историей. На общем фоне русской литературной публицистики статья Каравелова резко выделяется патриотизмом и прозрачными намеками на восстание; как на действенное средство свержения турецкого ига.

Статьи и корреспонденции Каравелова имели в свое время общественный интерес и значение. В полемику о славянстве включилась заинтересованная сторона — сторонники и противники официальной и славянофильской точки зрения из среды самих славян. Каравелов давал очень трезвую, объективную информацию о жизни и борьбе южных славян, прежде всего болгар. Из его статей русские демократы черпали необходимые им данные о действительном положении дел на Балканах.

Понимание Каравеловым славянского вопроса в 1861—1863 гг. расходилось с официальной и славянофильской точкой зрения. Он в эти годы отошел и от трактовки славянской взаимности только как чисто культурного и литературного общения. Каравелов почти во всех своих статьях настойчиво привлекал внимание русской интеллигенции к самому интересному для нее явлению в жизни болгарского народа — деятельности Раковского и

его соратников. Славянофильская реакционная трактовка славянского вопроса в 60-х годах вызывала у многих представителей русской интеллигенции безразличное отношение к болгарам, сербам и другим славянам. Каравелов, выступавший в русской печати большей частью анонимно, освещал славянский вопрос как животрепещущую современную проблему, привлекавшая к ней внимание русского общества.

В либеральной и консервативной прессе многие смелые мысли и решительные призывы Каравелова не могли звучать достаточно сильно. Так, его статьи по церковному вопросу, вероятно, воспринимались в значительной степени, как голос православного болгарина, сетовавшего на вынужденное отступление соотечественников от веры отцов. В действительности Каравелов проявил в них вольнодумство, допуская, например, унию в интересах ослабления национального и социального гнета.

Литературная продукция Каравелова в 1861—1863 гг. количественно невелика. Тематически она ограничена главным образом болгарскими интересами. Сотрудничая в русских периодических изданиях, Каравелов всегда чувствовал себя прежде всего болгарским деятелем, болгарским литератором. Он писал с мыслью о родине и только о том, что было связано с задачей освобождения Болгарии, развитием ее просвещения и литературы.

СБЛИЖЕНИЕ КАРАВЕЛОВА С РУССКИМИ РАДИКАЛЬНЫМИ И РЕВОЛЮЦИОННЫМИ ДЕЯТЕЛЯМИ, ЕГО ЖУРНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ (1864—1867 гг.)

В письме к Е. П. Ковалевскому от 17 октября 1863 г. Любен Каравелов писал: «Теперь обстоятельства, тесно соединенные как с моими домашними делами, так и с положением просвещения в моем отечестве, призывают меня снова на родину, где бы я мог — по мере сил — употребить на пользу соотечественников то, что успел приобрести во время пятилетнего моего пребывания в России». Можно предполагать, что за этим официальным обоснованием необходимости возвращения на родину Каравелов скрывал и иные цели. В 1863 г., в связи с польским восстанием, волнениями в Боснии и Герцеговине, могло казаться, что близок час победоносного восстания болгар и турецких сербов. Этим, вероятно, и объясняется решение Каравелова вернуться на родину.

«Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым», видимо, не в состоянии было немедленно удовлетворить просьбу Каравелова. Между тем польское восстание было подавлено, новые известия о положении на Балканах ослабили уверенность в близости решительного выступления против турок, и Каравелов еще на некоторое время остался в России.

Идея вооруженных выступлений против турок в те времена сочеталась не только с прогрессивным, но и с реакционным мировоззрением. «Добродетельная дружина», нотабли договаривались с русским правительством поднять восстание в случае, если начнется война с Турцией. Русское правительство в то время вообще поддерживало антитурецкую деятельность болгар, но Раковскому не доверяло, требуя отстранения его от руководства.

Как мы уже говорили, Каравелов и до 1863 г. был сторонником Раковского. Он критически относился к чорбаджиям и князьям церкви. В России Каравелов был связан не с революционерами, а с либералами, что видно из предыдущего¹.

¹ Биографы Каравелова (Тодоров) обычно указывали, что еще в 1858 г. он был связан с Герценом. Основанием для этого служила надпись, якобы сделанная Герценом

В 1864—1867 гг. Каравелов, не порывая этих связей, устанавливает более тесные отношения с русскими радикальными и революционными кругами. Он мыслит теперь славянскую взаимность на основе согласованных действий и борьбы демократических сил славянских народов. Он начинает больше интересоваться внутренним положением в России, положением в Сербии, работой русских и сербских эмигрантов. Постепенно в его выступлениях на первый план выдвигаются общедемократические, социальные и политические требования.

Одним из новых знакомых Каравелова был известный впоследствии ученый-историк, филолог и этнограф А. А. Котляревский. Он не был революционером, но с революционерами был связан и очень интересовался нелегальной литературой. В 1862 г. Котляревский был арестован в Клину. Через некоторое время, после допросов, его отпустили. Он находился в каких-то отношениях с революционером В. И. Кельсиевым¹, который, как известно, в свою очередь, был связан с Герценом и Бакуниным. С Котляревским Каравелов познакомился, вероятно, в начале 60-х годов через И. Г. Прыжова. Из письма Каравелова к Котляревскому, написанного в 1867 г. из Белграда, видно, что отношения у них были приятельские. Связывали их и научные интересы: Котляревский работал в области археологии и этнографии, писал диссертацию «О погребальных обычаях языческих славян» (защищенную им в 1868 г.). Вероятно, через посредство Котляревского Л. Каравелов включился в работу Московского Археологического общества, основанного в 1864 г. Первые выпуски «Трудов Археологического общества» и «Археологический вестник» выходили под редакцией Котляревского. Как видно из письма Каравелова в 1867 г., общество избрало его (Каравелова) своим членом². В 1866 г. Каравелов напечатал свою повесть «Турецкий паша», посвятив ее Котляревскому³. Итак, знакомство с Котляревским было для Каравелова в высшей степени полезным в научном отношении и для расширения его общественного кругозора. При посредстве Котляревского болгарский деятель мог узнать о подпольной России и русской революционной эмиграции.

Каравелов был лично знаком и с некоторыми русскими революционерами. Об одном из них — Арборе Ралли — известно, что он был связан с Герценом, Бакуниным, Нечаевыми и каракозовцами. Арборе Ралли познакомился с Каравеловым в доме каракозовца Гремячинского, куда Каравелова ввели два других члена Ишутино-Каракозовского кружка, Николаев и Страндин⁴.

Отметим, наконец, что и ближайший друг, старший товарищ Каравелова, И. Г. Прыжов в 1864—1867 гг. сблизился с революционерами. К 1867 г. относится активная пропаганда Прыжова среди рабочих, предшествовавшая вступлению его в «Народную расправу» Нечаева⁵.

на экземпляре „Прерванных рассказов: „Любену Каравелову в знак искренних симпатий. А. Герцен. 22 мая 1858 г.“ Боян Пенев видел этот экземпляр книги, но имя того, кому подарена книга, было вырезано. Поэтому Б. Пенев оспаривает свидетельство Тодорова. См. Б. Пенев. Указ. соч., стр. 77.

¹ В. И. Кельсиев находился в Лондоне в 1858 г. В 1862 г. он приезжал в Москву с целью установления связей со старообрядцами. В 1867 г. он отрекся от своих революционных взглядов и вернулся в Россию. Краткое нелегальное пребывание Кельсиева в Москве вряд ли могло способствовать его сближению с Каравеловым (прим. ред.).

² Письмо к А. А. Котляревскому написано из Белграда в 1867 г. (без даты). См. бумаги А. А. Котляревского (№ 2339) в рукописном отделении Гос. Публ. Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

³ „С.-Петербургские ведомости“, 1866, № 181.

⁴ Свидетельство Арборе Ралли приведено в книге Б. Пенева.

⁵ М. С. Альтман. Указ. ст. в книге: И. Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма. М.—Л., 1934, стр. 18—19.

Вероятно, в 1865—1866 гг. Каравелов, при участии Прыжова, сделал построчный прозаический перевод революционной поэмы Шевченко «Неофиты», снабдив текст примечаниями¹. Эти примечания дают яркое представление об идеях и настроениях Каравелова² и Прыжова. Достаточно привести несколько примеров: «К а т. — Кат по-русски палач. Такого слова нет в болгарском. Кат — это преступник, избавленный от казни с условием, чтобы он казнил других. И тогда как в болгарском языке нет и слова такого, в России палач и палачество самые обыкновенные вещи: сверху до низу все палачи разных чинов и состояний». «С и б и р ь. — Самая холодная часть России, где томятся миллионы преступников, жертв царствующего над ними деспотизма, и великих передовых деятелей, мучеников за правду». «Н е м а е х а т ы». — Шевченко здесь представляет картину современной ему России, в которой все лучшие люди сосланы в Сибирь, замучены, обкрадены, и нет дома, где бы не было слез». «Г а л ь с к и х л е г и о н а х. — Читай: в Сибири, в Оренбурге и т. д., новых местах ссылки». «О Н е р о н е. — Читай: Николай, русский царь». «В Р и м е. — Читай: в Петербурге». «П р е т о р и а н е — русские дворяне». «Ж е р ц і — паны, архиереи». «П а т р и ц и и — аристократы: два звания высших чинов, оставленных на то, чтобы сверху давить народ, грабя его и презирая». «У к а з: указ, фирман, посредством которого русский деспотизм изъявляет высочайшую волю. Указы милуют богатых, позволяя им делать все, что хотят, и ругаются над бедняком». «П о С ц и п и о н а х. За людей свободы. Так, (русский народ) (одно неразборчивое зачеркнутое слово) теперь 40 миллионов тоже (три неразборчивых зачеркнутых слова) по Чернышевских»³.

Как видим, внимание и Прыжова и Каравелова⁴ в эти годы обращено к неофициальной России, к борьбе русских революционеров, к сосланному в 1864 г. Чернышевскому. Каравелов — противник монархического государственного строя, он возмущен произволом дворянства, бюрократии, стоит за «бедняков» против «богатых». В сознании Каравелова возникает аналогия между порядками в России и социальным, и государственным строем на его родине. Наряду с революционной борьбой русских революционеров его интересует борьба и украинских революционеров. Большим вниманием с его стороны пользуется поэт-революционер Шевченко, произведения которого он в 1864—1867 гг. усиленно переводит на болгарский язык и которому подражает в своем творчестве. Тогда же он увлекается произведениями Марко Вовчка. Каравелова в первую очередь интересуют революционные произведения Шевченко, наряду с «Неофитом», переведенным на болгарский

¹ По предположению Д. Шелудько, перевод „Неофитов“ на болгарский язык сделан между 1862—1866 гг. Вернее будет датировать перевод и примечания 1865—1866 гг., так как в примечаниях упомянут сосланный в 1864 г. Н. Г. Чернышевский. Примечания написаны на русском языке рукой И. Г. Прыжова. Участие Л. Каравелова в составлении примечаний явствует из их содержания: примечания составлены применительно к условиям жизни на Балканах и в Болгарии. Д. Шелудько. Указ. ст. „Записки історично-філологічного відділу УАН“, кн. XVIII, 1928, стр. 145—146.

² Возможно, что дальнейшие поиски обнаружат данные об участии Каравелова в „Отечественных записках“. Не Каравелову ли принадлежит анонимная статья в „Отечественных записках“, „Турки, греки и славяне“ (1867, август, сентябрь) и статья о Сербии (там же, август, стр. 771—811)? Объектом нападок в этих статьях являются греческие фанариоты и продажные турецкие чиновники; в них излагается история борьбы за самостоятельность болгарской церкви.

³ Д. Шелудько. Указ. ст. „Записки історично-філологічного відділу УАН“, кн. XVIII, 1928, стр. 146. „Неофиты“ впервые были напечатаны в „Основе“ 1862, № 2. Рукописный материал хранится в Софийской библиотеке.

⁴ К. А. Копержинский, к сожалению, не поставил вопроса о доли участия в составлении этих комментариев каждого из авторов. Между тем даже из его изложения ясно, что оно не могло быть одинаковым в силу различия их взглядов и интересов (прим. ред.).

язык, — «Еретик або Иван Гус». Интерес к украинской литературе он разделяет с Прыжовым, автором одного из первых очерков по истории украинской литературы (1866) и статьи о «Кобзаре»¹.

Мы не знаем точно, какими русскими писателями в эти годы начал больше увлекаться Каравелов, но несомненно, что наряду с Гоголем среди них были Чернышевский и Герцен. Это видно из рассказов Каравелова 1864—1866 гг. и из написанной уже в Белграде повести «Виновата ли судьба»². Из критиков его больше всего интересуют Чернышевский и Добролюбов.

Яркой иллюстрацией роста мировоззрения Каравелова и его близости в 1864—1866 гг. к литературно-критическим принципам классиков русской критики может служить статья «Българска книжнина»³. Здесь идет речь о болгарской литературе и литературном языке.

В 40—50-х годах представители так называемой Пловдивской школы (Н. Геров, Я. Груев) сделали попытку нормализации болгарского литературного языка и правописания. «Пловдивская школа» пошла значительно дальше Венелина в сближении книжного языка с народным, но отстаивала этимологическое правописание. Каравелова не удовлетворяла половинчатость, осторожность «Пловдивской школы» в реформе языка. В своей статье он прежде всего остановился на грамматических рассуждениях Н. Герова. По мнению Каравелова, составители грамматики не знают, что такое грамматика. Они исходят из правил церковнославянской, русской или даже греческой грамматики, в то время как надо было следовать народному языку и словосочинению (синтаксису). Болгарские писатели до сих пор писали так, что болгарин не может разобрать даже половины написанного им. Болгарам следует учиться у других народов, особенно «у сербского ученого мужа Вука Стефановича Караджича». У болгар есть много книг и статей, но на болгарском языке напечатаны, по существу, только две книги. Это сборники народных песен бр. Миладиновых и Верковича. Таким образом, Каравелов был решительным сторонником создания болгарского литературного языка на народной основе. Эта точка зрения позднее была обоснована «Тырновской школой».

Далее Каравелов дал резкую оценку установившейся в болгарской литературе традиции оболгаривания произведений иностранных авторов. Объектом его критики послужила «Сирота Цвѣтана, поболгарена отъ Иоакимъ Груевъ» (1858). «Поболгаритель» заменил в чужом произведении французские имена и города болгарскими⁴. По мнению Каравелова, «поболгарители», во-первых, занимаются литературным воровством, во-вторых, по своей глупости бесчестят болгарский народ, выдавая французские народные нравы и обычаи за болгарские.

Особенно же подробно Каравелов остановился на книге Р. Жинзифова «Новобългарска сбирка», в которой напечатаны переводы на болгарский язык «Слова о полку Игореве», «Краледворской рукописи» и нескольких стихотворений Шевченко. Кроме того, в книге помещены четыре оригинальных стихотворения переводчика. Каравелов с большой остротой и резкостью

¹ И. Г. Прыжов. Малороссия и ее словесность (Южная Русь в истории ее литературы с XI по XIII век). „Филологические записки“, I—II, 1869.

² „Je ли крива судбина?“ Матица, 1868 (по образцу романа Чернышевского „Что делать?“). См. Скерлић. Омладина и непа књижевност. У Београду, 1906, стр. 282—283. Д. Шелудько. Любен Каравелов и „Что делать?“ от Чернышевски. „Език и литература“, 1946, стр. 33 и сл.

³ „Българска пчела“. „Вестник политически, любославен и търговски“. Браила, 1864, № 3—5, 6. В нашем распоряжении не было № 3.

⁴ Каравелов ошибочно предполагал, что „Сирота Цвѣтана“ переделка французской повести. Груев „поболгарил Бедную Лизу“ Карамзина.

высмеял фальшивый патриотизм Жинзифова. По мнению Каравелова, надо было, на основании существующих работ, дать читателям представление об историческом значении и литературных достоинствах «Слова» и «Краледворской рукописи». Жинзифов же ограничился перечислением авторов научных работ без указания, где и когда эти работы были напечатаны. Ничего не сказав о переводимых произведениях, Жинзифов только охает, что проклятые греки сожгли болгарские древние памятники, а немцы — старочешские. Надеясь, вероятно, на необходимость восстания, Каравелов едко заметил, что «одно оханье и аханье о прошлом может привести к тому, что мы потеряем и настоящее». Жинзифов отказался привести образец чешского текста «Краледворской рукописи» только потому, что чехи писали не кириллицей, а латиницей. В этом сказывается «глупый патриотизм и ржавое славянофильство» Жинзифова. Эти слова напоминают оценку славянофильства Чернышевским. Резко критикуя Жинзифова, Каравелов прочитал ему нотацию о настоящей любви к народу и задачах беспристрастной науки¹.

Оценка самих переводов Жинзифова у Каравелова убийственная.

Сам переводчик в предисловии заявил, что он не старался переводить точно. В таком случае, пишет Каравелов, лучше было просто перепечатать древний текст «Слова», более понятный болгарам, чем перевод Жинзифова, а «Краледворскую рукопись» дать в переводе И. И. Срезневского.

Переводы Жинзифовым произведений Шевченко также совершенно не удовлетворяют Каравелова. Дело не только в качестве языка. Развивая, вероятно, мысли Белинского, Каравелов утверждал, что такого поэта, как Шевченко, мало изучать — «надо пережить и перестрадать то, что пережил и перестрадал Шевченко»². Каравелов проводит мысль, что Жинзифов, человек отсталый, славянофил, и не дорос до понимания глубокой социальной сущности творчества Шевченко.

В конце статьи Каравелов остановился на оригинальных стихотворениях Жинзифова. Он напомнил, что газета И. С. Аксакова «День» считала оригинальные стихотворения Жинзифова прекрасными. «Но это, — замечает Каравелов, — не наше дело. Каждый может хвалить то, что ему нравится, и г. Аксаков похвалил Жинзифова. Каждый поэт имеет свое общество, и каждое общество своего поэта. Почему же и московскому славянофильскому обществу не считать Жинзифова своим поэтом? Люди держат осла, чтобы на нем ездить, а коровы превратили его в вольтерки — говорит болгарская пословица»³. В этих словах отражается тот общественный подход к литературе, который характерен для Белинского («Обзор русской литературы за 1847 год») и революционных демократов 60-х годов. Вопреки мнению Аксакова Каравелов считает, что в стихотворениях Жинзифова нет ничего,

¹ Т. Атанасов сопоставляет эти рассуждения с презрительной оценкой славянофильства и «официальной народности» в статьях Белинского. Т. Атанасов. Белинский у нас. «Българска сбирка», 1910, кн. 7, стр. 50.

² «В истории литературы есть правило, что прежде чем переводить какое-либо сочинение, надо его изучить и переварить в своей голове. Но даже это правило не может быть отнесено к Шевченко, потому что изучить и вникнуть в произведения Шевченко никак невозможно: чтобы его понять, надо прежде всего пережить и перестрадать то, что пережил и перестрадал Шевченко. Одним словом, каждое стихотворение Шевченко должно быть частью твоей жизни, надо вырасти так высоко, как Шевченко, а этого может достигнуть не каждый, и тем более не Жинзифов». Ср. у Белинского: «Изучить поэта — значит не только познакомиться, через усиленное и повторяемое чтение, с его произведениями, но и переучувствовать, пережить их... Пережить творения поэта значит переиспытать, переучувствовать в душе своей все богатство, всю глубину их содержания, переболеть их болезнями, перестрадать их скорбями, переблаженствовать их радостью, их торжеством, их надеждами». См. В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Л., 1937 (статья пятая).

³ «Хората държат магарето да го ездят, а кравите го направили гайдурджия».

кроме слов, а эти слова лишены мысли и какой-либо связи. Жинзифов мучился только над рифмой и больше ни над чем. В языке и правописании Жинзифова критик осуждает необычайный разноречивый, получившийся в результате того, что автор неразборчиво сочетает различные болгарские диалекты вместо того, чтобы писать на чистом македонском наречии.

Как видим, в своей статье о болгарской литературе и литературном языке Каравелов обнаружил большую научную эрудицию по самым разнообразным вопросам («Слово о полку Игореве», «Краледворская рукопись»¹; правописание, грамматическая система). Каравелов был хорошо знаком со многими статьями Белинского и Чернышевского и развивал некоторые основные их идеи в применении к болгарской литературе. Созданный русской революционно-демократической критикой метод общественно-политического подхода к литературному языку и литературе Каравелов удачно и оригинально применил к конкретным явлениям болгарской литературы и литературного языка. Как и в статье 1862 г., он отрицательно отнесся к русскому славянофильству, к фальшивству патриотизму и к реакционным течениям в общественной мысли. В вопросах реформы болгарского литературного языка Каравелов выступил как решительный сторонник идей Караджича, но окончательно не сформулировал еще своих конкретных предложений, обещая в будущем специально остановиться на вопросах языка. Возможно, что в формировании взглядов на реформу языка, некоторую роль сыграло его знакомство со статьями Белинского, очень чуткого к разноречивости в языке, чрезмерному увлечению иностранными словами и к кованым словам. Обо всем этом кратко сказано и в статье Каравелова. Статья «Българска книжина» интересна и в стилистическом отношении. Болгарин-публицист, как и русские шестидесятники, без всякого стеснения, говорит о глупости и невежестве рецензируемых авторов, о литературном воровстве и т. п. Он пользуется пословицами, иногда очень обидными для рецензируемых авторов.

В рассказах Каравелова 1864—1866 гг. усиливается публицистический элемент. В рассказе «На чужой могиле без слез плачут» (1866) есть рассуждение о богатстве и бедности. Каравелов здесь впервые осуждает болгарских чорбаджиев как разбойников, эксплуататоров, пособников турок, «откупщиков беглика» (государственной подати), изменников. В рассказе «Дончо» (1864) болгарские хайдутские воеводы характеризуются как продолжатели дела борцов Первого сербского восстания, принесшего освобождение родине. Они борются при поддержке народа. Каравелова интересует массовое народное движение.

В студенческие годы Каравелову уже были известны республиканские и социалистические идеи. В 1864—1867 гг. он мог считать себя республиканцем. Он мечтал о болгарской республике без царей и классового расслоения, о расцвете народной болгарской культуры. Это хорошо видно из предисловия ко второму тому его «Памятников», присланному им в 1867 г. в редакцию «Чтений Общества Истории и древностей Российских при Московском Университете». Здесь говорится, что благодаря изданию песен «откроется болгарский народ, растерявший на своем историческом пути царей, князей и бояр, но сохранивший во всей первоначальной чистоте свою природную народность. Откроется народ, не разделенный на общество и народ, а как единый цельный организм, имеющий вверху и внизу одни и те же обычаи, законы, язык, одну и ту же душу, одну и ту же одежду. Южнославянские племена, подобно южнорусским, в высшей степени богаты свежими задушевыми песнями. Болгарка как и малороссиянка, носит в душе своей целый мир песен...».

¹ Тогда еще не было доказано, что „Краледворская рукопись“ — фальсификация.

Мысли о значении изучения народного быта и преданий для разъяснения темных мест в истории народа, характеристика фольклора, как выражения национальных особенностей болгарского народа, часто общих с другими славянскими народами, высокая оценка поэзии, нравственных идеалов фольклора (см. предисловие к т. I «Памятников») — все это довольно распространенные в то время взгляды. Сходные мысли высказывали и университетские профессора Каравелова — Буслаев и Бодянский, привившие и Прыжову, и Каравелову интерес к украинской культуре, и Костомаров, и Петко Славейков — болгарский поэт, писатель и журналист, печатавший свои статьи в рецензируемых Каравеловым изданиях¹. Но в понимании общественного значения фольклора Каравелов пошел несравненно дальше Петко Славейкова. В своих взглядах на быт и фольклор он стал ближе к добролюбовскому их пониманию, чем в начале 1860-х годов. Идеализация форм народного быта, восходивших к глубокой древности, русского «мира» — все это часто встречается и у Прыжова². Один из последних абзацев его очерка «Нищенство» (1862) начинается словами: «Единственное спасение, единственный выход — в общине». В этой идеализации мыслится контраст между совершенным социальным строем прошедших времен и новой эпохой, с ее имущественным неравенством, произволом бюрократии и социальным гнетом. Современный исследователь усматривает в подобных идеях отражение известных высказываний Герцена об общине³. Какой-то отзвук герценовских мыслей, поддержанных И. Г. Прыжовым, чувствуется и в строках «Предисловия» Каравелова. Раньше Каравелов идеализировал народный быт и творчество главным образом во имя национально-освободительных идеалов, теперь эти идеалы сильнее насыщены социальным содержанием⁴.

Характерная для Добролюбова общественно-политическая трактовка фольклора, как это выяснил М. К. Азадовский, налицо и у Прыжова, и у И. А. Худякова — фольклористов-шестидесятников⁵. Составители «Памятников болгарского народного быта» в 1860—1861 гг. стояли еще на половине пути. Прыжов в своих историко-этнографических работах очень скоро стал на демократические позиции. К русским шестидесятникам в 1864—1867 гг. приблизился и Каравелов. В этой связи любопытно само содержание второго сборника Каравелова. Здесь помещено большое количество героических песен о Марке Кралевиче и песен хайдутских. Имеется между прочим народно-песенный материал о Чевдаре — воеводе, которого воспел Христо Ботев в поэме «Хайдуты». Демократическая болгарская фольклористика возникла в Болгарии и других южнославянских странах вместе с революционным движением в связи с борьбой против национального ига и социального гнета. Видным представителем демократической фольклористики в Болгарии был Г. Раковский. Избегая ошибок Раковского, Каравелов продолжал его направление в области изучения и собирания фольклора. Таким образом, передовая болгарская фольклористика пошла теми же путями, что и русская.

¹ См. Т. Атанасов, П. Р. Славейков. Като литературен критик. „Сборник в чест на професор Л. Милетич“. 1912, стр. 65—75.

² И. Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма. М.—Л., 1934, стр. 181.

³ М. С. Альтман. Указ. ст. в книге: И. Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма. М.—Л., 1934.

⁴ Правда, в „Предисловии“ сказано, что интерес русских к болгарам „совершенно независим от политических соображений“, но это место продиктовано тактическими соображениями Каравелова. Ему хотелось облегчить напечатание книги. Ср. Дим. Димитров. К изучению Любена Каравелова, „Труды Института славяноведения Академии наук СССР“, т. I, Л., 1932, стр. 131.

⁵ М. К. Азадовский. Добролюбов и русская фольклористика. В его книге: „Литература и фольклор“. Л., 1938.

Неизданные в свое время песни — не единственная в 1864—1865 гг. работа Каравелова в области фольклора и этнографии. В 1866 г. он поместил свои этнографические очерки в только что основанной «Московской газете». Здесь напечатан очерк «Святки у болгар» и, быть может, другие. Повесть «Дончо» (рассказ болгарского атамана, 1864) насыщена описаниями хайдутского быта. Повесть «Болгары старого времени» воспроизводит копривштенский быт.

Указание Каравелова на близость болгарской народности к украинской, на особенную близость украинского народного быта к южнославянскому отражает установившуюся к тому времени точку зрения.

Идя по тому же пути, Каравелов во втором томе «Памятников» отмечал, что болгарский фольклор и народный быт близки к украинскому, и сокровища болгарского быта и фольклора не ниже прославленного украинского, а значат и сербского.

Караджичу Каравелов посвятил специальную статью в «Филологических записках»¹. По его мнению, заслуги Караджича в деле возрождения сербской письменности и литературы, в деле развития науки и нравственного развития народа очень велики. Караджич — «один из самых главных деятелей народа и участников в достопамятном возрождении сербского народа и вообще южного славянства». «В дружбе Копитара и Вука видим редкий и счастливый пример союза кабинетной учености с чистою неподдельною народностью: немного есть ученых, которые смогли бы, подобно Копитару, принять в народности такое полное участие; немного есть ученых, которые в состоянии были бы, подобно Вуку, подчиниться так смело требованиям учености и уметь удовлетворить ее требованиям... Вук должен был показать себя, как поборник чистого сербского языка народного, отрешенного от всякого влияния прихоти ученой, — и, с помощью Копитара, показал себя им с полным блеском». Благодаря Вуку «народ сербский показался в таком свете, каким блистать могут очень немногие из народов Европы, — народом самобытным и глубоко поэтическим, обладающим поразительными богатствами народной словесности». Каравелов защищает реформу Караджича от нападок ее врагов.

Каравелов ценил в Караджиче научный метод и демократизм. Вообще Караджич в 60-х годах приобрел особенную популярность. Передовые сербские и болгарские деятели по-новому оценили его открытия, имевшие огромное значение для современной борьбы и создания новой, демократической культуры.

Каравелов, тяготевший к русским демократическим кругам, проявлял интерес к Караджичу, в котором больше всего ценил демократа. Сербией интересовались тогда в Европе не только ученые, с увлечением изучавшие знаменитый сербский эпос, но и представители передовой общественности России и Болгарии. Сербия привлекала также внимание европейских правительств и политиков.

Свято-Андреевская скупщина 1858 г. провозгласила некоторые свободы, в том числе свободу печати. Князь Михаил Обренович (1860—1868 гг.) вначале заигрывал с либеральной «Омладиной», но вскоре вызвал возмущение своей реакционной политикой. В Сербии установился полицейский режим Николы Христича. Либеральная сербская общественность требовала от правительства политических свобод и была недовольна ограничением прав скупщины. Сербские эмигранты — либералы в 1864 г. в Женеве начали издавать газету «Слобода» (редактор Владимир Иванович) на серб-

¹ Л. Каравелов. Вук Стефанович Караджич. „Филологические записки“, 1867, т. I. Караджичу и Константину Миладинову Каравелов посвятил свое собрание болгарских народных песен.

ском и французском языках. «Слободняки» имели связи с русской заграничной эмиграцией, с Герценом, Огаревым, Бакуниным. Организованная в том же году «Уједињена омладина српска» в первое время находилась под сильным влиянием «слободняков». Владимир Иванович стал сотрудничать в созданной Светозаром Милетичем газете «Застава» («Знамя»).

Каравелов был в курсе политической жизни сербов. Опытная рука какого-то неизвестного нам сербского либерального корреспондента «С.-Петербургских ведомостей» старалась ориентировать русское общественное мнение в духе отрицательной оценки реакционного сербского правительства. Сербский корреспондент «С.-Петербургских ведомостей» в 1864 г. писал, что крутой поворот Сербии на путь европейской государственности, предпринятый сербским правительством, столкнулся с чисто народными воззрениями на последнюю, и это породило между народом и правительством некоторые недоразумения, распутать которые и будет одной из главнейших забот скупщины. «Усиление администрации, строгая бдительность над словом, мыслью и деятельностью граждан, реформы в порядке управления сел и мелких городов» и многое другое, в том числе стремление правительства «сделать скупщину мирной», затем стусевать ее и тем «отклонить революцию» — все это не нравится безымянному корреспонденту¹.

В 1865 г. «С.-Петербургские ведомости» напечатали большую статью о Сербии («Положение дел»). В ней осуждается Христич, запретивший торговцам продавать оружие боснякам и герцеговинцам, говорится о южной антитурецкой коалиции, об антиправительственной прокламации сербских «оппозиционистов». Автор против либералов². «С.-Петербургские ведомости» были довольно последовательны³ в своем сочувствии сербским оппозиционерам и организаторам болгарских восстаний⁴. В ряде номеров этой газеты за 1866 г. (№ 10, 29, 31, 37 и др.) напечатана обобщающая статья, в которой положение на Балканах освещено, конечно, в антитурецком духе.

В 1864—1866 гг. Каравелов стал глубоко интересоваться положением в Сербии и в начале 1867 г. переехал в Белград, где больше всего сблизился с деятелями из круга Светозара Милетича и Владимира Ивановича.

В 1867 г. Каравелов прислал в «Журнал министерства народного просвещения» из Белграда статью «Южнославянская библиография за 1867 г.». В этой статье особенно много внимания уделено книге А. Василевича⁵. Любопытно, какие места работы он признавал особенно интересными. Прежде всего он приводит цитату из того места исследования, где говорится о древнем демократическом строе сербов, утраченном ими благодаря проидам греческого и католического духовенства. В XI в. в Сербии укрепилась система опеки, которой народ противился. Но ее поддерживали духовенство и чиновники, т. е. народные старейшины, которым система опеки была выгодна.

¹ «Сербия». «С.-Петербургские ведомости», 5. VIII 1864. См. еще «К делу о заговоре против князя сербского». «С.-Петербургские ведомости», 1. X 1864.

² «С.-Петербургские ведомости», 8. I 1865.

³ Исключения составляют корреспонденции П. П. «Из Белграда». «С.-Петербургские ведомости», 25. II 1865 и «Славянские земли». «С.-Петербургские ведомости», 11. VI 1865.

⁴ См., например, «Греки и Болгария» (из Patrie) «С.-Петербургские ведомости», 27. IX 1864, «Турция. Болгарская демонстрация». «С.-Петербургские ведомости», 17. X 1864; «Дунайские княжества». «С.-Петербургские ведомости», 19. III. 1865. Сводки о положении славян и греков в Турции давались и в «Московской газете» в отделе «Современное обозрение». См., например, «Московская газета», 1867, № 1. Ряд статей и корреспонденций из Сербии дал Жуйович в «С.-Петербургских ведомостях».

⁵ См. А. Василевич. Историја народног образовања код срба. Книга прва. Увод. Београд, 1867.

Когда в начале XI в. великие жупаны стали принимать титул «краль српски», народ бунтовал и восставал. Каравелову представляется удачным то место исследования, в котором дается отрицательная оценка эпохи Неманичей¹.

Как видим, форма научной рецензии на исследование по истории Сербии оказалась очень удобной для выражения слабо завуалированных республиканских и демократических взглядов. Каравелов стремится противопоставить древнюю общину (он имеет в виду задругу) с современным ему государственным и социальным строем. Народные массы боролись с этим строем уже с самого начала его возникновения. «Мемоари» М. Ненадовича (Белград, 1867) оценены Каравеловым в той же статье как издание, очень важное «для истории сербского восстания и особенно для западного края княжества в Мачве и на реке Дрине». Несомненно, Каравелов намекал на необходимость нового восстания против турецкого ига.

Как и раньше, в своем обзоре 1867 г. Каравелов пропагандирует идею сближения между славянскими народами. От этого «зависит наша будущность и наше счастье». Совершенно очевидно, что основой сближения, с его точки зрения, должны быть борьба за освобождение от национального и социального ига. Попрежнему предметом внимания являются сборники народных песен, описания обрядов и обычаев, народный язык. Усиленно подчеркнуто им значение Вука Караджича, его «добро-совестность», т. е. бережное отношение к народно-поэтическим произведениям. Иовану Бошковичу, автору «Извод из српска граматике» (третье изд. 1867) и «Српска синтакса» (1865), Каравелов советует составить популярную сравнительную грамматику славянских языков. В будущем этот предмет, по его мнению, следовало бы ввести в число предметов преподавания в средних школах. «Без этого изучения нельзя достигнуть той цели, к которой стремится каждый славянин, т. е. нельзя дойти скоро до литературного единства славянских племен». Каравелову, конечно, был известен первый болгарский опыт в том же направлении Найдена Герова: «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий»².

Таким образом, наука, по мнению Каравелова, должна сыграть важную роль в установлении связей между славянскими народами. Научные исследования в области истории, историко-юридических древностей, этнографии, фольклора и литературы³, наряду с объективным изучением фактов прошедших времен и настоящего, должны служить обоснованием задач, связанных с современной общественной борьбой. К 1867 г. политическая, общественная направленность в работах Каравелова (о Караджиче, в библиографическом обзоре) нашла свое наиболее яркое выражение.

Наконец, в России Каравелов написал еще научную статью о болгарском земледельческом быте. О судьбе этой неизвестной нам статьи он запросил из Белграда Котляревского. Приведенные выше факты показывают, что Каравелов вырос идеологически, начал глубже понимать социальные проблемы, вопросы науки и литературы. Но он не выработал цельного мировоззрения и в области политической проявлял неустойчивость и колебания. Мечтая о республике без царей, Л. Каравелов в то же время пишет корреспонденцию в газету «Голос» (1867, № 63) «по поводу спасения драгоценной для всех славян жизни государя императора». Сочувствуя

¹ См. «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 138, 1868, стр. 882—904.

² См. «Известия Отд. рус. яз. и словесности Российской Ак. наук», т. V, 1856. Прибавл.

³ В обзоре имеется также оценка «Историје српске народне књижевности» Ст. Новаковича.

Н. Г. Чернышевскому и русским политическим ссыльным и каторжанам, Каравелов руководствовался общегуманными соображениями, а не глубоким пониманием целей их борьбы. Осуждая чорбаджиев, дворян-феодалов, бюрократию, Каравелов в то же время, в Сербии ведет переговоры с болгарскими чорбаджийскими кругами¹. В деле освобождения Болгарии Каравелов ориентируется то на Россию, то на Сербию. Исследование корреспонденций Каравелова, помещенных им в газете «Голос», привело М. Димитрова к следующему выводу: освобождение Болгарии, по Каравелову, придет в результате войны Сербии против Турции, если на помощь выступит болгарский народ, для революционизирования которого достаточно действия чет². Это понимание народной революции не соответствует революционно-демократическому. Идея национального освобождения Болгарии у Каравелова еще в слабой степени сочетается с идеей освобождения от социального гнета, хотя Каравелов, как мы видели, выражал гуманное сочувствие страдающим крестьянам.

Димитрий Благоев, основываясь на том, что в своих выступлениях в газетах «Свобода» и «Независимость» 1869—1873 гг. Каравелов мыслил себе будущее Балкан наподобие США или Швейцарии, характеризовал его как буржуазного радикала, выражавшего интересы состоятельной мелкой буржуазии, поднимавшегося торгово-промышленного класса³. Буржуазным радикалом был Каравелов и в последние годы пребывания в России, когда он увлекался некоторыми идеями русских революционных демократов. Отметим, что в рассказе «На чужой могиле без слез плачут», напечатанном в 1866 г., Каравелов впервые остро выступил против болгарских чорбаджиев⁴.

Подведем итоги. Каравелов прибыл в Москву в 1857 г., обладая уже довольно значительными знаниями. Однако русский язык он знал еще слабо, о русской литературе он имел представление по нескольким устаревшим книгам. В его русской разговорной речи было, вероятно, немало устаревших оборотов и славянизмов. Язык его первой книги «Памятников народного быта болгар» редактировал Прыжов. Сам же Каравелов писал по-русски плохо. По своему мировоззрению он ко времени приезда в Москву был близок к таким умеренным буржуазным деятелям, как Найден Геров, но расширил свой кругозор, углубился славянскими патристическими идеями Яна Коллара, деятельностью Караджича. Следуя примеру Караджича, Каравелов собирает фольклорно-этнографический материал и горит стремлением послужить делу болгарского национального просвещения, будить в своих соотечественниках национальное самосознание, видя в этом залог будущего освобождения от греческого и турецкого ига. Прибыв в Россию, чтобы углубить свои знания и лучше подготовиться к практической деятельности, Каравелов получил серьезную научную подготовку в Московском университете и с помощью Прыжова издал научно-комментированный этнографический труд. Надо было показать, что и болгарский народ обладает такими же сокровищами народного быта и творчества, какими богаты сербы и другие славянские народы, что этот славянский народ заслуживает лучшей судьбы и достоин братского сочувствия и помощи русского народа. Первый научный труд доставил Каравелову известность в научных кругах и открыл доступ

¹ Мих. Димитров. Любен Каравелов в Сърбия. „Българска мисъл“, 1936, година XI, кн. IV, стр. 238 и сл.

² Мих. Димитров. В. Левски в осветление на найновата ни историческа литература. „Исторически преглед“, 1947, кн. 1, стр. 106—107.

³ Димитър Благоев. Принос към историята на социализма в България. М., 1944, стр. 30—31. То же в книге Жака Натана. Болгарское возрождение. М., 1949, стр. 226—227.

⁴ „С.-Петербургские ведомости“, 10 и 11. III 1866.

в научные журналы. Многие товарищи Каравелова из болгарской колонии находились под влиянием русского славянофильства. С русскими славянофилами у Каравелова вначале были некоторые связи. И. С. Аксаков оказал Каравелову и Прыжову материальную помощь для издания «Памятников», а эпиграф к седьмой главе первой хайдутской повести Каравелова взят из Хомякова. Однако Каравелов в основном работал независимо от русских славянофилов, не испытал на себе воздействия явно реакционных русско-славянофильских монархических, религиозных и других концепций. В своих взглядах Каравелов примыкал к чешским «будителям» и разделял понимание славянской взаимности, сформулированное Яном Колларом.

В первые годы пребывания в России Каравелов значительно расширил свой общественно-политический кругозор. В своем мирном просветительстве Каравелов стал более современным и более прогрессивным человеком по сравнению с такими просветителями, как Найденов Геров. Он не только не проводит реакционных царистско-монархических и религиозных идей, но и прямо выступает против австро-немецкой и венгерской реакции, наступившей после поражения венгерской революции 1848 г., против сербских пособников реакции, против реакционного духовенства. В своем понимании исторического процесса Каравелов был, разумеется, идеалистом. С его точки зрения, просвещение, образование людей, их моральные устремления к общему благу руководят их поступками и определяют прогрессивное развитие общества. Русские революционные демократы также были идеалистами в этом пункте, хотя делали попытки выйти за пределы идеалистической концепции.

Для Каравелова просветительство самая существенная, определяющая черта мировоззрения. Просветительством он начал свою общественно-литературную деятельность и просветительством и закончил ее после разрыва с болгарскими революционерами. Первый научный труд Каравелова написан в духе осуществления мирной просветительской программы для достижения конечной цели — «свободы», освобождения родины от иностранного ига. Воодушевленный примером Караджича, Каравелов вместе с тем руководствуется концепцией славянской взаимности и народности, разработанной Колларом, а в статье «Славене в Немско» излагает теорию Коллара. «Памятники народного быта болгар» еще нельзя отнести к числу трудов демократической этнографии и фольклористики, но они не содержат каких-либо реакционных русско-славянофильских идей, характеризуются строго научным, осторожным методом комментирования материала и значительно превосходят по своему качеству «Показалецът» Г. Раковского (1859), который увлекался всякого рода мифологическими толкованиями. Каравелову, вероятно, были известны некоторые работы Добролюбова, и в своем труде он не высказывает ничего такого, что противоречило бы взглядам Добролюбова на народный быт и фольклор. Он начинает подходить к добролюбовской концепции народности и роли народа в историческом процессе. Основанием для такого утверждения служат содержание его хайдутских повестей, а также тезис о том, что народность — основа славянской взаимности.

Соприкосновение с бурной общественно-политической жизнью России открыло перед Каравеловым ту истину, что существует не только мирный, но и революционный путь для достижения идеала «свободы», и помогло ему понять значение «Лесного путника» Раковского и борьбы Раковского как революционера. В своих повестях Каравелов дал опыт сочетания двух концепций: мирной и революционной. Он мыслит себе освобождение Болгарии путем хайдутской борьбы, но при помощи России. Каравелов гуманно,

как либерал, как «народолюбец»-романтик сочувствует бедным страдающим людям и своими повестями стремится вызвать у русских сострадание к своим соотечественникам. Просветительство — преобладающий мотив всей публицистической и литературной деятельности Каравелова 1857—1861 гг.

Поднятие культурного уровня болгарского народа, создание болгарской культуры, литературы и литературного языка, по мнению Каравелова, самое основное и верное средство вывести болгарский народ из рабского состояния. С верой во всепобеждающую силу общественного мнения Каравелов сотрудничает в органах русской печати. Издание «Памятников народного быта болгар» и статья «Славяне в Немско» — его главные достижения в первые годы пребывания в России.

В 1861—1863 гг. Каравелов, после выхода в свет его фольклорно-этнографического труда, получил доступ на страницы научных изданий и установил связь с русской, особенно академической, преимущественно либеральной интеллигенцией. Он резко разошелся во взглядах со славянофильски мыслящими членами болгарской колонии и перестал сотрудничать в болгарском журнале «Братски труд». В 1862 г. Каравелов резко выступил против аксаковской газеты «День», против русских славянофилов и их болгарских союзников. Это, однако, не значит, что Каравелов совершенно отошел от концепции славянской взаимности Яна Коллара. Он попрежнему продолжает свою буржуазно-просветительскую деятельность, руководствуясь теорией Коллара, но начинает затрагивать и политические вопросы. Он выступает против греко-фанариотов, против продажной болгарской печати, раскрывает в своих рассказах картины страданий «болгарского племени» под турецким и греко-фанариотским игом, стремясь тем самым вызвать сочувствие к положению болгар в широких кругах русского общества.

Напряженная общественно-политическая ситуация в России в связи с «освобождением» крестьян, волнения в Польше и особенно в Болгарии, Боснии и Герцеговине — все это оказало влияние на Каравелова. В своих публицистических статьях и корреспонденциях он уделяет политике несравненно больше внимания, чем раньше. Всякого рода бунты, протесты, произвол властей на Балканах — в центре внимания Каравелова-публициста. Газета Г. Раковского «Дунавски лебед», по мнению Каравелова, ведущий и лучший орган болгарской печати. Ее редактор Раковский выражает интересы народа. В своем понимании проблемы славянской взаимности Каравелов теперь дальше отошел от Коллара и тем более — от русских славянофилов, понимавших народность как православие и самодержавие. Из статьи против «Дня» и из других статей и заметок Каравелова видно, что славянскую взаимность он теперь понимает как совместную борьбу болгар, боснийцев, герцеговинцев и других славян против турецкого ига. Раковский, по мнению Каравелова, выражает интересы болгарского народа именно потому, что он борется за освобождение родины. В понимании задач литературы, кроме народности ее языка, Каравелов выдвигает народность содержания, требуя, чтобы литература служила интересам народа, т. е. его просвещению и освобождению. В том же смысле он понимает задачи науки, когда говорит о «направлении как последнем слове современной науки» (статья против «Дня»). В понимании проблемы народности Каравелов теперь еще более близок к Белинскому и Добролюбову. Он яснее понимает роль народа в историческом процессе, и многое в его высказываниях по этому вопросу напоминает мысли Добролюбова. Но все же Каравелов только либерал. Борьбу за освобождение он понимает почти исключительно как национальную. Антиклерикальная сущность творчества поэта-революционера Шевченко еще не вполне понятна Кара-

велову. Его рассказы в стиле Марко Вовчка лишены той социальной остроты, которая так характерна для этой писательницы, ученицы Добролюбова и Чернышевского.

Выступления Каравелова против славянофильства в защиту Раковского звучат в унисон с более ранним выступлением Н. Г. Чернышевского, но точка зрения Каравелова на революцию на Балканах не революционно-демократическая. Каравелов не был идеологом крестьянской революции. Социальные и политические позиции «Современника» для него неясны. Из журналов «с направлением» он больше всего ценит либеральную, националистическую «Основу».

Каравелов был очень осведомленным журналистом. Его статьи и корреспонденции содержали много очень важных фактических данных о положении на Балканах, о Раковском, о восстании Луки Вукаловича и т. п. Некоторые заметки Каравелова, несомненно, читал Чернышевский. Информация Каравелова помогала русским революционерам-демократам выработать свою точку зрения по славянскому вопросу. Когда Чернышевский писал, что славяне в турецкой империи не нуждаются в иностранной помощи для освобождения от турецкого ига, то он знал о революционной борьбе Раковского. Выступление Каравелова против аксаковской газеты «День» — главное его достижение в 1861—1863 гг.

В 1864—1867 гг. Каравелов, не порывая своих связей с русскими либеральными деятелями, начал более активно, чем раньше, интересоваться деятельностью русских радикалов и революционеров.

Арест Чернышевского и репрессии царского правительства произвели на Каравелова большое впечатление. Каравелова увлекает вопрос о роли народных масс в историческом процессе. Хайдутскую борьбу в Сербии и в Болгарии он изображает теперь не как борьбу одиночек, а как борьбу, находящую поддержку в массах. Каравелова в эти годы можно охарактеризовать как буржуазного радикала. Каравелов попрежнему мыслит себе освобождение Болгарии от иноземного ига при иностранной помощи восставшим болгарам. Теперь он в своих надеждах колеблется между Россией и Сербией. Он выезжает, наконец, в Сербию, сближается там с либеральными деятелями и надеется, что передовая интеллигенция окажет влияние на сербское правительство, которое должно объявить Турции войну во имя освобождения угнетенных славян. Все эти надежды Каравелова и его политические переговоры с различными деятелями оказались безрезультатными. Реакция давила всех оппозиционеров и подвергла самого Каравелова тюремному заключению. Пришлось вернуться к прежней ориентации — на помощь со стороны России, русского народа.

После характерных для всей деятельности Каравелова колебаний, даже в сторону соглашения с чорбаджиями, он примкнул к «молодым», к революционным комитетам, созданным В. Левским, и в их рядах представлял правое, радикально-буржуазное, непоследовательное в своей революционной политике крыло. Каравелов находился под надзором русской полиции с 1859 по 1864 г., за исключением 1860 и 1861 гг.¹ В повести «Из мертвого дома» (1871) он сообщает, что в Москве у него был произведен обыск. Судя по тому, что пристав Язычкин («из ведомства г. Врубеля») уверял Каравелова, что очень уважает Герцена и с удовольствием читает «Колокол», можно думать, что у болгарского эмигранта искали именно «Колокол»². Обыск был произведен, вероятно, после выстрела Карзкозова. Едва ли это событие в жизни Каравелова заставило его оставить Москву

¹ Д. Осинин. Указ. ст. «Литературен фронт», 9. III 1950.

² Л. Каравелов. Из Мертвия дом. София, 1938, стр. 9.

и в начале 1867 г. отправиться в Белград. Вообще не следует преувеличивать связи Каравелова с русским революционным подпольем. В процессах русских революционеров того времени имя Каравелова не встречается. Каравелов стремился развернуть свою деятельность в более благоприятных условиях, чем те, которые сложились в то время в России.

В последние годы пребывания в России значительно углубились демократические стороны мировоззрения Каравелова. Он теперь глубже понимает Т. Шевченко как революционного поэта. Каравелов выступает в эти годы как представитель демократической фольклористики. В Караджиче он ценит прежде всего демократа. Имея в виду реформу сербского языка и правописания, Каравелов считает необходимым реформировать и болгарский литературный язык. Оспаривая принципы Н. Герова и критикуя произведения Жинзифова и его переводы, Каравелов требует развития и утверждения в литературном языке народных начал, создания общелитературного языка. Пример Караджича, реформатора сербского литературного языка, увлекает Каравелова. Но в то время как Караджич в основу литературного языка положил одно наречие (южное), Каравелов, видимо, считает, что каждый должен писать на своем народном диалекте. Жинзифову, македонцу по происхождению, Каравелов предлагает писать на чистом македонском наречии, смешение же различных наречий, правда, «неразборчивое», Каравелову не нравится. Самого Каравелова критика упрекала в том, что он придерживается копривштенского диалекта.

От литературы Каравелов требует прогрессивного общественного содержания, идейности, служения интересам народа, бичует проявление реакции в литературе. Эти взгляды позднее подробно развиты Каравеловым в большом обзоре сербской литературы, напечатанном в новосадском журнале «Матица» за 1868 г. Любопытно, что Каравелов первый в Болгарии выдвигает требование точного перевода. Он стимулирует лингвистические изучения и считает необходимым создание популярной сравнительной грамматики славянских языков.

Как писатель, Каравелов в это время значительно вырос. В России он создал первые у болгар реалистические повести и рассказы: «На чужой могиле без слез плачут» и «Болгаре старого времени». Его интересует прежде всего демократическая культура и литература России, Сербии, Украины. Он увлекается сочинениями Белинского, Добролюбова, Чернышевского и Герцена.

Наиболее значительной из литературно-критических статей Каравелова в последние годы его пребывания в России является «Болгарская литература». Ее следует рассматривать как первый в Болгарии опыт обоснования критического реализма. Наиболее крупным научным трудом Каравелова является его сборник «Болгарские народные песни», к сожалению, в свое время не напечатанный.

Исследование журнально-публицистической деятельности Л. Каравелова доказывает, что он многому научился в России и испытал на себе плодотворное влияние классиков русской общественно-политической, философской и литературной мысли 60-х годов. Каравелова следует считать представителем болгарской демократической фольклористики и этнографии; он первый из болгарских деятелей начал разрабатывать принципы материалистической эстетики. Нет, однако, оснований считать, что в России Каравелов полностью перешел на революционно-демократические позиции Герцена, Добролюбова, Чернышевского.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Письмо Л. Каравелова к Е. П. Ковалевскому

Милостивый государь Егор Петрович!

Не знаю — имею ли я право утруднять Вас своею просьбою, Вас как председателя «Общества пособия нуждающимся литераторам». Я слишком мало ценю свои немногие литературные труды, скажу более, я — не русский по происхождению, но Михаил Петрович Погодин ободрил меня; он сказал мне, что я могу обратиться к Вам. В 1857 году я приехал из Болгарии в Россию с целью образования, чтоб потом употребить свои силы на пользу дорогой мне отчизны. Не слишком ценя сделанное мною, я позволю себе, однако, упомянуть, что в продолжении пяти лет пребывания моего в России были изданы мною следующие сочинения: «Памятники народного быта болгар», Книга 1-я, Москва, 1861, стр. VIII и 324. Повести из болгарского быта: 1) «Неда» — в «Русском вестнике», 1861, № 7; 2) «Бедное семейство» — в «Московских ведомостях», 1862, № 62; 3) «Атаман» — в «Нашем времени», 1860, № 51; «Болгарская литература и журналистика», статья в «Московских ведомостях», 1862, № 153, 154; «Болгарская библиография» в журнале «Библиографические записки»; 1861, стр. 277—280 и 467—471; «Болгарские церковные дела», три статьи в журнале «Наше время», 1861; «По поводу Славянского отдела» в газеты (sic!) «День» см. в «Русской речи», 1862, № 1. «Славянские известия», помещенные в журнале «Наше время», 1861, в «Московских ведомостях» в 1862 и в «С.-Петербургских ведомостях» 1863 года.

Теперь обстоятельства, тесно соединенные как с моими домашними делами, так и с положением просвещения в моем отечестве, — призывают меня снова на родину, где бы я мог — по мере сил — употребить на пользу соотечественников то, что успел приобрести во время пятилетнего моего пребывания в России. Живя в России, я находил средства к жизни: до сентября прошлого года в денежном содействии частного лица (В. А. Корева), и с тех пор в собственном труде. Теперь, имея настоятельную нужду возвратиться на родину, я не имею к этому никаких средств, и решаюсь обратиться к Вашему Превосходительству, как к представителю (sic!) общества, за помощью, и надеюсь, что Вы не оскорбитесь этою просьбою и благосклонно примете ее.

Имею честь быть Вашего Превосходительства покорный и всепреданный слуга

Болгарин Любен С. Каравелов.

Москва 1863

октябрь 17

Р. S. Место жительства имею в Москворецком мосту, в доме Мамонтова № 81.

Государственная Публичная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Бумаги Литфонда, т. 12, стр. 337—338.

2. Письмо Л. Каравелова к А. А. Котляревскому

Александр Александрович!

Что ж, батюшка, не подаете о себе никакого голоса? Живы ли Вы? Отдайте, пожалуйста, кому-нибудь на подержание. (хоть Погодину) свою малороссийскую лень и напишите мне хоть строку — не о делах, а о самих себе, чтоб я знал, по крайней мере, что Вы здравствуете, лежите на диване после обеда, поете «Неня скачет, труба пляшет» и пр. Что Неня голубчик? растет, бегаёт и пакость иногда сам чинит. Напишите мне страничку, а я за это пришлю Вам око дувана (табаку) или око альву.

Прошу Вас, Александр Александрович, я прошу убедительно послать мне брошюры «Вук Караджич»¹, а если Вам будет это тяжело, то отдайте Прижову — авось он сделает дело, ибо он не малороссийского происхождения. Напишите мне, посылать ли в Вашем Арх[и]ологическом обществе (sic!) благодарственное письмо за то, что выбрало меня своим членом, или не писать? Я купил для Вас «Гласник српске словесности», 19 томов и заплатил за них 5 руб. 80 коп. Все книги гласника 22, но первого, осьмого и девятого тома еще не мог найти. Экземпляры все новые, исключая пятого тома, который купил на рынке. «Загадки» Вука очень редки, а потому я pošлю Вам старый экземпляр, другого не мог найти. Напишите мне, послать ли их Вам по почте², или дожидаться случая. Впрочем, если дожидаться случая, то придется посылать Вам их понемногу, потому что никто не возьмется тащить с собою двадцать томов. Послали ли Вы Стояновичу деньги за монеты, у меня с ним такая [с]сора произошла что я проклинал все на свете.

Новые книги:

Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Српске пјесме старијега времена. Скупио Богољуб Петрановић. У Београду, 1867, in 2° — XXVIII + 700 стр.

Историја народног образовања код срба. Написао А. Василевић. Књига прва. У Београду, 1867, in 2°, стр. 84.

Банатске песме. Скупио П. Т. у Новом Саду, 1867 г. in 16°, 47 стр.

«Омладинска заједница», у Београду 1867, in 8° 190 стр. В этом сборнике помещены статья «Божий и ускрс у срба» Ђурића и еще несколько очень хороших статей.

Пут лицејских питамаца (естественничког одељенја) по Србији године 1863 саставио Коста Поповић, а на свет издала Уједињена омладина српска. У Београду. 1867 г. in 8°, 173 стр. Хотя г. Поповић был послан правительством, как естествоиспытатель, изучать геологию и геологию сербскую, но он в своей книге больше обращает внимание на археологические древности. Rad Jugoslavenske akademije Znanosti i Umjetnosti. Knjiga I. U Zagrebu 1867 in 8°, 286 str. Grammatica della lingua serbo—croata (illirica) Fasciculo II, 1867. in 12°. Перепечатана из сборника Будмани.

Кроме этих книг вышли путевые записки по Сербии Миличевича, Омладински Календарь и История сербской литературы Стояна Новковића, но эти книги я еще не видал.

Пошлите мне поскорее брошюры о Вуке, [потому что] очень нужны.

Что моя статья о болгар[ском] земледельческом быте? Что сказки? Если Вы не ответите мне на это письмо, то я, клянусь богом, никогда не стану Вам писать. Что, можно печатать Вашу диссертацию «Крещение болгар»?³ Я не шучу. Адрес мой: В Белград, Стояну Бошковицу, профессору, для передачи Л. Каравелову. Ваш Л. Каравелов.

Р. С. Может быть я уеду из Белграда, но адрес остается тот же.

Государственная Публичная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Бумаги А. А. Котляревского, № 2339⁴.

¹ Имеется в виду брошюра Л. Каравелова „Вук Стефанович Караджич“ (Из „Филологических записок“, 1867, т. I).

² В рукописи — по почте.

³ Речь идет о кандидатской диссертации, защищенной А. А. Котляревским в Петербургском университете в 1861 г. Заглавие диссертации: „О времени принятия христианской веры болгарскими и об участии в этом деле св. Кирилла Солунца“. Бодянский намерен был эту работу напечатать в „Чтениях“, но издание не состоялось, А. Н. Пыпин. Очерк биографии проф. А. А. Котляревского. „Сб. Отд. рус. яз. и слов. Ак. наук“, т. I (Соч. А. А. Котляревского, т. IV, 1895, стр. 17).

⁴ Письмо без даты, но, несомненно, написано в 1867 г. А. А. Котляревский жил тогда в Москве.

В. А. Матула

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 40-х годов XIX в.

Вопрос о словацком национальном движении 40-х годов XIX в. является одним из самых важных и интересных вопросов истории словацкого народа.

40-е годы прошлого века — время глубокого кризиса и разложения феодализма, зарождения и развития капитализма, время складывания новой классовой структуры словацкого общества, формирования буржуазии и пролетариата. В эти годы интенсивно разворачивается процесс складывания словацкой буржуазной нации, буржуазной национальной идеологии, национальной по форме и буржуазной по содержанию культуры. В это время происходят первые политические выступления словацкой буржуазии и разворачивается острая национально-политическая борьба. В этот период обостряется также социальная борьба словацкого народа против господствующих феодальных форм эксплуатации.

Словацкая буржуазная историография, касаясь национального движения 40-х годов, концентрировала свое внимание почти исключительно на периоде революции 1848—1849 гг., в частности на вопросе о так называемом словацком восстании, причем и здесь ограничивалась в основном темами политической борьбы зарождавшейся словацкой буржуазии и ее идеологов.

Проблему словацкого национального движения до революции 1848—1849 гг. словацкая буржуазная историография почти не разработала.

Эта проблема сводилась буржуазными историками в основном к описанию деятельности отдельных личностей или же к освещению второстепенных эпизодов национального движения.

Из исследований буржуазных историков на первое место необходимо поставить работу Д. Рапанта «Словацкое восстание 1848—1849 гг.»¹, первый том которой — «Словацкая весна» — вышел в 1937 г., второй том — «Сентябрьское восстание» — в 1947—1950 гг., третий — о судьбах второго похода словацких добровольцев и четвертый — о третьем походе до сих пор не вышли. Ценность этой работы состоит в богатом документальном материале, извлеченном из чехословацких, венгерских, австрийских архивов, периодической печати того времени и т. д., который автор публикует в форме отдельных книг — приложений к каждому тому своей работы. Из опубликованных до сих пор 2490 страниц работы документы составляют 1738 страниц.

Концепция «словацкого национального возрождения», сформулированная Д. Рапантом в этой работе, стала ведущей концепцией словацкой буржуаз-

¹ D. R a p a n t. Slovenské povstanie r. 1848—1849. Dejiny a dokumenty, diel I, T. Sv. Martin, 1937; diel II, 1947—1950.

ной историографии. Перу Д. Рапанта принадлежит также и несколько меньших монографий, посвященных отдельным вопросам словацкого национального движения первой половины XIX в.¹

Над историей словацкого национального движения 40-х годов XIX в. много работал и К. Голань.

Работы К. Голаня до 1948 г. посвящены национально-политической борьбе зарождавшейся словацкой буржуазии. Кроме того, ряд своих исследований К. Голань посвятил словако-чешским (моравским) и словако-хорватским связям в 1848—1849 гг. По своей концепции эти работы в основном не отличаются от взглядов Д. Рапанта. В работах после 1948 г. К. Голань стремится поставить и решить вопрос о словацком национальном движении 40-х годов XIX в. с марксистских позиций.

Всем работам буржуазных авторов о словацком национальном движении 40-х годов XIX в. присущи общие недостатки, вытекающие из самой основы классово-ограниченных буржуазных взглядов на развитие общества.

Нет особой необходимости подробно останавливаться и анализировать каждую из этих работ отдельно. Вполне достаточно ограничиться критическим анализом ведущей концепции словацкой буржуазной историографии в вопросе о словацком национальном движении 40-х годов XIX в. — концепции Д. Рапанта, сформулированной в его упомянутых работах, прежде всего в его «Словацком восстании 1848—1849 гг.»².

Д. Рапант в своей научно-исследовательской работе исходит из идеалистического с позитивистской окраской мировоззрения и пользуется методом буржуазного объективизма.

Рапант не скрывает своего объективизма. В введении к своей работе «Словацкое восстание 1848—1849 гг.» он пишет: «Что же касается беспристрастности, то мы хотим честно стремиться, поскольку это вообще в человеческих возможностях, занять нейтральную позицию, не судить и не обвинять... а исследовать лишь действительное развитие и исход событий и стремиться честно к их общей реконструкции, толкованию и понятию. Таким образом, мы хотим не только установить, как произошли те или иные события, но и показать, что иначе, чем они произошли в результате данных предпосылок, произойти и не могли»³.

Нет особой необходимости доказывать, что буржуазный объективизм есть на самом деле не что иное, как извращение действительно объективных закономерностей общественного развития, и что он находится в полнейшей противоположности с марксистским пониманием объективности научного исследования и анализа.

«Объективист, — пишет В. И. Ленин, — говорит о необходимости данного исторического процесса; марксист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенден-

¹ D. Rapant. Illegálna maďarizácia 1790—1890, diel I—II, T. Sv. Martin, 1947; D. Rapant. Slovenský prestolný prosbopis z roku 1842, diel I—II, L. Sv. Mikuláš, 1943; D. Rapant. Tatrin. (Osudy a zápasy), T. Sv. Martin, 1950.

² Мы не берем на себя ответственную и весьма сложную задачу всесторонней критики идеалистической и буржуазно-националистической концепции Д. Рапанта, как ведущей концепции словацкой буржуазной историографии; однако такая критика не перестает, на наш взгляд, являться насущной задачей молодой словацкой марксистской исторической науки.

³ D. Rapant. Slovenské povstanie r. 1848—1849, diel. I, str. XIV.

циях»; материалист о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс определяет эту необходимость...* С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹.

Объективистский метод Рапанта, вытекающий из его идеалистического, позитивистского мировоззрения, мешает самому автору правильно понять и разрешить как проблему словацкого национального движения в целом, так и ряд частных вопросов этой проблемы.

Идеалистическое понятие истории у Рапанта проявилось прежде всего в игнорировании им социально-экономических корней и причин национального движения. Корни этого движения Рапант, подобно другим буржуазным историкам-идеалистам, ищет и находит исключительно в надстройке. Основными причинами так называемого национального возрождения он считает «всеевропейские идеи просвещенного абсолютизма» и вытекавшее из них «стремление насаждать просвещение в самых низких слоях народа», а также «постепенно ширившийся дух демократии и свободы», стремившийся выровнять пропасти, которые между населением одного государства, между членами одной и той же нации накопили средневековые предрассудки, и создать единую нацию с равными правами и обязанностями»². Эта цель была, по его утверждению, достигнута в середине XIX в.³

Рапант идеалистически подходит к понятию нации и к национальному вопросу. По его мнению, национальный вопрос «в современном смысле слова» (?) в Венгрии возникает в конце XVIII в.⁴, когда появляется понятие нации как «коллективного субъекта определенных национальных прав»⁵. Предшествующий период «знает нацию в смысле территориально-политическом и сословном»⁶. В другом месте автор уточняет свое понятие нации как «культурно-этнической категории»⁷ или как категории «культурно-этнической и моральной»⁸ и т. п. Рапант преувеличивает значение национального языка, который считает первостепенным, если не единственным признаком нации. Введением словацкого языка в качестве литературного в основном завершается «развитие к словацкой национальной самобытности»⁹, т. е. завершается процесс формирования словацкой буржуазной нации.

Для каждого ясна абсолютная несостоятельность подобной идеалистической, антинаучной концепции.

В свете марксистского учения о нации как исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявлявшегося в общности культуры, о нации, как исторической категории определенной эпохи, эпохи

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 380—381.

² D. Rapant. Slovenské povstanie r. 1848—1849, diel. I, str. 85—86.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 84.

⁵ Там же, стр. 85.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 85, 88.

⁸ Там же, стр. 114.

⁹ Там же.

поднимающегося капитализма, о национальном движении, национальной борьбе, которая в условиях поднимающегося капитализма является в первую очередь борьбой между буржуазией угнетенной нации и буржуазией угнетающей нации, о внешнем «общенародном» характере этой борьбы, которая, однако, в существе своем выгодна главным образом буржуазии, о силе национального движения, которая определяется степенью участия в нем широких слоев нации, пролетариата и крестьянства¹, — в свете этого учения идеалистическая концепция нации и национального вопроса Рапанта терпит полный крах.

С игнорированием социально-экономической истории у Рапанта теснейшим образом связана недооценка роли народных масс в истории, что противоречит марксистскому учению. Марксизм-ленинизм, как известно, подчеркивает необходимость изучения прежде всего истории непосредственных производителей материальных благ, истории трудящихся масс.

Рапанта недооценивает роль народных масс — этих настоящих создателей истории. Но тем в большей степени он преувеличивает роль и значение буржуазии и ее идеологов. Это преувеличение доходит у него до полной идеализации. Марксизм-ленинизм не отрицает относительно прогрессивного характера молодой буржуазии на известном этапе ее развития, отмечает эту прогрессивность только в сравнении с реакционным характером господствующих классов феодального общества. Марксизм-ленинизм подчеркивает условность прогрессивности буржуазии, показывает ее классовую ограниченность, ее антагонистическое отношение к пролетариату. И как раз этот антагонизм буржуазная историография стремится маскировать, особенно в период развития самостоятельного революционного рабочего движения. Этой цели служат выдвигаемые буржуазией фальшивые теории и лозунги о единстве нации и национальных интересов, общих якобы для буржуазии и пролетариата, которые, наряду с прямой фальсификацией истории, должны служить ослаблению и притуплению классовой борьбы пролетариата. Именно такой является и концепция словацкого национального движения 40-х годов XIX в. Д. Рапанта. Проповедь гармонии классовых интересов в общей национальной борьбе является испытанным оружием буржуазного национализма, на позициях которого стоит Д. Рапанта.

Буржуазный национализм Рапанта ярче всего проявился в оценке им так называемого словацкого восстания 1848—1849 гг. Вооруженную борьбу руководителей словацкого национального движения против венгерской революции — этой последней крепости общеевропейской буржуазно-демократической революции, борьбу, которая укрепляла главную опору контрреволюции — габсбургскую монархию, а косвенно и русский царизм, Рапанта характеризует как справедливую борьбу за свободу словацкого народа и подчеркивает ее якобы большое «национально-воспитательное значение»².

В то же время известно, что самые последовательные демократические революционеры 1848 г. Маркс и Энгельс сурово, но справедливо осудили эту борьбу, как контрреволюционную. При этом они исходили из интересов общеевропейского революционного движения. «Отдельные требования демократии, — писал впоследствии В. И. Ленин, — в том числе самоопределение, не абсолюты, а частичка общедемократического (ныне: общесоциалистического) мирового движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее»³.

¹ См. И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 296—308.

² D. Rapant. Slovenské povstanie r. 1848—1849, diel. I, str. 345.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 326.

Новая, марксистская концепция чрезвычайно важной и сложной проблемы словацкой истории должна была формироваться в непримиримой принципиальной борьбе с этими неправильными и чрезвычайно вредными взглядами.

Словацкая марксистская историография начала формироваться только после освобождения Чехословакии Советской Армией в 1945 г., в условиях народно-демократического строя и особенно после победы чехословацкого народа над реакцией в феврале 1948 г.

Молодой словацкой марксистской историографии не сразу удалось преодолеть все ошибки и недостатки буржуазной исторической науки в вопросе о словацком национальном движении 40-х гг. XIX в. Марксистские историки Словакии начали прежде всего разрабатывать такие проблемы, которые совершенно игнорировались буржуазными историками (например, история словацкого рабочего движения), и только постепенно приступают к критическому пересмотру и новой разработке других вопросов, в том числе и сложного вопроса о так называемом словацком национальном возрождении.

К столетию революции 1848—1849 гг. вышли научно-популярные монографии прогрессивных словацких литературоведов, посвященные известным руководителям национального движения Л. Штуру¹, И. М. Гурбану², М. М. Годже³, или же всему «штуровскому поколению»⁴. Следует также назвать небольшие популярные статьи Ш. Яншака⁵, К. Голаня⁶, Ф. Бокеса⁷, Ф. Леднара⁸, брошюру «100-летняя память словацкого восстания»⁹ и несколько региональных альманахов¹⁰.

Большинство авторов упомянутых работ правильно связывает вопрос о так называемом словацком восстании 1848—1849 гг. с вопросом о национальном движении в целом, с крупными изменениями в социально-экономической жизни Словакии того времени, с разложением феодализма и развитием капитализма и рассматривают это движение как важный этап процесса формирования словацкой нации. Такая постановка вопроса является бесспорно крупным шагом вперед по пути правильного марксистского решения проблемы словацкого национального движения. Одновременно она явилась серьезным ударом по ненаучной концепции Д. Рапанта. Эти работы свидетельствуют о преодолении идеалистической концепции Д. Рапанта в вопросе о причинах и сущности словацкого национального движения. Однако в решении ряда вопросов сохранилось еще влияние старой буржуазной концепции. К ним следует отнести вопрос о классовой сущности социально-экономической и политической программы словацкого национального движения 40-х годов XIX в., вопрос, в какой степени эта программа отражала интересы словацкого трудового народа, вопрос о методах борьбы за осуществление этой программы.

¹ A. Mráz, Ludovít. Štúr. Bratislava, 1948.

² I. Kusý, J. M. Hurban. Bratislava, 1948.

³ K. Rosenbaum, M. M. Hodža. Bratislava, 1948.

⁴ A. Matuška, Štúrovci. Bratislava, 1948.

⁵ S. Janšák, Hospodárske a sociálne príčiny revolúcie r. 1848. Bratislava, 1948.

⁶ K. Golán, Nitrianske žiadosti r. 1848 (Vyhlásené 28. IV 1948, na Brezovej pod Bradlom); Bratislava, 1948.

⁷ Fr. Bokés, Program slovenského národa r. 1848 (Žiadosti slovenského národa, 10. V 1848 v. L. Sv. Mikuláš). Bratislava, 1948.

⁸ F. Lednár, Zrušenie roľníckeho poddanstva. Bratislava, 1948.

⁹ 100-ročná pamiatka slovenského povstania. Bratislava, 1948. b. a.

¹⁰ Zore nad Kriváňom. Red. J. Lenko. L. Sv. Mikuláš, 1948; Almanach východného Slovenska, red. E. Dolinka a I. Vindis. Košice, 1948; Revolučné roky meruösme v Germeri, red. O. Laciak-Sliva и др.

1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 40-х ГОДОВ XIX в.

Конец XVIII и первая половина XIX в. в истории Словакии, как и всей Венгрии, в состав которой последняя входила с начала X в., ознаменовался разложением феодально-крепостнического хозяйства.

Этот процесс, как указывают классики марксизма-ленинизма, является одновременно процессом складывания новых, капиталистических элементов хозяйства, развитием в недрах старого феодально-крепостнического строя нового, капиталистического уклада.

На основе развития капиталистических отношений зародилось и развилось словацкое национальное движение.

Конец XVIII и первая половина XIX в. для венгерской промышленности является периодом разложения феодального способа производства, с одной стороны, и появления нового, капиталистического производства — с другой. Характерными чертами этого процесса были углубляющийся кризис цеховой системы, появление свободных ремесел и нецеховых рабочих, дальнейшее развитие капиталистической мануфактуры и переход к машинному производству.

Развитию капиталистических отношений способствовала отмена личной крепостной зависимости в 1785 г.¹ Эта реформа, как и ряд других, была вызвана ростом крестьянского освободительного движения и потребностями развивающейся капиталистической экономики. Указ об отмене личной зависимости крепостных вызвал протест со стороны венгерских феодалов. Лишь в 1790 г. венгерские феодалы признали отмену личной зависимости крестьян, выдвинув при этом ряд условий, важнейшими из которых были: уплата крестьянами всех повинностей феодалу и государству, возмещение инвестиций, вложенных феодалом в урбарную землю, оставление феодалу всех построек на земле. Уход крестьянина разрешался только в день св. Миханла (29 сентября) и св. Георгия (17 февраля).

Указ об отмене личной зависимости крестьянства ничего не изменил в землепользовании крестьянства. Кроме того, условия освобождения крепостного были настолько тяжелы, что оно удавалось лишь немногим.

Отмена личной зависимости объективно все же сыграла прогрессивную роль в дальнейшем развитии страны, способствуя притоку обезземеленного крестьянства в города, ускорению процесса дифференциации крестьянства и росту внутреннего рынка. В этом отношении отмена личной крепостной зависимости являлась важным рубежом в социально-экономическом развитии Словакии. Она создавала условия для образования рынка рабочей силы, наличие которого необходимо для развития капиталистического производства.

Зарождение и развитие элементов капиталистического производства венгерской промышленности наталкивалось на различные препятствия, которые очень сильно тормозили этот процесс и растянули его на ряд десятилетий. Одним из существенных препятствий была проводимая австрийским правительством реакционная политика национального угнетения и экономического подчинения Венгрии.

Габсбурги, стремясь превратить Венгрию в рынок сбыта для своих промышленных товаров, не только не поощряли развитие венгерской промышленности, но и всячески препятствовали этому развитию.

Результатом колонизаторской политики Габсбургов был низкий уровень развития промышленности и торговли Венгрии конца XVIII в.

¹ В землях австрийской короны, в том числе и Чехии, указ об отмене личной зависимости крестьян был издан еще в 1781 г.

По данным переписи 1787 г., число людей, занятых в промышленном производстве (ремесла), составляло в 43 важнейших городах Венгрии всего 37 788, в торговле — 3 774 человека. Более подробные данные о числе городского населения, занятого в промышленности, дает статистика 1782 г., определяющая число самостоятельных мастеров в 17 074 человека, подмастерьев в 14 612 человек и учеников в 6 102 человека¹.

Чтобы показать темпы развития венгерской промышленности, необходимо эти данные сравнить с более ранними и более поздними. В 1777 г. насчитывалось: 13 934 самостоятельных мастера, 12 316 подмастерьев и 4 671 ученик². К 1805 г. в промышленном производстве было занято 180 тыс. человек³.

Даже если последняя цифра может оказаться не совсем точной, а лишь приблизительной, неоспоримым остается вывод о том, что развитие венгерской промышленности, проходившее в 70—80-е годы XVIII в. весьма умеренными темпами, достигает в самом конце XVIII и начале XX в. заметных успехов.

В этот период происходят и серьезные качественные изменения в самом характере и структуре венгерской промышленности. Процесс разложения цехов зашел далеко. Об этом свидетельствует увеличение количества нецеховых мастеров и наемных рабочих капиталистических мануфактур, так называемых фушеров. Число последних вместе с мастерами составляло по переписи 1805 г. 88 422 человека⁴.

В то время как одна (большая) часть цеховых мастеров и подмастерьев превращалась в наемных рабочих, другая (меньшая) часть мастеров, имущественно более сильных, расширяла свое производство, нанимала все больше рабочих и усовершенствовала сам процесс производства. Такие мастера пытались освободиться от цеховой зависимости и стать самостоятельными капиталистическими предпринимателями. Их стремление наталкивалось на сопротивление цеховой организации. В этом сказывалась тормозящая, регрессивная роль цехов в рассматриваемый период⁵.

Капиталистические предприятия, выросшие из цеховых мастерских, играли в Венгрии незначительную роль.

Гораздо больше капиталистических промышленных предприятий возникло вне цехов, во владениях отдельных помещиков, на базе купеческого капитала или на основе вложений иностранного капитала, прежде всего — австрийского.

В конце XVIII в. существовали мануфактуры в текстильном, чулочном, фарфоровом и некоторых других производствах⁶. В начале XIX в., как сообщает венгерский историк Г. Толнай, имелось уже несколько крупных мануфактур в металлургической, текстильной и пищевой промышленности⁷. Многие из этих предприятий находились в словацких областях Венгрии, которые уже в это время начинают играть важную роль в промышленном развитии страны.

¹ M. Schwartzner. Statistik des Königreiches Ungarn. B. I, S. 201. Ofen, 1809.

² G. Tolnai. Dejiny uhorského kapitalizmu. Bratislava, 1949, str. 112 (перевод с венгерского).

³ Там же. Здесь прежде всего сказалось влияние отмены личной зависимости крестьянства Иосифом II (1784—1790).

⁴ E. Fényes. Magyarország statisztikája. Pest, 1849, str. 237.

⁵ Эту тормозящую роль цехов ярко показывает на основе богатого фактического материала венгерский историк Мереи. См. G. Mérei. Magyar iparfejlődés. Budapest, 1951, str. 82—93, 189—193, 301—309.

⁶ G. Tolnai. Op. cit., str. 101.

⁷ Там же, стр. 112.

На основе данных переписей, проводившихся при Иосифе II (1777, 1782, 1784 и 1787 гг.) можно создать более или менее полную картину экономического положения Словакии конца XVIII и начала XIX в.

В Словакии того времени насчитывалось свыше 2 млн. человек¹, что составляло почти $\frac{1}{3}$ всего населения Венгрии. На территории Словакии площадью около 56 тыс. км² находились 23 свободных королевских города (из 38 во всей Венгрии), 232 непривилегированных города² (из 655 во всей Венгрии) и 3935 деревень (из 15 тыс. во всей Венгрии). Плотность населения колебалась между 51 жителем на 1 км² (жупа Эволенская)³. Крупнейшим городом Словакии была Братислава (28 502 жителя), на втором месте стояла Банска Штьявница (18 926)⁴.

Говоря о городах, нельзя, однако, забывать, что экономически они были очень слабы. Это соответствовало характеру всей страны, которая продолжала оставаться отсталой аграрной страной. По данным на 1787 г., в словацких городах проживало всего лишь 190 172 человека мужского пола⁵.

Многие из словацких городов стали уже центрами развития отдельных отраслей промышленности. Ведущее место среди них занимала Братислава.

Первые мануфактуры в Словакии стали появляться в 60—70-х годах XVIII в. в текстильной промышленности. В 1767 г. была основана в Галиции (Новоградская жупа) мануфактура по производству сукна, крупнейшая в это время не только в Словакии, но и во всей Венгрии. В 1784—1785 гг. в ней работало 39 ремесленников-специалистов и несколько сот прядильщиков работало на дому. Эта мануфактура выпускала свыше 20 сортов сукна, а стоимость ее годовой продукции достигала 15 тыс. золотых. До 1800 г. мануфактура принадлежала венгерскому графу Форгачу. Она постоянно развивалась и расширялась и в 1792 г., по данным венгерского статистика Швартнера, в ней уже было занято 187 человек и 1500 прядильщиков, работавших на дому в 29 соседних деревнях⁶.

С 1800 г. мануфактура перешла во владение акционерного общества, состоявшего преимущественно из венгерских магнатов.

В 1766 г. в Братиславе известный братиславский предприниматель и изобретатель Томаш Кемплан основал текстильную мануфактуру. Однако эта мануфактура вскоре была закрыта⁷.

Другая текстильная мануфактура в Братиславе возникла в конце 70-х годов XVIII в. В 1784—1785 гг. в ней работали 21 подмастерье и 130—160 прядильщиков. Принадлежала она местному купцу П. Э. Штрассеру и просуществовала до 20-х годов XIX в.⁸

В 1794 г. была основана текстильная мануфактура в Часте в имении графа Р. Пальфи. Ее совладельцем являлся родственник графа ольмюцкий епископ граф А. Коловрат, вложивший в нее 14 тыс. золотых.

¹ По переписи 1787 г. См. Fr. Bokes. Obyvatel'stvo Slovenska na konci 18 storočia. Odtlaček zo Sborníka Mizeálnej Slov. Spoločnosti, roč. XXXIV—XXXV, 1940—1941, str. 12.

² К категории городов статистика неправильно относит и ряд более крупных деревень и поселков. Из приведенного количества городами, по словам Бокеса, были только 43 (см. Fr. Bokes. Obyvatel'stvo Slovenska..., str. 16).

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 16.

⁵ Там же.

⁶ Возможно, эти данные не совсем точны.

⁷ A. Spiesz. O manufaktúrach na Slovensku v XVIII stor. „Historický časopis SAV“, roč. I, 1953, c. 4, str. 638.

⁸ Там же, стр. 639.

В 1798 г. возникла суконная мануфактура в Кошицах¹. Более мелкие суконные мануфактуры имелись и в других городах².

Крупные предприятия мануфактурного типа создавались в Словакии в конце XVIII и начале XIX в. в хлопчатобумажном производстве.

Из них следует отметить ситценабивную мануфактуру в Шаштине (западная Словакия), основанную еще в 1736 г. мужем императрицы Марии Терезии — Франтишком I Лотринским. С середины XVIII в. она принадлежала венскому банкиру Путоу и просуществовала до середины XIX в. В 1785—1786 гг. на этом предприятии было занято около 6 тыс. человек: из них 5 тыс. прядильщиц, работавших на дому, 150 ткачей, 40 печатников, 120 красильщиков и 150 поденщиков. На Шаштинскую мануфактуру работали по типу работы на дому по всей западной и центральной Словакии и даже в Венгрии и соседней Моравии. Одна лишь ее фактория в северной Словакии занимала 3200 человек — крепостных крестьян из 20 близлежащих деревень. Крестьяне обрабатывали ежегодно около 8400 кг хлопка. В конце XVIII в. на Шаштинской мануфактуре работало 10 тыс., а в начале XIX в. — даже 14 тыс. человек³.

Второй крупной ситценабивной мануфактурой была мануфактура в имении графа Эстергази в Чеклисе (теперь Бернолаково, в западной Словакии), основанная в 1766 г. и принадлежавшая акционерному обществу братиславских купцов. В 1771—1774 гг. она перерабатывала ежегодно около 6720 кг пряжи. Работали на нее также и цеховые ткачи в Братиславе, Пезинке и Св. Юре. Одну треть своей продукции Чеклисская мануфактура сбывала на рынках за пределами Венгрии (в Вене, Праге, Брно и др.)⁴.

В 1799 г. была основана еще одна крупная хлопчатобумажная мануфактура в Братиславе. Ее владельцем был Ян Фишер⁵.

Братислава в конце XVIII в. стала центром шелкообрабатывающей промышленности.

В 80-х годах здесь имелось несколько мануфактур по производству шелковых тканей⁶. В 90-х годах возникли еще три мануфактуры, значительно больше прежних. К самым крупным предприятиям принадлежала мануфактура Якуба Шауба, в которой в 1795 г. работало 8—9 подмастерьев и 30—45 рабочих.

К текстильным мануфактурам следует отнести также мануфактуру по производству шляп в Кошицах⁷.

Наряду с текстильными мануфактурами, являвшимися преобладающими в Словакии в конце XVIII—начале XIX в., существовали: мануфактуры по производству художественного фарфора в Голиче, в которой работало около 100 человек⁸, стекольные мануфактуры в Эволене и Гандлове и других местах⁹, несколько предприятий по производству бумаги и т. д. В Братиславе в конце XVIII в. существовало небольшое предприятие, производившее растительное масло¹⁰.

Параллельно с развитием мануфактур в конце XVIII и начале XIX в. довольно широкое развитие получает кустарная промышленность, произво-

¹ A Špesz. Op. cit., str. 640.

² Там же, стр. 639.

³ Там же, стр. 644—645.

⁴ Там же, стр. 645.

⁵ Там же, стр. 647.

⁶ Там же, стр. 647—648.

⁷ Там же, стр. 648.

⁸ Там же, стр. 649.

⁹ Ср. Предисловие Я. Дубницкого к словацкому переводу книги Г. Толнаи, стр. 15.

¹⁰ M. Schwartzner. Op. cit., str. 249.

дившая ряд изделий: полотно, сукно, кружева, канаты, металлическую проволоку, гвозди, ножи, косы, подковы и т. п. Швартнер упоминает в своей «Статистике Королевства Венгерского», что в государственном поместье (Kammeral Herrschaft) в Эволенской Люпче 19 деревень занимаются производством кружев, ножей, ножниц и полотна¹. Самым распространенным было полотняное производство, которым занимались не только деревни, но и целые области. Липтовская, Оравская, Тренчанская, Турчанская, Эволенская, Земплинская и Шаришская жупы производили в конце XVIII и начале XIX в. около 10 млн. рифов полотна и одна Спишская жупа около 6 млн. рифов полотна².

Подъем переживает и горнодобывающая промышленность. В конце XVIII в. Словакия, обладавшая значительными естественными богатствами, давала ежегодно 300—400 марок золотом³ (вся Венгрия без Словакии — 1200—1300) и 15 тыс. марок серебром (вся Венгрия без Словакии 58 тыс. — 59 тыс. марок)⁴. Меди добывалось в Словакии ежегодно 24 тыс. бенских центнеров, в то время как вся Венгрия без Словакии давала лишь около 15 тыс. центнеров. Производство железа в 1804 г. в Гемерской жупе равнялось 95 тыс. центнеров, стоимостью 1304 тыс. золотых⁵. Эти данные свидетельствуют о передовой роли словацких областей в экономике Венгрии.

Значительно более быстрыми темпами пошло капиталистическое развитие Венгрии во второй четверти XIX в.

К этому времени Европа уже пережила первый крупный экономический кризис, который разразился в 1825 г. Этот кризис, свидетельствовавший о несоответствии производственных отношений характеру производительных сил, поразил и Венгрию, ярче всего проявился в резком падении экспортных цен на хлеб. В 1821 г. одна мера⁶ пшеницы стоила 130 крейцеров, через год только 85 и в 1826 г. всего лишь 60 крейцеров⁷.

Конец 20-х и начало 30-х годов XIX в. ознаменовались подъемом экономики страны, который, однако, в 1836 г. был прерван новым кризисом. После этого кризиса начинается опять новый значительный подъем, продолжавшийся вплоть до 1847 г.

30-е и 40-е годы, являвшиеся началом промышленного переворота в Венгрии, характеризовались усиленным развитием капиталистической мануфактуры, а также появлением в отдельных отраслях промышленности капиталистической фабрики.

В 1838 г. в Венгрии насчитывалось 453 промышленных предприятия. Ряд из них являлся уже капиталистическими фабриками⁸. Такими были, например, Великолабошская бумажная фабрика, оборудованная машинами английского производства, шелкопрядильные фабрики в Пеште, Будине, Братиславе и Пече, из которых самой крупной была пештская фабрика «Валеро» с 300—400 рабочими, обрабатывавшая 75—80 центнеров шелка в год (т. е. $\frac{2}{3}$ всей венгерской продукции), и ряд железоплавильных предприятий: среди них в первую очередь надо отметить предприятие «Гофман и Мадершпац»⁹.

В северных, т. е. словацких, областях Венгрии капиталистические отношения все больше проникали, как и в других странах, прежде всего в тек-

¹ M. Schwartzner. Op. cit., str. 201.

² Там же. Риф=87 см.

³ 100 марок равняется приблизительно 1 венскому центнеру, т. е. 50 кг.

⁴ M. Schwartzner. Op. cit., str. 249.

⁵ Там же, стр. 252.

⁶ Мера = 62,5 литра.

⁷ G. Tolnai. Op. cit., str. 127.

⁸ Там же, стр. 132—133.

⁹ Там же.

стильную промышленность. Статистика упоминает 25 текстильных фабрик¹. Трудно сказать, во всех ли случаях шла речь действительно о фабриках (а не о более крупных мануфактурах). Однако есть основания предполагать, что настоящими капиталистическими фабриками явились такие предприятия, как постоянно развивавшаяся Галичская суконная мануфактура, в которой был в 1830 г. установлен первый в Венгрии паровой двигатель, далее текстильная фабрика в Зай-Угровце с 70 ткацкими станками (вторая по своим размерам в Венгрии после известной Новоградской текстильной фабрики), Суньогорская фабрика в Великой Ясенице в Тренчанской жупе, текстильная фабрика в Братиславе, Акционерная фабрика в Кошицах (с капиталом в 200 тыс. золотых) и др.²

Но наряду с развитием фабричного производства капиталистическая мануфактура и ее характерный придаток — капиталистическая работа на дому — занимали еще значительное место в текстильной промышленности.

Другой областью промышленного производства, в которой самые крупные предприятия к концу первой половины XIX в. имели характер капиталистических фабрик, были горное дело и развивавшаяся в теснейшей связи с ним металлургия. Словацкие горы славились с древнейших времен богатством своих недр: золотом, серебром, медью, железом, ртутью, оловом, свинцом, никелем, кобальтом, серой и т. д. По добыче меди, например, Словакия стояла на четвертом месте в мире (после России, Америки и Англии). Из 36 796 центнеров меди, добытых в 1847 г. во всей Венгрии, только на одну Спишскую жупу приходилось 25 тыс. центнеров, на Зволенскую — 6 тыс. центнеров³.

Гемерская, Спишская и Зволенская жупы были хорошо известны своей металлургией. Самыми известными предприятиями по производству железа были предприятия немецких графов Кобургов в Погореле и Добшине, в Гемерской жупе и в Страцене в Спишской жупе. В Погореле и Добшине производили ежегодно 69 тыс. центнеров чугуна, 41 тыс. центнеров проката, 45 тыс. штук кос, 3,5 млн. гвоздей и 200 центнеров стали⁴. Крупные предприятия принадлежали венгерским графам Надашды, Гамош и Андраши.

Все предприятия Гемерской жупы давали 250 тыс. центнеров железа в год. Приблизительно столько же (около 230 тыс. центнеров) давали металлургические предприятия Спишской жупы. Это составляло абсолютное большинство (90%) производства железа всей Венгрии, которое в 1845 г. исчислялось в 575 тыс. центнеров⁵.

В 40-х годах начинают возникать первые фабрики и в кожевенной промышленности. Кожевенные фабрики находились в Кежмарке, Братиславе, Кошицах, Рожняве и других городах⁶.

Говоря о развитии капиталистической промышленности в Словакии, необходимо отметить один очень существенный факт, а именно, что все без исключения крупные предприятия находились в руках немецких и венгерских капиталистов. Таким образом, в отличие от других стран, где развитие капиталистической промышленности связано с ростом и экономическим усилением национальной буржуазии, развитие капиталистической промышленности в Словакии на первых ее этапах способствует росту и усилению бур-

¹ I. Hrušovský. Priemysel u nás predtým a dnes. „Slovenský obzor“, roč. I. 1907, str. 78.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 77.

⁴ Там же, стр. 156.

⁵ Там же, стр. 155—156.

⁶ Там же, стр. 418.

жуазии угнетающих наций, а не усилению словацкой буржуазии. Еще Маркс и Энгельс указывали, что в Венгрии «мадьяры вместе с немцами стали во главе интеллектуального и коммерческого развития» и что «славяне вообще с трудом создают свою национальную буржуазию»¹. Это сыграло чрезвычайно важную роль в дальнейшей исторической судьбе словацкого народа.

30-е и 40-е годы XIX в. в Венгрии ознаменовались также более быстрым развитием торговли, в первую очередь внутренней, которая в предшествующих десятилетиях развивалась довольно медленно. Пешт становится настоящим торговым центром страны. В 1840 г. в городе насчитывались 161 крупная торговая фирма и 351 мелкое торговое предприятие². Начинает расти и ряд других городов. Важными торговыми центрами наряду с Пештом становятся Братислава, Банска Быстрица, Комарно, Надь-Каниже, Новый Сад, Субботица, Загреб и Мишкольц³.

Оживление торговли способствовало развитию транспорта. Строятся дороги и мосты, расширяется сеть почтовых трактов, разворачивается железнодорожное строительство. Наряду с существовавшими уже железными дорогами Вена—Раб (компания Сина) и Вена—Братислава (компания Ротшильда) возникают новые железнодорожные ветки: Пешт—Ваца и Пешт—Солнов (компания Ротшильда)⁴. Для Словакии большое значение имеет конная железная дорога Братислава—Трнава⁵.

Серьезную роль играет водный транспорт: Дунай, по которому в 1839—1840 гг. наряду с баржами ходило 10 пароходов австрийско-венгерской компании, становится основным торговым путем⁶.

С развитием внутренней торговли связан рост внешней торговли. Ее росту способствовало известное снижение таможенных тарифов, которого добились венгерские сословия на сейме 1825 г.

Показателем экономического подъема страны в первой половине XIX в. является и быстрый рост ее населения. По данным переписи 1838 г., в Венгрии насчитывалось 14,07 млн. жителей, что в сравнении с 8,56 млн. жителей в 1785 г. представляет прирост на 64,5%⁷.

Рост капиталистического производства и обращения, развитие железных дорог и водного транспорта, рост торговли, образование банков, рост городов, рост рабочего класса способствовали образованию и развитию капиталистического внутреннего рынка.

Но было много серьезных препятствий, которые тормозили развитие капитализма в Словакии. Такими были, например, сложная система внутренних таможенных тарифов, многочисленные пошлины на базарах и ярмарках, а также плохое состояние средств связи, которые часто препятствовали нормальным торговым отношениям между более отдаленными районами страны.

Самым важным препятствием для развития капитализма в Венгрии и входившей в ее состав Словакии были господствовавшие еще феодальные отношения.

Процесс разложения феодализма и развития капитализма в Венгрии происходил и в сельском хозяйстве.

С конца XVIII в. стал особенно заметным рост товарности венгерского сельского хозяйства, являвшегося сырьевой базой для австрийской промыш-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 276.

² G. Tolnai. Op. cit., str. 136.

³ Там же, стр. 136.

⁴ Там же, стр. 137.

⁵ Fr. Bokes. Dejiny Slovenska a Slovákov. Bratislava, 1946.

⁶ G. Tolnai. Op. cit., str. 136.

⁷ Там же, стр. 125.

ленности. Развиваются овцеводство (особенно в западной части Словакии в районе города Голич) и коневодство, в земледелии вводятся новые культуры, такие, как табак, картофель, маис и новые улучшенные сорта льна и конопли¹. Габсбурги старались превратить Венгрию в рынок сбыта товаров своей промышленности, чему способствовала таможенная система, стимулировавшая вывоз сельскохозяйственного сырья из Венгрии в Австрию и одновременно тормозившая возникновение промышленных предприятий в Венгрии. В результате континентальной блокады, введенной Наполеоном, Англия была вытеснена из европейской торговли и транспортировка товаров с Востока (хлопок, табак, пряности, предметы роскоши) переместилась с моря на континент². Венгрия становится территорией, через которую проходят важные торговые пути, и Пешт вплоть до поражения Наполеона (1814 г.) стал центром транзитной торговли восточными товарами. Это способствовало возникновению ряда крупных торговых домов в Пеште (с преобладанием австрийского капитала) и их филиалов в других городах Венгрии (Брод, Оршов, Симень и другие). После окончания наполеоновских войн, в связи с громадным повышением спроса на пшеницу и шерсть, на австрийских и международных рынках сложилась благоприятная экономическая конъюнктура для этих основных продуктов венгерского сельскохозяйственного производства. Это стимулировало рост товарного производства и развитие венгерской торговли, которая осуществлялась в то время еще в значительной степени при посредничестве иностранного капитала.

За четыре года, с 1816 по 1820 г., венгерский экспорт вырос с 2,54 млн. до 3,04 млн. золотых серебром³.

Рост товарности помещичьего хозяйства, рост товарооборота и торгового капитала увеличивал накопления в руках представителей крупного и среднего венгерского дворянства. Погоня за прибылью становится стимулом дальнейшего повышения доходов его хозяйства.

Эти доходы увеличивались, как и в других странах, за счет усиления эксплуатации и прямого ограбления, экспроприации непосредственного производителя — зависимого крестьянина. В Венгрии и Словакии, равно как и в Англии и других странах, возникновению и утверждению капиталистического способа производства предшествовала «экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, ... ужасная и трудная экспроприация народной массы», которая и здесь проводилась «с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей»⁴. Это подтверждается бесчисленным количеством ярких исторических фактов и примеров⁵. Не видеть и не признать этого значит скатиться на порочные позиции реакционных буржуазных историков, которые проповедовали теорию об «относительно лучшем» положении венгерских крестьян в сравнении с крестьянством других стран этого периода.

Обуржуазившиеся землевладельцы, стремясь получить максимальные доходы из своего хозяйства и накопить в своих руках деньги, необходимые для ведения капиталистического хозяйства, все чаще прибегали к захвату у крестьян общинных земель, лугов, пастбищ и лесов. Они присоединяли к своим

¹ См. Е. Пристер. Краткая история Австрии (сокращенный перевод с немецкого). М., 1952, стр. 266—267.

² См. J. Révai. *Marxismus, népiesség, magyarság*. Budapest, 1948, стр. 114—115.

³ G. Tolnai. *Op. cit.*, стр. 99—100.

⁴ К. Маркс. *Капитал*, т. I. М. 1953, стр. 765.

⁵ Большое количество таких фактов приводит Pál Zsigmond Pach в книге: *K problémom pôvodnej akumulácie kapitálu v Uhorsku*. Bratislava, 1952 (перевод с венгерского).

поместьям части, а иногда и целые крестьянские наделы, стогняя крестьян с земли. При этом венгерские помещики опирались на комитатский административный аппарат, находившийся в руках средней шляхты, и на патриомониальный суд. Эта так называемая аллодизация, т. е. увеличение барской запашки и хозяйства за счет общинных земель и угодий и самых крестьянских наделов, стала в конце XVIII и особенно в первой половине XIX в. массовым явлением и достигла очень больших размеров.

В результате экспроприации у значительной части непосредственных производителей средств производства, на одном полюсе сосредоточивались в немногих руках средства производства, в то время как на другом полюсе возникла многочисленная армия безземельных и малоземельных крестьян, так называемых жельяров (*želiar*), вынужденных продавать свою рабочую силу.

Категория жельяров значительно пополнялась также и за счет перенаселения деревни. Пал Пах Жигмонд на основании статистических данных приходит даже к выводу, что это перенаселение было основным источником численного пополнения категории жельяров¹.

Жельярами становились также крестьяне, разорявшиеся под тяжестью непосильных государственных налогов² или попадавшие в кабалу к землевладельцам, к более зажиточным крестьянам-кулакам или ростовщикам. Известный прогрессивный словацкий экономист того времени Г. Берзевици пишет, что крестьяне, «когда попадали в крайнюю нужду, сдавали за половину стоимости в залог свои пашни и луга, но и после этого продолжали нести повинности и таким образом все больше погружались в долги и нищете»³.

О размерах и темпах развития процесса первоначального накопления ярче всего говорит тот факт, что к 20-м годам XIX в. больше половины всего крестьянского населения было уже совершенно лишено земли. По подсчетам венгерского статистика того времени Е. Феньеша, к 1820 г. в Венгрии, куда еще столетие назад специальные агенты зазывали переселенцев (после изгнания турок целые области Венгрии были лишь отчасти заселены), было 564 641 хозяйство барщинных крестьян, имевших в своем распоряжении от 2 до 20 га земли и 731 640 безземельных крестьянских семейств (батраков с усадьбой, батраков без усадьбы и слуг). Из 564 641 хозяйства крестьян, имевших землю, только $\frac{1}{5}$ часть их пользовалась полным наделом, т. е. 15—20 га; остальные $\frac{4}{5}$ крестьянских хозяйств имели $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ или даже $\frac{1}{8}$ надела⁴.

В то же время за счет ограбления крестьян постоянно увеличивалось крупное помещичье хозяйство. О быстрых темпах этого роста ярче всего свидетельствует тот факт, что накануне революции 1848 г. в Венгрии из всей обрабатываемой земли 69,5% находилось у крупных землевладельцев и лишь 28% — в руках зависимых крестьян.

О степени концентрации земли в руках отдельных крупных землевладельцев венгерский буржуазный историк Гальгоци приводит данные, относящиеся ко времени проведения аграрной реформы 1853 г. По этим данным, даже в период «освобождения» урбаризованных крестьян, встречались помещики, владевшие землей в размере 150—200 тыс. ютер⁵; не были редкостью владения размером в 30—40 тыс. ютер; 600 помещиков держало в своих

¹ Pál Zsigmond Pach. Op. cit., str. 131.

² G. Berzeviczy. De conditione et indole rusticorum in Hungaria (L. Gaal Jenő, B. G. élete és művei II, str. 141).

³ Там же, стр. 150.

⁴ E. Fényes. Magyarország leírása 1847-ben. Pest, 1848, str. 80; см. также А. Хевеши. Венгерское крестьянство и его борьба. М., 1927, стр. 20.

⁵ Ютро (йох) = 0,56 га.

руках земли свыше 5 тыс. ютер каждая; число землевладельцев, которые имели хозяйство от 1000—5000 ютер, достигало 3 тыс.¹

Приведенные данные касаются Венгрии в целом. Говоря о проникновении капитализма в сельское хозяйство в северных, т. е. словацких, комитатах, нужно подчеркнуть, что оно приносило еще больше бед и страданий словацкому крестьянину.

В нашем распоряжении имеются данные 20-х годов XIX в. о соотношении числа крестьян с наделом и безземельных крестьян в отдельных словацких жупах (комитатах). На основании этих данных можно составить таблицу, которая дает достаточно ясное представление о том, как далеко к тому времени зашел уже процесс обезземеливания словацких, а также закарпато-украинских крестьян, составлявших значительную часть населения Шаришской и Земплинской жуп².

Таблица 1

Жупа	Количество наделов	Приходится семей	
		крестьян с наделом	безземельных крестьян
Липтов . . .	1 ¹ / ₂	5	7
Нитра . . .	8	21	26
Орава . . .	4	10	8
Братислава . .	6	12	14
Спиш . . .	3 ¹ / ₂	11	13
Шариш . . .	5	16	18
Теков . . .	3	7	8
Тренчин . .	6	18	22
Турнец . . .	1	3	5
Зволен . . .	2 ¹ / ₂	6	8
Абауй . . .	2	5	10
Гемер . . .	4	12	18
Гонт . . .	4	6	8
Новоград . .	5	11	23
Земплин . .	7 ¹ / ₂	15	13

О дальнейшем развитии процесса обезземеливания словацких крестьян в 20—30-х годах, а также о соотношении крестьянских (с наделом) и жельярских (без надела) семей, выраженном в абсолютных цифрах, говорит таблица 2³.

Ко времени проведения аграрной реформы 1853 г. в Словакии держали в своих руках⁴:

более одного надела (сессия) . . .	5 335	крестьян
полный надел	14 838	"
свыше 1/2 надела	13 505	"
от 1/4—1/2 надела	73 192	"

Число жельяров (с домом и без дома) составляло 210 104 человека.

Эти цифры, полученные из разных источников, отражают существующее положение только приблизительно.

¹ K. Galgoczi. Magyarország mezőgazdasági statisztikája. Pest, 1855, str. 94.

² См. E. Fényes. Magyarország leírása, 1, 47. Budapest, 1848, а также St. Janšák. Slovensko v dobe uhorského feudalizmu. Bratislava, 1932, str. 238. Количество семей невозможно выразить в долях, потому в каждом случае берется такое соотношение, при котором количество семей выражается в целых цифрах.

³ Таблица 2 заимствована из книги E. Anató. Sociálne motivy slovenského národného hnutia v r. 1845—1848. Martin, 1952, str. 30.

⁴ E. Fényes. Magyarország leírása. . . , t. II, str. 47—49.

Таблица 2

Жупа	Всего населения	В том числе словаков	Число крестьянских семей		Число жельярских семей		Число крестьянских наделов
			в 1828 г.	в 1840 г.	в 1828 г.	в 1840 г.	
Орава	84 156	81 438	13 237	10 230	1 077	8 659	4 474
Липтов	76 548	74 310	5 390	4 977	2 057	7 318	1 636
Нитра	364 351	268 333	17 803	21 926	28 051	26 353	8 405
Тренчин	280 324	268 074	21 595	18 657	11 272	22 395	6 672
Туриец	44 213	40 300	2 522	3 105	918	5 278	1 234
Эволен	88 130	87 930	3 339	6 122	4 500	7 833	2 537
Спиш	191 523	98 951	7 711	10 666	8 406	13 254	3 512
Теков	130 248	76 664	6 001	7 068	8 026	9 110	2 868
Шариш	197 878	117 324	9 572	16 448	7 487	17 981	4 937
Гемер	186 388	89 750	8 014	11 778	7 046	18 130	4 128
Гонт	110 128	52 220	5 771	5 685	5 896	7 953	4 176
Братислава	295 048	124 864	11 320	11 689	230 086	13 649	6 443
Новоград	192 128	62 078	8 476	10 500	10 623	22 315	4 926
Земплин	297 039	72 931	11 556	15 272	9 601	12 543	7 540
Ужгород	119 997	13 153	4 927	4 418	3 745	10 203	1 745
Абауй	175 050	33 246	4 789	4 527	6 455	10 181	2 264
Итого	2 833 149	1 551 566	142 023	163 068	137 246	213 155	67 497

Чтобы получить более точное представление о степени имущественной дифференциации словацкого крестьянства, приведем еще данные (хотя все еще не совсем полные и верные) по трем типичным словацким жупам: Шаришской, Оравской и Турчанской¹.

Число крестьян, пользовавшихся:

	Шариш	Орава и Туриец
более чем одним наделом	102, т. е. 1,1%	83, т. е. 1,1%
полным наделом	499, т. е. 5,6%	178, т. е. 2,4%
свыше 1/2 надела	1 090, т. е. 12,3%	667, т. е. 8,9%
1/2 надела	1 810, т. е. 20,4%	1 030, т. е. 13,7%
1/4 надела	2 413, т. е. 27,1%	6 553, т. е. 73,9%
менее 1/4 надела	2 977, т. е. 33,5%	Нет данных
число жельяров	25 569	19 761

Эти данные показывают не только быстрые темпы процесса обезземеливания словацких крестьян, процесса первоначального накопления капитала, но также и степень имущественного и классового расслоения словацкого крестьянства. Эти цифры наглядно подтверждают и дополняют слова ряда публицистов того времени, которые уже в конце XVIII—начале XIX в. отмечали эти процессы. Так, например, Самуэль Тешелик, прогрессивный словацкий экономист конца XVIII в., писал о вампирах — богатых крестьянах: «Вампиры и деспоты находятся и среди крестьян; зажиточные крестьяне стремятся присвоить себе все выгоды и прибыли, а все повинности и тяготы взвалить на беднейшую часть населения, или, по крайней мере, не нести их с ними одинаково»². Другой представитель господствующего феодального класса отмечал в начале XIX в., что экономически более сильные крестьяне «при распределении налогов и повинностей, а также в суде притесняют более

¹ K. Galgóczy. Op. cit., str. 103, а также J. Mészáros. K problémom zrušenia poddanstva na Slovensku. „Historický časopis SAV“, roč. I, (1953), č. 4, str. 601.

² S. Teschelik. Der Landmann in Ungarn. Pest, 1784, str. 45.

бедных», которые «и платят больше налогов, и повинностей больше несут»¹.

Так, постепенно среди самого крестьянства образуются два противоположных полюса: на одном из них — небольшая кучка экономически более сильных и богатых крестьян — газдов (кулаков), на другом полюсе — масса разоренных безземельных или малоземельных крестьян, которые, чтобы прокормиться, вынуждены продавать свою рабочую силу, становясь таким образом наемными рабочими. Большинство из них шло в батраки к деревенской верхушке, так как промышленность, развивавшаяся очень медленно, могла занять лишь самую незначительную часть этой возраставшей резервной армии наемных рабочих. Малоземельные бедняки-батраки часто вынуждены давать кулакам в залог свой клочок поля или луга за половину или меньшую цену, не переставая платить с него налог; все чаще более богатые крестьяне нанимали батраков, которые несли вместо них барщину. Таким образом, деревенская беднота попадает в экономическую зависимость от новых эксплуататоров: теперь наряду с землевладельцем, государством и церковью ее эксплуатирует и вампир кулак.

В то же время сам процесс классового расслоения крестьянства, как учит В. И. Ленин, «создает внутренний рынок для капитализма»².

В результате все углублявшегося процесса первоначального накопления капитала в рассматриваемый период происходят крупные изменения во всех областях экономики страны.

С ростом товарности сельского хозяйства изменяется сам характер помещичьего хозяйства. Наряду с зерновыми культурами и животноводством (особенно овцеводством), обуржуазившаяся шляхта, постоянно укреплявшая и расширявшая свои связи с рынком, все больше внимания стала уделять разведению различных технических культур, таких, как сахарная свекла, картофель, лен и конопля, табак. В отдельных поместьях возникают промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, особенно сахарные и спиртоводочные заводы. Помещик Микулаш Лачны в своих имениях, находившихся преимущественно в южной Словакии, стал строить в 30-х годах XIX в. сахарные заводы. В 1836 г. они производили уже 1200 центнеров сахара³. В это время возникают сахарные заводы и во владениях других помещиков (в Словакии во владениях графа Апоньи, около Братиславы, Форгача и Галичи, Одесцалха в Солчанох и т. д.). Число сахарных заводов особенно увеличилось в 40-х годах XIX в. Одновременно значительно увеличилась их продукция, отчасти за счет усовершенствования технологии производства и применения более усовершенствованных машин⁴. В Словакии в 40-х годах возникают сахарные заводы в помещичьих имениях в Середи, Краванох, Вельской над Инлем, Трнаве, Бучанох, Голиче и т. д.⁵ О быстром развитии свекловодства и сахароварения говорят данные таблицы³⁶.

В 30—40-х годах XIX в. возникает ряд довольно крупных промышленных предприятий пищевой промышленности вне помещичьих хозяйств, в городах, на базе купеческого капитала. Их основателями являлись венгерские и иностранные купцы.

На базе купеческого капитала возникли сахарные заводы в Банска Быстрице (1830 г.), предприятия братьев Кислигов в Братиславе (1838 г.),

¹ Jan Feješ. Hlas volající k sedlákům o přednostech a nedostatech stavu tohoto. Prešpurk, 1803, str. 53—54.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 148.

³ G. Mérei. Magyar iparfejlődés 1790—1848. Budapest, 1951, str. 196.

⁴ Ср. там же, стр. 314—317.

⁵ Там же, стр. 316.

⁶ Там же, стр. 317.

Т а б л и ц а 3

	1839 г.	1840 г.	1841 г.	1842 г.
Площадь, засеянная сахарной свеклой (в ютрах)	534	623	677	651
Урожай свеклы (в цент- нерах)	188 293	218 600	236 920	229 818
Продукция сахара (в центнерах)	9 410	10 930	11 846	12 640

сахарные заводы купцов братьев Риттер под Братиславой (1838 г.) и известного кошицкого купца Фидлера в Кошицах (1840 г.)¹.

На базе купеческого капитала возникла в 1839 г. в Пеште крупная мельница (Pesti Hengermalom)². В начале 40-х годов подобное предприятие было основано в Шуранах в южной Словакии³.

Все эти предприятия способствовали капитализации венгерского сельского хозяйства, переходу помещичьих хозяйств на капиталистические рельсы.

* * *

Развитие капитализма при одновременном сохранении старых производственных отношений чрезвычайно ухудшило положение трудящихся масс словацкого народа, усугубило классовые противоречия, обострило классовую борьбу.

Основная масса рабочих словацких мануфактур и фабрик рекрутировалась из разорившихся крестьян, не имела никакой квалификации и вынуждена была в результате этого продавать свою рабочую силу за чрезвычайно низкую плату. Они работали в основном в качестве чернорабочих, поденщиков и подсобных рабочих, в то время как большинство квалифицированных рабочих и специалистов были иностранцы, в основном немцы, получавшие зарплату в несколько раз выше словаков. Зарплата основной массы словацких рабочих не могла зачастую обеспечить им даже полуголодного существования.

Рабочий день длился, как правило, свыше 12 час., и предприниматель мог его еще удлинить по своему усмотрению.

К этому присоединялся ряд дополнительных форм эксплуатации, таких, как штрафы, выдача зарплаты продуктами (часто недоброкачественными) и т. п.

В связи с внедрением в производство машин в Словакии начинает все шире применяться женский и детский труд.

Этот труд оплачивался значительно меньше, чем труд рабочего-мужчины. Рабочий день детей в 40-х годах XIX в. длился, как правило, 13—14 час.⁴ В отдельных отраслях производства, как например, в текстильной промышленности, работали целыми семьями. Так, в текстильной мануфактуре Штрасера в Братиславе, в текстильной мануфактуре в Часте и др. дети работали вместе с родителями. Детский труд эксплуатировали владельцы

¹ G. Mérei. Op. cit., стр. 277—278.

² Там же, стр. 170—180.

³ Там же, стр. 279.

⁴ Там же, стр. 147.

горнодобывающих предприятий в Смолнике, металлургических предприятий в Спишской Новой Вси и т. д.¹

Особенно сильной эксплуатации подвергался труд женщин и детей в расcеянных мануфактурах, при капиталистической работе на дому, происходившей, как подчеркивал В. И. Ленин, в особенно тяжелых условиях, в чрезвычайно антигигиенической обстановке, при непомерной продолжительности рабочего дня и т. д.²

Широко применялся также принудительный труд людей, сосредоточенных в разных рабочих домах (сюда попадала часть экспроприированных крестьян, не сумевших в результате слабого развития промышленности найти работу и превращавшихся в бродяг), сиротских домах, больницах, тюрьмах и др. Такие рабочие дома в Словакии имелись в Кошицах, в Сенце и других местах. Пряху для текстильных мануфактур производили дети в сиротских домах в Таллоше (ныне Томашиково) и в доме инвалидов в Трнаве³.

Все больше усиливалась также эксплуатация подмастерьев и учеников в цехах.

В нашем распоряжении нет прямых данных о борьбе рабочих и подмастерьев против капиталистических предпринимателей и цеховых мастеров, о ее формах, об отдельных выступлениях рабочих против эксплуататоров, о борьбе против эксплуатации за улучшение условий жизни. Но что такая борьба существовала, несомненно. Об этом свидетельствует, например, указ 1813 г., который запрещает рабочим и подмастерьям объединяться в союзы и по которому строго караются все участники движений, направленных к тому, чтобы насильственным путем добиться улучшения условий труда и повышения заработной платы⁴. Несмотря на этот закон, подмастерья и рабочие, начиная с первой четверти XIX в., все чаще объединяются в такие товарищества и союзы.

Постоянно ухудшалось положение словацкого крепостного крестьянства — основной массы словацкого народа.

Жизненный уровень крестьянина в Словакии был ниже жизненного уровня венгерского крестьянина. Годового урожая в Словакии, который Ш. Яншак определяет для XVIII в. в среднем в 95 литров зерновых на душу населения, едва хватало на самое скромное пропитание крепостного и его семьи⁵. В ряде северных областей (Орава, Липтов и других) годовой урожай, после вычета из него десятины в пользу церкви, выделенной части в пользу землевладельца, и самой минимальной доли ($\frac{1}{5}$) на сев, едва мог обеспечить пропитание крестьянина в течение зимы.

Словацкое крепостное крестьянство, так же как венгерское, подвергалось прямому ограблению со стороны феодалов-землевладельцев, которые захватили не только общинные земли, луга и леса, но и все больше сокращали крестьянский надел.

Большой тяжестью ложились на плечи словацкого крестьянина все более и более увеличивающиеся феодальные повинности: барщина, натуральный оброк в пользу помещика и церкви, воинская повинность и т. д. Тяжелым бременем являлись и государственные налоги, основная тяжесть которых ложилась на плечи крестьянства. На Словакию, по сравнению с другими венгерскими землями, приходилась большая часть всех государственных налогов.

¹ A. Špiesz. Op. cit., str. 663—664.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 388—389.

³ A. Špiesz. Op. cit., str. 664—665.

⁴ G. Tolnai. Op. cit., str. 114.

⁵ S. Janšák. Slovensko v dobe uhorského feudalizmu. Bratislava, 1932, str. 35. Яншак сравнивает урожайность Словакии с урожайностью венгерских областей: на территории за Дунаем годовой урожай зерновых на душу населения достигал в среднем 130 литров, а между Дунаем и Тисой — 204 литра.

О том, как тяжелы были для крестьянства все эти повинности, говорят слова народной песни, которую в то время широко распевали крепостные в восточной Словакии:

Нет ничтожнее на свете существа,
Чем крестьянин крепостной на Венгерской земле.
Днем и ночью спину гнет, никогда покоя не знает.
Да ведь совести-то нет ни у кого.
За простоту его каждый его высмеет,
Каждый его задевает, каждый его трудом живет.
Король, помещик, горожанин, нищий, ремесленник, поп,
Каждый к крестьянину со своими нуждами бежит.
Лишь зарница за горой загорается,
А уж под окном о нем четверо спорят.
Один говорит: пойдешь на барщину,
Другой приказывает: пойдешь на общинную работу.
А третий гонит бедняка на оружные повинности.
Четвертый требует из хлева коней по повинности подводной.
Наконец приходит поповский слуга,
Чтобы крестьянин сам работать шел, или нанял за себя.
В доме большой недостаток во всем.
Коль оброка не заплатить, староста отбирает
У него перину, или подушку, либо скот.
Так что не будучи виновен бедняк приходит к разорению¹.

Серьезным бедствием для словацких народных масс, особенно в северных, центральных и восточных районах страны, являлись часто повторявшиеся неурожай, следствием которых были голод, разные эпидемии и смерть десятков тысяч бедняков.

Особенно тяжелыми были 40-е годы XIX в. Многочисленные источники и сообщения из разных областей Словакии свидетельствуют о массовом голоде, эпидемиях и смерти крестьян. В Ораве «люди пасутся по лугам как скот», едят собак и кошек, питаются корой деревьев, сеном, разными корнями и т. п. Люди умирают так быстро и в таком количестве, что их не успевают хоронить. В северной Ораве умер каждый четвертый человек; в одной из деревень умерло в течение 25 дней 76 человек. Имела место массовая эмиграция на «дольнюю землю», т. е. в южные венгерские области, в Словакию и другие области. Один из очевидцев отмечал, что родители, уходившие из дома, «продавали собственных детей по дешевке»². Подобная картина наблюдалась в восточной Словакии, в Спишской, Шаришской и Земплинской жупах, а также в сравнительно богатых областях западной (Тренчанская и Нитранская жупы) и центральной (Турчанская, Зволенская, Гемерская жупы) Словакии³.

Говоря о тяжелом положении словацкого зависимого крестьянства, нельзя также не учитывать и тот факт, что основную массу феодальных землевладельцев составила венгерская (или же омадьярившаяся словацкая) шляхта и что, таким образом, социальный гнет дополнялся национальным.

Ни венгерское, ни словацкое крестьянство не примирилось с усилением эксплуатации со стороны помещиков-феодалов.

¹ J. Kollár. Národné zpievanky čili písně světské Slováků v Uhrách. Budín, 1834, díl I, str. 370—371 (перевод автора).

² Эти, как и многочисленные другие сведения из разных источников (особенно из периодической печати того времени), см. Š. Janšák. Slovensko..., str. 126—131.

³ Там же.

Венгерское крестьянство ответило на растущий гнет так называемым бетярским движением. «Бетяры», которыми становились беглые крестьяне, — это бунтари, действовавшие небольшими группами. Народ считал, что они «берут у богатого и отдают бедным», и оказывал им поддержку. Из бетярских атаманов большой популярностью в народе пользовались Шобри Йошка, Зеленый Марци и в особенности Рожа Шандор, любимый герой народных песен, который получил в 1848 г. от венгерского революционного правительства амнистию и вместе со своим отрядом принял участие в революционной войне¹.

Постоянно усиливаются также волнения и среди словацких крестьян, растет число локальных стихийных выступлений. По данным различных источников, такие выступления имели место, например, в 1785 г. в Ружомберке, в 1786 г. в Левицах и в Златых Моравцах. В 1818 г. крестьянские волнения произошли в имении графа Пальфи, в Братиславской жупе². Самым крупным из этих выступлений, явившихся ответом порабожденных народных масс на усиливавшийся социальный гнет, было крупное крестьянское восстание, начавшееся в 1831 г. в восточной Словакии.

1831 год был очередным голодным годом. Неурожай 1830 г. с особой силой захватил жупы восточной Словакии: Земплинскую, Шаришскую, Спишскую, Абауйскую. Голод сильно ухудшил и без того уже чрезвычайно тяжелое положение крепостного крестьянства. Вдобавок ко всему из Польши была занесена эпидемия холеры, которая свирепствовала прежде всего среди беднейшего крестьянства. Венгерские власти, хотя и знали об этой опасности, не приняли никаких серьезных мер для ее предотвращения. Только тогда, когда эпидемия уже поразила целые области, на границу с Галицией были посланы воинские части (кордон), которые должны были прекратить свободное сношение с Галицией. Кроме того, во все деревни были посланы специальные комиссары по борьбе с эпидемией, которые производили дезинфекцию колодцев (хлорной известью) и доставляли сведения о расширении эпидемии в районный центр. Однако эти меры не могли спасти от смерти крестьян, истощенных голодом. Эпидемия не прекращалась, а, наоборот, свирепствовала все больше. Кроме того, для крестьян комиссары были представителями ненавистной власти господ. Все это способствовало распространению слухов о том, что истинной причиной всех бедствий являются господа, что «господа отравляют воду в колодцах»³. Эти слухи, распространявшиеся с быстротою молнии, превратились в сильное средство агитации, направленное против господ.

В таких условиях в конце июля 1831 г. началось крестьянское восстание в восточной Словакии.

Восстание началось с отказа крестьян отдельных деревень Земплинской жупы нести барщину, выполнять повинности и приказы властей.

¹ А. Гидаш. Петефи. М., 1951, стр. 6—8, а также G. Tolnai. Op. cit., str. 114.

² См. Szeffü Gyula. Magyar történet, V. Kötet. Brest, 1943, str. 657.

³ Официальная венгерская буржуазная историография делала все возможное, чтобы скрыть действительную причину крестьянских восстаний, маскировала их социальные и классовые корни и характер. С этой целью она рассматривала слухи об «отравлении колодцев», распространявшиеся среди словацких крестьян во время восстания 1831 г. как основную причину восстания с тем, чтобы представить это восстание как результат проявления «темноты» словацкого народа, не понимавшего значения санитарных мероприятий. Не отрицая той роли, которую сыграла эта пропаганда в деле революционизирования крестьянских масс и, в первую очередь, самых отсталых ее элементов, действительные причины восстания нужно искать в крайне тяжелом социально-экономическом положении словацкого крестьянства, которое, как мы видели это выше, в связи с развитием в первой половине XIX в. в сельском хозяйстве капитализма, становится невыносимым.

Комиссары по борьбе с эпидемией подверглись избиению. Когда власти попытались провести расследование и наказать виновных, последовал массовый отпор крестьян: отдельные группы повстанцев объединились и выдвинули своих вождей. Одним из таких крестьянских вождей был 53-летний крепостной крестьянин Михаил Павук из Жипова. Этот очень умный, пользовавшийся среди крестьян большим авторитетом, человек стал видным организатором крестьянской войны. Движение, которое приобрело широкие масштабы и носило ярко выраженный классовый характер, было направлено против эксплуататоров и их прислужников, против всех, кто являлся «причиной лишения крестьян земли». Под лозунгом «истребить всех господ» восставшие крестьяне стали расправляться не только с помещиками и их прислужниками (приказчиками, сборщиками налогов, лесничими и т. д.), но и с попами и чиновниками¹.

К восставшим крестьянам присоединились также рабочие горной промышленности, городская беднота, примкнула часть мелкобуржуазной и дворянской интеллигенции. Однако этот факт ничего не изменил в первоначальном характере восстания, которое осталось крестьянским.

Восстание не ограничилось одной Земплинской жупой: крупные выступления крестьян произошли в Шаришской, Спишской, Абауйской, частично Гемерской жупах. Одновременно наблюдался рост активности крестьянских масс и в других областях Словакии.

Дворянство всей Венгрии было напугано словацким крестьянским восстанием и прибегло к жестокому его подавлению вооруженной силой. Чрезвычайный суд, членами которого являлись крупнейшие венгерские помещики, в течение только месяца вынес повстанцам 64 смертных приговора.

Но зверская расправа с повстанцами не означала еще, что сопротивление крепостного крестьянства было сломлено окончательно. Еще долго после подавления восстания деревни отказывались нести барщину, и власти были вынуждены держать наготове воинские части для предотвращения возможности новой вспышки восстания. Выступления крестьян имели место и в последующие годы. Такими, например, были возникшие в связи с опубликованием нового урбариаума волнения в Карловицах и Штявнице (Тренчанская жупа), для подавления которых потребовалась вооруженная сила².

Крестьянское восстание 1831 г. в восточной Словакии явилось результатом классовых противоречий между крестьянством и крупными землевладельцами, которые чрезвычайно обострились в период кризиса феодализма.

В борьбе против общего классового врага сражались плечом к плечу словацкие, венгерские, украинские и немецкие крестьяне³.

Крестьянские движения могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями. Поэтому и крестьянское восстание 1831 г. неизбежно должно было потерпеть поражение, так как в Словакии того времени не было еще достаточно сильного и организованного рабочего класса, способного возглавить движение.

Говоря о движении крестьянского восстания 1831 г., нужно его оценивать не только как один из важных этапов многовековой освободительной борьбы трудящихся масс в Словакии, но и как одну из причин, заставивших венгерское дворянство пойти на социальные и экономические реформы. Призраки

¹ A. Markuš. Sedliacke povstanie v Zempline roku 1831. Bratislava, 1951, str. 30—40.

² „Slovenskije Narodnje novini“, 1846, str. 67.

³ Это подтверждает и список казненных повстанцев, в котором наряду со словацкими фамилиями находим типичные венгерские и закарпатско-украинские. См. A. Markuš. Op. cit., str. 45—46.

крестьянского восстания, которое может в любую минуту разразиться снова и с такой силой, что дворянству уж не удастся с ним справиться, призрак, получивший еще более реальные контуры после событий 1846 г. в соседней Галиции, — вот что толкало господствующие классы Венгрии на проведение аграрной реформы.

Развитие капитализма в Словакии в первой половине и особенно в 30—40-х годах XIX в. привело к крупным изменениям в самой социальной структуре словацкого общества того времени, а именно к рождению новых классов-антагонистов — буржуазии и пролетариата.

Однако процесс развития капитализма в Словакии, как и во всей Венгрии, проходил до революции 1848 г. очень медленно и неравномерно. По уровню экономического развития Словакия и вся Венгрия далеко отставали от других областей Австрийской империи (например, Чехии), не говоря уже о передовых западноевропейских капиталистических странах.

Из недостаточного уровня развития капитализма в Венгрии вытекала и слабость рождавшейся буржуазии. Буржуазия как класс до 1848 г. не успела еще окрепнуть экономически и стать политически организованной силой. Словацкая национальная буржуазия только начинала формироваться, была еще очень слабой как в экономическом, так и в политическом отношении.

Не успел к этому времени сформироваться в класс и превратиться в самостоятельную политическую силу и словацкий пролетариат. Пролетарские и полупролетарские элементы словацкого города и деревни, принимая участие в национальном движении 40-х годов XIX в., боролись прежде всего за свои социальные требования, против существующих форм эксплуатации, вели революционную освободительную борьбу.

2. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Период разложения феодальных и зарождения и развития капиталистических отношений в городе и деревне явился также периодом начавшегося процесса формирования словацкой буржуазной нации, периодом зарождения и развития буржуазного национального движения.

Формирование словацкой буржуазной нации проходило в острой борьбе с угнетающей мадьярской буржуазной нацией. Выступая против экономического, политического и национального гнета австрийских господствующих классов, против габсбургского абсолютизма, мадьярское дворянство в то же время боролось против не мадьярских, в первую очередь, славянских народов Венгрии.

Известный венгерский историк-марксист и политический деятель И. Ревай, отмечая прогрессивное значение борьбы за вытеснение латинского и немецкого языков и их замены мадьярским, подчеркивает, что эта борьба по отношению к не мадьярским национальностям «еще более обострила мадьярский национальный гнет»¹.

Борясь за внедрение мадьярского языка во все сферы общественной жизни, венгерское дворянство пренебрегло правом не мадьярских национальностей Венгрии на свой язык и национальную культуру.

Мадьяризаторская политика венгерского дворянства усилилась во второй четверти XIX в. в связи с ростом буржуазного национального движения в Венгрии. Поводом для организованного похода против языка и национальной культуры славян Венгрии послужила идея славянской взаимности, выдвинутая Яном Колларом. Основным мотивом, на который ссылались мадьярские депутаты сейма 1825—1827 гг., требуя решительных мер по мадьяри-

¹ J. Révai. Op. cit., стр. 204.

зации населения северных областей Венгрии — словаков и закарпатских украинцев¹, является искаженная шовинистами идея славянской взаимности².

Однако ни на сейме 1825—1827 гг., ни на последующих сеймах 1830 и 1832—1836 гг. не удалось провести в масштабах всей страны мероприятия по мадьяризации славянского населения Венгрии. За это дело взялись власти на местах.

Комитаты издали ряд постановлений, которые ограничивали употребление не мадьярских языков в судопроизводстве, в административных органах, а также — в школах и церквях. Так, в 30-х годах XIX в. ряд комитатов, значительную часть населения которых составляли не мадьяры, переходит к ведению дел только на мадьярском языке. Все административные посты могли занимать только люди, знавшие мадьярский язык. Для более быстрого внедрения мадьярского языка отдельные комитаты создавали специальные учреждения. Такой «Национальный Институт» был основан в 1831 г. в Новоградском комитате, подобный институт был открыт в 1834 г. в Гермерском комитате³. В районы с большинством не мадьярского населения специально посылались мадьярские учителя, перед которыми ставилась задача быть проводниками политики мадьяризации. Отдельные комитаты награждали учителей, особенно отличившихся в мадьяризации словацкого народа⁴.

Наряду с учителями, ответственность за распространение мадьярского языка возлагалась на священников всех вероисповеданий, которые должны были произносить проповеди на мадьярском языке и внедрять его в школах⁵.

Политика насильственной мадьяризации, усиление национального гнета усугубляли словацко-мадьярские национальные противоречия и способствовали усилению словацкого буржуазного национального движения.

* * *

Для Словакии эпохи феодализма была характерна чрезвычайная языковая пестрота. Официальным языком администрации и католической церкви была латынь, ставшая также разговорным языком среди высшего и среднего дворянства. С XV в. (после реформации) наряду с латинским был широко распространен чешский язык. Он стал не только официальным языком протестантской (лютеранской) церкви, но, благодаря его родству со словацким языком, стал также разговорным языком словацкой интеллигенции. Чешский язык проник и в словацкую литературу. Наряду с латинским и чешским языками некоторое распространение получил немецкий язык (в городах) и меньше венгерский. Что же касается широких масс словацкого народа, то они употребляли в своей повседневной трудовой жизни исключительно словацкие диалекты. Разговорный словацкий язык широких народных масс никогда не был заменен ни чешским, ни другими языками⁶. На этом языке словацкие крестьяне слагали свои песни и чудесные словацкие народные сказки.

¹ О росте национального угнетения закарпатских украинцев со второй четверти XIX в. см. статью И. Н. Мельниковой. Закарпатская Украина в революции 1848 г. „Ученые записки Института славяноведения АН СССР“, т. I, М., 1949.

² D. R a p a n t. Illegálna maďarizácia..., str. 24.

³ Там же, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 28—29.

⁵ Там же, стр. 31—32.

⁶ Ср. J. Vlček. Dejiny literatúry slovenskej, T. Sv. Martin, 1923, str. 26.

Именно эти широкие народные массы словацкого народа являлись хранителем национальных традиций, богатой национальной культуры и языка, грамматический строй и основной словарный фонд которого, несмотря на тяжелые испытания, выстоял столетия и стал основой для современного словацкого литературного языка.

Словацкий язык показал чрезвычайную устойчивость и колоссальную силу сопротивления политике ассимиляции.

Язык широких народных масс оказал огромное влияние на чешский язык словацкой литературы. На протяжении XVII и особенно XVIII вв. можно наблюдать все усиливавшееся проникновение в чешский язык словацких элементов. Этот процесс достигает таких размеров, что в конце XVIII в. чешский язык словацкой литературы больше отличался от языка чешской литературы того времени, чем от словацких народных говоров.

Ведущую роль в этом процессе сыграл западнословацкий, так называемый трнавский диалект. И это далеко не случайно. Именно эта область Словакии в XVII—XVIII вв. являлась не только политическим, культурным и церковным центром, но и представляла собой самую развитую область Словакии также и в экономическом отношении¹.

Попытки отдельных словацких писателей, направленные на внедрение в чешский язык словацкой литературы элементов словацкого разговорного языка, и попытки их сближения мы встречаем уже с XVII в. Так, Вавринец Бенедикти из Недожер (1555—1615 гг.) в своей «Чешской грамматике» упрекает своих земляков в том, что они не заботятся о своем «домашнем языке». Даниель Синапиус Горчичка (родился около 1630 г., умер около 1706 г.) показывает различие между чешским и словацким языками и говорит, что «не надо стыдиться своего языка» и поэтому «как говорим, так и писать должны»².

С подобными требованиями выступали также Т. Масник (1640—1697 гг.) и А. Мачай (1660—1722 гг.), издававшие свои книги «на словацком языке».

Однако более решительной попыткой создания словацкого национального языка, его закрепления в литературе и развития национальной культуры было начинание католического священника, литератора и лингвиста Антона Бернолака (1762—1813 гг.).

В 1787 г. вышли две основные работы Бернолака: в первой из них («Dissertatio philologico-critica de litteris Slavorum») он изложил принципы словацкого литературного языка, во второй («Linguae Slavicae... orfographia») наметил пути осуществления своей реформы на практике. Кроме названных двух работ, Бернолак известен как автор большого шеститомного «Словаря» (Slovár slovenski, Cesko-Latinsko-Nemecko-Uherski), над которым он работал всю жизнь и который вышел уже после его смерти, в 1825—1827 гг.

Сущность начинания Бернолака заключалась в оформлении им языка словацкой интеллигенции западнословацкого (трнавского) экономического и культурного центра в виде особой грамматической и орфографической системы. Язык Бернолака построен на основе западнословацкого диалекта, но

¹ Напомним, что Братислава (Презбург) являлась столицей страны, а город Трнава — центром культурной и церковной жизни. Самые крупные мануфактуры, как уже отмечалось выше, находились в Братиславе, Трнаве, Голице, Шаштине, Частой, Девине и других городах этой области.

² A. Mráz. Dejiny slovenskej literatúry. Bratislava, 1948, str. 52. См. также J. Tíbenský. Význam diela Antona Bernoláka vo vývine nášho spisovného jazyka, „Kultúrny Život“, č. 40, 1952.

в его состав вошло много чешских элементов. В него вошли также новые элементы, характерные для среднесловацких наречий. Сами современники считали его словацким языком, отличным от чешского и других славянских языков и выходящим за рамки диалекта, в том числе и трнавского.

Таким образом, Бернолак является кодификатором первого словацкого литературного языка. Однако этот язык, выросший на основе процесса складывания словацкой нации в начальной его стадии, не стал общенациональным словацким языком. Он в основном употреблялся в кругах католической словацкой интеллигенции. Для создания общенационального словацкого литературного языка не существовали еще необходимые условия и, прежде всего, не было достаточно развитого капиталистического национального рынка, который только складывался.

Значение Бернолака заключается также в основании им литературной школы, которая создала богатую литературу на новом языке, превратив его тем самым в литературный язык, и выдвинула из своих рядов немало известных поэтов и писателей. Оформилась эта школа в «Словацком ученом Товариществе» («Slovenské učené Tovarišstvo») — литературном обществе, основанном в 1792 г. с центром в Трнаве и филиалами в ряде других городов Словакии.

Одним из самых выдающихся писателей — последователей Бернолака, активнейшим членом «Словацкого ученого Товарищества» — был Юрай Фандлы (1754—1810 гг.), автор ряда популярных работ в области пчеловодства, садоводства, полеводства и других отраслей сельского хозяйства, предназначенных для широких масс словацкого крестьянства.

В этих работах Фандлы выступает как сторонник реформ австрийского «просвещенного абсолютизма», направленных на подъем экономической жизни страны путем интенсификации сельского хозяйства и некоторого улучшения положения крестьянства, не затрагивающих, однако, основных устоев феодализма.

Известные черты демократизма проявились в его едкой критике католической церкви и монашеских орденов и памфлете «Интимный разговор между монахом и дьяволом» («Dúverná smlúva mnicha s ďáblem») и в написанном им сочинении в защиту крепостного крестьянства.

За свои работы Фандлы (сам рядовой католический священник) жестоко преследовался католической церковью и был приговорен к заточению в монастыре.

Критика феодализма и его оплота — католической церкви, хотя и робкая, непоследовательная, содержится также в работах Й. И. Байза (1754—1836 гг.).

Крупнейшим поэтом новой литературной школы был Ян Голлы (1735—1849 гг.) — автор исторических поэм «Святополк» («Svatoopluk»), «Кирилло-Методиада» («Cyrillo-Metodiadá») и «Слав» («Slav»), в которых воспеваются величие и героизм предков словацкого народа.

Среди писателей — словацких протестантов, продолжавших пользоваться в своем творчестве чешским языком, следует отметить Б. Таблица (1769—1832 гг.) и Юрия Палковича (1769—1850 гг.). Они являются инициаторами создания ряда литературных и культурно-просветительных обществ, развивших в начале XIX в. оживленную деятельность.

Итак, конец XVIII и начало XIX в. были для Словакии временем культурно-национального подъема, получившим в буржуазной историографии наименование «словацкого национального возрождения». Этот подъем связан с зарождением и развитием новых, капиталистических отношений.

Крупнейшие словацкие ученые, писатели, поэты этого периода были тесно связаны не только с нарождающейся словацкой, но и с более развитой чеш-

ской буржуазией, интересы которой они отражали в своей деятельности и литературном творчестве.

Ярким представителем словацкого и чешского национального движения второй четверти XIX в. является классик чешской и словацкой литературы, видный политический деятель второй четверти XIX в. и основоположник словацкой буржуазной национальной идеологии — Ян Коллар (1793—1854 гг.)¹.

Процесс формирования социальных и политических взглядов Яна Коллара сложен и противоречив. Он отражал слабость, нерешительность и колебания словацкой и чешской буржуазии в первых десятилетиях XIX в.

Мировоззрение Коллара формировалось в условиях разложения феодального строя и развития новых, капиталистических отношений, в условиях все обострявшегося противоречия между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, сковывающими все развитие страны. И он вскоре почувствовал и заметил эти противоречия. В своих мемуарах, вспоминая годы своей юности, Коллар отмечает бедственное положение, в котором находились словацкие крестьяне, и упоминает о том, как в нем постепенно пробуждалась «ненависть к угнетателям и эксплуататорам, жалость к бедному народу, изнывающему под тяжелым гнетом»².

Эти антифеодальные настроения были связаны с просветительскими идеями, которые после Великой французской буржуазной революции все больше проникали в Венгрию и находили своих сторонников и среди словацкой интеллигенции.

Местечко Мошовце, родина Коллара, представляло собой один из складывающихся центров экономической и культурной жизни страны. Братислава и Банска Быстрица, где он провел годы учебы, были в то время уже самыми крупными городами на территории Словакии, ее экономическими и культурными центрами. Жизнь в этих условиях, наблюдение действительности, а также знакомство с работами французских просветителей Вольтера, Руссо, Дидро и с философскими сочинениями Гоббса и Спинозы³ способствовали воздействию на Коллара буржуазной идеологии.

В Германии Коллар стал очевидцем возникшего после наполеоновских войн широкого национально-политического движения, главными действующими лицами которого явились молодая немецкая буржуазия и буржуазная интеллигенция. Одним из центров этого движения были Йена и ее университет, студенты и профессора которого стали идеологами движения. По их инициативе 17 октября 1818 г., в день 300-летнего юбилея Реформации и четвертой годовщины Лейпцигской битвы, было организовано празднество в Вартбурге. Это празднество, на котором присутствовал и Ян Коллар, превратилось в бурную манифестацию против феодальной реакции, за воссоединение Германии.

Национальные стремления молодой немецкой буржуазии оказали большое влияние на молодого Коллара, который живо реагировал не только на ее социально-экономическую и политическую программу, но и на ее идеологию, отличавшуюся, кстати, своей идеалистической ограниченностью и воинствующим национализмом.

Экспансивность немецкого национализма, его направленность против других и, прежде всего, славянских народов, внушили молодому словаку много опасений.

¹ О Яне Колларе см. подробнее В. А. Матула. Ян Коллар и дружба славянских народов. „Краткие сообщения Института славяноведения“, вып. 8, 1952.

² J. Kollár. Pomäti z mladších rokov života. Bratislava, 1950, str. 42—43.

³ См. А. Mráz. Ján Kollár. Bratislava, 1952, str. 13.

К моменту своего приезда в Иену Коллар уже обладал известным национальным самосознанием. Еще из родительского дома он вынес любовь к родному языку, народным песням и обычаям. В годы учебы, особенно в Братиславе, где его учителем был Ю. Палкович, газету которого «Týdeník» Коллар усердно читал, его любовь ко всему народному еще больше окрепла. Национальное самосознание Коллара имело типичную для этого времени славянскую окраску. Будучи еще ребенком, Коллар много слышал о братском русском народе от своей матери, происходившей из семьи мелкого торговца, который несколько раз побывал в России. В его памяти глубоко запечатлелись и воспоминания о русских солдатах из победоносной армии Суворова, которая возвращалась из походов против Наполеона через Чехию и Словакию. Русских солдат словацкий народ принимал как самых близких по языку, характеру и обычаям сыновей братского славянского народа. В Иене Коллар познакомился с двумя русскими студентами, с которыми занимался русским языком и которые познакомили его с русской историей и литературой. Он читал оды Державина, переводил оды Ломоносова, изучал древнерусские летописи, делал выписки из «Истории государства Российского» Карамзина. Громадное впечатление на Коллара, как и на всех современников, произвели блестящая победа русских над Наполеоном и Отечественная война 1812 г.

Мрачная действительность угнетенной родины, чувство родства с другими славянскими народами и, в первую очередь, с великим русским народом, а также националистические призывы немецкой буржуазии, в которых Коллар уже тогда рассмотрел грозную опасность для других народов, привели его к мысли о необходимости защиты угнетенных славянских народов от порабощения, к идее дружбы и взаимопомощи между славянскими народами.

На дальнейшее развитие взглядов Яна Коллара, на восприятие им буржуазной идеологии большое влияние оказал Пешт, в котором он прожил большую часть своей жизни. Пешт к этому времени уже успел стать крупным городом, в жизни которого капиталистическое развитие страны оставало все больше следов. Правда, венгерская и словацкая буржуазия была несравненно слабее, чем немецкая. Но Коллар правильно увидел в ней ту силу, которая в близком будущем должна была стать вершителем судьбы страны.

В том, что его симпатии принадлежали именно классу рождавшейся буржуазии, мы убеждаемся при изучении его творчества раннего периода. В этом отношении особенный интерес представляют «Стихи», «Патриотические стихи» и главным образом «Эпиграммы», большинство из которых не могло быть при жизни поэта опубликовано из-за жестокой цензуры того времени. В них Коллар метко характеризует свою эпоху, эпоху меттерниховского абсолютизма, как безвременье, когда всякий свободный взгляд, брошенный на окружающую действительность, считается преступлением, мятежом. Абсолютная монархия является для него причиной всех страданий человечества. В едких строках эпиграмм нашло свое отражение также отрицательное отношение поэта к словацкому и чешскому дворянству, носителю старых, феодальных общественных взглядов и идей¹.

В стихотворении «Патриот» Коллар обрушивается на умеренное национальное дворянство и дворянскую интеллигенцию, на этих «бесполезных крикунов», которые «хнычут об отечестве из кабинетных нор». Коллар при-

¹ В. А. Матула. Ян Коллар и дружба славянских народов. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 8, 1952, стр. 47.

зывает перейти от слов к делу, ибо «народу поможет лишь смелое сердце и подвиг»¹.

Однако Коллар не пошел дальше критики абсолютизма и призывов, соответствующих в первую очередь интересам рождающейся национальной буржуазии. Наоборот, не находя в своей среде общественной силы, которая бы поддержала его идеи, он постепенно ослабляет эту критику, отрывается от окружающей его бурно развивающейся жизни и превращается в кабинетного ученого, строящего свои идеи и теории на основе книжных, во многом устаревших, знаний и фантазий, далеких от реальной действительности. Постепенная эволюция Коллара вправо окончилась отказом поэта от прежних прогрессивных взглядов и его сближением с консервативными кругами крупного дворянства и дворянской интеллигенции.

Основная идея всего творчества и деятельности Яна Коллара — это его идея славянской взаимности, сформулированная им в важнейших его произведениях: в поэме «Дочь Славии» («Slavy Dceva», 1824, 1832) и в работе «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянской нации» («Ueber die literarische Wechelseitigkeit zwischen verschiedenen Stämmen und Mundarten der slavischen Nation», 1837). В первой из них Коллар в образе своей возлюбленной Мины — «дочери Славии» в поэтической форме воспел славянство, показал его исторические связи и совместное героическое прошлое и высказал пламенную веру в его великое будущее. Во второй работе он теоретически обосновал свою идею славянской взаимности и сделал ряд практических предложений по ее осуществлению.

Подчеркивая совместную борьбу славян против чужеземных завоевателей в прошлом, их единство, Коллар призывал к упрочению связей между отдельными славянскими народами. Он признавал за каждой из славянских национальностей право на свою индивидуальную культуру, язык и обычаи. Но при этом он подчеркивал их единое начало и общность. По Коллару, «славянский народ представляет дерево с общими корнями, но состоящее из различных стволов и ветвей: все хорошее и красивое, что приносит любая из них — это цветы и плоды, выросшие из соков всего дерева»².

Все славянские народы должны гордиться своим общим культурным наследием, изучать его и в славной истории славянства черпать силу, необходимую особенно слабым, угнетенным народам.

Самой сильной из всех ветвей славянского дерева является русская. В русском народе — «могучем дубе», который «незыблемый стоит вопреки всем непогодам»³, Коллар видит опору и защиту всего славянского мира. Коллар не был лично знаком с жизнью России; его мечта посетить ее не сбылась до конца его жизни. Но он искренне любил русский народ, восхищался его славным прошлым и верил в его великое будущее. Этой любовью, гордостью и верой преисполнено все творчество поэта, прославившего подвиги Минина и Пожарского, восхищавшегося Петром I, Суворовым, Ломоносовым, Жуковским, Пушкиным. За эту любовь и веру в великое будущее России и всего славянства Коллара ценили Тарас Шевченко и Адам Мицкевич.

Коллар много внимания уделял вопросу о славянских языках и их развитии. Согласно своей теории о единой славянской нации и ее отдельных ветвях он делил все славянские языки на четыре основные группы: русскую, польскую, сербохорватскую и чехословацкую. По его мнению, каждый обра-

¹ В. А. Матула. Ян Коллар и дружба славянских народов. „Краткие сообщения Института славяноведения“, вып. 8, 1952, стр. 48.

² J. Kollár. Kázně, I. Pešť, 1836, str. 346.

³ J. Kollár. Slavy Dcera. Prědspeř.

зованный славянин должен владеть всеми этими четырьмя основными языками, т. е. в этом заключается один из путей укрепления славянской взаимности.

Для практического претворения идеи славянской взаимосвязи в жизнь Коллар намечал ряд конкретных мероприятий, как, например, основание кафедр славистики во всех славянских университетах, издание общеславянского журнала, создание славянских библиотек, путешествие славянских ученых и писателей по славянским странам, а также специальные ежегодные съезды славистов.

Развивая свою идею славянской взаимности, Коллар одновременно являлся основоположником словацкой и чешской буржуазной национальной идеологии. Уже в 1822 г. в своей известной проповеди о «Хороших чертах славянского народа» он дал свое определение понятия народа (нации) как «общности таких людей, которые между собой связаны единым языком, едиными нравами и обычаями»¹. Таким образом, из совокупности признаков, образующих нацию, он признавал только два: язык и общность культуры. Поэтому и всю свою теорию единой славянской нации развивал исключительно на этих двух началах.

О характере идеи славянской взаимности писалось и говорилось очень много. Делалось немало попыток ее фальсификации как со стороны чешской и словацкой империалистической буржуазии, так и со стороны русских и других панславистов. Чешская и словацкая империалистическая буржуазия хотела превратить идеи гуманизма Коллара в средство притупления классовой борьбы. Классическим примером такой фальсификации является попытка идеолога чешской либеральной буржуазии Т. Г. Масарика, стремившегося противопоставить гуманизм Коллара революционным освободительным стремлениям чешского и словацкого народов. Панслависты в России, в свою очередь, стремились использовать колларовскую идею славянской взаимности для обоснования захватнической политики русского царизма, представляя самого его автора панславистом.

Коллар, однако, никогда не был панславистом. Его идее славянской взаимности, идее братства и сотрудничества, проникнутой духом гуманизма и свободолюбия, равноправия и взаимного уважения, были совершенно чужды всякие мысли о подчинении одного народа другому вообще и тем более о таких отношениях между братскими народами.

Стремясь защищать Коллара от обвинений в панславизме, многие чешские и словацкие буржуазные историки и литературоведы ударялись в другую крайность, объявляя его идею славянской взаимности чисто литературной, аполитичной².

Это, конечно, также неверно. Идея славянской взаимности являлась специфической формой национальной идеологии рождающейся и еще не успевшей окрепнуть словацкой буржуазии и носила потому политический характер. Некоторые заявления об аполитичности этой идеи, сделанные Яном Колларом, необходимо поставить в связь с общим характером словацкого национального движения того периода и ограниченностью и непоследовательностью самого Коллара, обусловленных в конечном счете степенью социально-экономического и политического развития страны.

Наряду с Яном Колларом виднейшим деятелем словацкого и чешского национального движения этого периода являлся крупный ученый филолог и этнограф, словак по происхождению, Павел Йозеф Шафарик (1795—1861 гг.).

¹ J. Kollár. Kázňe, I, str. 499.

² Такое мнение высказал и Д. Папант (см. его Slovenské povstanie roku 1848—1849. Diel I, 1, str. 95).

Все, что было сказано о славном прошлом и величии славян у Добровского, о чем впервые в поэтической форме заговорил Коллар, — все это нашло свое серьезное научное объяснение в трудах Шафарика. В 1826 г. им была издана «История славянских языков и литератур» («Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», Budin, 1826). В этой работе он показал родство славянских языков и богатство славянских литератур. Интересным является факт, что подобно Добровскому он считал словаков народом, принадлежащим, наряду с чехами и поляками, к группе западных славян¹. Во втором своем знаменитом труде — «Славянских древностях» («Slovanské starozitnosti», Praha, 1837) — Шафарик доказал древнее расселение славян в Европе и участие славян, обладающих древней самостоятельной культурой, в создании европейской цивилизации. Великий русский писатель Н. В. Гоголь глубоко заинтересовался этим трудом и дал ему высокую оценку: «Я их («Славянские древности». — В. М.) читаю и дивлюсь ясности взгляда и глубокой дельности. Кое-где я встречал мои собственные мысли, которые хранил в себе и хвастался втайне, как открытиями, и которые, натурально, теперь не мои, потому что уже не только образовались, но даже напечатались прежде моего»².

«Третий крупный труд Шафарика — «Славянская этнография» («Slovanský narodopis», Praha, 1842) — посвящен исследованию современного славянства, расселению и культуре славянских народов.

Все названные работы основаны на огромном фактическом материале и являются научными открытиями, многие положения не потеряли свое значение по сегодняшний день. Они получили общее признание.

По своим социально-политическим взглядам Шафарик был очень близок Коллару. В ранний период своей деятельности он шел даже дальше Коллара, особенно в своих симпатиях к польским шляхетским повстанцам и в отрицательном отношении к русскому самодержавию.

В более поздний период своей деятельности он, так же как и Коллар, сблизился с консервативными кругами чешского общества и перешел на позиции чешского дворянства и чешской либеральной буржуазии.

* * *

Идеи Коллара и Шафарика оказали громадное влияние прежде всего на словацкую мелкобуржуазную, в первую очередь протестантскую, молодежь — студентов теологического и юридического факультетов в Братиславском лицее, занимавшем в то время особенно важное положение в пробуждающейся национальной жизни словацких студентов, так как при нем существовала (с 1803 г.) специальная «кафедра чехословацкого языка и литературы», возглавлявшаяся профессором Юрием Палковичем. Это и сделало в 30-х годах Братиславу центром словацкой национальной и культурной жизни.

В 1828 г.³ группа словацких студентов основала при кафедре чехословацкого языка и литературы Братиславского лицея студенческое общество с библиотекой, целью которого было коллективное чтение и обсуждение новых произведений словацких и других славянских авторов и упражнение в чехославянском языке. Учредителями общества и самыми активными его

¹ Однако позже в «Славянской этнографии» Шафарик признал словаков лишь частью «чехословацкого» народа. В этом сказался его переход в 40-х годах на позицию чешского дворянства и либеральной буржуазии.

² Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Письма. М., т. XI, 1952, стр. 222.

³ Эту дату приводит Я. Вачек (см. его Dejiny literatúry slovenskej. T. Sv. Martin, 1923, str. 92). Другие авторы считают годом возникновения общества 1827 г. См. M. Pišút. Počiatky básnickej školy štúrovej. Bratislava, 1938, str. 39.

членами были: Даниэл Лихард, Самуэл Бабылон, Само Халупка, Карол Штур (старший брат Людевита Штура) и другие.

Общество имело председателя (первым председателем был проф. Палкович), вице-председателя, секретаря и библиотекаря. Члены общества не только сами занимались изучением славянских языков и истории славянских народов, но стремились к основанию при других училищах подобных обществ. Такие общества и были основаны при лицее в Ливоче, Кежмарке, Прешове, в Банска Штявнице и других городах. Братиславское общество вело с ними оживленную переписку.

В начале 30-х годов активное участие в работе общества начинает принимать молодой Людевит Штур, который скоро становится душой всего общества: в 1834/35 учебном году он занимает пост секретаря, а в 1835/36 учебном году его выбирают вице-председателем¹.

Людевит Штур родился 28 октября 1815 г. в местечке Зай-Угровец в Тренческом комитате, в семье учителя. В 1827 г. он поступил в гимназию в Рабе. Осенью 1829 г. Штур приехал в Братиславский лицей, в котором уже учился его старший брат Карол.

Под руководством Штура общество развернуло еще более активную деятельность. Количество членов возросло с 30 до 120 человек. На заседаниях общества велись регулярные беседы о славянских литературах и славянской истории. Сам Штур часто выступал с докладами о чехославянском языке и литературе, анализировал «Дочь Славии» Коллара, поэмы Голлого, знакомил членов общества с произведениями Пушкина, Мицкевича, популяризировал среди членов общества словацкие народные песни, большим любителем которых он был.

Штуром и его сторонниками в обществе пропагандировалась идея славянской взаимности Коллара. В библиотеку общества поступала наряду со словацкими и чешскими книгами и журналами также литература других славянских народов — русская, польская и особенно сербская и хорватская. Вообще с южными славянами общество имело уже в это время самые тесные связи. В Братиславе находилось много сербских и хорватских студентов, которые принимали активное участие в работе общества. В 1838 г. Штур в одном из писем в Прагу с радостью отмечал, что его лекции слушают 46 словаков и свыше 20 сербов². Члены общества внимательно следили за новинками славянских литератур и изучали общественную и культурную жизнь братских народов.

Штур переводил словацкие песни на сербский язык и посылал их для опубликования в журнале «Danica ilirska»³. Очень большое влияние на деятельность общества и на творчество его отдельных членов оказала русская прогрессивная литература, которая в довольно большом количестве поступала в библиотеку общества⁴. Большой популярностью пользовались произведения Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Карамзина, с чтением которых часто выступал Штур и другие члены общества⁵. Особенно тепло словацкая студенческая молодежь воспринимала поэзию великого русского поэта А. С. Пушкина, стихи которого многие из членов общества знали наизусть⁶. Его стихи уже в 30-х годах переводили К. Кузмань, А. Слад-

¹ См. выдержки из протоколов собраний общества, приведенные в работе М. Pišút. Op. cit.

² Письмо Штура Шторху в Прагу от 14. IV 1838 г. Архив Национального музея в Праге, 357.

³ См. „Danica ilirska“, 1837, № 22.

⁴ Много книг общество получило от Русской Академии наук. См. письмо РАН в бумагах общества в архиве Словацкого национального музея в Мартине.

⁵ J. M. Hurban. Ľudovít Štúr. Kniha prvá. T. Sv. Martin, 1928, str. 86.

⁶ J. Jireček. Rusko a my. Praha, 1928, str. 82.

кович и др. На смерть поэта Штур и Сладкович написали стихотворения, проникнутые любовью и печалью¹.

Андрей Сладкович находился под прямым влиянием Пушкина, которое благотворно отразилось на его поэмах «Марина» и «Детвай», принадлежащих к лучшим произведениям словацкой классической литературы.

С русскими учеными-славистами словацкая студенческая молодежь поддерживала тесные связи. Многие из русских славистов посетили Словакию, знакомились с жизнью страны и работой студенческих обществ словацкой молодежи, которым давали высокую оценку.

Так, в 1838 г. посетил Братиславу О. М. Бодянский², который после своего отъезда обратился к членам общества с письмом, в котором обещал поддержку и призывал их «беречь, любить и холить свой родной язык, как условие всего доброго, изящного и благого для себя и своего народа...»³. Весной 1842 г. были в Словакии И. М. Срезневский⁴ и П. Прейс, летом 1845 г. — Н. Ригельман, председатель Киевского благотворительного славянского общества⁵, а в 1845 г. — М. П. Погодин.

Недавно было найдено словацкими литературоведами до тех пор неизвестное стихотворение Янко Краля «Свадьба», посвященное декабристам. В нем поэт, представитель радикально-демократического течения в словацком национальном движении 40-х годов XIX в., солидаризируется с передовыми представителями русской и польской общественной жизни, дворянскими революционерами — Пестелем, Муравьевым, Лукасинским, этими, по словам поэта, «Героями нашего славянского мира»⁶.

Большой интерес представляет вопрос об отношении Штура и других членов братиславского студенческого общества к польскому национально-освободительному движению 30-х годов XIX в.

Выше уже отмечалась та популярность, которой пользовался в кружках словацкой студенческой молодежи великий польский поэт Адам Мицкевич. Достаточно перелистать протоколы заседаний братиславского и других обществ⁷, чтобы убедиться в этом: почти на каждом заседании читались стихи Мицкевича, обсуждались идеи его творчества. «Ода молодости» Мицкевича была самым любимым произведением членов общества. Сходство между организационной структурой словацких кружков и виленских обществ филоматов привело некоторых исследователей к выводу о том, что участникам словацких студенческих обществ была известна деятельность филоматов⁸.

Большое влияние на словацкую студенческую молодежь оказало польское шляхетское восстание 1830—1831 гг. Оно встретило не только самые горячие симпатии у большинства членов общества, но вызвало и стремление оказать активную помощь представителям братского народа. Так, например, член братиславского общества, известный поэт Само Халупка отправился в Польшу, принял участие в восстании, во время которого был ранен⁹.

¹ J. Jireček. Rusko a my, str. 82.

² Сообщение об этом см. в его донесении министру просвещения в „Журнале министерства народного просвещения“, ч. 23, 1839.

³ Письмо О. М. Бодянского из Пешта, от 13/25 II 1839 г. в Архиве Матице Словацкой (LAMS) бумаги братиславского общества.

⁴ См. „Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель 1839—1842 гг.“ СПб., 1895.

⁵ См. „Три поездки за границу“. М., 1871, стр. 186—236.

⁶ См. Kultúrny život, roč. VII, č. 17, 27. IV 1952 г., стр. 3.

⁷ Все бумаги братиславского общества находятся в архиве Словацкого национального музея в Мартине.

⁸ См. vt. Bobek. Hnutie štúrovcov a poľská literatúra v jeho knihe „Slovensko a slovanstvo“. Bratislava, 1936, str. 51, а также другие работы этого автора.

⁹ J. Golgбек. Czesi i slowacy wobec powstania listopadowego. Lwów—Warszawa, 1930, str. 65—66.

Руководимое Штуром общество переживало целую полосу полонофильства, длившуюся на протяжении 30-х годов XIX в. Штур не только всемерно пропагандировал польский язык и литературу, укреплял словацко-польские взаимные связи своими лекциями по истории польского языка и литературы, чтением стихотворений Мицкевича и других польских поэтов, переводами с польского языка, непосредственными связями с польскими деятелями, письмами в польские журналы и т. д., но и солидаризировался с идеями польских повстанцев. Так, например, в письме С. Годра от 24 февраля 1836 г., говоря о волнениях в Кракове¹, Штур писал: «В Кракове имели место волнения. Поляки вынуждены уехать в Америку, и это ради чего? Ради духа вольности. О боже! Лишь бы и мы не были вынуждены покинуть свою страну, ибо мы тоже сыновья этого духа»².

В братиславском обществе возникла секция, посылающая на собранные деньги своих членов в путешествия по славянским землям. Эти члены, возвращаясь, подробно рассказывали о жизни братских славянских народов. Так, например, были посланы П. Оплик в Хорватию и Словению, А. Г. Шкультеты — в Галицию и И. Гурбан — в Чехию и Моравию. Последний написал о своем путешествии книгу, которая была издана обществом³.

Свои литературные произведения члены общества печатали в чешском журнале «Květy», в словацких журналах «Hronka» (ред. Кузманы) и «Tatranska» (ред. Палкович). В 1836 г. лучшие произведения членов общества были опубликованы в особом сборнике под заглавием «Ploby zбогу úscencu večí československé prešperského».

Члены общества часто выступали со спектаклями, организовали хор, исполнявший славянские песни, предпринимали коллективные прогулки к местам, связанным с историческим прошлым славян.

Мадьярское дворянство подозрительно смотрело на деятельность словацких студенческих обществ. 5 апреля 1837 г. правительственный наместник особым указом запретил студенческие общества. Но словацкие студенты нашли выход из этого положения. Формально закрыв общество, они перенесли свою деятельность на кафедру чехословацкого языка и литературы. Собрания обществ проводились под видом «практических занятий чехославянского языка». Таким образом, несмотря на попытку венгерских властей приостановить деятельность словацких студенческих обществ, последние с еще большей энергией продолжали свою работу. Деятельность словацкой студенческой молодежи не ослабла и после того, как осенью 1838 г. Штур отправился в Германию, чтобы завершить свое образование в университете в Галле, и с новой силой развернулась после его возвращения в 1840 г.

30-е годы XIX в., т. е. годы, когда протекала рассматриваемая деятельность словацкой мелкобуржуазной студенческой молодежи, из среды которой вышли руководители словацкого национального движения 40-х годов XIX в., ознаменовались рядом важных революционных событий в Европе, таких, как буржуазная июльская революция 1830 г. во Франции, польское восстание 1830—1831 гг., первые рабочие восстания в Лионе (1831, 1834 гг.) и т. д. В самой Габсбургской монархии постоянно росло недовольство феодально-реакционным режимом Меттерниха, усиливалось револю-

¹ Речь идет об убийстве польскими патриотами русского агента Павловского, которое было использовано тремя державами как повод для оккупации Краковской республики.

² LAMS. Škultétyho pozostalost', bez sign.

³ J. M. Hurban. Cesta Slovákov ku bratrům slovanským na Moravě a v Čechách, 1830. Pešt, 1841.

ционное движение народных масс, все чаще вспыхивали крестьянские волнения и восстания. В 1831 г. началось крупное крестьянское восстание в самой Словакии. Все это, естественно, не могло не оказывать большое влияние на будущих деятелей словацкого национального движения 40-х годов. Однако об этом сохранились лишь отдельные упоминания разных источников, свидетельствующих о том, что почти все члены студенческих обществ воодушевлялись идеями вольности и свободы, симпатизировали французской революции и польскому восстанию¹. Часть студенческой молодежи одобряла крестьянское восстание 1831 г., в то время как другие осуждали революционную борьбу крестьян и жестокую, но справедливую расправу с помещиками и другими угнетателями. Есть упоминания о том, что в братиславском студенческом обществе было даже организовано тайное общество «Взаимность», которое имело связи с польскими повстанцами; его члены не только занимались литературной деятельностью, но и горячо обсуждали политические вопросы и считали наилучшей формой государственного управления — республиканскую².

На формирование их мировоззрения, хотя и сильно обусловленного религиозной ортодоксальностью, определенно имели известное влияние разные рационалистические течения, под влиянием которых, как известно, находился также их непосредственный учитель, профессор Палкович.

Однако в самом начале 40-х годов в развитии общественно-политических взглядов ведущих идеологов словацкого национального движения мы наблюдаем резкий поворот. Его сущность можно было бы очень коротко охарактеризовать как отказ от известного политического радикализма, на позициях которого до поры до времени они стояли, и поворот к либерализму и даже к консерватизму.

Корни этого явления надо искать, с одной стороны, в противоречивом характере общественного класса, поборниками интересов которого становятся с начала 40-х годов Штур, Гурбан, Годжа и другие, и, с другой стороны, — в идеалистической философии Гегеля, являвшейся, как известно, аристократической реакцией на французский материализм и французскую революцию XVIII в. С этой философией идеологи словацкого национального движения начали интенсивно знакомиться — в ее самой реакционной, правогегелианской интерпретации — и полностью подпали под ее влияние как раз на рубеже 30—40-х годов XIX в.

3. СЛОВАЦКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ 40-х годов XIX в. (ДО РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.)

Процесс формирования словацкой буржуазной нации получил особенно большой размах в 40-х годах XIX в. Процесс складывания людей в нацию не происходил одинаково во всех странах. В то время, как в Западной Европе образование наций совпало с превращением их в самостоятельные национальные государства, в Центральной и Восточной Европе еще до образования наций возникли многонациональные государства во главе с одной, более развитой нацией. Типичным примером такого государства являлась империя Габсбургов, в состав которой входила и Словакия. Содержание

¹ J. Dubnický. K problematike ideového odkazu štúrovcov „Filozofický zborník SAVU“, roč. V. Bratislava, 1951, str. 62.

² H. Tóurtzer. Louis Štúr et l'idée de l'indépendance slovaque (1815—1856). Paris, 1913, p. 70—71.

национального движения, конечно, не везде одинаково: оно определяется разнообразными требованиями, которые выдвигаются самим движением. В них отражаются разнообразные черты, характеризующие нацию вообще (язык, территория и пр.).

Свои специфические черты имело также и словацкое национальное движение 40-х годов XIX в.

Одной из этих специфических черт словацкого национального движения являлся отмеченный уже выше факт, что во главе его стояли мелкобуржуазные элементы и его идеологом была мелкобуржуазная интеллигенция, что вытекало из общего низкого уровня социально-экономического и политического развития Словакии того времени.

Очень важным обстоятельством, которое наложило свой отпечаток на все словацкое национальное движение 40-х годов XIX в., были своеобразные, необычно осложненные условия двойного национального гнета, в которых это движение зародилось и развивалось. Немецкая буржуазия вместе с австрийской бюрократией при поддержке императорского дома Габсбургов одинаково угнетала и притесняла все национальности: чехов, венгров, словаков, хорватов и других. Но Словакия, вместе с некоторыми другими национальностями, входила в состав империи не непосредственно, а в составе Венгерского королевства, в котором командующей нацией стали мадьяры. Словаки, наряду с хорватами, румынами и другими не мадьярскими народами, оттесненные на позиции подчиненных наций, оказались под двойным национальным гнетом.

Наконец, третью характерную черту словацкого национального движения в целом и движения 40-х годов в особенности составляет его языковой характер.

Значение вопроса о словацком языке особенно возросло в результате усиления с середины 30-х годов XIX в. шовинистической политики мадьярского дворянства. Борьба за словацкий язык стала осью всей политической жизни, доминирующей чертой словацкого национального движения 40-х годов XIX в.

а) Социально-экономическая программа словацкого национального движения

Содержанием словацкого национального движения 40-х годов XIX в. являлась борьба за буржуазное преобразование страны. В этой борьбе и мадьярское обуржуазившееся дворянство, и нарождавшаяся словацкая буржуазия имели общего врага: габсбургский абсолютизм, явившийся основным препятствием на пути буржуазно-демократических преобразований. Однако в результате специфических условий двойного национального гнета, в котором происходило социально-экономическое и политическое развитие Словакии, мадьярская и словацкая буржуазия не только не объединилась, но и столкнулась в ожесточенной национальной борьбе.

Социально-экономическая программа словацкого национального движения 40-х годов XIX в. состояла из отдельных требований зарождавшейся словацкой буржуазии, выдвинутых на страницах газет и журналов и прозвучавших в сеймовых выступлениях ее депутата, вождя движения Штура. Выполнение этих требований должно было стать началом «новой жизни» словацкого народа.

Что это была за «новая жизнь», о которой постоянно говорили и к которой стремились деятели словацкого буржуазного национального движения 40-х годов прошлого века?

Ответ на этот вопрос дает анализ статей Штура в основанной им в 1845 г. «Словацкой национальной газете»¹. В этих статьях, так же как и в работах других руководителей словацкого буржуазного национального движения, часто встречаются рассуждения о том, что словацкий народ, несмотря на свою талантливость и трудолюбие, находится в состоянии материального и культурного упадка. Чтобы устранить этот недостаток, необходимо было, по мнению руководителей движения, с одной стороны, ликвидировать феодально-крепостнические общественные отношения, препятствовавшие материальному и духовному развитию народа, и, с другой стороны — втянуть в национальную борьбу и борьбу за буржуазное преобразование страны широкие массы². Словаки должны прежде всего сами осознать себя нацией, потом их признают и другие³, говорили руководители словацкого национального движения.

В этих рассуждениях отразились взгляды словацких мелкобуржуазных интеллигентов, которые, являясь идеологами зародившейся словацкой буржуазии, боролись за буржуазное преобразование страны.

Руководители словацкого национального движения следили за социально-экономическим и политическим развитием передовых буржуазных западноевропейских стран и давали себе полный отчет в том, что и развитие их родины должно идти именно по этому пути. Однако они идеалистически понимали новые производственные отношения и не видели их антагонистических противоречий. Людевит Штур, идеализируя капиталистические отношения, в 1846 г. писал в «Словацкой национальной газете»: «Наша родина тоже уже втянута в орбиту современного европейского духа, целью которого является умножить и улучшить средства для облегчения и украшения жизни; стремление к этому возбуждено уже в нашей дорогой отчизне. То, о чем несколько лет назад даже не говорили, в возможности осуществления чего в нашей стране очень сомневались, — это теперь уже стало действительностью: пароходы бороздят уже несколько лет волны нашего королевского Дуная, железные дороги начинают скрещиваться и в нашей стране, строятся фабрики, законодательная власть беспрерывно думает об улучшении положения всех жителей страны, просвещение начинает проникать и в широкие массы народа и т. д. Назад нет дороги, необходимо идти вперед!»⁴ Штур здесь отмечает только положительные стороны капитализма, как более прогрессивного, по сравнению с феодализмом, общественного строя, и ничего не говорит о его эксплуататорской сущности и классовых противоречиях.

У руководителей словацкого буржуазного национального движения существовала программа социально-экономических преобразований страны на буржуазных, капиталистических началах. Борьбой за осуществление этой программы были особенно заполнены два последних дореволюционных года (1846—1847 гг.).

Очень важное место в этой программе занимает вопрос о развитии капиталистической промышленности. В «Словацкой национальной газете» мы часто находим статьи и корреспонденции, посвященные этому вопросу.

¹ Slovenskje národné Noviny (в дальнейшем сокращенно — SNN). Об их основании речь будет идти более подробно ниже.

² См. следующие статьи Л. Штура: Neopúšť'ajme sa! SNN, 1846, č. 54—58; Život domáci a pospolitý, SNN, 1845, str. 23—26; Pospolitosť a jednotlivosť, SNN, 1845, č. 27—31; Spoločuváňe sa SNN, 1846, str. 125—127; Slovo ku krajanom slovenským, SNN, 1846, str. 45—46.

³ M. M. Hodža. Dobrovo slovo Slovákom súcim na slovo. Levoča, 1847, str. 36.

⁴ В статье „Dôležitost' velenja rozličného stavu pre nás“. SNN, 1846, str. 94—96. Цит. по сборнику: L. Štúr. Slovo na čase, II, str. 34.

Так, например, студент Венского политехнического института словак Ян Чипка побуждал своих земляков заняться самым серьезным образом капиталистической индустриализацией страны. По его мнению, Словакию на этот путь толкают сами природные условия и, прежде всего, наличие богатых залежей руды. Кроме того, Чипка, как и другие идеологи рождавшейся словацкой буржуазии, был полон иллюзиями, что развитие крупной капиталистической промышленности будет способствовать улучшению материального положения словацкого народа. В то же время он правильно полагал, что такое развитие устранил необходимость массовой эмиграции словацких безземельных крестьян-батраков за границу¹.

Руководители словацкого буржуазного движения боролись за развитие капиталистической промышленности и выступали против всего, что препятствовало этому развитию.

Чтобы устранить большой недостаток в кадрах квалифицированных рабочих и техников, они требовали основания технического учебного заведения, которое бы готовило необходимые квалифицированные кадры для развивающейся промышленности².

Развитию капиталистического предпринимательства препятствовал недостаток кредита. Устранить это препятствие было насущной потребностью и требованием словацкой буржуазии. Штур в специальной статье, посвященной этому вопросу³, указывал на необходимость издания вексельного закона, в котором он видел один из путей устранения недостатка кредита⁴.

Много внимания словацкая буржуазия и ее идеологи уделяли вопросу о таможенных пошлинах. Габсбурги создали целую систему таможенных пошлин (Isolierung System), направленную на поощрение развития промышленности в собственно австрийских землях и препятствовавших промышленному развитию Венгрии, которая должна была стать сельскохозяйственным придатком империи, поставщиком сырья и рынком сбыта для австрийской промышленности. Эта политика австрийских правителей чрезвычайно пагубно отразилась на экономическом развитии Венгрии. Поэтому отмена высоких таможенных пошлин на изделия венгерской промышленности являлась одним из основных пунктов требований обуржуазившегося венгерского дворянства и буржуазии. Зарождавшаяся словацкая буржуазия и ее идеологи в вопросе об отмене таможенных пошлин стоял на тех же позициях, как и мадьярское обуржуазившееся дворянство. Это еще раз подтверждает общность основных пунктов социально-экономической программы зарождавшейся словацкой буржуазии и мадьярского дворянства. Штур вопросу о таможенных пошлинах посвятил специальную статью⁵, в которой знакомил читателей с принципом таможенных пошлин и таможенной политики вообще и австрийской в частности и приводил ряд интересных данных о том, какое пагубное воздействие австрийская таможенная политика оказывала на развитие венгерской экономики.

Требую отмены высоких ограничительных таможенных пошлин, Штур связывал этот вопрос с вопросом об отмене налоговой привилегии венгерского дворянства, так как тяжесть всех налогов ложилась исключительно на крепостное крестьянство и городскую и сельскую буржуазию, что препятствовало экономическому развитию страны. Решительный протест венгерского дворянства против попыток распространить на него налоговую

¹ См. статью: „Ohlas k rodákovi z Viedne“. SNN, 1945, str. 32.

² См. статью: „Priemyselná škola“. SNN, str. 189—191.

³ „Zmenkové zákony“. SNN, 1847, str. 189—191.

⁴ L. Štúr. Slovo na čas, II, str. 220.

⁵ „Hraňičnje míta“. SNN, 1847, str. 173—176.

повинность Габсбурги использовали как предлог для оправдания своей ограничительной таможенной политики. Требуя поэтому отмены налоговой привилегии дворянства, Штур выражал уверенность, что австрийское правительство изменит коренным образом свою таможенную политику. Это было, конечно, чистейшей иллюзией.

Борясь против привилегированного положения дворянства, зарождавшаяся словацкая буржуазия стремилась стать ведущей силой в словацком обществе.

Стремление к экономическому и политическому преобладанию отчетливо проявилось в борьбе словацкой буржуазии и ее идеологов за расширение политических прав городов и еще сильнее в их борьбе против сословности.

Уже в своих «Предложениях по улучшению положения нашей страны»¹ Штур наряду с другими вопросами обращал внимание также на вопрос о расширении политических прав городов. Положение, по которому все города пользуются на сейме правом одного голоса, по его мнению, позорно и в корне противоречит самой жизни. Он считал, что оно является результатом дворянской анархии и ее безраздельного политического господства. Бесправное политическое положение городов привело, по его мнению, к их экономическому упадку². Позже, когда Штур стал депутатом венгерского сейма от города Эволен, он энергичнее выступал за предоставление городам более широких политических прав³.

Политическое господство венгерского дворянства нашло свое яркое выражение в исключительном праве дворян занимать посты в комитатской и государственной администрации и заседать в сейме. Отменить эту привилегию было важнейшим условием роста политических прав зарождавшейся словацкой буржуазии. Поэтому и вполне понятна та энергия, с какой она боролась за ликвидацию принципа сословности. Штур в специальной статье, посвященной вопросу о необходимости отмены сословности и допущения не дворян на все посты в администрации и в сейм⁴, резко осуждал существующее положение. «Само социальное происхождение, — писал он, — не дает никаких способностей и не предопределяет ни к чему»⁵. И дальше с характерных для поднимающейся буржуазии позиций доказывал, что решающим фактором при выдвижении на пост в политической и административной службе должны быть личные способности кандидата и его старание⁶.

Однако самое главное препятствие на пути капиталистического преобразования страны, к которому стремились зарождавшаяся буржуазия и ее идеологи, заключалось в господстве феодальной собственности на землю. Ликвидация феодальной собственности на землю являлась важнейшим условием устранения всех других препятствий на пути буржуазного преобразования страны. С начала 1846 г. руководители словацкого национального движения все больше внимания уделяют вопросу об отмене крепостной зависимости, указывают на феодальную зависимость крестьян как на основное препятствие в развитии страны⁷.

¹ „Náradi ku zlepšeni stavu našej krajini“, SNN, 1847, č. 162—170.

² Ľ. Štúr. Slovo na čase, II, str. 174 и сл.

³ См. его выступления в сейме от 17 ноября 1847 г. (SNN, 1847, с. 238) и 13 марта 1848 г. (SNN 1848, str. 270). См. также сборник политических статей и сеймовых выступлений: Ľ. Štúr. Kde leží naša bieda? T. Sv. Martin, 1948, str. 141—142.

⁴ „Nezemaňja v úradoch krajinských“. SNN, 1846, str. 129—132.

⁵ Ľ. Štúr. Slovo na čase, II, str. 144.

⁶ Там же, стр. 144—145.

⁷ Ľ. Štúr. Slovo na čase. SNN, 1846, str. 99—100; Kde leží naša bieda? SNN, 1847, str. 201—202.

Наряду со Штуром за отмену феодальной зависимости крестьян высказывались и другие руководители словацкого буржуазного национального движения и идеологи зарождавшейся словацкой буржуазии. Так, словацкий экономист того времени Петер Кельнер-Гостински опубликовал в «Словацкой национальной газете» серию статей под названием «Взгляд на наше народное хозяйство»¹, в которых доказывал необходимость ликвидации крепостного права в интересах дальнейшего экономического развития страны. Разделяя взгляды физиократов, учение которых, по словам Маркса, являлось «выражением нового капиталистического общества, пробивающего себе дорогу в рамках феодализма»², он следующим образом аргументировал свое требование: «При крепостной системе стоимость земли не растет, ее плодородие не увеличивается, человеческий труд ее не усовершенствует, ее доход не возрастает и, таким образом, источники развития народного хозяйства и богатства уничтожаются»³. По мнению Гостинского, для того, чтобы могла развиваться промышленность, должна прежде всего земля стать свободной; это — истина, подтвержденная сегодня уже многими примерами⁴.

В известных «Предложениях по улучшению положения нашей страны» Людевита Штура вопрос о феодальной зависимости крестьян стоит на первом месте, требование ее отмены является содержанием первого пункта «Предложений»⁵.

Этому вопросу Штур посвятил также специальное выступление в венгерском сейме от 21 декабря 1847 г.⁶ Штур доказывал, что крепостная зависимость противоречит всему современному развитию и требовал ее отмены.

«На мой взгляд, — говорит он, — мы стоим на рубеже двух веков, а именно одного уходящего, в котором права предоставлялись только отдельным лицам и сословиям, и второго восходящего, в котором эти права будут разрешены и предоставлены каждому заслуженному человеку. Итак, будем же настаивать на том, чтобы мы не остались позади того, что уже в других странах осуществляется и что является требованием нашего столетия»⁷.

В венгерском сейме, где тон задавало обуржуазившееся дворянство, которое еще в это время не было склонно даже к компромиссному решению крестьянского вопроса, требование Штура прозвучало довольно смело и прогрессивно⁸. На самом же деле Штур выдвигал требование отмены крепостной зависимости за выкуп⁹, что являлось компромиссным, классово-ограниченным буржуазным требованием, которое не могло разрешить аграрного вопроса и удовлетворить требований крестьянских масс. Это ярче всего сказалось уже несколько месяцев спустя, в революционных событиях 1848 г., когда словацкие, мадьярские и другие крестьяне, возглавляемые лучшими представителями радикально-демократического лагеря, захватывали

¹ Pohľadí na naše národňje hospodárstvo. SNN, 1846, str. 50—53.

² К. Маркс. Теория прибавочной стоимости, т. I, М., 1936, стр. 34.

³ SNN, 1846, с. 61, стр. 242.

⁴ SNN, 1846, с. 60, стр. 238.

⁵ См. „Náradi ku zlepšeni stavu našej krajini“. SNN, 1847. č. 162—170, а также сборник „Slovo na čase“, II, стр. 154—184.

⁶ Sňemová reč Ludevíta Štúra, vislanca mesta Zvolena, v záležitosti urbárskeho odkúpeňa. SNN, 1848, str. 252—254.

⁷ Цит. по сборн. „Kde leží naša bieda?“, стр. 151.

⁸ Поэтому не без основания представитель венгерской марксистской историографии Э. Арато причисляет Штура „к самым прогрессивным участникам сейма“. См. E. Arató. Sociálne motívy slovenského národného hnutia v r. 1845—1848. Martin, 1952, str. 65 (перевод с венгерского).

⁹ О способах выкупа писал уже до этого П. Гостински, который также привел ряд примеров, как такой выкуп должен выглядеть. См. его „Spuosobi urbárskeho odkúpeňa“. SNN, 1846, č. 78—83. „Prikladi urbárskeho odkúpeňa“. SNN, 1846, str. 71—72.

вали и делили между собой помещичьи земли, луга и леса, по-своему, по-крестьянски, революционным путем решали аграрный вопрос.

Борьба за отмену крепостной зависимости и особенно речь на сейме снискали Штуру симпатии самых прогрессивных кругов мадьярского дворянства, боровшегося за буржуазное преобразование страны¹. Э. Арато приводит как пример некоторого сближения представителей словацкой мелкобуржуазной интеллигенции и прогрессивного мадьярского буржуазнившегося дворянства известное место из «Мемуаров» чешского радикального демократа И. В. Фрича, где автор пишет о том, что после выступления Штура, речь которого вызвала возмущение среди венгерского дворянства, к Штуру подошел Кошут. «Напротив, — сказал Кошут Штуру, — помогайте мне в моем стремлении сломить сопротивление эгоистичного магнатства, и вы убедитесь, что у меня одинаково отзывчивое сердце для страданий своего и вашего народа, которому мы можем помочь только идя рука об руку»². Фрич упоминает также о том, что Штур несколько раз обращал его внимание «на многие отличные качества мадьярских патриотов и особенно на демократическое направление многолетней агитации Кошута»³. Э. Арато правильно усматривает в этом подтверждение возможности сотрудничества и общих действий зарождавшейся словацкой буржуазии и мадьярского дворянства. Эта возможность вытекала из общей буржуазно-демократической программы. Имеются данные о том, что в некоторых словацких городах были даже созданы словацко-мадьярские общества — клубы, способствовавшие сближению словацкой и мадьярской интеллигенции⁴.

Однако противоречие между буржуазией угнетаемой нации — словацкой и буржуазией угнетающей нации — венгерской оказалось сильнее.

б) Национальная борьба в Словакии в 40-х годах XIX в.

40-е годы XIX в. ознаменовались новым усилением мадьяризации. На сейме 1839—1840 гг. был принят закон о мадьярском языке, который распространялся на все Венгерское королевство. По этому закону в законодательстве, судопроизводстве и администрации должен был употребляться исключительно мадьярский язык. На нем же должны были вести свою переписку духовные лица со светскими; церковные метрики на мадьярском языке должны были быть введены в течение трех лет и там, где проповедь ведется на других языках; в священники всех вероисповеданий могли назначаться только лица, знающие мадьярский язык; он был введен в употребление во всех военных и финансовых ведомствах в пределах Венгерского королевства⁵. Следующий очередной сейм 1842—1843 гг. ввел обучение исключительно на венгерском языке во всех средних и высших учебных заведениях; наконец, сейм 1847—1848 гг. распространил этот закон и на начальные школы⁶.

С начала 40-х годов усилилась мадьяризация в протестантской церкви, проводившаяся под руководством графа Карола Зая, избранного (9 сен-

¹ Мадьярские либералы говорили о Штуре: „Okos ember csakhogy tót“ („умный человек — но словак“). Janko Štúr. *Rezpomienky na Ľudevita Štúra*. Sborník Matice slovenskej. T. X, str. 42.

² J. V. Frič. *Paměti*. Praha, 1891, díl II, str. 376.

³ Там же, стр. 377. См. также E. Arató. *Op. cit.*, str. 66.

⁴ SNN, 1845, č. 32, str. 127; 1847, č. 235, str. 938.

⁵ См. О. Пич. *Очерк политической и литературной истории словаков за последние сто лет*. „Славянский сборник“, т. I, СПб., 1875, стр. 163.

⁶ Там же.

тября 1840 г.) на пост генерального инспектора (т. е. главы) лютеранской церкви Венгрии. Зай был сторонником шовинистических национальных стремлений венгерского среднего дворянства. Поэтому главной задачей своей деятельности он считал превращение лютеранской церкви в орудие «мадьяризации отечества».

Вскоре после вступления на пост генерального инспектора Зай начал разрабатывать ряд мероприятий для осуществления политики мадьяризации. Одним из таких мероприятий должна была стать церковная уния между лютеранской и кальвинистской церквями Венгрии. Зай считал унию важнейшим средством упрочения мадьярской национальности. «Три миллиона искренних протестантских мадьяр, — заявлял он, — обеспечив себя от влияния чуждых элементов, были бы крепкой опорой национальности и величия отечества»¹.

Словацкие протестанты, для которых особенно неприемлемым было требование Зая отречься в интересах унии от употребления при богослужении чешского языка и заменить его мадьярским, заняли резко отрицательное отношение к унии.

Первый удар мадьярских дворян-националистов был направлен против словацких студенческих обществ. Венгерская либеральная газета «Társalkodó» («Собеседник») опубликовала анонимную статью, автор которой нападал на словацкие студенческие общества, обвиняя их членов в антигосударственной деятельности. Опираясь на эту статью, граф Зай, как генеральный инспектор протестантской церкви и школ, подверг деятельность чехословацкого братиславского общества и его руководителя Людевита Штура, возвратившегося в 1840 г. из Германии и снова занявшего свое место на кафедре чехословацкого языка и литературы, судебному преследованию. Расследование дела кончилось безрезультатно, и Штур был оставлен на своем месте.

Зай выступил и против словацкого студенческого общества в Левсче. В 1840 г. члены этого общества издали сборник своих лучших произведений под заглавием «Jitrenka» («Денница»). Через некоторое время венгерская либеральная газета «Társalkodó» поместила статью «Чешско-славянские герои панславизма в Левсче»², автор которой, преподаватель протестантской низшей гимназии в Рожняве К. Крамарчик, грубо напал на членов общества и редактора сборника профессора Главачека. Эта статья вызвала оживленную газетную полемику, в ходе которой выступил и Зай, опубликовавший открытое письмо, в котором обвинял левочских профессоров со студентами в антигосударственной деятельности и государственной измене. На это клеветническое письмо Зая откликнулись не только сами левочские профессора, но в их защиту выступили и другие деятели словацкого национального движения, представители словацкой интеллигенции.

В газетной полемике активное участие принимал и Людевит Штур, опубликовавший в разных венгерских и немецких газетах ряд статей против политики мадьяризации, в защиту национальных прав словаков. Он написал также специальную брошюру, в которой излагал все факты притеснения со стороны венгерских властей и пламенно защищал священное право словацкого народа, как и других не мадьярских народов Венгрии, на свой язык и национальную культуру. Однако все его попытки опубликовать эту работу в Венгрии остались безрезультатными³. Брошюра вышла лишь в 1843 г. в Лейпциге под названием «Die Beshwerden und Klagen der Slaven

¹ О. Пич. Указ. соч., стр. 181.

² «Társalkodó», № 6, 1841. Статью полностью приводит Д. Рапант. См. D. Rapant. Slovenský prestolný prosbopis z roku 1842, diel II. Dokumenty, str. 115—122.

³ Ст. J. М. Hurban. Ľ. Stúr, diel II, str. 86—87.

in Ungarn über die gesetzwiridgen Uebergriffe der Madyaren. Vorgetragen von einem ungarischen Slaven».

В этой брошюре Штур приводит яркие случаи насильственной мадьяризации словаков и подвергает резкому осуждению шовинистическую политику венгерского дворянства. «Мы радуемся духовному пробуждению мадьярского народа, — пишет Штур, — ... и желаем ему счастья в этом деле»¹. Признавая целесообразность и полезность знания мадьярского языка для образованных слоев словацкого народа, он со всей решительностью отвергал ее насильственное внедрение в духовную жизнь словацкого народа. Словаки никогда не откажутся от своего родного языка и полны уверенности, что их народ не погибнет, не может погибнуть, что, наоборот, после долгих жестоких времен он расцветет и станет благороднее, чем когда-либо раньше, перед лицом человечества и лицом своей страны. Мадьярский народ, пишет Штур, должен полностью и навсегда отречься от мадьяризации². Только после этого может наступить между народами Венгрии взаимное доверие, покой и мир.

В сентябре 1841 г. собрался созванный Заем генеральный конвент (съезд) лютеранской церкви Венгрии. В отличие от всех предшествующих церковных съездов, конвент 1841 г. носил политический характер, который нашел яркое выражение в выступлениях представителей мадьярской либеральной национальной партии. Выступая на съезде, они требовали проведения более решительной политики мадьяризации в школах и церкви и запрещения славянских студенческих обществ. В защиту словаков выступило несколько словацких протестантов, в числе их и подчиненный Заю, как главе церкви, суперинтендент (епископ) Йозефи. Последний доказывал естественное право каждой национальности пользоваться своим родным языком и решительно выступал против национальных притеснений словаков со стороны мадьярских либералов. В заключение своего выступления Йозефи добавил, что если ложные обвинения против словаков не прекратятся, они будут вынуждены обратиться к императору с жалобой и просьбой о том, чтобы правительство расследовало дело и чтобы словакам было дано удовлетворение, если обвинения, касающиеся словацких патриотов, окажутся несостоятельными³. В этой угрозе отразились планы руководителей словацкого буржуазного национального движения, которые уже до съезда были заняты мыслью о петиции словацкой интеллигенции на имя императора, от которого, как они совершенно ошибочно думали, можно будет получить защиту от мадьярских националистов. В мысли о петиции нашла отражение классовая ограниченность руководителей словацкого буржуазного национального движения.

После съезда, который не внес изменений в существующее положение, руководители словацкого национального движения приступили к реализации своего плана. Однако с самого же начала подготовки петиции выявились разногласия между представителями консервативной части словацкой интеллигенции, главой которых был Ян Коллар, и либеральной, возглавляемой Штуром. Коллар предлагал обратиться прямо к императору с петицией, содержащей протест против насильственной мадьяризации и ряд пунктов по вопросу о гарантии свободы словацкого языка, которые бы обеспечили равноправие словацкого и мадьярского народов в Венгрии⁴.

¹ L. Štúr. Žaloby a ponosy Slovákov, str. 16.

² Там же.

³ См. О. Пич. Указ. соч., стр. 186.

⁴ Проект петиции Коллара опубликовал И. М. Гурбан в биографии Штура. См. J. M. Hurban. L. Štúr, diel II, str. 147—149.

В отличие от него, Штур считал более правильным и целесообразным обратиться с петицией к венгерскому сейму; его проект петиции отличался еще и тем, что, наряду с основным требованием отмены всех законов о мадьяризации, он опровергал также обвинения в антигосударственной деятельности. Штур полагал, что только в том случае, если сейм не удовлетворит этих требований словаков, они будут вынуждены искать защиту у императора. Далее он полагал, что если словаки не добьются своих прав даже у императора, они будут стремиться законным путем выделиться из состава Венгрии, образуют особый сейм и непосредственно включают Словакию, по примеру Хорватии и Славонии, в состав габсбургской империи¹.

В процессе подготовки петиции победил план Коллара, отражавший мысли и интересы консервативной части словацкой буржуазной и дворянской интеллигенции.

1 июня 1842 г. в Вену прибыла делегация словацкой интеллигенции во главе с суперинтендентом Иозефи². 4 июня делегацию принял статс-канцлер Меттерних, а на следующий день — эрцгерцог Людвиг, которому делегаты вручили петицию на имя императора. Эта петиция состояла из двух частей. В первой из них описывались все притеснения со стороны мадьярского либерального дворянства, приводились примеры насильственной мадьяризации. Вторая часть состояла из шести пунктов, в которых излагались требования словацкой мелкобуржуазной интеллигенции. В первом пункте авторы петиции просили императора взять словаков под свою защиту и выразить несогласие и недовольство политикой национальных притеснений со стороны мадьяр. Следующий пункт содержал просьбу о назначении в Будин и Братиславу особых цензоров для словацких книг, о предоставлении возможности печатать книги на словацком языке, а также просьбу о разрешении печатать все полемические сочинения в защиту словацкого языка. В третьем пункте авторы петиции просили, чтобы были утверждены существующие кафедры словацкого языка и литературы, а в тех высших учебных заведениях, где таковых еще нет, были учреждены. 4-й пункт содержал просьбу об учреждении в Пештском университете кафедры словацкого языка и литературы, так как значение этого языка необходимо и для врачей, и для адвокатов, и для священников, и для чиновников, имеющих в своей работе дело со словацким населением Венгрии. Просьба об оставлении латинского языка в церковных делах и для ведения матрикул и протоколов являлась содержанием пятого пункта. Последний, 6-й пункт петиции содержал просьбу о том, чтобы император препятствовал насильственной мадьяризации словацких школ и церкви, чтобы школьное обучение, богослужение и проповедь велись на родном языке, чтобы в Словакию не посылали мадьярских учителей и священников и чтобы словацкий народ не принуждали слушать мадьярскую проповедь.

Петицию подписало около двухсот словацких священников, учителей и чиновников³.

Основные требования петиции, таким образом, сводились к вопросу о гарантии свободного развития словацкого языка и национальной культуры. Это придавало всей петиции классово-ограниченный характер. Сам же факт направления петиции к злейшему врагу всех народов Австрии,

¹ Проект этой петиции приводит Гурбан в биографии Штура. См. J. M. Hurban. *Ľ. Štúr, diel II, str. 134—145.*

² В ее состав входили: Ян Халупка, Самуэл Ференрик и Михал Годжа. См. J. M. Hurban. *Ľ. Štúr, diel II, str. 164.*

³ Полный текст петиции в немецком оригинале приводит Рапант. См. *его Slovenský prestolný prosbopis... str. 337—347.*

к габсбургскому правителю, вера в возможность таким путем разрешить словако-мадьярские национальные противоречия и обеспечить словацкому народу свободное национальное развитие были совершенно ошибочными и реакционными.

Представитель крайней абсолютистской реакции Меттерних, этот «паук-крестовик Священного союза»¹, опутывавший своей паутиной все свободолюбивые народы Европы, с удовлетворением наблюдал рост словако-мадьярских противоречий, которые отнюдь не намеревался сглаживать. Поэтому теплый прием словацкой делегации, осуждение мадьяризаторской политики, притворное согласие со справедливыми требованиями словацкой интеллигенции и лживые обещания восстановить справедливость² были не чем иным, как тактической игрой старого архиреакционера. Все это полностью соответствовало характеру политики Меттерниха, одним из основных принципов правления которого, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, было «держатъ каждый из подвластных Австрии народов в покорности с помощью всех остальных народов, находившихся в том же положении»³.

Словацкие посланцы, обнадуженные обещаниями, уехали домой. Однако через некоторое время им пришлось убедиться в лживости обещания Меттерниха и в безрезультатности своей поездки. Австрийское правительство словацкую петицию «передало на рассмотрение» венгерскому наместничеству, которое, естественно, сочло все жалобы и требования несостоятельными, а сам факт подачи петиции мадьярские националисты расценили как новый акт «государственной измены». Начались новые преследования словацкого национального движения и его руководителей.

Конвент словацкого дистрикта и генеральный конвент 1842 г. стали ареной острой национальной борьбы. По решению мадьярского большинства, была создана специальная комиссия по расследованию «антигосударственной деятельности» протестантских пасторов — главных руководителей словацкого движения. Суперинтендент Йозефи и другие члены делегаций в Вену подверглись преследованию.

Мадьярская либеральная националистическая партия использовала графа Зая для расправы с братиславским студенческим обществом — центром словацкой национальной жизни. Против Штура, главы общества, в 1843 г. было начато новое следствие, и Зая прямо предложил сенату лицезя отстранить его от должности профессора кафедры чехословацкого языка и литературы, что и было выполнено. Студенты использовали все средства, чтобы Штур был вновь возвращен на свою должность, но все было безуспешно. Тогда они в знак протеста покинули Братиславу и переселились в марте 1844 г. в Левочу (восточная Словакия), где в лицее создали новое общество. Но вскоре и это общество было запрещено.

Из ряда мероприятий, предпринятых руководителями словацкого национального движения, особенно важное значение имело принятие и распространение словацкого языка в качестве общенационального литературного языка.

Решение оставить употреблявшийся до того времени чешский язык и ввести созданный Штуром словацкий литературный язык было принято в 1843 г. Новый язык вступил в жизнь в следующем, 1844 г., когда И. М. Гурбан издал второй том альманаха «Нитра» на этом языке. Еще быстрее и шире словацкий язык стал распространяться с изданием в середине 1845 г. первой политической словацкой газеты («Словацкая национальная газета» Штура) и вскоре превратился в общенациональный язык.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 301.

² D. Rapant. Slovenský prestolný prosbopis..., str. 122.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 38.

Принятие словацкого языка в качестве литературного являлось естественным результатом процесса складывания словацкой буржуазной нации и представляло собой крупный успех в развитии этого процесса, который к тому времени продвинулся уже значительно вперед. Много изменилось к этому времени и в словацкой национальной идеологии. Идеологи зарождавшейся словацкой буржуазии все больше отходят от концепции Коллара о «чехословацкой нации» и включают в комплекс славянских народов словацкий народ, как самостоятельный, равноправный славянский народ. Словацкому языку, как признаку нации¹, они придавали при этом первостепенное значение. «Если бы существование словацкого языка не оправдало себя, падает все мое понятие Славянства»², — писал Штур своему сподвижнику М. М. Годже.

Стремление воздействовать на широкие массы словацкого народа с помощью нового литературного языка и изданием на нем газеты и журналов, популярной экономической и политической литературы, а также художественной литературы, стремление пробуждать в массах национальное самосознание, придавало этому начинанию словацких мелкобуржуазных интеллигентов прогрессивное значение. Этой цели подчинена и сама структура нового языка, за основу которого Штуром были взяты говоры центральной Словакии, сохранившие, благодаря природной замкнутости этой области, больше других свой подлинно национальный характер. Этой цели была подчинена также орфография, построенная по принципу последовательного соблюдения фонетического правила (пиши как слышишь!).

Штур в своем лингвистическом труде, посвященном изложению основ словацкого литературного языка, писал: «Делаю этот шаг, мы имеем в виду наш словацкий народ, для которого мы в первую очередь трудимся, взяв для писания наших книг его собственное наречие, а не до сих пор употребляемый литературный язык»³.

Однако внедрение нового языка проходило не гладко, а в острой борьбе. В то время как либеральная часть словацкой мелкобуржуазной интеллигенции горячо приветствовала начинание Штура и его сторонников и с энтузиазмом приняла и начала распространять новый язык, консервативная часть словацкой интеллигенции выступила с резким протестом. Принятие словацкого языка в качестве литературного и разрыв чехословацкого литературного единства не нравились и чешской либеральной интеллигенции. Резче всех обрушился на новый язык и его основоположник Ян Коллар. Он начал ожесточенную борьбу, в которой стремился свести на нет все начинания Штура и его единомышленников. По его инициативе Чешский музей в Праге издал сборник «Голоса о потребности единства литературного языка между чехами, мораванами и словаками»⁴, в который были включены статьи и письма чешских и словацких писателей, лингвистов, ученых, подтверждающие историческую общность чешского и словацкого народов и необходимость единого чехословацкого литературного языка. Здесь, наряду со статьями Юнгмана, Шафарика, Палацкого, Палковича и других, ведущее место занимают статьи Яна Коллара и его открытые письма Штуру и сторонникам словацкого литературного языка. В этих статьях, отличавшихся от

¹ „Только язык делает народ народом, без него он — ничто“, — писал Штур в 1843 г. См. *Ľ. Štúr. Žaloby a ponosy Slovákov*, str. 14.

² Письмо А. Штура М. М. Годже от 21. IV 1844 г. Архив города Братиславы. Рукописное наследство М. М. Годжа.

³ *Ľ. Štúr. Nárečja slovenskuo alebo potreba písanja v tomto nárečí*. Bratislava, 1846.

⁴ *Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky*. Praha, 1846.

всех других своим резким тоном, Коллар обрушивается на основоположника словацкого литературного языка и на самый язык.

Самым главным аргументом Коллара против самостоятельного словацкого литературного языка было утверждение, что произойдет разрыв с чехами и ослабление славянства. Предвидя это возражение, Штур писал: «Вероятно, некоторые будут думать, что мы хотим отделиться от чехов. Сохрани нас бог от этого! Тот, кто сейчас отделяется от своих братьев, понесет самую серьезную ответственность перед нашим народом. Мы и в дальнейшем хотим оставаться (как мы и раньше были) в союзе с ними, мы хотим усваивать все выдающееся, что они создадут; мы хотим быть с ними в союзе по духу; мы хотим делать все, что может сослужить им хорошую службу, того же мы взаимно ожидаем и от них, как от братьев»¹. Словацкий литературный язык быстро распространился во всех областях общественной жизни и вскоре стал общенациональным языком. На его основе выросла большая национальная по своей форме литература. Он стал языком Янка Краля, А. Сладковича, Я. Калинчака, Само Халупка и других выдающихся словацких поэтов и писателей того времени. Его основной словарный запас и грамматический строй являются основой современного словацкого литературного языка.

Принятие словаками самостоятельного национального литературного языка не нарушило братских связей двух самых близких славянских народов². Эти связи продолжали укрепляться в совместной борьбе чешского и словацкого народов против чужеземных угнетателей и господствующих классов своей нации. В народно-демократической Чехословакии — государстве двух равноправных братских народов чехов и словаков, строящих социалистическое общество, эти связи получили в условиях формирования социалистических наций новое содержание и достигли полного развития.

Вторым важным событием в национальной культурно-политической жизни Словакии рассматриваемого периода было основание в 1844 г. руководителями словацкого национального движения первого культурно-политического общества «Татрин». Основной целью новой организации было содействие культурно-национальному и политическому подъему словацкого народа. В соответствии с ведущим умеренным направлением движения и в Уставе общества³, принятом на учредительном собрании 26 августа 1844 г. в Липтовском Святом Микулаше, говорилось: ««Татрин» является обществом любителей народа и жизни словацкой..., имеющее своей целью всеми законными путями словацкую жизнь, без всяких различий религиозных верований, общественного положения, и других сторон и различий человеческих, пробуждать, поощрять, укреплять и расширять»⁴. Основными средствами к достижению этой цели Устав предусматривает в «изда-

¹ Ľ. Štúr. Nárečja slovenskuo, str. 86.

² Буржуазная историография, однако, извращала сущность этих начинаний, оценивая их с классовых позиций своих хозяев. Так, чешские и словацкие буржуазные историки резко отрицательно относились к «чехословацкому расколу», в котором видели самую крупную ошибку руководителей словацкого национального движения середины прошлого века. Венгерская буржуазная историография с восторгом отзывалась о «чехословацком расколе» и использовала этот факт для подкрепления своих реакционных утверждений о том, что возникшая в результате Великой Октябрьской социалистической революции на развалинах Австро-Венгрии Чехословацкая республика является «нестественным государственным образованием». Словацкие же фашисты фальсифицировали историю, выдавая Штура и других руководителей словацкого национального движения за своих идеологических предшественников.

³ Устав, а также и ряд других документов, относящихся к деятельности общества «Татрин», опубликовал Д. Рапант. См. D. Rapant. Tatrín (osudy a zápasy) Martin, 1950.

⁴ Там же, стр. 56.

нии и распространении книг, отвечающих потребностям нашего народа, времени и обстоятельствам, в которых живем, а также поддержка (материальная. — В. М.) юношей, преданных нашему делу, в их образовании»¹. Книги, издаваемые обществом «Татрин», должны были быть: а) школьные, б) поучительные и занимательные книги для широких масс народа, в) художественная и научная литература для образования словацкого общества. Все книги должны быть написаны «на чистом словацком наречии», т. е. на новом литературном языке².

Общество «Татрин» объединило в своих рядах словацких протестантов и католиков и сыграло важную роль в распространении словацкого литературного языка.

Большое значение словацкие мелкобуржуазные интеллигенты придавали общенациональной политической газете. 1 августа 1845 г. после длительных хлопот вышел первый номер «Словацкой национальной газеты» («Slovenskej Národnej noviny»). Редактором газеты был ее создатель Штур³. Вскоре начало выходить литературное приложение к газете «Орел Татранский» («Orol Tatránski») ⁴.

Среди материалов, публикуемых в «Словацкой национальной газете», основное место занимали статьи, корреспонденции и сообщения, касающиеся повседневной экономической, культурной и политической жизни страны и положения широких народных масс. «Словацкая национальная газета» стала трибуной, с которой руководители словацкого национального движения заявляли о своих национально-политических и социально-экономических требованиях.

Руководители словацкого буржуазного национального движения тщательно готовились к венгерскому сейму 1847—1848 гг. Штур опубликовал в «Словацкой национальной газете» две большие серии статей: «Предложение для улучшения положения нашей страны»⁵ и «Где лежит наша бедность?»⁶. В первой он занимается вопросами, касающимися государства в целом, во второй — препятствиями экономическому, культурному и политическому развитию Словакии. Основную причину всех бедствий словацкого народа он видит в крепостном строе и подавлении национальности. Национально-политические требования касались в основном создания условий, благоприятных для национального развития страны, прекращения гонений на словацкий язык и прежде всего его свободного употребления в словацких школах⁷, а также прекращения насильственного введения мадьярского языка в церковную проповедь и введения словацкого языка наряду с мадьярским в администрацию и судопроизводство.

«Татрин» принял решение о подаче венгерскому сейму специального меморандума, содержащего все требования буржуазного национального движения. Но этот план не был осуществлен из-за разногласий в самом лагере руководителей движения.

¹ D. Rapant. Tatrin (osudy a zápasy), str. 56.

² Там же.

³ Газета выходила 2 раза в неделю и просуществовала до 9 июня 1848 г. За это время вышло 292 номера, содержащих 1168 страниц.

⁴ «Орел Татранский» начал выходить 8 августа 1845 г. и выходил в 7—14-дневных интервалах. Его издание прекратилось вместе с изданием «Словацкой национальной газеты».

⁵ L. Štúr. Náradi ku zlepšeni stavu našej krajiny. SNN, č. 162—170 (19. II—19. III 1847).

⁶ L. Štúr. Kde leží naša bjeda? SNN, č. 201—206 (13. VII—6. VIII 1847).

⁷ «Naše nádeje a žiadosti k nastávajúcemu snemu». SNN, str. 225—232 (5. X—2. XI 1847).

Однако сейм 1847—1848 гг. не оправдал надежд руководителей словацкого национального движения. На работу венгерского сейма 1847—1848 гг. оказали огромное влияние мартовские революционные события 1848 г. в Вене и в Пеште, после которых наступает новый этап его деятельности. Взяв в свои руки политическую власть, мадьярское либеральное дворянство под давлением революционно-демократического лагеря венгерской революции осуществляет буржуазные преобразования Венгрии, решает ряд задач, выдвинутых буржуазной революцией. Но национальный вопрос, представлявший в многонациональной Венгрии наряду с крестьянским очень важный вопрос буржуазно-демократической революции, остался нерешенным. В этом заключалась слабость венгерской революции 1848—1849 гг.

в) Умеренное и радикальное течение в словацком национальном движении 40-х годов XIX в.

Оценивая в целом положительно словацкое национальное движение 40-х годов XIX в. (до революции 1848 г.), официальную программу и деятельность его руководителей и, в первую очередь, Л. Штура и подчеркивая их несомненно прогрессивный характер, необходимо отметить буржуазную ограниченность как самой программы движения, так и его руководителей.

Людовит Штур и другие руководители и идеологи словацкого национального движения, борясь против феодализма за буржуазное преобразование страны, за демократизацию ее общественной жизни и против национального гнета, отражали в первую очередь интересы своего класса — рождавшейся словацкой буржуазии. Однако их программа в борьбе за ее осуществление соответствовала в целом требованиям объективно закономерного исторического процесса, отвечала в той или иной степени и интересам широких масс словацкого трудового народа. Степень, в какой эта программа и борьба руководителей движения отвечала прогрессивным тенденциям общественного развития и интересам народных масс, является одновременно степенью прогрессивности самих руководителей словацкого национального движения.

Словацкое национальное движение 40-х годов XIX в. не было таким монолитным, каким его изображала буржуазная националистическая историография. Наряду с борьбой зарождавшейся словацкой буржуазии все усиливалась и революционная освободительная борьба крестьянских масс.

Да и среди идеологов зарождающейся словацкой буржуазии, в рядах словацкой мелкобуржуазной интеллигенции были отдельные лица, такие, как поэт Янко Краль, Ян Франциши и другие, которые еще до революции 1848 г. своими радикально-демократическими взглядами значительно отличались от ведущей группы умеренных идеологов и руководителей национального движения. Их взгляды, проявившиеся прежде всего в отношении к крестьянским массам, формировались под прямым влиянием усилившегося революционного движения этих народных масс в период разложения феодализма и развития капитализма, одним из важных этапов которого являлось, как уже отмечалось, крестьянское восстание 1831 г. в восточной Словакии.

Под влиянием усилившегося революционного освободительного движения сочиняет Янко Краль на рубеже 1843—1844 гг. свою неоконченную революционную поэму, известную под названием «Отрывки из Яношика», посвященную освободительной борьбе словацкого крестьянства и ее герою.

Юраю Яношику, в которой вспоминает и крестьянское восстание 1831 г. И как вспоминает!

Hynú ľudia ak' muchy v Liptove, v Zemplíne,
zaplakal ľud sedliacky po meste, dedine,
hynú ľudia ak' muchy v Nitre, Turci, Spiši.
Dost sa v chrámoch mamodlia a mor nič netiši.
Ale kým je to parom-mor dediny driape,
a v múranici ani jeden pán neskapé.
Mor na všetkých je ľudí len rovnako smädny,
a tu nemrú iba len tí poddaní biedni¹.

(Гибнут люди словно мухи в Липтове, в Земплине. Зарыдал крестьянский народ в городах и селах, словно мухи гибнут люди в Нитре, Турце, Спише. Сколько ни молятся в церкви, чума не утихает. Но какой это чорт — чума раздрает деревни, а в богатых кирпичных домах ни один барин не издохнет. Ведь чума одинаково голодна на всех людей, а здесь-то умирают одни лишь бедные крепостные).

Однако для демократа Я. Краля типично не только это глубокое понимание социальных корней и сущности крестьянского восстания, но и глубокая солидарность с активной революционной борьбой крестьян, ищущих своего вождя и мстителя.

Ej, kdeže si, Janošik? Ká skaza hromová!
Že sa nevyredikáš už z toho Liptova!
My kričime zdelaka a nik nás neslúcha.
Ci si ako ten oplán stúpil za hajdúcha?²

(Эй, где же ты, Яношик, чорт побери, что ты никак не уберешься из этого Липтова! Мы издали кричим, и никто нас не слышит. Или ты как тот подлец пошел в гайдуки?).

Типичным является, наконец, и его глубокое убеждение, что «правда восторжествует, хотя она и скупая»³.

Штур также вспомнил крестьянское восстание 1831 г., ссылаясь на него, когда хотел убедить господствующие классы о необходимости отмены феодальных повинностей за выкуп. Вспоминал его как ненастное время, когда «словацкий народ вел себя как слепой и бешеный, ломая все со страшной грубостью и жестокостью», и доказывал: «Свободный человек не совершит такой грубости, он не унижается и не гнет спину, но и знает, что может сделать и что оставить»⁴. Разница между позициями Штура и Краля, кажется, достаточно, ясна.

Янко Краль, как представитель радикального демократического течения в словацком национальном движении 40-х годов XIX в., естественно, не мог согласиться с его официальной умеренной программой и методами борьбы за ее осуществление. Янко Краль, например, упрекал Штура и его «Словацкую национальную газету» в либерализме и требовал более решительной политики, угрожая даже, что если газета будет издаваться и далее в том же духе, он и его друзья порвут с ней⁵. Известно также и его отрицательное отношение к религиозному мистицизму, который так сильно проявлялся в мировоззрении ведущих руководителей словацкого национального движения.

¹ Janko Kráľ. Súborné dielo. Martin, 1952, str. 150.

² Там же.

³ Там же.

⁴ L. Štúr. Reči a state. Bratislava, 1953, str. 124.

⁵ См. письмо Л. Штура к С. Б. Гробоню от 17. IX 1845 г. В архиве SNM, sv. T. Martin.

к «хвастливо-мертво-ветренно-слово-славянству»¹ и др. В литературном творчестве Янко Краля мы находим острую критику — реакционного режима Меттерниха, намеки на «лжепатриотов»², на «кормление и занятие народа мелочами, ссорами и ерундой», чтобы он «оставил в покое другое»³, отрицательное отношение к национализму, в противовес которому ставит всенародную идею свободы⁴ и т. д.

Янко Краль не был единственным, кто уже в период до революции 1848 г. не соглашался с ведущей официальной программой словацкого национального движения и критиковал политику его руководителей, от которых отличался более прогрессивными демократическими взглядами.

Из представителей известной части мелкобуржуазной словацкой интеллигенции 40-х годов прошлого века, во взглядах которых проявились под влиянием нараставшего революционного освободительного движения еще до революции ясные демократические черты, вспомним еще молодого словацкого писателя Яна Франциски, автора популярной политической брошюры для широких масс народа «Зеркало для словацкого народа»⁵. В этой брошюре, написанной в начале 1847 г. в форме символического рассказа, осуждается национальное и социальное угнетение словацкого народа. Брошюра заканчивается революционным, демократическим призывом: «Если бы этот народ (т. е. символизирующий словаков народ «Вольнорадов». — В. М.) имел отвагу взяться за косы и топоры, легко мог себя освободить. Если вы, словаки, хотите стать свободными, вы должны перебить своих угнетателей»⁶.

Среди бумаг словацкого студенческого общества в Левоче («Jednota mladeze slovenskej») сохранилось письмо Я. Франциски к своим товарищам-студентам в Левоче, от 11 марта 1847 г. из Прешова, где Франциски жил в то время.

Это было вскоре после того, как Франциски узнал, что рукопись его брошюры попала в руки полиции, и он с волнением ожидал последствий. В этом письме Франциски, прощаясь с товарищами, еще раз говорит о народе, как спасителе человечества, и выражает уверенность в крушении старого мира и создании нового, справедливого мира, без королей и господ — в соответствии с его идеями, близкими идеям социалистов-утопистов. «Похоронили ягненка невинного — народ наш, сыновья дьявола в могилу, похоронили спасителя своего и будущего поколения и завалили его большим камнем, — камнем рабства: но всемогущество и любовь непостижимая напомнит о себе — и шар земной содрогнется в своей основе и с призывом всемогущества в руке, с короной на челе вечной славы, встанет, камнем рабства погребенный спаситель мира из темной могилы в грозу и бурю, сядет на трон справедливости вечной, на трон по правую руку от богатоца, чтобы судить злых и добрых, мертвых, живых и тех, кто должен

¹ Скажите Дакснеру, чтобы он уже что-нибудь предпринимал. Скажите ему, что буду ждать от него письма. Скажите ему, что наши идеи, хотя и будут в Словакии встречены с известным сопротивлением, однако, как я уже сам убедился, легко победят хвастливо-мертво-ветренно-слово-славянство», — писал Я. Краль в том же письме.

² В стихотворении «Злобог» („Zloboh“). „Súborné dielo“, str. 196.

³ Там же, стр. 197.

⁴ Ср. следующие слова поэта „Nevolajte národnostou toto sveta náboženstvo, v ktorom bude bohu spievať chválu celé človečenstvo“ (Не называйте национальностью эту религию мира, в которой будет восхвалять бога все человечество).

⁵ Эта брошюра Я. Франциски (псевдоним Людомил Врагоборович) не сохранилась. О ее содержании узнаем лишь из подробной рецензии Фр. Миклошича, правительственного цензора в Вене, которую полностью приводит М. Годжа. См. Dr. M. Hodža. Československý rozkol. Príspevky k dejinám slovenčiny. T. Sv. Martin, 1920, str. 393—396.

⁶ Dr. M. Hodža. Op. cit., str. 296.

родиться. — И тогда наступит конец старого света и на его развалинах расцветет новый свет — тогда вечная справедливость сметет королей и господ и их места займет справедливость и любовь»¹.

Самым ценным источником, из которого мы узнаем о демократических и революционных общественно-политических взглядах Я. Францисци, формировавшихся в период созревания революционной ситуации в стране накануне революции 1848 г., являются два его письма, написанные в начале 1847 г. Первое из них Францисци написал своему близкому другу С. Б. Гробоню², второе — вождю словацкого национального движения, своему учителю Л. Штуру³.

Не пересказывая всего содержания этих чрезвычайно интересных и до сих пор неопубликованных документов, мы остановились лишь на основных мыслях, выраженных в них.

Францисци критикует программу словацкого национального движения и органа этого движения — «Словацкой национальной газеты». Особенно резко он осуждает умеренные методы борьбы за осуществление этой программы. Он требует, чтобы Штур выставил в качестве основного принципа движения демократический принцип последовательной борьбы за народные права и решительно порвал с политикой компромиссов с аристократией и городской, преимущественно иностранной, буржуазией, которые хорошо знают, что «наш принцип — их смерть»⁴.

Особый интерес представляют те места, где Францисци развивает свои взгляды на народ, как единственную силу, способную решить назревшие задачи общественного развития, и на революцию, как на единственный возможный путь решения этих задач⁵. «Словенства нашего сила и жизнь, и будущее в народе: поэтому и орган нашей жизни (т. е. «Словацкая национальная газета». — В. М.) должен стать героем (т. е. защитником. — В. М.) народа, поучать его в рабском его состоянии, показывать ему пути к освобождению, подготавливать мысли и сердца к свободе, предъявлять миру народные требования, бороться за его права. У народа до сих пор нет, можно сказать, никаких прав, поэтому ему не за что цепляться и не чем дорожить⁶, напротив, он должен выиграть и завоевать все как мирным, так и насильственным путем»⁷. К этим взглядам Я. Францисци привели изучение исторического развития, анализ словацкой, венгерской и европейской действительности, а также расстановка классовых сил накануне революции 1848 г. Поэтому так убедительно звучит и его аргумент в пользу своих взглядов. «История, путь исторических событий и мыслей и наши условия указывают пути кровавые. Трусливый консерватизм, который боится жизнью жизнь искупить, указывает трактаты и парламентские дебаты. Пусть же они будут, если они используются, они могут тоже помочь, но я их считаю слабыми и длительными. Боюсь, что сам народ укажет нам путь раньше, чем мы будем подготовлены»⁸.

¹ Письмо Я. Францисци из Прешова от 11 марта 1847 г. Архив Словацкого национального музея (ASNM) в Мартине. Бумаги левачского студенческого общества.

² Письмо Я. Францисци С. Б. Гробоню от 3 января 1847 г. Литературный архив Матицы словацкой (ЛАМС), Мартин, фонд С. Б. Гробоня.

³ Это большое (25 страниц большого формата) письмо дошло до нас только в черновике, сохранившемся в бумагах Я. Францисци в ЛАМС.

⁴ Письмо Я. Францисци Л. Штуру.

⁵ В этом отношении особенно ценно письмо Я. Францисци С. Б. Гробоню.

⁶ Это положение направлено против аргументации умеренных вождей движения, отвергавших мысль о более решительных действиях, чтобы «не лишиться того, что с трудом уже достигнуто».

⁷ Письмо Я. Францисци С. Б. Гробоню.

⁸ Там же.

Из письма Я. Францисци С. Б. Гробону вытекает еще одно очень важное обстоятельство. Содержание и история этого письма¹ свидетельствуют о том, что его автор, опираясь на взгляды и стремления определенной группы радикально-демократически настроенных представителей словацкой мелкобуржуазной интеллигенции, не ограничивается только высказыванием своих критических соображений об основных вопросах развития словацкого национального движения, но готов также приложить все усилия для осуществления своих взглядов и планов². В этом смысле его деятельность можно оценивать как попытку сформулировать последовательно демократическую и революционную программу словацкого национального движения.

Правда, Францисци, который в революцию 1848 г. стал капитаном словацких добровольцев, сражавшихся на стороне Вены против венгерской революции, а в более поздние годы выступал как известный представитель словацкой либеральной буржуазии, отрекся от своих дореволюционных демократических взглядов и свою брошюру назвал «незрелыми каракулями незрелого юнца»³. Но это вряд ли может что-нибудь изменить в том факте, что в период до революции 1848 г. он стоял на позиции, которая значительно отличалась от официальной умеренной позиции ведущей группы идеологов словацкого национального движения 40-х годов XIX в. своим демократизмом и революционностью.

Таким образом, в словацком национальном движении наметились два течения: умеренное и радикально-демократическое, формировавшееся под влиянием революционной национально-освободительной борьбы народных масс. Однако эти течения в период до 1848 г. не успели еще достаточно ясно дифференцироваться, не вступили в открытые конфликты.

¹ Францисци написал свое письмо в Левоче, где, как об этом свидетельствуют другие упоминания в его корреспонденции, он встретился с Ш. М. Дакснером, с которым Францисци, вероятно, обсуждал современное положение и задачи словацкого национального движения.

² Об этом достаточно ясно свидетельствуют следующие слова в письме С. Б. Гробону: "... В интересах самого дела необходимо редактору „Словацкой национальной газеты“, т. е. Л. Штуру. — В. М.) советовать и, если это окажется мало, *заставить* его принять какой-нибудь политический принцип..." и в другом месте: "Принять этот принцип (т. е. демократический и революционный. — В. М.) может Словакия, если примет его за свой, редактора *заставить*" (курсив наш. — В. М.).

³ J. Francisci. Vlastný životopis. T. Sv. Martin, 1909, str. 54.

В. М. Фоменкова

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН В ПОЛЬШЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII и XIV в.

В феодальном обществе важнейшим средством производства была земля. Непосредственный производитель — крестьянин был неразрывно связан с землей, как основным условием производства. Однако крестьянин не был собственником земли, которую он обрабатывал. Господствующий класс феодального общества монополизировал земельную собственность. Феодалы захватывали земли, превращая их в свою собственность, а крестьян, обрабатывавших эти земли, — в крепостных. «Во всех странах Европы, — писал К. Маркс, — феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством леннозависимых крестьян. Моущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»¹.

В XIII—XIV вв. в Польше продолжает расти крупное феодальное землевладение. Рост феодального землевладения достаточно полно представлен в материалах монастырских и церковных хозяйств. Последнее обстоятельство объясняется не только большей сохранностью церковных архивов, но в первую очередь — многочисленностью дарений в пользу церкви.

Мощный поток дарений в пользу церкви в XI—XIV вв. объясняется прежде всего тем, что с момента принятия христианства в Польше (966 г.) церковь стала опорой феодального государства. Католицизм, как надстройка, активно помогал укрепиться своему феодальному базису, помогал господствующему классу укрепить свои позиции, держать в повиновении угнетенные классы. Учение католической церкви оправдывало существующий феодальный строй, оправдывало эксплуатацию человека человеком. Церковь же при феодализме «являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя»².

Вот почему феодалы охотно дарили церкви то, что было самым важным при феодализме, — землю.

Как видно из буллы папы Иннокентия II от 1136 г., гнезненскому архиепископу принадлежало 29 деревень в Жнинской каштелянии, 4 деревни в Гнезненской земле, 13 деревень в Калишской, 21 деревня в земле Серадзской вместе с каштелянией Спицимерской, 28 деревень в Ленчицкой земле, 2 деревни в Сандомирской, 10 деревень в Краковской земле (включая сюда два промысла: горный — под Бытомем и соляной под Краковом), 8 дере-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1953, стр. 722.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

вень в Куявии, 34 деревни в Ловичской каштелянии и местечко Дольск. Всего в XII в. Гнезненскому архиепископству принадлежало 150 деревень и местечек¹. В XIII в. (до 1314 г.) к этому числу прибавилось еще 112 деревень, что в сумме составляло 262 владения, из них 259 деревень, два города и одно местечко. В XV в. Гнезненскому архиепископству принадлежало 11 городов и 225 деревень². Исследователь владений Гнезненской церкви Варенжак считал, что ежегодный доход архиепископства в XIV в. составлял примерно 3644 гривны (автор не включал сюда натуральные подати с населения), а в XV в. доход только от одной десятины составлял 5 тыс. гривен³.

До XIV в. Гнезненское архиепископство было самым крупным духовным землевладельцем не только Великой Польши, но и всей Польши в целом.

Приведенные выше данные относятся к так называемым столовым владениям, владениям, принадлежавшим самому архиепископу. Сюда не входят владения капитула.

Епископство Вроцлавское в начале XV в. владело пятью городами и 180 деревнями с 22 тысячами зависимого населения⁴.

Не менее быстро шел рост монастырской земельной собственности.

Дарения в пользу монастырей были также весьма значительными. Так, в 1233 г. великопольский князь Владислав даровал Любонжскому монастырю 3 тыс. ланов на территории Велень в Силезии⁵. Мотивировка этой дарственной типична и для других грамот: «...После смерти дяди моего, князя В. во спасение души его и за грехи мои, жены моей и сыновей я даровал монастырю Любонж и братьям, живущим там возле Люпзеско и Бутин, 3000 ланов, расположенных около Горы Аугеим в земле брата моего Генриха, князя Силезии...»

Рост монастырского землевладения на примере Обрского монастыря проследил И. Красонь⁶.

Только в течение XIII в. Обрский монастырь приобрел различными путями 15 деревень⁷. Его владения продолжали расти и в последующие столетия.

В XIV в. одним из крупных феодалов Великой Польши стал монастырь Парадыж. Свои владения он приобретал путем купли, пожалований, дарений, а иногда — и путем вымогательств. Так, в 1319 г. монастырь купил деревню Малый Вышанув с лугами, постбищами, рощами, водоемами, рыбными ловлями, мельницами, пасаками, полями обработанными и необработанными⁸. В 1320 г. монастырь Парадыж получил в подарок две деревни: деревню Скоенборн от Дрогана и деревню Закшев от комеса Виллислава⁹. А в 1322 г. этот монастырь получил в наследственное владение город Дюболов¹⁰. В 1329 г. была куплена деревня Вышанув¹¹. В следующем же

¹ St. Krakowski. Kościół a Państwo polskie do początków XIV w. Warszawa, 1950, str. 63.

² Там же, стр. 127.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 135.

⁵ Codex diplomaticus Majoris Poloniae, Kraków, 1877—1879 (в дальнейшем — CDMP), т. I, № 147. Лан равен 30—43 моргам (морг $\approx 0,5$ га).

⁶ J. Krasoń. Uposażenie, klasztoru cystersów w Obrze w wiekach średnich: Poznań, 1950.

⁷ Там же, стр. 65—86.

⁸ CDMP, т. II, № 1015.

⁹ CDMP, т. II, № 1020, 1021.

¹⁰ CDMP, т. II, № 1028.

¹¹ CDMP, т. II, № 1098.

1330 г. силезский князь Генрих подарил названному монастырю город и крепость Любжо¹.

Итак, только с 1319 по 1330 г. монастырем Парадыж было приобретено два города с крепостью и пять деревень.

Крупными феодальными землевладельцами были также Лендский и Любинский монастыри.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что церковь в Польше, как и вообще в средневековой Европе, представляла мощную силу в феодальной организации.

Рост светских феодальных владений представлен в источниках довольно скупо. За весь XIII в. в Великой Польше сохранился всего 21 привилей в пользу светских феодалов, а в Малой Польше — 9. В XIV в. количество светских пожалований, судя по документам, возрастает: за первую половину XIV в. в Великой Польше их насчитывается 18, в Малой Польше — 12².

Большее число известных светских пожалований падает на последнее десятилетие XIII в. Это обстоятельство становится вполне понятным, если учесть, что польские князья Пшемисл II и Владислав Локоток стремились расширить свою социальную опору за счет привлечения на свою сторону мелкого и среднего рыцарства.

Рост церковного и светского землевладения происходил не только за счет купли и дарений, но также за счет захвата общинных угодий и сгона крестьян с их наделов. Длугош записал в «Истории Польши» под 1352 г. привилей краковского епископа Бодзанты, в котором прямо указывается, что любой кредитор, получив в залог землю с сидевшими на ней крестьянами, имел право согнать последних с земли.

«Но если указанный кредитор, — говорится в привилее, — захочет более широко применить свой труд, выгоняя крестьян и беря на себя обработку их полей, то тогда он будет обязан платить десятину с обрабатывавшихся им полей вместо общины за изгнание (*in gonitvam*)»³.

Приведенные данные составляют лишь небольшую часть материала, имеющегося в источниках исследуемого периода. Весь материал служит ярким доказательством того, что в XIII—XIV вв. в Польше господствовала феодальная собственность на землю. Она обуславливала и личную зависимость крестьян от феодалов. Составляя основу феодализма, феодальная собственность на землю по мере ее укрепления влекла за собой полное изменение социального и правового положения земледельца.

Важнейшую роль в росте и укреплении крупного землевладения и особенно в закреплении крестьян сыграл иммунитет. Он включал в себя не только запрещение королевским чиновникам вступать во владения феодала, получившего иммунитетную грамоту, но и передачу административных и судебных прав феодалу по отношению к населению, живущему на его земле. Вся политическая и судебная власть над сидевшим на пожалованных землях населением переходила в руки иммунитета. Маркс и Энгельс указывали, что феодальный иммунитет является неотъемлемым атрибутом феодального землевладения, вырастает из него⁴.

Церковные феодалы добились иммунитета раньше других владельцев земли. Будучи крупным земельным собственником, польская церковь стремилась освободиться от подчинения и всякого вмешательства представите-

¹ CDMP, т. II, № 1106.

² Л. В. Рязумовская. Повинности крестьян в феодальной Польше. „Ученые записки Института славяноведения“, т. IV, 1951, стр. 266.

³ Jana Długosza dzieła wszystkie. Księga IX. Kraków, 1868, str. 256.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 2, стр. 353.

лей княжеской власти в жизнь своих поместий и навсегда закрепить за собой ту часть феодальной ренты, которая раньше шла в пользу князя. Князья, нуждаясь в поддержке церкви, соглашались на предоставление ей иммунитета.

* * *

Важным источником для изучения социально-экономического и правового положения крестьян в Польше во второй половине XIII в. является Книга обычного польского права, или, как ее принято называть, Польская Правда. Она представляет собой письменный судебник, запись обычного польского права, произведенную в середине XIII в.

В этом памятнике польское общество разделяется на два антагонистических класса: на феодалов и зависимых и свободных крестьян. Господствующий класс имел преимущества. Так, штраф за убийство рыцаря составлял 50 гривен, а за убийство крестьянина — 30¹.

В Польской Правде речь идет преимущественно о крестьянах уже несвободных; «крестьянин, находясь под властью своего господина (Herr), — говорится в VI статье, — должен отвечать перед своим господином...» (курсив наш. — В. Ф.).

За совершенное преступление зависимый крестьянин судится в суде феодала, а не государя².

После смерти крестьянина, не имевшего мужского потомства, его господин (Herr) берет себе его имущество³, т. е. здесь налицо так называемое право мертвой руки, столь характерное для феодальной Европы. В статье XXIII записано: «Когда сам князь (der landes herre) обвиняет кого-нибудь в преступлении и обвиняемый должен выйти на поединок, то князь приказывает бороться вместо себя кому-нибудь из своих людей, будь то крепостной (eigen) или свободный (vry)»⁴. Здесь идет речь о крепостных самого князя. В источнике упоминается о епископах, настоятелях, приходских священниках, имеющих своих крестьян⁵.

В XXI статье Польской Правды речь идет о служанках рыцарских жен, которых последние могли купить, продать, передать по наследству.

В других источниках также говорится о несвободных крестьянах.

Категория свободного крестьянства еще не исчезла совсем. На это указывают некоторые статьи Польской Правды, а также и ее последняя фраза⁶. О свободных крестьянах говорится в статье XXVI: «Где кметы (gebuer) посажены вместе, там они не имеют обычая держать общего пастуха, а сами пасут свой скот по очереди...» И дальше в этой же статье говорится о том, что если крестьянин, стерегущий скот, будет обвинен в пропаже вола, коровы или коня, и «сознается судье (a vor dem Richter), то должен заплатить штраф — триста»⁷. В данной статье крестьяне подлежат государственному суду, ибо, как вполне правильно заметил Винавер, слово Richter указывает на государственный суд. Когда же речь шла о вотчинном суде над крепостными, то судья назывался Herr. А государственному суду подлежали только свободные крестьяне.

¹ Księga prawa zwyczajowego polskiego w w. XIII (в дальнейшем — Księga prawa...), Wyd. A. Helcel. Starodawne prawa polskiego pomniki. T. II. Kraków, 1870, st. XV.

² Księga prawa..., str. VI.

³ Там же, str. XXII.

⁴ Там же, str. XXIII.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 33. „Waz sich ouch vrier luthe une dir zur gatane ets et rini huius...“ К сожалению, дальнейшее содержание памятника неизвестно, рукопись обрывается на приведенных словах.

⁷ Там же, стр. 31.

Но свободные крестьяне уже потеряли собственность на землю и находились под угрозой превращения в феодально зависимых. Они составляли резерв, из которого рекрутировались крепостные. Князья обычно жаловали какому-либо феодалу, привилегированному лицу землю, населенную свободными крестьянами. Так, в 1209 г. великопольский князь Одонич подарил Любинскому монастырю вместе с озером и половиной другого озера некоего пасечника Вронция с двумя сыновьями. Вместе с пасекой они передавались монастырю¹. В 1213 г. калишский князь Владислав пожаловал девять деревень вместе с крестьянами на содержание вновь основанного монастыря². Великопольский князь Владислав подарил в 1261 г. Лекненскому монастырю озеро Хоцениско и девять крестьян вместе с землей, на которой они сидели³. В 1288 г. это дарение было подтверждено Пшемислом II, при этом в грамоте перечислены потомки названных ранее девяти крестьян. В этой грамоте указано уже 27 семей, у восьми из них сохранились имена дедов, т. е. крестьян, названных в грамоте Владислава⁴. Таким путем свободные ранее крестьяне превращались в феодально зависимых, составлявших во второй половине XIII в. в Польше подавляющую часть сельского населения.

Формы зависимости были разнообразны. Среди зависимых крестьян различаем несколько категорий, отличавшихся степенью и исходным пунктом зависимости. Самой распространенной формой зависимости было крепостное состояние крестьян. Одна категория крепостных образовалась из бывших свободных общинников («gebuer sizezit under eynem herren», ст. VI); другая — из рабов, посаженных на землю («eigene luthе», ст. XXVIII; «eupen map» ст. XXI; «eupen mappe», ст. XXIII Польской Правды).

Самое название этих крестьян в Польской Правде — еугене лутхе (собственные люди), тождественно с названием еупен тап (домашние слуги); которых феодалы покупали, держали в доме и передавали по наследству. Близость этих двух категорий крестьян очевидна. В недалеком прошлом они составляли одно целое.

В других источниках все зависимые крестьяне называются общим названием — приписанные, аскриптиции (ascripticii), что свидетельствует о стирании граней между различными формами зависимости.

Названные категории крестьян были держателями земли по обычному польскому праву и несли определенные повинности в пользу феодальных землевладельцев. Их положение, по данным источников, было несколько различным. Положение крепостных из бывших рабов, посаженных на землю, было тяжелее положения крепостных из бывших свободных общинников. Первые обязаны были продолжительное время жить при дворе господина, питаясь своим собственным хлебом, и нести внеурочную барщину. Их переход от одного феодала к другому был запрещен. Барщина крепостных из бывших свободных была определена обычным правом, и в случае бегства последние, согласно Польской Правде, не подлежали розыску.

Свободные крестьяне выполняли повинности в пользу князя, подлежали княжеской юрисдикции и пользовались правом перехода. Из-за отсутствия источников невозможно определить более отчетливо положение свободных крестьян. Ясно, что во второй половине XIII в. свободные крестьяне как во всей Польше, так и в ее составной части — в Великой Польше — составляли меньшинство сельского населения.

¹ CDMP, т. I, № 65.

² CDMP, т. I, № 81.

³ CDMP, т. I, № 87.

⁴ CDMP, т. II, № 617.

В связи с этим хочется возразить Ф. Я. Полянскому, утверждавшему, что «даже в XIII—XIV вв. феодализация польской деревни еще не была вполне законченной, и крепостничество не достигло универсального господства, так как сохранялись значительные категории свободного крестьянства, а зависимые крестьяне еще пользовались правом свободного перехода»¹.

Разносторонние источники — различного рода грамоты, Польская Правда, «Хроники» Кромера Яна из Чарнкова, «История Польши» Яна Длугоша — являются неопровержимым доказательством того, что феодализация польской деревни в XIII—XIV вв. закончилась. Феодальная собственность на землю давно утвердилась, основная масса крестьянства была уже закрепощена. Зависимые крестьяне в этот период не пользовались свободой перехода. В этом и состояло, кроме всего прочего, их отличие от свободных крестьян, сохранившихся еще кое-где в Польше. Свободные крестьяне сидели на государственной земле, несли повинности в пользу князя и пользовались свободой перехода, в то время как крепостные крестьяне давно уже потеряли право свободного перехода и в случае их бегства XXVIII статья Польской Правды гарантировала феодалу право разыскивать и возвращать беглых².

* * *

Польские деревни, населенные крепостными и свободными крестьянами, представляли небольшие поселения, с разбросанными вокруг крестьянскими наделами. Иногда в деревне располагалась господская усадьба. Население в деревнях было немногочисленным. В этом отношении интересна булла папы от 1136 г., навечно утверждавшая владения Гнезненской церкви. В булле перечислены все деревни Жнинской каштелянии, принадлежавшие вышеназванной церкви, дана подробная опись каждой деревни. Согласно данным буллы, Гнезненскому архиепископу в Жнинской каштелянии принадлежало 26 деревень с 278 отдельными крестьянскими хозяйствами. Самая большая деревня насчитывала 30 крестьянских хозяйств, самая маленькая — 3. В некоторых деревнях каштелянии было по девять, семь, четыре хозяйства³. В среднем же на каждую деревню приходилось 10—7 крестьянских хозяйств.

Для обозначения одного хозяйства вместе с надельной пахотной землей в источниках встречаются такие названия, как *villa*, *hereditas*, *pars hereditaria*, *sors*. Чаще всего применительно к крестьянскому хозяйству употребляется обозначение *sors* (жребий, часть, доля). Источники не указывают, какое количество земли подразумевается под этими названиями.

Господское хозяйство занимало по сравнению с общей площадью крестьянских хозяйств небольшое пространство. Встречаются указания на размер барской запашки в Силезии, в Малой Польше: шесть плугов пахотной земли, иногда два плуга.

Судя по источникам, феодальное землевладение в XIII—XIV вв. чаще всего совпадало со всей территорией деревни, иногда — только с частью ее, когда на территории одной деревни располагались владения двух, трех землевладельцев. Так, деревня Тарново в Великой Польше имела четырех владельцев: гнезненского архидьякона Филиппа, калишского подкомория Сандзивоя, палатина Николая и его брата Михаила⁴.

¹ Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. М., 1954, стр. 193.

² Księga prawa..., str. 32—33.

³ CDMP, т. I, № 7.

⁴ CDMP, т. II, № 693.

В 1303 г. две деревни — Германсгоф и Лянгсово имели четырех владельцев: некоего рыцаря Генриха, затем Конрада, Альберта, Рудольфа, социальная принадлежность которых не определена¹.

В XIII—XIV вв. внимание феодалов было направлено не на увеличение своей собственной запашки, а на подчинение себе возможно большего числа крестьян. Поэтому великопольские деревни, в массе своей населенные зависимыми крестьянами, часто имели не одного владельца, а двух, трех и даже четырех. Это осложняло положение крестьян, а феодалам давало возможность вмешиваться в жизнь общин, в которые были организованы польские деревни.

Земледельческая территориальная община в Польше выступает в источниках под термином *orole*, *vicinia*. В XIII—XIV вв. она объединяла одну или несколько деревень, имела свое самоуправление и выполняла определенные функции: выступала защитницей своих членов, отвечала за них перед судом феодала, разыскивала вора и убийцу, распределяла поборы и отвечала за их выполнение. Именно такого рода община описана в VIII, IX, XI статьях Польской Правды, в XLVIII статье Вислицкого статута.

Рост феодальной земельной собственности приводил к тому, что полями, лесами, пастбищами и другими общинными угодьями начали распоряжаться князья и другие феодальные землевладельцы. Князья, как правило, жаловали деревни не только с крестьянами, но и «с озерами, лугами, лесами, мельницами, рыбными ловлями на реках»². Так, великопольский князь Владислав в 1233 г. подарил монастырю Колбач «на вечное владение» деревни Требен и Доброполь с прудом, со всеми граничащими и прилежащими к ним обработанными и необработанными полями, лугами, пастбищами, лесами, водами, реками, рыбными ловлями, с тропами и дорогами³. Владислав Локоток, будучи еще куявским князем, в 1296 г. подарил познанскому судье, комесу Гневомуру, деревню Томысль со всеми угодьями и доходами: с лесами, рощами, пасаками, лугами, водами, корчмой, мельницами. Это владение судья мог обменять, подарить, продать⁴.

К середине XIV в. крестьяне не имели уже права пользоваться лесом без разрешения на то феодала. Леса превратились в феодальную собственность, как и вся земля в период развитого феодализма. Но крестьяне не хотели мириться с этим и пользовались лесом, не спрашивая на то разрешения феодала. Очевидно, такое поведение крестьян вызвало к жизни статью Вислицкого статута, которая запрещала крестьянам рубить лес без позволения господина. В противном случае крестьянин обязан был платить штраф шесть гривен⁵.

Община твердо отстаивала интересы своих членов. Иногда, встретив отпор со стороны общины, феодалы вынуждены были идти ей на уступки. Такой случай известен в 1279 г., когда настоятель Лендского монастыря Богуфал при установлении границ свих владений захватил землю, которой пользовалась соседняя с ним община. Очевидно, община пожаловалась князю, так как великопольский князь Болеслав в 1278 г. предписал настоятелю занимать только ту землю, на которую он имел разрешение князя, а «новые знаки, установленные по собственной воле Богуфала, без общины, должны быть сняты»⁶. Повидимому, община, о которой идет речь, распо-

¹ CDMP, т. II, № 869.

² CDMP, т. I, № 130.

³ CDMP, т. I, № 145.

⁴ CDMP, т. II, № 749.

⁵ *Volumina legum*, t. I. Retersburg, 1859, str. 15.

⁶ CDMP, т. I, № 476. „Signa nova que episcopus Bogufalus ine vicinia ut probavit abbas coram nobis pro sue fecerat voluntate“.

лагалась на земле князя. Только этим можно объяснить такое благоприятное для общины решение вопроса.

В другом случае спор общины с землевладельцем был решен в пользу феодала. Мы имеем в виду спор трех общин с аббатом того же монастыря, возникший в 1291 г. Монастырские деревни, входившие наряду с другими в состав трех общин, отказались выполнять вместе с ними общинную повинность — *orołne*, т. е. давать князю корову и быка. Вследствие их отказа вся тяжесть повинности, в силу действия круговой поруки, ложилась на не принадлежавшие монастырю деревни. Общины подали жалобу князю, и дело перешло в княжеский суд. Аббат Жерард оправдывал отказ своих деревень от уплаты общинной повинности старинными привилегиями, которые еще раньше получил монастырь. Князь уступил аббату, и жалоба общин не была удовлетворена¹.

Все это свидетельствует о вмешательстве феодалов в дела общины, о подчинении общины господской власти. Ко второй половине XII в. великопольская община попала уже в крепкую зависимость от феодальных землевладельцев, члены ее эксплуатировались путем присвоения прибавочного продукта в форме феодальной ренты.

Большое место среди повинностей крестьян занимало порадальное. Эта повинность была земельной податью, при которой единицей обложения был участок земли — *рало*. Исследователь этой повинности Видаевич, на наш взгляд, правильно отождествлял ее с известной ранее податью поволоное, когда предметом ее обложения была упряжка волов².

О содержании этой повинности источники XIII в. не дают никаких известий. Впервые о ее содержании говорится в привилее Казимира III Могильненскому монастырю в 1363 г.: «Наш побор порадальное как зерновое, так и денежное...»³ Видаевич отсюда сделал вывод, что в середине XIV в. порадальное выплачивалось и зерном и деньгами. А. В. Разумовская распространила вывод Видаевича и на первую половину XIV в.⁴

Однако данный вывод невозможно распространить на вторую половину XIII в., так как повинности в денежной форме в то время были незначительны и если о них упоминалось в грамотах, то они специально выделялись. Можно предположить, что во второй половине XIII в. порадальное платилось натурой, скорее всего зерном, частично скотом.

Порадальное первоначально составляло важнейший доход княжеского двора. В связи с усиленной раздачей иммунитетов право на эту дань перешло в XIII в. к духовным и светским феодалам, но и тогда князья старались удержать за собой право на сбор порадального. За вторую половину XIII в. из 57 имеющихся в нашем распоряжении иммунитетных грамот с более или менее полным перечислением повинностей польского права, в 22 грамотах освобождение от порадального не упоминается. В некоторых грамотах XIV в. прямо указывается, что при передаче всех даней в руки того или иного феодала сбор порадального остается за князем или королем. Так, Казимир III в 1361 г. освободил жителей трех деревень (Курова, Думца и Островонжа) от всех повинностей в свою пользу, за исключением порадального⁵.

¹ CDMP, т. II, № 673.

² J. Widajewicz. Powołowe-poradlnie, danina ludności wiejskiej w dobie piastowskiej. Lwów, 1913, str. 31.

³ CDMP, т. III, № 1493 „...Exactionem nostram poradlnie tam frumentalem quam pecuniale...“.

⁴ А. В. Разумовская. Указ. ст., стр. 271—272.

⁵ Codex diplomaticus Poloniae. Warszawa, 1847—1853 (в дальнейшем — CDP), т. I, № 123. „...Excepta universalī collecta terre que poradlnie nuncupatur...“.

Иногда право на сбор порадльного передавалось феодалам на определенный срок. Так, мазовецкий князь Болеслав в 1278 г. предоставил это право настоятелю Любенжского монастыря на 10 лет. По истечении указанного срока сбор порадльного должен был перейти к князю¹.

В документах при перечислении повинностей упоминается подворовое. В привилее Болеслава Мазовецкого от 1278 г. указано, что единицей обложения при его взимании служил крестьянский двор, и собиралось оно звериными шкурками, медом, хлебом.

В тесной связи с этой повинностью находится подымное. В исследуемых источниках мы не встречаем определения его содержания, поэтому судить о нем очень трудно. В конце XIII в. в грамотах польских князей подымное упоминается реже, чем подворовое, а потом, в XIV в., оно почти не упоминается.

Источники указывают на наличие подушной повинности — *caput*². Она собиралась, повидимому, хлебом, зерном. Другая подать, вносимая зерном, называлась *сеп*³. Смолька полагал, что этот побор вносился всей общиной в целом. Он ссылаясь на привилей Любинского монастыря, где говорится, что крестьяне обязаны в день св. Мартина доставлять монастырю 20 мер овса. Кроме этого указания нет больше никаких данных о способе собирания этой подати⁴.

Большое место среди повинностей занимал нарез (*narzez*). В качестве нареза выплачивались лошади, коровы, свиньи, кабаны, быки. Когда отдавался в виде нареза крупный скот, то, повидимому, эта повинность выполнялась всей общиной в целом. Об этом говорится в грамоте Казимира III от 1362 г., где под нарезом разумеется общинная подать⁵. Под видом общинной повинности нарез описан и в привилее Пшемисла II от 1277 г.⁶

Скот входил в содержание и другого побора, называемого стан (*stan*), последний выполнялся крестьянами деревень, где останавливался князь со свитой во время объезда своих земель, и заключался в том, что крестьяне были обязаны содержать князя и его двор. В привилее Лешка Черного от 1286 г. куявскому епископу дано полное перечисление продуктов и предметов, которые полагалось доставлять князю: летом — одну корову, двух овец; зимой — двух свиней, 30 кур, 100 яиц, полмеры гороха, полмеры проса, терций соли. Эта дань, повидимому, собиралась различными способами: в том случае, если князь требовал мелкий скот и птицу в качестве стана, то сбор происходил подворовым способом, крупный же скот уплачивала община в целом.

Со станом связаны и другие повинности крестьян: обеспечивать стоянки княжеским охотникам⁷, ловчим бобров⁸, кормить княжеских собак⁹.

Кроме этого, крестьяне были обязаны доставлять феодалу определенное количество меда¹⁰, сена¹¹, стеречь соколиные гнезда¹², стеречь бобров, чтобы феодал мог позабавиться охотой на них.

¹ CDMP, т. I, № 477.

² CDMP, т. I, № 447; т. II, № 711 и др.

³ CDMP, т. I, № 447 („Annonam que sep vocatur“); CDP, т. I, № 97.

⁴ St. Smolka. *Mieszko Stary i jego wiek*. Warszawa, 1881, str. 442.

⁵ CDMP, т. III, № 1474.

⁶ CDMP, т. I, № 469.

⁷ CDMP, т. I, № 466, 477, 488 и др.

⁸ CDMP, т. II, № 637, 647 и др.

⁹ CDMP, т. I, № 477, 535, 556 и др.

¹⁰ CDMP, т. I, № 443, 477, 535, 556, 585 и др.

¹¹ CDMP, т. I, № 447, 556; т. II, № 624 и др.

¹² CDMP, т. I, № 455, 488; т. II, № 637, 678 и др.

Одной из самых тяжелых и обременительных повинностей была десятина в пользу церкви. Она появилась в Польше со времени принятия христианства. Десятина взималась не только с урожая, но и со скота, пчел и других доходов.

Так, в 1288 г. познанский епископ подарил церкви в Люсово, кроме деревень с десятинами, десятину с рыбной ловли на озере¹. В 1290 г. Пшемисл II утвердил десятину со среднего дохода Краковских соляных жуп краковскому епископу и его преемникам². Церковь в деревне Глушине в 1296 г., кроме десятины с урожая, получала десятину с корчмы³.

По мере усиления княжеской власти увеличивалось и стремление ограничить доходы церкви, получаемые от сбора десятины. В этом отношении некоторых успехов удалось добиться Казимиру III: в 1359 г. гнезненский архиепископ вынужден был согласиться на условие, исключавшее из обложения десятиной огородные культуры; в частности, было оговорено, что все, обрабатываемое мотыгой, в том числе мак, лук, чеснок, свободно от обложения десятиной⁴. Но и после смерти Казимира III десятина продолжала оставаться одной из тягостных повинностей польских крестьян.

Крестьяне, державшие землю на польском праве, чаще всего выплачивали десятину снопами, отсюда и ее название сноповая десятина.

Известны случаи, когда в неурожайные годы сноповая десятина заменялась денежной. Известный хронист Кромер под 1313 г. описал голод в Польше. В этот год крестоносцы вторглись в пределы Польши, захватили хелминскую церковь, оторвали ее от Гнезненского архиепископства и присоединили к Рижскому. Они грабили имения, деревни. «Крестьянскую же десятину с урожая (крестоносцы. — В. Ф.) заменили денежной десятиной, так сильно ее уменьшив, что с целого лана платили только 4 гроша». Что касается Михайловского повета, захваченного крестоносцами, то епископы, как сообщает хронист, постановили, чтобы «Михайловский повет на 7 лет оставался свободным от уплаты десятины, а по истечении семи лет, чтобы епископ брал каждый год 90 торнских гривен вместо десяти»⁵.

Таким образом, повету предстояло уплатить «милостивым пастырям» чудовищные проценты за то, что фактически являлось лишь отсрочкой платежа.

Большинство перечисленных податей вносилось польскими крестьянами в виде продуктовой ренты. Однако источники сохранили сведения о наличии и отработочной ренты. О ней говорится в Польской Правде. В XXIX статье Польской Правды отмечается, что крестьяне обязаны «огораживать господскую усадьбу и в течение трех дней косить траву во время уборки сена, женщины же обязаны жать рожь в жатвенное время»⁶.

Кроме Польской Правды о наличии отработочной ренты говорят и другие источники. Известен привилей великопольских князей Пшемисла, Болеслава и их матери Ядвиги, данный в XIII в. госпиталю св. Яна в Гнезне, где записано, что крестьяне «должны верно служить своим господам», а также выполнять различные повинности. Они должны доставлять «ежегодно по два гайдука для услуг из деревни Здзеховой». Кроме того, каждая семья названной деревни обязана еженедельно в субботу привозить на господский двор по одному возу дров. «Сверх того, каждый крестьянин обязан

¹ CDMP, т. II, № 628.

² CDMP, т. II, № 651.

³ CDMP, т. III, № 754.

⁴ T. Czacki odziesięcinach w powszechnej a szczególnej Polsce i Litwie. Warszawa, 1801, str. 28—29.

⁵ M. Kromer. Kronica. Warszawa, 1767, str. 322.

⁶ Księga prawa..., str. 33.

накосить три воза сена и сжать пять копен ржи. Крестьяне обязаны так же (делать. — В. Ф.) одну уборку ярового и озимого, питаясь своим хлебом. Во время поста они должны один дом построить и один старый исправить, это же самое — осенью. Все деревни без исключения обязаны делать, что им скажут. Рыбаки должны два раза в неделю приносить рыбы, а именно один мех, содержащий двадцать рыб, длиной в два фута, другой мех с мелкой рыбой без числа. Кроме того, рыбаки обязаны ловить раков и ходить с сетями летом и зимой, где им скажут»¹.

В Кодексе Великой Польши также встречаются указания на наличие барщины. Так, Пшемисл II в 1288 г. освободил жителей деревни Борково от многих повинностей в свою пользу, в том числе от «пахоты и всех деревенских служб»². Казимир III, передавая в 1368 г. 10 деревень во владение Бышевскому монастырю, в числе других повинностей назвал и вспашку поля³. Крестьяне Лендского монастыря должны были нести весьма тяжелые повинности, и среди них большое место занимает барщина: крестьяне должны были наряду со взносом сноповой десятины и другими натуральными оброками убирать пять стогов хлеба, производить уборку урожая в течение трех дней, один день молотить, тащить невод, и если у братьев возникнет в том необходимость, служить им как пешими, так и конными⁴.

Довольно широко представлены в иммунитетных привилегиях отработочные повинности в пользу князя. Они делились на две категории: одни были связаны с перевозкой грузов, другие — с обороной страны. К первой категории относились *przewoż, rowoż, podwoda*. Этот вид повинностей определялся в Польской Правде: «Если кто едет в посольство от князя, то там, где его лошадь устанет, он ее оставляет и берет другую...; также каждый крестьянин обязан перевозить (груз. — В. Ф.) от деревни, в которой он живет, до ближайшей деревни своего господина, а те (т. е. жители ближайшей деревни. — В. Ф.) должны вести дальше от этой деревни до другой и так от деревни до деревни, пока не придут ко двору своего господина или туда, где они должны оставить перевозимое»⁵.

Вторым видом отработочной повинности в пользу князя была постройка и ремонт мостов, городов (укреплений), охрана их. Князья, передавая феодалам земли с населением, освобождали последнее от названной повинности: «Пусть не строят и не ремонтируют ни городов, ни мостов, не отправляют похода»⁶; «жители не должны участвовать в постройке или ремонте городов и не должны принуждаться к походу, за исключением случаев защиты наших земель»⁷; в таких формулах звучит чаще всего это освобождение.

Вся тяжесть отработочных повинностей в пользу князя или государства лежала на крестьянах, поселенцах княжеских земель. Это положение в равной степени относится и к выполнению другой повинности, называемой в источниках стража (*stroża*). Первоначально она состояла из обязанности предоставлять сторожей для охраны городов, т. е. была связана с несением военной охранной службы. В XIII в. она была уже заменена внесением определенного оброка. В источниках этого времени встречается такое пояснение: «Не платят ни стражи, ни стана и коровы, подворового или других...»⁸. Однако источники не указывают, каким видом натурального оброка была заменена стража.

¹ Fr. Piekosiński. Op. cit. Приложение, str. 50.

² CDMP, т. II, № 626. „Ab aratura et omni servitute villana“.

³ CDMP, т. III, № 1606.

⁴ CDMP, т. I, № 298.

⁵ Księga prawa..., т. XXIX, str. 33.

⁶ CDMP, т. I, № 136.

⁷ CDMP, т. I, № 473.

⁸ Kodex dyplomatyczny Katedry krakowskiej. Ez. I. Kraków, 1877, № 69.

В источниках второй половины XIII в. находим указание и на существование денежной повинности, называемой *moneta*, *obraz*. Так, Пшемисл II в 1277 г. освободил жителей Савентехова и Радлева от многих обязанностей польского права, в том числе — от денежной повинности — *obraz*¹. Болеслав Мазовецкий предоставил аббату право взимать *obraz* в течение десяти лет². Однако упоминания о денежных платежах встречаются еще редко.

Итак, из анализа источников ясно, что все крестьяне Польши выполняли разнообразные повинности: свободные крестьяне — в пользу князя и церкви, зависимые — в пользу своего господина, церкви и князя. Поборами облагались: сам крестьянин (*caput*), его двор (*podworowe*, *rodymne*), скот, который он имел (*narzez*, *stan*), и участок земли, который он обрабатывал (*poradlne*). Сверх того крестьяне были обязаны доставлять на господский или княжеский двор различные продукты (хлеб, мед и т. д.), давать лошадей для перевозки князя с его двором, обеспечивать стоянки княжеским охотникам и ловчим бобров, кормить княжеских собак. И многие другие тягостные повинности лежали на плечах крестьян. Отработочная форма ренты не имела решающего значения, а денежная форма ренты еще занимала весьма незначительное место среди других повинностей.

В источниках нет указаний на размеры повинностей (кроме барщины, и то — не всегда). Можно предположить, что размеры повинностей крестьян, пользовавшихся обычным польским правом, не всегда были точно определены; не всегда было установлено количество отдаваемых крестьянином продуктов, редко определялся и объем выполняемой на помещика работы. Сроки взноса также не были строго определены. Все это свидетельствует о тяжелой эксплуатации польского крестьянства, державшего землю по обычному польскому праву.

* * *

Развитие производительных сил, рост товарно-денежных отношений в Польше XIII—XIV вв. привели к известному изменению в аграрных отношениях, которое выразилось во введении новых форм эксплуатации, а также — регламентации феодальных повинностей крестьян. Новые формы, регулировавшие эти аграрные отношения, вошли в историю под названием немецкого права, хотя они не представляли собой стройной системы и не опирались ни на какую юридическую теорию. В то же время они не вполне соответствовали тем нормам, которые регулировали положение крестьян в Германии. Характерный для немецкого права постоянный чинш, заменивший большинство старых феодальных повинностей, не заключал в себе ничего специфически немецкого. Немецкое право предполагало наличие оброчного крестьянского хозяйства. Последнее в условиях роста городов и развития товарно-денежных отношений было более выгодным для феодалов, чем прежнее крестьянское хозяйство, обремененное целой системой разнообразных повинностей польского права.

Распространение немецкого права первоначально было связано с колонизацией новых земель.

Колонизация в Польше, как и в других странах, была вызвана стремлением феодалов увеличить свои доходы и проходила сначала за счет польского крестьянства. Затем крупные земельные собственники, желая ускорить процесс корчевания и разработки новых земель, начали сами приглашать колонистов извне, из соседних стран: из Нидерландов, Германии. Дви-

¹ CDMP, т. I, № 467.

² CDMP, т. I, № 477.

жение немецких колонистов было направлено прежде всего в Щецинское поморье и Силезию. В этих районах колонизация имела наибольший успех. В Великой Польше встречаются только незначительные следы немецких колонистов, несравнимые с размерами колонизации ни в Силезии, ни в Щецинском Поморье и даже в Малой Польше. Здесь колонизация проходила в основном за счет польского, местного элемента.

Новые деревни, основанные в период колонизации неосвоенных земель, пользовались только немецким правом. В конце XIII и особенно в XIV в. наблюдается массовый перевод крестьян на немецкое право.

Основными источниками для изучения положения крестьян, сидевших на немецком праве, служат локационные договоры. Они заключались между феодальными землевладельцами, с одной стороны, и солтысом¹, или лока-тором, — с другой. Содержанием такого договора было основание новой деревни или перевод на немецкое право уже существующей, освобождение крестьян от повинностей и судопроизводства польского права, определение прав и обязанностей солтысы и колонистов. В договоре иногда устанавливался точный размер деревни, размер крестьянских наделов и льготного срока, в течение которого крестьяне не несли повинностей, но были обязаны приготовить для обработки указанную в договоре землю.

Хотя локационные договоры большей частью отражают не настоящее состояние деревни, а будущее, тем не менее они дают большой и важный материал по интересующему нас вопросу.

Прежде всего они дают возможность судить об изменении внешнего облика великопольской деревни, устроенной на немецком праве. Если деревня, пользовавшаяся обычным польским правом, включала в среднем до десяти крестьянских хозяйств (по данным буллы 1136 г.), то новые деревни, основанные на немецком праве, имели в среднем значительно большее количество крестьянских хозяйств. В этом отношении особенно интересна опись владений познанского епископа, размещенных в северной части Великой Польши, между реками Норецью и Драгой. Опись составлена в мае 1349 г. и ценна тем, что в ней перечислены уже существующие деревни². Всего в описи дано 45 названий, среди них имеется несколько городов — Накло, Калиш. Если даже мы к числу городов отнесем все селения, имеющие 100 ланов или более (таковых в описи пять), тем не менее картина земельных угодий деревень на немецком праве в Великой Польше вырисовывается достаточно отчетливо. Из сорока деревень 28 включают по 60 ланов пахотной земли, 3 деревни — по 50 ланов, 4 — по 40 ланов, остальные имеют свыше шестидесяти ланов земли. Данные настоящей описи позволяют сделать вывод, что великопольские деревни, устроенные по немецкому праву, часто включали 40—60 ланов земли. Эти данные опровергают мнение польского историка Потканского, считавшего, что великопольские деревни на немецком праве имели 20 ланов³. Правда, в описи может вызвать сомнение то обстоятельство, что не все ланы в указанных деревнях имели держателей и обрабатывались: две деревни целиком были пустые, в пяти деревнях половина ланов была пустующей, в других обрабатывались только $\frac{2}{3}$ или $\frac{4}{5}$ общего числа ланов, и только в четырнадцати деревнях все ланы имели держателей и обрабатывались. Пустующие ланы в этих деревнях, как видно, были временным явлением. Они появились, повидимому, вследствие неуро-

¹ Солтыс — локатор, осадчик, староста в деревне на немецком праве. С ним договаривался феодальный собственник земли об устройстве деревни, о наделах крестьян, о повинностях. В его руках сосредоточивалось управление деревней. В награду за его труды он получал от 2 до 6 ланов пахотной земли, освобождение от чинша, $\frac{1}{3}$ судебных штрафов и другие важные привилегии.

² CDMР, т. II, № 1284.

³ K. Potkański. O pochodzeniu wsi polskiej. Ognisko, 1903, str. 19—20.

жайного года в названной местности. Составитель описи архидьякон познанский указывает, что в местности, расположенной между Драгой и Нотецью, 1349 год был неурожайным.

Можно предполагать, что названные пустыми ланы были покинуты в результате неурожая. Возможно также, что под пустыми ланами подразумевается еще не распаханная, необработанная земля, которая также может быть заселена. Но если даже не принимать во внимание пустые ланы, то все равно размеры деревень познанского епископа значительно превышают 20 ланов и колеблются между 40 и 60 ланами.

Вместо полей различной величины, расположенных бессистемно в деревнях обычного польского права, в новых деревнях земля была размерена на правильные геометрические фигуры определенной величины.

Локационные договоры дают возможность судить о размерах крестьянского надела в деревнях на немецком праве. В договоре от 21 апреля 1282 г. указывалось, что в деревне Горка «каждый крестьянин должен иметь три голя, считая каждое по десять виргат в ширину и 15 в длину»¹. В дарственной грамоте некоего Лютольда Веленскому монастырю указывалось, что из пяти ланов три держат два брата, т. е. два крестьянина имели по одному лану земли, а два других крестьянина вместе — три лана².

В 1337 г. аббат Лендского монастыря дал в наследственное пользование один лан земли двум братьям³. Следовательно, размеры крестьянских наделов в деревнях на немецком праве колебались от $\frac{1}{2}$ лана до $1\frac{1}{2}$ —2 ланов пахотной земли. Встречались наделы и в $\frac{1}{4}$ лана.

Большая часть земли в феодальных хозяйствах была занята крестьянскими наделами, меньшая — запашкой феодала. Однако до середины XIV в. далеко не во всех великопольских деревнях имелась доменная земля и размеры ее были весьма невелики (2, 4, 6 ланов).

Распространение немецкого права, вызванное сдвигами в экономической жизни страны, сопровождалось изменением в общинной организации в польской деревне.

Вопрос о польской общине в деревнях на немецком праве до сих пор не имеет достаточно четкого решения. Известный польский историк Кутшеба считал, что «только с колонизацией приходит в Польшу понятие об общине — «гмине», до тех пор чуждое строю Польши»⁴.

По его мнению, все существующие в польской деревне до колонизации союзы были основаны «или на кровном родстве, или на отношениях зависимости», гмина же представляла собой союз свободных людей.

Этой точки зрения придерживалось большинство польских историков.

Иная точка зрения высказана в советской историографии. Академик Б. Д. Греков, сравнивая положение крестьян на польском и на немецком праве, установил, что деревни, основанные немецкими колонистами, не знали общинных отношений. Немецкий колонист «в связи с разложением общины, освобожденный у себя на родине от ее опеки и не имевший никаких побуждений воскрешать старину на новой территории», жил вне общины⁵.

Это положение Б. Д. Греков распространяет на все деревни, устроенные на немецком праве.

Таковы две кардинально расходящиеся точки зрения по вопросу об общине в деревнях на немецком праве.

¹ CDMP, т. I, № 506.

² CDMP, т. II, № 1062.

³ CDMP, т. II, № 1171.

⁴ Ст. Кутшеба. Очерки истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1907, стр. 31.

⁵ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 1. М., 1952, стр. 330.

При изучении источников о колонизации и распространении немецкого права мы приходим к заключению, что прежней общины — *ороле* — в деревне на немецком праве не было. В течение второй половины XIII и первой половины XIV в. в источниках отсутствуют упоминания о какой-либо общине на вновь основанных землях. Можно полагать, что польские колонисты, привлеченные льготами на новые земли, теряли связи с прежней общиной. Условия локационного договора требовали ответственности перед собственником земли не всей деревни в целом, а каждого отдельного крестьянина, ведущего самостоятельное хозяйство. Локационный договор исключал возвращение к старым общинным порядкам. Новая организация крестьян в новых условиях складывалась не сразу, а постепенно, по мере заселения колонистами деревни. Основой этой организации была территориальная общность крестьян, общее пастбище для скота. Все это объединяло крестьян одной деревни в союз во главе с солтысом. С середины XIV в. этот союз встречается в источниках под названием общины (*communitas*, гмина). Гмина известна как во вновь основанных деревнях, так и в переведенных на немецкое право.

Так, например, с 1356 г. настоятель Костянского монастыря Иоанн при переводе деревни на немецкое право обязал солтыса и крестьян трижды в году устраивать обед, причем община (*communitas*) должна позаботиться «о содержании нас дважды, а солтыс один раз»¹. Крестьяне деревни Рабовице должны были вносить «добровольные приношения» по 30 яиц и по 2 курицы от каждого лана и двух коз от всей общины (*duas caprinos communitas solvent*)².

Известная в великопольских деревнях община-гмина несколько отлична от польской общины-ополе. Ополе и гмина представляют два типа территориальной общины в польской деревне исследуемого периода. Ополе — более древняя территориальная община, возникшая из родовой общины. Гмина — территориальная община, возникшая в условиях дальнейшего развития производительных сил и роста товарно-денежных отношений, внутренней колонизации и распространения в стране немецкого права. Во главе гмины стоял солтыс, назначаемый феодалом. Некоторые функции общинной организации перешли к солтысу (судопроизводство, сбор податей).

Общность пастбищ и территориальная общность членов общины сохранилась и в гмине.

Однако, как уже отмечено выше, изменился принцип ответственности перед феодалом за выполнение повинностей: ополе в целом отвечало перед феодалом, в то время как для гмины характерна индивидуальная ответственность каждого члена общины, имеющего отдельное хозяйство. Гмина, несомненно, была новой формой территориальной общины, возникшей в условиях внутренней колонизации страны и перехода к новым формам ренты.

Экономическое развитие польской деревни вызвало перемены в социальном и правовом положении крестьян. В деревнях на немецком праве исчезло то разнообразие форм зависимости, которое наблюдалось в деревнях, живущих по обычному польскому праву.

Основную категорию крестьян в деревнях на немецком праве составляли кмети-чиншевики. Кметь по условиям локационного договора получал участок земли, размером в пол-лана или один лан и обрабатывал его. Если кметь не выполнял условий держания земли, то феодал имел право отобрать у него надел. В этом отношении весьма показателен договор аббата Лендского монастыря с двумя братьями Андреем и Петром. В договоре сказано,

¹ CDMP, т. III, № 1335.

² CDMP, т. III, № 1558.

что полученный братьями лан земли, расположенный у города Пыздры, вновь может отойти к монастырю, если братья просрочат уплату положенных податей¹.

Как явствует из источников, кметы могли приобретать право пользования земельными наделами путем купли. Так, аббат уже упоминавшегося Лендского монастыря в 1335 г. за определенную сумму денег (в грамоте не указано, какую) продал некоему Павлу и его наследникам право пользования ланом земли. Новый владелец обязан был выполнять те же повинности, что и его предшественники².

Возможность покупать право пользования наделом указывает на свободный переход крестьянина с одного земельного участка на другой. Свобода перехода, в свою очередь, давала большую самостоятельность, столь важную для ведения крестьянского хозяйства.

В новых деревнях выделилась категория малоземельных крестьян-загородников. Первоначально упоминания о них незначительны. В грамоте 1208 г. говорилось о деревне Райско, заселенной загородниками³. В привилее Пшемысла II от 1294 г. определялось устройство загородников Старого Калиша: «Мы определяем, чтобы каждый загородник, имеющий огород в соответствии с обычаями тевтонского права размером в шесть виргат в ширину и 30 в длину, платил нам ежегодно 4 шкойца в праздник св. Мартина, 2 шкойца на рождество и 2 на праздник Иоанна Крестителя»⁴. В 1303 г. Калишский папа-латин Николай вместе с войтовством в г. Кобылин подарил Хинчкому около города два лана земли со всеми загородниками, на его поле поселенными⁵.

Основным источником существования загородников был огород, обычно равный $\frac{1}{4}$ лана. Земельный надел загородника был далеко не достаточным, чтобы обеспечить существование его семьи. Источники дают основание предполагать, что к числу загородников относились наемные работники, используемые для работы на наделах солтысов и, может быть, эпизодически и в собственном хозяйстве феодала.

Все крестьяне при основании или переводе деревни на немецкое право получали на определенное время освобождение от повинностей, так называемую свободу (*libertas*). Льготный срок колебался от трех до шестнадцати лет и больше.

В некоторых локационных договорах, особенно при переводе уже существующей деревни на немецкое право, учитывались и старые поселенцы деревни: так, в 1296 г. колонисты деревни Мехув получили шесть лет свободы от повинностей на обработанных полях и 10 лет на необработанных⁶. В некоторых договорах учитывалось состояние почвы, например, на сухой земле колонистам деревни Бжезе в 1330 г. давалась льгота на 8 лет, а на болотистой — на 16 лет⁷.

Не всегда и везде освобождение от повинностей в период устройства деревни на немецком праве было полным. Чаще всего крестьяне в льготный срок были обязаны платить десятину в пользу церкви. Так, в 1294 г. крестьяне деревни Буковницы при переводе ее на немецкое право получили освобождение от повинностей на 10 лет, но были обязаны платить со старых полей сноповую десятину⁸.

¹ CDMP, т. II, № 1171.

² CDMP, т. II, № 1149.

³ CDMP, т. II, № 799.

⁴ CDMP, т. II, № 723.

⁵ CDMP, т. II, № 863.

⁶ CDMP, т. II, стр. 648.

⁷ CDMP, т. II, № 1170.

⁸ CDMP, т. II, № 724.

В 1297 г. крестьяне деревни Познанской церкви Любницы при переводе на немецкое право получили льготу на 5 лет при условии, что в первый год они должны были платить епископу в качестве десятины 4 гривны, во 2, 3, 4, 5-й годы — по 5 гривен¹.

Крестьяне деревни Земско в течение трех лет свободы от повинностей были обязаны платить тому же познанскому епископу десятину — 6 гривен серебра².

Крестьяне деревни Шидлово в 1346 г. получили на 12 лет освобождение от повинностей. При этом специально указывалось, что они должны вносить десятину с обработанных полей ежегодно, с необработанных — по истечении восьми лет³.

Многочисленные данные источников еще раз убедительно свидетельствуют, что наиболее жестоким эксплуататором при феодализме выступала церковь, не щадившая крестьян даже в тот период, когда они разрабатывали целину. Источники позволяют представить достаточно полную картину форм феодальной ренты в деревнях на немецком праве.

Данные локационных договоров с 1250 по 1350 г. собраны в таблицу, на основе которой наглядно можно судить о формах эксплуатации, существовавших в великопольских деревнях, переведенных или устроенных на немецком праве (см. таблицу 1).

Таблица позволяет установить, что в великопольских деревнях, пользующихся немецким правом, во второй половине XIII и первой половине XIV в. были налицо все три формы феодальной ренты: рента продуктами, денежная рента и отработочная рента.

Натуральный чинш чаще всего состоял из двенадцати мер зерна (малдрата) с лана пахотной земли. Отступления были незначительные: иногда крестьяне выплачивали 10⁴, 9⁵ мер различных сортов зерна: пшеницы, ржи, овса или ячменя.

В большинстве локационных договоров и в других источниках, касающихся положения крестьян на немецком праве, наряду с натуральным чиншем обуславливался и денежный, выражением которого, как правило, был один фертон серебра с малого лана пахотной земли ежегодно. В том случае, если крестьянин владел большим ланом (что совсем не характерно для Великой Польши), он должен был платить полгривны, т. е. два фертона. Так, крестьяне деревни Пшичина платили «с каждого франконского лана полгривны белого серебра»⁶. Крестьяне же большей части деревень Великой Польши выплачивали 12 мер различных сортов зерна и один фертон серебра. Следовательно, данные источников свидетельствуют о большом распространении денежной формы ренты в деревнях, устроенных на немецком праве. В некоторых деревнях крестьяне выплачивали только денежный чинш. Так, деревня Ежицы, переведенная на немецкое право, ежегодно, в праздник св. Мартина должна была платить в качестве чинша 2 гривны серебра князю, священнику церкви св. Адальберта — 7 гривен, войту Познани — 2 гривны, церкви св. Николая — одну гривну⁷. В данном случае речь идет только о денежном чинше, выплачиваемом всей деревней в целом (что было довольно редко).

¹ CDMP, т. II, № 762.

² CDMP, т. II, № 789.

³ CDMP, т. II, № 1255.

⁴ CDMP, т. I, № 506; т. II, № 1283.

⁵ CDMP, т. I, № 453.

⁶ Там же.

⁷ CDMP, т. II, № 684.

Таблица 1*
Повинности крестьян в деревнях, устроенных на немецком праве, во второй половине XIII и в первой половине XIV в.
(единица обложения — малый лан)

№ документа	№	Название деревни	Натуральный чинш с каждого лана в мерах				Денежный чинш с каждого лана	Десятина с каждого лана	Барщина (отрабоченная рента)
			пшеница	рожь	овес	ячмень			
296	1251	Костшин	1 модий	1 модий	1 модий			Фертон ²	
448	1272	Божково		6	6		1/2 шкойда ¹		
453	1273	Пшичина	3	3	3		Фертон Полгиривны с большого лана		
506	1282	Горка в пр. св. Мартина в пр. пасхи	3	4	3		4 шкойда за ка- ждый обед	Фертон	3 дня в год па- хать, 4-й косить траву
		В пр. рождества Хри- стова	20 янд господину, 10 янд солтосу						
563	1286	Поляново	2 пылат госпо- дину, 3-го солтосу	6	6		Фертон	2 гривны ³	
642	1290	Камень, Голденице, Неганово, Войновицы	2	6	4		Фертон		
667	1291	Козьмин (Радин)	2	4	6		Фертон		
672	1291	Вронбчин	6	6	6		Фертон		
682	1291	Зармино, Ноцово Джонек	4	4	4		Фертон		
684	1292	Ежици, Князю Свиденнику	—	—	—		Вся деревня 8 гривен 7 гривен 1 гривна 2 гривны		
690	1292	Церкви св. Николая Войту Познани Клецево	—	—	—		Фертон за обед		
			4	4	4	1 мера за пастбище свиней			

* Таблица составлена на основании документов, извлеченных из Кодекса Великой Польши (CDMP), т. I, II.

1 шкойд — 2 гроша
2 фертон — 12 грошей
3 гривна — 48 грошей

Таблица 1 (продолжение)

№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш с каждого лана в мерах				Денежный чинш с каждого лана	Десятина с каждого лана	Барщина (отрабочная рента)
			пшеница	рожь	овес	ячмень			
699	1293	Добросолово	2		6		Фергон		
727	1294	Буковница	3	3	6		Фергон		
728	1294	Галензено	4	4	4				
729	1294	Сачин и Сояков	2	6	4		Фергон		
755	1296	Моровница	4	4	4				
762	1297	Любница	2	5	5		Фергон	В 1-й год 4 гривны, во 2-й, 3-й, 4-й и 5-й — по 5 гривен 6 гривен	
789	1298	Земско	2	5	5		Фергон		
813	1299	Радостово	2	6	4		Фергон		
844	1301	Кругусув	4	4	4		Фергон		
845	1301	Янково	4	4	4		Фергон		
848	1302	Кросно, Пожегово	2	6	4		Фергон		
904	1306	Ратаи, Тулеи, Петшиково		6	6		Фергон		
913	1307	Псарске	Каждый крестьянин дает два коня во время похода за границу и одну повозку				1 гривна грошей	Фергон	
924	1309	Понед		4	4				
934	1310	Буковница	2	4	6		Фергон	Фергон	
935	1310	Келчево	4	4	4			Фергон 4 шкойца	„Поля наши в деревне Келчево каждый из них (т. е. крестьян. — В. Ф.) трижды в год долажен пахать, каждый раз по югеру“.
950	1311	Здзехова	4	4	4		Фергон	4 шкойца	

Таблица 1 (продолжение)

№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш с каждого лана в мерах				Денежный чинш с каждого лана	Десятина с каждого лана	Барщина (отрабочная рента)
			пшеница	рожь	овес	ячмень			
1029	1322	Голоково, Дедицы	2	5	5			Фертон	В течение трех дней убирать посев и один день поодиночке молотить, исполнять поручения братьев
1055	1325	Доланы	1 мера 60 снопов 3 чаша пива 5 караваев хлеба 3 телеги сена 3 телеги льна 3 бревна	1 модий 4	1 модий 4			Сноповая десятина	
1070	1326	Петрово	4	4	4		Фертон	Фертон	
1077 1104	1327 1329	Гурки Пачково	1 модий 2	1 модий 4	1 модий 4		Фертон 2 обеда или за каждый по фертону	Фертон	
1108 1124	1330 1333	Котунь Янкув	4 4	4 4	4 4			Фертон	Трижды в год наши поля пашут.
						Для похода			
1128	1334	Острув	2	4	6		6 шкойцев		
1136 1139	1334 1334	Рокитница Марквач	3	6 5	6 4		6 шкойцев	Фертон	

повозку с двумя конями стоямостью в 3 1/2 гривны, на рождество господне поросенка или 8 шкойцев, тушу мяса или фертон на пасху

Таблица 1 (продолжение)

№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш с каждого лана в мерах				Денежный чинш с каждого лана	Десятина с каждого лана	Барщина (отрабоченная рента)
			пшеница	рожь	овес	ячмень			
1152	1335	Плевиска	4	4	4		Фертон		„Пахаты наши поля как положено во всех деревнях на тевтонском праве“
1153	1335	Дембогора в пр. пасхи	2	4	4	2	Фертон		„Кметы деревни должны трижды в год нам пахать“
1168	1337	Бинково	4	4	4		Фертон		
1194	1339	Стеншево	2	5	5		Фертон	сноповая десятина	
1201	1340	Ласинец	1	4	5		5 шкойцев 2 обеда или по 3 гроша за каждый обед		
1255	1346	Шидлово					Фертон	сноповая десятина	3 дня пахать поле господина
1279	1348	Любен	2		2		Фертон по 6 грошей за каждый обед		3 дня в год пахать поле господина
1283	1349	Сарбиново	2	4	4	2	3 гроша от отогорода и фертон		3 дня в год пахать поле господина
1285	1349	Гембажево	В пр. пасхи по 12 яиц с лана, в пр. св. Петра всей деревней барана и с каждого лана по 2 курицы 2 курицы				2 фертон вместо двух обедов	16 шкойцев	

В другом договоре от 1345 г. жители деревни Щепаново по истечении четырех лет свободы от повинностей должны были с каждого лана платить три шкойца и сноповую десятину ежегодно. По истечении же восьмилетнего льготного срока крестьяне обязаны были платить фертон серебра¹.

Норма денежных платежей в первой половине XIV в., повидимому, не увеличивается по сравнению со второй половиной XIII в. Чаще всего взимался тот же один фертон серебра с лана пахотной земли. Несомненно, что денежная рента получила большое распространение в деревнях на немецком праве.

Последнее обстоятельство особенно наглядно иллюстрируется десятиной, повинностью, выполняемой в пользу церкви. Десятина в локационных договорах редко выделяется при перечислении повинностей. Обычно указывается, что повинности выполняются в качестве чинша и десятины (*pro decima et censu*).

В тех случаях, где десятина указывается отдельно, речь идет преимущественно о десятине деньгами, и только в нескольких случаях определяется сноповая десятина. Так, крестьяне деревни Сераково при переводе на немецкое право обязаны были платить фертон с лана в качестве десятины². Такой же размер десятины встречаем во многих других деревнях. Но вот крестьяне деревни Поляново должны платить в качестве десятины две гривны и при этом выплачивать натуральный и денежный чинш. «С каждого несвободного лана, — говорится в договоре, — ежегодно наши кмети обязаны платить шесть мер пшеницы, шесть мер овса и фертон серебра... свободу же им даем на одиннадцать лет, после чего две гривны серебра, называемые десятиной, пусть платят ежегодно»³. Учитывая, что эти крестьяне должны были платить натуральный и обычный денежный чинш, можно полагать, что две гривны серебра в качестве десятины выплачивала вся деревня в целом, а не отдельное крестьянское хозяйство. Крестьяне деревень Барышин, Темплево, Лангополь с каждого лана платили три солида⁴; в деревне Буковнице — один фертон⁵, в деревне Кельчево — 4 шкойца⁶.

Итак, источники дают возможность утверждать, что для великопольских деревень с немецким правом во второй половине XIII и в первой половине XIV в. характерна денежная десятина. Колебания ее размера незначительны, в основном в пределах одного фертона.

Наличие денежной десятины, а также денежного чинша в деревнях на немецком праве может служить бесспорным доказательством роста денежных отношений в Польше и проникновения их в деревню.

Кроме денежного и натурального чинша в локационных договорах нередко упоминаются различного рода «добровольные» приношения (*honorages*) феодалам. Так, крестьяне деревни Горка на пасху должны были давать с каждого лана двадцать яиц своему пану и десять яиц — солтысу, на рождество — двух куриц⁷, крестьяне деревни Доланы в праздник св. Михаила в качестве «добровольного» приношения обязаны были давать господину по три чаши пива, пять караваев хлеба, три повозки сена, столько же льна и три бревна⁸. Крестьяне деревни Плевиско по локационному договору 1335 г. обязаны были приносить феодалу в праздник св. Мартина, кроме малдрата

¹ CDMP, т. II, № 1238.

² CDMP, т. II, № 913.

³ CDMP, т. I, № 563.

⁴ CDMP, т. II, № 862.

⁵ CDMP, т. II, № 934.

⁶ CDMP, т. II, № 935.

⁷ CDMP, т. I, № 506.

⁸ CDMP, т. II, № 1055.

троякого зерна и шести шкойцев серебра с каждого лана, хорошего порося, на пасху свиную тушу, в праздник св. Петра хорошую корову и одну курицу¹.

Когда речь идет о приношении коровы или свиньи, то, очевидно, имеется в виду сбор со всей деревни в целом, а не с каждого лана в отдельности.

Кроме «добровольных» приношений крестьяне были обязаны два раза в год обеспечивать обед (*grandium*) для приезжавшего с целью судопроизводства их господина или его заместителя. Третий такой обед лежал на солтысе. Во многих случаях *honores* и *grandium* заменялись выплатой определенной суммы денег.

Л. В. Разумовская в отношении последних двух обязанностей справедливо заметила, что первая из них — приношения — соответствует подворовому и опольному видам натуральной ренты на польском праве; вторая — соответствует «известной в поселениях на польском праве обязанности давать стан феодалу во время его приезда на суд в деревню»².

Однако необходимо при этом учитывать и различие названных повинностей в деревнях на польском и немецком праве. Оно состояло в том, что на польском праве эти повинности выражались только натуральными платежами, в деревнях же на немецком праве они часто заменялись деньгами.

Немецкое право не исключало существования отработочной ренты. Уже в локационном договоре 1282 г. говорилось о том, что крестьяне деревни Горка были обязаны три дня в год пахать поле и четвертый день косить траву для своего господина³. Крестьяне деревни Келчево должны были три дня в год работать на барском поле, причем каждый крестьянин всякий раз должен обрабатывать один югер земли⁴.

В грамоте от 1325 г. наряду с натуральным и денежным чиншем указывается и трехдневная барщина крестьян деревни Доляны: «В течение трех дней со всей семьей (крестьянин обязан. — В. Ф.) убирать посевы и один день по одиночке молотить... и исполнять поручения братьев» (деревня принадлежала Лендскому монастырю. — В. Ф.)⁵. Последняя обязанность могла быть весьма обременительной для крестьян.

Локационный договор от 1335 г. обязывал крестьян деревни Плевиска пахать землю господину, «как положено во всех деревнях на тевтонском праве»⁶. Такая формула дает возможность предполагать, что барщина на немецком праве не была исключением.

Наличие отработочной ренты косвенно свидетельствует также о существовании господской запашки.

В локационных договорах обычно определялось количество ланов, оставляемых феодальным собственникам земли для себя. В двух случаях феодальная запашка определялась в четыре лана⁷, в одном — в шесть ланов⁸, в двух — в три лана⁹. Несомненно, что эта земля обрабатывалась зависимыми крестьянами.

В одном локационном договоре прямо указывалось: «Сами же мы для нужд нашего двора из названных ланов берем три, которые поручаем обра-

¹ CDMP, т. II, № 1152.

² Л. В. Разумовская. Указ. ст., стр. 279—280.

³ CDMP, т. I, № 506.

⁴ CDMP, т. II, № 935.

⁵ CDMP, т. № 1055.

⁶ CDMP, т. II, № 1152.

⁷ CDMP, т. II, № 935, 1194.

⁸ CDMP, т. II, № 757.

⁹ CDMP, т. II, № 690, 1070.

батывать нашим пахарям»¹. Под «пахарями», очевидно, подразумевались крестьяне, державшие землю от данного феодала.

Следовательно, распространение немецкого права в великопольских деревнях не привело к окончательному вытеснению отработочной ренты. Она продолжала существовать в некоторых старых деревнях, переводимых на немецкое право, и кое-где вводилась во вновь устраиваемых деревнях.

Кроме перечисленных и проанализированных повинностей, на крестьянах лежала еще воинская обязанность, выражавшаяся преимущественно в выплате определенной суммы денег, реже — в участии крестьян в военном походе.

Итак, мы рассмотрели все повинности, отягощавшие крестьян новых деревень, а также уже существующих, но переведенных на немецкое право. Анализ источников позволяет установить, что во второй половине XIII и в первой половине XIV в. в великопольских деревнях, пользовавшихся немецким правом, налицо были все три формы феодальной ренты: рента продуктами, денежная рента и отработочная. Первенствующее положение занимала рента продуктами, но денежная рента достигла значительного распространения. Отработочная рента известна только в отдельных деревнях.

Новое устройство деревни отражало установление известного порядка во взимании феодальной ренты. Единицей обложения был лан земли, чаще всего составлявший надел крестьянина. Устанавливался твердый срок взноса податей. Обычно таким днем был праздник св. Мартина. Повинности крестьян строго регламентировались и записывались в договоре.

Поэтому не приходится сомневаться, что положение крестьян, пользовавшихся немецким правом, до середины XIV в. выгодно отличалось от положения крестьян, державших землю по обычному польскому праву. Регламентация феодальной ренты, установление срока ее выполнения, господство ренты продуктами — все это было определяющим стимулом для улучшения ведения хозяйства. Увеличение удельного веса денежной ренты и изменение характера выполнения ренты продуктами (определение количества вносимых продуктов и срока их взноса) в деревнях, устроенных на немецком праве, имело в тот период прогрессивное значение, так как способствовало развитию производительных сил в стране.

Однако факт появления отработочной ренты в новых деревнях на немецком праве таил в себе весьма серьезные последствия. Увеличение числа феодальных запашек вело к усилению эксплуатации крестьян и к распространению отработочной ренты во второй половине XIV в.

* * *

Изменения в положении крестьян, происходившие в XIV в., были отражены и зафиксированы польским законодательством середины XIV в. Здесь имеются в виду известные статуты, изданные в правление Казимира III, — Вислицкий и Петраковский (Великопольский).

Новое законодательство было вызвано к жизни экономическим развитием страны. Действовавшее до середины XIV в. обычное право уже не соответствовало новым формам эксплуатации, не соответствовало сформировавшемуся в тот период централизованному Польскому государству. В связи с этим в 1347 г. в Вислице на съезде малопольских баронов был принят статут, который первоначально предназначался лишь для Малой Польши. Вскоре был издан Петраковский статут для Великой Польши.

¹ CDMP, т. II, № 690.

Статуты Казимира III отражали не только современное им положение вещей, но и устанавливали новые правила, законы. «Так как все постановления, — говорилось в Вислицком статуте, — касаются дел и событий будущих, а не прошлых, то мы хотим, чтобы все наши постановления, принятые ныне в Вислице, не смотрели в минувшее, а только на нынешние и будущие дела»¹.

Таким образом, статуты служат важным источником для характеристики положения крестьян в XIV в. (особенно во второй половине XIV в.).

В результате изучения законодательства Казимира III, а также ряда других источников устанавливаем, что основная масса польского крестьянства к середине XIV в. была уже переведена на немецкое право. В статутах известны три категории крестьян: кметы, сидевшие на государственной земле, кметы, державшие землю от феодалов, и дворовая челядь. В большинстве статей статутгов говорится о второй категории, т. е. о кметях, сидевших на земле феодалов. В одиннадцати статьях полного свода статутгов² речь идет только о зависимых кметях. В четырех статьях Великопольского статута также говорится о кметях несвободных³. Так, в статье 15-й полного свода говорится о том, что если господин деревни (*dominus ville*) и жители этой деревни (*villanes*) обвиняются в одном каком-либо преступлении, то вместе вызываются в суд. Если же только господин виновен, то на суд он вызывается один. В статье 53-й говорится об отмене обычая наследования паном имущества умершего крестьянина. В 151-й статье «дополнений» к полному своду говорится о штрафе за убийство кметя, причем одна часть его идет родственникам убитого, другая — его господину. Точно такое же содержание и 23-й статьи Великопольского статута, разница только в сумме штрафа.

В статутах есть статьи, где речь идет о свободных кметях, сидевших на государственной земле. Так, в статье 55-й определен штраф за убийство свободного кметя, причем часть его, как и в 151-й статье, идет родственникам убитого, а вторая часть — каштеляну, т. е. представителю государственной власти на местах⁴. Однако статей о свободных кметах меньше. Интересно отметить то обстоятельство, что сумма штрафа за убийство кметя зависимого и кметя свободного одинакова и составляет 10 гривен.

В статутах впервые в польском законодательстве записано право «выхода» крестьян. Этим правом пользовались все крестьяне. 69-я статья полного свода статутгов Казимира III устанавливала, что из одной деревни в другую без воли феодала могли уйти одновременно не более одного или двух кметей. И только в трех случаях могли уйти все жители деревни, а именно: 1) если господин деревни изнасилует дочь или жену своего кметя; 2) если за вину господина селяне лишаются своего имущества; 3) если кметей отлучают от церкви за вину их господина⁵.

Условия «выхода» на польском и немецком праве несколько различны. Кметь, пользовавшийся польским обычным правом, мог уйти только на рождество Христово, оставив все имущество и хорошо огородив дом.

Кметь, сидевший на немецком праве, мог уйти только в том случае, если выплатит чинш за столько лет, сколько пользовался льготой. Помимо этого, он обязательно должен был продать свой дом и хозяйство

¹ *Zwód zupełny statutów Kazimierza Wielkiego* (в дальнейшем — *Zwód zupełny*...). Wyd. A. Helcel. *Starodawne prawa polskiego pomniki*. T. I. Krakow, 1856, str. 47.

² Там же, стр. 15, 18, 53, 69, 83, 94, 134, 151, 152, 154, 158.

³ CDMP, т. II, № 1261. «Об убийстве и ранении рыцаря и кметя», «о слугах, защищающих своих господ», «о беглом кмете» и 41-я статья.

⁴ *Zwód zupełny*..., стр. 93.

⁵ Там же, стр. 101.

состоятельному кметю или полностью обработать свой надел, т. е. вспахать, засеять озимое и яровое поля. Как видно, основной принцип регламентации «выхода», записанный в статутах, имел целью сохранить крестьянское хозяйство как экономическую единицу, дававшую доход феодалу. Несомненно, что статьи статут о крестьянском «выходе» предусматривали не облегчение положения крестьян, а сохранение в неприкосновенности доходов феодалов.

В статутах также записано ограничение перехода крестьян, несомненно фактически имевшее место и раньше. Из деревни без согласия феодального собственника земли могли уйти только один или два кмети и то лишь в определенный день¹. В этом отношении статуты Казимира III были как бы первым звеном в целой цепи законов (XV, XVI и XVII вв.), направленных на полное прикрепление крестьян к земле.

Законодательство Казимира III отражало и, в известной мере, закрепляло окончательный переход к оброку или чиншу — натуральному и денежному. Оно давало некоторые права и льготы крестьянам: согласно статутам личность кметя охранялась законом; отменялось право «мертвой руки», известное во времена Польской Правды; в некоторых случаях за крестьянами признавалось право на уход всей деревни от феодала без его согласия². Эти статьи высоко расценивались буржуазными историками. В связи с этим Казимир III вошел в польскую историографию с прозвищем «король хлопов».

Даже современные польские историки до конца не изжили идеализации деятельности Казимира III.

Не имеет под собой основания, в частности, идеализация «крестьянской политики» Казимира III. Следует отметить, что законоположения Казимира III в основном фиксировали уже происшедшие в связи с ростом производительных сил сдвиги в социально-экономической жизни Польши, и приводимые мероприятия вовсе не были плодом великодушия и демократизма короля. Отражая экономическое положение крестьянства, эти законоположения служили интересам господствующего класса феодальных землевладельцев. Если учесть, что в Польше в то время хозяйство феодала было еще небольшим и почти единственный доход помещика составляли поборы с крестьян, то станет ясно, что поднять состояние самих помещиков и обеспечить государству регулярное поступление доходов можно было только путем укрепления крестьянского хозяйства и обеспечения ему необходимых для дальнейшего развития условий, что в свою очередь требовало известного улучшения экономического и правового положения крестьян.

* * *

Во второй половине XIV в. произошли дальнейшие изменения в положении польских крестьян. В используемых и вообще в известных письменных источниках наиболее полно представлены повинности крестьян. По ним в основном мы и имеем возможность судить о тех изменениях, которые произошли в положении крестьян в середине XIV в.

С середины XIV в. в Польше основная масса деревень уже была переведена на немецкое право, поэтому источники дают возможность в первую очередь судить о положении крестьян на немецком праве.

Единицей обложения попрежнему был малый, изредка большой лан земли, а днем взноса податей оставался день св. Мартина. Для наглядного представления о повинностях крестьян приводится следующая таблица.

¹ Zwód zupełny... str. 101.

² Там же, стр. 47.

Таблица 2

Повинности крестьян на немецком праве во второй половине XIV в.
(единица обложения — малый лан)

Источник	№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш в мерах				Денежный чинш	Десятина	Добровольные приношения и обеды	Барщина (отработочная рента)	
				пшеница	рожь	овес	ячмень					
CDP	117	1352	Обрвиново					10 шкойцев	10 шкойцев	Обеда два, или за каждый по фергону грошей	"3 дня в году работать на наших полях" "Трижды в год нам пашут"	
CDMP	1315	1352	Островите					9 грошей	Сноповая десятина и 1 грош в качестве десятины со льна			
CDMP	1332	1355	Вагово					8 шкойцев		На рождество — воз дров, на пасху — 20 яиц с каждого лана и воз дров; на усение богородицы — 2 курицы, воз дров, 2 обеда, за каждые 4 гроша		
CDMP	1333	1355	Пробощевце					"По окончании „свободы“ платят нам малодрат и деньги" (размер не указан — В. Ф.)				"Крестьяне обязаны пахать один день для озимого и поля этого дня обработать и засеять нашими семенами; для ярового также пахать день и равным образом засеять"

Таблица 2 (продолжение)

Источник	№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш в мерах				Денежный чинш	Десятина	Добровольные приношения и обеды	Барщина (отрабочная рента)
				пшеница	рожь	овес	ячмень				
CDMP	1335	1356	Видышево	4	4	4			6 шкойцев	Два обеда	„Дважды в год проводить пахоту своими плугами, один день жать“. Загородники весной должны собирать сено
CDMP	1348	1356	Туза					6 шкойцев	Сноповая десятина и десятина со льна	На пасху — 15 яиц каждый кметь. На успенне — 2 курицы	„Кмети должны обработать наши поля в Тузе и в Мокроносах в три приема и доводить до посева по старинному обычаю, как для самих себя“
CDP	121	1356	Либертас					8 шкойцев	6 шкойцев	Два обеда — за каждый фертон	„Четырежды в год пусть пахут наши поля“
CDMP	1353	1357	Петри Лысинино					6 шкойцев	„Сноповая десятина“	На пасху — 20 яиц, на успенне — 2 курицы. За каждый обед по 6 шкойцев в год	
CDMP	1361	1357	Тштинец	2	4*	6		6 шкойцев			

Таблица 2 (продолжение)

Источник	№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш в мерах				Денежный чинш	Десятина	Добровольные приношения и обеды	Барщина (отработочная рента)
				пшеница	рожь	овес	ячмень				
CDMP	1362	1357	Скшинки		5	5		10 грошей		На пасху — 15 яиц от каждого лана, вся деревня вместо туши мяса — 8 грошей; в пр. св. Петра вместо ба-рана — 6 грошей и одну курицу; на рождество вме-сто свиный — 8 грошей, 2 обеды или по 5 шкюйцев за каждый.	"Трижды в год господину дерев-ни пахать обяза-ны"
CDMP	1365	1357	Брахолин					Фертон	Сноповая деся-тина и десятина со льна	На пасху — 20 яиц и на успе-ние — 2 курицы. Два обеды	"3 раза в год пахать и сеять нам, как себе, и по нашему требо-ванию обязаны ра-ботать три дня в год"
CDMP	1381	1358	Выжека					Гривна с 9 шкюйцами		На рождество вместо окорока — один фертон гро-шей, на пасху — полкопы яиц; на рождество девы Марии — 2 курицы. Два обеды или за каждый фертон	"Трижды в год пахать поля"

Таблица 2 (продолжение)

Источник	№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш в мерах				Денежный чинш	Десятина	Добровольные приношения и обеды	Барщина (отработочная рента)
				пшеница	рожь	овес	ячмень				
CDMP	1384	1358	Троиново					5 шкойцев		В пр. св. Мартина вместо свиньи — 12 грошей, на пасху вместо окорока всей деревней — 8 грошей и 20 яиц с лана, в пр. Петра и Павла — барана на всей деревней и 2 жирные курицы от лана; вместо 2 обедов — 8 грошей за кажда́й	Крестьяне должны пахать один раз для ярового и три раза для озимого и один день косить
CDMP	1385	1358	Пожегово и Новая Деревня	2	4	4		5 шкойцев		На рождество вместо свиньи — 8 шкойцев и 2 курицы от кажда́го лана. На пасху вместо окорока — 8 грошей и 15 яиц от кажда́го лана	Кметы обязаны распашивать и засеивать нашими семенами в наших полях. Одну меру для ярового, другую для озимого
CDMP	1393	1358	Выскидно					8 шкойцев	Сноповая десятина		

Таблица 2 (продолжение)

Источник	№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш в мерах				Денежный чинш	Десятина	Добровольные приношения и обеды	Барщина (отрабочная рента)
				пшеница	рожь	овес	ячмень				
CDMP	1415	1360	Втурек					6 шкойцев	Сноповая десятина	За обед дважды в год — 6 шкойцев, на пасху — полкопы яиц, в успенье — 2 курицы	Четырежды в год на наших полях пахать обьязаны
CDMP	1424	1360	Невольна					6 шкойцев	Сноповая десятина	За обед дважды в год кметы должны давать 6 шкойцев грошей, на пасху — полкопы яиц и на успенье — 2 курицы от каждого лана	Четырежды в год на наших полях пахать обьязаны
CDMP	1428	1360	Черленно	4	4	4	2	Фертон		2 обода или шкойц за каждый	Четыре раза в году пахать
CDMP	1435	1360	Виннагура	2	4	4		Фертон		2 обода или Фертон за каждый	Одну меру из наших семян для зимнего времени (т. е. для озимого. — В. Ф.), другую для летнего времени (т. е. для ярового. — В. Ф.)
CDMP	1441	1360	Климанчицы					9 шкойцев грошей			без всякого вознаграждения с каждого лана должны посеять

Таблица 2 (продолжение)

Источник	№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш в мерах				Денежный чинш	Десятина	Добровольные приношения и обеды	Барщина (отрабочная рента)
				пшеницы	рожь	овес	ячмень				
CDMP	1446	1360	Новое Добро					Одна гривна	3 шкойда	Вся община в целом на паску — вместо окорока — фертон и полкопы яиц, двух куриц от каждого лана, 2 обеда — за каждый фертон — На паску — полкопы яиц, на усценье — 2 курицы, Вместо обеда дважды в год — 6 шкойцев	
CDMP	1449	1361	Шелейено					Фертон грошей	Сноповая десятина		„Четырежды в году в наших полях пахать обязаны“
CDMP	1456	1361	Тум	1 модий	1 модий	1 модий			1 фертон		
CDMP	1459	1361	Щепаново					Фертон	Сноповая десятина		
CDMP	1469	1362	Гостково	4	4	4			Фертон	2 шкойда, на паску за половину мясной туши — пять грошей, на рождество — 2 курицы. Приношения تاکе же, как делают кметы деревни Ямно	3 дня в году пахать
CDMP	1498	1363	Рембово					Фертон	Сноповая десятина		

Таблица 2 (продолжение)

Источники	№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш в мерах				Денежный чинш	Десятина	Добровольные приношения и обеды	Барщина (отрабочная рента)
				пшеница	рожь	овес	ячмень				
CDMP	1506	1363	Глогово	2	6	4	—	Фертон		На пасху — 10 яиц с каждого лана; за один окорок — 6 шкойцев со всей деревни; в пр. св. Лауренция — две курицы, на рождество — 2 курицы, два обеда или 1 фертон за каждый	„Трижды в год пахать“
CDMP	1515	1364	Воля		3+2 меры священнику	3	—	5 грошей + 2 гроша свящ.		Вместо 2 обедов — 4 гроша за каждый	3 дня в год пахать
CDMP	1516	1364	Чепув					Фертон 6 шкойцев	Сноповая десятина	2 обеда, за каждый — 6 шкойцев; на пасху — полкопы яиц, вuspенье — 2 курицы	„Четырежды в году на наших полях пахать обязаны“
CDMP	1524	1364	Попелево	5	4	5	2	Фертон		Вместо обеда — один фертон	
CDMP	1525	1364	Косово	2	4	4	4	Фертон 4 шкойца		За каждый обед — один фертон	
CDMP	1526	1364	Стемпотин							На пасху — 6 сто юкорока — 6 грошей, с каждого лана — 20 яиц, за обед 4 шкойца	
CDMP	1528	1364	Якубово								

Таблица 2 (продолжение)

Источник	№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш в мерах				Денежный чинш	Десятина	Добровольные приношения и обеды	Барщина (отрабочная рента)
				пшеница	рожь	овес	ячмень				
CDMP	1531	1364	Старчанов					Фертон; загородники по 4 гроша и по две курицы ежегодно	Фертон	На пасху — 15 яиц, в день пр. св. Петра вместо двух овец — 4 шкойца. На рождество Христова вместо свиный — фертон	
CDMP	1543	1365	Козегловы	5		5		5 шкойцев или 10 грошей		На пасху — грош и 15 яиц, в пр. св. Петра — две жирные курицы от лана, два обеда или за каждый 12 грошей	
CDMP	1551	1365	Ставки					6 шкойцев	3 шкойца	На пасху — полкопы яиц, три курицы и вмести окорока — 8 грошей; два обеда или 8 грошей за каждый	
CDMP	1558	1366	Рабоицы	3	3	3		Фертон		На пасху — полкопы яиц, две курицы от ждого лана и двух коз с общины, 2 обеда или 6 шкойцев за каждый	Трижды в год пахать обязаны

Таблица 2 (продолжение)

Источник	№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш в мерах				Денежный чинш	Десятина	Добровольные приношения и обеды	Барщина (отрабоченная рента)
				пшеница	рожь	овес	ячмень				
CDMP	1570	1367	Кобыльники					6 шкойцев		На рождество девы Марии — 2 курицы, на пасху — 20 яиц, 6 грошей за каждый обед Два обеда или по 6 шкойцев за каждый 2 курицы, 20 яиц с каждого лана; корову и свинью, 2 денара вместо обеда На пасху — полкопы яиц, 2 курицы на усенье 2 окорока или 12 шкойцев и 30 яиц на пасху; на усенье — по 2 каплуна каждый кметь, 2 курицы; 2 обеда или за каждый фертон Корову, две курицы, 10 яиц, 2 денара за обед	Один раз в год кмети пашут, засевают 3 дня в год пахать 3 дня пахать и сеять "Трижды в год пахать, один раз косить траву и убирать"
CDMP	1581	1367	Воля Лендска		12	12		6 грошей			
CDMP	1586	1367	Сулковиды	4	4	4		Фертон			
CDMP	1604	1368	Парлинек					Фертон	Сноповая десятина		
CDMP	1612	1369	Мужиново					Гривна грошей	1 фертон приходскому священнику		
CDMP	1614	1369	Козлов	4	4	2			9 грошей		

Таблица 2 (продолжение)

Источник	№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш в мерах				Денежный чинш	Десятина	Добровольные приношения и обеды	Барщина (отработочная рента)	
				пшеница	рожь	овес	ячмень					
CDMP 1615	16151369		Млодаво					10 шкойцев		Свинью, около-рог — все жители, а с каждого лана — одну курицу, 10 яиц и 1 сыр, 2 обеды или по де-нару за каждый. Вместо обеды — дважды в год по 6 шкойцев грошей, на пасху — пол-копы яиц, на ус-пенье — 2 курицы. Вместо обеды — фергон		„Четырежды в год на наших полях пахать обязаны“
CDMP 1616	16161369		Велна					6 шкойцев	Сноповая деся-тина			
CDMP 1632	16321370		Корытково и Ольджихово					Фергон	Сноповая деся-тина в поле			
CDMP 1638	16381370		Гура	2	4	4	2	Фергон		рождество — 8 шкойцев вместо свиный; на пас-ху — 15 яиц ска-жого лана и в пр. св. Петра по 2 курицы. На рождество — 8 шкойцев вместо свиный; на пас-ху — 15 яиц ска-жого лана и в пр. св. Петра по 2 курицы. Два курицы в успенье, 20 яиц на пасху, 2 обе-да или 8 грошей за каждый; на рождество Хри-стово воз дров		„Трижды в год пахать обязаны“
CDMP 1639	16391370		Козово		4	4		8 грошей				„Четыре дня в год пахать обя-заны“

Таблица 2 (продолжение)

Источник	№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш в мерах				Денежный чинш	Десятина	Добровольные приношения и обеды	Барщина (отрабочная рента)
				пшеница	рожь	овес	ячмень				
CDMP	1648	1371	Плавцы					Гривна от каждаго лана	Фертон Церкви в Тульче	В усепенье — 2 курицы, на пасху — 30 яиц, 2 обеда или 6 грошей за каждый	Барщина (отрабочная рента)
CDMP	1649	1371	Безин	2	4	4	2	Фертон	Фертон	От каждого лана по полкопы яиц, за тушу мяса — 8 шкойцев в день пасхи, на рождество дсвы Марии — 2 курицы, 2 обеда или по фертону за каждый	"3 дня в году пусть пашут нам"
CDP	132	1372	Тлуканы	2		4		"Загородники же в праздни св. Мартина по 4 гроша платить обязаны" Семь с половиной грошей	4 гроша	В день усепенья — 2 курицы, на пасху — полкопы яиц, за 2 обеда по фертону Семь с половиной грошей дважды в год за обед	Трижды в год пахать и один день косить траву
CDMP	1685	1373	Отъвека					Семь с половиной грошей	Сноповая десятина	2 курицы; в праздник св. Петра — один воз дров, в рождество — другой, на пасху — третий, 15 яиц от каждого лана, два обеда — фертон за каждый	"Пахать обязаны"
CDMP	1727	1376	Китин					10 грошей			Пахать трижды в год

Таблица 2 (продолжение)

Источник	№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш в мерах				Денежный чинш	Десятина	Добровольные приношения и обеды	Барщина (отрабочная рента)
				пшеница	рожь	овес	ячмень				
CDMP	1732/1376		Тарговиско	4	4	4			Фертон	На пасху — полкопы яиц, вмести орокока — 4 шкойда, на рождество две курицы и на рождество девы Марии — также 2 курицы, два обеда или за каждый фертон	„3 дня пасть пахнут нам“
CDMP	1742/1377		Токашево					8 грошей от каждого лана		На пасху — 15 яиц, вусень — 2 курицы, дважды в год за обед — 8 грошей	„Четыре раза пасть пахнут на наших полях и день косить траву обязаны“
CDMP	1751/1378		Новое Шелесво					6 шкойцев от лана	Снопная десятина	За 2 обеда — 2 фертона, вусень — 2 курицы, на пасху — 20 яиц	3 дня пахать должны, 4-й косить сено
CDMP	1752/1378		Жегово					Кметы погравлены от лана, загродинки по 6 шкойцев и 6 кур от каждого огорода		2 фертона — за 2 обеда, на пасху — окорок или три шкойда, 30 яиц, вместо овцы — 6 грошей; в пр. св. Петра 2 курицы	„Трижды в году пахать обязаны“
CDMP	1762/1379		Виево		6 мов диев	6 мов диев			Фертон	На рождество от каждого полулана 2 курицы, на пасху полкопы яиц, 2 обеда	2 дня в год пахать и 2 дня косить траву

Таблица 2 (продолжение)

Источник	№ документа	Год	Название деревни	Натуральный чинш в мерах				Денежный чинш	Десятина	Добровольные приношения и обеды	Барщина (отрабоченная рента)
				пшеница	рожь	овес	ячмень				
CDMP	1789/1381		Мяты					6 шкойцев	Сноповая десятина. Вместо десятины со льна пусть платят один грош	На пасху — полкопы (30) яиц, в успенье — 2 курицы, 2 обеды, по 6 шкойцев за каждый	"Трижды в год пахать в наших полях обязаны, один раз косить траву в наших лугах и убирать"
CDMP	1809/1383		Сауп		4	4		10 грошей	Фертон	На пасху — полкопы (30) яиц, на рождение де-ны Марии — 2 курицы, 2 обеды или по 2 фертона за каждый	
CDMP	1834/1385		Срудка и Сокольники	2	4	4	2		Фертон	На пасху вместе окурока — 6 грошей, 10 яиц от каждого лана, в успенье — от каждого лана 2 курицы, 2 обеды или за каждый 3 гроша	"По одной мере для озимого и по одной мере для ярового тщательно обрабатывать и засеять"
CDMP	1838/1385		Доброгосты					Фертон от каждого лана, 2 гроша за корову, 1 грош за поросенка	Сноповая десятина		
CDMP	1867/1387		Томишево					Полгряны грошей, загородники 6 грошей и по 28 яиц		На успенье — 2 курицы на пасху — 20 яиц, в день очищения Ма-рин — свинью, 2 обеды	Пахать 2 югера земли, один для ярового, другой для озимого и засеять

Как уже отмечалось, первая половина XIV в. в Польше характеризовалась господством ренты продуктами и значительным распространением денежной ренты. С середины XIV в., как видно из таблицы, все более возрастал удельный вес денежной ренты. Среди документов отмечается преобладание локационных договоров, в которых речь идет только о денежном чинше.

Размеры денежного чинша были разнообразны. В одном случае он определялся в гривну и 9 шкойцев¹, в других случаях он равнялся одной гривне², полгривне³ с каждого лана ежегодно. Так было в деревнях, где выплачивался только денежный чинш. При наличии же еще и натурального чинша денежный был равен, как правило, одному фертону и меньше. Только в одном случае известен большой денежный чинш при наличии натурального чинша. Мы имеем в виду деревню Семехово, повинности которой были определены Казимиром III в 1369 г. С каждого лана крестьяне названной деревни должны были платить в качестве чинша одну гривну и две меры овса; на пасху — по два сыра, 20 яиц и по две курицы⁴.

Интересно отметить, что деревня Семехово расположена на государственной земле и крестьяне выплачивали чинш королю, как своему непосредственному господину. Можно полагать, что повинности государственных крестьян ничем не отличались от повинностей крестьян частных земель.

Натуральный чинш попрежнему выплачивался в основном малдратом, т. е. двенадцатью мерами трех сортов зерна. Отступления были незначительны. По известным нам данным, за вторую половину XIV в. в Великой Польше только в одном случае натуральный чинш составлял больше двенадцати мер: крестьяне деревни Воля Лендска в 1367 г. платили 12 мер пшеницы и 12 мер овса с каждого лана. Денежный чинш каждого крестьянина этой деревни равнялся шести грошам⁵.

Иногда натуральный чинш выражался в восьми, шести мерах различных сортов зерна.

«Добровольные приношения», превратившиеся уже в постоянный побор, в большинстве случаев заменялись деньгами, в частности, такие поборы, как туша мяса, два окорока или два барана со всей деревни. Сбор яиц и кур производили попрежнему.

«Обед» с середины XIV в. целиком заменялся деньгами: чаще фертоном серебра, иногда шестью, пятью грошами и меньше.

Десятина во второй половине XIV в. была сноповой или денежной. Сноповая десятина сохранялась в основном в старых деревнях на польском праве, денежная десятина вводилась во вновь основанных деревнях или переведенных на немецкое право.

Старинная польская земельная подать — порадльное, — став систематическим, ежегодным побором, собиралась во второй половине XIV в. почти всегда деньгами. Во владениях рыцарских и епископских порадльное составляло 12 грошей с лана, в монастырских же владениях — 24 гроша с лана⁶. Эти данные относятся ко всей Польше. О порадльном в Великой Польше узнаем из хроники Яна из Чарнкова. В 1378 г. король Людовик Венгерский обратился через своих старост к гнезненскому архиепископу и епископам его

¹ CDMP, т. III, № 1381.

² CDMP, т. III, № 1446, 1612, 1648.

³ CDMP, т. III, № 1752, 1867.

⁴ *Materyały do dziejów robocizny w Polsce*. Wyd. St. Kutszeba. Archiwum Komisji Prawniczej, Kraków, 1911, № 3.

⁵ CDMP, т. III, № 1581.

⁶ Т. Wojciechowski. *Państwo polskie w wiekach średnich*. Poznań, 1948, стр. 225.

провинций, чтобы они не сопротивлялись чиновникам и королевским сборщикам при собирании с церковных земель порадального в размерах шести грошей с лана, по мере овса и по три меры пшеницы¹.

В 1383 г. в локационном договоре деревни Слуп также указывалось на наличие порадального².

Приведенные примеры немногочисленны, из них нельзя сделать широких обобщающих выводов о том, что сохранившаяся в деревнях на немецком праве польская земельная подать — порадальное — повсеместно вносилась деньгами, однако можно отметить, что наблюдалось стремление к денежному выражению данной повинности.

Итак, анализируя материалы о повинностях великопольских крестьян во второй половине XIV в., можно смело отметить, что преобладающее значение, как и в первой половине столетия, имеет рента продуктами, но денежная рента получает такое широкое распространение, что во второй половине XIV в. можно говорить о тенденции к вытеснению ею ренты продуктами.

Весьма важным по своим историческим последствиям является факт дальнейшего распространения отработочной ренты в деревнях на немецком праве.

Уже во второй половине XIII и в первой половине XIV в. в некоторых деревнях при переводе их на немецкое право определялись отработочные повинности в пользу собственника земли. Они обычно выражались тремя днями вспашки господского поля и одним днем сенокоса. Но упоминания о них до середины XIV в. сравнительно редки: из 47 локационных договоров Великой Польши, определявших повинности крестьян, только в девяти говорилось об отработочных повинностях³. Совсем иную картину представили источники второй половины XIV в.

Из 64 локационных документов 39 содержат определение отработочной ренты. Даже если обратить внимание на этот простой арифметический подсчет, то и он говорит о многом и прежде всего является серьезным свидетельством территориального распространения отработочной ренты в деревнях на немецком праве во второй половине XIV в. Самой распространенной формой ее были попрежнему трехдневная вспашка господского поля и косьба травы. Иногда в документе указывается, что кмети обязаны 4 раза в год пахать поле своего господина. Так, крестьяне деревни Пробошевице должны были пахать день для озимого и «засеять нашими семенами», и для ярового также пахать день и равным образом сеять⁴.

В некоторых случаях указывается, что крестьяне обязаны производить уборку урожая на поле своего господина. В этом отношении интерес представляет уже известная грамота Казимира III от 1369 г. деревне Семехово. «... Названные кмети, — говорится в грамоте, — обязаны жать и убирать (хлеб. — В. Ф.), а также вывозить ежегодно в названный грод (т. е. Чхов. — В. Ф.) один воз сена»⁵. Как видно, барщина крестьян деревни Семехово определена неточно. Можно полагать, что за такими абстрактными формулировками «жать» и «убирать» скрывается внеурочная барщина. Но такое определение отработочной ренты во второй половине XIV в. встречается редко, чаще определяется трехдневная или четырехдневная работа на господском поле. Иногда выделялись отработочные по-

¹ Kronika Jana z Czarnekowa. Warszawa, 1905, str. 78—79.

² CDMP, т. III, № 1809.

³ CDMP, т. I, № 506; т. II, № 935, 1055, 1124, 1152, 1153, 1255, 1279, 1283.

⁴ CDMP, т. III, № 1333.

⁵ St. Kutszeba. Op. cit., № 3.

винности загородников: в 1356 г. Иоани, настоятель монастыря и ректор Костянской церкви, при устройстве на немецком праве деревни Келчево установил повинности крестьян. При этом повинности загородников, в том числе и орабочные, выделены особо. «Пахоту же жители должны производить нам и нашим потомкам дважды в год своими плугами, по одному дню, считая на один раз. Загородники должны жать наш хлеб на полном своем содержании, в соответствии с правом и обычаями своей земли... Мы повелеваем также, чтобы загородники в весеннее время собирали нам сено»¹. Как явствует из источника, во время работы на господском поле загородники должны были обеспечивать себя питанием, а это не легко было сделать им — малоземельным крестьянам.

Как уже указывалось, норма орабочной ренты в большинстве случаев была сравнительно мягкой, 1—3—4 дня в году, преимущественно в страдную пору. Но в сочетании с другими повинностями это было весьма обременительно. В качестве примера возьмем повинности крестьян деревни Бежин. По локационному договору 1371 г. после четырнадцатилетнего льготного срока крестьяне с каждого лана должны были платить аббату Лендского монастыря малдрат четырех сортов зерна, а именно 2 меры пшеницы, 4 меры овса, 4 меры ржи и 2 меры ячменя, кроме того, должны были давать денежный чинш — фертон и десятину — тоже фертон². Для того чтобы заплатить денежный чинш, крестьянин вынужден был продавать часть своих продуктов на местном рынке. Чтобы собрать два фертона деньгами, надо было продать примерно полторы свиные туши (свиная туша стоила 8 шкойцев)³.

Кроме того, крестьяне делали еще к празднику «добровольные приношения» своему господину: на пасху — с каждого лана по 30 яиц, а всей деревне — тушу мяса в 8 шкойцев; на рождество — по две курицы с лана; должны были давать в год два обеда или по фертону за каждый. Ко всему этому прибавлялась еще орабочная рента: 3 дня в год пахать поле аббата. Все взятые вместе повинности, несомненно, представляли солидное бремя, ложившееся на плечи крестьян.

В итоге анализа повинностей польских крестьян отмечаем, что во второй половине XIV в. наряду со значительным распространением денежной ренты нашла широкое распространение и орабочная рента.

Но попрежнему ведущую роль играла рента продуктами. Такое соотношение различных форм феодальной ренты характерно в Польше именно для второй половины XIV в.

Объяснение этому обстоятельству находим в экономическом развитии страны в исследуемый период. Развитие производительных сил в стране привело к росту городов как центров ремесла и торговли, к увеличению роли товарного производства. Эти вопросы могут стать предметом специального исследования, но в настоящей статье их необходимо коснуться, чтобы яснее представить те сдвиги в жизни деревни, которые имели место в рассматриваемый период.

Рост городов в Польше происходил особенно усиленно в XIII—XIV вв. Основная масса городов в XIV в. возникала преимущественно на месте прежних деревень.

Деревни, расположенные на выгодном для торговли месте, постепенно становились центром скопления ремесленников. С развитием ремесла и обмена появлялся рынок. В эти деревни приходили купцы, обосновывались там.

¹ CDMР, т. III, № 1335.

² CDMР, т. III, № 1649.

³ CDMР, т. III, № 1638.

Крестьяне окрестных деревень привозили на рынок продукты сельского хозяйства. Такие деревни, где развивалось ремесло, как основная отрасль хозяйства, где был рынок, фактически превращались в города. В XIV в. известно большое число привилеев, в которых торговые деревни подобного типа получали право именоваться городами, устраивать лавки, склады для товаров, еженедельный рынок, хотя последний фактически существовал уже давно.

В Великой Польше только за вторую половину XIV в. известно одиннадцать случаев юридического оформления деревни в город. Так, в 1358 г. деревня Шлезин, принадлежавшая епископу познанскому, переименовывается в город, где устраивается трехдневный еженедельный рынок (*foget septimanale*)¹. В 1359 г. деревня Дольска переименована в город с еженедельным рынком². В том же 1359 г. деревня Пакошь (Pakość), расположенная в Куявии, владение братьев Альберта и Гектора, объявляется городом с немецким правом. В городе, согласно привилею Казимира III, устраивается еженедельный рынок «для продажи всяких вещей»³.

Заинтересованные в увеличении своих доходов феодалы способствовали росту городов. Они давали городам освобождение от пошлин, строили в городах новые лавки и рынки. Городам покровительствовала и центральная власть. Так, еще великопольский князь Пшемисл II «из соображений процветания и улучшения» города Калиша освободил от уплаты пошлин всех граждан, «приходящих через Олобок в нашу землю для поселения, а также граждан Калиша, которые со своими товарами идут по той же дороге»⁴. В 1298 г. купцы Познани были освобождены от уплаты пошлин по всей Польше⁵. В 1372 г. этот привилей вновь подтвержден королем Людовиком Венгерским⁶, а в 1373 г. такой же привилей получили калишские купцы⁷.

Все это способствовало дальнейшему развитию товарно-денежных отношений, увеличению роли товарного производства, распространению и увеличению удельного веса денежной ренты. Товарно-денежные отношения проникали в деревню.

Растущие потребности феодалов уже не могли быть удовлетворены теми видами продуктов, которые они получали по оброку. Им нужны были деньги, чтобы приобретать у горожан и иностранных купцов изделия городского ремесла, восточные товары, северные меха, итальянские шелка, французские вина. Деньги для феодального класса становились насущной потребностью.

Все возрастающий спрос на деньги у феодалов заставлял крестьянское хозяйство связываться с рынком, ибо прибавочный продукт теперь должен был отдаваться деньгами. Феодально зависимый крестьянин вез на рынок и продавал «ничтожный излишек сверх самых скудных средств существования»⁸. В то же время феодалы, хозяйство которых втягивалось в товарно-денежные отношения, источником доходов делали и свои собственные запашки.

Все чаще и чаще, особенно во второй половине XIV в., в источниках встречаются указания на наличие домениальной земли. Размеры господской запашки пока все еще невелики — 2—4 лана (30—60 га). Только как

¹ CDMP, т. III, № 1370.

² CDMP, т. III, № 1395.

³ CDMP, т. III, № 1397.

⁴ CDMP, т. I, № 81.

⁵ CDMP, т. II, № 773.

⁶ CDMP, т. III, № 1676.

⁷ CDMP, т. III, № 1690.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 241.

исключение в деревне Дембово 12 ланов из восьмидесяти отводилось под запашку владельца этой деревни¹.

Для обработки пахотного поля помещика использовались зависимые крестьяне. Об этом красочно говорят барщинные работы, упоминаемые почти в каждом локационном договоре.

Ухудшение положения великопольских крестьян было связано также с рядом стихийных бедствий, постигших Польшу во второй половине XIV в. В 1348 г. в Польше, как и в других странах Западной Европы, распространилась чума, или «черная смерть», как ее называли современники. Польский историк Ян Длугош под 1348 г. оставил следующую запись: «Большой мор распространил смертность в Польском королевстве и не только в Польше, но и в Венгрии, Чехии, Дании, Франции... Эта моровая болезнь началась в январе месяце, на шестом году правления папы Климента VI и продолжалась в течение семи месяцев, дважды возобновляясь»².

Шестидесятые годы в Польше ознаменовались голодом. У того же Длугоша под 1360 г. отмечено: «В этом году свирепствовала эпидемия... и все города, местечки и деревни королевства Польского такой понесли ущерб, что в течение шести месяцев большая часть населения всех сословий и полов была уничтожена... Некоторые местечки, деревни и поветы были в такой сильной степени охвачены этим бедствием, что превратились почти в пустыню... Это бедствие было беспрецедентным, так как большая часть населения исчезла. Города и деревни, лишённые жителей, стали пустошами. А потом на Польское королевство пал голод, страшный и губительный и продолжался с такой силой, что во многих местах едва половина людей осталась в живых»³. 1362 год вследствие непогоды и бури в период созревания зерна был опять голодным. «Новое бедствие, — пишет Длугош, — было страшным и пагубным. Хотя рожь, посеянная на зиму, с весны уродилась и буйно росла вплоть до июня и обещала землевладельцам богатый урожай, однако, когда уже в этом месяце начались сильные ветры, непогоды и бури, постоянно идущие с севера, они уничтожили рожь на корню и вытрясли зерна из колосьев, уничтожили все плоды; вместо зерна, разнесённого ветром, остались сухие и пустые колосья. Это привело к тому, что в Польше и соседних странах настал жестокий, страшный голод»⁴. Вслед за голодом — новая вспышка эпидемии. Последняя четверть XIV в. ознаменовалась новым страшным голодом, во время которого умерло большое количество населения⁵.

Может быть, в хрониках имеется некоторое преувеличение тех ужасающих бедствий, которые постигли Польшу во второй половине XIV в., тем не менее в основе описания их правдоподобны.

Нет сомнения, что «черная смерть» 1348 г., набеги татар, ряд голодных лет, неоднократные вспышки эпидемии в 60—70 годах XIV в. сыграли весьма ощутительную роль в ухудшении положения крестьянства, основного производящего и эксплуатируемого класса феодальной Польши. Феодалы в голодные годы стремились обеспечить себя за счет собственной запашки, поэтому они энергично препятствовали переходу крестьян, стремились закрепить крестьян на их наделах. Это обстоятельство способствовало увеличению отработочных повинностей.

¹ CDMP, т. III, № 1656.

² Jana Długosza kanonika krakowskiego dzieła wszystkie, t. III, kn. IX. Kraków, 1868, str. 216—217.

³ Там же, стр. 259—260.

⁴ Там же, стр. 267.

⁵ Kronika Jana z Czarnkowa (Б. м.), 1905, str. 36.

Феодалы в тот период обладали достаточной экономической и политической силой, чтобы заставить крестьян работать в своем поместье и навязать им отработочную ренту.

Расцвет фольварочного хозяйства и барщинной формы эксплуатации в Польше относится к более позднему периоду, к XVI—XVII вв., и был связан с рядом возникших в тот период предпосылок. Однако источники позволяют судить, что процесс роста помещичьего фольварочного хозяйства и начало усиления барщинной эксплуатации крестьян относятся уже ко второй половине XIV в.

* * *

Антифеодалная борьба польского крестьянства, то затихавшая, то разгоравшаяся с новой силой, прослеживается на протяжении всего исследуемого периода. Множество различного рода повинностей, служб и обязанностей, ложившихся тяжелым бременем на плечи крестьян в деревнях польского обычного права, вызывали активную борьбу. В XIII—XIV вв. в Великой Польше, как и во всей Польше, не было крупных крестьянских восстаний. В период господства оброчной формы эксплуатации и при сравнительно небольших отработочных повинностях крестьян трудно было поднять на большие восстания. «Долгая привычка к подчинению, переходившая от поколения к поколению; отвычка во многих местностях от употребления оружия; то усиливающаяся, то ослабевающая; в засимости от личности господина, жестокость эксплуатации, — все это содействовало тому, чтобы крестьяне оставались спокойными»¹.

Оппозиция феодализму проявлялась в разнообразных формах. Самой частой формой протеста было бегство крестьян от своего господина. Уже в начале XIII в. в договоре между князем великопольским Владиславом и Генрихом, князем Силезии, имеется специальный пункт о взаимном возвращении бежавших людей².

В XXVIII статье Польской Правды (середина XIII в.) записано право помещика возвращать беглых крестьян: «Если от какого-нибудь господина его собственные люди (*eugene lute*) убегут в другую землю и этот господин своего посланца со своим письмом или же известного посланца без письма к господину той другой земли посылает, то этот второй господин должен их вернуть. ...Если принадлежавшие другому человеку крепостной или девка-служанка сбегут в другую польскую землю, тогда, если кто их поймает на дороге без разрешения, тот уплатит штраф в 50 гривен. Но, если они убегут в немецкую землю или город, или в деревню, устроенную на немецком праве, тогда уплатит штраф такой, какой в этих местах в таких случаях платится. Тогда, кто туда сбежал, он должен получить через жалобу, т. е. если он жалуется согласно польскому праву, то он должен свидетельствовать сам седьмым. Если у него не хватит свидетелей, то он должен уплатить штраф 50 гривен, каждый свидетель 6 гривен, беглый же остается свободным»³.

Судя по тому, насколько подробно говорится о возвращении беглых *eugene lute*, можно заключить, что случаи бегства крепостных во второй половине XIII в. приняли широкий размах.

В 1291 г. Пшемисл II предоставил право аббату Лендского монастыря схватить приписанных к монастырю людей, если они убегут, заключить в тюрьму и оставить у себя в вечном рабстве⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 126.

² CDMP, т. I, № 95.

³ Księga prawa..., str. 32—33.

⁴ CDMP, т. II, № 673.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в Польской Правде говорится о бегстве и возвращении «собственного человека» (*eigen man*), в грамоте же Пшемысла II — о поимке и возвращении всех крестьян, приписанных монастырю. Грамота Пшемысла II свидетельствует, с одной стороны, о стирании граней между различными категориями зависимого крестьянства, а с другой — об усилении борьбы с побегами крестьян. Феодал мог не только разыскивать беглых, но и заключать их в тюрьму, обращать в вечное рабство.

Все увеличивающееся количество бежавших крестьян расстраивало хозяйство, в первую очередь церкви, так как ей принадлежало большее количество земли. В связи с бегством крестьян сокращались доходы церкви. Это обстоятельство, в свою очередь, беспокоило папу римского. Вот почему в 1233 г. папа Григорий IX специальной буллой предостерегал польских князей, чтобы они не заставляли крестьян стеречь бобров и соколов, ибо эта повинность, по его мнению, является причиной их бегства в Русскую землю и в Пруссию¹.

Беспорядочное взимание податей, иногда отсутствие срока их сбора — все это вызывало волнения крестьян. Так, в 1291 г. аббат Лендского монастыря Жерард, «побужденный волнениями жалоб» трех общин на то, что деревни названного монастыря не выполняют вместе с этими общинами повинности, обратился в княжеский суд. Пшемысл II в специальной грамоте от 12 августа 1291 г. пишет: «Поскольку различные споры часто возникают в названном монастырском владении относительно обязанностей Польского права, недостаточно ясно в старину обозначенных, мы решаем предупредить на будущее, возможность этих тягостных волнений, точным установлением повинностей»². Дальше идет перечисление повинностей. Скупые слова официального документа говорят о том, что крестьяне трех названных общин не безропотно сносили лежавшие на них тяжелые обязанности. Недовольство крестьян привело к тому, что Пшемысл II вынужден был упорядочить повинности, точно их обозначив. Очевидно, не пассивное сопротивление, а активное выступление крестьян побудило его сделать это.

В XIV в., особенно во второй половине XIV в., в связи с усилением феодального гнета наблюдается некоторая активизация антифеодальной борьбы польского крестьянства.

Самыми распространенными формами протеста крестьян и в этот период оставались бегство и жалобы. Первая форма протеста нашла отражение в законодательстве Казимира III. 134-я статья полного свода статутів Казимира III и статья «о беглом кмете» великопольского статута направлены против бегства крестьян. 134-я статья полного свода статутів предусматривает право феодала забирать себе имущество бежавшего кмета и право возвращения самого кмета. При этом господин, принявший беглого, должен заплатить феодалу, от которого бежал кмет, штраф (*piętna dziesiąt*) и вернуть ему кмета со всеми вещами, которые тот к нему принес³.

Систематическая борьба правительства с бегством крестьян на протяжении всего исследуемого нами периода свидетельствует о том, что этот вид протеста был распространенным явлением и наносил ущерб хозяйству феодалов.

Другой формой протеста были жалобы крестьян на своих господ королю или королевским чиновникам. Так, например, в 1322 г. кмети деревни Доланы подали жалобу старосте великопольскому Пшибыславу на владельца деревни аббата Лендского монастыря. В жалобе крестьяне сообщали, что

¹ CDMP, т. I, № 143.

² CDMP, т. II, № 673.

³ *Zwód zupełny...*, str. 147—148.

аббат отягощал крестьян неустановленными службами и, кроме того, отнял у них часть деревни, заселил ее немцами и запретил крестьянам ловить рыбу в реке Варте. Староста, «установив истину», нашел, что «названные кметы неправы, как потому, что они стремились освободиться от служб, которые они должны были выполнять от рождения (*a servitute eis innata*), так и потому, что их выступления противоречат общему праву на землю». И дальше: «Отняв у них всякую возможность действовать против вышеназванного монастыря и лендского аббата судебным постановлением, мы предписали им вечное молчание и сообразно с решением аббата, наложив денежный штраф (*repa rescunialia*), обрекаем названных кметей на постоянную службу»¹. Так было решено великопольским старостой дело крестьян деревни Доланы: их жалоба признана несправедливой, им предписано вечное молчание. Но крестьяне не успокоились. В 1325 г., т. е. через три года, они подали жалобу на аббата самому королю Владиславу Локотку.

Король, приняв жалобу и желая предотвратить более серьезные последствия бесчинства аббата и монастырской братии, специальной грамотой точно установил повинности жаловавшихся крестьян. Повинности нелегкие: крестьяне с каждого лана обязаны были вносить 60 снопов, модий овса, меру ржи, три части пива, пять караваев хлеба, три телеги сена и столько же льна, три бревна; в течение трех дней «они должны были убирать хлеб, один день по одиночке молотить... и исполнять поручения братьев»². При этом король подчеркнул, чтобы названные кметы «постоянно несли только эти повинности». Относительно же жалобы крестьян на то, что аббат отнял у них рыбные ловли на реке Варте, король ответил, что «аббат в достаточной степени доказал отсутствие какого-либо права у кметей ловить рыбу в Варте»³. И в конце грамоты король предписал, чтобы «никто впредь не вмешивался в жалобы кметей, но чтобы аббат, как истинный господин их, исправлял и судил по их заслугам, сообразно с тем, как это выражено в его привилегии» (очевидно, имеется в виду иммунитетная грамота, передававшая право суда в руки аббата).

Такого рода крестьянские жалобы, повидимому, были не единичны, но они не приводили к облегчению положения крестьян, поэтому крестьяне не так часто к ним прибегали.

Крестьяне оказывали сопротивление вновь вводимым повинностям. Иногда в источниках прямо говорится о том, что крестьяне должны выполнять ту или иную повинность без сопротивления. Так, например, в 1360 г. при определении повинностей крестьян деревни Климанчице прямо указывалось на то, что жители названной деревни должны работать на поле господина без всякого возражения⁴. Это требование свидетельствует о том, что крестьяне допускали «возражения», т. е. сопротивлялись введению отработочной ренты. В 1367 г. известный нам аббат Лендского монастыря в договоре с солтысом деревни Воля Лендска указывал, что «кметы названной деревни должны повиноваться нам во всем, в чем обязаны повиноваться рыцарям»⁵. Известны случаи сопротивления крестьян при сборе чинша.

Среди познанских рот (формул судебных присяг) конца XIV в. одна, относящаяся к 1389 г., гласит: «Николай ранил Влостона в его усадьбе за то, что тот не дал ему чинша»⁶. Мы не знаем, кто такие Николай и Вло-

¹ CDMP, т. II, № 1027.

² CDMP, т. II, № 1055.

³ Там же.

⁴ CDMP, т. III, № 1441.

⁵ CDMP, т. III, № 1581.

⁶ Zbiór rot przysięg sądowych poznańskich, koscińskich, kaliskich, sieradzskich z końca XIV i pierwszych lat XV w. Warszawa, 1888, str. 9.

стон, их социальное лицо тоже неизвестно. Но мы можем предполагать то, о чем прямо не сказано в роте: Влостон, повидимому, оказал сопротивление при сборе чинша, за что и был ранен. Очевидно, Николай — или сеньор Влостона или агент сеньора, а Влостон — обязанный натуральным или денежным чиншем крестьянин. Единичны ли были такие случаи? Повидимому, нет, если вышеописанный случай взят в качестве формулы судебной присяги.

Итак, несмотря на специфику сохранившихся источников (различного рода грамоты, законодательные памятники, официальные хроники), мы можем проследить повседневную антифеодальную борьбу польского крестьянства. Правда, эта борьба была неорганизованной, носила примитивные формы. Однако объективно крестьяне выступали против феодального гнета. Значение этой борьбы состоит в том, что она изнутри расшатывала в известной мере феодальную систему и подготавливала сознание народных масс для дальнейших классовых битв.

СОДЕРЖАНИЕ

С. И. Прасолов. Чехословакия в годы экономического кризиса (1930—1933)	3
Ю. А. Писарев. Из истории национально-освободительного движения в Монастырщине и Косовом Поле в 1905—1909 гг.	65
С. М. Фалькович. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Королевстве Польском в революции 1905—1907 гг.	103
<u>К. А. Копержинский.</u> Журнально-публицистическая деятельность Любена Каравелова в России	174
В. А. Матула. Из истории словацкого национального движения 40-х годов XIX в.	211
В. М. Фоменкова. Положение крестьян в Польше во второй половине XIII и XIV вв.	264

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор издательства В. Д. Вознесенский
Технический редактор С. М. Полесицкая
Корректор В. К. Гарди

РИСО АН СССР № 53—76В. Сдано в набор 13/I 1956 г. Подп. в печать 24/III 1956 г. Т-01681. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 19,5 = 26,71. Уч.-изд. лст. 28,2. Тираж 2500. Изд. № 1572. Тип. зак. 516.

Цена 18 р. 40 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21
1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

1857 Oct